ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

САЛАМАТОВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РСФСР (1918–1936 гг.): ИНСТИТУТЫ, МЕХАНИЗМЫ, ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
С. А. Красильников

Новосибирск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ... 3
Глава 1. Институционализация советских выборов. ... 95
1.1. Советские избирательные органы ... 95
1.2. Лишение избирательных прав ... 119
1.3. Избирательные собрания: принципы, порядок проведения и кассация результатов ... 188
1.4. Неравные и непрямые выборы ... 238
Глава 2. Становление механизма организации советских выборов ... 267
2.1. Высшие и центральные советские органы в избирательном процессе ... 267
2.2. Организация выборов советскими органами на региональном уровне ... 324
Глава 3. Советские электоральные практики ... 361
3.1. Избирательные цензы в советской избирательной практике ... 361
3.2. Советский избирательный процесс: реализация форм и процедур ... 407
3.3. Методы и практики установления и поддержания политической монополии большевиков ... 488
3.4. Практики кассации (отмены) выборов ... 516
Глава 4. Электоральное поведение советских избирателей. ... 538
4.1. Электоральное поведение горожан ... 538
4.2. Избирательные стратегии сельского населения ... 587
Заключение ... 623
Список использованных источников и литературы ... 638
Приложение ... 710
Список таблиц ... 728

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Советская избирательная система, просуществовавшая с 1918 по 1936 г., вызывала острые дискуссии с момента своего возникновения и до сих пор актуализирует неоднозначные суждения историков и правоведов. Восхваление ее достижений советскими обществоведами и обесценивание современными исследователями не способствуют формированию объективной оценки советского избирательного опыта. Несмотря на существенные достижения в исследовании отдельных тем, связанных с электоральной историей, концептуальной оценки раннесоветской избирательной системы не сформулировано. Прошедшее столетие с момента принятия Конституции 1918 г. обозначило потребность в научном междисциплинарном осмыслении роли выборов в легитимации власти, механизмов функционирования избирательной системы, особенностей ее институционализации, электоральных практик и стратегий.

Ретроспективный анализ раннесоветской избирательной системы, помимо научного и познавательного, имеет и политическое значение. Изучаемая тема актуальна для осмысления современной российской политической системы, находящейся в поиске эффективных механизмов устойчивого функционирования и взаимодействия власти с населением, неотъемлемой частью которого выступает институт выборов. Высокий научный и практический интерес обществоведов к выборам обусловлен исключительно значимыми функциями, которые они выполняют в политической системе. Помимо ключевых функций (легитимации власти и формирования органов государственной власти), выборы играют важную роль в осуществлении контроля над властными институтами, в аккумуляции разнообразных общественных интересов, политической социализации граждан, сопричастности граждан к принимаемым властью решениям. При этом реальная модель избирательной системы в современной России отличается от идеальных теоретических конструкций. Она характеризуется игнорированием значительной части функций выборов и недостаточно эффективной моделью взаимодействия общества с государством, отсутствием действенных механизмов учета мнения и потребностей населения, аполитичностью и пассивностью населения. Истоки формирования неэффективной модели взаимоотношений общества и власти, формализации избирательного процесса, неразвитости правового и политического

сознания граждан в современной России в немалой степени обусловлены особенностями дореволюционной и советской политической истории.

Исследование института выборов и избирательной системы имеет непосредственную проекцию и на сферу массового общественного сознания. Отсутствие значимого электорального опыта и сформировавшихся политических предпочтений у большинства советских избирателей накладывалось на жесткое подавление государством любых протестных стратегий и навязывание однопартийной избирательной модели. Это порождало имитационные формы участия в политической жизни государства и препятствовало развитию электоральной культуры. Следствием этих негативных факторов в современных реалиях стали политическая апатия, стереотипы государственного патернализма, низкий уровень рационализации электорального выбора российских избирателей.

Степень изученности темы. Изучение избирательной системы и в широком смысле электоральной проблематики 1920–1930-х гг. имеет значительную традицию как в советской, так и в современной отечественной историографии. Междисциплинарность и многоаспектность темы позволила обществоведам из различных сфер внести значимый научный вклад в ее исследование. Историографическое изучение темы включает два этапа: советский (1920–1980-е гг.) и современный (1990–2020-е гг.). В рамках советского этапа обозначим следующие периоды: 1) 1920–1930-е гг.; 2) 1940–1950-е гг.; 3) 1960–1980-е гг. Современный историографический период также проходил этап становления в 1990–1994 гг., а исследования на основе современных методологических подходов сложились в 1995–2020-е гг.

Объединяющей особенностью советской историографии стало изучение избирательной системы на основе марксистско-ленинской концепции, классового подхода к интерпретации событий и соответствующей терминологии. Первый этап советской историографии (1920–1930-е гг.) характеризовался разработкой идеологических подходов к оценке советской избирательной системы и обобщением практики проведения избирательных кампаний.

Осмысление советской избирательной системы в 1920-е гг. было обусловлено практической потребностью в аргументированной доктрине как для использования в агитационных материалах, так и для подготовки партийных и советских работников на различных курсах и в институтах. Ключевые постулаты оценки советской

избирательной системы сформулированы основателем Советского государства В. И. Лениным в статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (ноябрь 1918 г.). Работа, ставшая впоследствии хрестоматийной, была написана в качестве жесткого и эмоционального ответа на брошюру германского социал-демократа Карла Каутского «Диктатура пролетариата» (август 1918 г.). К. Каутский в «Диктатуре пролетариата» обвинял большевиков в искажении марксизма, отказе от всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права с целью ликвидации многопартийности и насаждения диктатуры одной партии[1].

Аргументы Ленина о противопоставлении буржуазной и «подлинной советской» демократии, «включающей в Советы огромные массы эксплуатируемого и трудящегося населения»[2], о вынужденном характере введения меры по ограничению прав буржуазии, введенной в силу оказываемого сопротивления эксплуататоров, и невозможности наделения бывших угнетателей гражданскими правами наравне с трудящимися[3] стали каноническими. В дальнейшем они разрабатывались на фактологическом материале и популяризировались советскими правоведами и историками до конца 1980-х гг. Усилия советских обществоведов были направлены на доказательство преимуществ советской избирательной системы по сравнению с буржуазными, несмотря на отказ от прямого, равного, всеобщего, тайного избирательного права.

Наиболее значительный вклад в разработку доктрины советского избирательного права в 1920-е гг. внесли С. М. Бродович, Г. С. Гурвич, Д. А. Магеровский, Г. С. Михайлов, Е. Б. Пашуканис и П. И. Стучка. Работы советских правоведов строились на противопоставлении достоинств советской избирательной системы и изъянов буржуазных систем, ее уникальности и полном разрыве с имперскими традициями. Доказывая преимущество советской избирательной системы, советские правоведы использовали несколько основных аргументов. В первую очередь, вслед за Лениным, советские правоведы обосновывали мнимость универсальности всеобщего избирательного права, доказывая, что буржуазное право допускало более многочисленные изъятия из принципа всеобщности, чем советское.

---

[1] Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. М., 2002. С. 39.

[2] Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 37. С. 257.

[3] Там же. С. 287.

Наибольшее значение для формирования и утверждения ленинской парадигмы в советском правоведении имела концепция П. И. Стучки. Анализ его работ показывает, что уже к началу 1920-х гг. его идеи о превосходстве советской избирательной системы представляли вполне сложившиеся теоретические конструкции[4]. Исходя из противопоставления советской и буржуазной избирательных систем, П. И. Стучка занимал радикальную позицию относительно их классовости[5]. Петр Стучка не рассматривал ситуацию, при которой буржуазию возможно было бы наделить представительством в Советах. Эту позицию разделял и Е. Б. Пашуканис, нередко полемизировавший со Стучкой по различным вопросам на страницах правовых журналов 1920-х гг.[6] Критикуя Карла Каутского за «типично буржуазную формально-юридическую точку зрения» в вопросе о сущности Советского государства, Е. Пашуканис жестко отстаивает «строго классовое советское избирательное право»[7].

Наиболее проработанной доктрина советского избирательного права была в трудах профессора С. М. Бродович. Как и другие советские правоведы, София Бродович доказывала преимущество советской избирательной системы перед буржуазными. Автор на основе широкого сравнительно-правового анализа показывает, что буржуазное право допускает более многочисленные изъятия из принципа всеобщности, чем советское (высокий возрастной ценз, оседлость, устранение от голосования женщин, военнослужащих, иностранцев). С. М. Бродович (в отличие от радикальной позиции П. И. Стучки) считает применение трудового и политического цензов в советском избирательном праве мерой временной и «целесообразным средством защиты чисто классового характера пролетарских органов власти»[8].

В работах советских правоведов критиковались и другие изъяны буржуазного избирательного права. Оспаривалась реальность существования прямого и равного избирательного права, отвергался буржуазный принцип формального равенства при распределении мандатов депутатов[9]. Введение производственного принципа проведения выборов, напротив, преподносилось как «новый шаг в развитии демократии» и обосновывалось принципиально разным базисом буржуазного и советского

---

[4] Стучка П. И. Конституция Гражданской войны // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата: сб. ст. М., 1919. С. 250–272.

[5] Стучка П. И. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. Л., 1927. С. 170.

[6] Пашуканис Е. Б. Новейшие откровения К. Каутского // Революция права. 1929. № 1. С. 15–41.

[7] Там же. С. 36.

[8] Бродович С. Основные элементы советской избирательной системы // Власть Советов. 1923. № 4. С. 42.

[9] Гурвич Г. С. Основы советской Конституции. М.-Л., 1929. С. 158.

избирательного права (индивидуальным и коллективным). Существенным аргументом в пользу советской избирательной системы С. М. Бродович, П. И. Стучка, Г. С. Гурвич считали и характер взаимодействия депутатов с избирателями (императивный мандат, короткий срок действия мандата депутата, постоянные отчеты депутатов перед избирателями, работа депутатов на неосвобожденной основе)[10]. В целом советские правоведы преподносят советскую избирательную систему как принципиально новую ступень развития демократии. Эволюция избирательного права им видится как «исторический путь от избирательного права, ограниченного имущественным цензом, через формально всеобщее к избирательному праву, базирующемуся на трудовом цензе»[11].

Также советские правоведы внесли значительный вклад в изучение советского избирательного законодательства и практики его реализации, фиксируя нарушения в реализации норм избирательного законодательства на местах[12]. Их работы 1920-х гг. отличались обстоятельностью анализа, в них широко применялись методы сравнительного правоведения. Многочисленные ссылки на издания ведущих зарубежных ученых свидетельствовали о широкой эрудиции авторов и о том, что советская юридическая мысль развивалась в информационной взаимосвязи с мировой. Безусловно, ценными для современных исследователей являются оценки правоведов относительно развития советского избирательного права и практики его реализации[13].

В 1920-е – начале 1930-х гг. избирательные кампании становятся объектом пристального внимания в среде советских практических работников, что выразилось в появлении работ, посвященных анализу новелл избирательного законодательства и обобщению практики его реализации. Авторами большинства из них были руководители и сотрудники Наркомата внутренних дел (далее – НКВД), Центральной избирательной комиссии СССР и Всероссийской центральной избирательной комиссии. Например, М. Ф. Владимирский –заместитель наркома внутренних дел, Я. В. Полуян и А. С. Киселев – председатели в разные годы Всероссийской центральной избирательной

---

[10] Бродович С. Основные элементы советской ... С. 35–70; Бродович С. М. Советское избирательное право. Л., 1925; Стучка П. И. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. Л., 1927; Гурвич Г. С. Основы советской Конституции …; Бродович С. губернские съезды Советов и губисполкомы. М., 1928.

[11] Магеровский Д. А. Государственная власть и государственный аппарат. М., 1924; Михайлов Г. С. Советское представительство и избирательное право // Власть Советов. 1922. № 4–6. С. 17.

[12] Бродович С. М. Советское избирательное право … 1925.

[13] Подробнее о доктрине советского избирательного права в трудах советских правоведов см.: Саламатова М. С. Советские правоведы об избирательном праве (1920-е г.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4. С. 96–106.

комиссии, П. Ф. Зайцев – ответственный секретарь Центризбиркома СССР. Они лучше других разбирались в изменениях в избирательном законодательстве и принимали участие в составлении инструкций и внесении в них принятых поправок[14].

Большой пласт эмпирических публикаций принадлежал практическим работникам центральных и региональных советских и партийных органов. Своего рода дискуссионной площадкой по вопросам организации избирательных кампаний становится журнал «Власть Советов» (с 1924 года официальный печатный орган Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – далее ВЦИК), в нем оперативно публиковались материалы о возникающих проблемах, открыто обсуждались различные мнения центральных и местных советских работников. Авторы журнала – преимущественно практические работники краевых и губернских исполкомов (инструкторы, руководители отделов и управлений). В статьях обсуждались вопросы, возникающие в процессе организации и проведения избирательных кампаний.

В журналах «Советское строительство», «Большевик», «Еженедельник советской юстиции» также публиковались статьи по избирательной проблематике работников центральных советских и партийных органов. Но их отличали большая директивность, отсутствие дискуссионного характера, в ряде работ конкретизировалась доктрина советского избирательного права[15]. Публикации в журнале «Большевик» в первую очередь были направлены на разъяснение изменений в позиции партийных органов в отношении избирательного законодательства, классовой политики, границ сотрудничества с непролетарскими слоями (например, в статьях Н. И. Бухарина, В. А. Карпинского, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова)[16].

---

[14] Например, см.: Владимирский М. Ф. Организация Советской власти на местах. М., 1921; Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. Вып. I. Исполкомы. М., 1920; Киселев А. Как избирать в Советы. М., 1927; Зайцев П. Кого и почему советская власть лишает избирательных прав. М., 1930; Лаговиер Н. Перевыборы Советов и революционная законность. М., 1930; Яковлев Я. Классовая борьба в деревне в связи с перевыборами в Советы. М., 1927.

[15] Зайцев П. Кодификация избирательного законодательства // Советское строительство. 1930. № 6. С. 2–4; Зайцев П. Об избирательной инструкции ЦИК СССР // Советское строительство. 1934. № 11. С. 8–9; Зекцер М. Классовая борьба и перевыборы Советов // Советское строительство. 1931. № 2. С. 31–44; Иванов Ф. Закон о выборах в Советы // Советское строительство. 1926. № 9. С. 18–34; Иванов Ф. Всесоюзная инструкция о выборах в Советы // Власть Советов. 1926. № 42. С. 1–4; Шостак Г. Советское избирательное право // Советское государство. 1934. № 4. С. 30–50.

[16] Например: Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925. № 9–10. С. 3–15; Боговой И. Перевыборы Советов в деревне и расширение демократии // Большевик. 1926. № 9–10. С. 38–44; Карпинский В. Новое течение в нашей политике (к вопросу о расширении круга избирателей) // Большевик.

Содержательно данные работы носили агитационно-пропагандистский, преимущественно описательный характер, не отличались высоким уровнем обобщений. При этом ценность их очевидна: они написаны в ходе и по итогам избирательных кампаний и содержат не только оценочный, но и конкретный, эмпирический материал. В них рассматриваются проблемы, возникающие в ходе проведения выборов: при лишении и восстановлении в правах, проведении избирательных собраний, нарушении избирательного законодательства, подведении итогов и отмене выборов, при отзыве депутатов и т. д. Публикации в журналах – это не только первые историографические отклики на выборы, но и ценный источник для изучения избирательных кампаний[17].

Трансформация политической ситуации в 1930-е гг. привела к качественному изменению в публикациях: стали преобладать пропагандистские клише, априорные утверждения и ссылки на классиков марксизма-ленинизма[18]. Во второй половине 1930-х гг. происходит угасание интереса к проблемам избирательного законодательства и практики его реализации, превалирует догматический подход к оценке выборов и советского избирательного права. После принятия Конституции 1936 г., введения всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права работы исследователей приобретают апологетический характер.

В рамках второго периода советской историографии (1940–1950-е гг.) усилились официозно-догматические тенденции. Советская избирательная система, введенная Конституцией 1936 г., рассматривалась как торжество советской демократии, а существовавшие до нее – первый этап, позволивший сформировать и укрепить основы Советского государства. Публикации преимущественно носили обзорный пропагандистский характер.

В послевоенный период авторы возвращаются к вопросам изучения доктрины советского избирательного права. С. Л. Ронин и Д. А. Чугаев обращаются к сюжетам разработки советских конституций, изучают работу комиссий над проектами конституций, роль советских вождей в этом процессе (в первую очередь И. Сталина),

---

1926. № 13. С. 23–44; Каганович Л. Политические задачи кампании перевыборов в Советы // Большевик. 1928. № 19. С. 8–23; Молотов В. Перевыборы и перестройка Советов // Большевик. 1931. № 3. С. 10–26.

[17] Подробнее, см.: Саламатова М. С. Журнал «Власть Советов» – источник для изучения избирательных кампаний 1920–1930-х гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. С. 52–57.

[18] Например: Демократия буржуазная и демократия советская // Власть Советов. 1936. № 13. С. 7–8; Шостак Г. Советское всеобщее избирательное право // Власть Советов. 1936. № 16. С. 12–14; Балахонов С. Новый этап советской демократии // Власть Советов.1936. № 20. С. 15–17. Лужин А. Активность избирателей и лишение избирательных прав на выборах Советов в 1925–1931 гг. // Советское государство. 1934. № 6. С. 38–43; Шостак Г. Советское избирательное право ... С. 30–50.

выявляют отличительные особенности советских и буржуазных избирательных систем[19]. Авторы не выходят за пределы хрестоматийных подходов о превосходстве советской избирательной системы над буржуазными и необходимости избирательных цензов, неравного и непрямого представительства для победы над «классовым врагом»[20].

Третий период советской историографии (1960–1980-е гг.) был весьма плодотворным для исследования избирательной проблематики, существенно увеличилось число изучаемых сюжетов. На рубеже 1950–1960-х гг. происходит отход от пропагандистских штампов и начинается собственно научное осмысление советской избирательной системы, эволюции избирательного законодательства, совершенствование доктрины советского избирательного права[21].

Правоведы в рамках изучения первых советских Конституций, особенностей советского избирательного права и становления системы советских органов государства проводят ряд фундаментальных исследований. В трудах П. Г. Василенкова, Т. Д. Зражевской, А. И. Кима, В. Ф. Котка и других исследователей анализируются особенности формирования советской избирательной системы, применения избирательных цензов, реализации императивного мандата[22]. Наиболее глубокую разработку доктрина советского избирательного права получила в трудах советского юриста А. И. Кима. Он провел доктринальный анализ принципов, источников, структуры и субъектного состава советского избирательного права, правовых форм организации выборов, соотношения избирательного права и избирательной системы, определив ключевые отличия как от дореволюционного, так и от зарубежного «буржуазного» избирательного права[23]. Обращаясь к анализу советского избирательного права 1920-1930-х гг., А. И. Ким определяет особенности его эволюции, проблемы

---

[19] Ронин С. Л. Первая Советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.). М., 1948; Ронин С. Л. К истории разработки, утверждения и развития сталинской Конституции. М., 1951; Чугаев Д. Первая Конституция Советского государства. М., 1949.

[20] Ронин С. Л. Первая Советская Конституция …; Чугаев Д. Указ. соч.

[21] Василенков П. Г. Избирательная система СССР. М., 1956; Василенков П. Г. Выборы советских представительных органов. М., 1966; Филимонов В. Г. Первая советская Конституция. М., 1960.

[22] Филимонов В. Г. Указ. соч.; Василенков П. Г. Избирательная система …; Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; Портнов В. П., Славин М. М. Этапы развития советской Конституции. М., 1982; Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1980; Ким А. И. Советское избирательное право. Вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения. М., 1965; Зражевская Т. Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980; Коток В. Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве. Императивный мандат. М., 1967.

[23] Ким А. И. Теория советского избирательного права и применение избирательного законодательства при формировании представительных органов власти в СССР: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 1965.

реализации «материальной» составляющей права, рассматривает его как «первоначальную необходимую стадию становления социалистического государственного права» и «переходный этап к подлинному народовластию в СССР, состоявшийся в 1936 году»[24].

В фундаментальном исследовании А. И. Лепешкина, посвященном формированию системы советских государственных органов, впервые в отечественном государствоведении детально анализируются эволюция избирательного законодательства и особенности его реализации. Особое внимание уделяется нормам представительства, формированию избирательных комиссий, составам Советов и съездов различных уровней, функционированию советских органов. Советский государствовед признавал многочисленные нарушения в реализации избирательного законодательства и при формировании Советов, особенно на первоначальном этапе. Он приводил множество колоритных примеров основания лишения или предоставления прав отдельным категориям избирателей, установления норм представительства, значительно расходившихся с закрепленными нормами, но считал их закономерными, оправдывая послереволюционной ситуацией и «обострением классовой борьбы»[25].

Одним из ключевых направлений исследований в 1970–1980-е гг. стало изучение истории создания советских Конституций. О. И. Чистяков реконструировал историю создания первой советской Конституции 1918 г., проанализировал работу комиссии по ее созданию, развил советскую конституционную модель применительно к системе избирательного права. Ограничение прав представителей «эксплуататорских классов» и преимущество в нормах представительства пролетариата на выборах обосновывал временностью мер и необходимостью «защиты завоеваний социалистической революции»[26]. В работах советских государствоведов В. П. Портнова и М. М. Славина избирательная система анализировалась в рамках становления советского конституционного строительства. Введение ограничительных мер избирательного права для непролетарских слоев обосновывалось советскими традициями, возникшими до прихода большевиков, и целесообразностью революционного периода[27].

---

[24] Ким А. И. Советское избирательное право … С. 49.

[25] Лепешкин А. И. Советы — власть трудящихся 1917–1936 гг. М., 1966. С. 202–462.

[26] Чистяков О. И. Конституция РСФСР ... С. 78–80.

[27] Портнов В. П., Славин М. М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России 1917–1920 гг. М., 1987; Портнов В. П., Славин М. М. Этапы развития советской ...

Диссертационные исследования также развивали идеи о превосходстве социалистической избирательной системы, а различные ограничения рассматривались как неизбежные и временные меры[28].

В целом, несмотря на определенные достижения в исследовании сущностных особенностей и эволюции советской избирательной системы, методологическая ограниченность классовой марксистской парадигмы не позволила советским правоведам и государствоведам объективно оценить раннесоветскую избирательную систему. Их оценки в 1980-е гг. не отличались от позиций первых правоведов 1920-х гг., доказывающих превосходство социалистической над капиталистической избирательной системой, а все нарушения и ограничения оправдывались «революционной целесообразностью».

В исторических исследованиях в 1960–1980-е гг. сюжеты, связанные с выборами, изучались в рамках следующих основных тем: первые избирательные кампании после прихода к власти большевиков; выборы как часть деятельности городских и сельских Советов; руководство партийных органов советским строительством (в том числе выборами). Отдельные аспекты избирательных кампаний (противоборство различных социальных слоев на выборах) рассматривались в исследованиях, посвященных классовой борьбе и ликвидации «эксплуататорских классов»[29].

Сложности проведения первых избирательных кампаний в городах и деревне, особенности перехода от ревкомов к Советам, формирование Советов и исполкомов рассматривались в работах В. Т. Агалакова, Е. Я. Андреенко, В. М. Андреева, Е. Г. Гимпельсона, А. Л. Литвина, И. М. Разгона, В. И. Шишкина и др. Исследователи реконструировали ход первых избирательных кампаний в Советы как на уровне советской республики, так и отдельных регионов, процесс формирования и динамику изменения составов избранных Советов. А также установили отсутствие единого порядка выборов, норм представительства и круга избирателей в городские и сельские

---

[28] Пряхин М. Г. Ленинские идеи о выборах и избирательном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1973; Яцечко В. И. Зарождение и становление государственно-правовых форм организации Советов как органов народного представительства в СССР: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1979.

[29] Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне. Томск, 1969; Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987; Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е – начало 30-х гг. М., 1978; Морозов Л. Ф. Вытеснение капиталистических элементов города в 1926–1929 гг. в СССР. М., 1960; Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1925 гг.). Л., 1969. Ч. 2.

Советы, наличие значительных региональных особенностей избирательного процесса[30]. В работах В. И. Шишкина, Е. Г. Гимпельсона, И. М. Разгона показана острая политическая борьба, развернувшаяся в ходе первых избирательных кампаний, и способы борьбы большевиков с оппозицией[31].

Основательный анализ выборов 1920–1930-х гг. проведен в работах, посвященных деятельности городских и сельских Советов и партийному руководству советским строительством. В большинстве таких работ присутствовал раздел о формировании Советов и съездов, в котором раскрывались особенности организации и проведения избирательных кампаний в городские и сельские Советы. В некоторых случаях анализировались составы избирательных комиссий, причины изменения партийной позиции, способы реализации советскими органами партийных решений, анализ сформированных составов Советов.

В публикациях о деятельности сельских Советов, партийном руководстве сельскими Советами и классовой борьбе в деревне рассматривался широкий спектр вопросов: организация и проведение избирательных кампаний в сельские Советы, участие в них различных социальных слоев в деревне, классовая борьба на выборах, противодействие участию кулаков в избирательных кампаниях. Эти сюжеты освещались в исследованиях А. В. Гагарина, Л. И. Боженко, Н. Я. Гущина, В. П. Данилова, Ю. С. Кукушкина, Н. А. Ивницкого, Ю. В. Куперта и др. Так, в диссертационном исследовании и монографии Ю. С. Кукушкина раскрывалась реализация партийных решений в ходе избирательных кампаний в сельские Советы на различных этапах советского строительства: от перехода к нэпу до «широкой социалистической

---

[30] Агалаков В. Т. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири, 1919–1921 гг., Иркутск, 1958; Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917–1918). Новосибирск, 1978; Андреенко Е. Я. Партия большевиков и Советы в первые месяцы диктатуры пролетариата (на материалах Центральной России). Ростов н/Д, 1975;

Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г. – июль 1918 г.). М., 1958; Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и Гражданской войны. М., 1968; Андреев В. М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны. М., 1981; Литвин А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны. Казань, 1972; Разгон И. М. Политические партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // 60 лет Великого Октября. Томск, 1979; Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 гг.). Новосибирск, 1985; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 гг.). Новосибирск, 1978.

[31] Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов …; Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции …; Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне …; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ...

реконструкции»[32]. Ученый положительно оценивал итоги партийной политики в деревне, «несмотря на огромное противодействие со стороны капиталистических элементов». Он пришел к выводам об «успешной советизации деревни» в первой половине 1920-х гг., «значительном укреплении позиций партии в деревне в ходе выборов» во время кампании «оживления Советов» и о «решительном отпоре беднейшего крестьянства мелкобуржуазным элементам в ходе избирательных кампаний»[33].

Многие исследователи, изучая особенности деятельности сельских Советов и выборов, проводили анализ на более локальном территориальном уровне. А. В. Гагарин, В. П. Гришанов, И. Е. Плотников, В. М. Куликов, В. А. Швечикова и другие авторы изучали деятельность сельских Советов и партийное руководство ими на примере Урала и Сибири[34]. Аналогичные исследования проводились и в других регионах страны.

Примером фундаментального подхода к указанным сюжетам является работа Ю. В. Куперта. В его монографии проведен подробный анализ выборов второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг., форм массовой работы, участия различных слоев, а также детальный сравнительный анализ составов сельских Советов в Сибири. Автор показывает сложные социальные процессы в сибирской деревне, многочисленные нарушения при проведении выборов в составы сельских Советов, однако общие выводы не выходят за пределы стереотипной оценки в рамках классовой доктрины и «направляющей роли» партийного руководства деятельностью Советами[35].

В работах ведущих советских крестьяноведов Н. А. Ивницкого, В. П. Данилова, Н. Я. Гущина рассматриваются социальные процессы в деревне после революции, социальное расслоение «доколхозной» деревни, проявления классовых противоречий

---

[32] Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне 1921–1932 гг. (по материалам РСФСР): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1967; Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968.

[33] Там же.

[34] Гагарин А. В. Укрепление сельских Советов Западной Сибири в конце восстановительного периода (1924–1926 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1963; Гришанов В. П. Борьба партийных организаций Урала за политическое укрепление сельских Советов в начальный период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1929 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1978; Плотников И. Е. Выборы в сельские Советы на Урале в 1928–1929 гг. // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917–1967 гг.). Свердловск, 1967; Куликов В. М. Борьба партийных организаций за социалистическую индустриализацию и подготовку коллективизации сельского хозяйства Урала (1926–1929 гг.) // Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974; Швечикова В. А. Деятельность партийных организаций Урала по организационно-политическому укреплению органов диктатуры пролетариата в деревне в условиях подготовки сплошной коллективизации и обострения классовой борьбы (1928–1929 гг.) // Классовая борьба на Урале (1917–1932 гг.). Свердловск, 1974.

[35] Куперт Ю. В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. (1926–1937 гг.). Томск, 1982.

«накануне коллективизации» в ходе выборов и деятельности сельских Советов[36]. Развернувшиеся дискуссии о методах классификации различных социальных групп крестьянства и показателях для оценки экономической состоятельности содержали ценные наблюдения исследователей за социальным состоянием деревни в 1920-е гг., сохранившие актуальность по сей день[37]. Несмотря на несомненную ценность работ, основные выводы не выходили за пределы идеологизированной оценки социального расслоения крестьянства, «контрреволюционной деятельности кулачества», обострения «классовой борьбы» на выборах и «сплошной коллективизации как закономерного этапа социалистического преобразования деревни»[38]. Также отметим, что в работах советских историков значительно преувеличивались масштабы «классовой борьбы» в деревне накануне и в период «сплошной коллективизации» в подтверждение доминирующей «классовой» концепции, затем эти позиции были пересмотрены[39].

Значительный вклад в изучение деятельности городских Советов, выборов как способа их формирования внесли историки Н. М. Алещенко, В. П. Андреев, Г. С. Еськов, А. Ф. Калинин[40]. Материалы архивов и периодической печати позволили авторам расширить представления о принятии решений, связанных с «оживлением Советов», форсированной индустриализацией и коллективизацией. Обозначить роль партийных и советских организаций в проведении выборов, реализации политических решений городскими Советами и исполкомами. При этом следует признать, что анализ проблем проведения выборов, функционирования представительных и исполнительных советских органов, истинных причин принятия политических решений был поверхностным. Острые вопросы не поднимались,

---

[36] Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972; Гущин Н. Я. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972.

[37] Боженко Л. И. Указ. соч.; Гущин Н. Я. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества…; Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура…; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Ивницкий Н. А. Указ. соч.

[38] Боженко Л. И. Указ. соч. С. 160–161; Гущин Н. Я. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества … С. 224.

[39] Боженко Л. И. Указ. соч.; Гущин Н. Я. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества…

[40] Алещенко Н. М. Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976; Андреев В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990; Калинин А. Ф. Повышение роли Советов в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства (на материалах Ленинграда). Л., 1976; Еськов Г. С. Укрепление политической основы Советского государства: период построения социализма. М., 1983.

большинство выводов были стереотипными, жестко соответствующими утвержденной марксистско-ленинской догматике.

В фундаментальных исследованиях Н. М. Алещенко и А. Ф. Калинина на конкретно-историческом материале рассматривается ход избирательных кампаний 1920–1930-х гг. в городские Советы Москвы и Ленинграда. Поднимаются вопросы организации и проведения выборов советскими и партийными органами, совершенствования форм и методов организационной работы[41]. Однако выводы о выборах в два крупнейших городских Совета страны как об «убедительном примере советской демократии» при «решительном отпоре чуждым классовым элементам», об «укреплении руководящего влияния Коммунистической партии на рабочий класс» не раскрывают реальных проблем и противоречий на выборах[42].

Одним из ключевых направлений исследований 1960–1980-х гг. стало партийное руководство деятельностью Советов и выборов в советские представительные органы. Так, Г. С. Еськов значительное внимание уделяет вопросам разработки практических задач советского строительства при проведении выборов, кадровой политике партии, совершенствованию механизма партийного руководства Советами, участию женщин, молодежи в массовой работе и т. д.[43] При этом большинство выводов исследователя о «глубокой демократизации избирательной системы» в 1930-е гг., избирательных кампаниях «как важнейшем звене сплоченности трудящихся в реализации поставленных Коммунистической партией задач»[44] не являются обоснованными. Зачастую автор ограничивается цитатами из решений партийных конференций и съездов, пытаясь раскрыть на историческом материале выполнение партийных директив по выборам, показать «улучшение» или «ухудшение» социального состава городских и сельских Советов, «мобилизующее значение» избирательных кампаний для выполнения хозяйственных задач.

Отметим вклад в разработку избирательной проблематики В. П. Андреева. В его работах проанализированы основные этапы формирования механизма организации избирательной кампании в горсоветы, роль партийных и советских органов, особенности агитационной кампании. Дана интерпретация принятия основных

---

[41] Алещенко Н. М. Указ. соч.; Калинин А. Ф. Повышение роли Советов в период завершения социалистической реконструкции …; Калинин А. Ф. Советы Ленинграда в борьбе за социализм. М., 1983.

[42] Алещенко Н. М. Указ. соч. С. 350.

[43] Еськов Г. С. Указ. соч. С. 9–100.

[44] Там же. С.100–101.

партийных решений по массовой кассации выборов, «оживлению Советов», по мобилизационным кампаниям конца 1920-х – начала 1930-х гг.[45] Хотя большинство оценок не выходят за пределы «классовой» интерпретации, в монографии В. П. Андреева, изданной в 1990 г., пересмотрены некоторые подходы и стереотипные оценки. Автор приходит к выводу о подмене партийными органами советских, номинальном значении горсоветов в системе управления, в том числе в ходе проведения избирательных кампаний, подбора кандидатов, о «массовых фактах административного давления на депутатов, пренебрежения их мнением»[46].

В публикациях, посвященных партийному руководству выборами Советов, заметно преувеличивался масштаб вовлечения избирателей в массовую работу и участия в выборах[47]. Диссертационные исследования, ограниченные локальными территориальными и узкими временными рамками, весьма поверхностно воссоздавали историю избирательных кампаний, механизм организации выборов, взаимодействия партийных и советских органов в ходе выборов[48].

Сюжеты, связанные с участием различных социальных слоев города и деревни в избирательных кампаниях, эпизодически освещались в исследованиях, посвященных классовой борьбе и ликвидации «эксплуататорских классов»[49]. В работах В. А. Архипова, Л. Ф. Морозова, И. Я. Трифонова рассматривались социальная структура участников выборов в городе, способы борьбы «эксплуататорских классов» на выборах и лишение избирательных прав как одно из средств вытеснения

---

[45] Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири. 1920–1932 гг. Томск, 1983; Андреев В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР ...

[46] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР... С. 226.

[47] Например: Ножкин В. В. Перевыборы Советов и подъем политической активности трудящихся на Урале в период индустриализации // Сборник работ по вопросам государства и права. Свердловск, 1963; Рейнер А. М. Городские Советы в период индустриализации // Советы депутатов трудящихся. 1960. № 12; Стеценко В. Ф. Деятельность Ленинградской парторганизации по подготовке и проведению перевыборов Ленсовета в 1927 г. // Вестник Ленинградского университета. 1966. Вып. 4; Корников А. А. Ивановский горсовет в период строительства социализма. Из опыта организационно-массовой работы // Советы. История и современность. М., 1987.

[48] Стеценко В. Ф. Партийное руководство городскими и районными Советами Ленинграда в 1925–1928 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1968; Лозовая Э. И. Деятельность Коммунистической партии Украины по мобилизации городских и поселковых Советов на решение задач социалистической индустриализации 1926–1929 гг. автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1968; Краснинский С. Л. Партийное руководство деятельностью горсоветов Западной Сибири в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства. 1933–1937 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук, Томск, 1984.

[49] Боженко Л. И. Указ. соч.; Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Указ. соч.; Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Указ. соч.; Морозов Л. Ф. Указ. соч.; Трифонов И. Я. Указ. соч.

«капиталистических элементов» на политическую и экономическую обочину общества[50].

Несомненным достижением позднесоветской историографии стал ввод в научный оборот значительного числа источников, исследование новых тем и сюжетов. Однако методологическая ограниченность не позволила ученым выйти за пределы сложившихся в советском обществознании стереотипных подходов и оценок советской избирательной системы и выборов. Усилия авторов по-прежнему сосредоточивались на обосновании преимуществ советской избирательной системы по сравнению с буржуазными. Типичными были схематический анализ проблем советского строительства, уклонение от рассмотрения сущностных проблем раннесоветской избирательной системы, ее роли в политической системе, реально формировавшихся электоральных практик, а также отрицание нарастания имитационных форм при проведении избирательных кампаний и в деятельности Советов. Проблемы (если и выявлялись) объяснялись объективными и труднопреодолимыми факторами становления советской власти и сопротивления «эксплуататорских классов».

Для советской историографии свойственно гипертрофированное внимание к сюжетам, связанным с классовой борьбой на выборах, и заметное преувеличение ее масштабов, равно как и переоценка активности участия в массовых формах пролетарских слоев города и бедняцких в деревне. Одновременно с этим многие институты советской избирательной системы и аспекты избирательных кампаний изучались фрагментарно. К их числу относились институты лишения избирательных прав, неравного, непрямого представительства, институт избирательных органов и собраний, кассации выборов. Поведенческие аспекты населения на избирательных собраниях, если и рассматривались, то крайне тенденциозно и в ракурсе классового противостояния.

В переходный период историографии (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) был острый запрос на переосмысление политической истории страны, роли партийных и советских органов, причин формирования однопартийной модели, альтернатив развития страны после революции и в 1920-е гг. Электоральные сюжеты как часть политической истории также активно переосмысливались профессиональными историками и

[50] Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Указ. соч.; Морозов Л. Ф. Указ. соч.; Трифонов И. Я. Указ. соч.

публицистами[51]. Отличительные особенности этого периода – отказ от жестких догматических оценок в рамках марксистско-ленинской концепции Советов и выборов, появление плюралистических мнений и оценок. Большое количество диссертаций и публикаций свидетельствовали о высоком интересе к переосмыслению политической истории[52]. Для работ был характерен значительный разброс мнений: от «классовой» апологетики до радикальных разоблачений административно-командной системы. При этом зачастую тезисы содержали лишь претензию на переосмысление и были содержательно противоречивыми. Так, в диссертации П. Л. Рудика канонические положения советского государствоведения о «полном разрыве традиций советского избирательного права с дореволюционным» сочетались с утверждениями о «неравном и непрямом представительстве послереволюционного права как традиционных принципах отечественного избирательного права»[53]. Однако многие наблюдения о формировании механизма власти большевиков, взаимоотношениях партийных и советских органов на выборах, особенностях функционирования различных институтов представляют научный интерес и важны для последующего концептуального переосмысления советской политической системы.

Современный этап историографии охватывает середину 1990-х – 2020-е гг., в исследованиях, посвященных выборам, происходит смена методологических подходов, значительно расширяется проблематика. Учитывая междисциплинарную направленность и многоаспектность темы, выделим основные направления в современной научной литературе: 1) электоральные практики 1920–1930-х гг., включая исследование региональных избирательных кампаний, выборов как части

---

[51] Рязанцев Н. П. Перевыборы Советов в общественно-политической жизни советской деревни в середине 20-х годов. Ярославль, 1992; Елисеев В. В. Демократическая и авторитарная тенденции в политической жизни России (1921–1923 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1992; Гимпельсон Е. Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2; Кушнир А. Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов. М., 1989; Леонов С. В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12.

[52] Бакшеев А. Н. Опыт и проблемы взаимоотношений Советов и партийных организаций Восточной Сибири. 1921–1925: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1992; Агапцов С. А. Становление партийно-государственной системы власти: историко-политический анализ (октябрь 1917–1924 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1992; Данилов А. А. Партийные организации и сельские Советы Ивановской промышленной области: отношения, проблемы, уроки (1920–1936 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Иваново, 1990; Грехова Н. Н. Хозяйственно-организаторская деятельность Советов в деревне Вятской и Нижегородской губерний (1921–1925 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1990; Маннанов М. А. Коммунистическая партия и сельские Советы в первой половине 20-х годов: на материалах Башкирии: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1990; Панов П. В. Партия большевиков и Советы Урала в годы нэпа (эволюция механизма местной власти): автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 1992; Рязанцев Н. П. Указ. соч; Рудик П. Л. История советского избирательного права (1917–1936): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991; Алебастрова И. А. Выборы народных депутатов в СССР как институт демократии: автореф. дис. … канд. юрид наук. М., 1991.

[53] Рудик П. Л. Указ. соч. С. 12, 17.

деятельности городских и сельских Советов; 2) применение избирательных цензов, в том числе практики и последствия лишения избирательных прав как часть дискриминационной политики Советского государства; 3) формирование однопартийной политической модели и вытеснение большевиками оппозиционных левых партий в ходе послереволюционных избирательных кампаний, роль выборов в контексте советской системы управления и эволюции политической системы; 4) особенности проявления политического и электорального поведения, общественно-политические настроения различных социальных групп в послереволюционный период; 5) становление раннесоветской избирательной системы и ее отдельных институтов.

Одним из первых сюжетов электоральной проблематики в 1990-е гг. стал институт лишения избирательных прав, переживший настоящий «исследовательский бум». Лишение избирательных прав в Советской России в последние два десятилетия становилось предметом диссертационных и монографических исследований Д. В. Валуева, Е. В. Карпычевой, Д. Н. Москаленской, Н. М. Морозовой, М. С. Саламатовой, Т. М. Смирновой, Л. А. Серокуровой, В. И. Тихонова, В. С. Тяжельниковой, И. Ф. Юшина[54]. По подсчетам Д. Н. Москаленской, за последние три десятилетия о лишении избирательных прав издана 281 научная работа[55].

В дальнейшем произошло расширение сюжетов: от общей характеристики лишения избирательных прав как части дискриминационной политики Советского государства, состава, численности, социально-демографических характеристик «лишенцев» к изучению процессов адаптации и самоидентификации в советском обществе, инструментов «социальной инженерии».

---

[54] Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР): автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2003; Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии (1918–1936 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2005; Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2004; Саламатова М. С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х — 1936 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции (1917–1936 годы). М., 2003; Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: 1918–1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009; Москаленская Д. Н. Православные священно- и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири в середине 1920-х — середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2017.

[55] Москаленская Д. Н. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 139–154.

В работах А. И. Добкина, С. А. Красильникова, Т. И. Славко, В. М. Кириллова и других авторов дана общая оценка лишения избирательных прав как ограничительно-репрессивной меры советского режима, направленной на дискриминацию широких слоев непролетарского населения города и деревни, меры, ставшей прологом к прямым массовым репрессиям в отношении крестьянства и различных категорий «бывших»[56].

При этом процедуры лишения прав сопровождались массовыми нарушениями избирательного законодательства, применение дополнительных мер носило хаотичный характер, что существенно осложняло социальную и бытовую жизнь «лишенцев»[57]. Исследователи установили региональные особенности при реализации политики в отношении лиц, лишенных прав, наиболее выраженные особенности сложились в национальных районах и на окраинах страны[58].

Большое внимание в исследованиях о «лишенцах» уделялось реконструкции социально-демографических, экономических характеристик, созданию социального портрета на основе массовых источников (личных дел лиц, лишенных избирательных прав)[59]. Изучались отдельные категории «лишенцев»: раскулаченные крестьяне, духовенство, лишенные прав за торговлю и «нетрудовые доходы», различные группы «бывших»[60]. Выводы исследователей о городских и сельских «лишенцах» существенно

---

[56] Добкин А. И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628; Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х годов. Новосибирск, 1998; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале, 1930–1936 гг. М., 1995; Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е — начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг.; Килин А. П. Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции // Книга памяти: Екатеринбург репрессированный (1917 — сер. 1980-х гг.). Екатеринбург, 2022. Ч. I. Научные исследования; Маргиналы в социуме…; Дуксин П. А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20–30-х гг. XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 20–23.

[57] Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; Маргиналы в социуме…; Панкратова О. Б., Писанов С. С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20–30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костром. гос. ун-та. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55; Петрищева Н. С. «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?»: к вопросу о формировании избирательного законодательства в период «оживления Советов» (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2012. № 4–1 (43). С. 59–65; Рупасов А. И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 282–295.

[58] Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии…; Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме… С. 19–99; Серокурова Л. А. Указ. соч.; Бердиев З. П. Репрессивная политика партийно-государственной власти СССР в Карачае и Черкесии. Конец 20-х — 30-е годы XX в. Черкесск, 2023.

[59] Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Указ. соч.; Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е — начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; Маргиналы в социуме…; Рупасов А. И. Указ. соч. С. 282–295; Смирнова Т. М. Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Труды ГИМ: Забелинские научные чтения. Вып. 143. М., 2004. С. 205–209.

[60] Байда Е. В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 86–95; Карпычева Е. В. Указ. соч.; Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского гос. ун-

расширили представления о непролетарских слоях города и деревни 1920-х гг., их судьбах и жизненных траекториях. Лишение избирательных прав имело крайне негативные последствия для общества и стало одним из основных способов разрушения традиционных и буржуазных слоев города и деревни. Наиболее драматичные последствия лишения гражданских прав были для крестьян (конфискация имущества, высылка на спецпоселение, отбывание наказания в тюрьмах и т. д.)[61]. Новым направлением стало изучение психологии поведения, стратегий и тактик выживания «лишенцев», способов их адаптации в советском обществе, самоидентификации дискриминированных групп в советском социуме[62].

В целом в последние три десятилетия изучение лишения избирательных прав вышло за пределы ограничительной меры советской избирательной системы, став совершенно самостоятельной темой в рамках дискриминационной политики большевиков. Существует внушительное число работ о региональных практиках лишения прав, реконструкции «портрета лишенца», механизмах его адаптации в советском социуме. Но систематического анализа формирования и эволюции института лишения прав, причин его трансформации, его роли в политической системе Советского государства до сих пор ни в исторических, ни в историко-правовых работах не осуществлено.

В 2000-е гг. региональные избирательные кампании 1920-х гг. стали предметом диссертационных исследований. В работах Д. М. Корчагина (на материалах Кубано-Черноморья), А. А. Дмитриевцевой (на материалах Тамбовской губернии),

---

та. Сер.: История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57; Мазур Л. Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е — первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 105–119; Морозова Н. М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918–1936 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 199–205. Москаленская Д. Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х — середине 1930-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 403. С. 82–86.

[61] Ергина Н. М. Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // Экономическая история. 2016. № 2 (33). С. 56–64; Панкратова О. Б., Писанов С. С. Указ. соч. С. 52–55; Куренкова Ю. О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. 2004. № 4. С. 88–95; Климук Я. А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2007. № 4–1. С. 131–135; Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Указ. соч.

[62] Савин А. И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145; Кожаева А. А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38; Юнина Е. А. Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920–1930-х гг. В отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 64–75.

Н. С. Петрищевой (на материалах Курского края) изучены основные региональные особенности избирательных кампаний, механизм взаимодействия власти с населением в ходе выборов в городские и сельские Советы в регионах[63]. Д. М. Корчагин, анализируя методы проведения избирательных кампаний, приходит к выводу об «административном нажиме на избирателей как главном инструменте конструирования Советов». При этом исследователь считает, что к 1924 г. «формализация и бюрократизация при проведении выборов достигла своего апогея и превратилась в упражнение в политической статистике»[64]. Отмена выборов 1925 г. привела к паническим настроениям местных советских и партийных работников и «продемонстрировала полную неготовность к участию в выборах с кандидатами от населения на альтернативной основе» и возврату к жестким административным практикам на избирательных собраниях к концу 1920-х гг. При вполне аргументированной позиции автора об этапах и особенностях формирования электоральных практик 1920-х гг., вывод о «прямой фальсификации результатов перевыборов 1928/29 г., превращении их в бюрократический ритуал»[65] представляется необоснованным и не соответствующим историческим реалиям конца 1920-х гг.

В диссертационных исследованиях А. А. Дмитриевцевой и Н. С. Петрищевой последовательно реконструируются ход и результаты избирательных кампаний на примере черноземных губерний РСФСР. Авторы приходят во многом к сходным выводам об основных этапах становления избирательного механизма: формализация избирательного процесса в первой половине 1920-х гг., «взрыв избирательной активности» в ходе повторных выборов и реализация модели «управляемой активности» на выборах второй половины 1920-х гг., основывающейся на компромиссах власти с населением[66].

В. А. Ильиных предпринимает исследование избирательных кампаний в годы нэпа на общероссийском уровне, определяя основные тенденции и анализируя их результаты. Он фиксирует сдвиги от выборов с минимальной поддержкой населения в

---

[63] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): дис. … канд. ист. наук. М., 2003; Дмитриевцева А. А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2012; Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг. (на материалах Курского края): автореф. дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2013.

[64] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 75.

[65] Там же. С. 17.

[66] Дмитриевцева А. А. Указ. соч.; Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации …

начале 1920-х гг. к «демократизации функционирования избирательной системы» в 1925 г. и увеличивающемуся давлению к концу 1920-х гг. Исследователь отмечает, что результаты выборов 1929 г. свидетельствовали о «разбалансировке социально-политической системы нэповской России», избранные сельские органы «превратились в надежных проводников аграрной политики большевистской партии, активно включившись в форсированную коллективизацию и раскулачивание»[67].

В 2000-е гг. появились попытки научного осмысления процесса становления советского избирательного процесса. Так, М. В. Тютюник в диссертационном исследовании анализирует избирательный процесс первой половины 1920-х гг. Она приходит к выводам «о невозможности восстановления конституционного строя ввиду оформления большевистской монополии на власть» и об «ограничении регионального избирательного процесса горизонтами военно-коммунистической практики»[68]. Советский избирательный процесс исследователю видится «специфическим феноменом регулируемой советской демократии, в рамках которого подавлялась инициатива массового избирателя, а выборные органы стали конструироваться по заранее заданным параметрам»[69]. Несмотря на ряд интересных наблюдений, многие обобщения и выводы автора о советском избирательном процессе представляются излишне широкими в масштабах РСФСР на основе изучения одного регионального архива.

Рассмотрение региональных практик проведения выборов в Советы в работах О. Н. Леконцева, О. А. Кужбы, В. В. Красникова, С. А. Есикова, В. Б. Безгина, А. А. Сухарева, А. П. Угроватова, А. Н. Юдина, В. В. Иванова существенно расширяет представления о формах и методах взаимоотношений власти с населением в ходе избирательных кампаний, о региональных особенностях избирательного процесса и этапах становления электоральных практик[70].

---

[67] Ильиных В. А. Выборы в Советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 36–48.

[68] Тютюник М. В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009. С. 21.

[69] Там же. С. 21.

[70] Красников В. В. Выборы местных органов власти в Тамбовской губернии в 1921–1925 гг. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 483–487; Безгин В. Б. Выборы в Советы первой половины 1920-х годов и абсентеизм сельских обывателей // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): мат-лы научно-практ. конф. Тамбов, 2000. С. 59–62; Есиков С. А. Выборы в Тамбовской деревне в 1920-е годы // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): мат-лы научно-практ. конф. Тамбов, 2000. С. 57–59; Кужба О. А. Избирательные кампании 1921–1925 гг. // Тверская земля в прошлом и настоящем. Тверь, 1994; Леконцев О. Н. Реформы Советов в 1921–1927 годах (на материалах Вотской автономной области и Вятской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук, М.,

Значительный вклад в осмысление избирательных кампаний 1920-х гг. внесли исследователи, занимавшиеся изучением деятельности сельсоветов, традиций крестьянского самоуправления. Так, О. А. Кужба, анализируя выборы первой половины 1920-х гг. на материалах Тверской и Ярославской губерний, приходит к выводу, что «они проходили в условиях жесткого партийного диктата, под давлением исполнительных органов и низкой активности крестьян». Автор отмечает отсутствие интереса местных партийных работников в привлечении широкого круга избирателей на выборы из-за недовольства крестьян и высокого уровня протестных настроений[71]. В. Б. Безгин, рассматривая выборы в губерниях Центрального Черноземья, показывает сходные с другими регионами тенденции: слабость сельских органов власти, административный нажим и партийный диктат приводили к недоверию к власти, игнорированию участия в выборах в первой половине 1920-х гг. Курс «оживление Советов», по мнению автора, способствовал росту доверия крестьян, расширению социального представительства за счет середняцкой части деревни, сокращению доли коммунистов» с 1927 г. Автор отмечает рост напряженности между «коммунистической партией» и сельской общиной, логическим завершением этого противостояния стало уничтожение общины в ходе коллективизации[72].

Причины высокого уровня абсентеизма на выборах в Советы исследовались в контексте противоречивых отношений советских, партийных и традиционных институтов власти в деревне в 1920-е гг. О. В. Горбачев, Т. В. Соловьева, Л. Н. Мазур, В. Б. Безгин, А. Н. Юдин приходят к выводу, что низкий интерес к выборам был обусловлен невысоким авторитетом местных Советов, полным подчинением партийным органам, бюрократизацией исполкомов, конкуренцией форм крестьянского волеизъявления (сельский сход, избирательное собрание и земельное общество)[73]. А. Н. Юдин рассматривает сельсоветы на стыке традиционного общинного самоуправления и государственных институтов. Он полагает, что избирательный

1995; Иванов В. В. Избирательная активность крестьян Приангарья в 1920-е годы // Климат. Экология. Сельское хозяйство Евразии. Иркутск, 2020. С. 301–307.

[71] Кужба О. А. Деятельность крестьянских Советов Верхневолжья в 1921–1925 гг. (на материалах Тверской и Ярославской губерний): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тверь, 1997. С. 16.

[72] Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (по материалам губерний Центрального Черноземья): автореф. дис. … канд. ист. наук. Пенза, 1998. С. 11–12.

[73] Мазур Л. Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2. гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 152; Горбачев О. В., Соловьева Т. В. Сельские Советы в контексте раннесоветского проектирования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 235–236; Безгин В. Б., Юдин А. Н. Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы // Социодинамика. 2013. № 2. С. 119–160.

механизм сложился к 1922 г., высказывая дискуссионный тезис о несущественности кризиса 1924 г. для большевиков, поскольку действовала формула «коллективного мандата», при сильных традициях сельских сходов на выборы являлись только главы хозяйств[74]. Учитывая острую реакцию руководства страны на рост абсентеизма и последующее повышение активности и интереса крестьян на выборах, эта позиция не представляется убедительной.

Вопрос об особенностях проведения избирательных кампаний в советских автономиях и результаты советизации титульного и кочевого населения достаточно редко становились объектом исследования в последние десятилетия. Исключением стали работы Н. Н. Аблажей и А. С. Жанбосиновой об избирательных кампаниях по выборам в Советы в Казахской АССР во второй половине 1920-х гг.[75] Интересны выводы авторов о несовпадении ожиданий и результатов реализации политики «оживления Советов» в национальных автономиях, о «гибридном и противоречивом характере формируемой системы власти на выборах по советскому сценарию в традиционном обществе»[76]. Так, выборы 1925/26 г. привели не «к расширению социальной базы и усилению поддержки партии власти, а к всплеску клановой и родовой борьбы и обострению межродовых конфликтов»[77].

В исследованиях о деятельности горсоветов, взаимоотношениях горожан и власти значительное внимание уделяется особенностям проведения избирательных кампаний в городах в 1920-х гг.[78] В работах А. В. Гусева, С. А. Папкова, А. А. Сухарева на примере Москвы, Новониколаевска (Новосибирска), Тюмени реконструируется эволюция сложившихся электоральных практик, факторов, влияющих на их

---

[74] Юдин А. Н. Сельские Советы Тамбовской губернии 1921–1924 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 175–176.

[75] Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. «Ситуация стабильная»: выборы в Советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 64–91; Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. Избирательная кампания и родовое противостояние в Казахской АССР // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. 2025. Т. 70, вып. 2. С. 421–444.

[76] Там же. С. 422.

[77] Там же. С. 442–443.

[78] Андреев В. П. Горсоветы в условиях нэпа: пределы и возможности аппаратного реформирования // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век: сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 182–194; Шаяхметова И. З. Городские Советы Башкирской АССР в 1919–1991 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2007; Красников В. В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2003; Тимофеева Л. С., Федорова Н. А. Казанский городской Совет в 1920-е гг. XX в. // Казанский посад в прошлом и настоящем. Казань, 2002; Ткачев В. И. Формирование советской политической системы, октябрь 1917 — 1930-е годы: (на материалах Поволжья): моногр. Саратов, 2005; Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа: 1921–1929 гг. (на материалах Тюмени): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2015; Ульянова С. Б. Депутаты городских Советов и их избиратели (исторический опыт Ленсовета 1920-х гг.) // Вестник ЯрГУ. Сер.: гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 21.

трансформацию. Определяются отдельные особенности поведения «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей на избирательных собраниях и взаимоотношений с представителями власти[79]. А. А. Сухарев приходит к выводу, что в первой половине 1920-х гг. сложились практики жесткого административного давления на горожан, вытеснения любого политического плюрализма. А стремление ограничить контингент избирателей лояльными слоями горожан «окончательно дискредитировало идею выборов и привело к снижению явки на собрания»[80].

Кризис 1924 г. привел к пересмотру методов проведения выборов. Опасения большевиков относительно утраты власти обусловили некоторую демократизацию электоральных практик, ослабление давления на горожан, привлечение более широких слоев непролетарского населения на выборы, возможности избирателей самостоятельно выдвигать кандидатов от собрания, озвучивать критические замечания и требования к власти, которые не затрагивают основ избирательной системы[81]. Одновременно отмечаются ограниченные возможности влияния на непролетарское население на выборах, что не позволило преодолеть высокий уровень абсентеизма и протестных настроений «не организованных в профсоюзы» избирателей к началу 1930-х гг. А. В. Гусев констатирует усиление партийно-государственного контроля над обществом в 1930-е гг. и «формализацию избирательной процедуры, превратившейся в своего рода ритуал периодического выражения лояльности населения действующей власти и ее вождям»[82].

Новым направлением в отечественной исторической науке в 1990–2000-е гг. стало ретроспективное изучение массового сознания, политических реакций и настроений, образа власти в представлениях населения. Исследовались общественно-политические взгляды, настроения различных социальных групп, политический язык, особенности политического поведения в послереволюционный период. Для понимания моделей электорального поведения, настроений крестьян и горожан, формировавшихся электоральных практик чрезвычайно ценны наблюдения С. В. Ярова, А. Я. Лившина,

---

[79] Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа…; Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 133–153; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 гг. // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг: мат-лы научно-практ. конф. М., 2019. С. 143–152.

[80] Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа // Казанская наука. 2014. № 9. С. 45.

[81] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского Совета в годы НЭПа // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2015. № 3. С. 21; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 143–152.

[82] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 151.

И. С. Кузнецова, В. П. Булдакова, В. А. Надеждиной, П. М. Кайбушевой, В. В. Кулачкова и др.[83].

Наиболее масштабное исследование политических настроений рабочих Петрограда и крестьян северо-западных губерний предпринял С. В. Яров. Он последовательно воссоздал политические настроения; оценки рабочими и крестьянами государственных институтов и партийных структур, оппозиционных партий; этапы становления общественного конформизма в послереволюционные годы. Исследователь приходит к выводу об отсутствии устойчивых политических предпочтений у большинства рабочих Петрограда, о сложном переплетении экономических и политических требований, меняющихся ситуативно. При этом симпатии к оппозиционным социалистическим партиям на выборах у рабочих проявлялись чаще всего как неприятие большевистского курса. Эти особенности политической психологии обусловили становление однопартийной политической системы и ликвидацию оппозиционных партий[84].

А. Я. Лившин также приходит к выводу о «противоречивости, фрагментации общественных настроений, их усложнении и мозаичности, обусловленных противоречивостью политики большевистского режима». По его мнению, для послереволюционного массового сознания характерны «два сходных по интенсивности, но разнонаправленных процесса: подъем утопичности и мифологизации картины мира, а с другой стороны – усиление прагматических и рациональных элементов сознания как реакция на насилие против личности и нарушение прав собственности»[85].

Авторы коллективной монографии «Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.)» выделяют модели политического поведения, определяют причины доминирования конформизма, эволюции протестных форм и настроений среди различных социальных слоев. Достижением авторов стало выделение этапов формирования политического поведения и влияющих на него разнонаправленных

---

[83] Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012; Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010); Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007; Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014; Надеждина В. А., Кайбушева П. М. Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921–1929 гг.). Уфа, 2010; Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск, 2014.

[84] Яров С. В. Человек перед лицом власти ... С. 370–371.

[85] Лившин А. Я. Указ. соч. С. 179.

факторов и контекстов. Также для анализа электорального поведения важны выводы об «укоренении конформизма, реставрации в новых условиях ряда традиционных для России моделей политического поведения населения. Среди них патерналистское отношение к государственной власти, упование на вождя, отказ от гражданского действия»[86].

И. С. Кузнецов исследовал взгляды крестьян на социально-имущественные различия и сделал выводы о противоречивом отношении крестьян к определению социальных групп крестьянства, о критериях отнесения к кулаку, негативном отношении крестьян к превращению бедняцко-батрацких слоев в политический авангард, к выдвижению их в советские органы власти[87].

Также в 2000-е гг. появились исследования об электоральном поведении различных социальных групп. Так, в работах Н. В. Офицеровой изучаются основные поведенческие политические стратегии горожан в 1920-е гг. Автор говорит о «расширении проявлений политической апатии во второй половине 1920-х гг.», обусловленном «формированием однопартийной системы и ужесточением политического контроля», о сложности проявления открытых протестных форм и постоянном нарушении избирательных норм организаторами выборов[88].

А. В. Баранов, В. В. Кулачков и Т. В. Ченская реконструируют политические настроения крестьян, их требования, причины и особенности абсентеизма сельских избирателей[89]. В. В. Кулачков отмечает, что крестьяне «оживлялись и проявляли активность лишь в тех случаях, когда происходящие процессы или события затрагивали их личные интересы, вопросы о международном положении, смене политического курса интересовали крестьян постольку, поскольку это связывается с вопросом об их

---

[86] Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.): моногр. в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2018. С. 288.

[87] Кузнецов И. С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3. С. 55–62; Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск, 2001.

[88] Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах второй половины 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148; Офицерова Н. В. Политический контроль в промышленном сообществе в 1920-е гг. (на материалах Северо-Запада России): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 17.

[89] Ченская Т. В. Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы 1926, 1929 гг. (на примере Орловской губернии/области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 4, Самара, 2016. С. 44–55; Кулачков В. В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). С. 107–109; Баранов А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125.

собственном хозяйстве»[90]. Истоки крестьянского абсентеизма исследователь видит в особенностях сельского образа жизни и в сфере социальной психологии (в «патриархальных представлениях большинства крестьян и неготовности к осознанному участию в политической жизни»[91].

Т. В. Ченская, выявляя тенденции изменения в настроениях крестьянства Орловской губернии на избирательных собраниях, отмечает «смену позитивного настроя в 1926 г. на негативное отношение к советской политике в деревне, рост оппозиционных настроений, недоверия к власти в кампанию 1929 г.». Предполагает, что изменения в настроениях спровоцированы действиями власти, направленными на создание социального напряжения в деревне[92]. А. В. Баранов, В. В. Касьянов и Ю. А. Яхутль фиксируют поляризацию политических настроений крестьянства и казачества, обострение социального напряжения на выборах на Дону и Кубани, вызванного массовой отменой выборов[93]. Последняя, по мнению А. В. Баранова, привела к «самоорганизации оппозиции на местном уровне». При этом «политические настроения земледельцев Юга России 1920-х годов формировались вследствие трех взаимосвязанных конфликтов: между сельским населением в целом и партийно-государственной властью, между этносословными группами, между социально-имущественными слоями хлеборобов»[94]. Ю. А. Яхутль прослеживает эволюцию политических настроений казачества в ходе избирательных кампаний 1920-х гг. и определяет точки компромисса с властью при формировании Советов[95].

Отдельные сюжеты, затрагивающие выборы в Советы и избирательную систему, рассматривались в контексте становления советской системы управления и эволюции политической системы. В исследованиях В. В. Красникова, В. Г. Бициохи, Е. В. Булюлиной, Л. А. Зверевой, И. А. Перфильевой, В. Н. Письменова, В. И. Ткачева,

---

[90] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг … С. 142.

[91] Там же. С. 141; Кулачков В. В. Российское крестьянство в 1920-е гг.: социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития (на материалах западных губерний Европейской России): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2025.

[92] Ченская Т. В. Указ. соч. С. 54.

[93] Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 19. С. 413.

[94] Баранов А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России ... С. 121.

[95] Яхутль Ю. А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920–1926 гг.) // гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 331–338; Яхутль Ю. А. Курс «лицом к деревне» - компромисс власти и доколхозного крестьянства // Современная научная мысль. 2023. № 3. С. 89-95; Яхутль Ю.А. Вооружённый протест сельского населения Кубани и Черноморья как фактор регулирования экономической политики большевиков в начале 1920-х годов // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 4. С. 87-99.

И. А. Тропова, Е. В. Туфанова, И. М. Федоровой анализируется становление государственной и партийной систем в различных регионах. Авторы приходят к сходным выводам о процессе сращивания партийного и государственного аппарата и о формировании «единого партийно-советского аппарата»[96]. Процесс «перетекания власти от Советов к партии» начался в 1918 г. и в разных регионах имел свои особенности, но распределение власти было одинаковым: «за партийными органами закрепились функции общего руководства, контроля, инспектирования, назначения и перемещения руководящих кадров Советов. Советы всех уровней объединяли деятельность всех государственных учреждений в пределах своей территории»[97]. Большинство исследователей оценивают роль выборов в формировании Советов как несамодостаточную, считая доминирующим партийно-административный способ замещения должностей.

Оценивая влияние колебаний партийного курса на советскую систему управления, В. В. Красников и В. Г. Бициоха рассматривают «оживление Советов» и массовую отмену выборов как попытку «предотвратить сращивание советского и партийного аппарата» и расширить поддержку власти населением. Но она в итоге не увенчалась успехом, привела к существенному ослаблению позиций коммунистов на местах и массовому недовольству местных советских и партийных работников, что «предопределило сворачивание курса на демократизацию системы управления»[98]. И. А. Тропов приходит к выводу, что политика «оживления Советов» не принесла ожидаемых результатов, поскольку «большинство граждан так и остались равнодушны к участию в выборах и деятельности Советов». При этом новый курс привел к массовому недовольству коммунистов на местах, что потребовало корректировки

---

[96] Бициоха В. Г. Формирование советской политической системы: региональный аспект (октябрь 1917 — середина 20-х гг. (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2010; Красников В. В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг... С. 20. Туфанов Е. В. Формирование советской политической системы в 1917–1920 гг.: на примере Рязанской губернии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2010; Федорова И. М. Местный партийно-советский аппарат в первой половине 20-х годов: формирование, социальный облик (по материалам Калужской, Тульской, Смоленской губерний: автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2001; Письменов В. Н. Органы управления Курской губернии: механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2001; Булюлина Е. В. Формирование и деятельность местных органов государственной власти и управления в Нижнем Поволжье. 1917–1928 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Волгоград, 2012; Перфильева И. А. Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922–1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2007; Тропов И. А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1929 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012; Ткачев В. И. Формирование механизма партийной власти в советской политической системе (октябрь 1917 — 1930-е годы): на материалах Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2006; и др.

[97] Булюлина Е. В. Указ. соч. С. 25.

[98] Красников В. В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг... С. 20. Бициоха В. Г. Указ. соч. С. 16.

политики в системе регионального и местного управления, поиска баланса между партийными, советскими органами и традиционными органами крестьянского самоуправления[99].

Л. А. Зверева отмечает слабое участие населения в выборах и деятельности Советов, причины которого видит в «отсутствии демократических традиций в дореволюционной России» и «системе административного и партийного давления на население». Относительно попыток демократизации избирательной системы на Ставрополье автор констатирует обострение социальных конфликтов, «резкое сокращение в селах влияния коммунистов». Это вызвало недовольство местных партийных работников, вследствие чего «на Ставрополье акцент был смещен на бедняцко-батрацкие кадры села»[100]. В. Н. Письменов опровергает мнение о «формальном характере избирательных кампаний» в Курской губернии, отмечая высокую степень вовлеченности в них партийных и советских органов, анализируя составы Советов различных уровней. Он приходит к выводу о наибольшей «прогнозируемости и управляемости» уездных и губернских съездов и о том, что «наиболее напряженная и непредсказуемая ситуация складывалась на выборах в сельские Советы и на волостных съездах Советов»[101].

В исследованиях Е. Г. Гимпельсона, В. А. Шишкина, С. А. Павлюченкова, Г. Л. Олеха, И. А. Анфертьева хотя специально и не изучаются электоральные сюжеты, но обсуждаются важные аспекты, связанные с влиянием экономических мер на советскую политическую систему. Рассматриваются механизмы принятия общеполитических решений, влияния внутрипартийной борьбы на внутриполитический курс, способствующие более глубокому пониманию контекстов становления и развития советской избирательной системы[102].

---

[99] Тропов И. А. Указ. соч. С. 36–37.

[100] Зверева Л. А. Становление и развитие органов государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917 — 1929 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2002.

[101] Письменов В. Н. Указ. соч. С. 18.

[102] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. М., 2000; Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М., 2003; Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997; Павлюченков С. А. Экономический либерализм в пределах политического плюрализма // Россия нэповская. М., 2002; Павлюченков С. А. Орден меченосцев: партия и власть после революции, 1917–1929 гг. М., 2008; Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). Спб., 1997; Кружинов В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1992; Анфертьев И. А. Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930–е годы: Критический анализ. М., 2017.

В развитие темы становления советской политической системы, причин колебания политического курса и его влияния на избирательные процессы проводились исследования Т. И. Морозовой, Ю. А. Яхутлем, В. В. Касьяновым, А. В. Барановым[103]. Современные историки переосмысливают причины принятия руководством страны решения о массовой кассации выборов в 1924 г. В отличие от позиции специалистов-крестьяноведов, считающих недовольство крестьян и низкую явку на выборы первопричиной политических изменений, Т. И. Морозова видит основную причину массовой отмены выборов «в состоянии «верхов» правившей РКП(б)», реализации «политического эксперимента» членами Политбюро ЦК РКП(б)[104].

А. В. Баранов, Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов также придерживаются позиции о значимом влиянии внутрипартийной борьбы на принятие решения о массовой отмене выборов. Исследуя процесс отмены выборов на Дону и Кубани, Ю. А. Яхутль и В. В. Касьянов отмечают, что «отмена выборов в южно-российской деревне спровоцировала обострение социальных противоречий»[105]. По мнению авторов, острые конфликты и антибольшевистские настроения казаков и крестьян «угрожали разрушить монополию большевистской партии на власть», вызвали огромное недовольство местных управленцев, что впоследствии привело к ужесточению экономического и политического курса страны[106].

Аспекты, связанные с соотношением советских выборов и легитимности политического режима практически не изучались в историографии, исключением стало исследование Б. Н. Миронова[107]. По его мнению, поскольку большинство избирателей были лояльны советской власти (голосовали за коммунистов), в целом «советская власть отвечала главным критериям легитимности»[108]. При этом открытым остается вопрос о тождественности легитимности и высокой явки на безальтернативных выборах. Хотя

---

[103] Морозова Т. И. «Предоставление… прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских Советов в Сибири (октябрь 1924 — март 1925 года) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 49–63; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 403–417; Баранов А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125; Баранов А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. СПб., 1996; Баранов А. В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 55–62.

[104] Морозова Т. И. Указ. соч. С. 61.

[105] Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 413.

[106] Баранов А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России … С. 112–125; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 413.

[107] Миронов Б. Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 8–38.

[108] Там же. С. 29.

автор признает, что в 1920-е гг. (при наличии альтернативы с кандидатами от населения) уровень поддержки коммунистов был существенно ниже, чем в последующие периоды. Представляется, что при интересной постановке проблемы сюжеты легитимности советского политического режима, связанности с электоральными результатами нуждаются в дальнейшем исследовании.

Отдельные сюжеты (участие партий в первых советских избирательных кампаниях, методы борьбы большевиков с оппозицией) исследовались в рамках работ об истории левых оппозиционных партий в послереволюционные годы. Наиболее масштабные исследования проведены об уходе с политической арены двух крупнейших социалистических партий – эсеров и меньшевиков[109]. Так, К. Н. Морозов, А. Ю. Суслов, Л. М. Овруцкий, Н. Д. Ерофеев изучали не только историю оппозиционных партий в послеоктябрьский период, но и особенности личностных взаимоотношений представителей правящей и оппозиционных партий, политическую психологию населения[110]. Очевидно, что сюжеты, связанные с противостоянием большевиков и оппозиционных партий, существенно шире их участия в избирательных кампаниях, но они значимы для понимания формирования однопартийной политической системы, становления советских электоральных практик, механизма советской избирательной системы.

В современных историко-правовых исследованиях в значительной степени утрачен интерес к советской избирательной системе, ее изучение проводится в рамках общих, обзорных работ, посвященных развитию избирательной системы и права (или их отдельных институтов) России XX в.[111] Наиболее заметным стало исследование коллектива авторов под руководством Ю. А. Веденеева. В нем проанализированы

---

[109] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924: в 3 т. / редкол.: З. галили, А. Ненароков (отв. ред.). Т. 1. Меньшевики в 1918 г. М., 1999; Там же. Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000; Там же. Т. 3. Меньшевики в 1922–1924 гг. М., 2004; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: сб. документов / сост. С. А. Красильников [и др.]. М., 2002.

[110] Яров С. В. Человек перед лицом власти…; Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров. Тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005; Суслов А. Ю. Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань, 2007.

[111] Белоновский В. Н. Электоральное право Российской Федерации. М., 2010; Новиков Ю. А. Избирательная система России: 90 лет истории. М., 1996; Володькина Е. А. Институт отмены (переноса) выборов в российской избирательной системе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011; Лисовский С. Ф., Евстафьев В. А. Избирательные технологии: история, теория, практика. М., 2000; Журавлев В. П., Фортунатов В. В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 39–49; Иванченко А. В., Курицын В. М. Российское народовластие: уроки истории. М., 2005; Кузьменко С. Г. Первая избирательная система РСФСР: предпосылки появления и основные принципы // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2; Герасименко Т. В. Принципы выборов в советской избирательной системе // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2011. № 1. С.78–81.

основные особенности раннесоветской избирательной системы в контексте становления и эволюции российской электоральной системы в XIX–XX вв., проведен обзорный анализ избирательного законодательства[112]. Исследователи приходят к выводу, что выборы «не были последовательно демократичными», предполагая большое количество ограничений круга избирателей и избирательных процедур. Также авторы отмечают «узость предметной сферы правового регулирования», за его пределами оказывались «многие стороны избирательного процесса, связанные с гарантиями избирательных прав граждан, альтернативностью выборов, статусом избирательных комиссий, определением округов, выдвижением кандидатов, предвыборной агитацией»[113].

А. А. Веняминова рассматривает избирательный процесс 1920-х гг. в контексте развития советской избирательной системы, продолжая во многом традиции советского государствоведения. Автор делает вывод, что «в 1917–1936 гг. была создана принципиально новая избирательная система формирования представительных органов власти в Советском государстве, обеспечившая политическое лидерство большевиков в высшем органе представительной власти страны путем конституционного закрепления политического неравенства различных социально-профессиональных групп»[114]. А. А. Веняминова выделяет пять основных стадий советского избирательного процесса (назначение выборов; образование избирательных комиссий и составление списков избирателей; выдвижение кандидатов; предвыборная агитация; голосование и определение результатов) и приходит к выводу о «недостаточной дифференцированности и неполной системе стадий избирательного процесса»[115]. Отдельные сюжеты, связанные со становлением основ советской избирательной системы, приводятся в немногочисленных работах, посвященных первой советской Конституции 1918 г.[116]

В рамках историко-юридических исследований наибольшее развитие получила тема становления избирательных органов в советские годы. В работах А. В. Иванченко, Д. В. Кудряковой, М. С. Савченко, П. Ю. Ермошина представлены особенности

---

[112] Очерки по истории выборов и избирательного права / Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. В. Луговой; под ред. Ю. А. Веденеева. М., 2002.

[113] Белоновский В. Н. Электоральное право… С. 124. Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория и практика. М., 1996.

[114] Веняминова А. А. Избирательный процесс в советском государстве: 1917 – начало 1990-х гг.: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 12.

[115] Там же. С. 19.

[116] Плотников А. А. Конституция РСФСР 1918 г. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

становления института избирательных комиссий в советский период, их полномочий. Правоведы анализируют законодательство, регламентирующее составы и деятельность избирательных комиссий, этапы становления института в широком временном контексте существования российского и советского государства, приходят к выводу о преемственности советского и современного института избирательных комиссий[117].

Однако для большинства современных историко-правовых работ характерен поверхностный, обзорный характер, в них не дана содержательная оценка избирательным институтам, сущностным особенностям и процессу становления советского избирательного законодательства, практикам его применения, преимущественно авторы ограничиваются констатацией основных принципов и особенностей советской избирательной системы.

В зарубежной историографии электоральные сюжеты исследовались в рамках двух направлений: 1) лишение избирательных прав как социально-правовая дискриминация; 2) оценка и причины изменения избирательной системы в Конституции 1936 г.

Исследование лишения избирательных прав как феномена социальной политики началось в западной историографии в 1980-е гг. Советские избирательные цензы рассматривались как часть социальной политики большевиков, инструмент «социальной инженерии», один из «методов» форсированной модернизации советского общества. Одной из первых на проблему лишения избирательных прав обратила внимание Элиза Кимерлинг. Автор, используя опубликованное законодательство и печатные издания 1920–1930-х гг., определила основные этапы в изменении политики Советского государства по отношению к лишенцам и отметила тесную связь между лишением избирательных прав и другими правовыми дискриминациями. Э. Кимерлинг предположила, что лишение избирательных прав стало важным инструментом «социальной инженерии» и позволило выделить в обществе «целый спектр социальных типов»: от рабочих на заводах, обладавших полным набором гражданских прав, до бесправных граждан, терявших вместе с избирательными и другие права[118].

---

[117] Кудрякова Д. В. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013; Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды. Краснодар, 2016. С. 81–92; Ермошин П. Ю. Правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2021; Иванченко А. В. Указ. соч.

[118] Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // Russian Review. 1982. Vol. 41. No. 1. P. 27.

Значимый научный вклад в осмысление лишения избирательных прав как части социальной политики Советского государства внесла известный американский историк Шейла Фицпатрик. Автор рассматривает лишение избирательных прав в широком контексте динамики социальной стратификации советского общества 1920–1930-х гг. и определения классовой принадлежности[119]. Она отмечает, что после революции и Гражданской войны структура общества была разрушена и перед большевиками встала проблема идентификации своих союзников и врагов. Для социальной идентификации большевики возродили к жизни феномен «приписывания к социальной группе», т. е. фактически сословный принцип образования социальных групп[120]. Лишение избирательных прав играло важную роль в этой социальной конструкции. Большевики создали «основанное на классовой дискриминации» законодательство, охватывающее все стороны повседневной жизни, а также маркировали людей на «отверженных» и «полноправных» и приписывали первых к классовым врагам[121]. К середине 1930-х гг., по мнению Ш. Фицпатрик, политика открытой классовой дискриминации была свернута в связи с принятием новой Конституции 1936 г. и отменой цензов. Но большевики опасались, что интегрированные в общество «бывшие» будут представлять еще большую опасность и действовать изнутри как пятая колонна, поэтому социальные маркеры происхождения играли едва не определяющую роль в последующих репрессиях и в отнесении к «врагам народа»[122].

Сходную интерпретацию роли лишения избирательных прав дает и американский исследователь В. Бровкин в монографии «Россия после Ленина: политика, культура и общество, 1921–1929». Автор, изучая категорию «лишенцев» в контексте взаимодействия большевиков с обществом в условиях новой экономической политики, приходит к выводу, что обладание гражданскими правами играло определяющую роль в системе социальной и политической идентификации[123].

---

[119] Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31.

[120] Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. № 4. P. 756.

[121] Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. № 4. P. 753.

[122] Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N. Y., 1999; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008; Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

[123] Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society, 1921–1929. London; N. Y., 1998.

Большая доступность российских архивов в 1990-е гг. позволила западным ученым расширить круг рассматриваемых вопросов, обогатить исследования конкретно-историческим материалом. Так, Г. Алексопулос использовала материалы личных дел «лишенцев», отложившихся в фонде Центризбиркома. При изучении жалоб и заявлений «лишенцев» Г. Алексопулос особое внимание обратила на содержание и стилистику ходатайств, предложив выделять шесть типов аргументации при восстановлении в правах[124].

В целом нельзя назвать исчерпывающими исследования в зарубежной историографии избирательного законодательства или практик лишения прав в Советской России. Но несомненной заслугой западных историков следует признать предложенные ими новые методологические подходы к рассматриваемой теме, воспринятые во многом в современной отечественной историографии.

Еще один сюжет электоральной истории Советской России, активно обсуждавшийся в зарубежной историографии, связан с принятием сталинской Конституции, причинами и последствиями конституционной реформы, оценкой формировавшегося политического режима и политической культуры советских граждан.

Основные причины конституционной реформы 1936 г. в зарубежной историографии преимущественно сводятся к внешнеполитическому, идеологическому или внутриполитическому факторам. Одна из наиболее распространенных версий объяснения проведения конституционных реформ – внешняя самопрезентация сталинского режима. Дж. А. Гетти и Т. Рис в качестве одной из основных причин проведения конституционной реформы называют стремление укрепить международную репутацию демократического СССР среди западных демократий и поддержать передовой имидж для революционного движения[125].

Идеологические основания проведения конституционной реформы также имеют много сторонников среди западных исследователей. Так, Л. Виола, Д. Бранденбергер и Д. Хоффман основные причины проведения сталинской конституционной реформы усматривают в отказе от классового дискурса и в переходе к наднациональному

---

[124] Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, London, 2003;
Alexopoulos G. The Ritual Lament // Russian History. 1997. № 1. P. 117–129; Alexopoulos G. Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936; Ph.D. diss. Chicago, 1997.

[125] Getty J. A. Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations // The Anatomy of Terror. Political Violence under Stalin / Ed by J. Harris. Oxford, 2013. P. 205–234; Rees T. 1936 // The Oxford Handbook of the History of Communism / Ed. By S. Smith. Oxford, 2014. P. 160–161.

дискурсу народа, что нашло отражение в смене официальной риторики. Как отмечает Л. Виола, «этот сдвиг отражал крах целостной классовой структуры общества как результат сталинской революции сверху»[126]. Д. Бранденбергер и Д. Хоффман объясняют «идеологическим переходом» ликвидацию классовой структуры послереволюционного общества, отказ от избирательных цензов и введение современной избирательной системы[127]. При этом если отечественные исследователи сомневаются в искренности советских лидеров и идеологический фактор интерпретируют как инструмент пропаганды[128], то зарубежные исследователи считают вполне искренней убежденность лидеров страны в реальности построения социалистического общества[129]. Ольга Великанова отмечает, что «предоставление избирательного права бывшим “врагам” в разгар кампании повышения бдительности и против “вредительства” не имеет иного объяснения, кроме идеологических соображений о новом социалистическом состоянии общества»[130].

Внутриполитический фактор рядом зарубежных исследователей рассматривается как один из значимых мотивов проведения конституционной реформы. Основную цель в реализации во внутренней политике О. Великанова формулирует как «повышение эффективности управления посредством нового закона о выборах (использование демократических процедур для мотивации, оживления и очищения вялой и коррумпированной местной элиты»)[131]. Арч Гетти при анализе мотивов проведения конституционной реформы приходит к выводу, что одной из определяющих причин стала «борьба центра за контроль над местными кадрами, которые часто отдавали приоритет клановым интересам и проявляли вялость, инерцию или произвол при реализации политики Москвы»[132]. Венди Голдман приходит к аналогичному выводу, что одним из мотивов конституционных преобразований стала «окончательная чистка

---

[126] Viola L. Stalinism and 1930s // A Companion in Russian History / Ed. By A. Gleason, West Sussex, 2009. P. 372.

[127] Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956. Cambridge, 2002. P. 44–46; Hoffman D. Cultivating the Masses: Modern State Practice and Soviet Socialism. 1914–1939, Ithaca, NY, 2011. P. 13–14, 285–287.

[128] Медушевский А. Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиции политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.

[129] Brandenberger D. Op. cit. P. 44–46; Hoffman D. Op. cit. P. 285–287. Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. С. 80–81.

[130] Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. С. 81.

[131] Там же. С. 88.

[132] Getty J. A. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. № 50 (1). P. 33–34.

региональных элит, оживление рядового состава и всей неэффективной политической системы»[133].

В работе Ольги Великановой подробно исследуются причины и мотивы принятия сталинской Конституции. И версия о комплексе причин, приведших к демократизации избирательной системы, связанном с тремя основными факторами (внешнеполитическим, идеологическим и внутриполитическим), представляется весьма убедительной[134].

В многочисленных зарубежных исследованиях рассматривались сюжеты об особенностях политической и электоральной культуры и электоральных практик[135]. Применительно к формированию электоральной культуры наибольший интерес представляют исследования о политической культуре, причинах тяготения народа к авторитаризму, восприятии демократической модели различными слоями общества. По вопросу о модели российской политической культуры историки придерживаются полярных позиций. А. Броун, С. Уайт, Р. Такер полагают, что политическая культура в России тяготеет к авторитаризму и не приспособлена к развитию либеральных начал, объясняя авторитарное мировоззрение историческими обстоятельствами и преобладанием «коллективного над личным»[136]. Р. Саква, Н. Петро, Дж. Миллар придерживаются противоположной позиции и отмечают многогранность русской национальной традиции, потенциальную открытость различным влияниям, опровергая предопределенность авторитаризма[137]. Н. Петро полагает, что «модернизация сама по себе естественно порождает новые силы и новые настроения, и даже в реакционные эпохи сохраняется демократический потенциал»[138]

Применительно к политической культуре послереволюционного российского общества большинство авторов сходятся во мнении о слабом потенциале либеральной

---

[133] Goldman W. Z. Terror and Democracy in the Age of Stalin: the social dynamics of repression. Cambridge, 2007. P. 111–113.

[134] Великанова О. Конституция 1936 года … С. 41–88.

[135] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М., 2005; Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010; Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 2003; Карр Э. История Советской России: большевистская революция. 1917–1923. М., 1990. Кн. 1. Т. 1-2.

[136] Tucker R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change. London, 1972; Brown A. Ideology and Political Culture // Politics, Society, and Nationality inside Gorbachev's Russia / Ed. By Seweryn Bialer. Boulder, CO: Westview, 1989. P. 40–49; White S. Political Culture and Soviet Politics. London, 1979.

[137] Sakwa R. Russian Politics and Society. London, 2008. P. 352–357; Petro N. The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. Cambridge, 1995; Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens / Ed. By Millar J. R. Cambridge University Press, 1987.

[138] Petro N. Op. cit. P. 127.

демократии в политической культуре. В западной историографии акцент делается на неготовности социальной и культурной почвы в России к «либеральному пониманию демократии», на разрыве в понимании демократии рабочими, крестьянами и либерально настроенной интеллигенцией. Если первые понимали под демократией «парламент, конституцию и власть закона», то вторые – власть простого народа[139]. Другие исследователи подчеркивают обусловленность сталинского режима традиционалистской культурой русского крестьянства. Так, М. Левин, анализируя политическую культуру крестьянства, приходит к выводу о влиянии традиционного крестьянского мира на формировавшуюся модель государства: «социальная матрица могла породить только одно – авторитаризм»[140].

Формирование особой дихотомии советской жизни многие исследователи рассматривают как результат искусственно навязанных либеральных ценностей традиционному крестьянскому миру. М. Дэвид-Фокс, Ш. Фицпатрик, Л. Виола, О. Великанова приходят к сходным выводам, что соединение модерности и неотрадиционализма в послереволюционном обществе породило противоречия в сознании и жизни советского общества и государства[141]. Вывод ученых о необходимости различать «государственные намерения от неожиданных последствий и неконтролируемого хаоса на местах, которые возникают при реализации этих намерений»[142], схож с подходами в современной отечественной литературе.

Подводя итоги современного этапа историографического изучения раннесоветской избирательной системы, ее институтов и электоральных практик, отметим, что за последние три десятилетия достигнуты впечатляющие результаты. Наиболее значимые результаты – в исследовании электоральных практик, сложившихся в 1920-е гг., на примере различных регионов определены этапы их формирования, формы и методы взаимоотношений власти с населением на выборах, региональные особенности. Усилиями обществоведов проведена масштабная реконструкция института лишения избирательных прав. Тему начали разрабатывать в западной историографии

---

[139] Figes O., Kolonitsky B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Hawen, 1999. P. 122–123.

[140] Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985. P. 274.

[141] David-Fox M. Crossing borders: modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, 2015. P. 44–94; Viola L. Op. cit. P. 378; Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times…; Великанова О. Конституция 1936 года …

[142] Там же. С. 19.

еще в 1980-е гг., однако наиболее значимые успехи достигнуты отечественными исследователями благодаря освоению методов исторической информатики, широкому использованию статистических и социологических методов работы с личными делами «лишенцев». В научный оборот введены значительные массивы архивного материала, исследованы основные характеристики ограничительной меры, особенности ее применения в различных регионах; изучены динамика состава и численности «лишенцев», их социально-демографические характеристики, процессы адаптации и самоидентификации в советском обществе дискриминированной группы.

В 1990–2020-е гг. изучаемая проблематика в отечественной историографии существенно расширилась. Началось исследование тем, связанных с сущностными особенностями советской политической системы и ролью в ней выборов, особенностями процесса советской легитимации власти, с причинами изменения политического курса и его влияния на избирательные процессы, с участием оппозиционных партий в первых советских избирательных кампаниях, методами борьбы большевиков с оппозицией. С использованием методов социальной психологии изучаются политические настроения населения, особенности формирования политической культуры советских граждан, некоторый задел сделан и в исследовании электорального поведения избирателей. Применение социологических и политологических подходов на новом методологическом уровне позволило начать исследования в отношении функционирования политического режима, реализации политических практик, формирования политической культуры послереволюционного общества.

Наряду с достижениями заметные пробелы остаются в изучении электоральных практик 1930-х гг., обобщении электоральных практик 1920—1930-х гг. на общероссийском уровне. Отметим региональную неравномерность в их изучении, исчерпывающе рассмотрены практики в Черноземье, на Дону, Кубани, в некоторых регионах Сибири, Урала, столицах. В дальнейшем исследовании нуждаются модели поведения советских избирателей, причины преобладания конформистских и абсентеистских форм, способы их проявления. Также перспективным направлением для будущих исследований представляется осмысление политических контекстов и их влияния на избирательные процессы, роли институтов и электоральных практик в процессе легитимации советского политического режима. Фрагментарно изучены сущностные особенности раннесоветской избирательной системы, формирование и

развитие ее институтов, механизм организации советских избирательных кампаний, деятельность избирательных органов всех уровней, институты кассации выборов, нормы представительства, проведения избирательных собраний и съездов. В целом в исторических исследованиях наиболее заметны достижения при использовании традиционной методологии исторической науки. Заметно хуже изучены междисциплинарные сюжеты, требующие применения методологии смежных общественных наук: социальной психологии, социологии, политологии и юриспруденции; их адаптация к историческим контекстам представляется исследователям не всегда очевидной.

Цель исследования – изучить становление и трансформацию советской избирательной системы, существовавшей в РСФСР с 1918 по 1936 г., путем исторической реконструкции институтов, механизмов, электоральных практик и стратегий населения республики.

Для достижения цели предполагается решить следующие научные **задачи:**

1) раскрыть генезис, этапы становления, трансформации и функции институтов раннесоветской избирательной системы;

2) определить сущностные черты и типологию данной избирательной системы, ее соотношение с предшествующими и последующими отечественными и мировыми избирательными системами;

3) охарактеризовать роль и механизм организации избирательных кампаний на различных этапах функционирования изучаемой избирательной системы;

4) установить этапы формирования, состав, организационную структуру, особенности реализации полномочий Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (1925–1936 гг.);

5) раскрыть процесс становления и трансформации раннесоветских электоральных практик;

6) выявить влияние политических, социальных и экономических факторов на складывавшиеся электоральные практики;

7) определить структуру и численность электорального корпуса, соотношение электоральных групп с социальной структурой общества;

8) охарактеризовать модели электорального поведения городского и сельского населения.

Объектом исследования является советская избирательная система, установленная Конституцией РСФСР 1918 г., обладавшая выраженными специфическими особенностями по сравнению с дореволюционной и последующей советской, существовавшей после 1936 г. Избирательная система представлена как конструкция взаимосвязанных подсистем, включающая три основных элемента: 1) институциональный элемент, выраженный в законодательстве, регулировавшем избирательную сферу; 2) механизм организации и проведения избирательных кампаний; 3) электоральные практики, складывавшиеся на основе реализации установленных норм, охватывавшие все этапы избирательного процесса (от создания избирательных органов до обжалования и кассации выборов) и приведшие к формированию определенных стратегий электорального поведения населения.

Предметом диссертационного исследования выступают сущностные характеристики раннесоветской избирательной системы, функционирование ее институтов, деятельность избирательных органов по организации советских выборов, модели поведения избирателей на выборах.

Территориальные рамки исследования включают территорию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), с 1918 г. – как самостоятельного государства, с 1922 г. – как части Союзного государства. Принимая во внимание многочисленные территориальные изменения республики и административно-территориальные реформы, исследование проводилось с учетом актуальности административно-территориальных единиц и границ для конкретного периода.

Хронологические рамки определяются двумя обстоятельствами: 1) существованием советской избирательной системы с четко выраженными особенностями и отграниченными советскими Конституциями 1918 и 1936 гг.; 2) проведением общероссийских избирательных кампаний с 1922 г. по 1934/35 г. в рамках указанной избирательной системы. Эти обстоятельства обусловили хронологические границы исследования институциональных аспектов, механизма организации советских выборов более широкими рамками существования советской избирательной системы.

Хронологическое структурирование конкретно-исторического исследования определяется спецификой проведения избирательных кампаний в рассматриваемый период. Избирательная кампания проводилась в рамках электорального года, сроки

которого не совпадали с календарным и устанавливались постановлением ВЦИК или Всероссийского съезда Советов. В 1922 г. были определены единые для всей страны сроки проведения выборов в сельские, городские Советы, съезды и исполкомы всех уровней, которые проводились с 1 ноября по 15 декабря. С 1925 г. электоральный год охватывал период с ноября текущего по март следующего календарного года. Таким образом, конкретно-историческое исследование электоральных практик, моделей электорального поведения проводилось в более узких хронологических рамках: проведения восьми общероссийских избирательных кампаний – 1922, 1923, 1924/25 (с учетом кампании массовой кассации выборов), 1925/26, 1926/27, 1928/29, 1930/31, 1934/35 гг. Поскольку с 1918 по 1921 г. выборы проводились на подконтрольных большевикам территориях и в различные сроки, то это обстоятельство исключило их из рассмотрения как общероссийских.

Учитывая вышеизложенное, полагаем возможным исходить из более широких хронологических границ. Нижней стало возникновение советской избирательной системы на основе Конституции РСФСР 1918 г., верхняя граница определяется 1936 г. (прекращение существования этой системы с принятием новой Конституции 1936 г.).

Теоретические и методологические основы исследования. В диссертации широко использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы и основные принципы исторического исследования. Значимой частью методологического раздела стало обобщение и уточнение понятийного аппарата исследования. Учитывая отсутствие единства подходов к классификации методов исторического исследования[143], представляется верным исходить из базовой общей классификации, предложенной в работах И. Д. Ковальченко[144], а также поддерживаемой многими современными исследователями[145].

При исследовании раннесоветской избирательной системы и ее институтов наиболее органичным стало использование системного и структурно-функционального методов. Системный подход (историко-системный анализ) позволил исследовать советскую избирательную систему в виде сложной иерархической системы, а ее институты – в виде составных частей, подсистем, также состоящих из различных

[143] Селунская Н. Б. Проблемы методологии истории: учеб. пособие. М., 2003; Дорошенко И. М. Российская методология истории (философские подходы). СПб., 2005; Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: учеб. пособие. СПб., 2007.

[144] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003.

[145] Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010. С. 17–19.

элементов; установить основные и периферийные институты, межсистемные связи, принципы функционирования. При таком анализе избирательная система рассматривается как элемент политической системы и позволяет установить особенности межсистемного взаимодействия с другими ее элементами.

Неотъемлемой частью системного подхода является структурно-функциональный анализ[146]. Декомпозиция раннесоветской избирательной системы позволила выделить шесть основных институтов: избирательных органов, лишения избирательных прав, избирательных собраний, установления норм представительства населения в Советы и на съезды (неравных выборов), проведения выборов на съезды (непрямых выборов) и кассации выборов. Структурно-функциональный анализ стал методологической основой для исследования генезиса советских институтов и установления преемственности с дореволюционными институтами, изучения структуры каждого из них, особенностей эволюции, определения места и функций в избирательной системе. Также использовались системный и структурно-функциональный методы для анализа системы избирательных органов на различных уровнях управления, их межсистемных связей, функциональной модели этих органов.

Структурно-функциональный анализ проводился разными методами: от простейших логических, направленных на выявление причинно-следственных связей, до статистических и других современных методов. Применение системного и структурно-функционального анализа дало комплексное представление о советской избирательной системе, ее институтах, о механизме избирательных органов в разные периоды, их функционировании и тенденциях развития, преемственности с современными избирательными институтами.

Помимо общенаучных методов, исследование основывалось на фундаментальных принципах современного научного исторического исследования: объективности, историзма, детерминизма и социального подхода. Принцип объективности позволил воссоздать модель функционирования раннесоветской избирательной системы на основе верифицированных источников и их объективной внеидеологической оценки.

Исходным для исследования институтов раннесоветской избирательной системы и складывавшихся электоральных практик стал принцип историзма, предполагающий изучение с учетом контекстов конкретно-исторических событий в России. Принципы

[146] Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 185–187.

историзма и детерминизма выступили научной основой исследования эволюции электоральных процессов, причин их трансформации, влияния электорального опыта предшествующего периода на советскую избирательную систему, взаимосвязи электоральных процессов с политическими, экономическими и социальными.

Принцип социального подхода, предполагающий «необходимость учитывать интересы, традиции и психологию определенных классов, сословий, социальных слоев и групп»[147], стал значимым для реконструкции моделей электорального поведения городского и сельского населения, определения влияния традиций и социально-психологических факторов на поведенческие стратегии, представления и требования различных групп избирателей. Актуальным был принцип социального подхода и для изучения советских электоральных практик, влияния на них социальных конфликтов между различными группами избирателей, реализации разнонаправленных требований и интересов власти и населения.

Наряду с общенаучными методами и принципами современного исторического исследования в работе использовались специально-научные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-динамический и историко-типологический.

Историко-генетический метод стал отправным в проведении исследования. С его помощью изучались становление и трансформация избирательных институтов, советского избирательного механизма, электоральных практик, преемственность советских и дореволюционных электоральных институтов, и практик; устанавливались причины трансформации и последствия для функционирования советской избирательной системы.

Применение историко-динамического метода позволило систематизировать электоральные процессы, структурировать их внутренние закономерности на основе нормативных, статистических и других источников. А также определить этапы развития советской избирательной системы, ее институтов и складывавшихся практик, установить закономерности их развития, обобщить влияние разнородных политических, экономических и социальных процессов на их трансформацию.

Историко-сравнительный метод применялся для компаративистского анализа институтов и принципов отечественной (советской и дореволюционной) и зарубежных

[147] Мартюшов Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург, 2016. С. 30.

избирательных систем, определения общих и различных признаков в их развитии, установления сходства или самобытности отечественных и зарубежных институтов, обусловленности причин их изменений. Так, анализ отечественных и зарубежных избирательных цензов в первой четверти XX в. позволил выделить общие тенденции развития в эмансипации цензов; установить существенные отличия в выполняемых функциях в рамках электоральных систем. Компаративистский анализ выявил нетипичные для мировой электоральной практики функции советских избирательных цензов, взаимосвязи избирательных прав с ограничениями социально-экономического характера. Аналогичный анализ на основе историко-сравнительного метода проводился в отношении других институтов: избирательных органов, избирательных собраний, неравного и непрямого представительства, кассации выборов.

Анализ групп городских и сельских избирателей, их стратегий поведения на избирательных собраниях был проведен на основе историко-типологического метода. Он позволил определить структуру различных групп советского электорального корпуса; типологизировать и охарактеризовать модели электорального поведения городского и сельского населения, формы протестного и лояльного поведения на выборах; воссоздать типичный портрет избирателя и кандидата в депутаты от различных групп.

Учитывая междисциплинарный характер исследования, помимо общенаучных и специально-исторических методов, применялись и методы, характерные для юриспруденции и статистики. Специально-юридические методы (историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой) позволили корректно интерпретировать правовые категории, содержание нормативных актов; определить место и роль актов, регулирующих избирательную сферу в иерархии советских нормативных актов, особенности взаимодействия и взаимосвязи с общими государственно-правовыми процессами. Сравнительно-правовой метод применялся в совокупности с историко-сравнительным для проведения компаративистского исследования институтов отечественной и зарубежных избирательных систем для оценки правового содержания институтов.

Широко применялись в работе статистические методы оценки электоральных процессов. Большое внимание уделено анализу полноты, достоверности и сопоставимости статистических данных официальных статистических сборников по

итогам выборов, сопоставлению с неопубликованными материалами. Количественные методы позволили охарактеризовать динамику электоральных процессов (явку на выборы; демографический, социальный, профессиональный, партийный, образовательный составы избирателей и членов избранных Советов, а также лиц, лишенных избирательных прав). Определить численность и структуру электоральных групп, сопоставить их с социальными группами, выявить региональные особенности электоральных процессов. В целом статистические методы стали основой количественной и качественной оценки развития советских избирательных институтов и практик, типологии моделей поведения избирателей, а также позволили определить закономерности электоральных процессов в РСФСР в 1920–1930-е гг.

Теоретические подходы. Концепции выдающихся социальных философов (О. Конта, г. Спенсера) и социологов (Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. К. Мертона) стали теоретической основой исследования политических и социальных институтов и практик[148]. Закономерности функционирования социальных систем, механизмы взаимодействия структурных элементов, факторы их стабилизации и дестабилизации, изученные в концепциях представителей структурного функционализма (Т. Парсонса, Р. К. Мертона), выступили одним из теоретических оснований для анализа постреволюционного советского общества, политической и избирательной систем[149]. В концепции Р. К. Мертона разработан один из наиболее значимых аспектов функционирования социальных систем – влияние разнонаправленных действий на события или поведение людей. Роберт Кинг Мертон, анализируя влияние действий и объективной ситуации на результат, определил основные причины «непреднамеренных последствий» социальных действий, к числу которых относил неполноту знания, ошибки, преобладание сиюминутных интересов над долгосрочными и ограничение базовыми ценностями[150]. Подход Р. К. Мертона можно рассматривать как универсальный не только при анализе текущих социальных процессов, но и исторических событий. Методология структурного функционализма позволяет определить отличия реальных практик от запланированных действий,

[148] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995; Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002; Парсонс Т. Социальная система. М., 2018; Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

[149] Парсонс Т. О структуре социального …; Парсонс Т. Социальная система …; Мертон Р. К. Социальная теория ...

[150] Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

предусмотренных государством в нормативных актах. А также выявить причины «отклонений», влияние различных обстоятельств и разнонаправленных действий на складывавшиеся электоральные практики, реализацию институтов избирательной системы и реакцию избирателей. Методология структурного функционализма стала основой анализа электоральных практик в третьей главе диссертации.

Исследование процессов легитимации власти большевистского режима, кризисов легитимации, влияния проблем легитимации режима на трансформацию советской избирательной системы обусловило обращение к концепциям выдающихся политических философов и социологов, изучавших природу, сущность, признаки и свойства государственной власти, и позволило уточнить ключевые понятия, используемые в работе.

Современные концепции легитимности власти восходят к традиции, заложенной Максом Вебером, который раскрывает понятие легитимности через два основных положения о признании власти правителей и обязанности управляемых ей подчиняться. Соответственно, и типы легитимации власти М. Вебер оценивает через призму «мотивов повиновения», определяя три основных типа: традиционный, харизматический, рационально-легальный[151].

Впоследствии в западной литературе трактовка типологии легитимности была многократно дополнена. Так, интерпретация легитимности Ж.-Л. Шабо предполагала выделение четырех типов легитимности: демократического, идеологического, технократического и онтологического. Он считает демократическую легитимность неотъемлемой частью европейской демократии, а идеологическую – характерной для социалистических и теократических режимов[152]. Современную версию веберовских типов легитимности представляет американский политолог Д. Хелд, который выделяет семь типов легитимации власти: от согласия под угрозой насилия до нормативного согласия. Под последней он понимает идеальный вариант легитимации власти, когда «большинство граждан государства полностью поддерживают действующую власть, а она воспринимается как соответствующая принятым в обществе нормам»[153].

---

[151] Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 25–26.

[152] Шабо Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. 1993. № 4. С. 160.

[153] Хелд Д. глобальные трансформации. М., 2004. С. 403–423.

Распространенным вариантом современного понимания легитимности стала концепция Д. Истона, существенно дополнившая веберовскую концепцию, в его понимании легитимность – это возможность политической системы справиться с проблемами обеспечения стабильности системы в целом. В качестве источников власти Д. Истон рассматривает идеологию, политический режим и лидерство. Идеологическая легитимность базируется на убежденности граждан в правильности функционирования политического режима и его институтов. Структурная легитимность основана на принятии населением функционирования институтов политической системы. Персональная легитимность основывается на вере граждан в личные качества политиков и их способности наилучшим образом управлять[154].

Ю. Хабермас легитимацию определяет через социальную интеграцию, которая формируется через ценности и нормы, становящиеся общими для большинства членов общества и охраняемые властью. В его понимании легитимация достигается через «коммуникативное действие»[155].

В отечественной политологии понимание легитимности преимущественно рассматривается как проявление поддержки и доверия общества, лояльности власти либо как основание политического господства[156].

Учитывая разнообразные позиции исследователей, полагаем возможным понимать под *легитимностью* свойство государственной власти, отражающее степень одобрения и поддержки существующей формы власти населением. Существенными признаками легитимности являются стабильность политического режима, эффективность социально-экономического развития, вовлеченность граждан в управление, низкий уровень конфликтности отношений власти и населения, добровольность исполнения нормативных установлений государства. Важным является и понимание функций легитимности власти. Согласимся с мнением А. А. Керимова, что основная функция заключается «в обеспечении согласия в обществе по поводу существующего режима, его законности, участия масс в поддержке политического

---

[154] Истон Д. Системный анализ политической жизни // Политология. М., 2000. С. 319–331.

[155] Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010. С. 125.

[156] Ачкасов В. А., Елисеев С. М., Ланцов С. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М., 1996; Баранов Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы: моногр. СПб., 2008; Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социс. 1994. № 6; Катасонов А. В. Методологические аспекты проблемы легитимности политического господства в социологической модели Макса Вебера // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1998. № 1; Рябов А. В. Легальность и легитимность власти (круглый стол в МГУ) // Полис. 1994. № 2.

режима, в создании условий для повышения и поддержания авторитета власти. Эта функция ориентирована на создание системы взаимоотношений между обществом и властью, способной держать в повиновении народ при его согласии и поддержке действующей власти»[157].

Понятие *легитимации власти*, нередко используемое как синонимичное легитимности, верно разграничено и определено в политологической литературе «как процесс обретения легитимности»[158]. Считаем обоснованным понимание *легитимации* как процесса обретения и поддержания легитимности власти или режима. Оправданным считаем и распространение понятия легитимации С. А. Мясникова и на другие объекты – на лидера, институт, порядок, решение, политический курс[159].

Отдельно следует определить понятия, противоположные легитимации и легитимности, – *кризисы легитимации* власти и *делегитимацию* власти. В политологии оба понятия связываются с кризисом власти и утратой ей легитимности[160]. Не оспаривая правильность общего понимания этих понятий, считаем целесообразным их разграничить. Под кризисом легитимации власти мы предлагаем понимать снижение уровня поддержки власти населением, выраженное в различных формах: от отсутствия поддержки отдельных решений или курса власти до политического протеста (от абсентеизма до открытых форм протеста). Кризис легитимации в отличие от делегитимации имеет обратимый характер, может не иметь глубокого системного характера и быть связанным с конкретными непопулярными действиями представителей власти и при адекватных действиях власти вполне может быть успешно преодолен.

Делегитимация власти имеет более глубокий характер, она связана с системным и непреодоленным кризисом легитимации власти, ее очевидным появлением становится дестабилизация во всех значимых сферах для функционирования общества: политической, экономической, социальной. Наиболее вероятным сценарием процесса

---

[157] Керимов А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 81.

[158] Holmes L. Legitimation and legitimacy in Russia revisited // Russian Politics from Lenin to Putin / S. Fortescue (ed.). L.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 101–126; Soest von C., Grauvogel J. Identity, procedures and performance: How authoritarian regimes legitimize their rule // Contemporary Politics. 2017. Vol. 23, № 3. P. 287–305.

[159] Мясников С. А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. № 3. С. 230.

[160] Керимов А. А. Легитимность политической власти … С. 88.

делегитимации власти становится не просто утрата доверия населения, а смена политической власти.

Значимым представляется также определить понятие *легальности*, которое нередко используется как синонимичное *легитимности*. Разграничение этих понятий неоднократно становилось предметом дискуссий в трудах правоведов и политологов. Начало дискуссии положил представитель немецкой административной доктрины Отто Майер в конце XIX в., понимавший под легальностью «четкое и неукоснительное соответствие политико-правовых процедур»[161]. Макс Вебер в таком понимании ее включил в типологию законной власти, рассматривая легальность как соблюдение определенных процедурных правил, касающихся формирования и исполнения собственных решений со стороны государства[162].

Позиции современных исследователей варьируются от полного отождествления до противопоставления понятий[163]. В последние десятилетия доминирует позиция, что «легальность и легитимность представляют собой качественно разные ресурсы государственной власти»[164]. Легальность часто понимается как «деятельность стабильной власти, которая осуществляется в законодательных рамках, в соответствии с общепризнанным правовым регулятором»[165]. Такое понимание вполне обоснованно, значимой является взаимосвязь понятий легитимности и легальности, последнее представляет по своей сути политико-правовые механизмы оформления легитимности государственной власти.

Современные историки, обращаясь к сюжетам, связанным с историческим контекстом легитимности власти, преимущественно используют терминологию, сформированную в рамках политологических и социологических подходов. Так, Б. Н. Миронов исходит из устоявшегося представления о «легитимности» как о признании гражданами права власти управлять, о проявлении лояльности и доверия к власти. Соответственно, при исследовании вопроса о легитимности советской власти автор оценивает лояльность населения, удовлетворенность ее действиями, выраженные

---

[161] Современный политологический словарь / под ред. В. И. Даниленко. М., 2000. С. 236–237.

[162] Вебер М. Указ. соч. С. 42.

[163] Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. №2. С. 126–127; Дуденкова А. А. Легитимность как теоретическая категория: политико-правовой анализ // Философия права. 2005. № 4. С. 65.

[164] Рябов А. В. Указ. соч. С. 12.

[165] Безкоровайная Ю. Е. К вопросу о понятиях «легальность» и «легитимность» государственной власти в теории права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 2 (23). С. 19.

в голосовании на выборах (по данным электоральной статистики)[166]. При этом, как отмечалось в историографическом обзоре, среди исследователей отсутствует единодушие относительно возможности использования выборов как критерия легитимности власти в советские годы[167].

Теоретической основой изучения электорального поведения стали труды представителей разных научных школ, политических социологов и политологов. Западная традиция изучения электорального поведения насчитывает более века, сложились научные школы, разработаны теории его интерпретации, призванные предсказать исход голосования и объяснить результаты выборов. Наиболее распространенными стали социологическая, социально-психологическая и теория рационального выбора. Исторически первой появилась социологическая концепция в начале XX в. Ее основатели А. Зигфрид, П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, С. М. Липсет, С. Роккан полагали, что «в основе поведения избирателей лежит принадлежность к группе, определяемой социальными размежеваниями»[168]. Они объясняли групповые особенности голосования положением групп в обществе и влиянием этого положения на связи групп с политическими партиями[169]. В дальнейшем исследователи конкретизировали влияние социально-классовых и религиозных «расколов» и географического размещения групп на электоральное поведение избирателей. Несмотря на кризис индустриального общества, усложнение социальной структуры, исчезновение старых и появление новых социальных групп, активизацию социальной и географической мобильности, этот подход не теряет популярности. Современные исследователи полагают, что «социально-статусные различия продолжают влиять на голосование», но при изменении основы социально-статусной дифференциации, как следствие, формируются более сложные модели электорального поведения в рамках социологического подхода[170].

---

[166] Миронов Б. Н. О нелегитимности советской власти … С. 9–10.

[167] Папков С. А. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 3–15; Павлова И. В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

[168] Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: a Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago, 1954; Lipset S. M., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives. N. Y., 1967.

[169] Lipset S. M., Rokkan S. Op. cit. 1967; Липсет С. М. Политический человек. Социальные основания политики. М., 2016.

[170] Electoral change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries / Ed. by M. Franklin, T. Mackie, H. Valen. Cambridge, 1992. P. 337.

Социально-психологическая концепция – второй классический подход к интерпретации электорального поведения (А. Кэмпбелл, У. Миллер, Ф. Конверс). Основным ее постулатом стало утверждение, что «голосование выступает инструментом демонстрации избирателями своей политической идентификации, длительного чувства преданности, которое они испытывают к отдельным политическим партиям»[171]. Сторонники социально-психологической теории признают влияние и других («внешних») факторов, как то: деятельность правительства, мнение друзей, СМИ, ход избирательной кампании, конкретные политические и экономические условия. Однако по сравнению с партийной идентификацией их воздействие на процесс голосования обычно не столь значимо. Партийная идентичность становится своего рода фильтром, через который пропускается вся поступающая информация. Социально-психологическая теория успешно используется в странах с устойчивой партийной системой и традициями партийных предпочтений, т. е. прежде всего в США и Великобритании[172]. В условиях мультипартийных или неустойчивых политических систем влияние партийной идентификации на электоральный выбор неочевидно, социально-психологическая теория слабо применима для его объяснения.

В условиях нарастания социальной и политической энтропии и невозможности объяснения электорального выбора партийной идентичностью или принадлежностью к социальной группе в 1960-е гг. появилась теория рационального выбора (Э. Даунс, У. Райкер). Ключевое значение в электоральных предпочтениях, с точки зрения сторонников теории, выполняют внутренние потребности индивида, его ценности и мотивация[173]. В этой концепции избиратель рассматривается как потребитель, т. е. «избиратель соотносит свои потребности с предложением на политическом рынке и выбирает ту партию (того кандидата), которая способна, по его мнению, наилучшим образом помочь в решении актуальных для него вопросов»[174].

Главными недостатками классических концепций стали акцентирование внимания на одном из факторов электорального поведения (в социологической теории –

---

[171] Паппи Ф. У. Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 272.

[172] Critical elections: British parties and voters in long-term perspective / Ed. by G. Evans., P. Norris. London: Sage, 1999.

[173] Downs A. An Economic theory of democracy. N. Y., 1957; Riker W. H., Ordeshook P. C. An Introduction to Positive Political Theory, Englewood Cliffs, 1973; Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Полис. Политические исследования. 1994. № 3. С. 52.

[174] Riker W. H., Ordeshook P. C. Op. cit. P. 23.

принадлежность к социальной группе, в социально-психологической – механизм групповой идентификации, в теории рационального выбора – рациональность поведения индивида); преимущественное изучение поведения избирателей, проявляющих интерес к политике; игнорирование поведения остальной части электората. При этом апробация исследований носит национальный характер (в основном в странах англосаксонской системы). В результате актуальным остается вопрос о применимости и универсальности этих концепций для интерпретации электорального выбора в других странах и в различные исторические периоды. Если в современной российской политологии и политической социологии нет недостатка исследований национальных выборов, обобщения эмпирических сведений и попыток применения западных концепций для их интерпретации и создания интегративных моделей[175], то совершенно иным образом выглядит ситуация с анализом электорального поведения в исторических контекстах.

Применительно к советскому периоду изучение электорального поведения находится на этапе становления. Как уже отмечалось в историографическом обзоре, стратегии поведения различных групп избирателей на собраниях, причины электорального выбора, интерпретация электорального поведения остаются практически вне исследовательского интереса. Представляется, что основными причинами периферийного внимания к электоральному поведению в историографии стали методологические сложности анализа. Адаптация социологических методов к историческим контекстам для ученых не всегда очевидна. Также социологические концепции рассчитаны на анализ сложившихся и длительное время функционирующих западных демократических избирательных систем, выборов с участием конкурирующих партий и тайным голосованием. Советские выборы 1920-х гг. имели весьма значимые отличия от западной политической системы (ограниченная альтернативность, монополия правящей партии), представляли собой полувечевую форму обсуждения и голосования за кандидатов на избирательных собраниях. Однако недемократичность и несхожесть советской избирательной системы с западными не отменяет возможности

[175] Ослон А., Петренко Е. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям // Вопросы социологии. 2006. № 5. С. 8–16; Королькова Ю. М. Электоральное поведение граждан в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Тула, 2007; Голосов Г. В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Политические исследования. 1997. № 4; Малашенко И. В. Изучение электорального поведения населения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий // Вестник Брянского гос. ун-та. 2014. № 2. С. 89–94.

исторической реконструкции различных поведенческих реакций и политических стратегий граждан в рамках советских избирательных кампаний, выявления причин электорального выбора, анализа политических настроений, требований.

В современных исследованиях нет единства относительно подходов к понятию и структуре электорального поведения, соотношение политического и электорального поведения населения точно не определено[176]. В узком смысле под *электоральным поведением* понимается «форма проявления политического поведения граждан по поводу делегирования своих избирательных полномочий»[177] или «процесс принятия решений гражданами относительно участия в выборах и голосования за политические силы или кандидатов»[178]. В более широком смысле под *электоральным поведением* понимают: «ценностные установки, политические ориентиры и предпочтения, принадлежности к определенной среде и социальной группе, с учетом факторов внешнего электорального воздействия»[179]. Изучение электорального поведения в историческом контексте предполагает реконструкцию не только процесса принятия решения и голосования, но и политических представлений, ценностных установок, поэтому целесообразно исходить из более широкого понимания электорального поведения. В четвертой главе предпринята попытка анализа и интерпретации электорального поведения советских избирателей, определения поведенческих стратегий (моделей) на выборах при принятии решения об участии в выборах и о голосовании за кандидатов. Также соотнесены модели электорального поведения и различные группы избирателей, дана их интерпретация в рамках общих концепций электорального поведения.

Значимой представляется конкретизация терминологии, связанной с избирательной системой, избирательным процессом, избирательным правом, избирательной кампанией и в широком смысле с выборами. Учитывая, что обозначенные термины использовались советскими правоведами и практическими работниками, логично обратиться к их публикациям. Однако их анализ показал низкий уровень разработки «избирательного» терминологического аппарата. В ряде случаев полностью отсутствовали дефиниции (и понимание возможно только через контексты),

---

[176] Ослон А., Петренко Е. Указ. соч. С. 8.

[177] Охременко И. В. Электоральное поведение: теория вопроса. Волгоград, 2001. Ч. 1. С. 33.

[178] Келли г. Процесс казуальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология. 2014. С. 113.

[179] Богданова М. Н. Российская электоральная политика: институциональные ресурсы и технологии реализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 21.

отождествлялись разные понятия, сегодня используемые как нетождественные. Кроме того, сравнение советских и современных интерпретаций показало существенные различия в понимании терминологии. Для предотвращения терминологической путаницы представлен анализ современных подходов к избирательной терминологии, являющейся частью междисциплинарного политико-юридического дискурса. Обозначены различия с их интерпретациями в советский период, в результате обосновано использование понятий в представленных формулировках.

В исследуемый исторический период понятие «*выборы*» нечетко детерминировалось и скорее употреблялось как обобщенное понятие для всей электоральной сферы. Советские правоведы определяли выборы как «институт пролетарской демократии» и противопоставляли его демократии буржуазной[180]. Практические работники советских и партийных органов под выборами понимали «способ формирования органов пролетарской демократии (Советов)»[181], при этом зачастую это понятие было тождественным «выборной (перевыборной) кампании». Для современного периода и уровня развития общественных наук очевидна ограниченность подобных трактовок, поэтому считаем возможным обратиться к актуальным интерпретациям понятия «выборы».

В современной политологии *выборы* рассматриваются как способ формирования органов государственной власти, способ их легитимации и элемент (компонент) более общей политической системы общества или политического процесса смены властвующих элит, групп и партий[182]. А. Х. Халитова верно отмечает, что «политолога выборы интересуют как политический феномен, т. е. какие политические силы и для чего в выборах участвуют»[183]. Правоведы при интерпретации выборов исходят в первую очередь из нормативного определения как «формы прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с законодательством в целях формирования органа государственной власти или наделения полномочиями должностного лица»[184]. В юридических исследованиях при определении выборов акцент делается на

---

[180] Бродович С. М. Советское избирательное право ... С. 9; Гурвич Г. С. Основы советской Конституции ... С. 122.

[181] Киселев А. Как избирать... С. 12.

[182] Халитова А. Х. О политологическом понимании понятия «выборы» // Вестник ТГПУ. 2006. № 5. С. 56–61.

[183] Там же. С. 60.

[184] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон РФ от 12.06.2002. № 67// СЗ РФ от 17 июня 2002 г. № 24. Ст. 2253.

институциональных и законодательных аспектах организации выборов[185]. Соответственно, первичной выступает не политическая, а процедурная часть реализации выборов, именно с этим связано довольно частое отождествление в научной юридической литературе понятий «выборы» и «избирательный процесс»[186].

То есть политологический и юридический подходы к пониманию выборов не являются антагонистичными, а дополняют друг друга, исходя из разных дисциплинарных областей, формируют более целостное представление о выборах как об институте политической демократии. В нашем диссертационном исследовании выборы рассматриваются как политико-правовой феномен, в политическом аспекте – как основополагающий институт народовластия, форма политического участия граждан в жизни общества и государства, в правовом аспекте – как способ формирования органов государственной власти, реализуемый с помощью различных избирательных институтов и процедур.

Избирательная система – одно из центральных понятий в нашем исследовании, поэтому полагаем значимым его детерминировать и обосновать его использование в понимаемом смысле. В первую очередь отметим, что в исследуемый исторический период (1920–1930-е гг.) понятие избирательной системы не было четко определено. Но в используемых контекстах трактовалось либо как тождественное понятию «избирательное право» (как система норм, устанавливающих порядок формирования государственных органов)[187], либо как принципы, на которых базировалось избирательное право (всеобщность, равенство, система представительства, распределения мандатов и т. д.)[188]. Аналогично с выше обсуждаемым понятием «выборы» очевидна ограниченность подобных трактовок, и современный уровень политико-юридического дискурса существенно расширяет представления об избирательной системе, поэтому полагаем возможным обратиться к ее актуальным интерпретациям.

---

[185] Авакьян С. А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2015. № 5. С. 23–39; Веремеев А. В. Понятие выборов и их функций. Основные определения, характеризующие институт выборов // Научные стремления. 2013. № 4 (8). С. 9–13; Еминцева Ю. А. Понятие выборов в трудах российских ученых-правоведов // NovaUm. ru. 2016. № 4. С. 14; Новиков М. С. Понятие выборов, их значение в механизме народовластия // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 1. С. 33–36.

[186] Еминцева Ю. А. Указ. соч. С. 14; Новиков М. С. Указ. соч. С. 33–36

[187] Гурвич Г. С. Основы советской Конституции ... С. 121–128.

[188] Бродович С. Основные элементы советской избирательной системы ... С. 35– 69.

Избирательная система – понятие, широко используемое в политико-правовом дискурсе, но наиболее значимые попытки концептуального осмысления его содержания предпринимались в юридических исследованиях. Наиболее распространенным остается формально-юридический подход, определяющий избирательную систему как «совокупность норм, устанавливающих избирательные права граждан, организацию и порядок выборов в органы государственной власти»[189]. Такой подход позволяет установить внутреннюю структуру (институты, правовые нормы, их классификацию) и одновременно рассматривать избирательную систему как часть системы более высокого порядка – отрасли конституционного права, что способствует глубокому исследованию нормативных элементов избирательной системы и изучению внутренних связей внутри норм и институтов. Очевидный недостаток формально-юридического подхода — ограниченность понимания, когда «избирательная система предстает лишь как модель, описанная в официальном тексте»[190], и не позволяет определить ее сущностные особенности, взаимосвязь с другими элементами политической системы и влияние на складывающиеся общественные отношения.

Дополняет формально-юридическую трактовку избирательной системы инструментальный подход, рассматривающий ее как совокупность правил и процедур, обеспечивающих распределение мандатов депутатов в представительных органах. Так, Б. А. Страшун обозначает избирательную систему как «способ определения того, кто из баллотировавшихся кандидатов избран на должность или в качестве депутата»[191]. Многочисленные исследования в рамках этого подхода выделяют разные типы избирательных систем: мажоритарные, пропорциональные, смешанные и т. д.[192] Ограниченность этого подхода связана с отождествлением системы с технологией распределения мандатов, основанной на избирательных процедурах. Этот подход к

[189] Кузьменко С. Г. Становление и развитие избирательной системы высших представительных органов государственной власти России, 1905–2007 годы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 18.

[190] Демешко И. В. Концептуализация понятия «избирательная система» через призму постнеклассической юридической рациональности в российском конституционном праве // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 1.

[191] Страшун Б. А. Понятие и виды избирательных систем // Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. / отв. ред. А. В. Иванченко. М.: Норма, 1999. С. 23.

[192] Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Смешанная и пропорциональная избирательные системы в условиях российского президенциализма // Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник-2008. М., 2009; Худолей Д. М. Классификация избирательных систем // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2016. № 33. С. 258–267.

интерпретации избирательной системы воспринят в политологии и преобладает в современных политологических исследованиях[193].

Попытки определить избирательную систему через ее социальную сущность представлены в рамках функционального и институционального подходов. Представители функционального подхода делают акцент на реализации избирательного права граждан и избирательную систему рассматривают как «общественные отношения, которые складываются в процессе организации и проведения выборов»[194]. Такая трактовка избирательной системы учитывает особенности практической реализации избирательных процедур в сфере организации и проведения выборов. Но игнорирует то обстоятельство, что отношения входят в состав избирательной системы только в том случае, если они урегулированы нормами избирательного права, и этот подход к избирательной системе также не представляется исчерпывающим.

Институциональный подход к пониманию избирательной системы предлагает наиболее широкий взгляд и интерпретирует ее как «социальный и политико-правовой институт», включая в контексты политико-правовой жизни общества[195]. Этот подход представляется исключительно продуктивным при изучении взаимосвязей с другими элементами политической системы, но уязвимым при исследовании ее структурных элементов, их внутреннего функционирования, взаимодействия элементов внутри системы.

Значительным потенциалом интерпретации понятия избирательной системы обладает системно-структурный подход. Один из приверженцев этого подхода А. В. Зиновьев отмечает, что «избирательная система потому и называется системой, что она состоит из упорядоченной совокупности элементов, институтов и предполагает включение в нее и правовых норм, и отношений, и порядка определения результатов выборов»[196]. Однако при выделении структурных элементов автор обосновывает включение в избирательную систему только принципов и юридических норм[197], что

---

[193] Вольский В. И., Карпов А. В. Применение различных вариантов правила передачи голосов // Полития. 2011. № 2. С. 162–174; Керимов А. А. Избирательные системы: проблемы выбора для современной России // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2016. № 2 (152). С. 70–79.

[194] Скосаренко Е. Е. Избирательная система в политической жизни России: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

[195] Старостина И. А. Избирательная система и формирование институтов представительной демократии в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 19.

[196] Зиновьев А. В. Конституционное право России: проблемы теории и практики. СПб., 2000. С. 150.

[197] Белоновский В. Н. Избирательное право. Общая часть. М., 2008. С. 27; Зиновьев А. В. Указ. соч. С. 152.

оставляет интересный замысел системного анализа нереализованным и отсылает к формально-догматическому пониманию избирательной системы.

В последнее десятилетие многие исследователи высказываются в пользу интегративного (или комплексного) подхода к пониманию избирательной системы, позволяющего исследовать ее с учетом различных методологических подходов[198]. Интегративный подход предлагает понимать под избирательной системой «сложную конституционно-правовую конструкцию, представленную совокупностью целостных, логически оформленных, относительно самостоятельных, но вместе с тем взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем, обеспечивающих, во-первых, реализацию избирательных прав граждан; во-вторых, организацию, проведение и подведение итогов выборов в органы государственной власти; в-третьих, легитимную трансформацию политической власти в государственную»[199].

Обзор научных подходов к понятию избирательной системы и ее содержательной интерпретации с очевидностью показывает отсутствие единого подхода. Полагаем широкие подходы к пониманию избирательной системы более обоснованными. А сужение избирательной системы до порядка распределения мандатов или совокупности норм, регламентирующих избирательную сферу, неоправданным. Любая система предполагает наличие в ней подсистем, различных институтов и элементов. Представляется возможным исходить из следующего широкого понимания *избирательной системы* как конструкции взаимосвязанных подсистем, включающих три основных элемента: 1) совокупность норм, устанавливающих избирательные права граждан, порядок их реализации, в том числе правила определения результатов и распределения мандатов; 2) механизм организации и проведения выборов; 3) электоральные практики, складывающиеся на основе реализации норм отношений субъектов избирательного права. Такое понимание заложено в структуре выделения разделов работы. В рамках первого элемента избирательной системы выделяются *институты*, под которыми понимается совокупность норм, регулирующих обособленные группы отношений, связанные с реализацией избирательных прав.

Очевидно, что в обозначенной трактовке понятие «избирательная система» ни в работах советских правоведов, ни в избирательной практике не использовалось. В этом

---

[198] Елистратова В. С. Избирательная система России: конституционно-правовые основы и политическая практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008; Демешко И. В. Указ. соч.

[199] Елистратова В. С. Указ. соч. С. 11–12.

смысле предмет диссертационного исследования можно рассматривать как исследовательскую конструкцию, необходимую для терминологической определенности и решения поставленных задач.

Понятие «*избирательное право*» не относится к числу дискуссионных и исчерпывающе определено в современной юриспруденции. Под избирательным правом понимается: 1) совокупность правовых норм, регулирующих выборы (объективное избирательное право, или позитивное избирательное право); 2) право граждан государства избирать (активное избирательное право) и быть избранными в представительные органы (пассивное избирательное право), в этом смысле принято называть субъективное избирательное право[200]. В исследуемый исторический период в зарождавшейся советской доктрине избирательного права оно трактовалось как право в объективном смысле – «система норм, определяющих порядок установления состава представительных государственных органов»[201]. Наделение граждан избирательными правами (избирательное право в субъективном смысле) трактовалось как один из принципов избирательного права или избирательной системы[202]. Во избежание двусмысленности в нашем исследовании полагаем целесообразным использовать устоявшееся современное понятие в объективном (как совокупность правовых норм, регулирующих выборы) и субъективном (право граждан избирать и быть избранными в представительные органы) смыслах.

Понятие и содержание *избирательного процесса* хотя и не вызывают единства позиций специалистов, но преимущественно под избирательным процессом понимается «урегулированная нормативными актами совокупность стадий организации и проведения выборов, выстроенных в определенной последовательности»[203]. Соответственно, под стадией избирательного процесса понимаются «основные этапы организации и проведения выборов, в рамках которых последовательно реализуются избирательные процедуры, обеспечивающие реализацию избирательных прав граждан»[204]. Полагаем возможным использовать понятия избирательного права и

---

[200] Баглай М. В. Конституционное право РФ: учеб. М., 2025. С. 395; Красовская Л. П., Томин В. А. Избирательное право: конспект лекций. СПб., 2018. С. 25.

[201] Бродович С. М. Советское избирательное право ... С. 8.

[202] Бродович С. Основные элементы советской избирательной системы ... С. 39; Гурвич Г. С. Основы советской Конституции ... С. 121.

[203] Худолей Д. М. Понятие избирательного процесса // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2015 № 2 (28). С. 19.

[204] Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Избирательное право: учеб. М., 2001. С. 23.

избирательного процесса в приведенных формулировках в нашем исследовании. Также заметим, что советские правоведы и практические работники не детерминировали избирательный процесс. В разных контекстах понятие использовалось как тождественное выборам или перевыборной кампании; либо выборная кампания рассматривалась как часть избирательного процесса[205].

Понятие избирательной кампании (предвыборной кампании) более широко исследователями рассматривается как часть избирательного процесса (в рамках подготовительного этапа). И под ней понимается «деятельность, направленная на информирование избирателей и стимулирование их участия в голосовании, осуществляемая в период подготовки и организации выборов»[206]. В политологии большее распространение получило узкое понимание избирательной кампании, в котором акцент делается на избирательных технологиях и агитационных мероприятиях, проводимых политическими партиями и кандидатами в целях обеспечения максимальной поддержки избирателей на выборах[207]. Учитывая исторические контексты, целесообразно использовать более широкую интерпретацию понятия «избирательная кампания». Тем более что и в советских реалиях выборная кампания (перевыборная кампания) либо отождествлялась с выборами, либо трактовалась как часть избирательного процесса, охватывавшая различные мероприятия по информированию избирателей, агитации, отчеты кандидатов и советских органов и т. д.[208]

Источники. Проведение исследования в обозначенных хронологических и территориальных рамках потребовало использования широкого круга источников, которые можно классифицировать по различным основаниям. В современном источниковедении наиболее распространены классификации, обоснованные в работах по теории источниковедения И. Д. Ковальченко и Л. Н. Пушкарева. Классификация И. Д. Ковальченко основывается на исторической периодизации, когда каждому историческому периоду соответствует свой круг источников. Для советского периода в

---

[205] Полуян Я. Перевыборная кампания // Власть Советов. 1926. № 1. С. 1–2. Киселев А. О выборной кампании в Советы // Власть Советов. 1926. № 15. С. 1–3.

[206] Белов С. А. Избирательная система как правовой институт. СПб., 2005. С. 14; Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Указ. соч. С. 23.

[207] Технологии политического успеха / Я. Ф. Баширова [и др.]; под ред. В. Д. Нечаева. М., 2007. С. 38.

[208] Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924–1925 гг. // Власть Советов. 1925. № 11. С. 10–12; Полуян Я. К вопросу о предстоящей перевыборной кампании // Власть Советов. 1925. № 37. С. 1–2; Карп А. Об избирательной кампании в РСФСР // Власть Советов. 1925. № 49. С. 14–16.

качестве основных выделяются: документы Коммунистической партии СССР; акты законодательных и исполнительных органов; делопроизводственная документация государственных учреждений, предприятий и общественных организаций; статистические источники; материалы планирования народного хозяйства СССР; периодическая печать и воспоминания, дневники, частная переписка[209].

Л. Н. Пушкарев выделяет два основных типа письменных источников: документальные (делопроизводственные) и повествовательные (нарративные) (в зависимости от «преобладания воплощения или отображения действительности»)[210]. Документальные источники автор классифицирует на картографические, статистические, актовые и канцелярские; повествовательные – на личные, художественные, исторические и научные, отмечая относительность деления и наличие смешанных видов источников[211]. Исходя из наиболее принятой классификации, в диссертации использовались следующие виды источников: *документальные*, к которым можно отнести нормативные правовые акты, статистические материалы и делопроизводственную документацию, и *нарративные* – материалы советской периодики, личные письма и жалобы избирателей. Относительно статистических материалов согласимся с позицией современных исследователей о неоднозначности их видовой классификации. Аргументированной представляется позиция В. М. Рынкова о том, что статистическая информация не формирует особого вида источника, и «может содержаться в самых разных документальных и повествовательных источниках»[212].

Одну из наиболее значительных групп документальных источников составили *нормативные правовые акты*, регулировавшие проведение выборов. В диссертации выявлен и проанализирован полный комплект избирательного законодательства, принятый высшими органами власти. Комплекс нормативных актов включает Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг., Конституции СССР 1924 и 1936 гг., инструкции о выборах, положения о Советах и съездах различных уровней, принимаемые декретами или постановлениями ВЦИК и ЦИК СССР. Многочисленную группу нормативных актов составили постановления ВЦИК и ЦИК СССР об установлении или изменении

---

[209] Источниковедение истории СССР: учеб. / под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд. М., 1981. С. 359–480.

[210] Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 256.

[211] Там же. С. 267.

[212] Рынков В. М. Статистические источники в свете видовой классификации // Уральский исторический вестник. 2024. №3 (84). С. 122.

норм представительства, а также регулировавшие другие вопросы избирательного процесса (лишения и восстановления в избирательных правах, переноса сроков выборов, отмены местных инструкций и т. д.). Все используемые акты опубликованы в Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР) и Собрании законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (далее – СЗ СССР).

Исследование нормативных актов проводилось с учетом их классификации по юридической силе (одной из основных в юриспруденции). Наиболее значимыми признаются конституционные акты, далее следуют законодательные акты, принятые высшими законодательными органами, меньшая юридическая сила – у подзаконных актов[213]. При этом учитывались особенности исследуемого периода, в котором не использовался термин «закон», его роль фактически выполняли нормативные акты, принимаемые съездами Всероссийских и Всесоюзных Советов и ВЦИК, ЦИК СССР: декреты, положения, обращения и постановления съездов Советов и сессий ВЦИК. Инструкции о выборах, утвержденные декретами ВЦИК, также рассматриваются как законодательные, а не подзаконные акты. Относительно особенностей нормативных актов раннесоветского периода, которые необходимо принимать во внимание при их анализе, полагаем вполне обоснованным выделение признаков, сформулированных Ю. А. Русиной: «отсутствие разделения властей и соответствующих им функций законотворчества, неразработанность специфической правовой терминологии как в названиях документов, так и в содержании текстов, огромное количество, а также видовое и тематическое разнообразие законодательных актов, ярко выраженный агитационно-пропагандистский дискурс, революционная стилистика языка»[214].

Одним из остро дискуссионных вопросов в историко-юридической и источниковедческой науке остается вопрос о правовой природе, месте и роли совместных постановлений партийных и советских органов, появившихся в 1931 г. [215]

---

[213] Алексеев С. С. Теория государства и права: учеб. М. 2001. С. 315.

[214] Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России: учеб. пособие. Екатеринбург, 2015. С. 19.

[215] Журавлев С. В. Советское нормотворчество: особенности источниковедческого исследования // Российская государственность: история и современность: сб. ст. / отв. ред. Р. г. Пихоя. М., 2007. С. 412–438; Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987; Кодан С. В. «Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют…» Совместные нормативно-правовые акты коммунистической партии и советского государства в системе источников советского права // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 39–53; Минникес И. В., Токмин С. А. Партийный акт как источник права // Академический юридический журнал. 2014. № 4. С. 4–12; Винниченко О. В., Ваганов А. М. К

Не вдаваясь в детали научной дискуссии о сущностной природе совместных постановлений, полагаем возможным присоединиться к позиции о выделении этих актов в особую группу. В дискуссии вполне аргументированным представляется мнение С. В. Кодана, что появление совместных постановлений отражало тенденцию к сращиванию партийного и государственного аппаратов, эти акты «выступали важным средством законодательной легализации государством политических и идеологических решений коммунистической партии»[216].

Обратимся к более подробному анализу нормативных актов, регулирующих проведение выборов (на основе массива нормативных актов, изданных на уровне РСФСР, охватывающих изучаемый период с ноября 1917 г. по 1936 г. и опубликованных в СУ РСФСР). Обобщенные данные показаны в диаграммах. В рассматриваемый период был принят 91 акт, регулирующий избирательную сферу. Наибольшая активность в регулировании наблюдалась в ходе трех избирательных кампаний: в 1926/27 г. принято 15 актов, в 1928/29 г. – 18 актов и в 1930/31 г. – 15 актов. В другие избирательные кампании законодательная активность ВЦИК и Всероссийского съезда была существенно ниже: в 1922 г. было принято 7, в 1924 г. – 4, в 1925 г. – 6, в 1934 г. – 6 актов. Диаграмма 1 о количестве нормативных правовых актов, изданных по избирательной проблематике, представлена ниже.

Диаграмма 1

Общее количество нормативных правовых актов, изданных по избирательной тематике в РСФСР (1917–1936 гг.)[217]

вопросу об определении статуса партийных документов в системе источников советского права // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2012. № 3. С. 207–208.

[216] Кодан С. В. Указ. соч. С. 51.

[217] Диаграмма составлена по законодательству, опубликованному в СУ РСФСР.

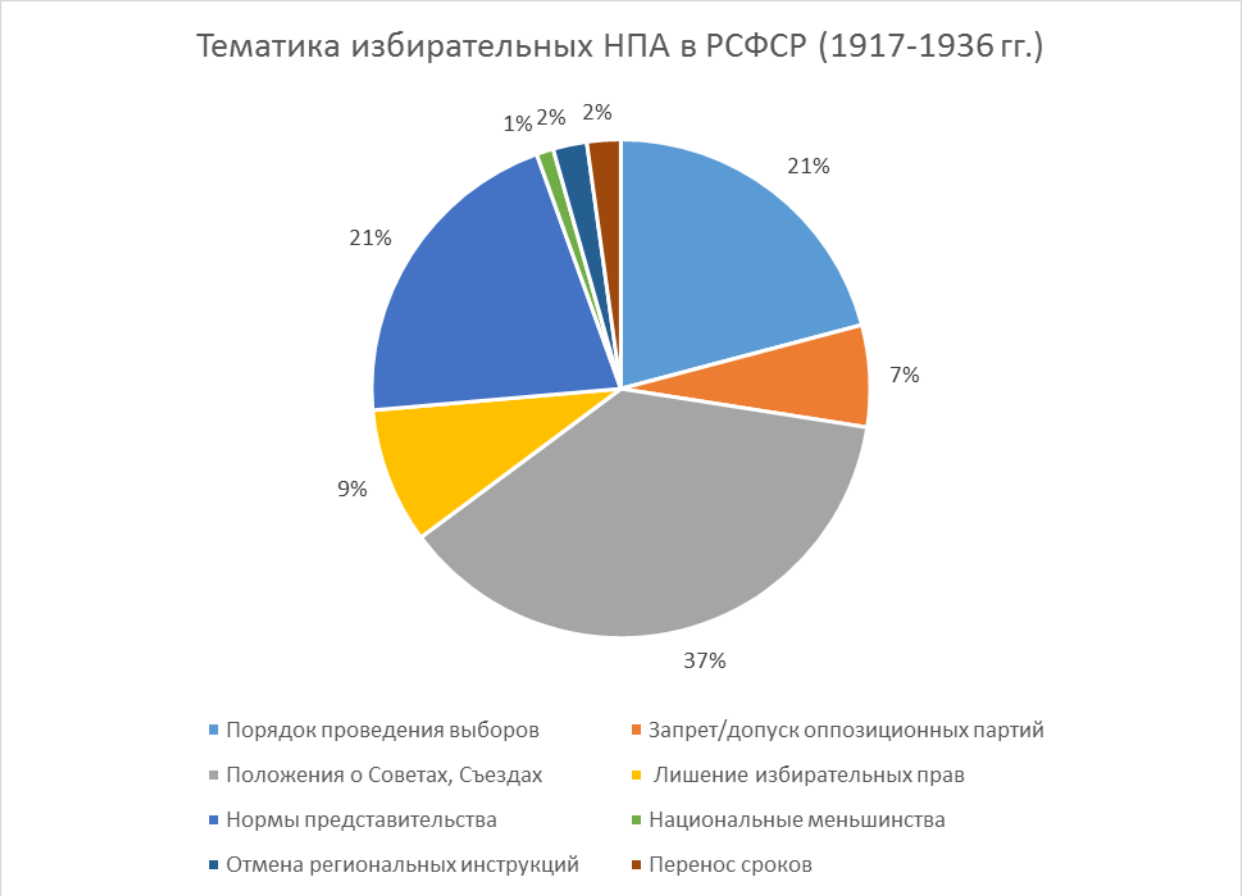
Тематический анализ нормативных актов показывает существенную эволюцию внутри периода. Если в послереволюционный период основная масса актов – 75 % в ноябре-декабре 1917 г. и 60 % в 1918 г. была посвящена вопросам борьбы с оппозиционными партиями (акты о запрете или допуске оппозиционных партий к участию в выборах в Советы и об отзыве делегатов от оппозиционных партий), то в 1920-е гг. после вытеснения оппозиционных партий из политического поля этот вопрос потерял актуальность. Начиная с 1925 г. наибольшее количество актов было посвящено двум вопросам: установлению или изменению норм представительства (для различных социальных групп, чаще регионов или представителей национальных меньшинств) и лишению (восстановлению) в избирательных правах. В кампанию 1926/27 г. доля специальных актов, посвященных вопросу изменения норм представительства, составила 53,3 %. При этом нормы представительства устанавливались не только специальными актами, но и положениями (или изменениями в положениях) о Советах и съездах различного уровня. Повышенный интерес к лишению и восстановлению в избирательных правах государство проявляло в кампанию 1930 г. (30 % нормативных актов), что было связано с кампанией по борьбе с нарушениями избирательного

законодательства. В остальные кампании число актов, посвященных лишению прав, распределялось равномерно и не превышало 10 % от общего количества актов.

Наибольшее количество нормативных актов за изучаемые годы было принято по общим вопросам урегулирования порядка проведения выборов (декреты, инструкции) и в положениях о Советах и съездах различного уровня (о формировании государственных органов, нормах представительства, выборах делегатов и т. д.). Акты, регулирующие порядок проведения выборов, составили пятую часть всех принятых актов (20,8 %), положения о Советах и съездах – более трети всех актов (37,3 %). Инструкции по проведению выборов принимались в преддверии избирательной кампании и отражали изменения в подходах государственной избирательной политики, были основным актом для проведения выборной кампании. Распределение нормативных актов по избирательной тематике отражено в диаграмме 2.

Диаграмма 2

Распределение нормативных актов по избирательной тематике (1917–1936 гг.), %



В целом изученный массив нормативных правовых актов стал важным источником для изучения советских избирательных институтов и этапов формирования политики государства в электоральной сфере.

Из документальных источников широко использовались статистические источники, в первую очередь статистические справочники и сборники об итогах выборов, опубликованные с 1921 по 1935 гг., а также неопубликованные статистические материалы по итогам избирательных кампаний, находящиеся на хранении в архивах (фонды Ф. Р-393 и Ф. Р-1235, Ф. А-5248), представляющие собой предварительные результаты выборов в целом по РСФСР и по отдельным регионам.

Статистические электоральные сборники, помимо сведений о ходе и итогах выборов, содержат данные по широчайшему кругу вопросов (о социальном и экономическом положении избирателей, лиц, лишенных избирательных прав; депутатах; составах Советов и съездов всех уровней) и являются ценным источником информации о советских органах, социальных и политических процессах 1920–1930-х гг. Статистические сборники об итогах выборов использовались в диссертации в качестве значимого источника при характеристике электорального корпуса, складывавшихся электоральных практик, итогов избирательных кампаний.

При этом отдельной оценки заслуживает уровень достоверности и сопоставимости показателей советской электоральной статистики. Ее становление отражало основные этапы, проблемы формирования избирательного механизма и колебания политического курса в Советской России в 1920-е гг. На начальном этапе избирательной статистикой (как и проведением выборов) занимался Наркомат внутренних дел, с 1926 г. избирательная отчетность переходит в введение Всероссийской центральной избирательной комиссии и ВЦИК[218].

Качество избирательной статистики на первоначальном этапе было невысоким, до 1924 г. сведения о выборах и составе Советов, съездов Советов различных уровней носили фрагментарный характер, формы избирательной отчетности существенно разнились в различных губерниях и городах. Руководство наркомата признавало этот факт. Так, замнаркома внутренних дел М. Ф. Владимирский в 1921 г. констатировал: «у нас до сих пор нет статистики выборов в сельские Советы, которая позволила бы

[218] Подробнее см.: Саламатова М. С. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. 2016. № 2 (28). Т. 2. С. 97–107.

выяснить детали организации советской власти в сельских местностях; статистические данные о волостных, уездных и губернских съездах, полученные НКВД выборочным методом, позволяют сделать лишь некоторые общие выводы о составе съездов»[219]. Сотрудники НКВД в первую очередь уделяли внимание сбору сведений по губернским и уездным съездам Советов и исполкомам, данные за 1919–1921 гг. охватывали около 60–65 % их общего числа[220]. Совершенно неучтенным оставался уровень выборов в сельсоветы, в 1921 г. в порядке эксперимента изучались выборы сельсоветов лишь по трем уездам[221]. Очевидно, что в такой ситуации степень достоверности электоральной статистики была невысокой и первые статистические сборники отражали скорее тенденции, чем точные данные[222].

По мере повышения уровня управляемости избирательной сферой к середине 1920-х гг. повышается и качество электоральной статистики, увеличивается количество показателей, расширяется охват административно-территориальных единиц, растет скорость обработки сведений. Наглядно это видно по данным, предоставляемым по итогам выборов в горсоветы: в 1920 г. данные о выборах предоставили 122 города и поселка городского типа, в 1921 г. – 150, в 1922 г. – 94, в 1923 г. – 212, в 1924 г. – 305, в 1925/26 г. – 365, в 1926/27 г. – 584, в 1928/29 г. – 709, 1930/31 г. – 659[223]. Наиболее точные статистические данные по выборам представлены в сборниках второй половины 1920-х гг. (1925/26, 1926/27 и 1928/29 г.), они охватывают максимальное количество городов и административных единиц и максимальное количество показателей. Достоинство этих сборников – обобщенные данные как по республике в целом, так и по отдельным городам и регионам. В статистических сборниках 1930-х гг. резко сокращается количество показателей, в кампанию 1934/35 г. данные публикуются в разрезе страны и республик, данные по регионам закрываются.

При использовании статистических сборников наибольшую сложность представляет сопоставление показателей из-за их высокой изменчивости. Формы избирательной отчетности изменялись к каждой кампании, эволюционировали в

---

[219] Владимирский М. Ф. Организация Советской власти... С. 18.

[220] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления). Вып. 2. М., 1921. С. 3–5.

[221] Устинов В. Опыт статистической сводки данных о сельсоветах // Власть Советов. 1921 № 2. С. 4–6.

[222] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов ... Вып. 2. М., 1921; Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924.

[223] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 1; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 5; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г.: стат. сб. М., 1931.

сторону увеличения числа показателей. Так, до 1924 г. заполнялись три формы, в 1929 г. количество форм возросло до 15, происходило и последовательное увеличение количества показателей в формах отчетности. Помимо количества показателей, менялось и их содержание. В периоды подготовки и подведения итогов избирательной кампании активно обсуждалось содержание показателей. Так, в кампании второй половины 1920-х гг. наиболее ожесточенные споры в межведомственных комиссиях вызывали вопросы об определении социального положения депутатов, делегатов съездов и «лишенцев»; учете различных промежуточных групп избирателей[224]. Затяжным стало обсуждение вопроса об установлении состоятельности крестьянского хозяйства и классификации крестьян по экономическому положению. Этот вопрос имел принципиальное значение, поскольку касался распределения крестьян на социально близкие (пролетарские) и классово чуждые (полубуржуазные и буржуазные) большевикам группы крестьянства: батраков, бедняков, середняков и кулаков. Госплан и Центральное статистическое управление (ЦСУ) представили две различные методики определения экономического положения крестьянского хозяйства. Госплан предлагал классификацию, исходя из налогообложения всего хозяйства, ЦСУ – по налогу, приходившемуся на одного едока в хозяйстве[225].

Проведенные статистическим отделом ВЦИК расчеты показали расхождения в группировках хозяйств до 13 % и необходимость корректировки методик[226]. В итоге за основу приняли формы ЦСУ, откорректировав методику расчета, сделав более дробной классификацию имущественных групп крестьян[227]. При этом корректность определения социально-имущественного положения крестьянина (исходя из суммы уплаченного налога на едока в хозяйстве) вызывала сомнения у статистиков того времени. В статистическом сборнике по итогам кампании 1928/29 г. констатировалось, что «на основании признака уплаты сельхозналога на едока в хозяйстве точное распределение крестьян на бедняков, середняков и зажиточных представляется затруднительным как из-за общей недостаточности одного признака уплаты налога, так и из-за изменения ставок налога в 1928 г. по сравнению с предыдущей кампанией»[228]. Оценку социально-

[224] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176–225; Оп. 103. Д. 76. Л. 65–68; Оп. 102. Д. 132. Л. 80–92; Оп. 105. Д. 502. Л. 9–19; Д. 504. Л. 22–47; Оп. 107. Д. 232. Л. 8–27.

[225] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 504. Л. 87–88.

[226] Там же. Л. 39.

[227] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 504. Л. 44.

[228] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 11.

классового состава сельсоветов предлагалось проводить на основе совокупности экономических показателей хозяйств, однако после проведения коллективизации этот вопрос потерял актуальность. В итоге до кампании 1926 г. показатели, определяющие имущественное положение крестьянства, не вводились, а данные за 1926/27 и 1928/29 г. слабо сопоставимы, т. е. адекватный анализ динамики социального положения членов Советов практически невозможен.

Бесконечные изменения в показателях крайне затрудняют выявление динамики процессов. Это касается не только определения социального, классового и имущественного положения различных категорий населения, но и национального, возрастного и образовательного состава депутатов и членов исполкомов, анализа состава «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей в городах[229].

Также использовались неопубликованные статистические материалы по итогам избирательных кампаний, которые представляют собой предварительные результаты выборов в целом по РСФСР и по отдельным регионам. Они позволили уточнить процесс сбора результатов итогов выборов, выявить тенденции, не отраженные в официальной статистике (например, в период массовой отмены выборов конца 1924 г. – начала 1925 г.). Несомненный интерес представляют данные, не вошедшие в официальные сборники, особенно по кампаниям начала 1920-х гг., 1930/31 г., 1934/35 г., когда в сборниках публиковалось ограниченное число сведений. Именно неопубликованные данные позволили существенно расширить представления об электоральных процессах.

В целом уровень полноты и достоверности избирательной статистики 1920–1930-х гг. был невысоким, что существенно ограничивает изучение советской избирательной системы и государственных органов, и этот аспект учитывался при оценке электоральных процессов.

Среди документальных источников особую роль для решения поставленных исследовательских задач выполняла *делопроизводственная документация* государственных и партийных органов, находящаяся на хранении в различных архивах. В работе преимущественно использовались документы двух центральных архивов – Государственного архива Российской Федерации и Российского

[229] Подробнее см.: Саламатова М. С. Электоральный корпус советских городов: проблемы социальной идентификации и отражение в избирательной статистике 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 11–24.

государственного архива социально-политической истории. Дополнительно привлекались и документы местного архива – Государственного архива Новосибирской области. Наибольшую ценность для исследования представляют документы четырех фондов, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. Это фонды Наркомата внутренних дел (Ф. Р-393), Всероссийского центрального исполнительного комитета (Ф. Р-1235), Центрального исполнительного комитета СССР (Ф. Р-3316) и Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (Ф. А-5248). А также документы четырех фондов, находящиеся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б) (Ф. 17), фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК (Ф. 94)), и личных фондов В. И. Ленина (Ф. 2) и И. В. Сталина (Ф. 558).

Фонды советских органов изучались последовательно и с учетом их роли в механизме советских выборов. В первоначальный период (с 1917 по 1924 г.) организацией выборов Советов преимущественно занимался Наркомат внутренних дел, в делах его подразделений отложились соответствующие материалы. До 1922 г. избирательное делопроизводство отложилось в делах отдела местного управления, инструкторского и статистического отделов. После реорганизации подразделений наркомата в 1922 г. – в делах организационно-административного управления (инструкторско-информационного и статистического отделов), а с августа 1923 г. – Центрально-административного управления (далее – ЦАУ), занимавшегося выборами. Переписка с высшими партийными и советскими органами по выборам в Советы велась через канцелярию наркома, а часть вопросов обсуждалась на коллегии наркомата, соответственно, документы отложились в делах, формировавшихся этими подразделениями.

С 1924 г. активизировалось обсуждение передачи полномочий выборов Советов от Наркомата внутренних дел в ведение подразделений ВЦИК, и часть полномочий уже в кампанию 1924 г. была передана в орготдел ВЦИК, в делах которого отложилось избирательное делопроизводство. Начиная с 1925 г. организация выборов в Советы была передана в полном объеме в ведение подразделений ВЦИК. Делопроизводство по выборам отложилось в фондах Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) (Ф. Р-1235) и Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (Ф. А-5248). Четкого разграничения полномочий в избирательной

сфере между подразделениями ВЦИК не существовало, напротив, присутствовала определенная конкуренция, конфликты между подразделениями ВЦИК неоднократно приходилось урегулировать руководству ВЦИК.

Орготдел ВЦИК в наибольшей степени был включен в избирательный процесс на протяжении рассматриваемого периода (хотя степень его участия постоянно менялась). В орготделе ВЦИК выборы в Советы курировали различные подразделения (по мере трансформации организационной структуры ВЦИК): начиная с 1924 г. в наибольшей степени организационный, информационный и статистический подотделы, после реорганизации в 1930-е гг. – инструкторско-информационная группа. После организации в сентябре 1925 г. Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК и сосредоточения избирательных полномочий в комиссии орготдел ВЦИК по решению Президиума ВЦИК с февраля 1926 г. стал аппаратом Центризбиркома.

С 1925 до 1937 г. подразделения орготдела ВЦИК отслеживали проведение избирательных кампаний на местах, взаимодействие с региональными исполкомами и избиркомами; занимались подготовкой разнообразных вопросов, связанных с выборами, обработкой статистических данных, составлением докладов, аналитических документов, справок, предложений, сводок для всех органов (от Центризбиркома до высших партийных). Поэтому в подразделениях орготдела ВЦИК сосредоточена основная масса избирательного делопроизводства, его значительная часть дублируется в делопроизводстве Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (Ф. А-5248)[230]. В орготдел поступали сотни отчетов, докладов, сводок от региональных исполкомов и избиркомов о ходе и результатах избирательных кампаний за 1925–1934 гг., что дает возможность сформировать исчерпывающий региональный срез о выборах. В целом объем делопроизводства орготдела ВЦИК довольно значителен (дела отложились в 15 описях (оп. 99–114 фонда 1235), составив более 6000 единиц хранения).

Часть значимых вопросов организации выборов (установление или изменение сроков проведения, норм представительства, утверждение избирательных инструкций, отмена результатов выборов и т. д.) обсуждались с руководством ВЦИК (с

[230] Подробнее о распределении полномочий между орготделом ВЦИК и Всероссийской центральной избирательной комиссией см.: параграф 2.1.

председателем ВЦИК либо на Президиуме или на фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК). Затем они рассматривались через секретариаты, поэтому часть делопроизводства отложилась в делах секретариата председателя ВЦИК, секретариата Президиума ВЦИК, Президиума ВЦИК и фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК.

Создание специализированного центрального избирательного органа в 1925 г. привело к постепенному сосредоточению делопроизводства по выборам у Всероссийской центральной избирательной комиссии. Фонд Центризбиркома (Ф. А-5248) находится в Центре хранения страхового фонда (ЦХСФ) в Ялуторовске и доступ к нему ограничен, найденные документы вводятся впервые в научный оборот. В фонде хранится более 99 000 дел, большинство из них – личные дела лиц, лишенных избирательных прав, ходатайства которых рассматривались Центризбиркомом (точнее подкомиссией Центризбиркома по рассмотрению жалоб на неправильное лишение избирательных прав). Наибольшую ценность для нашего исследования представляет делопроизводство по выборам за 1925–1937 гг., сосредоточенное в четырех описях этого фонда. Оно включает протоколы Президиума и Пленума Центризбиркома, стенограммы заседаний, постановления и распоряжения Центризбиркома и ВЦИК, циркуляры, разъяснения, переписку с различными ведомствами и местными органами, информационные бюллетени, обзоры прессы по избирательным вопросам, статистические формы и т. д.

Однако формирование дел орготдела ВЦИК и Центризбиркома различалось. Делопроизводство орготдела имело хаотичный характер, зачастую запросы, обсуждения вопроса, аналитические справки и записки по обсуждаемому вопросу находятся в разных делах (а иногда и в разных описях), чередуются с обсуждением дел, не имеющих отношения к выборам. В делопроизводстве Центризбиркома обсуждение вопросов носит более последовательный и ясный порядок, дела сформированы четко по кампаниям и не имеют посторонних документов, что способствует более ясному пониманию сути вопроса, мотивов принятия решения центральными органами, алгоритма принятия решения. В целом архивные дела фонда Центризбиркома формировались более последовательно (по избирательным кампаниям) и позволили достоверно реконструировать становление, состав, организационную структуру, реализацию полномочий и особенности взаимодействия с высшими и центральными

советскими органами Всероссийской центральной избирательной комиссии (1925–1936 гг.).

Делопроизводство фонда Центрального исполнительного комитета СССР (Ф. Р-3316) в значительной мере воспроизводило сложившийся порядок во ВЦИК. До конца 1920-х гг. решения по избирательным вопросам, выработанные во ВЦИК для РСФСР, служили своего рода образцом для остальных республик СССР. На протяжении 1920-х гг. выборы преимущественно являлись зоной ответственности союзных республик, впервые выраженный интерес к избирательным сюжетам ЦИК СССР стал проявлять только в кампанию 1928/29 г. В делах секретариата Президиума ЦИК СССР (оп. 16а, 19, 20) отложились материалы обсуждения общесоюзных избирательных инструкций, учета результата выборов, статистических форм, вопросов, связанных с лишением прав различных групп населения; отчетные материалы о выборах в союзных республиках (включая РСФСР) конца 1920-х гг. В фонде ЦИК СССР (оп. 46) также отложились материалы совещаний при Президиуме ЦИК СССР по вопросам советского строительства, на которых уделялось приоритетное внимание проблемам избирательной системы, а также отложился значительный объем материалов обследований выборов в различных губерниях, округах и городах.

В кампании 1930-х гг. формируется более универсальная и централизованная практика: решения, принятые на союзном уровне, распространяются на РСФСР, что особенно очевидно проявилось в ходе кампании по устранению нарушений в сфере избирательного законодательства весной 1930 г. Для реконструкции сюжетов, связанных с разработкой новой избирательной системы в Конституции 1936 г., использовались материалы Конституционной комиссии ЦИК СССР (оп. 40). Работа с делами фонда ЦИК СССР расширила представления о функционировании избирательного механизма в стране и республике, роли различных органов в этом механизме.

Материалы фонда Центрального комитета РКП(б) – ВКП(б) (Ф. 17) содержат обширные данные о руководстве партийных органов выборами в Советы, о принятии решений по различным электоральным вопросам, переписке с нижестоящими партийными органами, о мониторинге и анализе настроений и поведения на избирательных собраниях. Они хранятся в делах, формировавшихся из делопроизводства различных подразделений Центрального комитета правящей партии.

Изучение материалов 17 фонда показало, что наибольший интерес для диссертации представляют дела: описи 3 (протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ВКП(б)), описи 33 (переписка бюро секретариата и секретного отдела с местными партийными органами), описи 60 (отдел агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б)), описи 69 (организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б)), описи 84 (бюро секретариата ЦК РКП(б)), описи 85 (секретный отдел ЦК ВКП(б)), описи 86 (бюро секретариата ЦК РКП(б)), описи 112–114 (организационное бюро и секретариат ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б)).

Особый интерес представляют дела описи 164 (164 СЧ) (документы постоянных комиссий и комиссий по открытым вопросам ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС), в которой были найдены материалы работы комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) о подготовке перевыборов и по подведению итогов перевыборов Советов в 1925/26 г. Они представляют собой относительно компактный комплекс документов (дела 54–59 из 164 описи), включающий материалы обсуждения, протоколы заседаний комиссии, аналитические материалы, доклады по различным вопросам, связанным с проведением избирательных кампаний. Эти материалы были введены в научный оборот впервые и позволили детально реконструировать дискуссии партийного руководства середины 1920-х гг. об изменениях общего политического курса и влиянии на эти изменения итогов избирательных кампаний. Помогли определить круг избирателей – «социально близких и чуждых»; расширить представления о настроениях, стратегиях поведения избирателей в различных регионах и социальных группах, о достоверности электоральной статистики.

Материалы 94 фонда (фонда фракции РКП(б) – ВКП(б) во ВЦИК, на съездах Советов и в Президиуме ЦИК СССР) также содержат многочисленные материалы обсуждения подготовки, проведения, результатов и кассации выборов; решения различных текущих вопросов по установлению норм представительства, категорий лиц, лишенных избирательных прав, сроков проведения выборов и т. д. Эти материалы расширяют представления о механизме организации советских выборов и позволяют достоверно определить роль высших, центральных и региональных советских органов в их организации.

Исследование сюжета, связанного с внутрипартийными дискуссиями о возможности политической оппозиции, расширения политических свобод в начале

1920-х гг., потребовало обращения к материалам личного фонда В. И. Ленина – фонда 2 (к переписке Ленина с членами партии и советскими руководителями). Для реконструкции работы комиссий по выработке проекта Конституции СССР 1924 г. и 1936 г. использовались материалы фонда 558 (личного фонда И. В. Сталина).

Среди делопроизводственной документации, отложившейся в советских и партийных архивах, можно выделить следующие виды документов:

– распорядительные (решения, циркуляры, распоряжения, принятые на заседаниях коллегии НКВД, ЦИК СССР и ВЦИК, Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросам проведения выборов и обязательные для исполнения нижестоящими органами; разъяснения по отдельным вопросам (или инструкции), которые давали центральные избирательные комиссии нижестоящим избиркомам или отдельным ведомствам). Эти документы дают представление о принимаемых решениях высшими и центральными партийными и советскими органами по вопросам проведения выборов;

– протокольно-резолютивные (протоколы и стенограммы заседаний Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б), Центральных избирательных комиссий ЦИК СССР и ВЦИК, фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК и ЦИК СССР, различных комиссий и подкомиссий, на которых обсуждались ход и итоги избирательных кампаний, проекты инструкций или принимались какие-либо решения в отношении действий местных исполкомов, различных групп избирателей и лиц, лишенных избирательных прав). Эти документы позволяют проследить ход и направление обсуждения по вопросам проведения выборов, воссоздать механизм выработки избирательной политики высшими партийными и советскими органами; выявить различия в подходах партийного и советского руководства к вопросам определения круга избирателей и лиц, лишенных избирательных прав;

– отчетные и докладные (отчеты краевых, окружных избирательных комиссий о проведении и результатах выборов; отчетные доклады, результаты и акты проверок (обследований) работы губернских, краевых, областных, уездных, городских исполкомов и избиркомов; докладные записки о поездках инструкторов ЦИК СССР и ВЦИК на места для обследования хода избирательных кампаний). Это важнейший для нашего исследования комплекс документов, дающий возможность воссоздать сложившиеся электоральные практики, особенности проведения избирательных собраний в различных регионах, определить роль участия государственных и партийных

органов в их организации. Эти документы раскрывают информацию о формах агитации, реконструкции избирательного собрания, о поведении различных слоев на нем и об организаторах выборов, о повестке и обсуждаемых вопросах, о кандидатах и требованиях, выдвигаемых населением, расхождении представлений власти и населения, допускаемых организаторами нарушениях при проведении выборов;

– текущая переписка (телеграммы, радиограммы, направленные ЦК ВКП(б), Центризбиркомом ЦИК и ВЦИК различным губернским, краевым, областным исполкомам и избиркомам). Эти документы позволяют воссоздать ход избирательных кампаний, свидетельствуют о реакции региональных и центральных органов на экстраординарные ситуации, складывающиеся в ходе выборов;

– инициативные и подготовительные (различные проекты постановлений, запросы, предложения, отношения, направленные в ЦК РКП(б) – ВКП(б) Всероссийской центральной избирательной комиссией при Президиуме ВЦИК, орготделом ВЦИК, а также различными ведомствами и организациями – Наркоматом внутренних дел, ОГПУ, Наркоматом юстиции, Наркоматом торговли, ВЦСПС, ВЛКСМ и многими другими. Они касались вопросов определения круга избирателей и лиц, лишенных избирательных прав, организации избирательных собраний, норм представительства, отмены выборов и т. д. К этой группе относятся справки, подготовленные сотрудниками организационно-административного управления НКВД, орготдела ВЦИК или членами Центризбиркома для принятия решения по какому-либо вопросу. Справки и запросы, направлявшиеся нижестоящими административными отделами в наркомат, избиркомами – в Центризбирком или разные ведомства по вопросам определения круга избирателей, установления норм представительства, толкования избирательного законодательства, определения избирательных участков, заполнения форм избирательной отчетности, кассации выборов и т. д.). Этот комплекс документов дает представление о текущих проблемах при создании и обсуждении избирательных инструкций, учете мнений разных ведомств и нижестоящих органов власти, а также о ситуациях, с которыми сталкивались краевые, губернские, окружные и местные органы при реализации зачастую непродуманных решений, принятых высшими партийными или советскими органами;

– информационные (текущие сводки, составленные как информационным отделом ЦК ВКП(б), так и Центризбиркомами ЦИК и ВЦИК, нижестоящими

избиркомами; материалы, касающиеся хода избирательных кампаний). Документы этого вида формируют представление о подготовке, проведении и итогах избирательных или связанных с ними кампаний, о динамике электоральных процессов;

– комплексные источники, сформировавшиеся в результате рассмотрения жалоб, ходатайств, заявлений избирателей на различные нарушения, допущенные в ходе проведения выборов, с требованием восстановить законность, отменить результаты выборов.

Традиционное отнесение такого рода источников к делопроизводственным полагаем неверным. Они одновременно включают нарративные источники, исходившие непосредственно от избирателей (коллективные или индивидуальные жалобы, заявления или ходатайства), и комплекс различных делопроизводственных документов, сопровождающих рассмотрение жалобы. Это запросы в низовые губисполкомы о сути случившегося, опросы свидетелей, материалы обследований, докладов, заключение по делу сотрудника органа, проводившего «расследование по жалобе», протокол заседания о рассмотрении вопроса (выписка из протокола) высшего или центрального органа (ВЦИК или ЦИК СССР) о принятии окончательного решения по жалобе. В отличие от индивидуальных жалоб или ходатайств на лишение избирательных прав, становившихся основой создания личного дела лишенца, в случае с коллективными жалобами отдельных дел не формировалось. Жалобы и материалы их разбора подшивались в дела по проведению выборов орготдела ВЦИК и Центризбиркома. Наиболее многочисленными такие дела были в период массовой кассации (зимы – весны 1925 г.) и хранятся в делопроизводстве орготдела ВЦИК (Ф. Р-1235). В дальнейшем такие жалобы и делопроизводство отложились в фондах Всероссийского Центризбиркома (Ф. А-5248) и ВЦИК (Ф. Р-1235). Ценность этого комплексного источника очевидна: «кассационные дела», включая разные виды документов, дают возможность увидеть ситуацию объемно глазами как непосредственных участников (избирателей), так и представителей директивных органов.

Делопроизводственные документы, сопровождавшие рассмотрение жалобы, отражали позицию директивных органов различного уровня. Эти документы позволяют воссоздать практики кассации выборов, проанализировать динамику основных нарушений, причины отмены, различия в позициях местных и центральных органов к допущенным нарушениям и отмене результатов выборов. Как правило, отношение

центральных органов к возможности отмены и проведения перевыборов было более объективным и спокойным, местные органы в большинстве случаев негативно относились к пересмотру результатов выборов, считая, что такие действия их дискредитируют. Документы «кассационных дел» стали значимым источником для реконструкции практик отмены выборов, избирательных собраний, моделей электорального поведения, представлений о кандидатах в депутаты избирателей и представителей власти.

Для изучения вопросов, связанных с реализацией политики в избирательной сфере высших органов власти на местах, использовались и материалы местных архивов. Последние можно классифицировать на те же виды документов, что и центральные (распорядительные, протокольно-резолютивные, отчетные и докладные, информационные и т. д.).

В целом изученный массив дел фондов высших и центральных советских и партийных органов, занимающихся в разные периоды руководством и организацией выборов в Советы, позволил исчерпывающим образом реконструировать механизм организации советских выборов. А также определить роль высших, центральных и региональных советских органов в их организации; сформировать комплексное представление как о механизме руководства избирательными кампаниями в республике в целом, так и об особенностях их проведения в различных регионах, электоральных практиках в центре и на местах в разные периоды, о численности, структуре электорального корпуса, поведении различных групп избирателей. Материалы фондов Российского государственного архива социально-политической истории стали особо значимыми для понимания мотивов принятия решений в электоральной сфере в стране и республике высшими партийными органами. Отразили причины колебания политического курса, взаимодействие партийных и советских органов в ходе избирательных кампаний, а также динамику электоральных настроений, представлений и поведения избирателей, которые подлежали мониторингу партийными органами. Комплексное изучение, сопоставление документов из различных фондов позволило составить системное представление о становлении и функционировании институтов советской избирательной системы, о складывавшихся электоральных практиках, факторах, влиявших на них, особенностях электорального поведения советских избирателей.

Нарративные (повествовательные) источники, используемые в диссертации, преимущественно являлись частью комплексных источников. Значительный комплекс нарративных источников взят из материалов советской периодики. Обычно периодику выделяют в отдельный вид исторических источников или целиком относят к нарративным источникам[231]. Несмотря на сложность и неоднозначность классификации материалов периодики, обоснованной представляется позиция В. М. Рынкова о периодике как о «комплексе источников», включающем одновременно документальные и повествовательные источники[232]. В советской периодике широко представлены как публикации делопроизводственных материалов (законодательных актов и официальных материалов заседаний, встреч и т. д.), так и большое разнообразие повествовательных источников (новостных сводок, обзоров, сообщений, объявлений, заметок, хроник, репортажей, интервью, ответов на письма граждан или корреспондентов, фельетонов, рассказов, очерков и т. д.).

Каждый из этих видов источников обладает своей спецификой с точки зрения отражения исторических событий, выраженности субъективной позиции автора (корреспондента) (очевидно, что в информационно-новостных материалах она менее выражена, в публицистике – максимально полно). При изучении материалов периодики наибольшая ценность заключается в разнообразии и сочетании различных видов источников, что дает возможность увидеть событие глазами непосредственных участников «с разных сторон»: как его хотели представить власти, как видели корреспонденты и читатели. Особенности периодики как исторического источника учитывались при его изучении в диссертации. Особый акцент был сделан на полноте исследования материалов при анализе журналов (не выборочным, а сплошным способом изучения нескольких советских журналов), что позволило проследить трансформацию нарративов, особенности журналистской подачи материала в ходе различных избирательных кампаний.

Советская периодика 1920–1930-х гг. традиционно являлась одним из широко используемых источников как в отечественных, так и зарубежных исследованиях, посвященных изучению деятельности Советов, избирательных кампаний или их

---

[231] Пушкарев Л. Н. Указ. соч. С. 226; Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М., 1997. С. 191.

[232] Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 46.

отдельных аспектов[233]. Особый интерес для изучения выборной тематики представляет журнал «Власть Советов», являвшийся в разные годы официальным печатным органом НКВД и ВЦИК, занимавшихся организацией избирательных кампаний[234].

Журнал «Власть Советов» – один из старейших советских журналов, он был основан в ноябре 1917 г. и прекратил свое существование в 1938 г. До 1924 г. журнал был официальным органом Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, с 1 апреля 1924 г. стал официальным печатным органом ВЦИК. Периодичность его выхода в свет также менялась неоднократно: в 1918–1919 гг. его пытались издавать как еженедельник (но в 1918 г. вышло в свет только 29 номеров), в 1920—1924 гг. – это ежемесячный журнал (12 номеров в год), в 1925–1930 гг. он выходил как еженедельный журнал (52 номера в год), в 1931–1932 гг. – три раза в месяц (36 номеров в год), в 1933–1937 гг. – два раза в месяц (24 номера в год), в 1938 г. вышло 16 номеров.

В 1924 г., когда было принято решение об издании официального органа ВЦИК, журнал «Власть Советов» издавался при комакадемии (небольшим тиражом) и рассчитан был преимущественно на центральных и региональных советских и партийных руководителей, ученых, названных в юбилейном номере журнала «высококвалифицированными читателями»[235]. Авторами материалов являлись руководители и сотрудники Наркомата внутренних дел, ВЦИК, правящей партии, комакадемии, известные специалисты в различных сферах, правоведы, государствоведы. Однако такой «рафинированный» формат не соответствовал задачам объявленной политики «оживления Советов». Очевидно, что ВЦИК нуждался в ином печатном органе, рассчитанном на широкий круг советских работников, в котором бы оперативно обсуждались многочисленные проблемы советского строительства. С 1925 г. журнал реорганизуется в еженедельник и издается «по более популярной программе»[236], редакция расширила число авторов за счет региональных и местных советских работников, публикующих материалы на актуальные темы. Чаще всего авторами журнала выступали инструкторы ВЦИК, исполкомов краевых (областных) Советов, поднимавшие наиболее острые вопросы и делившиеся опытом их решения. Его

---

[233] Арнаутов Н. Б. Образ «вредителя» в газете «Правда» (декабрь 1934 г. — декабрь 1938 г.) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 292–298; Kimerling E. Op. cit. P. 24–46.

[234] Подробнее см.: Саламатова М. С. Журнал «Власть Советов» - источник для изучения избирательных кампаний 1920-х–1930-х гг. // Вестник НГУ. Серия история, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10: История. С. 52–58.

[235] Юбилей журнала «Власть Советов» // Власть Советов. 1934. № 14. С. 6.

[236] Там же.

основной читательской аудиторией были их коллеги – работники ЦИК АССР, краевых и областных исполкомов, городских и поселковых Советов, райисполкомов и сельсоветов. На массового советского работника он был рассчитан до прекращения своего существования.

При смене органа, издававшего журнал (с НКВД на ВЦИК), его тематика не претерпела радикальных изменений. В публикациях освещалась многообразная деятельность Советов (организация и деятельность центральных и местных органов власти (Советов, съездов, исполкомов), вопросы федерального и национального строительства, развития промышленности, торговли и сельского хозяйства, культуры, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, вопросы бюджетного права, налоговой политики и кредитования). Впрочем, это не означает, что содержание журнала оставалось неизменным. До 1925 г. материалы в журнале носили преимущественно аналитический характер. Во второй половине 1920-х гг. журнал стал широкой дискуссионной площадкой. В нем оперативно публиковались материалы о возникающих проблемах, а затем открыто обсуждались различные мнения как центральных, так и местных советских работников. Наиболее интересным по содержанию журнал был именно в 1925–1929 гг. В 1930-е гг. журнал постигла судьба всех советских средств массовой информации, отдельные дискуссионные мнения по инерции продолжали публиковаться в начале 1930-х гг., но в целом содержание журнала становилось все более информационно-директивным.

Интересующая нас электоральная тематика была весьма полно представлена во «Власти Советов», нами были изучены 658 номеров журнала «Власть Советов» за 1918–1938 гг. Анализировались все статьи, имеющие отношение к проведению выборных кампаний (всего 659).

Таблица

Электоральная тематика в журнале «Власть Советов» (1918–1938 гг.)

Год издания журнала	Количество номеров в год	Количество статей по электоральной тематике	Среднее число материалов о выборах в номере	Доля статей о выборах в год относительно общей совокупности публикаций по электоральной тематике, %
1918	29	2	0,06	0,3

1919	52	2	0,04	0,3
1920	12	2	0,16	0,3
1921	12	3	0,25	0,45
1922	12	8	0,58	1,21
1923	12	12	1	1,82
1924	9	6	0,66	0,91
1925	52	27	0,51	4,1
1926	52	102	1,96	15,5
1927	52	93	1,78	14,1
1928	52	78	1,5	11,8
1929	52	95	1,82	14,5
1930	52	29	0,55	4,4
1931	36	34	0,94	5,15
1932	36	5	0,13	0,76
1933	24	8	0,3	1,21
1934	24	40	1,66	6,06
1935	24	4	0,16	0,6
1936	24	16	0,6	2,42
1937	24	55	2,29	8,34
1938	16	38	2,3	5,77
Итого:	658	659	1,001	100

В таблице представлена динамика общего числа статей в журнале «Власть Советов», посвященных электоральной тематике. До 1922 г. сколько-нибудь значимого интереса к выборам редакция журнала не проявляла, ежегодно публиковалось всего по две-три статьи, интерес возрастает с 1922 г. и становится более выраженным в 1925 гг. (27 статей). Пик интереса властей к выборам приходится на две избирательные кампании: 1926/27 г. и 1928/29 г. В 1926 г. по выборной проблематике опубликовано 102 статьи, в 1927 г. – 93, в 1928 г. – 78, в 1929 г. – 95.

В начале 1930-х гг. интерес властей к выборной проблематике снижается. Так, в избирательную кампанию 1930/31 г. внимание редакции в значительной мере переключается на иные сюжеты (коллективизацию, колхозное строительство), падение интереса к выборной тематике отразилось и на их общем количестве. Выборам было посвящено 29 статей в 1930 г. и 34 – в 1931 гг. В избирательную кампанию 1934 г. опубликовано 40 статей. В связи с принятием Конституции СССР 1936 г. и проведением всеобщих выборов в Верховный совет СССР в 1937 г. (55 статей) и РСФСР 1938 г. (38 статей) число выборных публикаций заметно увеличивается.

Поскольку периодичность журнала менялась многократно, количество опубликованных статей корректнее оценивать при сопоставлении числа статей с количеством номеров журнала в год. В таблице отражены эти значения, наибольший

показатель приходится на 1938 г. (на каждый номер в среднем приходилось две-три статьи по электоральной тематике), далее в порядке убывания.

Материалы журнала позволяют реконструировать все этапы избирательных кампаний, приоритетные темы, интересующие руководство центральных и региональных советских и партийных органов. Публикации выстраивались согласно логике организации выборной кампании: 1) подготовка выборов и отчетная кампания; 2) проведение избирательных собраний; 3) подведение итогов.

Наибольший интерес для исследователей электоральных реалий 1920–1930-х гг. представляют публикации журнала, освещающие выборы в регионах и формы агитационной и массовой работы. Статьи о выборах в регионах традиционно занимали одно из ведущих мест в журнале «Власть Советов». Первый материал о выборах в регионах появился еще в 1919 г. В начале 1920-х гг. в журнале публиковали один-два материала с мест[237], при этом авторами этих публикаций были преимущественно члены редколлегии, спецкоры, члены ВЦИК, выезжавшие в регионы. Начиная с кампании 1926/27 г. тема становится одной из наиболее обсуждаемых среди центральных и местных советских работников (в выборы 1926/27 и 1928/29 г. было опубликовано 38 и 20 материалов соответственно). Во второй половине 1920-х гг. по публикациям, находившим отклик у читателей, происходил свободный обмен мнениями региональных советских работников (преимущественно в журнале обсуждались проблемы и достижения в сфере организации и проведения выборов в различных регионах)[238]. Очерки, обзоры о выборах в городах и регионах, формах агитации отражали эмоции, впечатления непосредственных участников.

Для воссоздания картины выборов в различных регионах интересны публикации сотрудников ВЦИК, наблюдавших за выборами. Так, С. Чугунов (сотрудник орготдела ВЦИК) подробно описывал ход избирательной кампании в Тульской губернии в 1925 г. Автор констатирует, что ни на одном из этапов избирательной кампании инструкция о выборах не соблюдалась, избирательный процесс сопровождался грубейшими

---

[237] Гурвич С. М. Итоги выборной кампании на Дальнем Востоке в 1923 г. // Власть Советов. 1923. № 11–12. С. 85–87. Чугунов С. Как проводились выборы Советов в Тульской губернии // Власть Советов. 1925. № 27. С. 5–8.

[238] См., например, Антонов К. Перевыборы Иркутского горсовета // Власть Советов. 1926. № 27. С. 19–21; Перцев И. К итогам перевыборов Новосибирского горсовета // Власть Советов. 1927. № 14. С. 18; Из предвыборных настроений Алтайской деревни // Власть Советов. 1927. № 14. С. 19; Хамармер И. Итоги перевыборов Советов Сибирского края // Власть Советов. 1927. № 30. С. 18–19; Мамаев Н. Недостатки прошлой перевыборной кампании в Вятской губернии // Власть Советов. 1928. № 43. С. 17–18; Терский. Чего не хватает в отчетной и перевыборной кампаниях по перевыборам Советов // Власть Советов. 1928. № 43. С. 19.

нарушениями: учет избирателей не велся, списки «лишенцев» составлялись наобум, наблюдались повсеместные нарушения при выдвижении кандидатов и оказание давления на избирателей при голосовании, фальсификация при подсчете голосов и т. д.[239] Аналогичную картину с массовыми нарушениями описывали инструкторы ВЦИК в Калужской, Вятской губерниях, на Кавказе, на Кубани, в Сибири и других регионах[240]. Инструкторы ВЦИК и сотрудники Всероссийской центральной избирательной комиссии, наблюдая за ходом выборов в регионах, нередко делали обобщенные выводы, принимали решения о необходимости внесения изменений в инструкцию о выборах.

В 1930-е гг. снижается общее число материалов о выборах в регионах. Если в кампанию 1930/31 г. сохранялись хотя бы фрагментарно элементы свободного обмена мнениями региональных советских работников, то в выборные кампании 1934 и 1937 гг. статьи носят формальный характер, подтверждая директивы, принятые партией[241].

Публикации в журналах «Советское строительство», «Большевик», «Еженедельник советской юстиции», «Советская юстиция» по электоральной тематике также можно рассматривать одновременно как источник и как часть раннего историографического осмысления темы. В отличие от публикаций во «Власти Советов», они характеризовались большей официозностью, директивностью, не предполагали дискуссионного характера, были направлены на разъяснение позиции высших партийных и советских органов в отношении изменения в электоральной сфере или в классовой политике.

Помимо журналов, в качестве источника использовались различные центральные и местные газеты: «Правда» (официальный орган ЦК РКП(б) – (ВКП(б)), «Известия» (с 1918 по 1923 г. – «Известия ВЦИК и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», с 1923 по 1938 г. – «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов») – официальный орган ВЦИК и ЦИК СССР, «Беднота» – один из печатных органов ЦК ВКП(б), крупные региональные

---

[239] Чугунов С. Указ. соч. С. 5–8.

[240] См., например: Как не нужно проводить перевыборы // Власть Советов. 1926. № 7. С. 17–19; Мамаев Н. Указ. соч. С. 17–18; Крепкий Я. Подготовка к перевыборам Советов в Ейском районе // Власть Советов. 1928. № 48. С. 16–18; Земсков Н. Избирательные комиссии по-головотяпски // Власть Советов. 1928. № 51. С. 14–15; Киселев А. Огонь по недочетам избирательной кампании // Власть Советов. 1929. № 4. С. 1–3; Карп А. Подбор кандидатов в Советы // Власть Советов. 1929. № 5. С. 9; Трофимов И. С. Отчетную кампанию скомкали (Мордовская автономная область) // Власть Советов. 1931. № 2. С. 21–22.

[241] См., например: Курнашев Ф. Саранск должен с честью завершить кампанию // Власть Советов. 1934. № 20. С. 54–55; Звягин В. Выше знамя массовой работы на выборах город Ленина! // Власть Советов. 1934. № 22. С. 3–5; Чиковани А. Москва показала образцы большевистского выполнения наказов // Власть Советов. 1934. № 22. С. 5–6.

издания «Советская Сибирь», «Трудовой набат», «Молодой рабочий», «Молодая деревня», «Красноярский рабочий» и др.

В целом советская периодика является ценным источником для исследования электоральных процессов в Советской России. Она охватывает весь изучаемый период и наряду с делопроизводственными архивными материалами позволяет воссоздать этапы формирования и эволюцию избирательных институтов, электоральные практики, механизм организации избирательных кампаний; выявить позиции центральных, региональных и местных советских работников относительно наиболее дискуссионных проблем выборных кампаний. Дает возможность благодаря подробному описанию избирательных кампаний увидеть их глазами корреспондентов, представителей власти и избирателей. Основная ценность источника – в большом объеме эмпирического материала об избирательных кампаниях, в оценках, наблюдениях и изложении событий непосредственными свидетелями и участниками выборов исследуемого периода.

Значимым *нарративным источником* диссертации стали жалобы, ходатайства, заявления избирателей на различные нарушения, допущенные в ходе проведения выборов, которые находятся в составе комплексного источника «кассационных дел». Исходный документ «кассационных дел» – жалоба (обычно в форме обращения, письма граждан в центральный орган или его руководителю). Источниковедами она относится к личным документам (разновидности писем), обладает всеми признаками нарративного источника такого вида и отражает личные наблюдения, эмоции, впечатления непосредственных участников события (экспрессивность, субъективность, ретроспективность и т. д.)[242]. В жалобах избиратели подробно описывали детали проведения выборов, избирательного собрания, поведение организаторов собрания и свои действия, зачастую характеризуя кандидатов (предложенных собранием и организаторами), допущенные нарушения и формулируя свои требования.

В диссертации использовался еще один сходный с жалобами вид нарративного источника – личные письма граждан, поступавшие в центральные советские и партийные органы или в качестве корреспонденции в газеты и журналы. Личные письма, в отличие от жалоб, не становились основой «кассационного дела». Они описывали событие, содержали мнение непосредственного участника выборов о

[242] Кабанов В. В. Указ. соч. С. 225–228; Синова И. В. Мемуары дипломатов: соотношение субъективизма и объективности в интерпретации событий // Historia Provinciae. Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 4. С. 1210.

недостатках или сложившихся практиках, зачастую в них присутствовали предложения по совершенствованию избирательного процесса или индивидуальные рекомендации к избранию (или неизбранию) конкретных кандидатур. Чаще всего авторами таких писем становились низовые советские и партийные работники, пытавшиеся донести свою позицию до коллег из вышестоящих органов, но авторами могли выступать и обычные избиратели, неравнодушные к происходящим событиям.

Нарративные источники, как самостоятельные, так и входившие в состав комплексных источников, стали ценным источником для диссертации, содержащим описание событий с учетом впечатлений и оценок непосредственных участников выборов. Они расширили представления об электоральных практиках, моделях поведения избирателей, их мотивах в различных ситуациях, компромиссах и протестах.

В целом выявленный и проанализированный корпус документальных и нарративных источников позволил решить поставленные в диссертационном исследовании задачи, изучить становление и трансформацию раннесоветской избирательной системы в обозначенных хронологических и территориальных рамках; сформировать комплексное представление об институтах, деятельности партийных и советских органов, электоральных практиках и стратегиях населения республики.

Новизна исследования. В диссертационном исследовании впервые на новом методологическом и эмпирическом уровне рассмотрены сущностные и типологические характеристики советской избирательной системы, существовавшей с 1918 по 1936 г. в России. Хотя тема имеет значительную историографию, ранее ее изучение проводилось применительно к отдельным сюжетам, периодам или регионам, новизна диссертационного исследования заключается в комплексном характере, широких территориальных и хронологических рамках. Впервые исследована трансформация электоральных институтов, выявлены тенденции развития каждого из них, определены роль и функции институтов в избирательной системе, соотношение и степень их преемственности с дореволюционными институтами. На основе впервые введенных в оборот архивных документов изучены структура и деятельность Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (1925–1936 гг.). Детально реконструирован механизм организации советских избирательных кампаний (высший, центральный и региональный уровни). Введение в научный оборот материалов работы комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) 1925/26 г. позволило существенно

расширить представления о дискуссиях партийного руководства относительно формирования общего политического курса и влияния на эти изменения итогов последующих избирательных кампаний. Впервые последовательно проанализированы становление и трансформация советских электоральных практик, выявлены факторы, определявшие данные изменения. Интерпретация эмпирического материала на основе современных методологических подходов позволила реконструировать модели электорального поведения городского и сельского населения; определить степень распространенности электоральных стратегий, их влияние на результат выборов; воссоздать представления о кандидатах и требованиях к ним различных групп избирателей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Раннесоветская избирательная система имела более глубокие исторические корни, чем декларировали большевики, позаимствовавшие в модернизированном виде базовые принципы позднеимперской избирательной системы – цензовость, неравное и непрямое представительство. Уникальный характер новой системе на фоне других избирательных систем придавало смешение традиционных черт с новаторскими (производственный принцип организации выборов).

2. Традиционные и новаторские институты советской избирательной системы выполняли функции по обеспечению монополии власти большевиков в Советах и съездах всех уровней. Ключевую роль здесь играли институты избирательных собраний и неравных выборов.

3. В развитии институтов советской избирательной системы выделяются два этапа: первый охватывал 1918–1924 гг., второй – 1925–1936 гг. Начальный этап характеризовался вариативностью подходов к созданию и деятельности избирательных органов; низкой степенью конкретизации избирательных процедур, создававших благоприятные условия для их стихийной реализации; большой ролью усмотрения местных властей и нарушениями. Для следующего этапа характерны унификация институтов, конкретизация избирательных процедур и норм, упорядочение деятельности избирательных органов, запрет местных норм и практик.

4. Руководством избирательными кампаниями в РСФСР в различные периоды занимались Наркомат внутренних дел, ВЦИК и Всероссийская центральная избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК. Наркомат внутренних дел в полном

объеме осуществлял руководство выборами в стране с 1918 по 1923 г., частично – в кампании 1924 и 1925 гг. Обширные полномочия данного наркомата в избирательной сфере реализовывались бессистемно и неэффективно.

5. Создание Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК позволило оперативно установить монополию на принятие решений по вопросам организации выборов в РСФСР и выстроить четкую вертикаль взаимодействия с подчиненными республиканскими, краевыми, областными и губернскими избиркомами и исполкомами. В ходе реализации полномочий Центризбиркомом организация избирательного процесса в РСФСР приобрела системный характер на основе единообразных подходов.

6. Электоральные практики 1920-х – первой половины 1930-х гг. складывались под воздействием множества политических, экономических и социальных факторов. Ключевое при реализации избирательных процедур стремление большевистского руководства к сохранению политической монополии привело к действиям, направленным на легитимацию режима и поддержку его электоратом. Сложившийся в период активной борьбы большевиков с оппозиционными социалистическими партиями стандарт безальтернативных выборов и корпоративная солидарность руководства правящей партии в вопросе сохранения политической монополии стали директивами, определяющими реализацию советских электоральных практик.

7. Этапы становления и развития избирательных практик соответствовали их институциональному закреплению. Для начального этапа (1918–1924 гг.) характерны имитационные формы поддержки режима, с мобилизацией лояльно настроенных слоев населения, минимальной явкой и формальным проведением избирательных собраний. Начиная с 1925 г. при сохранении политической монополии большевиков значимым фактором становятся усилия институтов власти, направленные на расширение поддержки населением политического режима. Для данного периода свойственен частичный отказ от имитационных и переход к реальным формам поддержки режима: индивидуальному выдвижению; обсуждению кандидатов и вопросов, волновавших избирателей; добровольному голосованию. Рубеж 1930-х гг. стал переходным от условно альтернативных к выборам плебисцитарного типа более позднего времени.

8. Проведение выборов в городах по производственно-территориальному принципу привело к искусственному конструированию электорального корпуса;

выделению групп «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей, что имело мало общего с реальной социальной структурой городов 1920–1930-х гг. Электоральная статистика в деревне также не отражала реальные социальные процессы, показывая однородность сельских избирателей и малочисленность групп, непосредственно не занимавшихся сельскохозяйственным производством.

9. Для советских избирателей в исследуемый период были характерны три основные модели электорального поведения: 1) пассивное, выраженное в форме абсентеизма; 2) лояльное к власти, выраженное в форме активной поддержки или конформизма; 3) протестное, выраженное в форме выдвижения протестных требований и забаллотирования утвержденных партийными комитетами списков кандидатов, выдвижения кандидатов от собрания, а также протестное поведение, выраженное в форме открытых выступлений и противоправных действий против власти.

10. Наибольшая типологическая схожесть моделей электорального поведения была характерна для непролетарских слоев городского населения и крестьянства. До конца 1920-х гг. для непролетарских слоев города и деревни самым распространенным вариантом являлось пассивное электоральное поведение в форме абсентеизма. Из провластных стратегий электорального поведения наиболее распространенным вариантом выступало конформистское лояльное поведение. Протестные стратегии в большинстве случаев не выходили за границы, обозначенные властью.

11. У рабочих и служащих соотношение моделей отличалось от остальных категорий избирателей в пользу лояльного электорального поведения. Среди его форм у рабочих и служащих преобладал конформизм, обусловленный прагматичным подходом избирателей к реализации различных провластных инициатив. Абсентеизм пролетарских слоев организаторами выборов целенаправленно вытеснялся. Протестные формы электорального поведения были значительно менее распространены среди рабочих и служащих по сравнению с другими слоями населения.

12. Определяющее влияние на представления непролетарской части горожан и крестьян о кандидатах в депутаты оказывали дореволюционный опыт, трудовая этика и патриархальные традиции, у большевиков – идеологические установки о представителях «политического авангарда». Формирование желательных для власти составов Советов осуществлялось как посредством жесткого административного

давления, так и на основе взаимоприемлемого для организаторов и участников электорального процесса компромисса.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории выборов, отечественного избирательного права и избирательной системы, истории избирательных органов, истории России и истории отечественного государства и права, в компаративистских исследованиях по избирательным системам; при подготовке разделов по истории выборов, избирательных кампаний на сайтах избирательных комиссий различного уровня, методических и учебных материалов для сотрудников избирательных комиссий и избирателей.

Теоретическая значимость. Результаты исследования позволили сформулировать современную концепцию оценки раннесоветской избирательной системы в историографии, расширить и скорректировать существующие представления об электоральных институтах, практиках, стратегиях поведения населения на выборах в советской республике, механизме организации советских избирательных кампаний, реконструировать первоначальный этап деятельности Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК. Методологическая модель интерпретации раннесоветской избирательной системы, предложенная автором, может быть применена при дальнейшем исследовании электоральной истории страны, а также при проведении сравнительно-исторических исследований.

Апробация. Основные положения и результаты исследования изложены в 48 научных публикациях, включая монографии (авторскую и коллективную), 18 статей, опубликованных в рецензируемых изданиях, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук и доктора исторических наук; апробированы в докладах на международных научных и научно-практических конференциях в Москве (2017), Санкт-Петербурге (2010, 2011, 2012, 2022, 2024), Екатеринбурге (2010, 2023), Смоленске (2009), Новосибирске (2015, 2017, 2019), на всероссийских научных и научно-практических конференциях в Калининграде (2022), Курске (2023), Орехово-Зуеве (2012), Екатеринбурге (2013, 2019) и на межвузовских в Новосибирске (2017); результаты исследования использованы при чтении учебных курсов в Новосибирском государственном университете экономики и управления.

ГЛАВА 1.
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ ВЫБОРОВ

1.1. Советские избирательные органы

Избирательные органы в дооктябрьский период. Становление избирательного процесса в России неразрывно связано с институционализацией органов, занимавшихся организацией выборов. Вплоть до начала XX века специализированных избирательных органов в России не существовало. В разные исторические периоды организацией выборов занимались государственные органы и должностные лица (или органы местного управления), которые помимо выполнения основных функций наделялись полномочиями по проведению выборов. Определение конкретного органа или должностного лица для проведения выборов «зависело от уровня выборов, этапа избрания и масштабов компетенции выборной должности»[243]. До XV века круг организаторов выборов точно не определялся, функции организации выборов могли принадлежать вечевому собранию, в новгородской практике – князю, старейшинам, осподе и другим субъектам избирательного процесса[244]. В XVI–XVII вв. основными организаторами выборов И. В. Минникес называет Боярскую Думу, приказы, воевод, губных и земских старост[245]. В XVIII веке субъектами, организующими выборы выступали Сенат, Главный магистрат, наместники, губернаторы, воеводы, магистраты, ратуши, с 1766 года в число субъектов выборов были введены городской голова и дворянский предводитель. Технические функции – составление списков избирателей, оповещение избирателей выполняли аппараты территориальных и местных органов (секретари, приставы, нарочные канцелярий)[246].

В ходе земской реформы 1864 г. были пересмотрены как порядок выборов, так и круг организаторов выборов. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г., «Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях» от 25 мая 1864 г., ведомственные инструкции,

---

[243] Минникес И. В. Выборы в истории Российского государства в IX – в начале XIX века: Спб., 2010. С. 289.

[244] Иванченко А. В. Избирательные комиссии в РФ: история, теория, практика. М., 1996. С. 10–11; Минникес И. В. Указ. соч. С. 91–94.

[245] Минникес И. В. Указ. соч. С. 290–303.

[246] Институт выборов в истории России. М. 2001. С. 248; Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды. Краснодар, 2016. С. 28–29.

составившие основу земского избирательного права, возлагала организацию избирательного процесса на Министерство внутренних дел, губернаторов, особый временный губернский комитет и особые временные уездные комиссии [247]. Министерство внутренних дел координировало и контролировало выборы в центре, губернаторы – на местах. Особый временный губернский комитет и уездные комиссии являлись прототипами специализированных избирательных органов – избирательных комиссий. Впервые функции организации выборов возлагались не на имевшиеся государственные или местные органы, а создавались специальные (хотя и временные) органы.

Механизм взаимодействия органов и должностных лиц в процессе организации выборов выглядел следующим образом. Министерство внутренних дел направляло губернаторам предписание о проведении выборов, сообщало сроки, количество гласных, подлежавших избранию, квоты для курий. губернатор формировал органы, занимавшиеся организацией выборов: особый временный губернский комитет и особые временные уездные комиссии. губернский комитет возглавлял губернатор, и включал представителей администрации: членов особого о земских повинностях присутствия, членов губернского по крестьянским делам присутствия (из числа дворян), губернского прокурора. Особые уездные комиссии формировались из представителей администрации за два месяца от открытия избирательных съездов. Уездную комиссию возглавлял уездный предводитель дворянства или уездный судья (если в губернии не было органа дворянского управления), членами комиссии назначались мировой посредник, избранный уездным мировым съездом, полицеймейстер (там, где эта должность была учреждена), чиновник ведомства государственных имуществ, городской голова[248].

Новый этап в развитии органов, занимавшихся организацией выборов, связан с возникновением Всероссийского законодательного органа – Государственной Думы.

---

[247] Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. СПб. 1867. Ст. 40457; Высочайше утвержденные Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях от 25 мая 1864 года // ПСЗ Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. СПб. 1867. Ст. 40934.

[248] Свечников Н. И. Формирование основ земского избирательного права в период подготовки и проведения реформ местного самоуправления во второй половине XIX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов 2009; Поляковская Н. М. Земское избирательное право в контексте русской модернизации // Вопросы управления. 2014. № 5(11). С. 215–220; Кудрякова Д. В. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 17.

Законодательство, регулировавшее организацию выборов в Государственную Думу в 1905–1917 гг., впервые предполагало создание специализированных органов, занимавшихся организацией выборов. Однако порядок формирования и деятельности комиссий по выборам обладал очевидной преемственностью с органами, создаваемыми для проведения земских выборов второй трети XIX в. Комиссии по выборам создавались не на всех административно-территориальных уровнях, а только в губерниях, уездах и городах (исключались общероссийский и низовые уровни). В организации выборов сохранялась значительная роль административных органов. Общая организация и контроль за проведением выборов были возложены на структурно входивший в МВД отдел Особого делопроизводства департамента полиции. Общий надзор за правильным производством выборов возлагался на губернаторов и градоначальников под руководством министра внутренних дел. На местах ответственность за проведение выборов лежала на земских начальниках, уездных исправниках и полицмейстерах[249].

Составы губернских и уездных комиссий по выборам также формировались из представителей администрации. Так, губернская комиссия состояла из председателя окружного суда, управляющего казенной палатой, предводителя дворянства, председателя земской управы, городского головы, членов окружного суда и члена губернского по крестьянским делам присутствия по назначению губернатора[250]. Достоинством таких составов являлся достаточно высокий профессиональный уровень, его члены обладали необходимым образованием и опытом. Очевидным недостатком подобных составов – отсутствие независимости от администрации. По мнению В. А. Демина, администрация оказывала значительное влияние на исход выборов «часто и произвольно вмешивалась в ход выборов, арестовывала неугодных избирателей и кандидатов, разгоняла собрания, агитировала за правых, кассировала выборы»[251]. Все это не добавляло авторитета и независимости комиссиям по выборам. В целом, положение избирательных органов в дореволюционный период имело переходный характер: от проведения выборов административными органами к специализированным органам – избирательным комиссиям.

---

[249] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908.

[250] Там же.

[251] Демин В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 30–31.

После Февральской революции существенные изменения коснулись не только основополагающих принципов избирательной системы, но и организации выборов. Согласимся с оценкой исследователей положения о выборах в Учредительное собрание как «качественно нового этапа в развитии избирательного права»[252]. В соответствии с новым положением впервые в России создавалась система специализированных избирательных органов, охватывавшая все административно-территориальные уровни: от Всероссийской до участковых избирательных комиссий. Земства должны были оказывать содействие в организации выборов, на городские и поселковые управы, и волостные земские управы возлагалась обязанность составления списков избирателей[253].

Формирование составов избирательных комиссий представляло компромисс между традиционным способом – назначением административными органами и демократическим – введение представителей от избирателей, заявивших кандидатские списки (представители от партий). Так, члены Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы) назначались Временным правительством. Окружные комиссии состояли из председателя губернского земского собрания, председателя окружного суда по административному отделению, членов городской управы губернского города и членов губернской земской управы. Демократическим элементом в составе избиркомов стали представители избирателей, заявившие кандидатские списки. Аналогичным образом формировались и уездные комиссии из мировых судей, членов уездной земской или городской управы, а также представителей от избирателей, заявивших кандидатские списки. Ряд исследователей полагают, что демократический принцип формирования избирательных комиссий не удалось воплотить на практике[254]. Как показала организация выборов в Учредительное собрание 1917 г., эти претензии не обоснованы[255], и смешанный способ формирования избирательных комиссий, включавших как представителей администрации и судов, так и представителей избирателей и партий обеспечивал, с одной стороны, достаточно высокий профессиональный уровень, а с другой - независимость от администрации, демократический элемент.

---

[252] Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч. С. 28–29, 58.

[253] Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994.

[254] Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч. С. 28–29, 58; Веняминова А. А. Избирательный процесс в советском государстве (1917 – начало 1990-х гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук Краснодар, 2008. С. 14.

[255] Протасов Л. Г. Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 128–190.

В отличие от царского избирательного законодательства, в положении о выборах в Учредительное собрание предполагалось четкое распределение обязанностей по уровням избирательных комиссий. Всероссийская комиссия помимо общего руководства выборами, наделялась нормотворческой функцией – разработкой избирательных инструкций. Регламентация обязанностей комиссий по выборам отличались высоким уровнем детализированности, что способствовало преодолению административной дискреции. Во избежание нарушений избирательного законодательства, и желания применить административное давление, для членов избирательных комиссий предусматривалась административная и уголовная ответственность[256].

Идеальная законодательная конструкция организации избирательных органов закономерно столкнулась со множеством практических проблем, учитывая отсутствие опыта проведения всеобщих выборов, огромную территорию страны, революционную и военную обстановку в стране 1917 года. В чрезвычайно сжатые сроки предстояло образовать около 112 тыс. участковых избирательных комиссий, 652 уездных и 127 городских (в городах с населением свыше 50 тыс. чел.) избирательных комиссии. Основной проблемой формирования составов комиссий всех уровней стала катастрофическая нехватка кадров для избирательных комиссий. С проблемой нехватки мировых судей и земских работников для уездных комиссий столкнулись преимущественно на окраинах, где никогда не было земских органов, и мировые судьи обслуживали огромные участки[257].

Несмотря на многочисленные организационно-технические и политические сложности, избирательные комиссии всех уровней справились с организацией выборов в Учредительное собрание[258]. Л. Г. Протасов полагает безосновательными обвинения избирательных комиссий в подтасовке итогов голосования: «масштабная фальсификация итогов голосования исключалась – гарантами были гласность заседаний окружных комиссий, участие в их составе представителей всех соперничавших кандидатских списков, отсутствие партийности в низовых комиссиях, обязательная

[256] Белоновский В. Н. Правонарушения и юридическая ответственность в избирательном праве. Историческая практика и современность. М., 2005. С. 185.

[257] Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 89–98.

[258] Очерки по истории выборов и избирательного права. под ред. Ю. А. Веденеева. Калуга, 2002. С. 278.

проверка всего выборного делопроизводства в окружных комиссиях»[259] и отсутствии причин оспаривать «правильность общего итога голосования в стране»[260].

Становление советских избирательных органов: конкуренция местного и всероссийского законодательства (1918–1924 гг.). К моменту возникновения советского государства в России реализовывались две организационные модели избирательных органов. Первая модель предполагала создание специализированных органов, формировавшихся на уровне уездов и губерний, при сохранении значительной роли административных органов, и она реализовывалась при организации выборов в Государственную Думу 1905–1917 гг. Вторая модель предполагала создание независимых от администрации специализированных избирательных органов, охватывавших все административно-территориальные уровни. Эта модель реализовывалась после февральской революции на выборах в Учредительное Собрание.

Пришедшим к власти большевикам в октябре 1917 г. предстояло определиться с организационной моделью избирательных органов и принципами их формирования. Революционная власть отказалась от системы избирательных органов, созданных Временным правительством, соответственно она могла либо воспроизвести административную модель, либо предложить альтернативный вариант. В исследованиях, посвященных советскому избирательному процессу и становлению избирательных органов, констатируется отсутствие исторической преемственности при формировании советских избирательных органов[261]. А. А. Веняминова подчеркивает, что «после октября 1917 г. была создана «система избирательных органов, принципиально отличавшаяся от действовавшей ранее»[262]. Однако никаких существенных аргументов в пользу создания новой модели автор не приводит. Как представляется, мнение об отсутствии преемственности является не вполне оправданным и отражает устоявшуюся советскую идеологему о революционной новизне всех советских институтов. Формировавшееся советское законодательство и избирательные практики свидетельствует, что большевики воспроизвели административную модель, характерную для дореволюционного периода (с созданием специализированных избирательных органов на низовых территориальных уровнях с

[259] Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 179.
[260] Там же. С. 192.
[261] Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч. С. 81–92. Веняминова А. А. Указ. соч. С. 16; Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 610–611.
[262] Веняминова А. А. Указ. соч. С. 16.

преобладающим влиянием административных органов). Помимо организационной модели, многие дореволюционные принципы формирования избирательных органов были успешно восприняты советской системой.

Первые советские акты закрепляли функции проведения выборов за Советами и избирательными комиссиями. Конституция РСФСР 1918 г. в главе о «производстве выборов» организацию выборов поручала местным Советам и избирательным комиссиям. Их функции обозначены в самом общем виде. Конституционные нормы закрепляли лишь обязательное участие избирательных комиссий или представителей советов в избирательном процессе, и составление протокола о ходе и результатах выборов за их подписью. На Совет и мандатную комиссию, сформированную им, возлагалась также обязанность проверки правильности выборов и утверждения спорных кандидатов. Вышестоящие Советы названы в качестве органов, принимавших решение об отмене выборов. Центральное место в руководстве выборами отводилось Всероссийскому центральному исполнительному комитету, который должен был разработать инструкцию с «подробным порядком производства выборов» и определить «участие профессиональных и иных рабочих организаций»[263]. Конституция 1918 г. также определяла ВЦИК последней инстанцией кассации выборов.

По сути, первая советская Конституция закрепляла принцип Советов как «работающих корпораций»[264], в соответствии с которым Совет выступал источником власти и одновременно был наделен функцией исполнения властных полномочий, и формирование Совета включалось в содержание его властных полномочий. Именно Советы всех уровней должны были занять центральное место в организации выборов. Избирательным комиссиям отводилась вспомогательная, не вполне определенная роль. Если абстрагироваться от революционной риторики, по существу Конституция 1918 г. предполагала возврат к старой дореволюционной схеме – организации выборов государственными органами, и использование избирательных комиссий в качестве технических второстепенных органов.

Последующее развитие законодательства подтверждало и развивало базовые положения, сформулированные в первой советской Конституции. Первая избирательная инструкция была оперативно принята ВЦИК 2 декабря 1918 г., и регулировала порядок

---

[263] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[264] Иванченко А. В. Указ. соч. С. 25.

проведения выборов в волостные и сельские Советы. Инструкция принималась в период первичного создания низовых Советов, и этим во многом обуславливалось ее содержание. В ней акцентировалось внимание на порядке формирования органов, руководивших выборами, и общих задачах, стоявших перед ними, их права и обязанности в инструкции занимали вторичное место. Основные задачи определялись в общих положениях инструкции – устранение двоевластия между Советами и Комитетами Бедноты в деревне, а также избрание Советов, бедняцких по составу и не содержавших кулацких и иных «контрреволюционных элементов».

Показательно, что уже первая избирательная инструкция демонстрирует отступление от конституционных положений в части определения органов, занимавшихся организацией выборов. Если общее руководство (в соответствии с Конституцией) возлагалось на ВЦИК, то руководство в регионах – на губернские и уездные исполкомы (а не на местные советы), текущее руководство закреплялось и вовсе за органами, не предусмотренными Конституцией – Комитетами Деревенской бедноты. Также предполагалось создание избирательных комиссий на четырех административно-территориальных уровнях – губернском, уездном, волостном и сельском. При этом избирательные комиссии создавались не как самостоятельные органы, а как вспомогательный аппарат при губернских и уездных исполкомах или комбедах для проведения выборов.

В литературе в качестве основного принципа организации советских избирательных комиссий называется соподчиненность[265]. Указанное представление нуждается в расширении, помимо соподчинённости, базовыми принципами формирования избирательных комиссий являлись – лояльность большевикам и централизм. При формировании избирательных комиссий, начиная с уездного уровня, акцент сделан на их классовый состав. Доверием высших советских органов пользовались только исполкомы и комиссии губернского уровня. Полномочия избирательных комиссий и исполкомов на выборах обозначены в самом общем виде. К полномочиям губернских избиркомов была отнесена организация нижестоящих в течении трех дней, руководство нижестоящими избиркомами и проверка их состава. В обязанности остальных комиссий входило: допуск к голосованию только обладавших избирательными правами (при этом речи не шло о процедуре лишения избирательных

[265] Кудрякова Д. В. Указ. соч. С. 11.

прав), наблюдение за порядком на выборном собрании и составление протокола о ходе выборов[266].

Очевидно, что инструкция 1918 г. была временным актом, актуальным для переходного периода – организации первых Советов, передачи власти от комбедов. Гражданская война актуализировала создание чрезвычайных органов и ревкомов, выборы Советов на значительной территории страны до ее окончания потеряли актуальность. Первыми актами, регламентировавшими на всероссийском уровне проведение выборов, были приняты только в 1922 г.[267] Выборы, проходившие в губерниях до этого момента, проводились в соответствии с местными инструкциями, принимаемыми губернскими исполкомами. Издание местных инструкций санкционировалось циркулярным постановлением Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. и содержало требование «впредь до выработки общей инструкции Президиумом ВЦИК порядок производства выборов и нормы представительства трудящегося населения определять местными инструкциями, которые должны быть разработаны губиполкомами в соответствии с Конституцией РСФСР и сообразно всей совокупности местных условий»[268]. Циркулярное постановление 1921 г. закрепляло фактически сложившийся порядок организации выборов на местах и ранее выборы проводились в соответствии с местными инструкциями, утвержденными губернскими исполкомами.

В историко-правовых исследованиях местное избирательное нормотворчество специально не анализировалось, и не сопоставлялось в различных регионах[269]. Между тем, его изучение дает представление о неоднородности процесса формирования системы избирательных органов на местах непосредственно после революции.

Местные инструкции вариативно подходили к формированию органов, занимавшихся организацией выборов, а также их составу и полномочиям. В большинстве губерний общее руководство выборами возлагалось на губернские

---

[266] Постановление ВЦИК Советов от 2 декабря 1918 г. «О порядке выборов волостных и сельских Советов (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 901.

[267] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706; Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90.

[268] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации городских Советов Рабочих и красноармейских Депутатов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 71.

[269] Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч.; Иванченко А. В. Указ. соч.; Очерки по истории выборов и избирательного права …; Бузин А. Ю. Проблемы правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук, М., 2004.

исполкомы или их президиумы, в ряде случаев – на губернские избирательные комиссии, но в ряде случаев на отдел управления губернского исполкома, подчинявшийся НКВД[270]. Уровни избирательных комиссий были сходными во всех местных инструкциях и охватывали основные уровни административного деления республики: формировались губернские, уездные, волостные и сельские избиркомы. Способ формирования избирательных комиссий также не отличался разнообразием, на местах предусматривали назначение вышестоящими органами. губернская избирательная комиссия утверждалась губернским исполкомом, нижестоящие комиссии формировались либо соответствующими исполкомами, либо вышестоящими избиркомами (за исключением сельских избиркомов, они всегда утверждались волостными избиркомами или исполкомами)[271].

Составы избирательных комиссий были немногочисленными, как правило, включая трех членов, и состояли из представителей формировавшихся административных и партийных органов – членов исполнительных комитетов Советов, представителей партийных организаций и местных отделов управления Наркомата внутренних дел. В Пермской и Нижегородских губерниях в губернскую и уездную избирательные комиссии обязательным было включение одного представителя от губернских или уездных комитетов партии, одного – от соответствующего исполкома и одного – от губернского или уездного отдела управления НКВД. В Петроградской губернии в губернский избирком входили два представителя губисполкома и один – губернского партийного комитета РКП(б)[272]. Необычным на этом фоне выглядела инструкция Тамбовского губисполкома, содержавшая персональный перечень лиц, назначенных в губернскую избирательную комиссию.

Полномочия избирательных органов значительно варьировались в местных инструкциях. Наиболее обстоятельно они регламентированы в Пермской и Нижегородской губерниях. Наименее подробно – в Петроградской губернии. К полномочиям избиркомов во всех губерниях относилось: отстранение от выборов граждан, не имевших права на участие в них, проведение собрания

[270] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2 (об), Л. 21–22(об); Оп. 1а. Д. 94. Л. 250(об)–253(об); Д. 95. Л. 44–46 (об).

[271] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2 (об), 21–22(об); Л. 55–57.

[272] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2 (об), 21–22(об), 27, 55–57; Ф.Р.-1235. Оп. 95. Д. 346. Л. 176–179.

(наблюдение за порядком), составление протокола по итогам выборов, рассмотрение жалоб на допущенные нарушения[273].

Примечательно, что ряд местных инструкций 1920 и 1921 гг. в качестве полномочия низовых избирательных комиссий включали составление списков избирателей, в инструкциях, принятых после 1922 г. оно повсеместно исключается. Очевидно, что губернские исполкомы ориентировались на общероссийские акты, и в них отсутствовало это полномочие. Предположим, что после окончания Гражданской войны, в состоянии отсутствия общероссийского избирательного законодательства, работники местных исполкомов могли ориентироваться на сложившуюся до революции практику составления списков избирателей. Возможно, местные работники сочли, что составление списков избирателей – необходимая избирательная процедура и на выборах в советы.

Оповещение о выборах избирателей не включалось в обязанности избирательных комиссий не только в инструкциях 1920–1922 гг., но даже в инструкциях, принятых в 1924 г. Так, в Ленинградской и Тамбовской инструкциях 1924 г. оповещение избирателей о дне и месте выборов не входило в обязанности избиркомов [274]. На практике избиркомы или их уполномоченные, конечно, оповещали население, но существование такого рода пробелов симптоматично – акцентированное внимание к отстранению от выборов лиц, лишенных избирательных прав, и пренебрежение к оповещению и составлению списков избирателей.

К моменту принятия общероссийского избирательного законодательства, на местах сложились местное законодательство и практики формирования избирательных органов, ключевыми особенностями которого стали жесткая соподчиненность избирательных органов исполнительным, узкие составы избирательных комиссий, включавшие представителей административных, исполнительных и партийных органов и нерегламентированные полномочия избирательных комиссий со значительными пробелами.

Первый общероссийский акт, регулировавший проведение выборов в советы всех уровней – инструкция «О перевыборах городских и сельских Советов», утвержденная декретом ВЦИК 31 августа 1922 г. закрепляла сложившуюся в местном

[273] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2, 21–22, 27, 55–57; Ф.Р.-1235. Оп. 95. Д. 346. Л. 176–179.
[274] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 250(об)–253 (об); Д. 95. Л. 44–46 (об).

законодательстве систему избирательных комиссий (сельские, волостные, уездные и губернские) и способ их формирования – назначение исполнительными органами. Составы избиркомов были узкими и состояли из трех членов, назначаемых соответствующим исполкомом, и должны были включать представителей советских органов и профсоюзов. Избирательные комиссии всех уровней не имели специального аппарата, инструкция 1922 г. предписывала им использовать имеющийся аппарат отдела управления (имевшего двойное подчинение – НКВД и исполком), волостного исполкома или сельского Совета[275].

Примечательно, что в инструкции 1922 г. не обозначался орган, на который возлагалось общее руководство выборами. Ни губернские исполкомы, ни ВЦИК и НКВД не названы в таком качестве. Наркомат внутренних дел упоминался лишь как орган, в который отсылалась информация об итогах выборов. Неясны мотивы такой таинственности, что препятствовало четко и ясно обозначить реальную схему руководства выборами в избирательной инструкции.

В этом же году принимаются положения о городских и сельских Советах, волостных, уездных, губернских съездах и исполкомах, также регулировавшие проведение выборов в эти органы[276]. Учитывая почти одновременность принятия актов, можно было бы ожидать универсального порядка и механизма проведения выборов. Однако перечисленные акты предусматривали разные процедуры и порядок организации выборов.

Положения о Советах, съездах и исполкомах, принятые в 1922 г., несколько корректировали схему органов, ответственных за организацию выборов, возлагая общее руководство выборами на губернский исполком, формирование волостных и сельских избирательных комиссий – на вышестоящие исполкомы, а руководство избирательными комиссиями закреплялось за вышестоящим отделом управления. Положение о волостных съездах 1922 г. возлагало общее и текущее руководство выборами в волости

[275] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. №5 6. Ст. 706.

[276] Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. №10. Ст. 90; Положение об уездных съездах, Советах и их исполнительных комитетах от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 91; Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. №10. Ст. 92; Положение о сельских Советах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 93; Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах от 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907.

на уездный отдел управления[277]. Положение о сельских Советах 1922 г. допускало проведение выборов не сельскими избирательными комиссиями, а «уполномоченными по производству выборов» (должностными лицами непредусмотренными избирательной инструкцией 1922 г.), назначенными уездным отделом управления. Руководство выборами в сельские Советы возлагалось на волостные избирательные комиссии[278].

Положения о Советах, съездах и исполкомах, принятые в 1922 г. в большей степени отражали реальное участие органов и распределение полномочий в организации выборов на местах. Они показывали, что действительными организаторами выборов выступали губернский и уездный отделы управления, подчинявшиеся НКВД, и исполкомы. Роль избирательных комиссий в организации выборов являлась номинальной, и не всегда являлась даже вспомогательной, в ряде случаев их образование даже не предусматривалось, самые массовые выборы в сельские Советы проводились уполномоченными по производству выборов, назначаемым уездным отделом управления.

Нормативные акты, принятые накануне избирательной кампании 1924 г., не вносили принципиальных изменений в организацию выборов, однако в отличие от актов, изданных в 1922 г. не противоречили друг другу. В связи с постепенной передачей организации выборов от НКВД к ВЦИК, значимым изменением, зафиксированным в инструкции 1924 г. стало ограниченное участие в избирательной кампании губернских и уездных отделов управления, ранее подчинявшихся НКВД. Инструкция 1924 г. предлагала избирательным комиссиям использовать аппарат исполкомов и сельских Советов, работа членов избиркомов, как и ранее, осуществлялась на безвозмездной основе[279]. Принятые в 1924 г. положения о сельских Советах, уездных и волостных съездах и исполкомах, не предполагали изменения порядка участия органов в выборах, вводя универсальный механизм, урегулированный в избирательной инструкции, утвержденной ВЦИК[280].

---

[277] Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах от 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907; Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 92;

[278] Положение о сельских Советах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 93.

[279] Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов»// СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695.

[280] Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825; Постановление 2-й сессии ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах» //

Советские избирательные органы: от попыток демократизации к централизации (1925–1936). Итоги избирательной кампании 1924 г. показали серьезные проблемы с поддержкой населения новой власти и продемонстрировали готовность высших партийных и советских органов к изменениям. Обсуждение проблем в электоральной сфере на Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б), а также в рамках проведенных совещаний по вопросам советского строительства, созванных Президиумом ЦИК СССР в январе и апреле 1925 г., привели к корректировке избирательной политики[281]. Основные директивы 1925 г. касались ограниченной демократизации избирательного процесса: при сохранении монополии правящей партии планировалось обеспечить максимальное участие населения на выборах и устранить административное давление[282]. Новый курс имел непосредственное отношение к изменению института избирательных органов, он ставил задачу их демократизировать и приблизить к населению[283].

Заместитель наркома внутренних дел М. Болдырев на заседании комиссии оргбюро ЦК РКП(б) по перевыборам советов 18 августа 1925 г., предлагал в работу избирательных комиссий внести демократический элемент, включить в составы низовых избиркомов крестьян и горожан, сделать их работу более открытой и доступной. В циркулярном письме ЦК ВКП(б) об очередных задачах перевыборов советов от 25 сентября 1925 г. были восприняты предложения советских органов и в дальнейшем нашли отражение в избирательных инструкциях[284].

Одной из причин «неправильных» выборов называлось несовершенство избирательных органов, и с решения этой проблемы и начали преобразования. После долгих дискуссий к осени 1925 г. произошла передача руководства выборами от НКВД к ВЦИК, одновременно завершилась и реорганизация существовавшей системы избирательных комиссий. В сентябре 1925 г. была создана Всероссийская центральная избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК, которая возглавила систему избирательных органов, и на которую инструкция возлагала общее руководство выборами в стране. Созданы пять уровней избирательных комиссий, охватывавшие все

СУ РСФСР. 1924. №82. Ст. 826; Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 827.

[281] Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). М., 1925.

[282] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 47; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 5.

[283] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 6.

[284] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 5.

административно-территориальные уровни от Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК до сельских избиркомов[285]. Однако формирование избирательных комиссий на всех административно-территориальных уровнях не приблизило советскую систему к созданию специализированных избирательных органов, независимых от исполнительных органов. Полномочия, способы формирования и их деятельность свидетельствовали об обратном.

В первую очередь, отметим сохранение административного порядка формирования избирательных комиссий Всероссийского и регионального уровня (краевого, областного, губернского), все они создавались при соответствующих Президиумах или исполнительных комитетах, и не являлись самостоятельными органами. Состав Всероссийской избирательной комиссии «персонально утверждался ВЦИК»[286]. Кроме того, ряд важных полномочий в избирательной сфере сохранялся за исполнительными комитетами – ВЦИК и краевыми, областными и губернскими исполкомами. ВЦИК сохранял полномочия на изменение норм представительства в советы и на съезды, принимал решения об отмене выборов, являлся последней инстанцией по рассмотрению жалоб на лишение избирательных прав ряда категорий граждан. Региональные исполкомы также сохраняли ряд полномочий в избирательной сфере[287].

Противоречивость статуса Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК становится еще более наглядной при анализе положения о Центризбиркоме, принятого 8 февраля 1926 г. декретом ВЦИК. С одной стороны, на Центризбирком возлагалось общее руководство избирательными кампаниями, монопольное право на установление форм избирательной отчетности, рассмотрение жалоб на действия нижестоящих избиркомов, инструктирование и согласование деятельности избиркомов, разработка циркуляров по вопросам проведения выборов, обследование работы нижестоящих избиркомов и ряд других полномочий. При этом, Центризбирком обязан согласовывать с Президиумом ВЦИК отмену постановлений

---

[285] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

[286] Декрет ВЦИК от 8 февраля 1926 г. «Положение о Всероссийской центральной избирательной комиссии» // СУ РСФСР. 1926. № 8. Ст. 59.

[287] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603; Декрет ВЦИК от 7 декабря 1925 г. «О введении в действие Положения о городских Советах» // СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 661.

местных исполкомов и отвод членов из составов нижестоящих избиркомов, не имел права отменять результаты выборов (лишь предварительно рассматривать вопрос). Отсутствие своего аппарата у Центризбиркома (в положении закреплялось право использования аппарата Президиума ВЦИК) создавало дополнительную зависимость от ВЦИК[288]. Как покажет практика, эта половинчатость создавала проблемы в деятельности Центральной избирательной комиссии, и затягивала решение многих вопросов, требуя бесконечных согласований ВЦИК и Центризбиркома.

Анализ нормативного положения Центризбиркома и нижестоящих избирательных комиссий показывает, что несмотря на определенные предпринятые усилия по созданию самостоятельных избирательных органов, исполкомы сохранили контроль и не решились передать избирательным комиссиям весь объем полномочий по организации и проведению выборов. В итоге, последние, так и остались аппаратом исполкомов, занимавшихся организацией выборов.

Помимо реорганизации избирательных органов, попытались внести демократический элемент в их деятельность путем расширения составов и включения в них представителей общественности. Инструкция «О перевыборах в Советы», принятая Президиумом ЦИК СССР 16 января 1925 г. предусматривала увеличение числа членов губернских, уездных (окружных) и городских избиркомов до пяти членов, а последующая инструкция предполагала расширение областных и краевых до 9, а окружных и уездных до 7 членов. Но главным изменением стало обязательное введение в состав избиркомов представителей от населения с целью расширения доверия к власти. В губернские и уездные (окружные) избирательные комиссии помимо двух представителей исполкомов и представителя от профсоюзов, вводились два крестьянина – делегата от местных крестьянских организаций[289].

Стремление ограничить административное давление на избирателей в ходе выборных собраний, также было закреплено в избирательных инструкциях. В инструкции ЦИК СССР от 16 января 1925 г. специально оговаривалось, что в обязанности избирательных комиссий вменялось «пресекать любые избирательные

---

[288] Декрет ВЦИК от 8 февраля 1926 г. «Положение о Всероссийской центральной избирательной комиссии» // СУ РСФСР. 1926. № 8. Ст. 59.

[289] Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54; Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603

нарушения со стороны местных органов власти и не допускать давления на избирателей»[290].

Изменения затронули и полномочия избирательных комиссий, в первую очередь низовых. Их полномочия постарались максимально конкретизировать, для минимизации административной дискреции. За сельскими избиркомами закреплялись полномочия по разбивке селения на избирательные участки с целью обеспечения большей доступности избирательных собраний для крестьян. В их обязанности также входило назначение уполномоченных на отдельные избирательные участки, составление, проверка и обнародование списков лиц, лишенных избирательных прав, оповещение о времени и месте избирательных собраний, рассылка избирательных повесток[291].

При появлении у низовых избиркомов обязанности рассылки именных повесток избирателям было бы логично предположить, что к обязанностям добавится составление списков избирателей (основание для составления повесток), однако этого не произошло не только в инструкции 1925 г., но и в последующие годы. Последующие избирательные инструкции, принимаемые ЦИК СССР и ВЦИК в 1926 г., 1930 и 1934 г. вновь определяли в качестве обязанностей рассылку именных повесток, но не содержали обязанности составления списков избирателей. При этом в формах избирательной отчетности именные списки избиратели впервые появляются в кампанию 1926 гг.[292] В кампании 1930 и 1934 гг. списки избирателей также сохранялись в формах отчетности.

Регулярное обсуждение вопроса о необходимости введения в обязанности низовых избиркомов составления списков избирателей, более жесткого контроля за явкой, и повышения достоверности статистической отчетности на заседаниях Центризбиркома, Президиума ВЦИК, НКВД, не привели к принятию решения. Мотивы игнорирования составления списков в избирательных инструкциях не до конца ясны. Возможно, первоначально после прихода к власти, большевики решили отказаться от типовых обязанностей, присущих дореволюционным избирательным комиссиям, в силу

---

[290] Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54.

[291] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

[292] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.106. Д. 537. Л. 1; Постановление Президиума ЦИК от 19 ноября 1926 г. «О формах учета хода и результатов выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты, и о формах списков учета избирателей» // СЗ СССР. 1926. № 75. Ст. 593.

отрицания всего предыдущего избирательного опыта. Кроме того, членами советских избиркомов стали крестьяне и рабочие, не обладавшие ни необходимым образованием, ни опытом. В первой половине 1920-х гг. власти испытывали и проблемы с точным учетом населения, особенно в городах.

Неясны причины невключения в обязанности избиркомов обязательного составления списков избирателей после осознания проблемы и наведения относительного порядка с учетом населения. В целом, отказ от составления списков избирателей затруднял выяснение реальной явки населения на выборах, способствовал фальсификациям и нарушениям местных избиркомов, созданию недостоверной электоральной статистики. В общеполитическом смысле, это являлось свидетельством отсутствия у руководства страны интереса к открытости и достоверности выборов.

Политические изменения 1926 г., направленные на ужесточение отношения к непролетарским слоям советского общества, в незначительной мере отразились на институте избирательных органов. Система органов, их полномочия остались неизменными, единственным, но знаковым отличием стало исключение из списка полномочий – наблюдение за отсутствием административного давления на избирателей на выборах. Акцент сместился в сторону унификации и технического совершенствования избирательного процесса, а также привлечения к выборам национальных меньшинств, рабочих от производства и «охранения советов от проникновения в них эксплуататорских элементов»[293].

Реализация линии на привлечение к работе избиркомов широкой общественности в инструкции 1926 г. предусматривала увеличение численности состава избирательных комиссий всех уровней. Областные, краевые и губернские избиркомы состояли из 11 членов, окружные, уездные – из 9 членов, остальные – из 7 членов. Однако в избирательном законодательстве нарушался смешанный принцип формирования избирательных комиссий. Демократический элемент ограничивался за счет жесткой регламентации представительства от общественности. Избирательные инструкции 1926 г. закрепляли общественные организации, которые должны были делегировать своих представителей. Они включали перечисленные в партийных резолюциях, лояльно настроенные к большевикам слои населения, которые власть желала привлечь к активному участию в выборах. Так, в состав краевых, областных, губернских, окружных

[293] РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 147.

и уездных избиркомов предписывалось включить по одному представителю от объединения профсоюзов, ВЛКСМ, отдела работниц ВКП(б), национальных меньшинств, Красной армии и двух представителей – делегатов крестьянских организаций (общества взаимопомощи, союза Кошчи)[294].

В положениях, регламентировавших деятельность исполкомов, принятых в конце 1920-х гг., прослеживается усиление их роли в избирательном процессе, увеличение полномочий и контроля над избирательными комиссиями[295]. В положении о губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетах, утвержденного 6 апреля 1928 г. постановлением ВЦИК, на губернский исполком (а не губернский избирком) возлагалось общее руководство выборами в губернии, назначение сроков проведения выборов, осуществление надзора за законностью проведения выборов, отмена выборов в нижестоящие органы, рассмотрение жалоб на постановления губернского избиркома о лишении избирательных прав, изменение норм представительства на волостные, районные, уездные съезды Советов[296]. Фактически, на законодательном уровне, можно констатировать, возврат к организации выборов административными органами и подмену избирательных комиссий исполкомами, широко практиковавшееся в начале 1920-х гг.

Смена политики «оживления Советов» в кампанию 1928/29 г. на курс «решительного наступления на кулака» привела к появлению интереса со стороны руководства страны к составам избирательных комиссий. И если в 1929 г. начали кампанию по борьбе с их «классовой засоренностью», то в 1930 г. – некомпетентностью. Так, в циркуляре ВЦИК от 7 января 1929 г., направленном региональным исполкомам отмечалась «засоренность состава низовых избиркомов кулацким и другим антисоветским элементом, отсутствие в этих комиссиях батраков и женщин, а также наличие ряда организационных ошибок»[297]. Виновными в «недолишении» или избрании в Советы «классовых врагов» объявлялись сельские и городские избиркомы, которые и надлежало подвергнуть классовой «чистке»[298].

---

[294] Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1926. № 66. Ст. 501; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

[295] Веняминова А. А. Указ. соч. С. 19.

[296] Постановление ВЦИК от 6 апреля 1928 г. «Об утверждении Положения о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1928. № 94. Ст. 606.

[297] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 78.

[298] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 220. Л. 7–8.

Уже весной 1930 г. в ходе кампании по борьбе с нарушениями избирательного законодательств, избирательные комиссии были признаны главными виновниками этих нарушений, и обвинены в некомпетентности, которая на этот раз, проявилась в излишнем рвении при лишении избирательных прав. Постановления ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. и ВЦИК от 10 апреля 1930 г. отстраняли избирательные комиссии от проверки списков и жалоб «лишенцев» (хотя это являлось их непосредственными обязанностями), предполагали создание специальных комиссий. При этом порядок формирования специальных комиссий не отличался от избирательных, их создавали соответствующие исполкомы из «окружных или районных работников», и возглавляли представители окружных исполкомов. Постановления содержали запрет на участие иных организаций (фабзавкомов, месткомов, домоуправлений, колхозов, бригад и т.д.) в выявлении и составлении списков «лишенцев»[299], хотя все 1920-е гг. настаивали на прямо противоположном – активном участии общественности в их выявлении. Все это свидетельствует о ярко выраженном демагогическом характере кампании 1930 г. Центральная власть, желая снизить градус недовольства населения «раскулачиванием» или несправедливым лишением избирательных прав, пыталась обвинить в произволе местные власти и избирательные комиссии, переложить на них ответственность за неудачи и проблемы. Однако ни один из видов юридической ответственности так и не был введен для членов избирательных комиссий за допущенные нарушения[300], в итоге «борьба с нарушениями избирательных комиссий», заявленных в постановлениях ЦИК, так и осталась декларативной.

Политические и экономические потрясения первой половины 1930-х гг. отразились на институте избирательных органов в незначительной степени. Отметим лишь изменение количества уровней избирательных комиссий в связи с проведением административно-территориальной реформы и ликвидации округов и расширение их составов за счет рабочих и колхозников, непосредственно связанных с производством. Инструкции 1930 и 1934 гг. существенно увеличивали численность избирательных

---

[299] Постановление ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан» // СУ РСФСР. 1930. № 18. Ст. 233; Постановление Президиума ЦИК от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР» от 22 марта 1930 г.// СЗ СССР. 1930. № 19. Ст. 212.

[300] Белоновский В.Н. Юридическая ответственность в избирательном праве по Конституции РСФСР 1918 г. // Вестник РГГУ. 2009. № 3. С. 80-84; Аблаева Э.Б., Енсебаева А.Р., Утанов М.А. Административная юстиция в советский период (анализ теории, законодательства и практики первой половины XX в.) // LEX ROSSICA. 2021.№ 1. С. 75.

комиссий всех уровней. Так, республиканские, краевые и областные избиркомы должны были включать в свой состав от 15 до 21 членов, районные – от 11 до 15 членов, сельские и городские избиркомы – 11 членов[301]. В инструкции учли и пожелания местных исполкомов о создании участковых или подсобных комиссий. В крупных городах и промышленных центрах допускалось создание особых подсобных комиссий по отдельным крупным предприятиям.

Расширение численности избиркомов всех уровней в 1930 г. не имело практической целесообразности, поскольку объем их полномочий не изменился по сравнению со второй половиной 1920-х гг., и основные жалобы «лишенцев» также были предварительно рассмотрены. Включение рабочих «от станка» и колхозников «от сохи» в составы избиркомов, не имевших отдаленного представления об избирательных нормах и процессе, призваны были продемонстрировать их демократичность, «близость к народу». Попутно решалась задача обеспечения чистоты «классового подхода» при проведении выборов. Но включение значительного числа статистов в составы избиркомов свидетельствовало о дальнейшей формализации избирательного процесса.

Ожидаемо в 1930-е гг. выросло число полномочий административных органов в избирательной сфере, а также были ограничены права избирательных комиссий, деятельность которых подменялась административными органами или исполнительными комитетами. Так, впервые введенный в 1930 г. учет лиц, лишенных избирательных прав, был возложен не на избирательные комиссии, а на административные органы (адмотделы и части) городских Советов и сельские Советы – в сельской местности. Кроме того, избирательным комиссиям ограничили право самостоятельно составлять и публиковать списки «лишенцев», с 1930 г. избиркомы были обязаны их утверждать в «районном исполкоме, городском или районном совете по принадлежности»[302]. Также расширялись полномочия исполкомов и при рассмотрении жалоб «лишенцев».

Данная тенденция отчетливо прослеживается и в положениях о Советах и исполкомах, принятых в 1931–1933 гг. Полномочия Советов и исполкомов заключались в общем и текущем руководстве, контроле за избирательными комиссиями в ходе

---

[301] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654; Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

[302] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654

выборов. Так, в положении о сельских Советах от 1 января 1931 г. и о кочевых Советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР от 20 августа 1933 г. к предметам ведения в области организации выборов сельского (кочевого) Совета отнесены организация избирательной комиссии, отчет о проведении выборов, выявление лиц, подлежавших лишению прав и их постоянный учет, и избрание делегатов на районный съезд Советов[303]. Полномочия районных и окружных исполкомов в сфере организации выборов охватывали: назначение сроков проведения выборов, организацию районной (окружной) избирательной комиссии и утверждение председателей сельских и городских (районных) избиркомов, осуществление надзора за проведением выборов и их отмена, утверждение списков лиц, лишенных прав, рассмотрение жалоб лиц, лишенных прав[304].

При анализе нормативного положения советских избирательных комиссий исследователи приходят к аналогичным выводам о «сокращении полномочий избирательных комиссий и увеличении соответствующих полномочий исполнительных комитетов»[305]. Фактически положения о Советах и исполкомах фиксировали вспомогательную, второстепенную роль избирательных комиссий всех уровней и расширение полномочий исполнительных комитетов в процессе организации выборов. В 1930-е гг. избирательные комиссии даже на законодательном уровне становились аппаратом при исполкомах и Советах, создававшемся на время проведения выборов.

Выводы. Дореволюционный избирательный опыт характеризовался значительной ролью административных органов в избирательном процессе и вспомогательным характером специализированных избирательных органов. Краткий опыт формирования профессиональных и независимых от администрации комиссий для выборов в Учредительное собрание показал большевикам его сложность и непригодность для обеспечения лояльных партии составов Советов и удержания власти, что стало причиной отказа от передового опыта и возвращение к дореволюционной модели избирательных органов.

---

[303] Постановление ВЦИК от 1 января 1931 г. «Об утверждении Положения о сельских Советах РСФСР» // СУ РСФСР. 1931. № 11. Ст.142; Постановление ВЦИК и СНК от 20 августа 1933 г. «Об утверждении Положения о кочевых Советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 49. Ст. 209.

[304] Постановление ВЦИК от 1 января 1931 г. «Об утверждении Положения о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1931. № 11. Ст. 143; Постановление ВЦИК и СНК от 20 апреля 1932 г. «Об утверждении Положения об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1932. № 39. Ст. 176.

[305] Кудрякова Д. В. Указ. соч. С. 15; Веняминова А. А. Указ. соч. С. 19.

Институт избирательных органов занимал второстепенное место в советской избирательной системе, хотя руководство уделяло его развитию определенное внимание и осознавало значимость процесса организации выборов. В становлении института советских избирательных органов можно определить два основных этапа. Первый этап (1918–1924 гг.) – становление советских избирательных органов, характеризовался низкой степенью конкретизации полномочий органов, участвовавших в организации выборов, значительной вариативностью органов в различных регионах (в местном нормотворчестве), что создавало благоприятную среду для их дискреционных действий. Система избирательных комиссий в первой половине 1920-х гг. не охватывала все административно-территориальные уровни, их составы были очень узкими. Порядок формирования избиркомов всех уровней носил административный характер, в них входили представители исполкомов, административных отделов и местных партийных комитетов. Главной целью такого порядка являлось проведение классовой политики, контроль за нижестоящими избиркомами, обеспечение необходимых правящей партии составов Советов. Нормативные акты первой половины 1920-х гг. отводят избирательным комиссиям вспомогательную роль при административных и исполнительных органах. В ряде случаев, образование низовых (сельских) избиркомов не предусматривалась вовсе, проведение выборов предусматривалось уполномоченным по производству выборов, назначаемым уездным отделом управления. Правовое регулирование деятельности избирательных комиссий начала 1920-х гг., как в местных, так и общероссийских инструкциях характеризовалось наличием множества пробелов и низким уровнем юридической техники.

Для второго этапа (1925–1936 гг.) были характерны разнонаправленные тенденции: попытки демократизации избирательного механизма и централизация системы и деятельности избирательных органов. В этот период была создана система избирательных комиссий, охватывавшей все административно-территориальные уровни, конкретизированы полномочия всех участников избирательного процесса от Всероссийской избирательной комиссии до сельизбиркомов. В избирательном законодательстве, принятом в 1925 г., была сделана попытка демократизировать деятельность избирательных комиссий, сделать их более самостоятельными от административных органов, за счет расширения полномочий и включения в их составы представителей населения. Однако это попытка была неудачной, избирательные

комиссии не стали менее зависимыми от администрации, исполнительные органы по-прежнему сохраняли доминирующее положение в избирательном процессе. В 1930-е гг. роль исполнительных и административных органов в избирательном процессе только возрастала. Нормативные акты 1930-х гг. фиксировали вспомогательную, второстепенную роль избирательных комиссий всех уровней и расширение полномочий исполнительных комитетов в процессе организации выборов. В 1930-е гг. избирательные комиссии даже на законодательном уровне фактически вернулись к ситуации начала 1920-х гг. – становились аппаратом при исполкомах и Советах, создававшемся на время проведения выборов.

Формирование составов избирательных комиссий отражало общие тенденции мобилизации различных слоев населения на выборы. На протяжении рассматриваемого периода в избирательном законодательстве наиболее важным условием формирования избирательных комиссий являлись лояльность власти членов избирательных комиссий, соответствие социальной (классовой) принадлежности. Уровень подготовки, образования, опыта работы не определялись и не имели значения при включении в избирательные комиссии. Хотя применение усложняющегося избирательного законодательства требовало подготовленных, образованных сотрудников. Их отсутствие в избиркомах во второй половине 1920-х гг. привело к многочисленным нарушениям со стороны избирательных комиссий всех уровней. К числу серьезных пробелов в регулировании деятельности избирательных комиссий относилось и отсутствие ответственности за допущенные нарушения избирательного законодательства.

1.2. Лишение избирательных прав

Избирательные цензы в России в дооктябрьский период: особенности применения. Одним из основных принципов современного избирательного права выступает его всеобщность. Под всеобщностью понимается право участия в выборах всех совершеннолетних и дееспособных граждан государства и отсутствие дискриминации по каким-либо основаниям. Цензы – специальные условия, которые ограничивают это право. Среди цензов выделяют: технические, охранные и дискриминационные. Технические (в некоторых классификациях, естественные) цензы выводят из числа участников избирательного процесса недееспособных и несовершеннолетних лиц, а также не имеющих устойчивых и определенных оснований для пользования активным избирательным правом (гражданство, постоянное место жительства на конкретной территории). Охранные цензы выводят из числа участников выборов лиц, влияние которых на политику признается опасным или нежелательным для государственного строя (военнослужащие, государственные служащие, банкроты, должники, осужденные). Дискриминационные цензы направлены на ограничение избирательных прав категорий лиц со слабой социально-правовой защищенностью. К числу дискриминационных цензов относят использование гендерного (отстранение женщин от выборов) и имущественного цензов[306].

В российской избирательной системе, введенной в 1905 г. применялись все выше перечисленные виды цензов. С помощью технических цензов отстранялись: иностранные подданные; лица моложе 25-ти лет; состоящие под опекой (под опекой помимо малолетних состояли глухонемые, душевнобольные и признанные расточителями); бродячие инородцы; менее года проживающие в уезде (городе)[307].

Охранные цензы трактовались чрезвычайно широко в Российской империи, с их помощью лишались избирательных прав: военные, состоявшие на действительной службе; признанные виновными в преступлениях, наказание за которые предполагает поражение в правах, а также за уклонение от воинской повинности; отрешенные от должности по суду (в течение 3-х лет после отрешения); состоящие под судом и

---

[306] Сравнительное избирательное право. Учебное пособие. М., 2003. С. 16.

[307] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908.

следствием за все вышеперечисленные преступления, кроме уклонения от воинской повинности; банкроты; лишенные духовного сана за пороки; исключенные из сословных обществ по их приговорам. Также лишались избирательных прав губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники (во вверенных им территориях) и полицейские должности (работавшие на избирательном округе). Отстранение от выборов учащихся также можно рассматривать в рамках применения охранных цензов (государство опасалось их влияния на политику)[308].

К дискриминационным цензам можно отнести применение гендерного (отстранение женщин) и имущественного цензов. Устанавливался различный имущественный ценз для различных курий и разрядов в куриях. Так, самый высокий имущественный ценз определялся для первого разряда курии уездных землевладельцев – обладание в уезде землей в размере от 100 до 800 десятин в зависимости от местности или недвижимым имуществом (кроме торгово-промышленного) стоимостью не ниже 15 000 рублей. По Положению о выборах от 6 августа 1905 г. для участия в выборах для второго разряда курии уездных землевладельцев было достаточно 1/10 ценза, предусмотренного для первого разряда этой курии, владение в уезде церковной землей[309]. Указ об изменении Положения о выборах в Государственную Думу от 11 декабря 1905 г. расширил круг избирателей от землевладельцев. Избирательное право было предоставлено управляющим и арендаторам имений, настоятелям церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий, при условии владения церкви в уезде землей, а также лицам, владеющим не менее года любимым количеством земли или иной недвижимости, не составляющей торгово-промышленного заведения, обложенные земскими сборами[310].

Для курии городских избирателей первоначально в Положении о выборах от 6 августа 1905 г. предусматривался достаточно высокий имущественный ценз (обладание недвижимым имуществом на сумму не менее 1500 рублей, владение торговым предприятием (первого или второго разряда), или промышленным предприятием (одного из первых пяти разрядов)). В результате принятия Высочайшего указа об

---

[308] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908.

[309] Там же.

[310] Именной высочайший указ, данный Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений» от 11 декабря 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение 1-е. СПб., 1908. Ст. 27029. С. 877-882.

изменении Положения о выборах в Государственную Думу от 11 декабря 1905 г. имущественный ценз для городских избирателей был существенно снижен[311]. В результате «вся масса интеллигенции и низшие слои мелких собственников полностью вовлекались в участие в выборах»[312]. Впервые избирательные права получили широкие городские слои.

Для участия на выборах в куриях рабочих и крестьян имущественный ценз не предусматривался. При этом сами выборы были трех и четырех степенными соответственно. Несмотря на ограниченность квоты депутатов, избиравшихся рабочей курией «отдельная рабочая курия была явлением новым, даже по международным стандартам, в 1906 г. впервые в Англии было избрано около 30 рабочих – это было крупным событием в политической жизни страны»[313].

В. А. Демин, анализируя проекты Положения о выборах 1905 г., и историю создания цензов отмечает, что «при разработке законов о выборах в Государственную Думу руководствовались положениями о земских выборах»[314]. Основная масса цензов была позаимствована из положений о земских выборах 1864 г. и городового положения 1870 г. Некоторые цензы были отменены, так, например, лица иудейского вероисповедания были исключены из числа «лишенцев» в ходе предварительного обсуждения Положения о выборах, поскольку «несколько возможных депутатов-евреев не смогут радикально воздействовать на мнение Думы»[315].

Какова была численность электорального корпуса в дореволюционной России в результате применения многочисленных избирательных цензов? Данные о численности избирателей в России в 1905–1907 гг. существенно разнятся. Проблема заключается в том, что электоральная статистика в 1905 г. учитывала избирателей в уездных и городских собраниях, а также выборщиков от крестьянской и рабочей курии, избирателей от крестьян и рабочих на первичном уровне возможно оценить только приблизительно.

---

[311] Именной высочайший указ, данный Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений» от 11 декабря 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение 1-е. СПб., 1908. Ст. 27029. С. 877-882.

[312] Селунская Н. Б., Бородкин Л. И., Григорьева Ю. Г., Петров А. Н. Становление российского парламентаризма начала XX в. М., 1996. С. 28.

[313] Острогорский М. Демократия и политические партии. М., 1927. Т. 1. Англия. С. 137.

[314] Демин В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 15.

[315] Там же. С. 16.

У многих советских и российских историков и правоведов имеются сведения о 15 % населения Российской империи имевших право голоса на выборах до 1917 г.[316] Эти данные опираются на подсчеты Н. И. Лазаревского[317]. По другим данным на выборах в первую и вторую Государственную Думу имели право голоса 25 млн. жителей Российской империи [318]. Если учесть, что население Российской империи в 1905 г. составляло 144,7 млн. чел.,[319] и исключить население моложе 25-ти лет, иностранцев, осужденных, умалишенных и т.д., то процент обладающих избирательным правом окажется равным около 24 % населения Российской империи. Подсчеты, проведенные Н. Б. Селунской и Л. И. Бородкиным на примере избирателей г. Москвы и Санкт-Петербурга также подтверждают, что численность избирателей столичных городов составляла около 20 % (без рабочих)[320].

Насколько дореволюционная избирательная система была адекватна европейским электоральным реалиям начала XX в.? Понимание принципа всеобщности избирательного права существенно отличалось от современного. В начале XX в. общепринятыми в мире являлись высокий возрастной, гендерный, профессиональный (для военнослужащих и государственных служащих) цензы, ценз оседлости. Менее распространенными являлись образовательный, имущественный, моральный цензы. При этом наличие этих ограничительных цензов не мешало считать избирательное право в этих государствах всеобщим.

В первой четверти XX века в большинстве европейских стран действовал высокий возрастной ценз: в Англии, США, Италии, Франции, Португалии – 21 год, Австрии и Венгрии – 24 года, а в Бельгии, Германии, Голландии, Испании – 25 лет[321]. Активное избирательное право начиналось не ранее 21 года – возраста полного совершеннолетия, когда человек получал право вступать во владение наследством, мог совершать сделки и т.д. Этот ценз казался приемлемым в первой четверти XX века, и только после второй мировой войны стал восприниматься анахронизмом. Понижение возрастного ценза до 18–19 лет началось даже не после второй мировой войны, а лишь в 1960-е–1970-е гг. В Австрии возрастной ценз опустился в 1968 г., в Великобритании – в

---

[316] Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 551.

[317] Лазаревский Н. И. Русское государственное право. СПб., 1913. Т. 1. С. 480.

[318] Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический словарь/ сост. А.А. Танин-Львов. М., 2001. С. 308.

[319] Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. Под ред. А. г. Вишневского. М., 1977. С. 62.

[320] Селунская Н. Б., Бородкин Л. И., Григорьева Ю. Г., Петров А. Н. Указ. соч. С. 35–36.

[321] Выборы во всем мире … С. 11, 31, 73, 89, 101, 174, 192, 297, 373.

1969 г., ФРГ – в 1970 г., США – в 1971 г., во Франции – в 1974 г., в Италии – в 1975 г., в Испании – в 1978 г., в Бельгии в – в 1979 г.[322] На общемировом фоне введение высокого возрастного ценза (25 лет) в российском избирательном праве в 1905 г. являлось обыденным.

Гендерный ценз (ограничивающий участие женского населения на выборах) также был общепринятым в мире в первой четверти XX века. До 1917 г. женщины имели право участвовать в выборах лишь в Новой Зеландии, Австралии, Австрии, Дании, Исландии, Норвегии и Финляндии [323]. В конце XIX в. женщины Англии и США получили избирательное право только на выборах в местные органы власти[324]. В большинстве развитых европейских государствах, женщины получили избирательные права в результате длительной борьбы, в Англии – в 1918 г., в Германии – с 1919 г., в Венгрии – с 1925 г., в Испании – с 1931 г., во Франции и Италии – в 1945 г., в Бельгии – в 1948 г., и в Швейцарии – в 1971 г.[325] Ограничение женского населения в избирательных правах в дореволюционной России на европейском и общемировом фоне выглядело также обычным явлением.

Профессиональный (служебный) ценз направлен на ограничение избирательных прав граждан по признаку профессиональной деятельности, мотивируется это тем, что характер ряда профессий в принципе несовместим с активным участием в политической жизни. Как правило, речь идет о лишении избирательных прав военных, служащих правоохранительных органов, а также священнослужителей[326]. В начале XX в. этот ценз использовался во многих европейских государствах в т.ч. и в дореволюционной России[327]. Специфической чертой использования профессионального ценза являлось отстранение от выборов не только военнослужащих, но и высших чинов администрации и представителей полиции. Хотя неучастие администрации в выборах являлось традиционным для России, это можно рассматривать как попытку государства ограничить применение «административного ресурса» на выборах.

Имущественный ценз вводился для отстранения от выборов малоимущих слоев населения и значительно ограничивал электорат. Для эволюции имущественного ценза в

---

[322] Выборы во всем мире … С. 11, 31, 73, 89, 101, 174, 192, 297, 373.
[323] Там же.
[324] Сравнительное избирательное право … С. 33.
[325] Выборы во всем мире … С. 11, 31, 73, 89, 101, 174, 192, 297, 373.
[326] Craig F.W.S. British electoral facts 1832 – 1980. Chichester, 1981. p. 13–20, 22–23, 36–46.
[327] Выборы во всем мире … С. 11, 31, 73, 89, 101, 174, 192, 297, 373; Craig F.W.S. British electoral facts 1832 – 1980 … P. 13–20, 22–23, 36–46.

европейских государствах конца XIX – начала XX в. была характерна постепенная либерализация. В ведущих европейских странах он был либо предельно снижен, либо отменен как во Франции[328]. В ряде стран Европы продолжал действовать высокий имущественный ценз. Так, в Венгрии до 1908 г. применялся очень высокий имущественный ценз (ежегодный доход не менее 210 крон, уплата налога не менее 20 крон или владение домом не менее чем из 3 комнат), в итоге электорат Венгрии составлял 5,9 % взрослого населения[329]. В Италии до 1919 г. также использовался высокий имущественный ценз, право голоса предоставлялось только состоятельным налогоплательщикам, составлявшим 2,4 % взрослого населения страны[330].

В отличие от европейских государств, в избирательной системе России имущественный ценз выполнял не вполне свойственную ему функцию. Если в Европе он использовался как основной способ ограничения избирательных прав малоимущих граждан, то в России – для отнесения к определенной курии и предоставления преимуществ или установления ограничений на выборах. Для ограничения прав беднейших слоев использовался не имущественный ценз, а многостепенность и куриальность выборов. Отчетливо эту особенность демонстрирует избирательный закон 1907 г., основные изменения которого затронули не избирательные цензы, а нормы представительства от разных курий. Первоначально в 1905 г. один мандат депутата приходился на 2 000 выборщиков от землевладельцев, 7 000 выборщиков от первой и второй городских курий, 30 000 выборщиков от крестьян и 90 000 выборщиков от рабочих. Изменение норм представительства в 1907 году привело к тому, что депутат избирался от 230 выборщиков от землевладельцев, 1000 выборщиков первой городской курии, 15 000 выборщиков второй городской курии, 60 000 выборщиков от крестьян и 125 000 выборщиков от рабочих[331]. Перераспределение выборщиков в пользу землевладельческой и городских курий (в ущерб представительству крестьян и рабочих), позволило сформировать приемлемый для власти состав Государственной Думы.

В передовых европейских странах численности электорального корпуса в начале XX века составляла около трети избирателей. Во Франции, имевшей по признанию

---

[328] Выборы во всем мире … С. 72.

[329] Там же. С. 88–89.

[330] Там же. С. 192.

[331] Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России. Государственная Дума и ее депутаты. 1906–1917. Пермь, 1995. С. 76–89.

современников, одну из наиболее демократичных избирательных систем в конце XIX–начале XX в., использовались высокий возрастной, профессиональный, гендерный и ценз оседлости. В итоге из 40 мил совершеннолетнего населения голосовали 12 мил (около 30 % взрослого населения)[332]. В Англии в 1914 г., британский электорат также составлял около 30 % взрослого населения страны, и только к 1931 г. избирательный корпус численно сравнялся с совокупностью совершеннолетних подданных, составляя в 1931 г. 96,6 %[333]. Численность электорального корпуса России в 1905–1906 гг. вполне сопоставима с указанными европейскими показателями. Это признавали и правоведы начала XX в., так В. М. Гессен, анализируя избирательный закон 1905 г., отмечал, что «по числу лиц, пользующихся избирательным правом, русская избирательная система приближается к системе всеобщего избирательного права»[334].

В российской дореволюционной избирательной системе применялся широкий набор различных цензов: технических, охранительных и некоторых дискриминационных, и с точки зрения современного избирательного права, конечно, оно являлось не всеобщим. Избирательные цензы, применявшиеся в дореволюционной России, с одной стороны, были традиционными для Российской империи, с другой стороны, в декабре 1905 г. многие из них существенно демократизировали или отменили вовсе. Представляется, что мнение об архаичности дореволюционных избирательных цензов значительно преувеличено. Избирательные цензы, используемые в дореволюционной России, хотя и имели определенную специфику, тем не менее, находились в рамках развития европейских электоральных тенденций начала XX в. гендерный, возрастной, профессиональный, ценз оседлости, были аналогичны используемым в Европе в первой четверти XX века. Наиболее специфичным в дореволюционной избирательной системе было применение имущественного и профессионального цензов.

Наряду со схожими чертами, наблюдались и значимые различия российских и европейских цензов, затрагивавшие в первую очередь выполняемые функции в электоральных системах. В европейской практике избирательные цензы являлись основным инструментом формирования корпуса избирателей. В России цензы играли второстепенную роль в формировании электорального корпуса и обеспечения

---

[332] Кудрин Н. Очерки современной Франции. М., 1902. С. 18.
[333] Krieger J. Britain // European Politics in Transition. Lexington; Toronto, 1992. P. 38.
[334] Гессен В. М. Новый избирательный закон // Право. 1905. № 50. С. 3963.

желательных для власти составов государственных органов, основным же способом являлось неравное представительство от различных слоев.

Радикальные изменения в российскую избирательную систему внесла Февральская революция. Положение о выборах в Учредительное собрание, окончательно утвержденное Временным правительством 23 сентября 1917 г. было поистине революционным, демократизировало все принципы избирательной системы. Разработка этого положения вызвала ожесточенные дискуссии в Особом совещании для изготовления проекта Положения о выборах. Обсуждение избирательных цензов разделились по партийному принципу, наибольшие разногласия вызвали возрастной и гендерный ценз. При обсуждении возраста избирателей члены Особого совещания стремились отстаивать программные положения партий, которые представляли[335]. После длительного обсуждения, приняли компромиссное решение: право голоса предоставили всем военнослужащим независимо от возраста. Остальные граждане могли голосовать, если ко дню выборов им исполнилось 20 лет[336].

Жаркие споры вызвало обсуждение гендерного ценза. Примечательно, что противников предоставления избирательных прав женщинам было немало как среди правых, так и среди левых. При этом, правые опасались политической неосведомленности, неискушенности женщин, эмоционального принятия решений, увлечением крайностями, демагогией большевизма[337]. Левые высказывали прямо противоположные опасения о консервативности женщин, преданности монархическим идеям[338]. Однако весьма убедительным был довод трудовика В. Б. Станкевича: чем можно оправдать лишение избирательного права Веры Фигнер и «бабушки русской революции» Екатерины Брешко-Брешковской?[339].

В целом, разработанный Особым совещанием избирательный закон радикально демократизировал все цензы, ранее действовавшие в России. Положением отменялись дискриминационные цензы (гендерный, имущественный и т.п.). Из технических цензов

---

[335] Стенографический отчет Всероссийского совещания Советов (доклад В. Б. Станкевича) // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 72; Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л. 1976. С. 127–129.

[336] Объяснительная записка Особого совещания к положению о выборах в Учредительное собрание // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание … С. 168–170.

[337] Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 67.

[338] Стенографический отчет Всероссийского совещания Советов (доклад В. Б. Станкевича) // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание … С. 71.

[339] Стенографический отчет Всероссийского совещания Советов (доклад В. Серова) // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание … С. 75–76.

действовали только возрастной и ценз гражданства, при этом возрастной ценз существенно понижался по сравнению с действовавшим в царской России до 20-ти лет. Отменялся ценз оседлости. Существенно сократился перечень лиц, чье влияние на политику признавалось нежелательным, в помощью охранных цензов отстранялись от участия в выборах осужденные за порочащие преступления, несостоятельных должники, дезертиры и члены царской семьи[340].

В Положении о выборах от 23 сентября 1917 г. последовательно проводился принцип всеобщего избирательного права, принцип прямых, равных и тайных выборов, что шло вразрез не только с имевшимся электоральным опытом царской России, но также делало избирательную систему революционной России одной из самых передовых и демократичных в мире.

Казалось бы, у большевиков не было оснований для недовольства и ликвидации этой избирательной системы, поскольку она полностью учитывала их программные требования, в т. ч. теоретические марксистские установки. Однако результаты выборов в Учредительное Собрание в 1917 г., отчетливо продемонстрировали большевикам, что с помощью традиционных институтов буржуазного представительства, и реализации всеобщего, равного, прямого избирательного права, они не смогут оказаться у власти и тем более ее удержать. Напомним, что большевики получили 24,5 % голосов на выборах в Учредительное Собрание[341]. Представляется, это было одной из определяющих причин отказаться от избирательной системы, введенной в ходе Февральской революции.

Советские избирательные цензы (1917–1936 гг.): новаторство и традиции. Пришедшие к власти большевики, отказались от всеобщего избирательного права, ввели цензы, вызвавшие ожесточенную критику либеральной общественности и представителей социал-демократии. Наиболее болезненными для большевиков были обвинения европейских социал-демократов в извращении марксистской теории из-за нарушения принципа всеобщности избирательного права. Немецкий социал-демократ К. Каутский в «Диктатуре пролетариата» критикует советскую Россию за отмену всеобщего избирательного права, введение политического и трудового избирательных цензов, непрямые выборы в Советы и неравное представительство в Советах различных

[340] Положение о выборах в Учредительное собрание от 20.06.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994. С. 136–184.

[341] Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 27.

социальных слоев[342]. В. Ленин, отвечая на критику известного социал-демократа в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» считал, что всеобщее избирательное право в буржуазных парламентских республиках носит формальный характер, поскольку не может быть подлинного равенства между эксплуатируемым и эксплуататором. Ограничение избирательного права буржуазии, Ленин рассматривал как вынужденную меру, введенную в силу оказываемого сопротивления эксплуататоров. Считая слои населения, подвергавшиеся лишению избирательных прав, немногочисленными, Ленин не видел причин, по которым Россию можно было отнести к недемократическим государствам[343].

Несмотря на критику, большевики объявили институты буржуазного парламентаризма устаревшими, презюмировали мнимость универсальности всеобщего избирательного права, допускавшего многочисленные изъятия из принципа всеобщности. Взамен ликвидируемых буржуазно-демократических политико-правовых институтов предлагалось создать принципиально новые формы организации власти, под которыми понимались Советы как органы диктатуры пролетариата. Советы как альтернатива существовавшим государственным органам создавались «исключительно революционными слоями населения по классовому принципу» и не предполагали предоставления прав «эксплуататорам»[344]. Советские государствоведы, развивая мысль Ленина, преподносили советские избирательные цензы как принципиально новую ступень развития демократии, а трудовой ценз как новаторский акт пролетарского государства[345]. Советские избирательные цензы устраняли от выборов «ничтожно малое число граждан», являясь мерой временной и «целесообразным средством защиты чисто классового характера пролетарских органов власти», а их применение не давало оснований усомниться во всеобщности и демократичности советской избирательной системы[346].

Одной из основных особенностей избирательных цензов в Советской России стало стремление к первоочередному определению круга лиц, лишенных прав, а не

---

[342] Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. М., 2002.

[343] Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. 5-е изд. М., 1969. Т. 37. С. 235–338.

[344] Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. // ПСС. 5-е изд. М., 1973. Т. 30. С. 320.

[345] Бродович С. М. Основные элементы советской избирательной системы // Власть Советов. 1923. № 4. С. 42.

[346] Бродович С. М. Советское избирательное право. Л., 1925; Гурвич Г. С. Основы советской Конституции. М., 1929; Стучка П. И. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. Л., 1929.

круга избирателей, как это было в предшествующей российской и мировой практике. Определение круга лиц, лишенных избирательных прав новая власть воспринимала как первоочередную задачу, связанную с завоеванием и удержанием власти. О желании оградить Советы от «социально-чуждых» элементов свидетельствуют как высказывания большевиков, так и первые акты советского государства. Уже в декабре 1917 г. НКВД издал специальное обращение «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов», в котором рекомендовалось «не избирать в Советы крестьянских депутатов кулаков, торговцев и других эксплуататоров»[347]. Эта идея нашла отражение и в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую большевики намеревались внести на обсуждение Учредительного собрания в качестве основополагающего документа. Как отмечает Д. В. Валуев, во многих первых советских актах, принятых большевиками настойчиво проводится идея ограничения прав политических оппонентов[348]. Основатели советского государства в своих выступлениях и работах также постоянно обращались к идее ограничения прав свергнутых классов. В. Ленин в статье «Очередные задачи советской власти», написанной в апреле 1918 г. подчеркивая разницу пролетарского и буржуазного демократизма, отмечал, что «избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается»[349].

По мере становления новых органов власти и создания основ советского законодательства все большую актуальность приобретал вопрос институционализации лишения избирательных прав. Первые дебаты о круге «лишенцев» разгорелись в ходе работы над проектом создания первой советской Конституции. По свидетельству Г. С. Гурвича – участника комиссии по работе над проектом Конституции 1918 г., ряд членов комиссии высказывались за отстранение от участия в выборах не только представителей «социально враждебных групп» – священников, торговцев, частных предпринимателей, бывших служащих полиции, но и значительной части «буржуазной» интеллигенции – врачей, инженеров, офицеров старой армии, управляющих предприятиями, бывших

[347] Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов от 24 декабря 1917 г. «Об организации местного самоуправления» // СУ РСФСР 1917. № 12. Ст. 179.

[348] Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.). (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2007. С. 18.

[349] Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // ПСС. 5-е изд. М., 1974. Т. 36. С. 178.

чиновников царского правительства и т. д. Однако, в конце концов, было решено сохранить за ними право голоса[350].

Большевики окончательно определились с кругом лиц, недостойных избирательных прав в Конституции 1918 г. Какие черты были характерны для советских цензов в 1918 г.? Во-первых, дальнейшая демократизация технических цензов по сравнению с введенными Положением Временного правительства. Возрастной ценз был снижен до 18-ти лет, при этом в примечании оговаривалось о возможном понижении местными Советами и без того невысокого 18-ти летнего ценза «местные Советы могут с утверждения центральной власти понижать установленную в настоящей статье возрастную норму»[351]. Первая советская Конституция подтверждала отмену дискриминационных цензов (гендерного и имущественного), ранее ликвидированных положением от 23 сентября 1917 г. В полном соответствии с принципами интернационализма в первой советской Конституции отменялся ценз гражданства. Избирательное право предоставлялось иностранным гражданам, «проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу и не пользующемуся чужим трудом крестьянству»[352].

От отмены или понижения этих цензов выиграли наиболее дискриминируемые в дореволюционной России слои населения – молодежь, женщины, национальные меньшинства. Предоставив им избирательные права, большевики привлекли на свою сторону активную, молодую часть населения, ранее не реализовавшую свою политическую активность в легальном поле. В данном случае следует признать, что это являлось разрывом как с дореволюционными российскими традициями, так и общемировым опытом.

Несомненной новизной и оригинальностью отличался трудовой ценз, который был нацелен на устранение из числа участников выборов лиц, влияние которых на политику могло оказаться опасным для молодого советского государства («классовых врагов»). Введение трудового ценза представляется вполне логичным в рамках большевистской доктрины «диктатуры пролетариата» и предоставления прав только «трудящимся». Трудовой ценз, по сути, был антиимущественным. От участия в выборах

---

[350] Гурвич Г. С. История советской Конституции. М., 1923. С. 47.

[351] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[352] Там же.

отстранялись граждане, обладавшие каким-либо имуществом или доходами: 1) лица, прибегающие к наемному труду, с целью извлечения прибыли; 2) лица, живущие на нетрудовые доходы, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; 3) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники[353].

Введение трудового ценза было подвергнуто острой критике европейскими социал-демократами. Немецкий социал-демократ К. Каутский усматривал в использовании трудового ценза не только возможность для произвольного применения, полагая, что понятие «производительный и общеполезный труд» - крайне растяжимо, и «работник на дому или мелкий мастер, имеющий подмастерье, может и жить, и чувствовать по-пролетарски, но он не пользуется избирательным правом»[354]. Советская избирательная практика, сложившаяся в 1920-е–1930-е гг. подтвердила правоту германского социал-демократа, применение трудового ценза осуществлялось произвольно, и зависело от политической и экономической конъюнктуры.

Введенный политический ценз не был оригинален, во многих избирательных системах он действовал и продолжает действовать. Для России использование этого ценза также было традиционным. В 1918 г. с помощью политического ценза отстранялись от выборов служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранного отделения, а также члены царствовавшего дома (Конституция РСФСР, ст. 65, п. д.)[355].

К какому типу цензов можно отнести трудовой и политический цензы? Представляется, что отнесение их к дискриминационным цензам неправомерно, поскольку их использование направлено на лишение избирательных прав лиц со слабой социально-правовой защищенностью, к коим «эксплуататорам» и священнослужителей сложно отнести. Первоначальной целью использования трудового и политического цензов являлось устранение из числа участников выборов лиц, влияние которых на политику могло оказаться опасным для молодого советского государства («классовых врагов»), поэтому полагаем, что трудовой и политический ценз в советской избирательной системе можно классифицировать как охранные цензы. Также к охранным цензам можно отнести и традиционное отстранение от выборов лиц,

---

[353] Там же.

[354] Каутский К. Указ. соч. С. 51.

[355] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

осужденных за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Какое число граждан советской республики попадало под действие избирательных цензов? Сведения о численности лиц, отстраненных от участия в выборах в РСФСР представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 1.1

Численность лиц, лишенных избирательных прав в РСФСР в 1922–1935 гг.

Избирательные кампании, год	Общая численность лиц, отстраненных от участия в выборах		Численность лиц, отстраненных от участия в выборах в городах		Численность лиц, отстраненных от участия в выборах в сельской местности	
	чел.	доля от населения старше 18-ти лет, %	чел.	доля от населения старше 18-ти лет, %	чел.	доля от населения старше 18-ти лет, %
1922	1 100 000	2,1	300 000	5	800 000	1,4
1923	1 000 000	2	300 000	5	700 000	1,3
1924	843 217	1,7	302 378	5,1	540 839	1,3
1925/26	700 621	1,63	284 591	4,8	416 030	1,0
1926/27	1 980 784	3,9	590 048	6,9	1 390 747	3,3
1928/29	2 433 390	4,54	727 365	7,2	1 706 025	3,9
1930/31	1 842 619	3,7	473 356	4,6	1 369 263	3,5
1934/35	–	2,1	–	1,9	–	2,3

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 5–7; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии). М., 1926. С. 6–7; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 5; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 12; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 31–32; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 19–20; ГАРФ. Ф.Р.- 393. Оп. 1а, Д. 156. Л. 16–20; ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 20. Д. 999. Л. 60–62. ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Оп. 112. Д. 5. Л. 7.

Общее число лиц, лишенных гражданских прав, никогда не превышало пяти процентов от населения страны (в 1929 г. в РСФСР – 2 млн. 433 тыс. (4,54 % от взрослого населения), в СССР – 3 млн. 716 тыс. (4,89 %))[356]. Учитывая малочисленность «лишенцев», возникает закономерный вопрос о причинах огромного внимания, которое большевики уделяли институту лишения избирательных прав (обычно в избирательных

[356] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 1. С. 94; Вып. 2. С. 43; ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 20. Д. 999. Л. 60–62

системах это второстепенный институт). Представляется, что причины заключаются в выполняемых цензами функциях. Понимание этих функций является принципиальным аспектом в осмыслении их роли и сущности в советской избирательной системе. Какие функции выполняли цензы в советской России, насколько они отличалась от мировой электоральной практики?

В первую очередь обратимся к традиционной превентивной функции советских цензов. Распространенное утверждение в литературе об отсутствии превентивной функции представляется верным для периода, охватывающего вторую половину 1920-х и 1930-е гг., применительно к начальному периоду существования советской власти, оно не вполне соответствует реальности.

На превентивную функцию избирательных цензов отчетливо указывают законодательные решения, и практика их реализации в первые годы существования советского государства. В Конституции РСФСР 1918 г. в 23 статье была закреплена вполне легальная возможность «лишать прав отдельных лиц или группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»[357]. Большевики обозначили базовый критерий определения круга избирателей и «лишенцев» – политическая лояльность по отношению к новой власти. Расплывчатость формулировки позволяла произвольно толковать норму местным властям, и определять граждан враждебно и лояльно настроенных к советской власти.

Помимо этого, до 1925 года общероссийское избирательное законодательство делегировало местным властям полномочия по определению круга лиц, участие которых было нежелательным на выборах в Советы[358]. На местах предлагали ориентироваться на ситуацию в конкретном уезде или губернии, и «классовое чутье», решать, чье участие может угрожать формированию лояльных советской власти составов Советов[359].

Местная практика также подтверждает, что приоритетным принципом определения круга «лишенцев» в начале 1920-х гг. стала политическая целесообразность превентивного устранения от участия в выборах групп населения, враждебно или нелояльно настроенных к большевикам. В качестве политических противников местные

---

[357] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[358] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

[359] Владимирский М. Организация Советской власти на местах. М., 1921. С. 16.

власти видели в лицах, открыто сражавшихся или выступавших против советской власти – служившие в белых армиях и участвовавшие в антисоветских восстаниях. Также враждебно настроенными группами считали различные категории «бывших» – помещиков, чиновников царского аппарата, предпринимателей, лишившихся имущества, «состоявших ранее в Союзе русского народа», «лиц по своему прошлому, не внушающих к себе доверия»[360].

Насколько опасения большевиков были оправданы и могли ли отстраняемые лица повлиять на исход выборов? Представляется, что степень возможного влияния лиц, лишенных гражданских прав, существенно варьировалась в различных городах и регионах, зависела от политической ситуации в них, поддержки большевиков населением. В регионах, где поддержка советской власти была невысокой, и настроения были оппозиционными, оппоненты большевиков вполне могли быть поддержаны населением, и тогда их участие, действительно, представляло угрозу правящей партии. Мятежными регионами в первую очередь, могли стать окраины, где недавно закончились бои Гражданской войны, также города с высокой поддержкой оппозиции или большим числом «бывших».

При оценке потенциального влияния лиц, отстраненных от участия на исход выборов, отметим фактор их соотношения с числом избирателей в начале 1920-х гг. В первую очередь это касалось выборов в городах. Хотя ситуация с явкой горожан не была однородной, абсентеизм повсеместно был высоким, при этом в небольших провинциальных городах явка характеризовалась чрезвычайно низкими показателями – от 9 до 23 %[361]. В отдельных городах явка составляла не более 5 % избирателей. По данным Д. М. Корчагина, в г. Приморско-Ахтарск в октябре 1922 г. из 18000 избирателей явились 550 чел. (3 %), которые избрали 69 депутатов и 26 кандидатов к ним. Аналогичной была ситуация и на ст. Славянской Кубано-Черноморской области, в октябре 1923 г. из 14064 избирателей на собрание явились 599 чел. (4,3 %)[362]. В этом случае, число избирателей было сопоставимо с числом лиц, лишенных избирательных прав (в городах оно достигало 5–7 %), и это дает основание говорить о прямом политическом смысле отстранения от выборов противников большевиков для

[360] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 6–108.
[361] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 37.
[362] Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья). дис. … канд. ист. наук. М., 2003. С. 116.

обеспечения победы. Однако для городов со значительным населением и более высокой явкой этот фактор не являлся существенным.

Наряду со сказанным отметим, что реальную угрозу политической монополии большевиков эти слои могли представлять только при условии проведения прямых, открытых, демократичных выборов. Однако в первой половине 1920-х гг. избирательная практика была совершенно иной. Большевики делали ставку на использование жесткого административного ресурса, направленного на подавление оппозиционных партий и нелояльных слоев населения, манипулирование нормами представительства. На избирательных собраниях устоявшейся практикой стало голосование за списки кандидатов, заранее утвержденных партийными органами. В случае несогласия – в ход шли угрозы, избирателей запирали в помещениях, вынуждали голосовать за лояльных власти кандидатов[363]. Замнаркома внутренних дел М. Болдырев дал емкую характеристику выборов первой половины 1920-х гг.: «выборы представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру «протаскивания» депутатов путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власть»[364]. В этих условиях превентивная функция цензов, хотя и оставалась актуальной, ограничение избирательных прав рассматривалось властью в качестве дополнительного способа обеспечения политической монополии большевиков.

Ситуация с применением избирательных цензов изменилась в середине 1920-х гг. Эти перемены были обусловлены сменой избирательной модели, характеризовавшейся ослаблением административного давления на избирателей, либерализацией избирательного процесса, массовым участием населения на выборах. Несмотря на стремление власти подать итоги выборов 1925/26 г. как попытку захвата власти непролетарскими элементами[365], в условиях достижения определенного общественного консенсуса и отсутствия оппозиционных партий, три процента населения, отстраненных от участия в них, не могли рассматриваться в качестве реальной политической угрозы и оказать значимого влияния на исход выборов. Поэтому превентивная функция избирательных цензов окончательно утрачивала свою актуальность.

Начиная с кампании 1926/27 г. советские избирательные цензы приобрели совершенно несвойственные для них функции. Ограничение избирательных прав

[363] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 307–315; Оп. 103. Д. 83. Л. 74–95.
[364] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 46.
[365] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 18–42.

становится частью политического и экономического курса, направленного на ограничение роста частного сектора и вытеснение мелких собственников города и деревни. Лишение избирательных прав становится мерой социально-экономического давления на наиболее хозяйственно активные слои города и деревни, частью дискриминационной политики, приобретает выраженный карательный характер. Примечательно, что только в Советской России составлялись списки лиц, лишенных избирательных прав, тогда как обычной избирательной практикой является составление списков избирателей.

Не менее необычно для электоральных реалий других стран выглядела взаимосвязь избирательных прав с ограничениями социально-экономического характера. Только в Советской России наличие политических прав тесно увязывалось с экономическими и социальными правами, при этом государство последовательно расширяло перечень сопутствующих лишению избирательных прав дополнительных ограничений в различных сферах (подробнее в параграфе о практиках лишения избирательных прав)[366].

Массированное давление, оказываемое с помощью цензов, имело последствия, не только выходящие за пределы избирательной системы, а не имевшей к ней отношения вовсе. Основным последствием применения советских цензов стало разрушение традиционных и слоев общества, появившихся в годы нэпа (к числу которых относились мелкие хозяева города и деревни, предприниматели, торговцы, священнослужители и проч.). При этом, в городе и сельской местности этот процесс имел различные проявления и последствия. Если для горожан, обладавших большей социальной мобильностью, и привыкших за предыдущее нестабильное десятилетие к перемене занятий, ситуация не приобретала катастрофического характера. Для большинства горожан лишение избирательных прав стало сигналом для смены занятий и перехода из частного в государственный сектор[367]. Последующие репрессии в городе коснулись в первую очередь «бывших», священнослужителей и крупных

[366] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 134, 135.

[367] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920 – 1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 96–97; Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 15; Кожаева А. А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 161.

предпринимателей, в то время как основная масса «лишенцев» ограничилась переменой занятий[368].

Для сельского населения складывалось все значительно драматичнее, поскольку требовало смены традиционного уклада жизни, рода деятельности. Несмотря на сокращение своих хозяйств, крестьяне стремились оставаться мелкими собственниками, что противоречило целям государства, стремившегося к ликвидации единоличного крестьянского хозяйства и огосударствлению крестьян. Именно по этой причине, в сельской местности лишение избирательных прав послужило прологом последующих репрессий. Для большинства крестьян, ограничение избирательных прав обернулось конфискацией имущества, выселением на спецпоселение, отбыванием наказания в тюрьмах и т.д.[369]

Последствия применения избирательных цензов в Советской России делают вполне оправданным рассмотрение лишения избирательных прав в качестве инструмента трансформации структуры послереволюционного общества. Данный подход является традиционным для западной историографии, рассматривавшей, лишение избирательных прав в советской России как способ «социальной инженерии» государства, «преобразования» общества[370]. Отечественные исследователи, занимающиеся дискриминационными практиками, включают лишение избирательных прав в более широкий контекст дискриминационной и репрессивной политики государства[371], рассматривая лишение избирательных прав как один из инструментов «глобальной реорганизации социальной структуры» послереволюционного общества, частью повседневной «маргинальности» (под которой

---

[368] Петин Д. И. Коллективный потрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «Организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Серия. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9. № 1. С. 54–64; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум … С. 188–190, 292–299; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917–1936 годы. М., 2003. С. 212–215.

[369] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум … С. 97; Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е–начало 1950-х гг.). М., 2010. С. 55–98.

[370] Alexopoulos Golfo Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926-1936: Ph.D.diss. Chicago, 1996; 249; Fitzpatrick Sheila. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999; Kimerling Elise. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918-1936 // The Russian Review. 1982. January. P. 27–41.

[371] Килин А. П. Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции // Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг.: Ч. I. Научные исследования. Екатеринбург, 2022. С. 137–139; Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917–конец 1930-х годов. Новосибирск, 1998. С. 23.

понимается положение групп, находившихся внутри социума, но подверженные различным ограничениям и дискриминациям)[372].

Определение круга лиц, лишенных избирательных прав (1918–1930 гг.). В советском избирательном законодательстве регулирование процедур лишения и восстановления в правах занимало исключительно значимое место. При этом, институт лишения избирательных прав включает два взаимосвязанных, но достаточно обособленных элемента. Первичными являлись нормы, связанные с определением круга лиц, лишенных избирательных прав. Подчиненную роль, занимали процедурные нормы, связанные с лишением и восстановлением прав, обеспечивавшие определение круга «лишенцев». Представляется, что институт лишения избирательных прав, целесообразно рассматривать с учетом этой особенности. В настоящем параграфе анализируются основные тенденции развития общероссийского и местного законодательства об определении круга лиц, подлежавшему лишению избирательных прав, реконструируются причины, обусловившие изменения законодательства.

Историографическая ситуация в изучении институционального становления избирательных цензов выглядит довольно парадоксально: при значительном количестве исследований о лишении избирательных прав в 1990-е – 2000-е гг.[373], систематического анализа формирования и эволюции института, причин его трансформации до сих пор ни в исторических, ни в историко-правовых работах осуществлено не было. Историков в значительно большей мере привлекает исследование практик лишения прав, реконструкции «портрета лишенца», изучения их различных категорий, механизмов адаптации в советском социуме[374], а юристов – правовое положение лиц, подвергшихся ограничению в избирательных правах[375]. Представляется, что институциональное осмысление лишения избирательных прав, реконструкция механизмов принятия решений партийных и государственных органов в части определения круга

---

[372] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум … С.4.

[373] Москаленская Д. Н. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 139–154.

[374] Валуев Д. В. Указ. соч.; Ергина Н. М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918–1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5–1. С. 61–67; Килин А. П. Указ. соч.; Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918– 1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2005; Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: 1921–1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010; Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998.

[375] Туманов Д. Ю. «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан // Евразийский юридический журнал. № 4 (47). С. 86–88; Белоновский В. Н., Кальгина А. А. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы Советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 3. С. 15–19.

дискриминируемых групп и различных процедур, сопровождавших ограничение в правах, позволит существенно углубить понимание его роли в избирательной системе, определить влияние на экономические, политические и социальные процессы в обществе.

Институционализация круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав, произошла в Конституции 1918 г. В первой советской Конституции, принятой 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов, лишение избирательных прав было закреплено в 65 статье, в которой определялись семь категорий граждан, ограниченных в избирательных правах[376].

Относительно определения круга лиц, лишенных избирательных прав в Конституции РСФСР 1918 г., отметим три обстоятельства, предопределивших множественные изменения в законодательстве и создавших основу для произвольного применения этой меры на практике. Первое из них связано с возможностью расширительного толкования категорий лиц, ограниченных в избирательных правах и перечисленных в 65 статье Конституции. Дополнительную и легальную возможность расширительного толкования содержала статья 23 Конституции РСФСР 1918 г., которая предполагала «лишать отдельных лиц или группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»[377]. Это положение позволяло ограничить в избирательных правах любую группу или категорию граждан, которая в определенный момент времени могла представлять экономическую, политическую или социальную угрозу власти. Появление среди «лишенцев» категорий административно-ссыльных, бывших белых офицеров и более мелких категорий было связано именно с применением 23 статьи Конституции.

Второе обстоятельство, связанное с определение круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав, касается срока действия ограничительной меры. В Конституции 1918 г. не содержалось информации о сроке действия ограничительной меры (кроме осужденных), и оставалось неясным, являлась ли она пожизненной или могла быть изменена. Основной закон фиксировал состояние, занятие человека в настоящем времени, логично было бы предположить, что прекращение деятельности,

---

[376] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[377] Там же.

связанной с попаданием в число «лишенцев», должно было вести и к изменению правового статуса. Впоследствии в избирательном законодательстве и тем более на практике, ситуация была неоднозначной и менялась многократно, завися в значительной мере от политической конъюнктуры.

Третье обстоятельство было связано с размером торговли, «нетрудового дохода» и привлечением наемного труда. Конституция 1918 г. не определяла их размера, что также порождало неопределенность в применении 65 статьи. Даже незначительный размер торговли, временное привлечение наемных работников позволяли распространить действие этой статьи на широчайших круг крестьян и кустарей. Эта неопределенность впоследствии также создала возможность произвольно определять круг «нетрудовых элементов» в зависимости от изменения политической и экономической ситуации в стране, то расширяя, то несколько сужая круг, лиц, подлежащих лишению избирательных прав.

Несмотря на значимость меры по отстранению «социально-чуждых» от участия в выборах для новой власти, становление института, проходило достаточно медленно. В первых советских инструкциях о выборах, круг лиц, лишенных избирательных прав, обозначался в самом общем виде. Так, первая инструкция о выборах, принятая ВЦИК 2 декабря 1918 г., регламентировавшая перевыборы волостных и сельских Советов, подчеркивала неотложность удаления из Советов «всех тех эксплуататорских элементов, помещиков, кулаков, мироедов, которые были лишены своей собственности в процессе революции»[378].

Разъяснения Наркомата внутренних дел, дававшиеся местным органам власти в первые годы существования советской власти, также не добавляли ясности в вопрос определения круга лиц, подлежавших лишению прав: «избирательное право должно быть предоставлено только тем, кто живет не чужим трудом. Все остальные, которые наживали свои состояния торговлей, грабежом и мародерством, подлежат отстранению от участия в выборах»[379].

Отсутствие сколько-нибудь конкретных указаний о круге лиц, подлежавших лишению прав, создавало основу для обращений местных органов власти в НКВД. В

[378] Постановление ВЦИК Советов от 2 декабря 1918 г. «О порядке выборов волостных и сельских Советов (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 901.

[379] Как выбирать Советы // Вестник комиссариата внутренних дел. 1918. №10. С. 12; О борьбе с участием кулаков в Советах // Вестник НКВД. 1918. № 18–19. С. 22.

первую очередь возникали вопросы о лишении прав лиц, не перечисленных в 65 статье Конституции 1918 г., чье участие в выборах местные власти считали не желательным. Замнаркома внутренних дел М. Ф. Владимирский отмечал, что чаще всего возникали вопросы о праве участия в выборах лиц, выполнявших различные административные должности в деревне в дореволюционное время – бывших волостных старшин, сельских старост, сотских и даже десятских, волостных писарей[380]. Массовыми были обращения и о критериях определения кулацких хозяйств, владельцев которых не следовало допускать до выборов[381].

Впрочем, судя по расплывчатости и невнятности разъяснений наркомата, центральные власти в этот период, сами не вполне отчетливо представляли круг лиц, подлежавших лишению прав, и перекладывали всю ответственность за его определение на местные власти. Противоречивостью отличались разъяснения заместителя наркома внутренних дел в отношении лиц, занимавших административные должности при царском режиме. С одной стороны, Владимирский отмечал, что они не лишаются прав в соответствии с советской Конституцией, вместе с тем, подчеркивал, что это только формально «эти лица не принадлежали к штату полиции, но фактически выполняли полицейские обязанности»[382]. Разъяснение об определении трудового характера крестьянства получилось еще менее понятным: «установить какие-либо общие нормы, при помощи которых можно было бы определить, кого из крестьян отнести к середнякам, кого к кулакам, конечно, невозможно», предлагая определять размер трудового хозяйства исходя из местных условий[383]. Подобные разъяснения вряд ли могли помочь местному работнику в определении круга лиц, подлежавших ограничению прав, вероятнее всего они использовали другой универсальный совет Владимирского развивать «классовое чутье» при выявлении врагов советской власти.

До 1924 года руководство страны ответственность за определение круга лиц, участие которых было нежелательным на выборах в Советы, полностью возлагало на местные власти, полагая, что они исходя из ситуации в конкретном уезде или губернии, решат, чье участие может угрожать формированию лояльных советской власти составов Советов. В первой общероссийской инструкции о перевыборах городских и сельских

---

[380] Владимирский М. Организация Советской власти на местах. М., 1921. С. 15.
[381] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.1. Д. 2. Л.12–18.
[382] Владимирский М. Организация Советской власти … С. 15.
[383] Там же. С. 16.

Советов, утвержденной декретом ВЦИК 31 августа 1922 г., дословно воспроизводилось содержание ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г., чем руководство страны демонстрировало нежелание вмешиваться в процесс определения круга «лишенцев», делегируя полномочия местным органам власти.

Отсутствие указаний центральных органов должно было компенсироваться местным нормотворчеством. Циркулярным постановлением Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. разрешалось порядок производства выборов определять «местными инструкциями, которые должны быть разработаны губисполкомами в соответствии с Конституцией РСФСР и сообразно всей совокупности местных властей» [384]. Но местные органы не очень представляли каким должен быть этот порядок. В инструкциях губернских исполкомов и ревкомов, за редчайшим исключением не конкретизировали круг лиц, подлежавших лишению избирательных прав, возлагая в свою очередь ответственность за его определение на местных советских и партийных работников, занимавшихся лишением прав на практике. В большинстве губернских инструкций круг лиц, ограниченных в правах, определен в самом общем виде. Так, в инструкциях о перевыборах Советов Нижегородской, Петроградской, Смоленской, Тамбовской, Пермской губерний, утвержденных соответствующими губернскими исполкомами или Президиумами губисполкомов 1920, 1921 и 1922 г. дословно воспроизводился перечень категорий лиц, подлежавших лишению прав, определенных Конституцией РСФСР 1918 г.[385]

Исключением стали инструкции ряда территорий, в которых только закончились боевые действия Гражданской войны. Очевидно, что расширение круга «лишенцев» носило превентивный характер, местные исполкомы стремились не допустить к участию в выборах непосредственных противников. Во «Временной инструкции по выборам в Советы», утвержденной Сибревкомом 1921 г. дополнительно оговаривались особые категории, которые на территории Сибири подлежали лишению избирательных прав. К ним, в частности, относились: «комсостав Колчаковской милиции и все сотрудники Колчаковской контрразведки; состоящие менее года на службе в Советских

[384] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. №11. Ст.72.

[385] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.22. Д.7. Л. 1–2; 5–7; 21–22 (об); 27, 55–57; Ф.-Р.-1235. Оп.95. Л. 346–348.

учреждениях и в Красной армии, бывшие офицеры и чиновники Колчаковской армии, а также служащие и чиновники учреждений Колчаковского правительства»[386].

Политической целесообразностью руководствовались высшие советские органы и при введении новых категорий «лишенцев». Так, 10 августа 1922 г. декретом ВЦИК впервые на общероссийском уровне была введена новая категория лиц, подлежавших лишению прав, не предусмотренная ст. 65 Конституцией РСФСР 1918 г. – административно-ссыльных[387]. Необходимость в расширении круга «лишенцев» с помощью ст. 23 Конституции применительно к этой группе была очевидна для большевиков: они лишали своих политических оппонентов права избирать в Советы любого уровня и возможности оказывать влияние на население.

Впервые выраженный интерес к ограничению избирательных прав высшие партийные и советские органы проявили в 1923 г. В период подготовки к новым выборам в июне 1923 г. при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия по политическому руководству избирательной кампанией[388]. В итоговом документе этой комиссии – инструкции о порядке составления и проверки лиц, лишенных избирательных прав, утвержденной 21 августа 1923 г., круг «лишенцев» не был конкретизирован, но действие ст. 65 Конституции было распространено на представителей дореволюционной и нэпманской буржуазии[389]. Особое внимание уделялось лояльности к советской власти как условию обретения прав, при этом, по-прежнему степень усмотрения местных властей в этом вопросе не ограничивалась какими-либо критериями или условиями[390]. В целом, данная инструкция содержала скорее общеполитические указания и не решала проблем определения круга «лишенцев» на местах.

Вместе с тем, запросы губернских исполкомов, поступавшие в НКВД и ВЦИК, накануне выборов 1923 и 1924 гг. свидетельствовали о наличии проблем с конкретизацией перечня лиц, подлежавших лишению прав, которые и были вынуждены в первоочередном порядке разрешать высшие и центральные советские органы. Наибольшее число запросов было связано с определением круга лиц, лишенных прав по п. «д» ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. Поскольку категория «бывших» однозначно

---

[386] ГАНО. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 169. Л. 12.
[387] Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке» // СУ РСФСР. 1922. №51. Ст.646.
[388] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 60. Д. 441. Л. 5–98.
[389] Там же. Л. 13.
[390] Там же. Л. 14.

воспринималась как «классовые враги» и центральным и местным властям было принципиально важным определиться, кого таковыми считать. Обсуждение показало, что губернские исполкомы занимали значительно более радикальную позицию в отношении лишения прав «бывших», нежели центральные органы. Так, Тамбовский губисполком предлагал расширить круг «лишенцев» за счет «всех чиновников царского и контрреволюционных правительств, занимавших должности до 6-го разряда включительно»[391]. Наркомат юстиции (далее – НКЮ), НКВД и ВЦИК, принимавшие участие в обсуждении этого вопроса в 1923 г. высказались против подобного расширения[392]. В 1924 г. вновь возвращаясь к этому вопросу, центральные органы сочли неуместными дискуссии с местными властями и предпочли предельно четко определить свою позицию, путем перечисления должностей государственного аппарата, подлежавших лишению избирательных прав[393].

В избирательной инструкции о перевыборах Советов, утвержденной декретом ВЦИК от 11 августа 1924 г. был сформулирован конкретный перечень должностных лиц, подлежавших лишению прав. Несмотря на очевидный прогресс в конкретизации круга «бывших», инструкция сохраняла неопределенность в отношении чиновников, не включенных в перечень: «все остальные чиновники и деятели царского и контреволюционного правительств избирательного права не лишаются, но если отдельные лица из них не доказали своей лояльности в отношении советской власти они могут быть вносимы избирательными комиссиями, в списки лиц, лишенных избирательных прав, на основании ст. 23 Конституции РСФСР»[394]. Эта формулировка сводила на нет все усилия по уточнению круга чиновников, подлежавших лишению прав, поскольку не содержала критериев лояльности к советской власти, и позволяла произвольно применять ее местным властям.

Вторая категория запросов губернских исполкомов была связана с лишением прав лиц, прибегавших к наемному труду, нетрудовому доходу или торговли. Запросы были обусловлены неясностью применительно к прошлой деятельности (дореволюционному времени). При рассмотрении этого вопроса Наркомат юстиции предлагал исходить из

---

[391] ГАРФ. Ф.Р. 393. Оп. 1а. Д .95. Л. 46.
[392] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 93. Л.12–16.
[393] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 1–49.
[394] Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов»// СУ РСФСР. 1924. №71. Ст. 695.

общего смысла Конституции 1918 г. и распространить действие на «всех эксплуататоров, независимо от времени, когда они этим занимались»[395]. Эта позиция также была закреплена в избирательной инструкции 1924 г.[396] Размеры или критерии торговли, нетрудового дохода уточнены в инструкции не были, поэтому под ее действие подпадали абсолютно все: от мельчайших торговцев до бывших промышленников. Нарком внутренних дел А. Г. Белобородов, комментируя принятое решение, призывал местные власти подходить к лишению прав «исходя из классового чутья, а не оперировать только юридическими понятиями», отмечая, что «классовая сущность новой и старой буржуазии одинаково враждебны советскому строю»[397].

В инструкциях, принятых в 1924 г. губернскими исполкомами, отчетливо прослеживается тенденция, заданная общероссийским законодательством, направленная на конкретизацию перечня лиц, подлежавших лишению избирательных прав. При этом в разных инструкциях акценты делались на детализации различных категорий. Так, в инструкции Ленинградского губисполкома подробно перечислялись все категории «бывших» чиновников (п. «д» ст. 65 Конституции), в инструкции Тамбовского губисполкома детализирован список лишенных прав использовавших наемный труд, живших на нетрудовой доход, торговцах и священнослужителях[398]. Наряду с этим, в местных инструкциях в соответствии с указаниями вышестоящих советских и партийных органов, зафиксирована и возможность произвольного расширения списка «лишенцев» за счет применения ст. 23 Конституции «к доказавшим нелояльность советской власти»[399].

Границы расширения нэпа, допустимые пределы сотрудничества с различными социальными группами, определение социально близких и чуждых слоев новой власти стали центральными темами внутрипартийных дискуссий середины 1920-х гг. На колебания политического и экономического курса существенное влияние оказывала внутрипартийная борьба наследников В. И. Ленина. группировка, доминировавшая в руководстве партии в 1925 г. (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, и поддержавший их И. В. Сталин), придерживалась идеи «врастания крестьянина в

---

[395] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.53. Д.155. Л. 36–45; Оп. 1а. Д. 156. Л. 17–32.

[396] Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов»// СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695.

[397] Белобородов А. Выборы в Советы // Власть Советов. 1924. № 5. С.10 – 11.

[398] ГАРФ. Ф.Р. 393. Оп.1а. Д. 94. Л. 250–253; Д. 95. Л. 45–46 (об).

[399] ГАРФ. Ф.Р. 393. Оп.1а. Д. 95. Л.45–46 (об).

социализм», определившая большую свободу единоличному накоплению в деревне, терпимое отношение к трудовым зажиточным хозяйствам, поощрение экономической деятельности кустарей и ремесленников[400].

Новый курс был направлен на предоставление большей свободы единоличному накоплению в деревне, что вело к усилению расслоения в деревне, росту зажиточных хозяйств. Несмотря на неоднозначность отношения к этим мерам низовых советских работников, на необходимости реализации перечисленных мер особенно настаивали председатель ЦИК СССР М. И. Калинин и нарком земледелия А. П. Смирнов[401]. Последний развивал идею о терпимом отношении к трудовым зажиточным хозяйствам[402], Калинин высказывался в том же духе, предостерегал против переоценки влияния кулака «...вообще кулак из экономической категории деревни, – писал он в «Известиях» от 22 марта 1925 г., – превратился в политического козла отпущения»[403]. Линия Калинина – Смирнова была одобрена в марте 1925 г. сессией ЦИК СССР. Были приняты также решения и по поощрению экономической деятельности таких групп населения, как кустари и ремесленники, мелкие торговцы. Улучшалось снабжение сырьем кустарей и ремесленников им предоставлялись налоговые льготы, отменялись репрессивные меры против частной торговли[404].

В контексте экономической либерализации, вполне логичными выглядели и меры по расширению сотрудничества с этими слоями в рамках избирательных кампании[405]. Обозначенные меры предопределили изменения в круге лиц, лишенных избирательных прав в избирательной инструкции, принятой ВЦИК в 1925 г. В обсуждении инструкции участвовали помимо высших и центральных советских органов (ВЦИК, НКВД, НКЮ), широкий круг губернских и краевых исполкомов. Основное обсуждение вновь сосредоточилось вокруг двух аспектов. Наибольшие дискуссии вызвало определение трудового характера крестьянских хозяйств и кустарей, которым можно было предоставлять избирательные права. В этом вопросе ВЦИК и НКВД занимали значительно более либеральную позицию, чем региональные исполкомы, не разделявшие мнения о целесообразности предоставления зажиточным крестьянам и

---

[400] Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925. № 9–10. С. 3–15.
[401] Калинин М. Основные вопросы нашей внутренней политики // Власть Советов. 1925. С. 6–7.
[402] Правда. 1925. 3 февраля.
[403] Известия. 1925. 8 марта.
[404] Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1998. С.14.
[405] Гимпельсон Е. Г. Нэп: была ли возможность «выжить»? // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 39.

торговцам избирательных прав. Заместитель наркома внутренних дел М. Ф. Болдырев, равно как и представители ВЦИК, не видел опасности в «некотором расширении круга лиц, пользующихся избирательным правом» за счет кустарей, крестьян, применявших наемный труд, торговцев первого разряда»[406].

Второй вопрос, вызвавший оживленное обсуждение, касался запрета издания местных инструкций, расширения круга «лишенцев» и унификации избирательного законодательства. В этом вопросе решительнее всех был настроен НКВД, организовывавший выборы все предыдущие кампании, наркомат предлагал ВЦИК «ликвидировать проблемы местного толкования», внести норму, запрещающую издание местных инструкций[407]. губернские и краевые исполкомы в этом вопросе, напротив, отстаивали право на издание местных инструкций и самостоятельного определения круга «лишенцев»[408]. В случае же запрета на издание местных инструкций, высказали пожелания «сформулировать в инструкции исчерпывающие указания относительно круга лиц, лишенных избирательных прав»[409].

В окончательной редакции инструкции о выборах городских и сельских Советов, принятой декретом ВЦИК от 13 октября 1925 г., относительно определения круга лиц, подлежащих лишению прав, в большей степени нашла отражение точка зрения руководства страны. Круг избирателей был расширен в соответствии с принятыми решениями об «оживлении Советов» и экономической либерализации за счет крестьян, ремесленников, которые в ограниченном объеме использовали наемный труд (не лишались прав те, кто применял труд не более одного взрослого или двух учеников)[410]. Впервые наделялись избирательными правами торговцы – выбиравшие патент первого разряда (торговавшие вразнос), вспомогательный персонал церквей и те, кто бесплатно выполняли определенные обязанности при церквях.

Смягчение курса большевиков не затронуло лишь категорию бывших полицейских, чиновников «царского и контреволюционного правительств», список лишаемых избирательных прав по п. «д», практически не изменился, по сравнению с инструкцией 1924 г. Более того, несмотря на общее сужение круга лиц, лишенных

---

[406] ГАРФ. Ф.Р.- 1235. Оп. 103. Д. 76. Л. 65–66.
[407] Там же. Л. 68.
[408] Там же. Л. 79, 84, 131, 146.
[409] Там же. Л. 111, 114.
[410] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. №79. Ст. 603.

избирательных прав, в инструкции 1925 г. появилась совершенно новая категория – члены семей «лишенцев», о которой ничего не упоминалось ни в Конституциях РСФСР 1918 и 1925 гг., ни в предыдущих инструкциях о перевыборах в Советы. С введением этой категории лишение избирательных прав приобрело наследственный характер.

Помимо изменения круга избирателей, в инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. проявилось стремление центральных органов унифицировать категории лиц, подлежавших лишению избирательных прав. Законодатель конкретизировал круг лиц, которые подлежали лишению прав, стараясь предупредить спорные вопросы региональных исполкомов. Кроме того, впервые в ст. 22 инструкции вводился строжайший запрет на дополнение круга лиц, перечисленных в инструкции, чем была обозначена позиция на запрет произвольного расширения круга «лишенцев» в местных инструкциях.

Принятые меры по либерализации круга избирателей сократили число лиц, отстраненных от участия в выборах до 1,63 % в СССР (в абсолютных показателях – 1 млн. 40 тыс. чел.)[411]. В сельской местности удельный вес «лишенцев» в 1925 г. составил 1,18 %, в городах – 5,1 %[412]. По РСФСР показатели были даже чуть ниже общесоюзных: 1,0 % было лишено в деревне (416 тыс. чел.) и 4,8 % – в городах (284,6 тыс. чел.), или в целом 700 621 чел.[413] Вместе с тем, эти данные не позволяют говорить о небывалом расширении круга избирателей, за счет массового включения в него «нетрудовых элементов». Миф «о катастрофичном недолишении прав буржуазии» в ходе кампании 1925/26 г., впоследствии широко распространенный советской пропагандой, опровергался подсчетами, проведенными сотрудниками Наркомфина по просьбе наркома внутренних дел в 1926 г. А. Г. Белобородов отмечал, что «сравнение данных Наркомата финансов с данными о лишении избирательных прав показывает, что избирательный учет более или менее полно охватывает группу торговой и промышленной буржуазии в городах и сельской местности»[414]. При этом, данные Наркомата финансов показывали, что число лишенных прав «за нетрудовые доходы» в

[411] ГАРФ. Ф.Р.- 3316. Оп. 20. Д. 999. Л. 60.
[412] Там же. Л. 61, 62.
[413] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч.1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 6–7, 42–43.
[414] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 17.

1925 г. превышало на 175 тыс. чел., учтенных плательщиков налогов[415]. Это означало, что в 1925 г. учли не только нэпманов, но и 175 тыс. чел. «бывшей буржуазии».

Внешне благостная картина широкого сотрудничества советской власти с непролетарскими слоями населения в рамках избирательной кампании 1925/26 г. вызвала весьма неоднозначную реакцию как у высшего руководства страны, так и у местных советских и партийных работников. Особую озабоченность вызывали составы городских и сельских Советов, снижение числа депутатов от ВКП(б) и рабочих в Советах, на заседании комиссии Оргбюро и Политбюро по подведению итогов перевыборов 10 апреля 1926 г. В. М. Молотов кратко охарактеризовал итоги выборов: «в небольших городах в Советах преобладали депутаты от мещанства, а сельские Советы захватили кулаки»[416].

Не меньшие опасения вызывали и настроения населения, многие крестьяне, кустари, нэпманы выражали оптимизм и связывали определенные надежды на расширение нэпа и сохранение проводимого курса. В «Докладной записке о требованиях различных слоев населения на перевыборах 1925/26 г.», составленной информационным отделом ОГПУ 16 апреля 1926 г., отмечалась высокая активность, проявленная не только зажиточной частью деревни, но и непролетарским населением городов – мелкими городскими собственниками и торговцами. Чекисты акцентировали внимание на выдвигаемых «требованиях политического характера – приравнивание их в правах к рабочим (в отношении права выбирать по союзам, поступление детей в школы)»[417]. Активность мелких торговцев вызывала опасения еще и потому, что «предоставление избирательных прав торговцам первого разряда рассматривается всей торговой средой как уступка со стороны власти, которая в дальнейшем будет расширяться»[418].

Термидорианские настроения нэпманов и крестьянства вызвали тревогу за сохранение монополии партии у руководства страны и послужили одной из причин пересмотра взятого партией в 1925 г. демократического курса на сотрудничество с разными социальными слоями. Конечно, итоги выборов 1925 г. не были единственным основанием для изменения отношения к мелким собственникам города и деревни, но

---

[415] Там же. Л. 17.
[416] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 18.
[417] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 19.
[418] Там же. Л. 21.

стимулировали ужесточение выборного законодательства и в целом отношение к этим слоям населения.

Мероприятия по ужесточению политики в экономической и политической сферах проводились параллельно. В 1926 г. государство принимает ряд мер, направленных на вытеснение мелких собственников города и деревни или по крайней мере на ухудшение их положения[419]. Ограничение роста частного сектора в экономике сопровождалось ужесточением в отношении к непролетарским слоям в сфере политики. Как и в случае с мерами по ограниченной демократизации, принимаемыми в 1925 г., на ужесточение курса немаловажное значение влияла внутрипартийная борьба, и аргументы, используемые сторонами. После победы И. В. Сталина над бывшими союзниками Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, сторонники Сталина все больше стали отходить от идей расширения нэпа, поддерживаемых Н. И. Бухариным.

Обсуждение изменений в избирательной инструкции проходило под влиянием идеологического релятивизма, столь свойственного руководству партии большевиков. Одним из инициаторов этого обсуждения стал И. В. Сталин. 15 марта 1926 г. на заседании Оргбюро ЦК он резко осудил избирательную инструкцию ВЦИК, которая расширила по сравнению с Конституцией круг лиц, пользующихся избирательным правом. Сталин подчеркивал: «У целого ряда наших советских товарищей в последнее время страшно развилась эта готовность пойти на уступки непролетарским элементам»[420]. По его инициативе на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), было решено создать комиссию о подготовке по подведению итогов перевыборов Советов в 1925/26 г. под руководством В. М. Молотова, которая должна была оценить итоги выборной кампании 1925 г. и привести избирательную инструкцию в соответствии с партийными директивами, пересмотрев круг избирателей[421].

В ходе работы комиссии обсуждение итогов выборов и круга лиц, подлежавших лишению прав, вызвало ожесточенные дискуссии и взаимные обвинения ее членов. Более радикальную позицию по оценке итогов избирательной кампании и расширению круга «лишенцев» заняли партийные работники – В. М. Молотов, Л. М. Каганович и В. А. Карпинский. Уже на первом заседании комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 10 апреля 1926 г., они обвинили в искажении директив партии и непонимании политики

[419] Голанд Ю. Указ. соч. С. 40–43.
[420] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 7.
[421] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 7–8.

«оживления Советов» наркома внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородова, а также руководство ЦИК СССР и ВЦИК М. И. Калинина, Я. В. Полуяна, А. С. Енукидзе, руководивших выборами в стране[422].

Л. М. Каганович, В. А. Карпинский и В. М. Молотов предлагали радикально расширить круг «лишенцев», включив в него всех крестьян, использовавших сезонный наемный труд, кустарей использовавших любой наемный труд, включая учеников, торговцев всех разрядов, всех представителей духовенства, включая вспомогательный персонал церквей, всех «бывших», включая мелких чиновников царского государственного аппарата и даже лиц свободных профессий[423]. Руководители высших и центральных советских органов (А. С. Енукидзе, А. С. Киселев, С. Д. Асфендиаров, А. Г. Белобородов) занимали более умеренную позицию, предлагая взвешенно подходить к лишению прав различных категорий населения, выступая категорически против огульного лишения прав крестьян и кустарей, лиц свободных профессий[424]. А. С. Киселев, отстаивая избирательные права лиц свободных профессий, выражает недоумение по поводу объекта эксплуатации врачей, акушерок, преподавателей и художников[425].

В итоговом документе, выработанном комиссией Оргбюро ЦК ВКП(б) под руководством В. М. Молотова – в проекте постановления «Об исправлении избирательной инструкции», представленном 20 июня 1926 г., отражена компромиссная точка зрения между сторонниками и противниками радикального расширения круга «лишенцев». В проекте указывалось на необходимость «предохранить Советы в деревне и в городе от засорения их эксплуататорскими элементами» путем исключения из числа избирателей «растущие капиталистические элементы»[426]. В документе содержались постатейные рекомендации исправления избирательной инструкции. Крестьян и кустарей было рекомендовано лишить избирательных прав в случае использования постоянного и сезонного наемного труда, исключая особые условия (болезнь, мобилизации, особые условия производства). Также было рекомендовано распространить лишение прав на торговцев всех разрядов, включая торговавших с лотков. В проекте предусматривалось введение новой категории – бывших белых

[422] Там же. Л. 12–54.
[423] Там же. Л. 41–44, 74–80.
[424] Там же. Л. 62–66, 38–40, 67–69.
[425] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 67–69.
[426] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 55. Л. 63.

офицеров. Мотивировалось это решение сложным политическим положением, соотношением классовых сил внутри Союза и в международном масштабе, которые не позволять оставлять избирательные права бывшим белым офицерам. Высказывались пожелания расширить категорию священнослужителей за счет вспомогательного персонала церквей. Наряду с этим, лица свободных профессий избирательных прав не лишались, что, вероятно, было уступкой противникам радикального расширения круга, подлежавших лишению прав[427].

Виновными в расширении круга избирателей были признаны советские работники всех уровней. В докладе В. М. Молотова на июльском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) их обвинили в «извращение партийной линии» и «неправильном понимании нового курса партии[428]. По сути, упрек в неправильном понимании нэпа и курса партии адресовался руководству ВЦИК и ЦИК СССР, которое утвердило инструкцию о выборах 1925 г., и расширительно толковало круг избирателей.

На июльском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1926 г. «расширительное толкование избирательных прав в отношении лиц, применяющих наемный труд в деревне, в отношении торговцев, пользующихся правами патента I разряда, в отношении лиц религиозных культов» оценивалась как ошибка и извращение партийной линии, была признана необходимость принятия новой инструкции с учетом исправления ошибок[429].

Накануне избирательной кампании 1926/27 г., в партийных директивах и советской печати, ставилась задачи «при сохранении высокой активности избирателей, устранить ошибочные отклонения»[430]. Советские руководители пытались разъяснить местным советским работникам суть изменений политического курса и их задачи при определении круга лиц, подлежавших лишению прав, однако разъяснения с многочисленными оговорками делали малопонятными новые требования, и впоследствии породили многочисленные запросы с просьбой их конкретизации[431].

В инструкции о выборах городских и сельских Советов, принятой декретом ВЦИК 4 ноября 1926 г. были учтены перечисленные выше замечания и рекомендации,

---

[427] Там же. Л. 68–77.

[428] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83.

[429] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83–84.

[430] Косиор С. О перевыборах в Советы // Власть Советов. 1927. №1. С. 1–2; Полуян Я. К перевыборной кампании // Власть Советов. №32–33. С.1–2.

[431] Иванов Ф. Всесоюзная инструкция о выборах в Советы // Власть Советов. 1926. №42. С. 1–4; Полуян Я. О предстоящих перевыборах Советов // Власть Советов. 1926. №50. С. 7–11.

высказанные комиссией В. М. Молотова. В соответствии с партийными директивами круг лиц, подлежавших лишению прав, был существенно расширен. Помимо этого, в инструкции от 4 ноября 1926 г. нашли развитие две основные тенденции, впервые обозначенные в инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. – унификация и конкретизация круга лиц, ограниченных в избирательных правах.

В инструкции 1926 г. определению круга «лишенцев» впервые была посвящена отдельная глава, одна из самых значительных по объему в инструкции. В ст.15 инструкции детально конкретизируется каждая из категорий, подлежавших лишению прав, а также условия, которые позволяли исключить их из этого списка. В ст.16 детализировались категории граждан, не подлежавшие лишению прав. Ожидаемо, что наиболее пристальное внимание в инструкции уделено условиям применения наемного труда крестьянами и кустарями и ремесленниками, признакам трудового хозяйства[432]. По новой инструкции в полном соответствии с партийными директивами лишались избирательных прав все частные торговцы, вне зависимости от разряда патента, который они выбирали, а также священнослужители и вспомогательный персонал церквей, независимого от того, получали ли они за исполнение своих обязанностей вознаграждение. Инструкция 1926 г. ликвидировала существовавшую неопределенность в отношении тех, кто ранее торговал, прибегал к наемному труду, жил на нетрудовые доходы. В ней четко говорилось о лишении избирательных прав, лиц, занимавшихся торговлей, использовавших наемный труд, вне зависимости от срока давности, что значительно расширило круг «лишенцев».

Постоянно дополнявшийся перечень бывших чиновников, которые лишались прав по ст. 69, п. «д» Конституции РСФСР 1925 г., также претерпел изменения. В соответствии с рекомендациями партии в число «лишенцев» были включены бывшие белые офицеры и военные чиновники белых армий, а также руководители контр-революционных банд. В примечание к этому пункту говорилось, что «те из бывших белых офицеров и военных чиновников, которые впоследствии состояли в рядах Красной Армии и Красного флота и принимали активное участие в вооруженной защите советских республик» не должны лишаться избирательных прав[433]. Однако, что подразумевалось под «активным участием», было не конкретизировано, и позднее эта

[432] Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

[433] Там же.

формулировка не раз становилась поводом для многочисленных запросов краевых и губернских исполкомов.

Несмотря на детализацию круга лиц, подлежавших и не подлежавших лишению прав в избирательной инструкции от 4 ноября 1926 г., после ее принятия ВЦИК, ЦИК СССР, НКВД и даже ЦК ВКП(б) захлестнула волна запросов от различных ведомств, губернских областных и краевых исполкомов. Во ВЦИК и Центризбирком в кампанию 1926/27 г. поступило 43 предложения о конкретизации статей инструкции (ст. 14 и 15), посвященных определению круга лиц, подлежавших лишению прав и еще 30 предложений о дополнении статьи 16, определении тех, кто не подлежавших лишению прав[434].

Основными причинами многочисленности запросов по определению круга лиц, подлежавших лишению прав, от ведомств и региональных исполкомов, стало, с одной стороны, значительное расширение этого круга в принятой инструкции, введение новых категорий и изменение условий для уже существовавших. С другой стороны, запрет на самостоятельное определение круга «лишенцев» региональными исполкомами. Хотя и не всегда последовательно, но высшие центральные органы старались выдерживать линию на унификацию избирательного законодательства и монопольное право на определение круга лиц, подлежавших лишению прав. Решить многие вопросы могли краевые или губернские исполкомы, но поскольку в инструкции категорически запрещалось свободное толкование инструкции местными властями, то последние предпочитали перестраховаться и сделать запрос во ВЦИК.

Детализация различных категорий «лишенцев» в избирательной инструкции от 4 ноября 1926 г. не носила исчерпывающего характера, и имела множество неохваченных групп, и условий применения. Нередко региональные исполкомы занимали более радикальную позицию в отношении лиц, подлежавших лишению прав, предпочитая не разбираться в нюансах обязанностей бывших служащих органов царского и белых правительств[435].

Очевидно, что ряд положений инструкции оказался непродуманным и создавал проблемы ведомствам или региональным исполкомам. Лишение избирательных прав было напрямую связано с другими вопросами (членство в профсоюзах, в кооперативных

[434] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л.14–62; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1055. Л. 12–27.
[435] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 31–48; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 135. Л. 4, 6–14; Оп. 104. Д. 262. Л. 97, 98.

организациях, предоставлением работы и т.д.), и в случаях, когда лишение избирательных прав той или иной категории противоречило интересам многих ведомств или краевых (областных) властей, последние активно вмешивались и, как правило, добивались нужного им решения (Уральский областной исполком и Сибирский краевой исполком добились восстановления в правах бывших белых офицеров, работавших в советском аппарате)[436]. Анализ запросов и разъяснений ВЦИК демонстрирует прагматичную позицию высшего советского органа. За редким исключением, в случае, если ведомство или местные власти приводили в качестве аргумента веские прагматические соображения социального или экономического характера, Центризбирком и ВЦИК шли в этом им навстречу[437].

Определение круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав в кампанию 1926/27 г. руководством страны было признано удовлетворительным, хотя и отмечались отдельные недостатки. Полуян Я. В. подводя итоги выборов 1926/27 г., отмечал: «значительная часть недочетов в части расширения круга избирателей, имевших место в прошлом году, изжита»[438]. Наряду с этим, руководители ВЦИК и Центральной избирательной комиссии – М. И. Калинин и Я. В. Полуян выражали недовольство по поводу так называемого «левого перегиба при лишении прав». Калинин М. И. «самым большим дефектом этих выборов» называл «тот факт, что при лишении избирательных прав задели значительный слой середняков, особенно «культурников» - элемент наиболее активный»[439]

Проблемы реализации избирательной инструкции 1926 г. в части лишения избирательных прав, определения круга «лишенцев» обсуждались на Президиуме ВЦИК 18 апреля 1927 г. (на котором присутствовали А. Енукидзе, С. Косиор, Я. Полуян, члены Всероссийской центральной избирательной комиссии). На заседании проявились отголоски разногласий по поводу «расширения круга» избирателей, имевшие место в 1926 г., а также разногласия между руководством ВЦИК, ЦИК и партийным руководством, позицию которого на заседании отстаивал С. Косиор. По мнению руководства высших советских органов, инструкция была слишком жесткой[440]. В частности, Енукидзе, в то время секретарь ЦИК СССР, председатель Центризбиркома

[436] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 174. Л. 255–270; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 147.
[437] ГАРФ. Ф.Р.- 1235. Оп. 104. Д. 262. Л. 187–228.
[438] Полуян Я. Результаты перевыборов Советов 1927 года // Власть Советов. 1927. №30. С. 1–3.
[439] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 148. Л. 37.
[440] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 344.

при ЦИК СССР, настаивал на дифференцированном подходе к лишению прав членов семей отдельных категорий, в частности, на отмене положения о лишении прав детей кулаков[441]. Енукидзе, Киселев (сменивший на посту председателя Всероссийской центральной избирательной комиссии Я. Полуяна) и другие члены центральных избирательных комиссий, полагая, что к лишению крестьян необходимо подходить более гибко, выступили за районированный, комплексный подход к определению критериев кулацкого хозяйства[442].

С. Косиор, напротив, утверждал, что нельзя отказываться от положения, в соответствии с которым избирательных прав лишались члены семей кулаков и бывших, и считал нецелесообразным смягчение условий применения наемного труда крестьянами и ремесленниками[443]. Косиор полагал, что инструкцию о выборах 1926 г. менять не следует, хотя часть присутствующих, в т.ч. Енукидзе и Киселев, высказывали критические замечания. Было принято компромиссное решение: признать избирательную инструкцию соответствующей политической ситуации в стране, продлить ее действие на следующую кампанию, но при этом, совершенствовать ряд положений, и детально разъяснять ее местным властям[444].

Как представляется, говорить о серьезных расхождениях между советским и партийным руководством по вопросу о лицах, ограниченных в правах, нет оснований, но позиция руководства советских органов была в большей степени реалистична, чем руководства партии. Руководство и члены центральных избирательных комиссий ежедневно сталкивались с вопросами, связанными с разъяснением и определением различных категорий, принятием решений по восстановлению «лишенцев», в то время как партийное руководство в большей мере ориентировалось на общие политические директивы. В конечном итоге была принята точка зрения партийного руководства на лишение избирательных прав. Калинину поручалось внести на утверждение заседания Политбюро ЦК ВКП(б) принятое Президиумом ЦИК СССР решение, согласно которому перевыборы советов 1927/28 гг. надлежало проводить по инструкции, принятой в 1926 г. с включением, принятых дополнений и разъяснений к ней[445].

---

[441] Там же. Л. 339.
[442] Там же. Л. 342–348.
[443] Там же. Л. 349.
[444] Там же. Л. 349(об).
[445] ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 16а. Д. 265. Л. 65.

Следующая избирательная кампания была перенесена на год, и состоялась зимой 1928/29 г. Экономическая и политическая ситуация в 1928/29 г. значительно отличалась от ситуации, в которой проводилась предыдущая кампания. Кризис хлебозаготовок, начавшийся еще в конце 1927 г., проблемы с обеспечением городов продуктами и товарами обусловили принятие решений об административном нажиме на крестьян и нэпманов. Выборы 1928/29 г. проводились в обстановке действия чрезвычайных мер, «решительного наступления на кулака». В директивах высших партийных и советских органов накануне избирательной кампании 1928/29 г. акцентировалось внимание на «полной изоляции частно-капиталистических элементов города и деревни от участия в выборах»[446]. Руководство страны предостерегало местных работников о «росте враждебных антисоветских настроений усилившихся кулацких и нэпманский элементов»[447]. Одним словом, выборная кампания 1928/29 г. должна была пройти в атмосфере «классового противостояния» городского и сельского пролетариата с «растущими капиталистическими элементами»[448].

Несмотря на существенные изменения в политической и экономической ситуации определение круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав, происходило в соответствии с ранее принятым решением, на основании инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. К перевыборной кампании 1928/29 г. была издана отдельной брошюрой комментированная инструкция о перевыборах от 4 ноября 1926 г., по объему в несколько раз превосходившая исходный вариант.

Комментированная инструкция, изданная к перевыборам советов в 1928 г. включала не только комментарий к каждой статье инструкции, но и большинство изданных разъяснений Центральной избирательной комиссией и ВЦИК. Основная масса запросов от региональных исполкомов и ведомств, о которых речь шла выше, нашла отражение в этой инструкции. Очевидно, что Центризбирком стремился сделать ее максимально детализированной и подробной, разъяснив спорные вопросы. Вместе с тем, подобного рода конкретизация не сделала ее более понятной для применения местными избирательными комиссиями. Изложенная сложным, многословным языком

---

[446] Задачи предстоящих перевыборов Советов (к совещанию оргработников при ВЦИК) // Власть Советов. 1928. №19–20. С. 6.

[447] Киселев А. К предстоящим перевыборам Советов // Власть Советов. 1928. №40 – 41. С.1; Всесоюзное совещание по перевыборам Советов // Власть Советов. №47. С. 1–4.

[448] О перевыборах Советов. Всем ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам, губкомам // Власть Советов. 1929. №1. С. 1–2.

комментированная инструкция стала еще более недоступной для понимания рядовыми зачастую малообразованными сотрудниками региональных и местных избиркомов.

Нередко комментарий к статьям инструкции искусственно усложнял первоначальный текст, запутывая или изменяя его смысл. Так, для одной из массовых категорий лиц, подлежавших лишению избирательных прав за применение наемного труда, предлагалось определять признак трудового хозяйства, исходя из следующего: «основной признак трудового хозяйства указан в примечании к п. «а» ст.15 инструкции, однако этот признак не может иметь исчерпывающего значения. Возможны случаи участия в хозяйстве всех трудоспособных членов семьи, но тем не менее эти хозяйства, пользуясь наемной рабочей силой, могут утратить характер трудовых. Установить в каждом отдельном случае характер хозяйства и все признаки, по которым данное хозяйство не может быть отнесено к разряду трудовых, могут лишь местные органы власти с учетом всех местных условий»[449].

Подобного рода комментариями все усилия по унификации применения избирательного законодательства высших советских органов нивелировались и приводили к массовым нарушениям и злоупотреблениям на местах. Поскольку с одной стороны, признаки трудового хозяйства определены крайне невнятно, но при этом ответственность за правильное определение этих признаков возлагалась на местные власти. В целом, попытка вносить сиюминутные изменения через пространные комментарии была объяснимой, но крайне неэффективной.

Многочисленность запросов от региональных исполкомов после издания комментированной инструкции к выборам об определении круга «лишенцев» подтверждает высказанную мысль о ее неясности и сложности для применения низовыми избирательными комиссиями. Как и в предыдущую кампанию, наибольшее количество вопросов вызывали пункты о лишении избирательных прав бывших, священнослужителей, условия применения наемного труда и получения нетрудовых доходов. В отличие от прошлой кампании, преимущественно вопросы касались лишения избирательных прав небольших групп населения или даже отдельных лиц. Например, обсуждались вопросы о лишении прав бывших директоров отделений обществ попечительства в тюрьмах, бывших служащих речной полиции[450], бывших

[449] ГАНО. Ф.Р.-47. Оп. 1. Д. 408. Л. 61.
[450] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 235. Л. 182–186.

улусных голов, получивших за свою деятельность награды от бывшего царского правительства, бывших попечителей калмыцкого народа[451]. У региональных исполкомов вызывали сомнения лишение прав сборщиков утильсырья, сторонников различных сект и языческих верований[452]. Причиной появления запросов по столь незначительным поводам стало нежелание местных исполкомов и ведомств брать на себя ответственность за определение круга «классовых» врагов. Кроме того, эти запросы свидетельствовали, что процесс централизации и унификации в избирательной сфере проходил в желаемом направлении для высших советских органов.

При подведении итогов избирательной кампании на заседании Президиума ВЦИК 12 мая 1929 г. руководство советских органов позитивно оценило процесс лишения избирательных прав, его не смущали допущенные многочисленные нарушения. В докладе А. С. Киселева, председателя Всероссийского Центризбиркома, отмечалось более тщательное выявление «лишенцев» и рост их численности[453]. В докладе отмечались и существенные недостатки, которые были выявлены в ходе многочисленных проверок и по жалобам со стороны лишенных избирательных прав. Эти же недостатки широко освещались в советской прессе. Типичными нарушениями считались: составление списков не в срок, указанный в инструкции; лишение избирательных прав без документального обоснования; многочисленные нарушения при определении круга «лишенцев» – неправильное его определение как в сторону «перелишения», так и «недолишения» (с акцентом на «недолишение» кулаков); несоблюдение сроков при рассмотрении жалоб. Особо отмечались сопутствующие нарушения при ограничении в дополнительных гражданских правах. Определялись и причины этих явлений – отсутствие подготовленных сотрудников избиркомов, незнание избирательного законодательства, а зачастую и нежелание тратить на это время[454].

---

[451] ГАРФ. Ф.Р. -3316. Оп. 16а. Д. 421. Л. 25–37; Д. 416. Л. 48–54.

[452] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–62; Ф.Р.-3316. Оп. 16а. Д. 416. Л. 147–149, 250–289.

[453] ГАРФ. Ф.Р..3316. Оп. 20. Д. 968. Л. 53–55.

[454] ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 20. Д. 968. Л. 57–62; Киселев А. Огонь по недочетам избирательной кампании // Власть Советов. 1929. №4. С. 1 – 3; Кирпичев. Избирательная борьба в деревне // Власть Советов. 1929. № 8. С. 9–10; Лишение избирательных прав (по жалобам лишенцев в Центризбирком) // Власть Советов. 1928. № 46. С. 8–10; Единым фронтом против кулацкого наступления // Власть Советов. 1929. №2. С.8; Титков А. Избиркомы наизнанку // Власть Советов.1929. №2. С. 9; Перевыборные перегибы и недогибы // Власть Советов. 1929. №12. С. 9–10; На городском участке классовой борьбы // Власть Советов. 1929. №14. С.10;

Классовая борьба на перевыборах // Власть Советов. 1929. № 14. С. 10–11; Кузьмин К. К изменению порядка лишения избирательных прав // Власть Советов. 1929. № 32–33. С. 17; Новиков В. О делах и правах лишенцев // Власть Советов. 1929. № 43. С. 17–18.

Оценки «успешности» лишения избирательных прав резко поменялись весной 1930 г. в ходе кампании по борьбе с нарушениями в сфере избирательного законодательства Несмотря на то, что руководству ВЦИК и ЦИК и ранее были достаточно хорошо известны серьезные нарушения в области лишения избирательного права, реальные меры по их устранению были приняты только в 1930 г. Весной этого года Центральная избирательная комиссия СССР срочно разрабатывает предложения для исправления сложившегося положения. Так, 1 марта 1930 г. Енукидзе (секретарь ЦИК СССР, одновременно секретарь фракции ВКП(б) Президиума ЦИК СССР) направляет лично Сталину докладную записку «по вопросу о лишенцах»[455]. Одновременно от имени фракции ВКП(б) Президиума ЦИК СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) поступает докладная записка «о лишении избирательных прав и о лишенцах» с проектом постановления Президиума ЦИК СССР по этому вопросу[456]. В направленной Сталину докладной записке подробно описывалось незаконное расширение круга «лишенцев» местными власти, а также характеризовались дополнительные ограничения, связанные с дискриминированным правовым статусом, назывались и главные виновники нарушений, ими оказались рабочие бригады, домоуправления, подменявшие избирательные комиссии[457].

Момент для исправления ошибок в сфере лишения избирательных прав был выбран исключительно удачно, по времени он практически совпал со статьей Сталина «Головокружение от успехов», и эти события отражали борьбу центральной власти за восстановление законности как в сфере коллективизации, так и лишения избирательных прав, кампании имели популистскую подоплеку.

Предложения, содержавшиеся в проекте, представленном в Политбюро ЦК фракцией ВКП(б) Президиума ЦИК СССР были воплощены в постановлении ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства в СССР»[458]. В нем категорически запрещалось расширительно толковать категории «лишенцев» местными властями, а также предписывалось руководствоваться

---

[455] Докладная записка секретаря Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе И. В. Сталину по вопросу о «лишенцах». 1 марта 1930 г. // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. В 2-х кн. Кн. 1. С. 125–132.

[456] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 142. Д. 81. Л. 4.

[457] Докладная записка секретаря Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе И.В. Сталину по вопросу о «лишенцах». 1 марта 1930 г. … С. 125–132.

[458] Постановление Президиума ЦИК от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР» от 22 марта 1930 г.// СЗ СССР. 1930. №19. Ст. 212.

исключительно избирательным законодательством СССР и союзных республик. В трехмесячный срок все инстанции должны были рассмотреть поступившие заявления и жалобы «лишенцев». Составлением списков могли заниматься только избирательные комиссии, при этом в сельской местности этим правом обладали только районные исполкомы. Постановление также содержало категорическое требование устранить дополнительные ограничения прав «лишенцев»: выселение из квартир, городов, огульное лишение заборных книжек, медицинской помощи, права застройки, исключение детей из школ. Было запрещено распространять меры, направленные против кулаков, на всех сельских «лишенцев».

10 апреля 1930 г. ВЦИК выпустил аналогичное постановление об устранении нарушений избирательного законодательства. Постановление ВЦИК содержало конкретные меры по реализации постановления ЦИК СССР от 22 марта 1930 г., и детализировало его положения[459]. Согласно указанному постановлению ВЦИК, все исполкомы должны были создать специальные окружные и районные комиссии для скорейшего рассмотрения жалоб и заявлений, а также проверить правомерность включения «лишенцев» в списки (документальное подтверждение). Эту работу предстояло завершить в двухмесячный срок. К 10 мая все краевые, областные исполкомы, а также наркоматы и кооперативные центры РСФСР должны были представить «исчерпывающие доклады о мероприятиях, принятых ими во исполнение настоящего постановления»[460].

Проверки в регионах выявили массу нарушений избирательного законодательства (подробнее в параграфе о практиках лишения избирательных прав). Ни за два, ни за три месяца проверить списки «лишенцев», а главное разобрать их жалобы и ходатайства на восстановление не удалось. Пересмотр дел и рассмотрение многочисленных жалоб продлились до начала новой избирательной кампании 1930/31 г. Проверявшие выявили нежелание местных властей исправлять свои ошибки, поскольку те полагали, что вопрос о «лишенцах» не имеет первостепенной важности[461].

Кампания по устранению нарушений в сфере избирательного законодательства стала во многом переломным моментом в развитии института лишения избирательных

---

[459] Постановление ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан» // СУ РСФСР. 1930. № 18. Ст. 233.

[460] Там же.

[461] ГАРФ. Ф.Р.- 3316. Оп. 16а. Д. 448. Л. 27–28

прав – впервые государство последовательно реализовывало мероприятия, направленные на оптимизацию круга лиц, подлежавших лишению прав (а не на его расширение), а также введение более строгих и жестких форм учета и контроля за ними.

Курс на ликвидацию института лишения избирательных прав (1931–1936 гг.). Необходимость внесения изменений в круг, подлежавших лишению прав, в избирательной инструкции от 4 ноября 1926 г. стала очевидной задолго до кампании зимы 1930/31 г., нормативный акт явно не отражал реалий изменившейся ситуации. Зимой 1930 г. ВЦИК и Центризбирком были озабочены вопросом пересмотра избирательной инструкции от 4 ноября 1926 г. «в части определения круга крестьян, подлежавших лишению прав, в связи с проведением сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса»[462]. На заседании секретариата ВЦИК 5 февраля 1930 г. отмечалось, что «инструкция ВЦИК о выборах в Советы, изданная в ноябре 1926 г., не содержит достаточно полного перечисления признаков кулацких хозяйств, владельцы коих подлежали бы лишению избирательных прав. Позднейшим законодательством признаки кулацких хозяйств были значительно расширены»[463]. В целях устранения противоречий при определении круга крестьян, подлежавших лишению избирательных прав, предлагалось внести изменения в избирательную инструкцию[464].

В инструкции о выборах в Советы, утвержденной Президиумом ВЦИК 20 октября 1930 г. были учтены положения из постановления СНК от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств», а также постановления ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства СССР» и постановления ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан». Исходя из ранее принятых актов, избирательная инструкция от 20 октября 1930 г. максимум внимания уделяла определению круга лиц, использовавших наемный труд, владевших промысловыми и промышленными предприятиями, сдававших в наем сельскохозяйственные машины, арендовавших землю и т.д., подпадавших под категорию «кулаков»[465]. Как отмечалось выше, круг крестьян,

---

[462] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 30. Л.4; Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 253. Л. 10.

[463] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 253. Л. 12.

[464] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 30. Л. 8; Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 253. Л. 1.

[465] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.

подлежавших лишению прав, определялись с учетом постановления СНК от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств»[466]. Значимые изменения затрагивали и совершеннолетних детей «лишенцев», которые не подлежали лишению прав[467].

Изменения, внесенные в избирательную инструкцию от 20 октября 1930 г. об определении круга лиц, подлежавших лишению прав, не вызвало шквала запросов региональных исполкомов и ведомств, в отличие от опыта предыдущих кампаний. В кампанию 1930/31 г. от ведомств и местных властей поступали единичные запросы о лишении избирательных прав локальных групп населения. Так, Западно-Сибирский краевой исполком просил разъяснить о лишении прав представителей различных сект (молокан и духоборов)[468]. ЦИК Якутской АССР спрашивал о лишении прав бывших членов Якутского областного управления 1921–1922 гг., управляющего областью, его помощников, членов Совета народной обороны в 1923 г.[469] Другие запросы касались вопросов, специально не оговоренных в инструкции, о вычищенных из аппарата, о вторичном лишении прав бывших белых офицеров и т.д.[470]

Постановление Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 17–21 декабря 1930 г. и обращение ЦИК СССР «О перевыборах Советов» призывали «к коренной перестройке всей работы советов в соответствии с задачами реконструктивного периода»[471]. Эта перестройка должна была «произойти только на основе поднятия роли Советов как проводников генеральной линии партии, одинаково непримиримо враждебной как в отношении правого, так и левого оппортунизма»[472]. По мысли высшего партийного и советского руководства страны, социалистическая реконструкция не могла не вызвать обострения классовой борьбы; кулаки и другие контрреволюционные элементы должны были оказывать отчаянное сопротивление успехам советского государства[473]. «Классовый враг» был обозначен, низовым избиркомам предстояло в ходе избирательной кампании 1930/31 г. определять круг «лишенцев», исходя из директивы партии. Данная директива, судя по реакции мест, вызвала недоумение и опасения

---

[466] Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» // СЗ СССР. 1929. № 34. Ст. 301.

[467] Зайцев П. Кодификация избирательного законодательства // Советское строительство. 1930. №6. С. 1–14.

[468] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 117; Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 255. Л. 6.

[469] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 122–125; Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 254. Л. 167–168.

[470] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 70. Л. 130–176; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 235. Л. 185–187; Оп. 108. Д. 254. Л. 106–145.

[471] Перевыборы Советов и борьба за генеральную линию партии // Власть Советов. 1931. № 1. С.4.

[472] Избирательная кампания в условиях социалистической реконструкции // Советское строительство. 1931. № 1. С. 3.

[473] Там же. С. 5.

неправильного определения «правого и левого уклона» при составлении списков «лишенцев». В советской печати одинаково критиковались как избиркомы слишком рьяно взявшиеся за поиск новых «лишенцев» (левый уклон), так и не предпринимавшие особых усилий для выявления новых «лишенцев» (правый уклон)[474].

Итоги выборов 1930/31 г. показали, что основная масса низовых избиркомов воздержалась от выполнения директивных указаний по поиску «классовых врагов». Общая численность лиц, ограниченных в правах, в 1931 г. по РСФСР составила 1 млн. 842 тыс. чел. (по сравнению с прошлой уменьшилась более чем на 500 тыс. чел.)[475]. По данным статистики, численность лиц, лишенных избирательных прав, значительно сократилась как в городах, так и сельской местности. Доля сельских «лишенцев» в 1931 г. снизилась с 3,9 до 3,5 %, городских – с 7,2 до 4,6 %[476]. Приведенные статистические данные подтверждают обозначенную ранее тенденцию на оптимизацию круга лиц, подлежавших ограничению прав и незаинтересованности власти в расширении их категорий. В отличие от предыдущих избирательных кампаний, определение круга «лишенцев» в 1930/31 г. не вызвали особого интереса высших советских и партийных органов[477], отмечались лишь отдельные проявления правового и левого уклонов[478].

В речи И. В. Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. «о работе в деревне» проблемы хлебозаготовок 1932 г. объяснялись наличием замаскировавшегося «классового врага», сменившего тактику «с прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой»[479]. Критикуя «старую тактику упрощенной борьбы с кулачеством», Сталин провозглашал, что «ликвидация кулачества как класса не означает ликвидации кулаков и антисоветских элементов в деревне»[480]. Подобные высказывания могли спровоцировать новую волну поиска классовых врагов и отразиться на расширении круга «лишенцев», как это происходило ранее неоднократно. Однако вопреки ожиданиям, круг лиц, подлежавших лишению избирательных прав, в

---

[474] Зекцер М. Классовая борьба и перевыборы Советов // Советское строительство. 1931. № 2. С. 31–44; Басеев. Недооценка политзначения перевыборов – худший вид оппортунизма на практике // Власть Советов. 1931. № 1. С. 21–23.

[475] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг. Стат. справочник. М., 1931. С. 31

[476] Там же. С. 31–32.

[477] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 1–13.

[478] ГАРФ. Ф.Р.- 1235. Оп. 108. Д. 597, 599, 604; Зайцев П. Предварительные итоги перевыборов Советов // Советское строительство. 1931 № 3. С. 112.

[479] Сталин И. В. О работе в деревне. Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 11.01.1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. С. 226.

[480] Там же. С. 224.

избирательных инструкциях (союзной и российской) 1934 г., не претерпел принципиальных изменений, по сравнению с инструкцией от 20 октября 1930 г. Инструкция о выборах Советов, утвержденная Президиумом ВЦИК 01 октября 1934 г., и инструкция ЦИК СССР о выборах в Советы от 02 октября 1934 г., стали последними нормативными актами, определявшими круг лиц, подлежавших лишению избирательных прав. Основные коррективы в главе «определение круга избирателей и круга лиц, лишенных избирательных прав, коснулись терминологии, она была приведена в соответствие с новыми реалиями коллективизированной и раскулаченной деревни[481].

Если в избирательной инструкции 1930 г. отсутствовало понятие «кулак», хотя при определении круга крестьян, подлежавших лишению прав, были сформулированы основные экономические характеристики крестьянского хозяйства, подпадавших под «кулацкие». В инструкциях ВЦИК от 01 октября 1934 г. и ЦИК СССР от 02 октября 1934 г. появились новые термины – «кулаки», «колхозники», «трудящиеся единоличники». Положения 15 статьи инструкции ВЦИК 1930 г. о «земледельцах, скотоводах, имеющих промысловые и промышленные заведения с механическими двигателями», и «лицах, систематически сдающих в наем сложные сельскохозяйственные машины»[482] заменило положение о «кулаках, выселенных за противосоветские и противоколхозные выступления из пределов сел и поселков, в которых они ранее проживали»[483]. Как отмечалось в директивной статье А. С. Енукидзе перед выборами 1934 г. «социалистические преобразования в стране привели к изменениям в избирательном законе, за истекший после VI съезда Советов период коренным образом изменился облик кулака, на базе сплошной коллективизации кулачество как класс в основном ликвидировано, и теперь уже нет таких кулаков, которые обладали бы крупными имущественными объектами, вроде

[481] Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226; Постановление ЦИК СССР от 2 октября 1934 г. «Инструкция о выборах в Советы в 1934-1935 г.» // СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 395.

[482] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.

[483] Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226; Постановление ЦИК СССР от 2 октября 1934 г. «Инструкция о выборах в Советы в 1934-1935 г.» // СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 395.

сельскохозяйственных предприятий, при помощи которых они эксплуатировали окружающее население»[484].

Хотя предвыборные передовицы цитировали речь И. В. Сталина о замаскировавшемся враге, истерии по поводу расширения круга «лишенцев» при поиске классовых врагов не наблюдалось. Напротив, в передовице, написанной секретарем Центризбиркома П. Зайцевым, характеризовались способы восстановления детей «лишенцев» и бывших кулаков «вставших на путь исправления»[485]. В предвыборной печати 1934 г. исчезла риторика, связанная с неправильным определением круга «лишенцев», характерная для кампаний второй половины 1920-х гг. и 1930 г. В целом, в советской печати 1934–1935 г. напрямую не отождествлялся процесс лишения избирательных прав и выявление классового врага. Исследователи уже отмечали трансформацию образа «врага народа» в 1930-е гг., Н. Б. Арнаутов отмечает, что с «декабря 1934 г. социальные образы кулака и церковника уводились на периферию пропаганды, на центральное место выдвинулись образы политических врагов»[486]. Фактически это означало, что поиск классовых врагов выходил за пределы круга лиц, лишенных прав.

Лозунги в предвыборных передовицах и директивных статьях 1934 г. отражали парадоксальность и противоречивость тенденций политического развития страны. Новый лозунг о том, что «перевыборы 1934 г. пройдут под лозунгом построения бесклассового общества» уживался с ранее известным «выборы пройдут в острой борьбе с враждебными классовыми силами, остатки капиталистических классов пытаются проникнуть в Советы для использования их в своих целях»[487]. Подведение итогов выборов показало, что власть настроена на реализацию лозунга о построении бесклассового общества и демонстрацию в официальной статистике сокращение численности «лишенцев».

Отсутствие заинтересованности власти в расширении круга «лишенцев» в кампанию 1934/35 г. отчетливо проявилось в динамике их численности. Официальная статистика, материалы печати и архивные материалы, свидетельствуют о значительном

---

[484] Енукидзе А. За укрепление Советов – органов пролетарской диктатуры // Большевик. 1934. № 19–20. С. 39–40.

[485] Зайцев П. Об избирательной инструкции ЦИК СССР // Советское строительство. 1934. № 11. С. 8–9.

[486] Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2010. С. 14–15.

[487] Обращение ЦИК СССР. О выборах в Советы 1934–1935 гг. // Власть Советов. 1934. №18. С. 2

сокращении числа «лишенцев» в 1934–1935 г. В целом, по СССР их доля составила 2,1 % в городе и 2,6 % – в сельской местности, по РСФСР – 1,9 и 2,3 % соответственно[488]. По данным Центризбиркома на 29 декабря 1934 г. число «лишенцев» в сельской местности составило 439 833 чел. (2,3 % от взрослого населения), что означало сокращение их числа в абсолютном выражении более чем в три раза по сравнению с 1931 г.[489] Причинами снижения численности «лишенцев» в стране, секретарь Центризбиркома П. Зайцев назвал восстановление в правах детей и других категорий «лишенцев», проявивших лояльность к советской власти, а также естественную убыль различных категорий «бывших»[490].

Вместе с тем, представленные данные о сокращении численности «лишенцев» в 1934/35 г. вызывают большие сомнения. Вопрос о подлинной численности лиц, лишенных избирательных прав, в 1930-е гг. представляется непростым и запутанным, тем более, что исследователи не предпринимали серьезных попыток разобраться в нем. Обсуждая вопрос о численности «лишенцев» в кампанию 1934/35 г. нужно принимать во внимание два обстоятельства. Первое – реальное сокращение их численности за счет восстановления в правах детей и части «лишенцев» в городах и сельской местности. Второе – рост контингента заключенных и спецпереселенцев (их число составляло не менее 1,5–2 млн. чел.)[491], которые автоматически должны были попадать в число лиц, лишенных прав, увеличивая их численность. Выскажем предположение, что последние категории исключались из официальной статистики «лишенцев», которая не демонстрировала резкого роста категории заключенных. Вероятнее всего, официальная статистика фиксировала только количество лиц, лишенных прав, проживавших в городах и сельской местности, а находившихся в спецпоселениях или в местах лишения свободы – не учитывала.

Выяснение реальной численности лиц, лишенных прав в кампанию 1934/35 г. осложняет отсутствие сведений в абсолютных показателях по различным регионам и городам. В официальной статистике, сведения о «лишенцах» приводились в относительных показателях. Вопрос об их подлинной численности в избирательную кампанию 1934/35 г. и моменту ликвидации самого института лишения избирательных

---

[488] Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М., 1935. С. 19–20; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 5. Л. 7.
[489] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 56. Л. 34; Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 5. Л. 7.
[490] Зайцев П. Итоги выборов в Советы // Советское строительство. 1935. № 2. С. 12.
[491] Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской деревни в деревне (1928-1933 гг.) М., 2000; Красильников С. А. На изломах социальной структуры … С. 47.

прав в 1936 г. нуждается в дальнейшем изучении, сопоставлении данных о восстановленных в правах и находящихся в заключении, на спецпоселениях.

Несмотря на неоднозначность статистических данных, официально объявленная численность «лишенцев» должна была отражать общий курс на построение бесклассового общества. Тем более, что именно в этот момент началось обсуждение конституционной реформы, одним из первоочередных вопросов которой стали изменения избирательной системы. Вопрос о принятии новой Конституции начал обсуждаться руководством страны в декабре 1934 – январе 1935 г. О. Великанова отмечает, что обсуждению предшествовала записка А. С. Енукидзе, выдвинувшим идею о реформе избирательной системы еще в мае 1933 г., но не нашедшей немедленной поддержки[492]. Ю. Н. Жуков отмечает, что первоначальный замысел изменений затрагивал ограниченный круг вопросов, в частности, предлагалось внести изменения в избирательную систему и «уточнить социально-экономические основы»[493]. Идея о необходимости проведения конституционной реформы реализовалась в решениях VII Всесоюзного съезда Советов, проходившего в январе – феврале 1935 г.[494] На первом заседании конституционной комиссии И. В. Сталин сообщил о намерении провести широкую конституционную реформу[495]. Как отмечают исследователи, по ряду вопросов обозначились «принципиальные, идейные разногласия между группой Сталина и видными в прошлом ортодоксальными партийными деятелями, не желавшими поступиться своими принципами»[496].

Одним из вопросов, по которому выявились разногласия, стала избирательная система. Разработка XI главы «избирательная система» вызвала дискуссии между членами профильной подкомиссии. Состав подкомиссии, вырабатывавшей проект главы избирательной системы, был вполне традиционным для советского времени, в нее вошли руководители советских и партийных органов: К. Б. Радек (председатель), Р. А. Алимов, Л. П. Берия, А. И. Икрамов, П. П. Любченко, В. И. Порайко, А. Н. Поскребышев, А. Р. Рахимбаев, И. С. Уншлихт, А. Г. Червяков, С. И. Чугунов, Д. И.

---

[492] Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М. 2021. С. 44–46.
[493] Жуков Ю. Н. Иной Сталин. М., 2003. С. 120.
[494] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Л. 16–19; ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 40. Д. 17. Л. 7–9.
[495] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Л. 15.
[496] Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 197; Курицын В. М. История отечественного государства и права. 1929 г. – 22 июня 1941 г. Форсированная модернизация страны и формирование военно-технической базы будущей победы в Великой Отечественной войне. М., 2009. С.87.

Шостак[497]. Наибольшие разногласия в подкомиссии Карла Радека вызвала отмена избирательных цензов. Большинство членов комиссии (включая самого Радека) предлагало оставить часть прежних ограничений круга избирателей (священнослужителей, зажиточных крестьян и т.д.)[498]. Хотя в подкомиссии высказывались мнения и за отмену ограничений избирательного права. Так, председатель СНК Украины П. П. Любченко настаивал на отмене ограничений избирательных прав по классовому признаку[499]. В целом, в проекте, разработанном подкомиссией К. Радека предлагалось отменить неравные, многостепенные выборы с открытым голосованием, но оставить ограничения для отдельных групп граждан. И в случае принятия XI главы в варианте, предложенном подкомиссией К. Радека, советское избирательное право стало бы равным, прямым, тайным, но не всеобщим[500].

В ходе всенародного обсуждения вопрос об избирательной системе вызвал высокий интерес граждан. В «информационной сводке предварительных итогов поступивших предложений и дополнений, вносимых трудящимися к проекту новой Конституции СССР» от 15 октября 1936 г. были обобщены 13 721 предложения, высказанные в ходе Всенародного обсуждения, к XI главе «Избирательная система» – 3014[501]. При этом, наибольшее обсуждение вызвал проект ст. 135 Конституции, вводившей всеобщее избирательное право. Большинство предложений касались оставить ограничения избирательных прав для категорий, ранее лишенных избирательных прав (священнослужителей, лиц, прибегавших к наемному труду, с целью извлечения прибыли; лиц, живущих на нетрудовые доходы; частных торговцев, торговых и коммерческих посредников)[502]. граждане выражали недоумение как священники, кулаки, бывшие белогвардейцы получат равные со всеми остальными советскими гражданами права?[503]. Таким образом, представления об избирательном праве граждан в ходе обсуждения и подкомиссии К. Радека совпали, и предполагали сохранение ограничений в избирательных правах «прежних эксплуататорских классов».

---

[497] РГАСПИ. Ф. 558. Оп.1. Д. 3275. Л. 32.
[498] Там же. Л. 6–11, 41–48.
[499] РГАСПИ. Ф. 558. Оп.1. Д. 3275. Л. 20–26; ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 134–141.
[500] РГАСПИ. Ф. 558. Оп.1. Д. 3275. Л. 88; ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 142. Д. 12. Л. 54–57.
[501] ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 1–2; Д. 29. Л. 7–13.
[502] Там же. Л. 108–110, 142, 162.
[503] Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 158–159.

Однако мнения граждан и членов конституционной комиссии не отразились на первоначальном замысле введения всеобщего избирательного права, поскольку его инициатором стал лично Сталин, выступивший за отмену ограничений в избирательных правах по социальным основаниям и тайное голосование на выборах[504]. Уже на первоначальном этапе разработки проекта Конституции введение всеобщего избирательного права стало принципиальной позицией И. В. Сталина. Так, в письме И. В. Сталина от 25 января 1935 г. о необходимости проведения конституционной реформы, направленном членам Политбюро, говорилось, что «систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще и в смысле замены открытого голосования закрытым. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге. Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем выиграть политически в этом деле»[505].

Причины отмены института лишения прав в 1936 г. достоверно неизвестны, в исторических и правовых исследованиях высказываются различные версии – от желания произвести впечатление альтернативой социализма на Запад, догматической веры сталинистов в достижения социализма до оснований для проведения репрессий[506].

Наиболее убедительной представляется версия Ольги Великановой о комплексе причин, приведшем к демократизации избирательной системы, связанном с тремя основными факторами: внешнеполитическим фактором (стремление укрепить международную репутацию демократического СССР среди западных демократий и передовой имидж для революционного движения), идеологическим фактором (искренняя убежденность лидеров страны в реальности построения социалистического общества, ликвидации классовой структуры, которые выражались в угасании классового

---

[504] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Л. 6, 154–155.

[505] Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 120–121.

[506] Фитцпатрик Ш. Указ. соч. С. 158–160; Дорожкина Я. Б. Избирательные кампании по выборам в Верховные и местные Советы в Западной Сибири (1937-1941 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; Курицын В. М. История отечественного государства и права. 1929 г. – 22 июня 1941 г. Форсированная модернизация страны и формирование военно-технической базы будущей победы в Великой Отечественной войне. М., 2009; Жуков Ю. Н. Указ. соч.; Шершнева Е. А. Создание Конституции СССР 1936 года: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. Великанова О. Конституция 1936 года … С. 330–331; Павлова И. В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37; Папков С.А. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 3–15; Папков С. А. Своеобразие и парадоксы избирательной кампании 1937 года // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 119–129; Медушевский А. Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: Принятие Конституции 1936 года с позиции политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. №3. С. 122–138; Getty A. Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations // The Anatomy of Terror. Political Violence under Stalin / Ed by J. Harris. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 205–234.

дискурса и лишении гражданских прав)[507] и внутриполитический фактор, который автор формулирует как «повышение эффективности управления посредством нового закона о выборах – использование демократических процедур для мотивации, оживления и очищения вялой и коррумпированной местной элиты»[508].

Если факторы повышения международной репутации страны и механизма для «оживления и очищения» местных элит выходят за пределы анализа эволюции института лишения избирательных прав, то угасание классового дискурса, смещения риторики в пропаганде от отождествления «лишенцев» с классовыми врагами и построения «бесклассового общества» наблюдалось накануне избирательной кампании 1934/35 г. и выше нами уже анализировалось[509].

Обсуждение И. В. Сталина с руководством страны демократизации советской избирательной системы не показывает его обеспокоенности относительно отмены ограничений гражданских прав, что могло быть связано как с «догматической верой сталинистов в социалистические преобразования»[510], так и прагматической уверенностью в абсолютной подконтрольности общества и отсутствии необходимости введения дополнительных механизмов способных обеспечить подконтрольные правящей партии составы Советов. Другой вопрос, что при проведении выборной кампании 1937 года на основе новой Конституции, реакция общества и местных властей была далека от идеологического шаблона и не наблюдалось социального единения вокруг советских ценностей[511], напротив, общество предстало «расколотым, разнородным обществом с несопоставимыми ценностями и менталитетом Гражданской войны»[512].

Независимо от мотивов принятия решения об отмене ограничений гражданских прав в Конституции 1936 года, применительно к эволюции института лишения избирательных прав, можно констатировать, что руководство страны к 1934 г. утратило к нему всякий интерес. К концу 1920-х гг. режим выявил все категории «классовых врагов», в т.ч. потенциальных, например, членов их семей, и ограничил их во всех возможных правах. Далее было нецелесообразно увеличивать число «лишенцев», и

---

[507] Великанова О. Конституция 1936 года … С. 68–96.
[508] Там же. С. 88.
[509] Арнаутов Н. Б. Указ. соч. С. 14–15.
[510] Великанова О. Конституция 1936 года … С. 330.
[511] Папков С. А. Своеобразие и парадоксы избирательной кампании 1937 года … С. 127–129.
[512] Великанова О. Конституция 1936 года … С. 332.

расширять дополнительные ограничения в правах, сопутствующие этой мере. Лишение избирательных прав в качестве самостоятельной дискриминационной меры исчерпало себя поскольку являлось сравнительно мягкой ограничительной акцией, по сравнению с теми репрессивными мерами, которые стали широко применяться в 1930-е гг. (раскулачивание и высылки, заключение и т.д.). В 1930-е гг. лишение избирательных прав сохранилось в качестве сопутствующей ко всем прямым репрессиям мерой, но власти постепенно утратили к ней интерес в этом качестве. Все это обусловило изменения в определении круга «лишенцев» и динамике их численности.

Принятие Конституции СССР 5 декабря 1936 г. провозгласило полную победу социализма в стране и ликвидацию эксплуататорских классов, подводило итог под двадцатилетним существованием института лишения избирательных прав. Согласно ст. 135 Конституции СССР, вводилось всеобщее избирательное право: «Все граждане, достигшие 18-ти лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза и оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав»[513]. В советской электоральной истории начинался новый этап реализации всеобщего, равного и тайного избирательного права в условиях тоталитарного режима.

Процедуры, сопровождавшие лишение избирательных прав. В советском избирательном законодательстве можно выделить четыре основные процедуры, сопровождавшие определение круга лиц, подлежавших лишению прав: составление списков, рассмотрение жалоб на неправильное лишение, восстановление в правах и учет граждан, лишенных избирательных прав. В дореволюционном законодательстве и законодательстве Временного правительства не существовало прямой аналогии этим процедурам, до 1918 г. не предусматривалось составления списков «лишенцев», их восстановления в правах и тем более ведения их учета[514]. Введение этих процедур стало

[513] Конституция СССР, утвержденная постановлением VIII Чрезвычайного Съезда СССР от 5 декабря 1936 г. Ст. 136.

[514] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908; Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994.

новеллой советского избирательного законодательства. При этом, становление указанных процедур проходило достаточно медленно в первой половине 1920-х гг.

В первой инструкции «О порядке перевыборов волостных и сельских Советов», утвержденной Постановлением ВЦИК 2 декабря 1918 г., процедурные вопросы, связанные с лишением прав, были урегулированы фрагментарно. В ней не были предусмотрены составление списков лиц, подлежавших лишению прав, документальное обоснование применения дискриминационной меры, тем более возможность восстановления в правах[515]. Как отмечалось выше, в первые годы советской власти избирательный процесс преимущественно регулировался инструкциями, издаваемыми губернскими исполкомами. Однако и местные инструкции начала 1920-х гг. не регулировали процедуры, связанные с лишением избирательных прав. Большинство из них ограничивались упоминанием обязанности избирательных комиссий составить списки «лишенцев» перед выборами и огласить эти списки на собрании[516].

Становление процедур, связанных с составлением списков и обжалованием лишения прав, на общероссийском уровне началось в 1922 г. Впервые эти процедуры были урегулированы в избирательной инструкции, утвержденной декретом ВЦИК 31 августа 1922 г. Составление списков предусматривало документальное обоснование лишения прав, избирательным комиссиям надлежало «использовать материал, имеющийся в распоряжении местного отдела управления или волисполкома или сельского Совета»[517]. При этом не конкретизировались основания и документы, достаточные для лишения прав различных категорий граждан. Списки «лишенцев» подлежали опубликованию за неделю до проведения выборов. Также впервые вводилась процедура обжалования постановления о лишении прав, речь шла об опротестовании правомерности лишения прав, процедуры восстановления в правах, инструкция не предусматривала. Сроки подачи и рассмотрения жалоб были очень сжатыми, гражданин, включенный в список, в течение трех дней может обжаловать свое

[515] Постановление ВЦИК Советов от 2 декабря 1918 г. «О порядке выборов волостных и сельских Советов (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 901.

[516] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2, 21–22 (об), 27, 55, 55 (об),

[517] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. №56. Ст. 706.

лишение, а избирательные комиссии должны были ее рассмотреть в течение 24 часов, и переслать жалобу и свое заключение в вышестоящую избирательную комиссию[518].

Процедура восстановления в правах как жест доброй воли новой власти к бывшим «эксплуататорам», впервые была обозначена в циркулярном разъяснении к инструкции ВЦИК от 31 августа 1922 г., изданном ВЦИК 4 октября 1922 г. Возможность восстановления в правах предусматривалась только для «старой и новой буржуазии, прекративших свою деятельность», т.е. для «лиц, прибегавших к наемному труду, нетрудовому доходу или торговле»[519]. Сама процедура была простой по форме и по содержанию: для восстановления гражданину необходимо было лишь подтвердить, что он не относился к «нетрудовым элементам» и представить «удостоверения от фабрично-заводских комитетов, сельского общества или местного комитета по принадлежности о том, что данное лицо в настоящее время не эксплоатирует чужого труда, живет на средства, добываемые его личным трудом, и вполне доказало свою лояльность к Советской власти»[520]. Впоследствии указанные условия и порядок восстановления в правах были воспроизведены в инструкции, принятой ВЦИК перед выборами 1924 г.[521]

В целом, советские избирательные общероссийские и местные инструкции начала 1920-х гг. характеризовались низкой степенью конкретизации процедуры составления списков лиц, подлежавших лишению прав, рассмотрения жалоб и восстановления в правах, создавая благоприятную среду для дискреционных действий избирательных комиссий и исполкомов и различных злоупотреблений.

Признание проблем в избирательной сфере зимой 1925 г. руководством страны, способствовало изменениям избирательной политики и законодательства. Применительно к процедурам, сопровождавшим лишение прав, это выразилось во введении новых процедур, а также в их конкретизации, детализации и унификации. Уже в инструкцию о выборах ЦИК СССР от 16.01.1925 г., принятую непосредственно после издания Постановления Президиума ЦИК СССР от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных

---

[518] Там же.
[519] ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 19. Д. 196. Л. 19.
[520] Там же. Л. 20.
[521] Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов»// СУ РСФСР. 1924. №71. Ст. 695.

комиссий»[522], были внесены изменения в процедуры составления списков и обжалования лишения прав.

В инструкции ЦИК СССР, принятой 16 января 1925 г. значительно увеличены сроки составления списков «лишенцев» и обжалования включения в эти списки (до 20-ти дней), а также установлен порядок обязательного рассмотрения и утверждения постановлений на лишения прав вышестоящими избирательными комиссиями. Так, жалоба на лишение избирательных прав сельской избирательной комиссией рассматривалась волостным избиркомом, и в случае отказа в удовлетворении жалобы, она направлялась на рассмотрение уездной избирательной комиссией, которая либо утверждала постановления нижестоящей избирательной комиссии, либо удовлетворяла жалобу. Столь сложной конструкцией рассмотрения жалоб законодатель устанавливал дополнительные уровни контроля за деятельностью низовых избиркомов. Последней инстанцией, куда лица, лишенные избирательных прав, могли подавать свои жалобы, стали Президиумы ЦИК союзных республик (в РСФСР это ВЦИК)[523].

Вместе с тем в этой инструкции устанавливались совершенно непродуманные, заведомо неисполнимые сроки рассмотрения жалоб избирательными комиссиями всех уровней (24 часа для низовых избиркомов и 48 часов – для вышестоящих). При выработке инструкции ВЦИК 1925 г. региональные исполкомы и ведомства просили эти сроки значительно увеличить[524].

В инструкции о выборах советов, утвержденной ВЦИК 13 октября 1925 г. были учтены как основные политические решения, направленные на наведение элементарного порядка в избирательной сфере, так и пожелания ведомств и региональных исполкомов. Увеличились сроки подачи и рассмотрения жалоб всеми инстанциями, конкретизированы основания и документы, необходимые для включения гражданина в список лиц, лишенных прав. Для каждой категории «лишенцев» он был различным. Введение документального подтверждения делало процедуру более обоснованной, и было призвано формализовать порядок работы с жалобами избирательных комиссий[525].

---

[522] Постановление Президиума ЦИК СССР от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» от 29 декабря 1924 г. // СЗ СССР. 1925. №1. Ст. 3.

[523] Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55. Ст. 25.

[524] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 76. Л. 66–68.

[525] Декрет ВЦИК от 13 октября 1925 г «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

Единственная процедура, оставшаяся неизменной в инструкции 1925 г. – восстановление в избирательных правах. Она воспроизводила простую по форме и гуманную по содержанию процедуру восстановления в правах, предусмотренную в инструкции ВЦИК 1924 г. Восстановление в правах не требовало дополнительных условий (трудового стажа или доказательств лояльности к советской власти)[526].

Введение новых процедур, связанных с лишением прав, в инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г., практически не вызвало вопросов у региональных исполкомов и ведомств, они были простыми по форме и содержанию[527]. Единственный вопрос вызвавший оживленное обсуждение касался восстановления в правах различных категорий «бывших». Поскольку избирательная инструкция не предусматривала восстановление в правах лиц, лишенных прав по «д» ст.69 Конституции 1925 г., ряд региональных исполкомов спрашивали о возможности в отдельных случаях восстановления в правах «особо ценных сотрудников советского аппарата». В частности, Сибревком ставил вопрос о предоставлении избирательных прав министрам и товарищам министров в правительстве Колчака, занимавших ответственные должности при Сибревкоме[528]. ВЦИК разъяснил о нежелательности восстановления в правах «бывших», но предоставил такую возможность «в отдельных мотивированных случаях по Постановлению Президиума ВЦИК»[529].

Местные инструкции, принятые губернскими исполкомами в 1925 г., стремились к еще большей конкретизации оснований для включения в список «лишенцев». Кроме того, ряд губернских исполкомов (несмотря на категорический запрет) включали в местные инструкции нормы, противоречившие общероссийской инструкции, в части расширения перечня организаций, которые необходимо было привлечь для выявления лиц, лишенных избирательных прав (в общероссийской инструкции эту функция возлагалась исключительно на избирательные комиссии). Так, Тамбовский губернский исполком в инструкции 1925 г. предлагал избиркомам «к делу выявления неизбирателей привлечь Президиумы ячеек РКП(б), РЛКСМ, правления профсоюзов, месткомы,

---

[526] Декрет ВЦИК от 13 октября 1925 г «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

[527] ГА РФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 5, 5(об).

[528] ГАНО. Ф.Р.-47. Оп. 1. Д. 233. Л. 73.

[529] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 91. Л. 54.

фабзавкомы, комитеты крестьянской взаимопомощи и делегаток от работниц-крестьянок»[530].

Политические решения 1926 г., направленные на ужесточение мер в отношении «растущих капиталистических элементов города и деревни», в незначительной мере затронули процедуры, сопровождавшие лишение прав. На изменение процедур, сопровождавших лишение прав, отразились в первую очередь общие тенденции по унификации и конкретизации избирательного законодательства, характерные для этого периода.

Порядок составления списков лиц, подлежавших лишению прав и рассмотрения жалоб в инструкции, утвержденной декретом ВЦИК 4 ноября 1926 г. не претерпел существенных изменений. Прежними остались перечни документов, служившие основанием для лишения прав и порядок рассмотрения жалоб. Корректировке подверглись инстанции и сроки рассмотрения жалоб. Низовой инстанцией разбора жалоб в сельской местности стала волостная (районная) избирательная комиссия. В инструкции 1926 г. также были пересмотрены высшие инстанции рассмотрения жалоб. Из перечня высших инстанций были исключены губернские (областные) и краевые исполкомы и их президиумы, решение губернской или краевой избирательной комиссии теперь считалось окончательным. Всероссийская центральная избирательная комиссия и Президиум ВЦИК в инструкции 1926 г. могли рассматривать жалобы только в порядке надзора, напрямую граждане подавать жалобы в эти инстанции не имели права. Изменения коснулись сроков рассмотрения жалоб: для основных инстанций они были увеличены до трех суток, для губернских (областных) и краевых избирательных комиссий устанавливался недельный срок рассмотрения жалоб[531].

Наиболее существенные изменения в инструкции ВЦИК 1926 г. затронули процедуру восстановления в правах. Она была усложнена по форме и ужесточена по содержанию. Для каждой категории «лишенцев» были предусмотрены отдельные условия восстановления в правах. Так, для лиц, использовавших наемный труд, живших на нетрудовой доход, занимавшихся торговлей и священнослужителей, в качестве условий восстановления в правах стали наличие пятилетнего трудового стажа и доказанная лояльность к советской власти. При этом решение об их восстановлении в

[530] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 45.

[531] Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

правах могли принимать только избиркомы регионального уровня (краевые, губернские и областные избиркомы)[532].

Для всех категорий «бывших» (лишенных избирательных прав по п. «д» ст.69 Конституции РСФСР 1925 г.) процедура восстановления в правах осложнялась тем, что помимо стажа общественно-полезного труда и доказанной лояльности к советской власти, требовалось постановление Президиума ВЦИК. При этом, даже выполнение условий, не гарантировало восстановление, а оставалось на усмотрение Президиума ВЦИК «в отдельных случаях»[533]. Восстановление в правах через постановление Президиум ВЦИК значительно затягивало по времени процедуру и впоследствии вызвало немало вопросов у региональных исполкомов и ведомств.

Чрезвычайно сложные процедуры обжалования лишения и восстановления в правах, предусмотренные инструкцией ВЦИК 1926 г. вызвали массовое недовольство органов, применявших эти нормы на практике. Наибольшее недовольство вызывал многостепенный порядок рассмотрения жалобы, предусматривающий обязательное решение вышестоящих избирательных комиссий в случае отказа в удовлетворении ходатайства «лишенца». Представители краевых, губернских избиркомов и исполкомов многократно отмечали, что порядок, созданный с целью контроля за деятельностью низовых избиркомов не оправдал себя, поскольку по существу материалы дела рассматривались только низовыми избиркомами, а уездные или окружные избиркомы автоматически утверждали постановление районного, волостного или городского избиркома[534]. Несмотря на недовольство и жалобы местных исполкомов, порядок рассмотрения жалоб изменен не был.

После издания инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. запросы региональных исполкомов преимущественно касались порядка восстановления в правах различных категорий «лишенцев». Наибольшее количество вопросов вызвал особый порядок восстановления в правах постановлением Президиума ВЦИК бывших полицейских и белых офицеров. Саратовский и Калужский губернские, Уральский и Нижне-Волжский областные, Сибирский краевой исполкомы, считая необоснованно сложной эту

---

[532] Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

[533] Там же.

[534] Кудрявиньков Н. О некоторых неясностях в инструкции ВЦИК о перевыборах Советов // Власть Советов. 1927. № 1. С. 10–11; Жалобы лишенцев // Власть Советов. 1928. № 2. С. 21–22; Лишение избирательных прав (по жалобам лишенцев в Центризбирком) // Власть Советов. 1928. № 46. С. 8–10.

процедуру, просили передать ее на уровень региональных исполкомов или избиркомов[535]. Центризбирком также считал, что рассмотрение всех дел «бывших» Президиумом ВЦИК, включая низших служащих полиции, жандармерии и белых офицеров – избыточно и перегружает работой Всероссийскую центральную избирательную комиссию и ВЦИК[536]. В итоге, Постановлениями Президиума ВЦИК от 14 февраля 1927 г. и от 28 февраля 1927 г. восстановление в избирательных правах двух наиболее массовых категорий «бывших» (низших служащих полиции и бывших белых офицеров) было передано на уровень региональных исполкомов[537].

Ужесточение дополнительных ограничений, связанных с лишением избирательных прав (увольнение с работы, исключение из профсоюзов, учебных заведений, выселение из жилья и т.д.), закономерно привело к попыткам «лишенцев» скрыть свой неполноценный правовой статус, сменить место жительства. Власть, в свою очередь, стремилась этого не допустить, наладить учет лиц, подлежавших лишению прав. Проблема учета «лишенцев» неоднократно обсуждалась органами, осуществлявшими руководство выборными кампаниями, начиная с кампании 1924 г. НКВД настаивал на передаче функций составления списков «лишенцев» и их последующего учета (не во время избирательных кампаний) административным отделам (милиции). ВЦИК, которому в 1924 г., были переданы полномочия по руководству выборами, возражал, полагая, что во время кампаний учетом должны заниматься избирательные комиссии, а после окончания выборов, учет передавать в соответствующие исполкомы советов[538]. Среди региональных исполкомов также не было единства, на какой из органов или подразделений возложить учет. В итоге, длительное время учетом «лишенцев» в период между выборными кампаниями, не занимался ни один из органов. В избирательных инструкциях 1920-х гг. учет «лишенцев» в между выборный период не регламентировался. Ст.33 инструкции ВЦИК о выборах от 04.11.1926 г. предполагала, что после окончания работ избирательных комиссий, все неразобранные жалобы, дела и списки «лишенцев» передавались в соответствующие исполкомы или Советы.

---

[535] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 174. Л. 134, 147, 212–213, 219–221.
[536] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 183–187; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 235. Л. 49, 50, 50 (об).
[537] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 235. Л. 39.
[538] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 55. Д. 304. Л. 53, Л. 103, 103 (об); Оп. 47. Д. 103. Л. 47–54.

Критической ситуация стала в избирательную кампанию 1928/29 г., в связи с резким увеличением численности «лишенцев» и жалоб на неправильное лишение прав. Избирательные комиссии и исполкомы не справлялись со своевременным рассмотрением жалоб, учет «лишенцев» также не велся. В ходе перевыборной кампании 1928/29 г. НКВД сообщал о неудовлетворительной постановке учета «лишенцев» на местах и отмечал «единодушное стремление местных работников о сосредоточении функций по учету лишенцев в адморганах»[539]. Большинство исполкомов настаивали, что не обладают аппаратом для ведения учета «лишенцев» (контроль за перемещением по стране, регистрация их прибытия и выбытия), и готовы передать ведение постоянного учета милиции, о чем неоднократно сообщали во ВЦИК[540].

Несмотря на многократные обсуждения о необходимости введения процедуры учета «лишенцев», в ходе избирательной кампании1928/29 г. это вопрос так и не был решен. Сразу после окончания избирательной кампании в 1929 г. НКВД вернулся к вопросу об учете «лишенцев». В СНК РСФСР был направлен проект циркуляра «О порядке учета лиц, лишенных избирательных прав». В сопроводительном письме нарком внутренних дел в категорической форме требовал передачи ведения учета «лишенцев» административным органам[541]. Представляется, что столь активная позиция НКВД была обусловлена не только желанием упорядочить учет «лишенцев». Важным здесь был и политический аспект: в 1929 г. НКВД вступил в пиковую фазу межведомственного противостояния с ОГПУ, НКВД стремился к дополнительному обоснованию своей политической пользы. В итоге, циркуляром Президиума ВЦИК от 30 октября 1929 г. ведение постоянного учета «лишенцев» передавалось административным органам (милиции)[542].

Не успев передать дела по ведению учета «лишенцев» в административные отделы и части, исполкомы и советы столкнулись с необходимостью реализовывать постановление ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства в СССР»[543]. Меры по устранению нарушений в избирательной сфере, затрагивали не только определение круга «лишенцев», но и

---

[539] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.107. Д. 223. Л. 7(об).
[540] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 214. Л. 77-94.
[541] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 211. Л. 211-211(об).
[542] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 212. Л. 28.
[543] Постановление Президиума ЦИК от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР» от 22 марта 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 19. Ст. 212.

процедуры, сопровождавшие его. Комиссии, созданные для рассмотрения жалоб и заявлений, в соответствии с постановлением ВЦИК от 10 апреля 1930 г., проверяли процесс составления списков «лишенцев», документальную обоснованность лишения прав, рассмотрения жалоб, восстановления в правах[544]. С момента возникновения рассматриваемого института, внимание проверявших впервые акцентировалось на правильности процедур, сопровождавших лишение прав – документальном подтверждении, оформлении личных дел, своевременности рассмотрения жалоб и т.д.

В ходе кампании по борьбе с нарушениями избирательного законодательства повсеместно были проверены списки, заведены личные дела на «лишенцев», лишение прав нашло документальное подтверждение. Процедуры, сопровождавшие лишение избирательных прав, стали занимать не менее значимое место, чем определение круга лиц, подлежавших лишению прав. Для административных органов положительным итогом проведенной кампании явилось введение постоянного учета и установление жесткого контроля за лицами, лишенными избирательных прав. Отныне, тем, кто был внесен в списки «лишенцев», было значительно сложнее скрыться либо скрыть свой неполноправный статус[545].

При разработке инструкции о выборах в советы, утвержденной постановлением ВЦИК 20 октября 1930 г. в части процедур, сопровождавших лишение избирательных прав, были учтены ранее принятые решения – постановление ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан» и циркуляр Президиума ВЦИК от 30 октября 1929 г. о ведении учета «лишенцев» административными органами[546]. Наиболее значительные изменения коснулись процедуры составления списков и учета «лишенцев». Была введена процедура учета «лишенцев», а также разделены функции составления списков и постоянного поименного их учета. Составление списков возлагалось «исключительно на сельские и городские избирательные комиссии», а ведение постоянного учета – в сельской

---

[544] Постановление ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан» // СУ РСФСР. 1930. № 18. Ст. 233.

[545] Подробнее, см. Саламатова М. С. Жалобы на нарушения избирательного законодательства и порядок их рассмотрения в РСФСР в 1920-е гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 7. С. 132.

[546] ГАРФ.Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 212. Л. 28.

местности на сельсоветы, в городах – на административные органы[547]. Однако вводимое разграничение оставалось формальным, поскольку последние несли ответственность за документальное обоснование лишения прав (сбор и проверка достоверности сведений). Списки, составленные избирательными комиссиями, должны были утверждаться в сельской местности – райисполкомами, в городах – горсоветами и райсоветами[548]. Изменения затронули и порядок рассмотрения жалоб «лишенцев», устранили многочисленные формальные инстанции, в случае отказа жалобщику, городские и районные избирательные комиссии не пересылали жалобы с отказами в вышестоящие избиркомы[549].

При подведении итогов кампании 1930/31 г. на Президиуме ВЦИК избирательная кампания 1930/31 г. обсуждались проблемы учета лиц, лишенных прав и контроля за их передвижением, но особых нареканий не вызвали[550]. Проблемы, связанные с выявлением и учетом «лишенцев», должны были потерять актуальность в связи с передачей этих функций административным отделам НКВД. Так бы, наверное, и случилось, но в декабре 1930 г. в результате междуведомственной борьбы между ОГПУ и НКВД республиканские НКВД были расформированы, а их обязанности оказались рассредоточены между различными наркоматами.

В связи с расформированием республиканских НКВД оставалось неясно, кто же будет заниматься учетом и выявлением «лишенцев». В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» и аналогичном постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 31 декабря 1930 г. не упоминается о том, какому органу передавалась эта функция[551]. Обсуждение вопросов, связанных с ведением учета «лишенцев» состоялось уже после окончания избирательной кампании 1930/31 г. 13 февраля 1931 г. на заседании Всероссийской избирательной комиссии в присутствии членов ВЦИК, представителей Наркомата труда, Реввоенсовета, Главного управления милиции и уголовного розыска при СНК РСФСР и ряда облисполкомов. На заседании развернулась дискуссия относительно проекта изменения ст.18 инструкции ВЦИК от 20 октября 1930 г. (о

[547] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.

[548] Там же.

[549] Там же.

[550] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 1–13.

[551] Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. №345. от 16.12.1930 г.

ведении учета лиц, лишенных прав). Помимо изменений, которые предполагалось внести в инструкцию, обсуждались вопросы создания единообразных форм учета и принудительной регистрации, выдачи справок и привлечения к ответственности «лишенцев» за сокрытие своего статуса, формирования единого аппарата, который следил бы за движением этой группы населения на всей территории страны[552].

В итоге обсуждений, постановлением ВЦИК от 20 августа 1931 г. была принята новая редакция ст. 18 инструкции ВЦИК о выборах от 20 октября 1930 г. В указанном постановлении ведение учета «лишенцев» возлагалось в сельской местности на сельсоветы, в городах – на горсоветы, в городах, имеющих районы, – на райсоветы. Руководство по учету «лишенцев» должно было осуществляться президиумами ЦИК АССР, краевых и областных исполнительных комитетов по специальным формам, утвержденным Всероссийской центральной избирательной комиссией[553]. На практике контроль за ведением учета, а также рассмотрение жалоб «лишенцев» были возложены на организационные отделы краевых или областных исполкомов[554]. Эти новации негативно повлияли на состояние учета и делопроизводства. В сводках, поступивших во ВЦИК в 1931–1933 гг. сообщалось, что на местах вновь стали накапливаться залежи жалоб лиц, лишенных прав[555].

В первой половине 1930-х гг. окончательно происходит смещение акцента от определения круга «лишенцев» к их учету и восстановлению в правах. Процедуры, сопровождавшие лишение избирательных прав, приобретают особую актуальность для властей всех уровней в между выборный период. Местные власти жаловались на самые разнообразные проблемы: от нежелания «лишенцев» самим вставать на учет до отсутствия «необходимых для изготовления учетных книг и карточек фондов бумаги... типографий, могущих выполнять эти заказы»[556].

Особую актуальность приобретает вопрос о выдаче справок о наличии избирательных прав у граждан. Предприятия и учреждения, опасаясь быть обвиненными в отсутствии «классовой бдительности» требовали у граждан при трудоустройстве, назначении пенсии, поступлении в учебные заведения и в других

---

[552] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 235. Л. 146.

[553] Постановление ВЦИК от 20 августа 1931 г. «Об изменении ст. 18 инструкции Президиума ВЦИК о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1931. №52. Ст. 388.

[554] ГА РФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 211. Л. 37.

[555] ГА РФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 23. Л. 2–15.

[556] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 211. Л. 4.

случаях, предоставления справок о наличии избирательных прав. Вопрос выдачи справок, неоднократно становился предметом обсуждения на заседаниях Всероссийской центральной избирательной комиссии. Региональные исполкомы жаловались, что им приходится «выделять специальных сотрудников, которые занимаются выдачей справок о наличии избирательных прав гражданам»[557].

Для урегулирования этого вопроса, 30 октября 1931 г. ВЦИК издал постановление «О запрещении государственным учреждениям и организациям требовать от граждан предоставления справок о наличии избирательных прав», в котором, с одной стороны, пресекалась практика центральных учреждений и местных органов власти «требовать с граждан предоставления соответствующих справок», с другой – устанавливалась уголовная ответственность в отношении лиц, «давших ложные сведения о наличии у них избирательных прав и пользующихся в связи с этими правами, им не принадлежащими»[558].

Тенденция на снижение численности «лишенцев» в первой половине 1930-х гг. реализовывалась в первую очередь за счет процедуры восстановления в избирательных правах. Выходят постановления об условиях восстановления в избирательных правах различных категорий лиц, лишенных прав, в первую очередь наиболее массовых: кулаков, и их совершеннолетних детей. В Постановлениях Президиума ЦИК СССР, изданных 3 июля 1931 г., 17 марта 1933 г. и 27 мая 1934 г. в качестве основных условий восстановления в правах назывались проявленная лояльность к власти, добросовестный или ударный труд на месте высылки. Для детей «лишенцев» и ударников предусматривалась досрочная процедура восстановления в правах[559]. Государство, утратив интерес к лишению избирательных прав как к мере социального и экономического давления на крестьян, стремилось использовать восстановление в правах как неэкономический стимул для лояльного поведения и хорошей работы крестьян в местах высылки[560].

---

[557] Там же. Л. 130–142.

[558] СУ РСФСР. 1931. № 69. Ст. 491.

[559] Постановление президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» // СЗ СССР. 1931. № 44. Ст. 298; Постановление Президиума ЦИК от 17 марта 1933 г. «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» // СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 117; Постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков» // СЗ СССР. 1934.. №33. Ст. 257.

[560] Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Указ. соч. С. 121.

В инструкциях о выборах в Советы, принятых ВЦИК 1 октября 1934 г. и ЦИК СССР 2 октября 1934 г., большинство процедур, связанных с лишением прав не претерпело значимых изменений[561]. В порядке восстановления в избирательных правах, в соответствующих главах инструкций были учтены постановления ЦИК СССР, вышедшие с 1931 по 1934 г. Также в инструкциях учитывались ранее принятые решения об ударниках и детях, выселенных «кулаков». Для всех категорий лиц, лишенных прав условия и порядок восстановления остались неизменными.

Выводы. Институт лишения избирательных прав был не только одним из ключевых институтов советской избирательной системы, но и важным инструментом трансформации социальной структуры послереволюционного общества. Главной особенностью института стал выход за пределы советской избирательной системы, ограничение избирательных прав стало феноменом социальной политики государства, мерой социально-экономического давления на наиболее хозяйственно активные слои города и деревни. Учитывая, что первоначально большевики не имели четких представлений о назначении и роли этого института в избирательной системе, придание институту лишения избирательных прав специфических функций произошло в процессе становления политики государства в отношении непролетарских слоев общества в 1920-е гг. и развития института. И в этом смысле, выход за пределы избирательной системы, превращение его в инструмент социального преобразования общества, стало совершенно незапланированным последствием применения советских цензов.

Советские избирательные цензы, заявленные как революционное новаторство, выполняли совершенно нетипичные функции для мировой электоральной практики. Традиционная превентивная функция цензов имела ограниченное значение только для постреволюционного периода, со второй половины 1920-х гг. институт лишения избирательных прав стал важной частью социальной и дискриминационной политики государства. Именно этим обстоятельством определялось огромное внимание властей, уделяемого институту, его законодательному оформлению и складывающимся практикам. Институт лишения избирательных прав, находясь в центре внимания политического руководства страны на протяжении 1920-х гг., стал одним из наиболее развитых в советской избирательной системе.

---

[561] Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226; Постановление ЦИК от 2 октября 1934 г. «Инструкция о выборах в Советы в 1934-1935 г.» // СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 395.

Развитие института лишения избирательных прав прошло этапы, характерные для становления советской избирательной системы. Первый этап (1918–1924 гг.) – формирование основных подходов к определению круга лиц, подпадавших под действие избирательных цензов и базовых процедур, связанных с лишением и восстановлением в правах, характеризовался низкой степенью конкретизации круга «лишенцев» и процедур со стороны центрального руководства, предопределивший дискреционные действия местных властей и значительную вариативность круга лиц, ограниченных в избирательных правах. Особенностями второго этапа (1925–1936 гг.) стала детализация круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав в общероссийском законодательстве, введением и усовершенствованием процедур составления списков, документального обоснования лишения прав и рассмотрения жалоб, борьбой с местным нормотворчеством и практиками, не соответствовавшими унифицированным правилам. В избирательном законодательстве 1930-х гг. акценты сместились в сторону детализации процедур восстановления в правах и учета лиц, лишенных прав.

Анализ эволюции избирательного законодательства 1918–1936 гг. в части определения круга лиц, подлежавших ограничению прав, демонстрирует его зависимость от политической конъюнктуры. Избирательное законодательство на протяжении рассматриваемого периода чрезвычайно чутко реагировало на изменения ситуации в стране, положение различных социальных слоев – «бывших», непролетарского населения. Первоначально лишение избирательных прав использовалось как мера отстранения от выборов реальных противников, их круг преимущественно определялся местными инструкциями, исходя из особенностей регионов. Высшее и центральное руководство не уделяло пристального внимания этому вопросу, полагая, что местные власти адекватнее представляют, какие слои населения представляют реальную или потенциальную угрозу на выборах для получения необходимого состава советов.

Середина 1920-х гг. стала переломным моментом в формировании политики в отношении определения круга «лишенцев». Экономическая либерализация 1925 г., объявление политики «оживления Советов» привели к расширению круга избирателей за счет мелких собственников города и деревни, использовавших наемный труд крестьян, кустарей, а также мелких торговцев. Изменение курса на ограничение роста частного сектора и вытеснение мелких собственников города и деревни в 1926 г.

предопределило усиление административного нажима на непролетарские слои населения и значительное расширение круга «лишенцев». Начиная с кампании 1926/27 г. лишение избирательных прав из превентивной меры, становится мерой социально-экономического давления на наиболее хозяйственно активные слои города и деревни. К концу 1920-х гг. формально не меняя избирательную инструкцию, с помощью издаваемых Центризбиркомом и ВЦИК актов толкования, круг «лишенцев» расширился за счет включения небольших категорий, первоначально не входивших в число лиц, подлежавших лишению прав, а также ужесточения условий использования наемного труда, производства и торговли.

К концу 1920-х гг. режим выявил все категории, подлежавших лишению прав и ограничил их во всех возможных правах. Далее было нецелесообразно увеличивать их число, и расширять дополнительные ограничения в правах, сопутствующие этой мере. Лишение избирательных прав в качестве самостоятельной дискриминационной меры исчерпало себя потому, что являлось сравнительно мягкой ограничительной акцией, по сравнению с теми репрессивными мерами, которые начнут широко применяться в 1930-е гг. (раскулачивание и высылки, заключение и т.д.). В 1930-е гг. лишение избирательных прав сохранится в качестве сопутствующей ко всем прямым репрессиям мерой, но власти постепенно утратят к ней интерес. Все это обусловило изменения в определении круга «лишенцев», динамике их численности и последующую отмену избирательных цензов в 1936 г.

Кампания по борьбе с нарушениями избирательного законодательства, проведенная перед избирательной кампанией 1930/31 г., обозначила тенденцию на сужение круга «лишенцев». Избирательные инструкции 1930 и 1934 г. закрепили эту тенденцию, принципиально не изменив круг лиц, подлежавших лишению прав, расширили способы обретения гражданских прав, в первую очередь для молодежи и ряда других категорий.

1.3. Избирательные собрания: принципы, порядок проведения и кассация результатов

Ключевой процедурой реализации выборов в советской избирательной системе стало проведение избирательных собраний, организованных по производственно-территориальному принципу. Основной формой производства выборов в советском избирательном законодательстве являлось проведение общих собраний избирателей с выдвижением и обсуждением кандидатов, отчетов и наказов, открытым голосованием, напоминавших вечевые формы демократии. Подобные архаичные формы проведения выборов вполне соответствовали электоральным традициям России ранних эпох развития государственности (IX–XVIII вв.). Как отмечает И. В. Минникес, избирательные сходы и собрания, с открытым выдвижением кандидатов и устным голосованием проводились вплоть до конца XVIII в., к концу XVIII в. нередко использовалось письменное, тайное голосование[562]. Законодательство, регулировавшее организацию выборов в Государственную Думу в 1905–1917 гг. и положение о выборах в Учредительное собрание 1917 г., отказалось от архаичных форм проведения общих открытых собраний избирателей, вводя тайное голосование. Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. предусматривало при выборах на съезды «закрытую подачу голосов посредством баллотировки шарами», в городских избирательных собраниях «закрытою подачею голосов, посредством записок»[563]. Положение о выборах в Учредительное собрание от 23 сентября 1917 г. вводило унифицированную процедуру голосования «посредством подачей избирательных записок»[564]. Опыт проведения выборов непосредственно предшествующий советскому основывался на территориальном принципе организации избирательных участков и тайном голосовании, архаичные, вечевые формы демократии не использовались для реализации выборных процедур.

Наряду с архаичной формой проведения выборов, большевики использовали и новаторские принципы их организации, к их числу относится производственный принцип. В отличие от других принципов советской избирательной системы,

---

[562] Минникес И. В. Указ. соч. С. 387–389, 354–355.

[563] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908.

[564] Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994.

производственный принцип организации выборов, был несвойственным как для дореволюционной России, так и для общемировой практики, и потому претензии большевиков на его революционную новизну являлись вполне оправданными. Несколько поколений советских правоведов доказывали превосходство производственного перед территориальным принципом проведения выборов [565]. Наиболее значимые усилия по теоретическому осмыслению производственного принципа советских выборов предпринимались советскими правоведами в 1920-е гг. Производственный принцип организации выборов рассматривался как более совершенный, естественный, основанный на «осознании общности интересов, трудового единения и рабочей спаянности», где «трудящееся население организуется по производственным клеточкам: фабрикам, заводам, предприятиям, учреждениям, рудникам»[566]. Ему противопоставлялся принцип «по искусственным территориальным делениям» в буржуазных государствах, «где толпа избирателей остается только толпой, в которой беспорядочно перемешаны люди разных общественных положений, групп и профессий»[567].

Советские правоведы обосновывали преимущество производственного принципа разным базисом буржуазного и советского избирательного права. Если первое основывалось на индивидуальном начале, то советское – на коллективном, а поскольку интересы коллектива признавались приоритетными перед интересами «отдельной личности», соответственно, и выборы от различных коллективов признавались более совершенными, справедливыми, нежели выборы от территориальных единиц[568]. Организация выборов по производственным единицам обосновывалась «исторически сложившимися традициями образования Советов в 1905 и 1917 гг.»[569]. С. М. Бродович, выделяя «некабинетный характер теоретических изысканий» производственного принципа отмечает, что «практика классовой борьбы пролетариата сама выдвинула организационные схемы, впоследствии закрепленные советским правом и практикой выборов» [570]. Советскими правоведами традиционно подчеркивалась связь производственного принципа с опытом организации первых Советов рабочих депутатов

[565] Бродович С. М. Советское избирательное право …; Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М., 1966; Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М., 1987.
[566] Гурвич Г. С. Основы советской Конституции … С. 141.
[567] Там же.
[568] Бродович С. Основные элементы советской избирательной системы … С. 47.
[569] Стучка П. Учение о государстве пролетариата … С. 156.
[570] Бродович С. М. Советское избирательное право … С. 62–63.

в 1905 г., в которых «представительство строилось на основе делегации от предприятий, профессиональных союзов и мастерских»[571]. Несмотря на усилия советских правоведов по аргументации новизны и совершенства производственного принципа, он не нашел развития в последующих избирательных системах.

При изложении материала об избирательных собраниях целесообразно выделить рассмотрение принципов организации избирательных единиц и порядок проведения (производство выборов), включавший основные избирательные процедуры (назначение выборов, выдвижение кандидатов, оповещение избирателей, фиксация явки избирателей, голосование, составление итогового протокола и другие).

Принципы организации избирательных собраний (1918–1936 гг.). Принципы организации и порядок проведения выборов не регулировались в первой советской Конституции 1918 г., установление «подробного порядка производства выборов» в главе «о производстве выборов» было отнесено к компетенции местных советов и ВЦИК[572]. В дальнейшем, регламентация производства выборов осуществлялась в избирательных инструкциях, принимаемых ВЦИК или местными исполкомами Советов.

Первые советские инструкции о выборах в минимальной степени конкретизировали принципы организации выборов, оставляя множество пробелов в правовом регулировании. Так, инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских Советов от 2 декабря 1918 г. не устанавливала избирательные единицы, принципы и порядок проведения избирательных собраний, лишь кратко регламентируя действия избирательных комиссий на собрании[573]. Поскольку инструкция регулировала проведение выборов в сельские и волостные Советы, логично предположить, что территориальный принцип организации избирательных собраний для сельских жителей являлся единственно возможным. Не добавили ясности в принципы и порядок проведения собраний циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» и циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации городских Советов рабочих и красноармейских депутатов»[574]. Последний

---

[571] Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.) … С. 17.

[572] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст.582.

[573] Постановление ВЦИК Советов от 2 декабря 1918 г. «О порядке выборов волостных и сельских Советов (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 901.

[574] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации городских Советов Рабочих и красноармейских Депутатов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 71; Циркулярное постановление

циркуляр возлагал разработку порядка производства выборов и нормы представительства на губернские исполкомы «сообразно всей совокупности местных условий»[575].

В большинстве инструкций, изданных губернскими исполкомами в первой половине 1920-х гг., принципы проведения избирательных собраний в городах урегулированы не были. Исключением стала инструкция Ленинградского губернского исполкома 1924 г., в которой устанавливался производственный принцип проведения собраний в городах и фабрично-заводских поселках[576].

Принципы проведения избирательных собраний в сельской местности в местных инструкциях также устанавливались в предельно обобщенном виде. В инструкции Ленинградского губернского исполкома указывалось, что «выборы в сельсоветы производятся в одном или нескольких селениях»[577], при этом размеры избирательных единиц не указывались. В инструкциях Пермского и Смоленского губернских исполкомов 1920 г. определялся минимальный размер избирательной единицы, собрания проводились в селениях с численностью не менее 300 жителей, в случае малонаселенности, селения объединялись[578]. Нижегородская инструкция 1920 г. устанавливала самый высокий порог численности избирательной единицы в сельской местности – две тысячи чел. При этом, для небольших селений, входивших в состав избирательных собраний устанавливалась желательная удаленность места его проведения – «не более трех верст»[579].

Унифицированные принципы проведения избирательных собраний не сразу установились и в общероссийском законодательстве. В первой половине 1920-х гг., в избирательном законодательстве в городах преобладал производственный порядок проведения выборов[580]. Так, в общероссийских инструкциях о выборах от 31 августа

Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки Съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

[575] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки Съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

[576] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 252(об).

[577] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 253.

[578] ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 21–22.

[579] Там же. Л. 1(об).

[580] Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. №10. Ст. 90.; Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706; Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» // СУ РСФСР. 1924. №71. Ст. 695.

1922 и 11 августа 1924 г. в качестве единственно возможного закреплялся производственный принцип организации избирательных собраний в городах. Избирательными единицами могли выступать «предприятия, учреждения и профессиональные союзы»[581]. Организация выборов в городах по территориальному принципу в инструкциях не предусматривалась. При этом положение о городских Советах от 26 января 1922 г. допускало проведение избирательных собраний по территориальному принципу для «лиц, занимавшихся домашним хозяйством». Домохозяйки могли принять участие в выборах, на общегородском собрании избирателей, по установленной норме»[582]. Организация избирательных собраний для остальной части городского населения, не состоявших в профсоюзах, и не работавших на советских предприятиях и учреждениях (кустарей, ремесленников, пенсионеров, инвалидов, учащихся, безработных и других категорий), не предполагалась.

Демократизация избирательного процесса, обусловленная как политическими факторами, так и результатами выборов 1924 г.[583], отразилась на правовом регулировании принципов их проведения. Одной из наиболее значимых задач курса «оживления Советов» стало «максимальное вовлечение населения для участия в выборах»[584]. Официальное закрепление в избирательных инструкциях ЦИК СССР от 16 января 1925 г. и ВЦИК от 13 октября 1925 г. производственно-территориального принципа проведения избирательных собраний в городах стало одной из основных мер по созданию условий для участия разных категорий избирателей (не только рабочих и красноармейцев, но и «не организованного в профсоюзы» населения городов).

В избирательных инструкциях ЦИК СССР от 16 января 1925 г. и ВЦИК от 13 октября 1925 г. впервые официально устанавливался производственно-территориальный принцип проведения избирательных собраний в городах. Акты не только предусматривали проведение избирательных собраний по производственным и территориальным единицам, но и конкретизировали круг участников выборов и

---

[581] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706; Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» // СУ РСФСР. 1924. №71. Ст. 695.

[582] Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90.;

[583] Постановление Президиума ЦИК СССР от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» // СЗ СССР. 1925. №1. Ст. 3; Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). М., 1925.

[584] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 47.

территориальные избирательные единицы. В качестве последних назывались районы и участки. Круг избирателей, для которых организовывались выборы по территориальному принципу, включал «граждан, не входящих в предприятия или не организованных в профсоюзы, как-то: кустарей, домашних хозяек, извозчиков и т.д.»[585]. Таким образом, с 1925 года можно говорить о ликвидации дискриминации избирательных прав значительной части городского населения.

При обсуждении инструкции 1926 г., советское руководство учитывало неоднозначный опыт проведения относительно свободных выборов в городах по производственно-территориальному принципу в кампанию 1925 года. Власть, в одних случаях, столкнулась с высоким уровнем абсентеизма и безразличия к выборам со стороны «не организованных в профсоюзы» избирателей, в других – с высоким уровнем протестных настроений. Для активизации избирательной активности при одновременной нейтрализации оппозиционных настроений многие советские работники наиболее эффективным способом считали возможность организации смешанных избирательных собраний из представителей «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей[586]. Однако практические работники, напротив, полагали, что организация смешанных собраний приведет «к абсолютному хаосу на выборах в городах»[587]. Так, представитель орготдела ВЦИК С. И. Чугунов полагал, что «усиление пролетарских позиций путем механической приписки неорганизованных к собраниям организованных избирателей, приведет лишь к дискредитации политики оживления Советов и вызовет абсентеизм избирателей»[588].

Вопреки возражениям, высказанным рядом советских работников, в инструкцию 1926 г. была введена норма об организации смешанных собраний в городах, предполагавших совместное участие в собраниях «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей[589]. Смешанный принцип проведения собраний закреплялся в инструкции о выборах ВЦИК от 4 ноября 1926 г. как дополнительный, в качестве основного сохранялся производственно-территориальный, с

---

[585] Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54; Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «Об Инструкции о перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55.

[586] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 634. Л. 12–17.

[587] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1050. Л. 37

[588] Там же.

[589] Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

раздельной организацией собраний для различных категорий горожан. Новеллой инструкции стало дробление избирателей по производственным участкам (допускалось проведение собраний по отдельным частям предприятия и сменам), для более полного учета мнения работников крупных промышленных предприятий[590].

В сельской местности единственно возможным способом являлся территориальный принцип проведения избирательных собраний, соответственно обсуждаемым оставался только размер административной единицы и численность избирателей, входящих в ее состав. В инструкции о выборах, принимаемых ВЦИК в 1918–1924 гг. территориальный принцип организации выборов для сельских жителей не был урегулирован. В положении о сельских Советах от 26 января 1922 г. избирательной единицей становилось «селение, имеющие не менее 400 жителей», в случае, если селение не насчитывало указанной численности, то сельские избиратели объединялись с соседними селами[591].

Попытки сделать выборы более доступными для населения привели к существенному уменьшению избирательных единиц, в первую очередь это коснулось сельских Советов, в них выборы производились по отдельным селениям при наличии ста жителей. Помимо этого, предполагалось разукрупнить избирательные единицы, в селах, «имевших более пятисот жителей», выборы производились по отдельным избирательным участкам[592]. Инструкция от 4 ноября 1926 г. подтверждала принцип непосредственной приближенности избирательных единиц к населению, сохранив небольшие участки для селян, максимальное число участников собрания в сельской местности определялась в 500 избирателей, большие селения разбивались на несколько избирательных собраний. Впервые предусматривалась организация избирательных собраний на крупных промышленных предприятиях по частям предприятия, либо сменам. В рамках активизации национальных меньшинств на выборах, особый акцент делался на возможности выделения «особых участков по национальному признаку», для компактно проживавших национальных меньшинств[593].

---

[590] Там же.

[591] Положение о сельских Советах от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 93.

[592] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

[593] Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

Поскольку советские выборы были многостепенными и помимо городских и сельских Советов предполагалось избрание делегатов на съезды, возникает вопрос о принципах организации выборов на съезды различных уровней. Советские правоведы 1920-х гг. настаивали на его производственном характере [594]. Данное утверждение представляется весьма спорным. Так, низовые съезды (волостные и районные) формировались из представителей нижестоящих сельских Советов [595], избиравшихся по территориальному принципу. Соответственно в основе низовых съездов лежал территориальный принцип. Уездные, губернские, окружные, краевые съезды имели более сложную структуру, и формировались из нижестоящих съездов и городских Советов[596]. Но только последние частично избирались по производственному принципу, все остальные – по территориальному. Помимо этого, проведение съездов осуществлялось по территориальному принципу (в рамках уездов, губерний, округов и краев), и делегаты представляли свои территориальные (волости, уезды, поселки и города), а не производственные единицы (учреждения и предприятия) на вышестоящих съездах. Как представляется, в советском избирательном законодательстве 1920-х гг. преобладающим принципом формирования съездов Советов являлся территориальный.

В избирательных инструкциях 1930 и 1934 гг. не произошло значимых изменений в регулировании производственно-территориального принципа организации выборов в городские и сельские Советы. В городах по-прежнему организация избирательных собраний производилась по производственным единицам (предприятиям, учреждениям) для работающего населения, и по территориальным (районам, участкам) или

---

[594] Бродович С. М. Советское избирательное право … С. 65–67; Гурвич Г. С. Основы советской Конституции … С. 141–142.

[595] Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 92. Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Положение о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 826; Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

[596] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Положение об уездных съездах, Советах и их исполнительных комитетах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 91. Постановление IV сессии ВЦИК IX созыва «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907; Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825.

смешанным – для остальных горожан, наделенных избирательными правами [597]. В сельской местности подтверждался принцип территориальной организации собраний и их максимальной доступности населения[598], для чего предполагалось дальнейшее уменьшение избирательных участков до 50 жителей[599].

В отношении съездов в избирательном законодательстве 1930-х гг. произошло смещение акцента в пользу производственно-территориального принципа. Так, на районные, областные и краевые съезды делегировались представители непосредственно от производственных единиц[600], они формировались «из представителей горсоветов, совхозов, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений»[601].

Анализ законодательства о принципах организации советских выборов показывает искусственно усложненный характер использования производственно-территориального принципа для многостепенных советских выборов, длительный процесс его совершенствования, экспериментов по внедрению смешанных избирательных единиц и попыток унификации применения. В этом смысле вполне закономерным представляется отказ от производственно-территориального принципа организации выборов в последующих избирательных системах. Производственный принцип проведения выборов не нашел сторонников и при обсуждении новой Конституции[602]. Советская избирательная система, введенная в 1936 г., вернулась к традиционному территориальному принципу организации избирательных участков и округов, в дальнейшем производственный принцип не нашел применения ни в отечественной, ни в мировой электоральной практике (за исключением Китая, предусматривавший возможность проведения выборов по производственному принципу в Законе о выборах 1979 года)[603], оставшись примером революционного эксперимента.

---

[597] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654; Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

[598] Постановление ВЦИК от 3 ноября 1930 г. «О задачах предстоящей избирательной кампании 1930/31 г. // СУ РСФСР. 1930. № 56. Ст. 671.

[599] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.

[600] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654; Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

[600] Постановление ВЦИК от 3 ноября 1930 г. «О задачах предстоящей избирательной кампании 1930/31 г. // СУ РСФСР. 1930. № 56. Ст. 671.

[601] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.

[602] ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 140–144; Д. 12. Л. 54–57; Д. 28. Л. 1–14.

[603] Современное зарубежное избирательное право. М., 2013. С. 70–71.

Порядок проведения избирательных собраний (1918–1936 гг.). Понятия «порядок проведения избирательных собраний» и «производство выборов» не используются в современном избирательном праве и процессе, но были широко употребимы в дореволюционном избирательном законодательстве, откуда и были позаимствованы в законодательство раннесоветского периода. В положении о выборах в Государственную Думу 1905 г. под «производством выборов» понимались стадии избирательного процесса, связанные с голосованием, подсчетом голосов, определением результатов выборов, подачей и рассмотрением жалоб на допущенные нарушения как при избрании выборщиков на избирательные съезды, так и непосредственно при избрании депутатов Государственной Думы на губернских избирательных съездах и городских избирательных собраниях из числа выборщиков. Под «порядком проведения избирательных собраний» понимался первый этап проведения выборов – часть производства выборов, связанная с избранием выборщиков в городские избирательные собрания и губернские избирательные съезды для выборов депутатов в Государственную Думу[604].

В советском избирательном законодательстве «производство выборов» стало более общим понятием по сравнению с дореволюционным, синонимом избирательного процесса, включавшим все стадии от образования избирательных комиссий до кассации выборов. Порядок проведения избирательного собрания охватывал часть «производства выборов» – процедуры непосредственно связанные с избранием депутатов в низовые Советы[605].

Обсуждение «производства выборов» включает и такой принципиальный вопрос как порядок определения распределения мандатов и результатов выборов и соответственно определения типа избирательной системы (мажоритарной, пропорциональной или смешанной).

Какие избирательные процедуры предусматривало законодательство царского и Временного правительства? Положение о выборах в Государственную Думу (с учетом многостепенного характера выборов), регулировало ограниченное количество процедур:

---

[604] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908.

[605] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

проверка полномочий выборщиков (фиксация явки), голосование (голосование и его способы, подсчет голосов и дополнительное голосование, в случае если кандидат не набрал большинства), подачу и рассмотрение жалоб, утверждение результатов выборов. Ряд важных содержательных процедур, таких как выдвижение кандидатов, проведение предвыборной агитации, и технических аспектов – назначение времени, места проведения собраний, извещение избирателей или выборщиков о проведении выборов не регламентировались в дореволюционным законодательстве[606]. Если говорить о порядке распределения депутатских мандатов, то дореволюционное законодательство предусматривало их распределение по мажоритарным избирательным округам, где число депутатов, подлежавших избранию по губерниям, областям и городам, было определено в приложениях к Положению о выборах в Государственную Думу (524 депутата избирались от округов, выделяемых по разным принципам – территориальным, сословным, религиозным, национальным и т.д.)[607].

Положение о выборах в Учредительное собрание регулировало избирательные процедуры на значительно более юридически совершенном уровне. Разработчики положения очень детально проработали множество процедур, реализуемых в день голосования (вплоть до цвета конверта и точного времени голосования). голосование должно было длиться три дня до девяти вечера. Впервые была предусмотрена процедура выдвижения (заявления) кандидатских списков, подробно регламентированы процедуры фиксации явки избирателей (отметка в списке избирателей, выдача избирательной записки (бюллетеня и конверта), тайное голосование в отдельном закрытом помещении, подсчет конвертов и действительных записок, фиксация результатов в протоколе, определение результатов голосов (распределение голосов пропорционально по избирательным спискам)[608]. Детальная регламентация процедур участия кандидатов в депутаты и голосования должны была обеспечить честность и прозрачность выборов в Учредительное собрание. Юридически и технически совершенные избирательные процедуры, разработанные в положении о выборах в Учредительное собрание, оказались невостребованными в советском избирательном процессе.

---

[606] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908.

[607] Там же.

[608] Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994.

Помимо других новелл, положение о выборах в Учредительное собрание принципиально изменило и порядок распределения мандатов и определения результатов выборов – с мажоритарных округов на партийные списки, т.е. с мажоритарной на пропорциональную избирательную систему[609]. После долгих дискуссий в Особом совещании для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание была принята пропорциональная избирательная система «с использованием связанных списков, при которой избиратель голосует за один из списков кандидатов целиком без указания приемлемых или неприемлемых кандидатов» (бельгийская система пропорционального представительства)[610].

Советское избирательное законодательство вводило архаичную по содержанию процедуру избирательного собрания и в минимальной степени конкретизировало порядок проведения выборов. Конституция РСФСР 1918 г. в самом обобщенном виде устанавливала основы организации избирательного процесса, обязательными стадиями считались: назначение выборов, выдвижение кандидатов, голосование и определение результатов. При этом порядок распределения мандатов не был урегулирован и возникала неясность с типом избирательной системы, который выбрали большевики. В тексте первой советской Конституции отсутствует указание как на мажоритарные одномандатные округа, так и партийные списки.

Проведение выборов в Советы предполагалось проводить в присутствии избирательной комиссии и представителя местного Совета, а также необходимо было фиксировать результаты выборов в протоколе. Установление «подробного порядка производства выборов» в Конституции 1918 г. отнесены к компетенции местных Советов и ВЦИК[611]. В дальнейшем, регламентация производства выборов осуществлялась в избирательных инструкциях, принимаемых ВЦИК или местными исполкомами Советов. Выборы начинались с исходной стадии – их назначения.

Назначение выборов является одной из основных стадий избирательного процесса, обеспечивающей обязательность и периодичность проведения выборов. В современной литературе под назначением выборов понимается «первая стадия

---

[609] Подробнее, см.: Саламатова М. С. Избирательная система России: от февраля к октябрю 1917 года // Февраль 1917-го: Уроки прошлого. Материалы межвузовской научной конференции. Новосибирск, 2019. С. 59–75.

[610] Бактагиров Р. Т. Эволюция избирательной системы России: от выборов Царской Думы к выборам палат Федерального Собрания Российской Федерации» // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 3(29). С. 24.

[611] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

избирательного процесса, заключающаяся в издании уполномоченным на то органом или должностным лицом (субъектом права назначения выборов) акта, в котором определяется дата голосования»[612]. Ключевое значение на этой стадии имеют субъекты и сроки назначения. На этапе становления советского избирательного процесса длительное время сохранялась неопределенность как с определением сроков проведения выборов, их периодичностью, так и субъектами назначения.

Кто принимал решение о назначении выборов? В избирательные кампании 1920-х гг. субъект назначения выборов неоднократно менялся. Непосредственно после революции выборы назначали местные исполкомы Советов, либо административные отделы исполкомов, это право за ними закрепляла первая советская Конституция 1918 г. «согласно установившимся обычаям»[613]. Исполкомы назначали выборы, исходя из местных условий, в удобные им сроки. С 1922 г. наметились первые тенденции централизации избирательного процесса, и основным субъектом назначения выборов выступал Наркомат внутренних дел, определявший общие сроки проведения избирательной кампании. В 1924 г. после частичной передачи полномочий от Наркомата внутренних дел, субъектом назначения стал ВЦИК. После создания Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК в 1925 г., Центризбирком определял единые сроки проведения избирательных кампаний, но субъектом назначения выборов оставался ВЦИК вплоть до 1936 г.

Периодичность выборов Советов и съездов в первой советской Конституции устанавливалась невероятно высокая: городские и сельские Советы предполагалось проводить раз в три месяца, ежемесячно избирать состав съездов в волостях и уездах, губернских – четыре раза в год, областных и Всероссийских съездов – не менее двух раз в год. Фактически это означало проведение выборов Советов и съездов беспрерывно в течении года. Дело осложнялось и нарушением конструкции советской власти – депутаты сельских и городских Советов должны были делегировать представителей на съезды, однако из-за несовпадения сроков реализовать это было крайне проблематично.

Нереалистичность столь высокой периодичности выборов стала ясна уже в 1918 г. и ее постепенно стали приводить в соответствие со здравым смыслом.

---

[612] Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 2015. С. 326.

[613] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

Постановление 1919 г. снизило частоту выборов съездов для уездов и волостей до одного раза в три месяца[614]. Постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 23 декабря 1920 г. «О советском строительстве» подтверждало периодичность проведения выборов и съездов, установленную VII съездом[615]. Однако ситуация принципиально не изменилась, сроки проведения выборов нарушались на всех уровнях Советов и съездов, что потребовало издания дополнительных нормативных актов, предусматривающих ответственность за их нарушение. Так, Циркулярное постановление ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «о регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов», не только подтверждало сроки, установленные Постановлением VIII Всероссийского съезда Советов, но и фиксировало порядок согласования переноса сроков и вводило ответственность за их несоблюдение. Перенос сроков для уездных съездов необходимо было согласовывать с губернскими исполкомами, а губернских съездов – с Президиумом ВЦИК и НКВД, представив «мотивированные соображения о необходимости отсрочки перевыборов»[616]. Как показывают данные Наркомата внутренних дел с 1918 по 1920 гг. выборы преимущественно проводились с периодичностью раз в полгода.

Ситуация с периодичностью выборов изменилась в 1921 г., на IX Всероссийском съезде Советов обсуждался вопрос о хаосе со сроками и периодичностью Советов и съездов всех уровней, в итоге было принято решение унифицировать периодичность избирательных кампаний в стране. В постановлении ВЦИК от 31 декабря 1921 г. «О советском строительстве» устанавливалась единая периодичность проведения съездов, все очередные съезды, а также перевыборы городских, поселковых и сельских Советов должны были проводиться один раз в год[617].

С 1922 г. сроки проведения выборов стали едиными для всей страны. В ходе избирательной кампании, которая должна была проводиться с 1 ноября по 15 декабря, избирались сельские, городские Советы, съезды и исполкомы всех уровней[618]. В 1922 г. эти сроки были закреплены в положениях о волостных, уездных и губернских съездах и

---

[614] Постановление VII Всероссийского съезда Советов от 12.12.1919 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1919. № 64. Ст. 578.

[615] Постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 23.12.1920 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 1.

[616] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

[617] Постановление ВЦИК от 31.12.1921 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1922. № 4. Ст. 44

[618] Постановление IV сессии ВЦИК IX созыва «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907.

инструкции о выборах[619]. Нормативная ежегодная периодичность продержалась пять кампаний (1922, 1923, 1924, 1925/26, 1926/27), далее их стали проводить с периодичностью раз в два или три года (1928/29, 1930/31, 1934/35).

Не менее обсуждаемым вопросом стало время проведения выборов. Вопрос об оптимальных сроках проведения избирательных кампаний имел два аспекта, первый был связан с выбором наиболее благоприятного времени, а второй – с установлением единого срока проведения по всей территории страны. При определении сроков приходилось учитывать несколько моментов. Организация выборов в летний период в сельской местности не требовала специальных помещений, выборные собрания зачастую проводились в поле, но высокий абсентеизм крестьян обуславливался занятостью на полевых работах.

В холодный период времени года крестьяне были более свободны, но в деревнях не хватало помещений для проведения избирательных собраний. Накануне кампании 1925/26 г. Наркомат внутренних дел провел опрос краевых, губернских и частично уездных исполкомов (всего участвовало 209 исполкомов) об оптимальных сроках проведения выборов. Данные опроса показывали, что идеального периода времени для проведения выборов не существовало. Наибольшее число (142 исполкома – 68 %) высказалось за осенний период (сентябрь–ноябрь), мотивировав свои предпочтения «окончанием основных полевых работ»[620]. За летний период проведения выборов высказались лишь 10 губернских исполкомов, полагавших возможным провести избирательные собрания в период междупарья, «являвшемся перерывом между полевыми работами»[621]. Еще около 40 местных исполкомов высказались за зимний период назначения выборов, поскольку «это наиболее свободное время у крестьян и возвращение уезжавших на отхожие промыслы»[622]. Вопросы установления единых сроков проведения выборов был решены Всероссийской центральной избирательной комиссией во второй половине 1920-х гг.

В целом, на протяжении рассматриваемого периода произошло постепенное смещение сроков проведения выборов с ранней осени на конец осени и зиму. В первой половине 1920-х гг. (1922, 1923 и 1924 гг.) выборы в сельские и городские Советы

---

[619] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2; 21–22; 27; 55, 55 (об).
[620] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 55.
[621] Там же. Л. 56.
[622] Там же. Л. 57.

проводились с сентября по ноябрь, при этом большая часть (более 80 % избирательных собраний) была проведена до ноября. В ходе кампаний 1925/26 и 1926/27 г. произошло постепенное смещение сроков на позднюю осень – начало зимы (большая часть избирательных собраний была проведена в ноябре – декабре, в городе – январе). В кампанию 1928/29 г. выборы сместились на зимний период, в сельские Советы избирались в январе – начале февраля, городские – в феврале – марте. В кампании 1930-х гг. выборы также проводились в зимний период, в 1930/31 г. – январь – март, 1934/35 г. – декабрь – февраль.

Первые советские инструкции о выборах в регулировании избирательных собраний оставляли множество пробелов. Так, инструкция о выборах от 2 декабря 1918 г. не устанавливала даже общий порядок производства выборов на избирательных собраниях, лишь кратко регламентируя действия избирательных комиссий на собрании. Обязательными процедурами было назначение выборов, ведение протокола собрания с фиксацией основных сведений о результатах выборов (числа участников выборов, избранных депутатах и жалобах, поступивших на проведение выборов)[623]. Не урегулированными в инструкции 1918 г. остались порядок оповещения, голосование, способы выдвижения кандидатов или списков, участия партий, проведения агитации, место проведения выборов.

Губернские исполкомы, к компетенции которых Конституция 1918 г. и постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» и циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации городских Советов рабочих и красноармейских депутатов»[624], отнесли установление порядка выборов на местах, в минимальной степени конкретизировали избирательные процедуры. Избирательные инструкции губернских исполкомов регулировали незначительное число избирательных процедур, чаще всего повторяя основные положения общероссийских инструкций, в редких случаях включая оригинальные нормы[625].

---

[623] Постановление ВЦИК Советов от 2 декабря 1918 г. «О порядке выборов волостных и сельских Советов (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 901.

[624] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации городских Советов Рабочих и красноармейских Депутатов» // СУ РСФСР. 1921. №11. Ст. 71. Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст.72.

[625] ГАРФ. Ф.Р.-393.Оп. 22. Д. 7. Л. 1, 1(об), 21, 21 (об), 22, 55, 55(об);

При некотором разнообразии, инструкции губернских исполкомов устанавливали следующий порядок производства выборов – на открытом собрании избирателей (избирательном собрании), организованном по территориальному или производственному принципу. К числу обязательных процедур относились: назначение сроков выборов губернским исполкомом, оглашение списка лиц, лишенных избирательных прав, проведение голосования и составление протокола результатов выборов. Фиксация явки избирателей не предполагалась, при этом, часть губернских исполкомов устанавливала порог обязательной явки избирателей на выборы. Очевиден декларативный, заведомо нереализуемый характер таких норм, поскольку без составления списков избирателей и фиксации явившихся, невозможно было определить явку. Ряд губисполкомов устанавливали очень высокий процент явки избирателей на собрания, существенно превышавший установленный впоследствии в общероссийской инструкции 1925 г. (35 %). Так, в инструкциях Пермского и Петроградского губисполкомов выборы считали состоявшимися при явке не менее 50 %, а в Смоленской губернии – даже 2/3 избирателей[626]. Другие губернские исполкомы отказывались от регламентации минимального порога явки (Нижегородский губернский исполком, Сибревком, Ленинградский и Тамбовский губисполкомы и т.д.)[627].

Примечательно, что в региональном законодательстве не регламентировалась центральная процедура выборов – выдвижение кандидатов и списков кандидатов. Лишь в Пермской инструкции упоминается, что избирательные комиссии объявляют заранее подготовленные списки кандидатов. Из инструкций не ясно, выдвижение происходило преимущественно по спискам, либо по отдельным кандидатурам и предполагалось ли их предварительное обсуждение. В местных инструкциях не регулировался и другой ключевой вопрос для любых выборов – способ определения результатов голосования и распределения мандатов (абсолютным или относительным большинством, партийные списки или отдельные кандидатуры), т.е. тип избирательной системы (мажоритарный или пропорциональный) оставался по-прежнему неясным.

В региональных инструкциях, принятых в 1920–1923 гг. не урегулирована процедура оповещения избирателей. В инструкциях, принятых в 1924/25 г., вслед за

[626] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2, 21, 22, 27, 55–57.
[627] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 95. Д. 346. Л. 176–179.

общероссийскими инструкциями, устанавливалась процедура обязательного оповещения избирателей о дне и месте проведения собрания[628].

В общероссийских инструкциях о перевыборах городских и сельских Советов, утвержденных декретами ВЦИК 31 августа 1922 г. и 11 августа 1924 г., очевиден заметный прогресс правового регулирования организации избирательных собраний, охватывавшего большее число избирательных процедур. Впервые в избирательной инструкции от 31 августа 1922 г. вводится процедура предварительного и обязательного оповещения населения о дне и месте выборов[629]. Инструкция 1922 г. предполагала оповещение за 48 часов до дня выборов, инструкция 1924 г. установила еще более короткий промежуток – «не позднее, чем за 13 часов до дня выборов»[630]. Сроки оповещения о дне выборов широко обсуждались низовыми местными работниками как в советской прессе, так и переписке с центральными органами. Объясняя желание сократить сроки оповещения, советские работники констатировали, что «если предупреждать за 2–3 недели о сроке выборов, то избиратели забывают о дне проведения»[631]. Возможно, в начале 1920-х гг. при установлении коротких сроков оповещения населения о выборах, преследовался и политические цели – в сжатые сроки было сложно организовать предварительное обсуждение кандидатур, развернуть оппозиционную политическую агитацию и т.д.

Инструкции 1922 и 1924 гг. вводили процедуры ознакомления избирателей с порядком выборов, оглашения списка лиц, отстраненных от выборов и оглашение списка кандидатов или отдельных кандидатов. По-прежнему отсутствовала процедура фиксации числа явившихся на выборы, тем более не предполагалось выяснения их поименного состава. Хотя на практике выяснение явки на избирательном собрании, конечно, происходило. Вместе с тем, существование такого пробела свидетельствовало об отсутствии изначально интереса власти к достоверности результатов выборов.

Впервые избирательное законодательство 1922, 1924 гг. регулировало процедуру определения результатов выборов, допуская вариативность между индивидуальным и списочным выдвижением – избранными в совет считались депутаты, выставлявшиеся

---

[628] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 44–47; Оп. 1а. Д. 94. Л. 250–253.

[629] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706.

[630] Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» // СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695.

[631] ГАРФ. Ф.Р.393. Оп.1а. Д. 94. Л. 148.

индивидуально, либо включенные в списки, набравшие простое большинство голосов. Выбор варианта оставался за губернской избирательной комиссией, при этом не регулировался порядок участия партий или профсоюзов, также как не устанавливались субъекты для выдвижения списков и кандидатов (кто мог их выдвигать). Такой способ определения результатов голосования не прояснял вопрос о типе советской избирательной системы.

Завершающей процедурой проведения избирательного собрания являлось составление и подписание протокола, также допускалось обжалование результатов выборов в случае допущенных нарушений в течение трех дней с момента окончания выборов[632].

В избирательном законодательстве как общероссийском, так и местном начала 1920-х гг. вне сферы правового регулирования оказывалось множество вопросов: выдвижение кандидатов (или списков кандидатов) в депутаты, их обсуждение, отчетная кампания, участие партий в избирательном процессе, предвыборная агитация, сроки и место проведения избирательных собраний, формирование повестки избирательного собрания, наказов избирателей, порядок голосования. Некоторые пробелы и вовсе кажутся почти курьезными, как отмечалось выше, до 1925 г. фиксация явки избирателей не входила в круг обязанностей организаторов выборов.

Значительные перемены в избирательном процессе произошли в 1925 году и были обусловлены общеполитической и экономической ситуацией в стране. Устоявшейся позицией в историографии относительно причин изменений аграрной политики, введения нового курса в отношении крестьянства «Лицом к деревне» и «оживления Советов» является обоснование массовым недовольством крестьянства, проявлявшегося как в пассивных видах протеста (высоком уровне абсентеизма), так и открытых выступлениях (Грузинское восстание), что вызывало тревогу «не столько за судьбу деревни, сколько за свою судьбу», иными словами изменения были предопределены угрозой потери власти большевиков[633].

---

[632] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. №56. Ст. 706; Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов»// СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695.

[633] Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия. СПб., 1997; Ильиных В. А. «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала

Мотивация преодоления кризиса легитимации выглядит весьма убедительной для изменения политики, но с учетом анализа причин массовой отмены выборов, представляется не самодостаточной. Введение изменений стало возможным благодаря приобретению влияния группировки в правящей партии, настроенной на расширение нэпа в экономической и политической сферах (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и поддержавший их И. В. Сталин) в результате внутрипартийной борьбы. Несомненно, объявленный новый курс отражал настроения широких слоев крестьянства и горожан, а для режима стал «спасательным кругом» для преодоления кризиса легитимации и расширения поддержки режима.

Какие экономические меры были введены в рамках курса «Лицом к деревне» и на какие результаты рассчитывала власть? Применительно к избирательной системе важно определить как соотносились объявленные меры в рамках курса «Лицом к деревне» и политики «оживления Советов» и как сказались на избирательном законодательстве?

В. В. Кондрашин отмечает, что заявленный аграрный курс призван был решать «проблемы завышенных цен на промтовары при крайне низких ценах на сельхозпродукты, высокого уровня налогообложения, методов принуждения, господствовавших в практике работы партийного и советского аппаратов в деревне, широкого распространения различных форм административных наказаний: арестов, штрафов и пр.», основные задачи этого курса – изменить отношение крестьян к советской власти и «побудить крестьян к более эффективному труду в своих хозяйствах»[634].

Основные экономические меры нового курса были выработаны в сентябре 1924 г. на совещании по работе в деревне при ЦК РКП(б), одобрены октябрьским пленумом ЦК РКП(б) (25–27 октября)[635]. В решениях и резолюциях апрельского пленума ЦК РКП(б) и III Всероссийского съезда Советов (май 1925 г.) изложены основные направления политики «Лицом к деревне». К числу наиболее важных мер относилось: развитие товарного оборота страны, увеличение государственных расходов на сельское хозяйство, «дальнейший рост сельского хозяйства всей крестьянской массы», запрет на применение административного давления против «вырастающей на почве свободной

НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 275–282; Кондрашин В. В. Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 81.

[634] Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 82

[635] История советского крестьянства. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М., 1986. С. 302–306.

торговли буржуазной (кулацкой) верхушки деревни», все эти меры должны были способствовать «развитию производительных сил»[636]. Запоминающийся лозунг «Обогащайтесь» Н. И. Бухарина очень емко отражал суть нового партийного курса, при этом как отмечают крестьяноведы, обращен он был «ко всему крестьянству, а не к кулаку, как он был понят политическими оппонентами Бухарина»[637]. В. А. Шишкин обоснованно оценивает политику «Лицом к деревне» как новую концепцию развития деревни, предусматривающую либерализацию отношений партийно-государственного руководства к зажиточному мужичку»[638].

Следует отметить, что реальные и заявленные меры не расходились, в 1925 г. государство снизило сельскохозяйственный налог на 40 %, в 1,8 раза повысило ассигнования на сельское хозяйство (со 170 до 310 млн. руб.), заметно увеличило дешевое кредитование крестьян, также были приняты меры по борьбе с «недородом» и засухой, выделены дополнительные кредиты на землеустроительные работы и приобретение крестьянскими хозяйствами сельскохозяйственной техники, предусмотрены меры по расширению свободы форм использования землепользования и аренды земли[639].

Важной составляющей частью курса «Лицом к деревне» должна была стать политика «оживления Советов», отвечавшая за политические изменения. В отличие от периода введения нэпа, когда экономические меры не сопровождались политическими, на пике нэпа – в 1924–1925 гг. они реализовывались одновременно. В рамках политики «оживления Советов» предполагалось решить две основные задачи – поднять авторитет низовых Советов и советской власти в деревне, и вовлечь крестьян и горожан в работу этих Советов, обновленные органы должны были содействовать реализации ранее перечисленных экономических мер.

Воплощение задуманного началось с принятия положений о сельских Советах, волостных и уездных исполкомах и съездах на сессии ВЦИК, проходившей с 7 по 16 октября 1924 года[640]. Укрепить авторитет власти планировалось с помощью расширения

---

[636] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1984. Т. 3. С. 268, 340–349; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 473

[637] Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 83.

[638] Шишкин В. А. Указ. соч. С. 340.

[639] Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 67–82; Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 83–84.

[640] Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 827; Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о

прав низовых Советов и исполкомов. Так, в результате изменений произошло существенное расширение прав сельских Советов, они получили права в сфере народного образования, здравоохранения, просветительской работы, благоустройства и т.д. Часть полномочий была передана от волисполкомов (учет населения, регистрация актов ЗАГС, заключение договоров и т.п.) сельским Советам, что должно было упростить решение текущих вопросов на местах. Но главное – сельские Советы получили финансовые возможности для реализации этих полномочий, они составляли сметы расходов, которые включались в волостные бюджеты, чтобы повысить интерес крестьян к работе в сельских Советах разрешалось оплачивать труд не только председателя, но и секретаря[641].

Вторая часть изменений в рамках политики «оживления Советов» была направлена на вовлечение «широких слоев» крестьян и горожан к работе в местных Советах, и предусматривала существенные изменения избирательного законодательства, в первую очередь в порядке проведения выборов. В первую очередь руководство страны урегулировало массовую отмену выборов, отменив выборы в 39 губерниях и областях РСФСР. В Постановлении Президиума ЦИК СССР от 29 декабря «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» и принятых вскоре в Постановлении Президиума ЦИК «О перевыборах в Советы» и инструкции о выборах в Советы формулировались основания отмены выборов, к которым относились низкая явка избирателей и жалобы на незаконные действия избирательных комиссий[642]. Основной целью массовой отмены провозглашалось устранение административного давления местных партийных и советских работников на население (что называлось в партийном циркуляре как «отказ от военно-коммунистических методов проведения выборов») и привлечение населения на избирательные собрания[643].

волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 826; Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825.

[641] Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. О волостном бюджете // СУ РСФСР. 1924. №82. Ст. 878; Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» // СУ РСФСР. 1924. №8 2. Ст. 827.

[642] Постановление Президиума ЦИК от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» от 29 декабря 1924 г.// СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3; Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54; Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «Об Инструкции о перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55

[643] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 486. Л. 3, 14–17.

Начавшееся летом 1925 года обсуждение избирательных инструкций развивало принятые акты зимой и проходило под эгидой углубления политики «оживления Советов»[644]. Так, замнаркома внутренних дел М. Ф. Болдырев на заседании комиссии оргбюро ЦК РКП(б) по перевыборам Советов 18 августа 1925 г. отмечал, что «в основу нового избирательного закона положены: гарантия вовлечения максимального количества рабочих и крестьян на выборы в Советы; гарантия полного осуществления избирательных прав и устранение административного давления; расширение круга избирателей за счет полутрудовых групп населения, которые до сих пор прав не имели; приближение Советов и исполкомов к населению; организация более тщательного учета активности населения»[645]. В избирательных инструкциях, принятых Президиумом ЦИК СССР 16 января 1925 г. и ВЦИК 13 октября 1925 г., были усовершенствованы избирательные процедуры, устранены очевидные пробелы в правовом регулировании организации выборов, нашли отражение и демократические тенденции, направленные на ограничение административного давления на избирателей и создание возможностей для участия в выборах более широкого круга избирателей.

Для пресечения навязывания утвержденных партийными ячейками списков кандидатов избирательному собранию, в инструкции от 16 января 1925 г. вводилась норма, запрещающая «избирательным комиссиям или их уполномоченным от себя выдвигать или предлагать избирателям отдельных кандидатов или списки кандидатов»[646]. Также в инструкции избирателям предлагалось самостоятельно определить способ выдвижения кандидатов в депутаты и определения результатов выборов (допускалась вариативность – по спискам или за отдельных кандидатов). По сути, менялся только субъект принятия решения о выборе этого способа, если в предыдущих инструкциях, решение принимала губернская избирательная комиссия, то в 1925 г. это делали избиратели, по-прежнему не определялись субъекты выдвижения списков или кандидатов.

Желанием повысить уровень доверия населения к выборам, было обусловлено расширение степени открытости и публичности избирательных процедур. В

---

[644] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 5–7.

[645] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 47.

[646] Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54; Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «Об Инструкции о перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55; Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

инструкциях января 1925 г. для повышения достоверности фиксации результатов выборов, вводилась процедура совместного подписания протокола об итогах выборов «президиумом избирательного собрания и уполномоченным от крестьян»[647].

В русле демократических изменений, в инструкциях 1925 г. урегулирован процесс выдвижения кандидатов и утверждения повестки избирательного собрания. Списки кандидатов и отдельные кандидатуры могли предлагаться как на самом собрании избирателями, так и через «опубликование (через печать или путем вывешивания) до избирательного собрания. Кроме того, избирателям принадлежало право самостоятельного определения повестки собрания.

Помимо демократических нововведений, в инструкциях происходило и техническое совершенствование процедуры производства выборов. Увеличились сроки оповещения избирателей (до 5 дней) и подачи жалоб на допущенные нарушения (7 дней), становясь, как отмечали местные работниками, более реальными[648]. В инструкциях 1925 г. исправили очевидный пробел, к обязанностям организаторов выборов отнесли фиксацию явки избирателей. Инструкция ВЦИК устанавливала норму об организации «обязательного учета всех явившихся на выборы»[649].

Кроме того, в инструкции ВЦИК 1925 г. закреплялось положение о праве однократного голосования избирателей. Это положение было введено в связи с запросами губернских исполкомов, о праве участия избирателя в выборах несколько раз по месту постоянного проживания и работы. Речь шла в первую очередь о рабочих, которые работали в городах или поселках, но постоянно проживали в деревне, и было неясно, где они должны были участвовать в выборах и по каким нормам.

В целом, инструкции ЦИК СССР и ВЦИК 1925 г. представляли значительный шаг в совершенствовании правового регулирования производства выборов. Процесс проведения избирательных собраний, закрепленный в инструкциях 1925 г. стал своего рода стандартом для последующего правового регулирования и сохранил актуальность вплоть до введения Конституции 1936 г. и предполагал реализацию следующих последовательных стадий: 1) оповещение избирателей о времени и месте проведения

---

[647] Там же.

[648] ГАРФ. Ф.Р. 393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 47.

[649] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

собрания, 2) фиксацию явки избирателей, 3) выдвижение и обсуждение кандидатов (списков), 4) голосование за кандидатов в депутаты, составление итогового протокола.

Демократизация избирательных процедур имела четко очерченные границы, большевики дали ясно понять, что не собираются отказываться от политической монополии. Несмотря на нововведения, принципиальные вопросы об участии других партий в выборах, возможности свободной предвыборной агитации в избирательных инструкциях 1925 г. не предусматривались. Показательно и введение открытого порядка голосования на избирательных собраниях. Логичным шагом по демократизации избирательных процедур стало бы установление тайного голосования, однако происходит прямо противоположное – в инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. закрепляется открытое голосование на избирательных собраниях, как единственно возможное.

Напомним, что вопрос о порядке голосования напрямую не определялся в Конституции 1918 г. и последующем законодательстве. Отказ от введения тайного голосования как одного из своих программных требований[650], большевики объяснили сложившимися традициями на выборах в Советы в 1917 г. Причин, по которым большевики ввели в 1925 г. открытый порядок голосования как безальтернативный, было несколько. Официальной версией стала апелляция к мнению народа. Проведенные опросы НКВД губернских, краевых и областных исполкомов о порядке голосования, а также обследования, проведенные инструкторами орготдела ВЦИК, свидетельствовали о непопулярности тайного голосования. Население лишь в редких случаях на повторных выборах весной 1925 г. ставило вопрос о необходимости тайного голосования. Обследование выборов, проведенное инструкторами ВЦИК в 1924 г., выявило, что из 46 обследуемых волостей, только в одной из них в Тамбовской губернии использовалось тайное голосование, во всех остальных случаях на собраниях использовалось открытое голосование[651].

Представляется, что истинной причиной установления безальтернативного открытого порядка голосования – опасения за исход выборов в случае тайного голосования. В ходе упомянутых выше обследований и опросов, было установлено, что в случае проведения тайного голосования, не избрали кандидатов,

---

[650] Программа РСДРП, принятая на II съезде партии // КПСС в резолюциях, и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970.

[651] ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп.101. Д. 151. Л. 307–321.

предварительно утвержденных партийной ячейкой, и итоги выборов оказались неожиданными для вышестоящих органов власти[652]. По сообщениям региональных исполкомов, на проведении тайного голосования настаивали на тех собраниях, где доминировали «антисоветские, оппозиционные настроения»[653].

В советской историографии преобладание открытого порядка голосования оправдывалось демократичностью процедуры, а также «неграмотностью подавляющего большинства населения страны и отсутствием элементарных технических средств для организации выборов (бумаги, типографских материалов)»[654]. Однако в условиях альтернативной избирательной системы, открытое голосование на избирательных собраниях использовался как один из важных способов обеспечения лояльных правящей партии составов Советов. Как справедливо отмечает А. Н. Чистиков «не каждый осмелится открыто, публично выступать против намеченных властью кандидатов»[655]. Открытый принцип голосования на избирательных собраниях, установленный в инструкции 1925 г., оставался неизменным в законодательстве вплоть до принятия Конституции 1936 г.

Электоральные практики, складывавшиеся на основе демократизированных избирательных процедур, вызвали крайне неоднозначную реакцию партийных и советских работников всех уровней. Период реализации «демократического эксперимента» оказался кратковременным, фактически составив немногим более года и уже в начале 1926 года начался его пересмотр. Какие причины привели к ревизии экономического и политического курсов?

Основные причины поворота заключались в разочаровании результатами руководства правящей партии реализацией курса «Лицом к деревне» и особенно демократизацией избирательного процесса и сотрудничеством с непролетарскими элементами в ходе повторных выборов весны 1925 г. и избирательной кампании 1925/26 г.

Как отмечает В. В. Кондрашин, результаты реализации мер, принятые в рамках курса «Лицом к деревне», направленные на развитие товарного оборота страны и рост

---

[652] Там же. Л. 311.

[653] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 54. Д. 100. Л. 22–78. Д. 102. Л. 7–144.

[654] Стучка П. Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его Конституции … С. 158. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М., 1987. С. 163.

[655] Петроград на переломе эпох. город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 26.

производительности труда в сельском хозяйстве, не впечатлили руководство страны. В первую очередь так и не удалось увеличить или хотя бы восстановить товарность сельского хозяйства по сравнению с дореволюционным уровнем, что не давало возможность увеличивать экспорт хлеба (показатели хлебного экспорта СССР в 1923–1925 гг. уступали в 4 раза 1913 г.), являвшегося источником получения валютной выручки и ускоренной индустриализации страны[656]. Вместо подъема с осени 1925 года нарастали хозяйственные трудности, снижение заготовительных цен на зерно, привели к сокращению продажи хлеба крестьянами, что привело к срыву плана хлебозаготовок и экспорта хлеба[657]. Курс на расширение нэпа не оправдывал себя из-за низких темпов роста в экономике, и руководство правящей партии выбрало иной вариант стратегии модернизации страны, обозначенный на XIV съезде ВКП(б), проходившем в декабре 1925 г.[658]

Результаты политических мер в рамках реализации политики «оживления Советов» вызвали еще более неоднозначную реакцию высших партийных руководителей. В первую очередь, крайнее недовольство вызвали итоги выборов 1925/26 г., показавшие существенное снижение числа коммунистов и рабочих в городских и сельских Советах, что рассматривалось как «сдача позиций» непролетарским элементам[659]. Как справедливо отмечают Ю. А. Яхутль и В. В. Касьянов «новый курс угрожал разрушить монополию большевистской партии на власть, а также не давал ответа на вопрос об обеспечении модернизации»[660]. Обсуждение итогов выборов проходило на различных партийных комиссиях и совещаниях (в первую очередь в рамках комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов перевыборов под руководством В. М. Молотова) в контексте определения границ взаимодействия с непролетарскими слоями и определения социально близких и «классовых врагов».

Применительно к выборам речь шла об определении круга лиц, подлежавших отстранению от выборов, и изменению избирательного законодательства для предотвращения ситуации «проникновения в Советы классово чуждых элементов»

---

[656] Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 88.
[657] Там же. С. 88–89.
[658] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 410– 412.
[659] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 54–80.
[660] Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 414.

(работа комиссии анализировалась в параграфе о лишении избирательных прав). Решения комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) были утверждены на июльском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1926 г., осуждены извращения партийной линии, соответственно пересмотрены подходы к определению круга избирателей и лиц, лишенных избирательных прав[661]. В меньшей степени решения высших партийных органов затрагивали проведение избирательных собраний, они преимущественно касались организационно-технические вопросов проведения собраний и ограничения альтернативности при выдвижении кандидатов.

Высшее партийное руководство страны не выступало за ревизию политики «оживления Советов», но настаивало на расстановке иных акцентов в ее реализации. По мысли партийного руководства под «оживлением Советов» следовало понимать расширение участия в выборах рабочих, беднейшего крестьянства, женского населения, молодежи. Для реализации этих решений, нужно было улучшить условия участия классово близких слоев населения, не допустив при этом участия непролетарских слоев населения, тем более оппозиционных партий в выборах. В проекте резолюции «об итогах перевыборов Советов» комиссии оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б), работавшей под руководством В. М. Молотова отмечалось: «важно оживлять Советы, укреплять союз рабочих с беднейшим крестьянством и середняцким активом. При этом политика оживления Советов не должна привести к росту буржуазных элементов и партий, их представляющих (меньшевиков, эсеров)»[662].

Недопустимость участия других партий в избирательном процессе обосновывалась тезисом подрыва основ пролетарской демократии: «В виду опасности новых попыток оживления мелко-буржуазной политики вопрос о недопустимости существования двух или нескольких политических партий в условиях диктатуры пролетариата (при наличии курса на развитие советского демократизма) должен быть поставлен со всей принципиальной ясностью. Существование нескольких политических партий – и тем самым наличие борьбы между ними за власть, не могло быть ничем иным, как прямым разрывом столь дорогой ценой завоеванной и укрепляющейся смычки пролетариата с крестьянством. Это означало бы полное разложение и прямой подрыв самых основ пролетарской демократии. Наличие борьбы политических партий

[661] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83–84.
[662] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 123.

(и даже оформленных фракций в единой партии) не совместимо с победоносной диктатурой пролетариата и по существу было бы ничем иным, как тем или другим видом возрождения буржуазной демократии»[663].

Помимо принципиальных политических вопросов, советскими работниками различных уровней при выработке проекта инструкции, обсуждались и ряд организационно-технических аспектов избирательного процесса. Наиболее дискуссионными оказались вопросы об определении минимальной обязательной явки населения на выборы, допустимом количестве избирателей на собрании, возможности многократного голосования на выборах, активизации участия «не организованной в профсоюзы» части населения[664].

У советских органов различных уровней не было единого мнения относительно процента обязательной явки. Так, ЦИК Татарской АССР выступал за понижение процента явки до 25 %, обосновывая «недостаточной сознательностью мусульманского, в особенности женского населения в силу бытового уклада»[665]. Нижегородский и Тульский губернские исполкомы предлагали процент явки определять в местных инструкциях на усмотрение региональных властей[666]. Подобные предложения показались неприемлемыми ни НКВД, который представил заключение по этому поводу, ни Центризбиркому. Центральные советские органы высказались категорически против предложений о закреплении понижения явки, и отсутствия унификации в этом вопросе. ЦИК Татарской АССР было рекомендовано «использовать все меры к повышению активности отсталого мусульманского населения»[667].

На заседании комиссии по рассмотрению организационно-технических мероприятий по выборам горсоветов, созданной при Президиуме ВЦИК, 18 октября 1926 г. обсуждался вопрос о возможности многократного участия в выборах для граждан, работающих на предприятиях в городе, но постоянно проживающих в сельской местности (в первую очередь речь шла о рабочих)[668]. В избирательной инструкции 1925 г., избиратель имел право однократного голосования и должен был определиться, где он будет голосовать. Представители орготдела ВЦИК, НКВД и

---

[663] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 126.
[664] ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп. 103. Д. 634. Л. 6–12; Оп. 103. Д. 87. Л. 2–4; Ф.Р. 3316. Оп. 19. Д. 195. Л. 28–36.
[665] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 87. Л. 2.
[666] Там же. Л. 5–8.
[667] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 87. Л. 4.
[668] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 634. Л. 6–18.

региональных исполкомов высказались за возможность многократного голосования на выборах, предоставив окончательное решение на усмотрение местных властей[669].

В итоге, в избирательной инструкции, утвержденной Президиумом ВЦИК 4 ноября 1926 г. нашли отражение решения, принятые многочисленными партийными и советскими комиссиями. В части проведения избирательных собраний изменения затронули организационные и технические вопросы, практически не касаясь содержательных аспектов. Большинство новелл, введенных инструкциями 1925 г., сохранились и в инструкции ВЦИК 1926 г. Ряд норм был конкретизирован и детализирован, чтобы при реализации не возникало множественности толкования. К таким можно отнести норму про необходимую явку на избирательное собрание. Вопреки пожеланиям ряда региональных исполкомов снизить процент явки избирателей, в инструкции зафиксирована позиция центральных советских органов о минимально необходимой явке для признания собрания состоявшимся в 35 %. В ряде случаев разработчики инструкции были не последовательны. Норма, вызвавшая широкое обсуждение – о возможности многократного голосования (по месту жительства и работы), не нашла закрепления в инструкции. Законодатель счел возможным оставить этот пробел, удалив из текста норму о возможности однократного голосования на выборах.

Различные эксперименты местных властей по повышению явки избирателей, доказали эффективность персонального оповещения населения, при разработке инструкции новшество было учтено, и в инструкции 1926 г. оповещение путем рассылки именных повесток стало обязанностью избирательных комиссий.

В инструкции ВЦИК 1926 г. были уточнены положения, регламентирующие выдвижение кандидатов и процедуру голосования. Законодательство по-прежнему допускало вариативность выдвижения кандидатов как по спискам, так и индивидуально, но впервые конкретизировало перечень организаций и граждан, имевших право выдвигать кандидатуры, к ним относились общественные, партийные и профессиональные организации, на собрании могли выдвинуть кандидатов присутствовавшие избиратели. Выдвижение кандидатов оставалось достаточно простой процедурой, не требующей их предварительной регистрации. Кандидатов возможно

[669] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 634. Л. 8–11; Оп. 104. Д. 1050. Л. 38.

было выдвигать как на собрании, так и заранее «через печать, либо путем вывешивания списков»[670].

В отличие от предыдущих избирательных инструкций, где процедура подсчета голосов, лишь обозначалась как «простое большинство», в инструкции 1926 г. детализировался процесс определения результата выборов. Результат определялся «относительным большинством голосов», под которым понималось «такое количество голосов, которое составляет большее по сравнению с количеством голосов, полученных другим кандидатом», при этом голоса «против» и «воздержались» не подсчитывались. В инструкции специально оговаривалась возможность отвода отдельных кандидатов из списка в случае голосования по спискам.

Проявлением сворачивания курса демократизации избирательного процесса в инструкции ВЦИК 1926 г. стало исключение норм о самостоятельном определении повестки собрания избирателями и совместного подписания протокола об итогах выборов организаторов выборов и представителями избирателей.

Реализация инструкции 1926 г. в части организации избирательных собраний, не вызвала шквала запросов региональных исполкомов, в отличие от процедуры лишения и восстановления в избирательных правах. Одним из значимых вопросов, по которому ВЦИК пришлось давать разъяснение в циркулярном письме от 6 декабря 1926 г. – возможность многократного голосования на выборах. Выше уже отмечалось, что законодатель сознательно допустил этот пробел, не урегулировав ситуацию с многократным использованием своего голоса на выборах, исключив эту статью из инструкции. В ответ на запросы Ярославского и Самарского губернских исполкомов, ВЦИК разрешил многократное использование голоса избирателя на выборах в разные Советы. В циркулярном письме разъяснялось, что «избиратель по своей профессии и по месту жительства имеет право участвовать в выборах в разные Советы несколько раз»[671], в качестве примера в письме приводились рабочие городской фабрики, проживающие за городом на территории сельсовета, которые имели право принимать участие в выборах каждого из этих Советов[672]. Данная норма была направлена на установление дополнительного преимущества рабочих на выборах, поскольку в

[670] Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст.577.

[671] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 153.

[672] Там же. Л. 153 (об).

запросах речь шла именно о рабочих, работающих на предприятиях, но живущих в близлежащих селах. Остается неясным, что мешало изначально урегулировать эту ситуацию, тем более что при обсуждении проекта инструкции, двойственность ситуации была очевидна.

Также потребовали разъяснения вопросы, связанные с организацией избирательных собраний для «промежуточных» групп населения, отнесение которых к «организованным» или «не организованным в профсоюзы» избирателям, вызывало затруднения у местных работников. Наибольшие сложности вызывала идентификация лиц свободных профессий и лиц, уходящих на промыслы. Циркуляром Всероссийского Центризбиркома от 27 января 1927 г. разъяснялось, что лица свободных профессий, состоящие в профсоюзах, голосуют вместе со служащими, а не состоящие – с остальными группами «неорганизованных» избирателей, крестьяне, уходившие на отхожие промыслы должны были участвовать в выборах по месту работы[673].

Появились и предложения по совершенствованию избирательного процесса от местных исполкомов. Новгородский, Ярославский губисполкомы и ЦИК Татарской АССР предлагали внести ясность в ст.41 инструкции относительно явки населения на повторно проводимые собрания. Столкнувшись с проблемой низкой явки в городах, они предлагали не назначать собрание в третий раз, а считать состоявшимся вторичное собрание с любой явкой, обосновывая свое предложение тем, что «на каждое последующее собрание приходит все меньшее число избирателей»[674].

Представители Марийской автономной области просили уточнить вопрос о допустимости назначения председателем избирательного собрания уполномоченного вышестоящей избирательной комиссии. Тульский и Воронежский губернские исполкомы предлагали внести изменения в ст. 44 инструкции, и «установить, что каждом избирательном участке должны обсуждаться свои списки кандидатов в Совет, а не списки, выдвинутые другими избирательными собраниями»[675].

Анализ предложений губернских исполкомов по инструкции 1926 г. показывает, что в основном они затрагивали вопросы дальнейшей конкретизации избирательных норм, касавшиеся технических и организационных нюансов организации избирательных собраний. Политических вопросов в ходе обсуждения инструкции региональными

---

[673] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 502. Л. 15; Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–19.
[674] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1055. Л. 28; Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–13.
[675] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1055. Л. 29.

исполкомами не поднималось, попыток урегулирования вопросов участия политических партий, их агитации также не звучало[676].

Большинство из этих предложений не нашли отражения в комментированной инструкции, вышедшей перед выборами 1928/29 г. Так, вопросы об изменении численности избирателей на собрании, устранении смешанных участков в городах, об уменьшении процента обязательной явки на повторные собрания, конкретизации процедуры рассмотрения жалоб на нарушения, не были в дальнейшем рассмотрены центральными органами и прокомментированы. Очевидно, такая реакция свидетельствовала о малозначительности этих вопросов для центральных и высших органов власти.

В комментированной инструкции нашли отражение лишь два вопроса, связанные с организацией избирательных собраний, затронутых губернскими исполкомами, обсуждалась центральными советскими органами. При решении этих вопросов удивляет непоследовательность принятых решений центральными органами. Один из вопросов вновь касался многократности использования голоса, работавших в городе и проживавших в сельской местности. Всероссийский Центризбирком и ВЦИК в 1928 г. сочли ошибочным решение о возможности многократности использования голоса рабочими, проживавшими в сельской местности, принятое в 1926 г. Основным аргументом за однократность использования голоса на выборах, стала отнюдь недемократичность неравного представительства рабочих, а сложность их учета и оповещения местными избиркомами (последние жаловались, что не знают как учитывать эти двойные голосования)[677]. В комментированной инструкции 1928 г. закрепили положение «об одном голосе у каждого избирателя»[678].

Другим вопросом, по которому была изменена позиция высших советских органов, стал порядок голосования. В 1928 г. вернулись к обсуждению этого вопроса. Напомним, что в инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. победители выборов определялись «относительным большинством голосов», вопросов у местных исполкомов по этому поводу не возникло, это был простой и удобный способ голосования списков. Однако Президиум ЦИК СССР счел такой

---

[676] ГАРФ. Ф.Р.-5248. Оп.1. Д. 7, 8, 9, 10; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1052, 1053, 1054, 1055, 1056, 1057, 1058, 1059, 1060.

[677] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 327–330.

[678] ГАРФ. Ф.Р.-5248. Оп. 1. Д. 26. Л. 24–98.

порядок голосования спорным, «не выявляющим мнение населения в полной мере», было принято решение изменить формулировку ст.30 инструкции ЦИК СССР и ст.45 инструкции ВЦИК про относительное большинство голосов и вернуться к действовавшему ранее в избирательном законодательстве порядку голосования (простому большинству)[679]. В измененной редакции ст.45 «выборы должны производиться в порядке простого (абсолютного) большинства». В комментированной инструкции 1928 г. Всероссийским Центризбиркомом дополнительно разъяснялось, что «согласно новой редакции ст.44 выборы должны производиться в порядке абсолютного большинства, т.е. большинством свыше 50 % присутствующих на данном собрании»[680].

Добавим, что возвращение к определению результатов выборов абсолютным числом голосов, вызвало бурные протесты местных избиркомов и исполкомов, особенно при голосовании нескольких списков на собрании. На заседании Президиума Всероссийского Центризбиркома от 12 февраля 1929 г. были заслушаны запросы Иваново-Вознесенского, Ярославского, Владимирского и Вологодского губернских исполкомов с просьбой не менять порядок голосования, и разрешить установление результатов выборов относительным большинством [681]. Всероссийский Центризбирком отмечал, что «в результате такого решения с мест стали поступать многочисленные запросы и ходатайства об утверждении выборов, произведенных относительным большинством. Эти ходатайства касались, главным образом, сельских местностей. Из полученного сообщения от Иваново-Вознесенского губисполкома видно, что выборы одного из сельсоветов не были закончены в течение всей ночи из-за того, что ни один кандидат не мог получить абсолютного большинства»[682]. В информационном письме Президиуму ВЦИК, Центризбирком выражал мнение, что необходимо вернуться к голосованию относительным большинством или разрешить его «в случае если голосуются два и более списка или несколько персональных кандидатур, выборы могут считаться действительными при относительном большинстве голосов»[683].

Избирательные кампании 1930/31 и 1934/35 г. проводились в значительно изменившихся политических, экономических и социальных условиях. В постановлении ВЦИК «О задачах предстоящей избирательной кампании 1930/31 г.» от 3 ноября 1930 г.,

---

[679] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 335.
[680] ГАРФ. Ф.Р.-5248. Оп. 1. Д. 26. Л. 38.
[681] ГАРФ. Ф.Р.-5248. Оп. 1. Д. 12. Л. 40–44; Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 163. Л. 106–109.
[682] ГАРФ. Ф.Р.-5248. Оп. 1. Д. 12. Л. 44; Ф.Р. -1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 428 (об).
[683] ГАРФ. Ф.Р. -1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 428–428 (об).

а также в обращении ЦИК СССР о выборах в Советы в 1934–1935 гг. выборы рассматривались как механизм мобилизации трудящихся масс для решения масштабных хозяйственных задач. Перевыборы проходили под лозунгом успешного выполнения плана пятилеток, закрепления успехов коллективизации и индустриализации. В 1930 г. ставилась задача в ходе избирательной кампании «развернуть борьбу против кулака и капиталистических элементов», в 1934 г. – «построить бесклассовое общество, ликвидировав капиталистические элементы и классов вообще»[684].

Решение глобальных политических задач в незначительной степени отразились на организации избирательных собраний. Основные процедуры, сложившиеся к концу 1920-х гг. и зафиксированные в комментированной инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 гг. (редакции 1928 г.), остались неизменными в 1930-е гг.[685] Процедуры по оповещению населения о выборах, обязательной фиксации явки избирателей, открытому порядку голосования, выдвижения кандидатов, организации участков демонстрируют преемственность с инструкциями 1920-х гг. Демократические компоненты организации собраний – определение собранием голосования по спискам или отдельным кандидатурам, а также запрет на выдвижение кандидатов избирательными комиссиями, введенные инструкциями в середине 1920-х гг., также не претерпели изменений в инструкциях 1930-х гг.[686]

Наряду с уже отмеченной тенденцией стабилизации большинства избирательных процедур в законодательстве 1930-х гг., ряд аспектов организации избирательных собраний был переработан. В первую очередь, в связи с появлением новых категорий избирателей (колхозники, рабочие и служащие совхозов и машинно-тракторных станций), помимо терминологических изменений, были предусмотрены условия их участия в выборах. Так, в соответствии со ст. 47 инструкции 1930 г. «колхозники, как правило, участвуют в выборах вместе с остальным населением села». Для рабочих совхозов и МТС, напротив, образовывали отдельные участки (ст. 48).

---

[684] Постановление ВЦИК от 3 ноября 1930 г. «О задачах предстоящей избирательной кампании 1930/31 г.» // СУ РСФСР. 1930. № 56. Ст. 671. Постановление ЦИК от 27 сентября 1934 г. «Обращение Центрального исполнительного комитета Союза ССР о выборах в Советы в 1934-1935 г.» от 27 сентября 1934 г.// СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 392.

[685] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654; Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

[686] Там же.

Из наиболее существенных изменений в избирательных инструкциях 1930-х гг. отметим увеличение процента минимальной обязательной явки на избирательные собрания, в 1930 г. – до 40 %, в 1934 г. – до 50 %. При этом инструкция 1934 г. позволяла региональным исполкомам (или ЦИКам союзных республик в инструкции СССР) устанавливать и более высокий процент обязательной явки избирателей. Высокая явка должна была продемонстрировать высокий уровень поддержки населения, легитимность режима. Другим проявлением формализации выборов и управляемости населения стало введение возможности избрания кандидатов в их отсутствие на избирательном собрании в инструкции 1934 г. (ст. 56 инструкции ВЦИК)[687].

Кассация (отмена) выборов. В современном избирательном праве не используется понятие «кассация выборов», но хорошо известен его синоним «отмена выборов». В советском избирательном праве под кассацией понималось «признание состоявшихся выборов недействительными в силу нарушения в ходе избирательной кампании порядка голосования и определения его результатов»[688]. Это понятие было позаимствовано из дореволюционного избирательного права. Кассация (отмена) выборов и проведение повторных выборов предусматривались Положением о выборах в Государственную Думу 1905 г., однако сама процедура отмены выборов не была детализирована, основаниями для отмены выборов депутатов Государственной Думы являлись «принесенные на выборы жалобы, поступившие в Правительствующий сенат»[689]. Отсутствие конкретизации оснований отмены в положении о выборах, оставляло высокой роль усмотрения членов Сената. Разбор жалоб возлагался на первый департамент Правительствующего Сената.

В положении о выборах в Учредительное Собрание процедура отмены выборов также не была детализирована, основаниями для отмены результатов выборов и назначения повторных назывались «не состоявшиеся в срок выборы в одном или нескольких участках», при этом из положения не очевидны причины несостоявшихся

---

[687] Постановление ЦИК от 2 октября 1934 г. «Инструкция о выборах в Советы в 1934-1935 г.» // СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 395. Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

[688] Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 11. С. 412.

[689] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908. Ст. 59.

выборов, вероятно, таковыми являлась низкая явка избирателей[690]. Повторные выборы на участках, где они не состоялись, назначались окружной избирательной комиссией.

В законодательстве, принятом большевиками после прихода к власти, отмена выборов должна была превратиться в открытую процедуру проверки правильности выборов, стать формой непосредственной демократии в рамках избирательного процесса. В Конституции РСФСР 1918 г. отдельная пятнадцатая глава регламентировала вопросы проверки выборов, их отмены, что, безусловно, придавало особую роль и значимость этому институту. В соответствии с Конституцией 1918 г., проверку правильности выборов осуществляла мандатная комиссия, назначенная избранными депутатами Совета, иными словами, депутаты Совета сами проверяли правильность своего избрания. Создание независимого органа для проверки правильности не предполагалось. Отмена выборов допускалась в двух вариантах – признания неправильности избрания отдельных членов Совета, и неправильности выборов всего Совета. В первом случае, вновь избранный орган власти принимал решение о неутверждении отдельных депутатов, и имел право назначить новые выборы. В случае признания неправильности выборов всего Совета, решение об отмене принималось вышестоящим органом власти, и последней инстанцией по кассации советских выборов являлся ВЦИК[691]. Отсутствие регламентации оснований отмены результатов выборов как отдельных членов, так и всего Совета, создавало условия для произвола со стороны мандатных комиссий или большинства членов избранного Совета. Например, этот институт мог использоваться для давления на депутатов от оппозиционных партий или нелояльных новой власти, поскольку в Конституции принятие решение о наделении мандатом оставалось за большинством Совета.

В первой избирательной инструкции, принятой ВЦИК 2 декабря 1918 г., регламентировавшей проведение выборов в сельские и волостные Советы, развивались отдельные конституционные положения об отмене выборов. В соответствии с данной инструкцией, сельский Совет проверял правильность избрания депутатов, и в случае выявления «неправильно избранных делегатов» имел право лишить его полномочий и произвести перевыборы депутата, либо заменить первым из списка кандидатов. Жалобы

---

[690] Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994. Ст. 88.

[691] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. №51. Ст. 582.

на неправильное избрание всех членов сельского Совета подавались волостному съезду Советов, однако решение о признании выборов недействительным, в этом случае, возможно было только с утверждения ВЦИК. Аналогичная процедура предусматривалась и в отношении волостных съездов, они могли лишить мандата отдельных делегатов, решение об отмене выборов на волостной съезд принималось уездным съездом Советов. Основания лишения мандата или полной отмены выборов в первой избирательной инструкции не устанавливались.

Избирательные инструкции ВЦИК от 31 августа 1922 г. и 11 августа 1924 г. не детализировали порядок отмены выборов в Советы. В отличие от Конституции 1918 г. и инструкции ВЦИК от 2 декабря 1918 г., эти акты не содержали специальных разделов, регулировавших проверку правильности проведенных выборов и их возможную отмену. Инструкции 1922 и 1924 гг. лишь обозначали возможность отмены выборов, не называя ни оснований, ни органов, которые были уполномочены на подобные действия. Также обозначалась возможность обжалования их результатов, и обязанность вышестоящих избирательных комиссий рассматривать «протесты и жалобы на действия нижестоящих избиркомов» [692].

Избирательные инструкции, издававшиеся в 1920–1925 гг. губернскими исполкомами различно подходили к регулированию процедуры проверки правильности выборов и отмены выборов. Ряд местных инструкций игнорировали конституционную норму о возможности отмены выборов, и не содержали положений, регламентировавших проверку правильности проведения выборов и возможность отмены результатов. К числу таких инструкций относились Петроградская и Воронежская инструкции 1920 г.[693] Другие инструкции, например, Ленинградского и Нижегородского губисполкомов ограничивались лишь обозначением возможности отмены выборов, не поясняя порядка реализации процедуры[694]. Наиболее обстоятельно к вопросу отмены выборов подошли Смоленский и Пермский губернские исполкомы, в нарушение конституционной нормы, эти инструкции предполагали проверку

[692] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706; Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» // СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695.

[693] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 95. Д. 346. Л. 176–179; Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 27.

[694] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2 (об); Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 250 (об)–253 (об).

правильности избрания депутатов избирательными комиссиями, а не Советами, как того требовала Конституция 1918 г.[695]

Местные избирательные инструкции, также как и общероссийские акты, не устанавливали формальных оснований для отмены выборов, роль усмотрения при принятии решения об отмене результатов выборов оставалась высокой. В начале 1920-х гг. хотя и имелись определенные пробелы в правовом регулировании процедуры отмены выборов, но общероссийское законодательство и местное нормотворчество предоставляло возможность признания выборов недействительными.

Законодательство об отмене выборов получило новый импульс в связи с принятием решения о массовой отмене выборов в конце декабря 1924 г. 29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий»[696]. В дополнение к данному Постановлению 16 января 1925 г. приняты Постановление Президиума ЦИК «О перевыборах в Советы» и инструкция о выборах в Советы[697]. 24 января 1925 на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) после обсуждения вопроса об отмене выборов, проведении повторных перевыборов, был утвержден циркуляр о перевыборах Советов, разъясняющий партийным организациям страны необходимость массовой отмены выборов и проведения повторной избирательной кампании[698].

Каковы причины принятия решения о массовой отмене выборов зимой 1924/25 г.? В советской и современной историографии неоднократно обращались к изучению избирательной кампании 1924 г. отмене ее результатов. Наиболее распространенная версия причин отмены выборов сводится к низкой явке и активности избирателей, формальности избирательных процедур и используемому административному ресурсу. Данная аргументация в значительной мере воспроизводит озвученную позицию высшего советского руководства в 1920-е гг.[699] Так, Ю. С. Кукушкин, характеризуя выборные кампании 1921, 1922 и 1923 гг., отмечал положительную динамику в

---

[695] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. 21–23, 55–55(об).

[696] Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» от 29 декабря 1924 г.// СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3.

[697] Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54; Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «Об Инструкции о перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55

[698] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 486. Л. 3–17.

[699] Калинин М. Основные вопросы нашей внутренней политики // Власть Советов. 1925. № 1. С. 7; Белобородов А. Некоторые итоги выборов в деревне // Власть Советов. 1925. №1. С. 8–10.

активности избирателей, уровне организованности выборных собраний и степени доверия к представителям Коммунистической партии[700]. На выборах 1924 г., по мнению исследователя, произошла смена этой позитивной тенденции и явка крестьян на выборах в Советы снизилась[701]. Аналогичное мнение высказывал В. П. Андреев применительно к выборам в горсоветы[702]. Д. М. Корчагин также констатирует, что «формализация и бюрократизация в избирательной сфере в 1924 г. достигла своего апогея»[703].

Предварительные итоги выборов осенней кампании 1924 г., действительно, показали снижение активности избирателей, так, явка населения на выборы в сельсоветы составляла в 1922 г. – 22,3 %, в 1923 г. – 37,2 %[704], в 1924 г. – 28,9 % (данные по 40 губерниям, в которых проводились выборы до отмены их результатов)[705]. В городах явка составила в 1922 г. – 36,5 %, в 1923 г. – 38,5 %[706], в 1924 г. (по данным 114 городов) – 30,7 %[707]. Очевидно снижение активности населения, но никакого «провала» на выборах в 1924 г. не произошло. Изучение документов, характеризующих избирательные кампании 1921, 1922, 1923 и 1924 гг. показывает, что их организация, подготовка и проведение ничем принципиально не отличались. В отчетах губернских исполкомов о ходе и результатах выборах 1924 г., отложившихся в фонде НКВД, поступавших в ноябре – декабре 1924 г., совершенно не заметны признаки кризиса, исполкомы бодро рапортовали о показателях, аналогичных выборам 1923 г., и даже об их улучшении, о высокой активности интеллигенции, демобилизованных красноармейцев, в ряде мест женского населения[708]. Ни о какой «катастрофе» на выборах даже не упоминалось в отчетах, можно с уверенностью сказать, что об отмене выборов региональные власти не просили, это была исключительная инициатива высшего партийного руководства.

---

[700] Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М, 1968. С. 56–70.

[701] Там же. С. 118.

[702] Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920-1932 гг.). Томск, 1983. С. 124.

[703] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. … канд. ист. наук. М, 2003. С. 18.

[704] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 10.

[705] Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924 г. // Власть Советов. 1925. №11. С.11.

[706] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 47.

[707] Коковин Н. А. Городские Советы по выборам 1924 – 25 гг. // Власть Советов. 1925. №20. С.5.

[708] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 45–90; Д. 95. Л. 452–460; Д. 95а. Л. 3–44.

В исследованиях, посвященных изучению аграрной истории, взаимоотношению большевиков с крестьянами, нередко высказывается позиция о том, что массовое недовольство крестьян вынудило большевиков объявить политику «оживления Советов» и произвести отмену выборов 1924 г.[709] Политическая активизация крестьянства в 1924 г., недовольство крестьян высокими налогами, применением административного давления на выборах, фиксировалось, и это отчетливо видно по сводкам ГПУ, НКВД, отчетам ВЦИК. В докладе для Политбюро о политическом положении в стране в 1924 г. Ф. Э. Дзержинский отмечал, что «к концу третьего года нэпа, наметилась тенденция к быстрому пробуждению общественной жизни в деревне. Крестьянство приобрело способность к ясному пониманию и учету своих интересов, сознательной постановке, вытекающих отсюда задач и к резкой критике экономических мероприятий советской власти»[710]. А. В. Скрыпников 1924 год называет «исходным рубежом, когда крестьянство проявило с достаточной ясностью политическое сознание»[711]. В. А. Ильиных также полагает, что недовольство крестьян стал катализатором политических изменений: «власти опасались, что крестьяне от "голосования ногами" могут перейти к более активным действиям»[712]. Несомненно, что растущая активность крестьян подталкивала к принятию политических решений, но было ли их недовольство критичным для устойчивости режима?

Полагаем, что высокий уровень абсентеизма избирателей и недовольство крестьян были значимыми факторами, но послужить самодостаточными причинами отмены результатов выборов вряд ли могли. Кроме того, решение о массовой отмене выборов в стране готовилось в то время, когда итоги не были подведены. Анализ документов фонда Наркомата внутренних дел показывает, что на запросы ЦК ВКП(б), в ноябре 1924 г., сотрудники наркомата предоставляли предварительные сведения о результатах выборов, поскольку данные из большинства регионов либо не поступили, либо не обрабатывались, и потому однозначный вывод о резком понижении явки населения на выборы и формализации избирательного процесса сделать было

[709] Дмитриевцева А. А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.). Саратов, 2012. С. 19–20.

[710] Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. М.1991. Т. 2. С. 187.

[711] Скрыпников А. В. Нэп: несостоявшаяся альтернатива. Вестник ТПГУ, 2006. Вып. 1. С. 50.

[712] Ильиных В. А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 41.

невозможно[713]. Более того, общих статистических итогов избирательной кампании 1924 г. не подводилось, во всех статистических сборниках подводились итоги вместе с повторными выборами весны 1925 г.[714]

Появление высказываний об абсолютной формальности выборов 1924 г. и необходимости их отмены в советской прессе и в высказываниях руководителей связано с комплексом причин. Главной стало несоответствие ожиданий, на которые рассчитывало политическое руководство страны и результатов этой избирательной кампании. Накануне выборов был продекларирован курс на «оживление Советов», направленный на привлечение беспартийных крестьян, рабочих в Советы, провозглашено ослабление административного давления, однако это никак не сказалось на результатах выборов. Местные партийные и советские работники проводили кампанию привычными методами, с административным давлением и минимальным количеством лояльных участников, не уловив изменений политического курса. Сложно было ожидать другого, поскольку политика «оживления Советов», являвшаяся частью нового курса «Лицом к деревне» была объявлена на октябрьском Пленуме ЦК РКП(б) 1924 г., когда избирательная кампания уже шла полным ходом, а в ряде губерний завершалась. На эту причину указывал при подведении итогов кампании 1924 г. нарком внутренних дел А. Г. Белобородов: «выборы в большинстве губерний происходили с первых чисел сентября и окончились в октябре – ноябре, можно считать установленным, что Постановление партии пришло на места уже после окончания выборов»[715]. Кроме того, низовым советским и партийным работникам не рассказали о способах реализации политики «оживления Советов» в рамках избирательной кампании, не было и широкой пропагандистской кампании для населения, что также признавал нарком внутренних дел А. Г. Белобородов[716].

Представляется, что ключевым фактором принятия решения о массовой отмене выборов стало приобретение доминирующего влияния группировки в правящей партии, настроенной на расширение нэпа в результате победы во внутрипартийной борьбе. Объявление курса «Лицом к деревне» и его составной части «оживления Советов» было реакцией группировки, оказывавшей решающее влияние на политику в 1924 г.

---

[713] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.1а. Д. 94. Л. 223–230; Белобородов А. Некоторые итоги выборов в деревне // Власть Советов. 1925. №1 С. 8–10.

[714] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 10–11

[715] Белобородов А. Некоторые итоги выборов в деревне … С. 8.

[716] Там же.

(И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев) на обвинения в бюрократизации партийного аппарата, сформулированных Л. Д. Троцким в конце 1923 г. в серии статей «Новый курс», опубликованных в «Правде»[717]. Предлагаемая Л. Д. Троцким концепция «сверхиндустриализации», предполагавшая форсированную индустриализацию за счёт деревни и приоритетное развитие тяжелой промышленности (фактически реализованное Сталиным в 1930-е гг.), также сначала не нашла поддержки у правящего «триумвирата» в 1923–1924 гг.[718] После распада тройки в начале 1925 г. и формирования новой группировки, оказывавшей доминирующее влияние на определение курса в 1925 г. (И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский), концепция «сверхиндустриализации» подверглась жесткой критике, Л. Д. Троцкого и примкнувших к нему Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева обвинили в насаждении «внутреннего колониализма» и ограблении деревни[719]. В противовес доктрины «сверхиндустриализации» будущим блоком «правых» была сформулирована концепция развития страны – «врастания крестьянина в социализм»[720]. Меры по ограниченной политической демократизации должны были дополнить либеральный экономический курс, расширив поддержку режима за счет сотрудничества с широкими непролетарскими слоями города и деревни (выше обсуждались причины введения и соотношение курса «Лицом к деревне» и «Оживления Советов»).

Традиционно дискуссионный вопрос в литературе о степени влияния экономических мер на советскую политическую систему имеет прямое отношение к причинам принятия решения об отмене выборов. Многие исследователи справедливо отмечают исключительную противоречивость позиции большевиков относительно границ нэпа: либерализация в экономической сфере не сопровождалась политической[721]. Несмотря на все надежды оппозиционных партий, сменовеховцев, интеллигенции и даже части рядовых членов правящей партии за объявлением нэпа так и не последовало политической демократизации и ослабления однопартийной диктатуры, руководство большевиков было солидарно в необходимости сохранения

---

[717] Троцкий Л. Новый курс. (Письмо к партийным совещаниям) // Правда. 1923. 11 декабря; Чернявский Г.И., Фельштинский Ю. Г. Лев Троцкий. Оппозиционер. 1923-1929. М., 2013. С. 218.

[718] Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921-1929 гг. М., 2006. С. 362.

[719] Волкогонов Д. А. Троцкий. «Демон революции». М., 2011. С. 567

[720] Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925. № 9–10. С. 3–15.

[721] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. М., 2000. С. 101–110; Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 382–390; Шишкин В. А. Указ. соч. С. 112.

партийной монополии на власть[722]. Но верно и наблюдение Е. Г. Гимпельсона, что «расширявшийся нэп толкал на политические уступки»[723]. В 1924–1925 гг. маятник внутрипартийной борьбы качнулся в сторону группировки в правящей партии, настроенной на расширение нэпа и Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. И. Калинин получили возможность реализовать идеи на углубление экономических свобод и ограниченные политические уступки. Объявление политики «оживления Советов», запрет на использование административного ресурса на выборах, свидетельствовали о победе линии на ограниченную политическую демократизацию в 1924 и 1925 гг. Следует признать, что новый курс совпал с настроениями и ожиданиями населения, и помог преодолеть кризис легитимации власти большевиков.

Т. И. Морозова также видит причины массовой отмены выборов «в состоянии «верхов» правившей РКП(б)», но интерпретирует события в контексте эксперимента, реализации «окна возможностей» членов Политбюро ЦК РКП(б), составлявших второй эшелон элиты (Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова), пока «наиболее амбициозные члены Политбюро ЦК (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и И. В. Сталин) надолго увязли в «междоусобной» борьбе»[724]. При этом истинные мотивы назначения повторных перевыборов исследователь усматривает в стремлении «убедить общество в демократичности советского политического режима» и «переложить ответственность за проводимую правящей партией политику на беспартийных»[725]. Представляется, что обозначенные «истинные мотивы» все же являются вторичными относительно определения общеполитического курса. Без санкции доминирующей группировки в правящей партии осенью 1924 года, была бы невозможна отмена выборов и решение высших советских органов по демократизации избирательного процесса и привлечению к управлению в городе и деревне более широких слоев населения.

Как происходила институционализация массовой отмены выборов? В принятом 29 декабря 1924 г. Постановлении Президиума ЦИК СССР «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» ответственность за «недостаточно полное участие избирателей в выборах в ряде

---

[722] Павлюченков С. А. «Орден меченосцев» … С. 390–392; Шишкин В. А. Власть. Указ. соч. С. 249–250.

[723] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система … С. 39.

[724] Морозова Т. И. «Предоставление… прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских советов в Сибири (октябрь 1924–март 1925 года) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 61.

[725] Там же. С. 57.

районов» возлагалась на избирательные комиссии. Центральным исполнительным комитетам союзных, автономных республик и губернским исполкомам предлагалось отменить выборы в тех местах, где имелись неправильные действия и упущения в работе избиркомов и провести новые выборы[726].

Впервые в советском избирательном законодательстве основания и условия отмены выборов были сформулированы в Постановлении Президиума ЦИК «О перевыборах в Советы», принятом 16 января 1925 г. вместе с новой избирательной инструкцией[727]. Квалифицирующими признаками отмены выборов признавались: низкая явка – менее 35 % избирателей и наличие жалоб избирателей на незаконные действия органов, руководивших выборами. Особо подчеркивалось, что для отмены выборов было достаточно одного из перечисленных признаков. Выборы могли отменяться как в целом регионе, так и отдельных избирательных единицах. В Постановлении ЦИК СССР от 16 января 1925 г. регламентировался и порядок отмены выборов. Решение об отмене выборов принималось губернским исполкомом, о чем ставились в известность нижестоящие исполкомы и Советы, назначение повторных выборов производилось заблаговременно «с целью устранения поводов и причин, препятствовавших гражданам осуществлению избирательных прав»[728]. Губернским исполкомам предписывалось в первую очередь навести порядок с нарушениями в сфере незаконного лишения избирательных прав, и оповещения избирателей с помощью повесток[729].

Какой виделась новая модель выборов высшему партийному и советскому руководству? В циркуляре о повторных перевыборах Советов, утвержденном Политбюро ЦК ВКП(б) 25 января 1925 г., в инструкции, утвержденной ЦИК СССР 16 января 1925 г., в материалах и резолюциях Совещания по вопросам советского строительства (январь 1925 г.) четко обозначены новые принципы проведения выборов. Основными политическими директивами стали ограничение применения административного ресурса партийных, комсомольских и советских работников и укрепление доверия населения к власти. Для реализации этих директив предполагалось

---

[726] Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» от 29 декабря 1924 г.// СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3.

[727] Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54; Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «Об Инструкции о перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55.

[728] Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54.

[729] Там же.

привлечь к участию в выборах широкие слои городского и сельского населения, выдвигать беспартийных кандидатов Советов (не заранее утвержденных ячейками, а поддерживаемыми населением), сделать более открытым порядок проведения избирательных собраний, допускавший свободное выдвижение, обсуждение кандидатов, требований различных социальных групп населения[730]. Партийные органы, желая повысить доверие населения, акцентировали внимание на введении индивидуального порядка голосования, поскольку «опыт последней избирательной кампании показал, что вокруг требования голосовать обязательно по списку скрепляется максимум недовольства крестьян избирателей»[731]. В циркуляре также рекомендовали изменить порядок рассмотрения жалоб от населения, сделав его своевременным, в случае конфликтов, привлекая представителей населения[732]. Одним словом, в новой концепции выборов власть должна была проявлять чуткость и внимание к гражданам на всех стадиях избирательного процесса.

Дальнейшие изменения в правовом регулировании института отмены выборов в значительной степени обуславливались политической конъюнктурой и развитием избирательного процесса. Правовое регулирование отмены выборов в Конституции РСФСР, принятой XII Всероссийским Съездом Советов 11 мая 1925 г., не претерпело радикальных изменений, по сравнению с Конституцией 1918 г. Норма о возможности отмены выборов была сохранена в новой Конституции, но отчасти откорректирована с произошедшими изменениями в избирательном законодательстве. Проверка правильности выборов в соответствии со ст. 73 Конституции 1925 г. осуществлялась избирательными комиссиями, а не самим избранным Советом, как было ранее. Вместе с тем, в текст Конституции не вошли изменения, связанные с регламентацией оснований отмены выборов, ранее введенные в советские избирательные инструкции. Принятие решения о полной отмене выборов возлагалось на вышестоящий Совет, высшей инстанцией для обжалования выборов, как и ранее, назывался ВЦИК и его Президиум.

Инструкция о выборах в Советы, утвержденная декретом ВЦИК 13 октября 1925 г. – накануне избирательной кампании 1925/26 г., повторила большинство положений, ранее закрепленных в Постановлении Президиума ЦИК СССР «о

---

[730] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 486. Л. 3–17; ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 46. Д. 2. Л. 110–136; Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г. М., 1925. С. 205–212.

[731] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 486. Л. 15.

[732] Там же. Л. 16.

перевыборах в Советы» и инструкции о перевыборах в Советы ЦИК СССР от 16 января 1925 г. В инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. четко сформулированы основания, условия отмены выборов, а также органы, ответственные за рассмотрение жалоб на неправильное проведение выборов. Основаниями отмены в 1925 г. назывались низкая явка населения (менее 35 %) и жалобы на незаконные действия органов, руководивших выборами (использование административного давления). В последнем случае, уточнялось, что жалобы должны быть признаны основательными. В инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. уточнялись условия полной и частичной отмены выборов. Так, полная отмена выборов была возможна только в случае, если более половины депутатов Совета были избраны с нарушениями. Решение о частичной отмене принималось в отношении «отдельных членов Совета по отдельным участкам»[733]. Как и ранее, отмена выборов могла состояться в рамках любой административно-территориальной единицы – от села до края.

Относительно органа, принимавшего решение об отмене выборов, были внесены коррективы, в соответствии с инструкцией от 13 октября 1925 г. решение о полной отмене принималось вышестоящим исполкомом, о частичной – исполкомом Совета, в который производились выборы. Фактически это означало возвращение к нормам, действовавшим до Постановления от 16 января 1925 г. К этому вопросу вновь вернулись в инструкции о выборах в Советы, утвержденной декретом ВЦИК 4 ноября 1926 г., сочтя подобный порядок неправильным и не вызывающим доверие у населения. Принятие решения о частичной отмене выборов возлагалось на вышестоящий избирком, а полной – вышестоящий исполком. Тем самым, решению об отмене выборов придавалась большая авторитетность и независимость. Кроме того, решение об отмене подлежало обязательному публичному оглашению – на избирательных собраниях и в печати[734].

В остальном, правовое регулирование процедуры отмены выборов в инструкции о выборах 1926 г. не претерпело существенных изменений. В качестве основания отмены не называлась низкая явка, но избирательное собрание признавалось состоявшимся при

---

[733] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

[734] Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1926. № 66. Ст. 501; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

явке не менее 35 %. Поэтому фактически изменений в определении условий отмены выборов не произошло. Второе условие отмены выборов – жалобы на незаконные действия органов, руководивших выборами, осталось неизменным.

Избирательное законодательство 1930-х гг. не внесло существенных изменений в правовую регламентацию процедуры отмены выборов, неизменными остались общие условия и органы, производившие отмену выборов. В инструкциях 1930 и 1934 гг. вводился более высокий необходимый порог явки избирателей для признания выборов действительными, в 1930 г. – 40 % и в 1934 г. – не менее половины избирателей. Основание отмены, связанное с незаконными действиями органов, руководивших выборами (использованием административного ресурса), в инструкциях 1930 и 1934 гг. не устанавливалось[735].

Выводы. Институт избирательных собраний занимал центральное место в советской избирательной системе, поскольку он включал процедуру голосования и определения результатов выборов, но как ни парадоксально, развитию этого института не уделялось должного внимания. Многие процедуры и стадии были урегулированы в самом общем виде, оставляя простор для применения административной дискреции со стороны организаторов выборов, что наглядно продемонстрируют избирательные практики.

Становление института избирательных собраний имело схожие этапы развития с другими институтами советской избирательной системы. На первоначальном этапе (1918–1924 гг.) установление принципов и избирательных процедур было возложено на региональные исполнительные комитеты, отсутствовали унифицированные избирательные единицы и порядок проведения собраний. Этап характеризовался минимальной конкретизацией принципов и порядка проведения выборов, создавшим благоприятные условия для произвольных действий организаторов выборов и многочисленных нарушений. На выборах в горсоветы преобладал производственный

[735] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654; Постановление Президиума ЦИК от 3 октября 1930 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1930. № 50. Ст. 524; Постановление ЦИК от 2 октября 1934 г. «Инструкция о выборах в Советы в 1934-1935 г.» // СЗ СССР. 1934. №50. Ст. 395; Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

принцип организации собраний, в сельские Советы – территориальный принцип, избирательные единицы и их численность варьировались в законодательстве.

Второй этап (1925–1936 гг.) характеризовался унификацией принципов и процедур проведения собраний при попытках ограниченной демократизации. В этот период закреплен производственно-территориальный порядок, соответственно проведение собраний по территориальному принципу в городах стало обязательным. В сельской местности существенно уменьшены избирательные единицы, что делало выборы в сельские Советы удобными для участия крестьян. Были урегулированы избирательные процедуры, ранее остававшиеся на усмотрение организаторов выборов (оповещение избирателей о времени и месте проведения собрания, фиксация явки избирателей, выдвижение и обсуждение кандидатов (списков), голосование за кандидатов в депутаты, составление итогового протокола). Наряду с позитивными изменениями, в 1925 г. был впервые закреплен открытый порядок голосования в качестве единственно возможного, что демонстрировало крайнюю ограниченность демократизации избирательного процесса, проводимую в рамках реализации политики «оживления» Советов. Наличие пробелов в регулировании избирательных процедур, связанных с участием партий на выборах и предвыборной агитацией симптоматично и свидетельствует, что выбор между расширением поддержки населения и сохранением политической монополии, руководством страны был сделан в пользу последнего.

Институт кассации (отмены) выборов в избирательной системе обычно занимает второстепенное, подчиненное место по отношению к основным институтам, т.к. представляет лишь возможность восстановления права в случае его нарушения, которые заведомо являются исключением из общего правила или порядка. Советский институт кассации выборов также занимал вполне закономерное периферийное место в избирательной системе, но обладал выраженной спецификой. Доминирующее влияние на его развитие оказывала политическая конъюнктура, и в середине 1920-х гг. на короткий период он приобрел ключевое значение.

Этапы развития института кассации выборов были типичными для советской избирательной системы. По первоначальному замыслу большевиков отмена выборов должна была стать открытой формой непосредственной демократии в рамках избирательного процесса. Однако в отсутствие регламентации оснований, условий, порядка отмены выборов на первом этапе (1918–1924 гг.), делало эту процедуру

малоприменимой, кроме того, создавало благоприятные условия для дискреционных действий комиссий или Советов, использовалось в качестве дополнительного механизма давления на депутатов от оппозиционных партий или нелояльных новой власти.

Решение о массовой отмене выборов в стране в декабре 1924 г. стало ключевым событием в развитии института. В рамках второго периода (1925–1936 гг.) четко регламентированы основания, условия и порядок отмены выборов. В 1925 г. институт кассации выборов стал важным элементом изменившейся избирательной модели, характеризовавшейся ослаблением партийно-государственного давления на население, более широким и свободным участием избирателей на выборах. Политические изменения конца 1920-х и 1930-х гг. привели к выхолащиванию демократического импульса из института отмены выборов, и превращение его в элемент механизма выявления «классовых врагов» и обеспечения «классовой чистоты» составов Советов.

1.4. Неравные и непрямые выборы

Неравные выборы (нормы представительства). Непрямые и неравные выборы являлись одной из основополагающих характеристик дореволюционной избирательной системы. Проведение непрямых выборов требовало установление норм представительства. Ограниченное распространение многостепенных выборов на первоначальном этапе становления выборов, не позволяет исследователям точно установить нормы представительства. По мере распространения практики непрямых выборов в XVIII в., более определенными становятся и количественные показатели представительства. Как установила И. В. Минникес нормы представительства на выборах в XVIII в. были привязаны к территориям и существенно варьировались по уездам и губерниям[736]. При Екатерине II происходит дальнейшая формализация норм представительства, однако на практике они зачастую не соблюдались, и уменьшались как в большую, так и меньшую стороны [737].

Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. предусматривавшее куриальные, многостепенные выборы, определяло и нормы представительства в земские и городские учреждения для разных курий. Однако несмотря на большую определенность норм, по сравнению с дореформенным периодом, универсальные количественные показатели не были зафиксированы в положении 1864 г.[738] Нормы существенно варьировались по губерниям, что частично объяснялось численностью населения в них, а частично – административным усмотрением лиц, принимавших решения. Конкретное количество гласных избираемых в уездные земские собрания определяло Министерство внутренних дел, и направляло губернаторам предписание[739]. Так, в 1866 г. во Владимирской губернии предстояло избрать 207 гласных от курии землевладельцев, 47 – от городов и 169 от крестьян, в Калужской губернии в 1865 г. – соответственно 169, 47 и 133 гласных[740]. При этом, при равном количестве гласных от городов, число уездных городов во Владимирской и

[736] Минникес И. В. Указ. соч. С. 462–463.
[737] Минникес И. В. Указ. соч. С. 463–464.
[738] Высочайше утверждённое Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // ПСЗ. Собр. II. Т.XXXIX. Отд-ние 1-е. СПб. 1867. Ст. 40934. С.2.
[739] Абрамов В. Земская избирательная система // Родина. 1992. № 11–12. С. 30–33.
[740] Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 494; Свиридова Т.А. Калужское земство: 1865 – 1918: очерки истории, Калуга, 1996. С. 88.

Калужской губерниях отличалось (14 против 11), Владимирская губерния имела преимущества и в числе гласных от землевладельцев. Роль усмотрения организаторов выборов при установлении норм представительства на выборах в земские учреждения была довольно существенной. По подсчетам специалистов, в среднем, квота первой (землевладельческой курии) в уездном земском собрании составляла 45–50 %, второй (городской (11–15 %) и третьей (около 40 %)[741].

В результате контрреформы 1890 г. нормы представительства на выборах в земства были перераспределены в пользу первой курии, землевладельческая курия избирала 55 % уездных гласных, городские собственники – 12,8 %, представительство крестьянской курии сократилось с 40 до 32 %[742]. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г., как и положение 1864 не содержало универсальных норм представительства, изменение норм представительства произошло за счет ужесточения цензов[743].

Избирательное законодательство о выборах в Госдуму 1905–1907 гг., опиралось на сложившийся опыт выборов в земские и городские учреждения, воспроизводило многостепенное, куриальное и цензовое право. Нормы представительства на съезды непосредственно не регламентировались в положении о выборах в Государственную Думу 1905 г., как и ранее, законодательство не содержало универсальных норм представительства, напротив, содержало детализированный перечень цензов и исключений для различных губерний и областей. Однако еще до революции посчитали примерное соотношение избирателей по куриям с учетом «расписания числа членов Государственной Думы по губерниям, областям и городам»[744]. В 1906 г. в результате применения всех избирательных цензов и расписанию числа выборщиков по куриям для каждого уезда губернии, приходился один выборщик – на 1 тыс. землевладельцев, 4 тыс. горожан, 50 тыс. крестьян и 90 тыс. рабочих[745]. По другим данным, один выборщик представлял 2 тыс. землевладельцев, 4 тыс. горожан, и 30 тыс. крестьян[746]. По избирательному закону 1907 г. нормы представительства от горожан, крестьян и рабочих еще уменьшились, а от землевладельцев, напротив,

---

[741] Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М., 1993. С. 187.

[742] Шутов А. Ю. Реформа земской избирательной системы в России 1890 г. М., 1997.

[743] Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. // ПСЗ Российской империи. Соб. III. Т.X. Отделение 1-е., СПб., 1893. Ст. 6927. С. 493–511.

[744] Лосицкий А. Избирательная система Государственной Думы. Спб., 1906. С. 34.

[745] Там же.

[746] Очерки по истории выборов и избирательного права … С.542–543.

существенно увеличились[747]. Так, один выборщик от землевладельческой курии представлял 230 избирателей, от городской курии – 7 000 избирателей, крестьянская курия посылала одного выборщика от 60 000 избирателей и рабочая курия – от 125 000 избирателей[748].

В целом, в дореволюционной избирательной системе сочетались сословное и буржуазное представительство, в отличие от европейских государств начала XX в., где неравенство определялось имущественным цензом, преимущества в представительстве в России определялись двумя факторами: наличием имущественного ценза и принадлежности к определенной курии. Несмотря на то, что многостепенность и неравенство были базовыми чертами дореволюционной избирательной системы, количественные показатели норм представительства не нашли четкой регламентации, законодательство оставалось архаичным, со множеством исключений для различных регионов и групп населения.

Февральская революция внесла радикальные изменения в основополагающие принципы российской избирательной системы, отменив все основания для неравенства, выборы в Учредительное собрание должны были проводиться на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права[749].

Большевики, придя к власти, подвергли существенной ревизии февральскую избирательную систему, вернувшись к неравному, непрямому и невсеобщему представительству, жестко критикуемому до революции. Предоставление преимущества в нормах представительства пролетариату являлось одним из оснований для критики европейских либералов и социал-демократов советской избирательной системы. Так, К. Каутский обвинял основателей советского государства в извращении марксистской теории, и установлении невсеобщего и неравного избирательного права[750]. Ленин, защищая преимущества пролетариата перед крестьянским населением в нормах представительства, главным аргументом считает его лучшую организацию: «авангард трудящихся и эксплуатируемых… наилучше объединен крупными предприятиями; ему всего легче выбирать и следить за выбранными»[751].

---

[747] Ефремова Н.Н. Становление избирательного права в России // Государство и право. 1998. №3. С. 111–118.

[748] Очерки по истории выборов и избирательного права … С.550–551.

[749] Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994.

[750] Каутский К. Указ. соч. С. 56.

[751] Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский … С. 258.

В литературе советский институт неравного представительства остается практически неизученным, в отличие от дореволюционного периода. Исследователи констатируют его наличие как особенность раннесоветской избирательной системы, но его становление, эволюция, роль в избирательной системе не анализируются[752].

Введение непрямого и неравного представительства актуализировало вопрос об определении норм представительства от различных социальных групп на выборах в Советы и на съезды. В массиве советского избирательного законодательства определение норм представительства занимало значительное место. Помимо конституционных норм и положений, ВЦИК издавал значительное число декретов и постановлений, определявших нормы представительства в отдельных регионах, городах или для конкретных групп населения.

Исходные конституционные нормы представительства, установленные в Конституции РСФСР в 1918 г., предполагали единую норму в горсоветы для горожан – 1 депутат на каждую 1000 чел. населения и для крестьян в сельские Советы 1 депутат от 100 чел.[753]. Представительство на съезды в Конституции 1918 г. определялось по значительно более сложным правилам. Напомним, что выборы на съезды всех уровней были непрямыми. Волостные съезды избирались из представителей всех сельских Советов, из расчета 1 депутат на каждые 10 членов сельсовета. Уездные или районные Советы также избирались из депутатов сельсоветов из расчета 1 депутат на 1 тыс. жителей (жители небольших городов избирали по аналогичной норме). На вышестоящие съезды правила установления норм представительства еще более усложнялись, поскольку для горожан и сельских жителей нормы устанавливались в разнородных единицах (для горожан – от числа избирателей, для сельских жителей – от общего числа жителей). На губернские (окружные) съезды горожане избирали по норме 1 депутат от 2-х тыс. избирателей, при этом выборы были прямыми. Для сельских жителей выборы на губернские съезды были многостепенными, на них делегировали своих представителей горсоветы, волостные или уездные съезды, исходя из нормы 1 депутат на 10 тыс. жителей. Преимущество городского населения в нормах

[752] Лукьянчикова Л. В. Советская политика вовлечения общества в управление государством: теоретическая модель и конституционно-правовое закрепление в первые годы советской власти // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3. С. 6–11; Исаев И. А. 1918: Конституционный выбор // LEX RUSSICA. 2018. №11 (144). С. 162–168; Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 610–611.

[753] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

представительства сохранялось и на областных съездах[754]. Усложненная система норм представительства, с большим количеством исключений, примечаний в Конституции, изначально вызывала сложности у работников местных Советов, не способствуя их точному соблюдению.

Законодательное регулирование норм представительства в начальный период существования советской власти отличалось исключительной нестабильностью. Непрерывному изменению подвергались нормы, единицы представительства и территориальные уровни. Пересмотр норм представительства происходил фактически ежегодно, и начался на следующий год после принятия первой советской Конституции 1918 г. Так, VII Всероссийский съезд Советов для избрания на волостные съезды изменил единицу представительства, если в Конституции 1 депутат волостного съезда избирался от 10 членов сельсовета, то в 1919 г. 1 депутат – на каждые 100 жителей. В положении о волостных съездах Советов 1922 г. вновь вернулись к конституционной норме представительства, изменив единицу исчисления представительства (1 депутат на каждые 10 членов сельсовета)[755]. В положении о волостных съездах 1924 г. изменилась единица измерения и норма в сторону уменьшения представительства (1 депутат от 300 жителей)[756].

Нормы представительства на уездные съезды начали менять в 1919 г. Так, если норма от сельских Советов осталась прежней – 1 депутат на 1 тыс. жителей, то жители рабочих поселков и небольших городов были выделены в отдельную категорию и получили значительное преимущество перед крестьянами, делегируя от Советов городов и фабрично-заводских поселков 1 депутата от 200 избирателей[757].

Положение об уездных съездах 1922 г. еще более увеличивало преимущество в представительстве городских жителей, установленное Конституцией и Постановлением VII Всероссийского съезда Советов. От сельских Советов на уездный съезд устанавливалась норма представительства 1 депутат на 2000 жителей, а от горсоветов –

---

[754] Там же.

[755] Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 92.

[756] Постановление 2-й сессии Всероссийского Центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 826.

[757] Резолюции постановления 7-го Всероссийского съезда Советов от 12 декабря 1919 г. «О советском строительстве» // СУ РСФСР. № 64. Ст. 578.

1 от 200 избирателей (преимущество составляло не менее 5 раз)[758]. В 1924 г. нормы представительства вновь изменили. Положение об уездных съездах Советов, принятое 2-й сессией ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 г., сохраняло норму представительства для сельских Советов, установленную аналогичным положением 1922 г. (1 депутат на 2000 жителей). Но при этом, положение 1924 г. устраняло значительное преимущество горожан перед крестьянами на уездных съездах, уравнивая их в нормах представительства[759].

В меньшей степени претерпели изменения нормы представительства на губернские съезды. Постановлением VII Всероссийского съезда Советов «о Съездах Советов» сохранялась конституционная норма – от волостных съездов 1 депутат на 10 тыс. жителей, от Советов городов и фабрично-заводских поселков – 1 депутат от 2 тыс. избирателей[760]. Положение о губернских съездах Советов 1922 г. также в основном сохранило нормы представительства, предусмотренные Конституцией и Постановлением VII Всероссийского съезда Советов. Для горожан представительство на губернских съездах было двухстепенным (от городских и поселковых советов) по норме 1 депутат от 2000 избирателей. Для крестьян – четырех степенным (от уездных съездов), по норме 1 депутат на 10000 жителей[761].

Нормы представительства в горсоветы также не отличались стабильностью в общероссийских актах 1920-х гг. Уже в первом положении о горсоветах, принятом в 1922 г., нормы представительства были откорректированы по типам городов (губернских, уездных и заштатных городах и поселках городского типа). Общая норма представительства в городах с населением свыше 10 000 чел. была повышена по сравнению с Конституцией – 1 депутат от 200 избирателей[762].

Объявленная в 1924 г. политика «оживления Советов», предполагала создание Советов во всех городах, придание им черт реальных органов местного самоуправления, что привело к еще более существенному пересмотру норм представительства, а также

---

[758] Положение об уездных съездах, Советах и их исполнительных комитетах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 91.

[759] Постановление 2-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825.

[760] Резолюции постановления 7-го Всероссийского съезда Советов от 12 декабря 1919 г. «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1919. № 64. Ст. 578.

[761] Постановление IV сессии ВЦИК IX созыва «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907.

[762] Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90.

функций горсоветов. Положение о горсоветах от 24 октября 1925 г. устанавливало нормы представительства в зависимости от численности населения в городе или поселке, существенно повысив нормы представительства, установленные положением о горсоветах 1922 г. В положении 1925 г. в поселке или городе с численностью населения до 1000 чел., 1 депутат избирался от 15 избирателей; от 1000 до 3000 жителей – 1 депутат от 20 избирателей. В крупных городах норма представительства была существенно ниже, в городах с численностью населения от 50 000 до 100 000 чел. населения избирался 1 депутат от 200 избирателей. Для столиц – Москвы и Ленинграда были предусмотрены особые нормы – 1 депутат от 400 избирателей[763]. Очевидно, что при данных нормах представительства в наиболее выгодном положении оказывались жители небольших городов и фабрично-заводских поселков. Остальные города также имели возможность сформировать значительные по численности горсоветы.

Причиной неустойчивости конституционных норм представительства в горсоветы в 1920-е гг. стала их изначальная непродуманность, обобщенность, по сути, они подходили только для крупных городов. М. Ф. Владимирский – замнаркома внутренних дел, оправдывая установленные в Конституции нормы, отмечал: «в 1918 г., когда вырабатывалась Конституция, не было еще возможности точно регламентировать на основании имевшегося опыта, нормы представительства и порядок производства выборов в горсоветы. В каждом городе устанавливались свои нормы представительства в зависимости от численности населения в городе, от профессионального состава населения, от степени концентрации промышленности и целого ряда других местных условий»[764].

Неизменными на протяжении 1920-х гг. остались только нормы представительства в сельские Советы (1 депутат от 100 жителей). Эта норма была закреплена в положении о сельских Советах, принятом декретом ВЦИК от 15 февраля 1920 г., затем получила подтверждение и в положении о сельских Советах от 16 октября 1924 г.[765]

---

[763] Постановление, принятое на 2 сессии ВЦИК XII созыва от 24 октября 1925 г. «Об утверждении Положения о городских Советах» // СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 662.

[764] Владимирский М. Организация советской власти … С. 31.

[765] Декрет ВЦИК от 15 февраля 1920 г. «О сельских Советах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. №11. Ст. 68; Постановление 2-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» // СУ РСФСР. 1924. №82. Ст. 827.

Нормы представительства на выборы в Советы и съезды первой половины 1920-х гг. стали воплощением революционного хаоса. В законодательстве использовались различные единицы представительства – жители, избиратели и депутаты, жители – преимущественно для измерения сельского населения, а избиратели – городского населения. Соотношение норм представительства городского и сельского населения в разных единицах (от горожан – в избирателях, от крестьян – в жителях) сохранилось в советском избирательном законодательстве до 1936 г. Соответственно преимущество горожан было не пятикратным, а значительно меньшим. Вычисление точного соотношения преимущества между городскими и сельскими избирателями, представляло сложность даже для сотрудников НКВД, занимавшихся в первой половине 1920-х гг. организацией выборов в стране. В записке заместителя наркома внутренних дел 1924 г., отмечалось, что «для выяснения существующего неравенства между представительством городских и сельских Советов необходимо установить, что в сельских местностях достигшие избирательного возраста по отношению ко всему населению составляют приблизительно 50 %, а в городах – 60 %»[766]. По подсчетам НКВД, реальное неравенство крестьян и горожан на губернских и уездных съездах в 1924 г. составляло 2,5 раза[767].

Бесконечные изменения норм представительства, использование разных единиц измерения в значительной степени остаются необъяснимыми, поскольку они не меняли принципиально соотношение городского и сельского населения, но их нестабильность серьезно усложняла применение на местах, внося дополнительный хаос в организацию выборов.

Во второй половине 1920-х гг. происходит относительная стабилизация норм представительства. Они были установлены в Конституции РСФСР 1925 г. в соответствии с новым административно-территориальным делением страны. Большая часть норм была перенесена из положений, принятых в 1924 г., так на волостные, губернские, областные (краевые). Всероссийский съезды нормы остались прежними. Изменения коснулись норм на окружные и уездные съезды. На уездные была изменена единица представительства, если в 1924 г. один депутат избирался двумя тыс. сельских жителей, то в Конституции – от горсоветов – один депутат на двести

[766] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.1а. Д. 94. Л. 1.
[767] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.1а. Д. 94. Л. 1; Д. 166. Л. 16–20.

избирателей и от волостных съездов Советов – один делегат на одну тыс. чел. населения. Также отдельные нормы введены для окружных съездов. От горсоветов – один делегат от 1000 избирателей и от районных съездов Советов – один делегат от 5000 чел. населения[768].

Во второй половине 1920-х гг. трансформируется механизм изменения норм представительства, если ранее меняли общие положения к каждой избирательной кампании, то с 1925 г. общие нормы оставались неизменными, но принимались нормативные акты, устанавливавшие нормы представительства для отдельных областей, районов или городов[769]. Изменение механизма связано с институциональными переменами – передачей руководства выборами от Наркомата внутренних дел к Центризбиркому. Позиция последнего заключалась в последовательной унификации норм, выработке единых правил их установления, борьбе со стихийностью избирательного процесса.

Отступления от единых правил Центризбиркомом допускались для регионов с выраженной национальной и климатической спецификой, становясь предметом торга между центром и регионами. Большинство нормативных актов 1926–1929 гг., принятых ВЦИК, были направлены на повышение уровня активности населения окраин, национальных республик и областей[770].

---

[768] Конституция РСФСР от 11 мая 1925 г. принята Постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11.05.1925 г. // СУ РСФСР. 1925. №30. Ст.218.

[769] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. №79. Ст. 603; Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 4 ноября 1926 г.// СУ РСФСР. 1926. №75. Ст.577.

[770] Декрет ВЦИК и СНК от 11 января 1926 г. «Об изменении норм представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. 1926. № 5. Ст. 29; Декрет ВЦИК от 11 января 1926 г. «Об изменении норм представительства для выборов делегатов на волостные, районные и уездные съезды Советов» // СУ РСФСР. 1926. № 8. Ст. 54; Постановление ВЦИК от 6 декабря 1927 г. «О дополнении инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. о выборах в Советы для Киргизской АССР» // СУ РСФСР. 1927. № 2. Ст. 9; Постановление ВЦИК от 10 января 1927 г. «Об установлении для автономной Карельской АССР на избирательную кампанию 1926–1927 гг. норм представительств при выборах в Советы и на съезды Советов»// СУ РСФСР. 1927. № 6. Ст. 50; Постановление ВЦИК от 10 января 1927 г. «Об установлении на текущую избирательную кампанию нормы представительства на республиканский съезд Советов Автономной Бурят-Монгольской ССР от горсовета города Верхнеудинска // СУ РСФСР. 1927. № 6. Ст. 51; Постановления ВЦИК от 14 марта 1927 г. «О дополнении инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. о выборах в Советы для автономной Калмыцкой области» // СУ РСФСР. № 28. Ст. 184; Постановления ВЦИК от 14 марта 1927 г. «Об изменении постановления ВЦИК и СНК от 11 января 1926 г. об изменении норм представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. № 28. Ст. 185. Постановление ВЦИК от 23 января 1928 г. «Об изменении постановления Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 11 января 1926 г. «Об изменении норм представительства для выборов делегатов на волостные, районные и уездные съезды Советов» // СУ РСФСР. 1928. № 15. Ст. 121; Постановление ВЦИК 17 декабря 1928 г. «О нормах представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. 1929. № 5. Ст. 53; Постановление ВЦИК от 4 февраля 1929 г. «Об изъятиях из Положения о краевых (областных), окружных и

В целом, во второй половине 1920-х гг., были выработаны единые подходы к определению норм в различных регионах, и правила установления исключения из них. Эти подходы успешно реализовывались и в кампании 1930-х гг.

В 1930-е гг. нормы представительства были откорректированы в связи с проведением очередной административно-территориальной реформы. В 1929 – 1930 гг. произошла окончательная ликвидация четырехзвенной системы управления (волость – уезд – округ – губерния (область или край)) и повсеместно введены два основных звена управления (районы и области (края))[771]. Переход от сложной, разнородной по различным регионам системы административного деления, к двухзвенной унифицированной потребовал внесения изменения и в нормы представительства. Инструкция о выборах 1930 г. и положения о съездах вводили единые нормы. Районные съезды формировались из представителей горсоветов по расчету один делегат от 60 избирателей, от сельских Советов один делегат от 300 чел. населения. Делегаты на краевые (областные) съезды избирались от горсоветов по норме – один делегат от 2500 избирателей и от райсъездов – один делегат от 12 500 чел. На Всероссийские съезды нормы сохранялись: от горсоветов – один делегат на 25 000 избирателей, и от республиканских и краевых съездов один делегат на 125 000 чел. населения[772]. В законодательных актах, принимаемых в 1934 гг. нормы представительства на съезды не претерпели принципиальных изменений[773]. В инструкцию о выборах дополнительно были введены нормы на окружные съезды, входящие в состав АССР[774].

районных съездах Советов и их исполнительных комитетах для Северо-Кавказского края» // СУ РСФСР. 1929. № 15. Ст. 166; Постановление ВЦИК от 4 февраля 1929 г. «Об изъятиях из Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах и их исполнительных комитетах для Сибирского края» // СУ РСФСР. 1929. № 15. Ст. 167; Постановление ВЦИК от 4 февраля 1929 г. «Об изъятиях из Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах для Уральской области» // СУ РСФСР. 1929. № 15. Ст. 168; Постановление ВЦИК от 25 февраля 1929 г. «Об изменении статьи 23 постановления Президиума ВЦИК от 17 декабря 1928 г. о нормах представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. 1929. № 20. Ст. 216.

[771] Тархов С. А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России. М., 2001. С. 191–213.

[772] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Постановление ВЦИК от 1 января 1931 г. «Об утверждении Положения о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1931. № 11. Ст. 143.

[773] Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226. Постановление ВЦИК от 20 октября 1934 г. «О нормах представительства при выборах в городские и районные Советы» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 227. Постановление ВЦИК от 23 октября 1934 г. «О количественном составе районных съездов Советов» // СУ РСФСР. 1934. № 39. Ст. 239.

[774] Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

В избирательные кампании 1930/31 и 1934/35 г., в отличие от предыдущего периода, ВЦИК не стал устанавливать отдельные нормы для городов, регионов или групп населения. Для проведения выборов 1930-х гг. впервые не устанавливались различные нормы для «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей. Это знаковое изменение свидетельствовало, что власти решили проблему с управляемостью населения на выборах, и более не требовалось вводить преференции пролетарским слоям населения для получения необходимых результатов на выборах.

Помимо этого, в 1930-е годы произошел отказ от практики принятия отдельных постановлений норм представительства для каждой автономной области, в 1930 г. было издано единое постановление ВЦИК, включавшее все АССР. Самые высокие нормы представительства были в наиболее малонаселенных автономных областях и округах: в Ненецком национальном округе, Черкесской, Ойратской, Карачаевской, Ингушской и Адыгейской автономных областях. Так, в Черкесской автономной области на республиканские съезды избирали одного делегата от 40 городских избирателей и 200 чел. сельского населения, в Ненецком округе – одного делегата от 75 городских избирателей и 375 чел. сельского населения[775]. В 1934 г. было издано аналогичное постановление ВЦИК, включавшее нормы представительства для всех автономных областей и округов[776].

В 1931–1933 гг. продолжалась дальнейшая унификация норм представительства, в т.ч. норм, установленных для национальных меньшинств Крайнего Севера. В постановлениях ВЦИК были установлены единые нормы для проведения перевыборов советов, районных и окружных съездов Советов в национальных районах и округах Крайнего Севера. По сравнению со всеми остальными регионами, нормы были повышены в сельские Советы в 2 раза (1 делегат от 50 чел. населения), в туземные Советы – в 3,5 раза (1 делегат от 30 чел.). Сельские Советы образовывались в местностях с преимущественно оседлым населением, туземные Советы – с кочевым или полукочевым населением. На районные съезды нормы были повышены в 3 раза от сельских Советов (1 делегат на 100 чел. населения) и в 6 раз от туземных Советов (1

[775] Постановление ВЦИК от 10 ноября 1930 г. «О нормах представительства и о порядке выборов на съезды Советов для автономных республик, автономных областей и отдельных национальных округов» // СУ РСФСР. 1930. № 57. Ст. 681.

[776] Постановление ВЦИК от 1 ноября 1934 г. «О нормах представительства и о порядке выборов на съезды Советов для автономных республик, автономных областей и отдельных национальных округов» // СУ РСФСР. 1934. № 40. Ст. 246.

делегат от 50 чел. населения). На окружные съезды один делегат на 400 чел. избирался от районных съездов Советов и один – от 80 избирателей горсоветов[777].

Неравные выборы были традиционным институтом отечественного избирательного права, имевшим многовековую историю, нормы представительства играли важнейшую роль в обеспечении преимущества привилегированных курий на выборах. Отвергнув собственные программные требования, и опыт проведения равных выборов в Учредительное собрание, большевики ввели в избирательную систему неравное представительство, обеспечив преимущество пролетариата на выборах. Значимость института неравных выборов в советской избирательной системе определялась приоритетным характером его развития и огромным объемом в массиве избирательного законодательства 1918–1936 гг.

Институт неравных выборов выполнял исключительно важную роль в советской избирательной системе, став одним из ключевых инструментов, позволившим большевикам, формировать необходимые им составы Советов и съездов. Основным элементом этого механизма, заложенным первой советской Конституцией 1918 г., стало предоставление преимущества в нормах представительства городского населения перед сельским. Последующее развитие норм представительства обозначило еще две категории населения, которым большевики предоставляли дополнительные преимущества в представительстве на выборах – пролетарские слои населения в городах и национальные меньшинства.

Становление института неравных выборов проходило в рамках двух этапов характерных для развития советской избирательной системы. Для первого этапа (1918–1924 гг.) была свойственна высокая нестабильность норм и разнородность единиц представительства в горсоветы и на съезды всех уровней. Ежегодно меняя нормы представительства, большевики искали оптимальное соотношение населения в советских органах власти. Нестабильность норм серьезно усложняла применение на местах, внося дополнительный хаос в организацию выборов. В рамках второго этапа (1925–1936 гг.) происходит относительная стабилизация и унификация норм

[777] Постановление ВЦИК от 10 сентября 1931 г. «О проведении перевыборов Советов, районных и окружных съездов Советов в национальных районах и округах Крайнего Севера» // СУ РСФСР. 1931. № 56. Ст. 413. Постановление ВЦИК и СНК от 20 апреля 1932 г. «Об утверждении Положения об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1932. № 39. Ст. 176. Постановление ВЦИК и СНК от 20 августа 1933 г. «Об утверждении Положения о кочевых Советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 49. Ст. 209.

представительства. Новый механизм предполагал при сохранении общих норм вносить изменения в нормы представительства для отдельных областей, районов или городов.

На нестабильность норм представительства оказывали влияние не только политические факторы, но и проведение административно-территориальных реформ, введение одних единиц и ликвидация других (расформированием волостей, уездов, введением окружной, а затем районной и областной системы), предопределила внесение изменений в нормы представительства. Нередко изменение норм представительства было связано с непродуманностью изначальных норм. Попытка установления единых норм в Конституциях и ряде других актов при чрезвычайно разнообразных условиях проживания населения страны закономерно потребовали многочисленных корректировок этих норм.

Институт неравных выборов был ликвидирован в Конституции СССР 1936 г., ст. 134 которой вводила равное избирательное право на выборах «во все Советы депутатов трудящихся»[778]. Отечественная традиция проведения неравных выборов прекратила свое существование.

Непрямые выборы. Многостепенность выборов являлась одной из традиционных особенностей дореволюционной избирательной системы. На этапе становления выборов, непрямые выборы имели крайне ограниченное распространение, и лишь в XVIII в. происходит расширение практики непрямых выборов, в XIX в. многостепенные выборы становятся устойчивой практикой. Минникес И. В. отмечает, что «к началу XIX в. многостепенные и прямые выборы рассматривались как допустимая альтернатива друг другу, а в ряде случаев, например, при отборе депутатов в комиссию 1766 г., непрямые выборы уже выступали в качестве обязательной формы избрания»[779]. Как представляется, ограниченность распространения многостепенных выборов в первую очередь была связана с небольшим контингентом избирателей, отсутствием избирательных прав у самой массовой группы населения – крепостных крестьян. После отмены крепостного права и наделения избирательными правами освобожденных крестьян в ходе земской реформы, вопрос о введении многостепенных выборов актуализировался, и для крестьянского населения были введены многостепенные выборы.

---

[778] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936

[779] Минникес И. В. Указ. соч. С. 494.

Окончательно порядок проведения многостепенных куриальных выборов был утвержден в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. Выборы в первой и второй курии проводились на избирательных съездах уездных землевладельцев и городских избирателей соответственно, они избирали гласных в уездное земское собрание непосредственно. Для избирателей третьей курии (крестьян) предполагалось проведение двухстепенных выборов. На первом этапе проводились сходы сельских обществ, на которых избирались выборщики (участники съезда выборных от сельских обществ), на втором этапе – волостные сходы (избирательные съезды), на которых избирали гласных в уездное земское собрание[780].

Для организации проведения выборов формировались особый временный губернский комитет и особые временные уездные комиссии. Уездные комиссии составляли списки избирателей, определяли даты и места, где должны проходить избирательные съезды и собрания. Наибольший объем работы проводился среди крестьян – самой многочисленной курии избирателей, организация выборов среди крестьян была возложена на мировых посредников[781]. Требования к явке избирателей были минимальные, избирательный съезд считался правомочным в случае, если число избирателей было не менее количества гласных, подлежащих избранию. Победители определялись простым большинством голосов, т.е. избранными считались лица, получившие более половины голосов присутствовавших избирателей[782]. В качестве способа голосования на земских выборах стало тайное голосование с использованием шаров. Традиция письменного, тайного голосования сложилась к концу XVIII в.,[783] к середине XIX в. наиболее распространенной практикой стало тайное голосование с использованием шаров, этот способ сочли оптимальным и для земских и городских выборов[784].

Положение о выборах в Государственную Думу использовало сложившийся опыт выборов в земские и городские учреждения. Проведение выборов в земства и городские думы по куриям в избирательных съездах и собраниях являлось устоявшейся практикой

---

[780] Высочайше утверждённое Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // ПСЗ. Собр. II. Т. XXXIX. Отд-ние 1-е. СПб. 1867. Ст. 40934; Земская реформа // Реформы Александра II. М., 1998. С. 211–230; Шутов А. Ю. Политические дискуссии о земской избирательной системе в России начала XX века // Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 1998. № 6. С. 103–119.

[781] Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX в.). М., 1998. С. 118.

[782] Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 489.

[783] Минникес И. В. Указ. соч. С. 387– 389, 354–355.

[784] Лазаревский Н. И. Земское избирательное право // Юбилейный земский сборник. СПб, 1914. С. 117. Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России … С. 94.

пореформенной России. Положение о выборах в Государственной Думу от 06 августа 1905 г., предполагало проведение выборов по трем куриям (уездных землевладельцев, городских избирателей и уполномоченных от волостей и станиц), впоследствии Указом от 11 декабря 1905 г. дополнительно была введена рабочая курия[785].

В соответствии со сложившимися традициями, для каждой курии предусматривалось разное количество ступеней – от двух до четырех. Для уездных землевладельцев и городских избирателей особых городов – предусматривалось две ступени, для уполномоченных от волостей – четыре ступени, для уполномоченных от рабочих – три ступени. В наиболее привилегированном положении оказались избиратели крупных городов и землевладельцы. Так, избиратели в крупных городах избирали выборщиков на городское собрание, которое непосредственно избирало членов Думы, землевладельцы избирали делегатов на губернское собрание, которое также непосредственно избирало членов Думы[786].

Для рабочих выборы были трехступенчатые: на первом этапе проводились выборы одного уполномоченного от рабочих от предприятия с численностью рабочих от 50 до 1000 чел. или по одному уполномоченному от каждой тысячи рабочих на крупных предприятиях, на втором – избранные уполномоченные избирали выборщиков на губернских сходах уполномоченных, на третьем – избранные выборщики на губернском избирательном собрании проводили выборы депутатов Думы.

Самая сложная схема выборов была для крестьян, она включила четыре этапа: сельский сход, состоявший из крестьян-домовладельцев избирал уполномоченных на волостной сход. Волостной сход выдвигал из своей среды двух уполномоченных на уездный съезд, который избирал выборщиков в губернское избирательное собрание. Эти выборщики от крестьян в губернском избирательном собрании и должны были выдвинуть из своей среды депутата в Госдуму[787].

---

[785] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908; Именной высочайший указ правительствующему Сенату от 11 декабря 1905 г. об изменении положения о выборах в Государственную Думу // ПСС. Собрание 3. Т. 25. СПб., 1908. № 27029. С. 877-882

[786] Там же.

[787] Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908; Именной высочайший указ правительствующему Сенату от 11 декабря 1905 г. об изменении положения о выборах в Государственную Думу // ПСС. Собрание 3. Т. 25. СПб., 1908. № 27029. С. 877-882.

Нормы представительства на съезды непосредственно не регламентировались в положении о выборах, но еще до революции посчитали примерное соотношение избирателей по куриям с учетом «расписания числа членов Государственной Думы по губерниям, областям и городам»[788]. В 1906 г. в результате применения всех избирательных цензов и расписанию числа выборщиков по куриям для каждого уезда губернии, приходился один выборщик – на 1 тыс. землевладельцев, 4 тыс. горожан, 50 тыс. крестьян и 90 тыс. рабочих[789]. По другим данным, один выборщик представлял 2 тыс. землевладельцев, 4 тыс. горожан, 30 тыс. крестьян и 90 тыс. рабочих[790]. По избирательному закону 1907 г. нормы представительства от горожан, крестьян и рабочих еще уменьшились, а от землевладельцев, напротив, существенно увеличились[791]. Так, один выборщик от землевладельческой курии представлял 230 избирателей, от городской курии – 7 000 избирателей, крестьянская курия посылала одного выборщика от 60 000 избирателей и рабочая курия – от 125 000 избирателей[792].

На выборах в Государственную Думу применялся тайный способ голосования, но сама процедура тайного голосования предусматривала вариативность. Основным способом голосования на съездах выборщиков, в собрании уполномоченных от рабочих, и на губернских избирательных собраниях оставалось тайная баллотировка шарами. Однако если численность избирателей в куриях уездных землевладельцев и городских избирателей превышала 500 чел., то выборы производились «посредством подачи записок»[793].

Поскольку в избирательном процессе отсутствовало понятие регистрации кандидата, соответственно не было и стандартной формы избирательного бюллетеня с кандидатами. Избирательный бюллетень представлял собой записку, в которой указывались фамилия, имя и отчество кандидата, она могла быть разборчиво написана от руки, напечатана на машинке или типографским способом (партии типографским

---

[788] Лосицкий А. Указ. соч. С. 34.
[789] Там же.
[790] Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 542–543
[791] Демин В. А. Указ. соч. С. 48.
[792] Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 550–551.
[793] Именной высочайший указ правительствующему Сенату от 11 декабря 1905 г. об изменении положения о выборах в Государственную Думу // ПСЗ. Собрание III. Т. XXV. СПб., 1908. № 27029. С. 877-882.

способом изготовляли бюллетени с фамилиями своих кандидатов, что являлось разрешенной частью предвыборной агитацией)[794].

Избиратель подавал бюллетень лично, вручая его председателю комиссии, он опускал бюллетень в особый опечатанный ящик. голосование осуществлялось в течение одного дня с 9 до 21 часа, подсчет голосов – на следующий день. Результаты голосования определялись альтернативным способом: в 26 крупных городах – относительным большинством, в остальных случаях – простым большинством[795].

Проведение избирательных съездов было неотъемлемой частью дореволюционной избирательной системы. Многостепенный порядок выборов в Государственную Думу вполне соответствовал земским традициям, но наблюдалось и применение некоторых новаций, главной из которых стало появление рабочей курии. Для всех избирателей выборы являлись многостепенными, но число ступеней варьировалось в зависимости от принадлежности к курии. Первоначально обладатели избирательных цензов по куриям избирали выборщиков, на втором этапе, выборщики, т.е. участники губернского избирательного собрания, совместно избирали депутатов Государственной Думы.

Февральская революция внесла радикальные изменения в основополагающие принципы российской избирательной системы, отменив многостепенность, и провозгласив проведение выборов в Учредительное собрание на основе прямого избирательного права[796].

Острая критика непрямых выборов не помешала большевикам ввести ее в советскую избирательную систему. По сути большевики воспроизводили многовековые сословные традиции представительства на съездах. Прямыми выборы были только в низовые Советы – сельские и городские. Для крестьян количество выборных этапов не только не уменьшилось по сравнению с дореволюционной системой, но даже увеличилось. До революции, для крестьян предусматривались трех степенные выборы. Конституция 1918 г. для избрания в высший советский орган – Всероссийский съезд Советов предусматривал уже пять этапов (волостной, уездный, губернский, областной съезды, Всероссийский съезд Советов). Жители городов получили значительное

[794] Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 550–551.

[795] Демин В. А. Указ. соч. С. 112.

[796] Положение о выборах в Учредительное собрание от 23.09.1917 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994.

преимущество перед крестьянским населением, выборы для них проходили в два этапа: городской Совет сразу выбирал представителей на губернский или окружной съезд Советов, на Всероссийский съезд Советов горсоветы также избирали депутатов непосредственно[797]. Экстраполируя ситуацию на дореволюционную, жители городов после 1918 г. заняли столь же привилегированное положение, что и представители курии уездных землевладельцев и имущих городских избирателей особых городов, выборы для которых проводились в два этапа.

Правовое регулирование проведения выборов на съезды охватывало несколько аспектов: нормы представительства, периодичность (сроки созывов) и процедуру проведения выборов на съезды. Поскольку нормы представительства проанализированы в отдельном параграфе, в настоящем разделе будут рассмотрены только вопросы, связанные с порядком проведения выборов на съезды.

Порядок выборов на съезды лишь обозначался в первой советской Конституции и в постановлении VII Всероссийского съезда Советов от 12 декабря 1919 г. «О советском строительстве». Основное внимание в десятой главе Конституции уделялось нормам представительства на съезды, также устанавливалась периодичность созыва съездов и орган, отвечавший за проведение выборов. В качестве органов, отвечавших за выборы и созыв съездов, назначались исполнительные комитеты соответствующего уровня (областной, губернский, уездный и волостной исполком)[798].

Порядок формирования съездов Советов в первой советской Конституции предусматривался следующий: волостные, уездные (районные) съезды избирались из депутатов сельских Советов по разным нормам. На губернские съезды избирались делегаты от горсоветов и волостных съездов Советов, но в случае «созыва уездного съезда Советов непосредственно перед губернским, выборы проводятся не волостными, а уездным съездом Советов»[799]. Областные съезды избирались из представителей горсоветов и уездных съездов (либо губернских в случае их проведения непосредственно перед областным съездом. Конституционные нормы предусматривали некоторую вариативность в формировании состава съезда.

---

[797] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[798] Постановление VII Всероссийского съезда Советов от 12 декабря 1919 г. «О советском строительстве» // СУ РСФСР. № 64. Ст.578.

[799] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст.582.

Периодичность созывов и выборов съездов первоначально устанавливалась чрезвычайно высокая: для областных – не менее двух раз в год, для губернских – не менее четырех в год, и ежемесячные съезды предусматривались для уездов и волостей. Фактически это означало не прекращающиеся выборы и созывы съездов. Нереалистичность этого положения стала ясна уже в 1919 г. и частоту созывов и выборов начали снижать в законодательстве. Постановление 1919 г. снизило частоту созывов съездов для уездов и волостей, и предполагало созыв раз в три месяца[800]. Постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 23 декабря 1920 г. «О советском строительстве» подтверждало периодичность проведения выборов и съездов, установленную VII съездом[801].

Нарушение сроков всеми уровнями Советов и съездов, потребовало издания дополнительных нормативных актов, предусматривающих ответственность за их нарушение. Так, Циркулярное постановление ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «о регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов», не только подтверждало сроки, установленные Постановлением VIII Всероссийского съезда Советов, но и устанавливало порядок согласования переноса сроков и вводило ответственность за их несоблюдение. Перенос сроков для уездных съездов необходимо было согласовывать с губернскими исполкомами, а губернских съездов – с Президиумом ВЦИК и НКВД, представив «мотивированные соображения о необходимости отсрочки перевыборов»[802].

Нереалистичность сроков проведения съездов, обсуждалась на IX Всероссийском съезде Советов, по итогам которого было принято решение их изменить. В постановлении ВЦИК от 31 декабря 1921 г. «О советском строительстве» была унифицирована периодичность проведения съездов, все очередные съезды, а также перевыборы городских, поселковых и сельских Советов должны были проводиться один раз в год[803]. В 1922 г. унифицировались и сроки проведения выборов, единая

[800] Постановление VII Всероссийского съезда Советов от 12 декабря 1919 г. «О советском строительстве» // СУ РСФСР. № 64. Ст. 578.

[801] Постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 23 декабря 1920 г. «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 1.

[802] Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

[803] Постановление ВЦИК от 31 декабря 1921 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1922. № 4. Ст. 44

избирательная кампания, в ходе которой избирались сельские, городские Советы, а съезды всех уровней, должна была проводиться с 1 ноября по 15 декабря[804].

В 1922 г. эти сроки были закреплены в положениях о волостных, уездных и губернских съездах и инструкции о выборах. В этих же положениях впервые конкретизировалась процедура выборов на съезды. Выборы на волостные съезды должны были проводить особые Волостные избирательные комиссии, которые формировались уездным исполкомом и включали трех членов – двух от волисполкома под председательством представителя уездного отдела управления. Волостные съезды формировались из депутатов сельских Советов. Местные инструкции, принятые губернскими исполкомами, в 1918–1924 гг. также закрепляли этот способ формирования волостных съездов как единственно возможный[805].

В порядок формирования уездных съездов были внесены изменения, если Конституция 1918 г. предполагала избрание депутатов уездных съездов из представителей сельских и городских Советов, то положение 1922 г. предполагало вариативность способов их формирования, по общему правилу депутаты избирались «от всех Советов, имеющихся на территории уезда», включая сельские, городские, Советы фабрично-заводских поселков, но допускалось формирование уездного съезда только из представителей волостных съездов[806]. Местные инструкции предусматривали различные способы формирования уездных съездов, преимущественно закрепляя избрание уездных съездов из депутатов волостных съездов (Ленинградский, Пермский, Смоленский и другие губисполкомы), Нижегородский губисполком, напротив, в качестве основной избирательной единицы предусматривал все низовые Советы, из депутатов которых и должен формироваться уездный съезд[807].

На губернские съезды – представители от сельских Советов избирались уездным съездом, горсоветы непосредственно делегировали представителей на губернские съезды[808]. В принятом положении о губернском съезде была устранена вариативность

---

[804] Постановление IV сессии ВЦИК IX созыва «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907.

[805] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2, 21–22, 27, 55, 55 (об).

[806] Положение об уездных съездах, Советах и их исполнительных комитетах от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 91.

[807] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2, 21–22, 27, 55–57.

[808] Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах от 26 января 1922 г.// СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 92; Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706.

при их формировании, предусмотренная Конституцией 1918 г., при формировании составов губернских съездов четко выдерживался принцип: делегаты на вышестоящий съезд избираются только от непосредственно нижестоящего, а не от любого другого. С 1922 г. не предусматривалось возможности формирования губернских съездов из делегатов волостных, только уездных съездов. Способ избрания делегатов дополнительно не регламентировался.

Избирательная инструкция и положения о волостных и уездных съездах, принятых в 1924 г., сохраняли в силе ежегодную периодичность проведения выборов в Советы и на съезды[809]. Но вносили некоторые изменения в порядок проведения выборов на съезды, так, созыв съездов всех уровней осуществлялся соответствующим исполкомом, и не предполагал формирование особых избирательных комиссий. Проведение очередных съездов представляло собой своего рода пирамиду: созыв волостных съездов проходил перед уездным съездом «с таким расчетом, чтобы иметь возможность своевременно посылать делегатов на уездные съезды Советов»[810], уездные проводились перед губернскими, и последние проводились перед Всероссийскими съездами[811]. Способы формирования съездов остались прежними, уездные съезды формировались «из представителей всех советов, имеющихся на территории уезда», выборы представителей могли осуществляться как непосредственно на избирательных собраниях сельских Советов, так и на волостных съездах. В качестве порядка голосования определялось открытое голосование простым большинством голосов.

В законодательстве 1924 г. вводилось положение о мандатных комиссиях, «для проверки правильности выборов депутатов на съезды и их полномочий», соответственно съезд выносил постановления «о правильности произведенных выборов

---

25. Постановление IV сессии ВЦИК IX созыва «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. С. 907.

[809] Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов»// СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695; Постановление 2-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825; Постановление 2-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 826.

[810] Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 826.

[811] Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825.

на съезды и о правомочности делегатов»[812]. Сведения о составе съездов вместе с другой предвыборной документацией направлялась в соответствии с издаваемой Народным Комиссариатом Внутренних Дел инструкцией о порядке учета хода и результатов перевыборной кампании.

Порядок выборов делегатов на съезды в законодательстве второй половины 1920-х гг. сохранил преемственность с предыдущим периодом, съезды формировались из нижестоящих съездов и Советов. На выборы всех съездов был распространен порядок, ранее действовавший в отношении губернских: делегаты на вышестоящий съезд избирались только от непосредственно нижестоящего, а не от любого другого. В Конституции РСФСР 1925 г. и в последующих положениях о съездах и избирательных инструкциях был закреплен новый порядок выборов на съезды: делегаты на краевые и областные выбирались из депутатов окружных съездов и городских Советов; делегаты на губернские съезды – из депутатов уездных съездов и городских Советов; делегаты на окружные съезды – из депутатов районных съездов и городских Советов; делегаты на уездные съезды – из депутатов волостных съездов и городских Советов; делегаты на волостные и районные съезды – из представителей всех Советов, находящихся на территории района или волости[813]. Всероссийский и Всесоюзный Съезды Советов избирались на краевых, областных и губернских съездов Советов, а также автономных республик и областей. Созыв съездов осуществлялся соответствующими исполкомами.

Положение о проверке правильности полномочий делегатов мандатной комиссией также оставалось актуальным во второй половине 1920-х гг. Под влиянием политики «оживления Советов», расширения участия населения в выборах, были внесены изменения о возможности «избирать в состав президиумов съездов и исполкомов, а также своими представителями на вышестоящие съезды не только членов данного съезда, но и вообще всех граждан, пользующихся избирательными правами,

---

[812] Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» // СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695.

[813] Конституция РСФСР от 11 мая 1925 г. принята Постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218; Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603; Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 4 ноября 1926 г.// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст.577. Постановление ВЦИК от 6 апреля 1928 г. «Об утверждении Положения о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1928. № 94. Ст. 606.

независимо от места их проживания или работы»[814]. Данная норма не нашла реального воплощения, поскольку отсутствовал механизм ее реализации, и терялся смысл проведения выборов в Советы и на съезды предыдущих уровней.

В избирательном законодательстве 1930-х гг. сохранились основные положения о выборах делегатов на съезды, принятые во второй половине 1920-х гг., но были внесены некоторые изменения с учетом административно-территориальной реформы. В инструкции 1930 г. предусматривались выборы на три уровня съездов – районные, краевые (областные) и Всероссийский. Депутаты районных съездов избирались от городских и сельских Советов, краевых (областных) – от районных Советов и городских Советов непосредственно подчиненных краевым исполком; делегаты Всероссийского съезда – от краевых (областных) съездов, республиканских и областных автономных республик, и автономных областей[815]. Помимо административно-территориальных изменений, был уточнен и порядок выборов на съезды, теперь выборы делегатов на районные и краевые съезды проводились на пленумах городских и сельских Советов. Выборы проводились открытым голосованием и простым большинством голосов[816].

В инструкции 1934 г. были отражены очередные административно-территориальные изменения, проводились четыре уровня съездов: районные, окружные, краевые (областные) и Всероссийский. Порядок выборов на съезды остался прежним, делегаты на районные съезды избирались на пленумах городских и сельских Советов; на окружные и областные – на районных съездах и на пленумах гороветов; на краевые (областные) – на окружных и областных съездах и на пленумах горсоветов, непосредственно подчиненных краевым исполкомам; на Всероссийский – краевых (областных) съездов, республиканских и областных автономных республик, и автономных областей[817]. В 1930-е гг. в рамках развития национальной политики, были приняты положения, регламентирующие выборы и деятельность съездов для

---

[814] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603; Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 4 ноября 1926 г.// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Постановление ВЦИК от 6 апреля 1928 г. «Об утверждении Положения о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1928. № 94. Ст. 606.

[815] Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.

[816] Постановление ВЦИК от 1 января 1931 г. «Об утверждении Положения о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1931. № 11. Ст. 143.

[817] Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

национальных меньшинств. В актах акцентировалось внимание на обеспечении представительства на окружных съездах Советов представителей всех малых народностей Севера, понижались нормы для более полного их представительства[818].

Несмотря на традиционный характер многостепенности выборов, дореволюционные и советские съезды имели принципиальные отличия. Советские съезды были органами власти, проводимые на них выборы, носили лишь дополнительный характер, в то время как в дореволюционный период – избирательные съезды выполняли функцию предварительного этапа выборов. Помимо этого, проведение избирательных съездов являлось финальным этапом выборов соответствующего уровня, выборы на съезды осуществлялись на избирательных собраниях.

Как и в других институтах советской избирательной системы, выборы на съезды сочетали архаичные черты и революционное новаторство. Большевики использовали открытый порядок голосования и проводили множество экспериментов с периодичностью проведения съездов (ежемесячными и ежеквартальными выборами), нормами представительства, органами, организовывавшими эти выборы. Выборы на съезды, хотя и имели определенную специфику, представляли упрощенный порядок выборов в низовые Советы.

Институт непрямых выборов развивался в рамках двух этапов, свойственных советской избирательной системе. Первоначальный период (1918–1924 гг.) характеризовался высокой нестабильностью норм, экспериментами с нормами представительства, сроками и порядком проведения съездов. Установленные сроки проведения выборов в Конституции и избирательном законодательстве были нереализуемыми на практике, и постепенно стали снижать частоту съездов, пока в 1922 г. не установили единые сроки для проведения избирательной кампании – от сельских Советов до Всероссийских съездов.

В рамках второго периода (1925–1936 гг.) произошла стабилизация норм представительства, сроков и порядка проведения выборов на съезды. Основные

---

[818] Постановление ВЦИК от 10 сентября 1931 г. «О проведении перевыборов Советов, районных и окружных съездов Советов в национальных районах и округах Крайнего Севера» // СУ РСФСР. 1931. № 56. Ст. 413; Постановление ВЦИК и СНК от 20 апреля 1932 г. «Об утверждении Положения об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1932. № 39. Ст. 176; Постановление ВЦИК от 1 ноября 1934 г. «О нормах представительства и о порядке выборов на съезды Советов для автономных республик, автономных областей и отдельных национальных округов» // СУ РСФСР. 1934. № 40. Ст. 246.

положения, принятые в 1925 г., сохранили актуальность до 1936 г. Созыв съездов осуществлялся исполкомами соответствующего уровня, проверка правильности осуществлялась мандатными комиссиями, сроки устанавливались единые для всей страны. Выборы делегатов на съезды проводились в четко установленном порядке – от нижестоящих в вышестоящие, открытым голосованием простым большинством голосов.

Конституция 1936 г. вводила принцип прямых выборов, в соответствии со ст.139 «выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов»[819]. Данное положение подводило черту под традицией проведения многостепенных выборов до революции и в советский период.

Выводы. В воспоминаниях Г. С. Гурвича – известного советского правоведа и члена комиссии по подготовке Конституции РСФСР 1918 г. сохранилось описание атмосферы создания и оценки первой советской избирательной системы как не похожей ни на что ранее существовавшего, а новаторской, особой «советской», неописанной в юридической теории[820]. Эта оценка об уникальности, новаторском характере раннесоветской избирательной системы закрепилась в качестве устойчивого постулата в советском правоведении и историографии. Оценки об уникальном характере советской избирательной системы вполне объяснимые для ее создателей, преисполненных значимостью момента – создания Конституции первого в мире Советского государства, и последующих апологетов, нуждаются в современном осмыслении и включении в контексты развития как отечественной, так и мировых электоральных систем.

Институциональный анализ раннесоветской избирательной системы показал, что революционная риторика и заявления о разрыве с «царским прошлым» не помешали большевикам прагматично подойти к ее созданию, адаптировав многие черты дореволюционной системы. Советская избирательная система имела более глубокие исторические корни, чем декларировали большевики. Большевики, заявляя о полном разрыве с предыдущим избирательными традициями, ориентировались на сложившийся опыт выборов в Советы в ходе революций. Однако следует учитывать, что выборы в Советы в 1917 г. при кажущейся новизне, воспроизводили имевшийся электоральный

---

[819] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936

[820] Гурвич Г. С. История советской Конституции. М., 1923. С. 45

опыт, глубоко укоренившийся в сознании населения. В итоге, большевики, декларируя полный разрыв с традициями, в модернизированном виде позаимствовали базовые принципы дореволюционной избирательной системы – цензовость, неравное и непрямое представительство.

В ключевом институте избирательных собраний воспроизводились и более архаичные черты избирательной системы, характерные для более ранних эпох развития государственных институтов, такие как порядок проведения избирательных собраний в форме вечевых форм и открытое голосование. Советские институты имели сходство не только на уровне общих принципов, но и правового регулирования, что особенно наглядно проявилось в институте избирательных органов. Помимо традиционных принципов советской избирательной системы, большевики ввели новаторский производственный принцип организации выборов (организации избирательных единиц по производственному принципу в городах), неизвестный ранее отечественной и мировой электоральной практике. Производственный принцип так и остался революционным экспериментом, не найдя применения в последующем отечественном избирательном опыте.

Уникальной особенностью советской избирательной системы, выделявшей ее на фоне других систем, стало сочетание традиционных, а зачастую архаичных черт с новаторскими. При этом, как традиционные, так и обладавшие новизной принципы советской избирательной системы, введенной в 1918 г., служили главной цели – реализации «диктатуры пролетариата» и обеспечению лояльных партии составов Советов и съездов всех уровней.

Каждый институт, являясь частью избирательной системы, выполнял отведенную роль в обеспечении монополии власти большевиков на выборах. Роль института избирательных органов определялась выполняемыми задачами, приоритетной из которых стало проведение классовой политики, обеспечение избрания необходимых правящей партии составов Советов (а не проведение свободных, альтернативных и равных выборов), соответственно наиболее оптимально ее могли решить избирательные органы, полностью зависимые от административных, исполнительных и партийных органов, с низким образовательным и профессиональным уровнем их членов, готовых обеспечить избрание лояльных правящей партии составов Советов любой ценой.

Роль института лишения избирательных прав определялась специфическими функциями, выполняемыми в советской избирательной системе. В послереволюционный период советские цензы частично сохраняли традиционную превентивную функцию, помогая ограничить участие лиц, представлявших проблему при избрании кандидатов в Советы лояльных правящей партии. Со второй половины 1920-х гг. институт лишения избирательных прав выходит за пределы избирательной системы, выполняя несвойственные функции для цензов, став инструментом трансформации социальной структуры послереволюционного общества и дискриминационной политики государства.

Институт избирательных собраний занимал центральное место в советской избирательной системе, выполняя ключевую роль в обеспечении избрания лояльных правящей партии составов Советов с помощью открытого порядка голосования, предоставления преимущества избирателям, объединенным в производственные коллективы, простейшей вечевой формы проведения собрания с простором для административной дискреции со стороны организаторов выборов. Институт неравных выборов (норм представительства) наряду с избирательными собраниями, играл важнейшую роль в советской избирательной системе, став одним из приоритетных механизмов, позволившим большевикам обеспечить преимущество малочисленного пролетариата на выборах и сформировать необходимые власти составы Советов и съездов. Институт непрямых выборов (выборов на съезды), занимая второстепенное место в советской избирательной системе, дополнял институт неравных выборов, обеспечивая преимущество лояльных власти слоев на съездах Советов всех уровней.

Институт кассации выборов, занимая закономерное периферийное место в советской избирательной системе, представлял дополнительный механизм давления на нелояльных или оппозиционных кандидатов, в случае необходимости, выполняя роль выявления «классовых врагов» и обеспечения «классовой чистоты» составов Советов. В середине 1920-х гг. институт приобрел ключевое значение, выйдя за пределы избирательной системы, став инструментом реализации политики «оживления» Советов, расширения сотрудничества с различными слоями городского и сельского населения, повышения легитимации режима.

Сказанное не исключало демократических экспериментов, влияния политических дискуссий и внутрипартийной борьбы на становление и функционирование советской

избирательной системы и ее отдельных институтов, при неизменности общей установки на сохранение политической монополии правящей партии. Многочисленные политические маневры и эксперименты, проводимые в рамках избирательной системы, всегда обосновывались необходимостью укрепления поддержки партии населением, трактовавшейся зачастую противоположным образом в разные периоды. Поэтому несомненным выглядит определяющее влияние политической конъюнктуры на развитие институтов избирательной системы. Законодательство чутко отражало малейшие изменения политического курса, особенно ощутимо это влияние было в развитии институтов лишения избирательных прав, отмены выборов и избирательных собраний. В несколько меньшей степени политические изменения определяли организацию деятельности избирательных органов, проведение непрямых и неравных выборов.

В развитии институтов советской избирательной системы можно выделить два основных этапа: первый период охватывал 1918–1924 гг., второй – 1925–1936 гг. Первоначальный этап характеризовался вариативностью подходов, избирательных органов, низкой степенью конкретизации избирательных процедур, создавших благоприятные условия для их стихийной реализации, большой роли усмотрения местных властей, нарушений и различных злоупотреблений. В рамках второго этапа власти стремились унифицировать институты, конкретизировать избирательные процедуры и нормы, упорядочить и централизовать деятельность избирательных органов, запретить вариативность местных норм и практик. При доминирующей тенденции централизации избирательного процесса, попытки демократизации отдельных процедур были обречены на провал. В 1930-е гг. акценты сместились в сторону бюрократизации и формализации избирательных процедур.

Ретроспективный анализ показал множество пробелов и низкий уровень юридической техники советского избирательного законодательства 1920-х–1930-х гг., существенно уступавший уровню развития законодательства Временного правительства. Советский законодатель оставил без внимания многие ключевые вопросы проведения выборов, связанные с полномочиями избирательных комиссий, составлением списков избирателей, участием партий и кандидатов на выборах, системой распределения мандатов, предвыборной агитацией, избирательными собраниями, съездами. Например, принципиальный вопрос об определении результатов выборов (распределении мандатов) по спискам или индивидуально, так и не был урегулирован в

советском законодательстве, что оставило открытым вопрос о типе избирательной системы (мажоритарной или пропорциональной). Одновременно с этим детально проработано законодательство об определении круга лиц, лишенных избирательных прав и процедурах, связанных с ним. Подобные акценты и пробелы в правовом регулировании симптоматичны, и наглядно отражали приоритеты правящего режима.

ГЛАВА 2.
СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКИХ ВЫБОРОВ

2.1. Высшие и центральные советские органы в избирательном процессе

Организация избирательных кампаний была частью советской системы управления, и общие особенности – доминирующее влияние партийных органов, сращивание советского и партийного аппарата, характерные для всей системы, были ей присущи в полной мере. Советские органы, участвовавшие в организации выборов, охватывали все уровни управления: высший, центральный, региональный и местный. Высший уровень был представлен ВЦИК и Всероссийской центральной избирательной комиссией при Президиуме ВЦИК, центральный – наркоматами, в первую очередь Наркоматом внутренних дел, региональный – губернскими, краевыми, областными, республиканскими исполкомами и избиркомами. Местный уровень составляли самые многочисленные советские органы: уездные, окружные, волостные, районные исполкомы и избирательные комиссии, городские, сельские Советы и избиркомы.

В научной литературе деятельность высших и центральных советских органов в сфере организации выборов изучена крайне фрагментарно, преимущественно в работах, посвященных деятельности Наркомата внутренних дел в 1920-е гг.[821] Становление системы советских избирательных органов нашло отражение в работах А. В. Иванченко, Д. В. Кудряковой, М. С. Савченко, П. Ю. Ермошина, но оно рассматривалось в контексте общего развития избирательных комиссий в России, охватывающего период от формирования до 2000-х гг.[822] Специализированных научных исследований, реконструирующих систему и деятельность избирательных органов 1920-х–1930-х гг. не проводилось. Хотя имеющиеся источники позволяют вполне исчерпывающим образом

[821] Лобанов А. В. Переход к НЭП и реорганизация НКВД РСФСР: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. 1998; Чамлай В. В. Особенности организационной работы НКВД в условиях курса НЭП в СССР // История, теория, практика российского права. 2019. № 12.

[822] Кудрякова Д. В. Правовые основы деятельности избирательный комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013; Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды. Краснодар, 2016. С. 81–92; Ермошин П. Ю. Правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2020; Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория и практика. М., 1996.

проанализировать становление и деятельность высших, центральных и региональных избирательных органов. В настоящей главе исследуется механизм организации советских выборов, процесс становления избирательных органов, их роль в избирательном процессе, основные направления деятельности. Применительно к избирательным комиссиям Всероссийского и регионального уровней анализируются способы формирования, составы, структура, реализация полномочий. Реконструкции организации и деятельности избирательных органов местного уровня (уездных, волостных, районных исполкомов, городских и сельских Советов и соответствующих избирательных комиссий) в исследовании не проводилось.

В рассматриваемый период организация и руководство выборами в Советы в РСФСР осуществлялась Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Народным комиссариатом внутренних дел. Участие этих органов и их подразделений в организации избирательных кампаний существенно отличалось в разные годы. Всероссийский центральный исполнительный комитет, обозначался в Конституции 1918 г. как высший орган, ответственный за организацию выборов, однако фактически длительное время являлся таковым лишь номинально. Ни за одним структурным подразделением ВЦИК организация выборов не была закреплена вплоть до 1925 г. Участие ВЦИК в руководстве избирательными кампаниями ограничивалось утверждением избирательных инструкций, циркулярных постановлений (разработанных Наркоматом внутренних дел), обсуждением отдельных вопросов на Президиуме ВЦИК по просьбе НКВД.

Ключевая роль в организации выборов в стране в первоначальный период принадлежала НКВД. Наркомат внутренних дел в полном объеме осуществлял руководство выборами в стране с 1918 по 1923 гг.[823], частично – в кампании 1924 и 1925 г., в последующие кампании участие НКВД было незначительным. Передача дел по руководству выборами от НКВД к ВЦИК началась в 1924 г., сопровождалось межведомственными конфликтами, и завершилась только в кампанию 1925/26 г. после

[823] Важное уточнение для послереволюционного периода и периода Гражданской войны: Наркомат внутренних дел и его территориальные подразделения осуществляли организацию выборов в Советы и на съезды только на подконтрольных советской власти территориях и там, где, выборы в Советы проводились, и власть не осуществлялась ревкомами. Сведения, поступавшие в наркомат в 1919–1921 гг. свидетельствуют о постепенном расширении территории, на которой проводились выборы, но об относительно полном охвате территории республики выборами в Советы в единые сроки, можно говорить только в кампанию 1922 г. после принятия постановления ВЦИК от 31 декабря 1921 г. «О советском строительстве», когда устанавливались единые сроки и периодичность для всей страны.

создания Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК. Фактически ВЦИК и его подразделения осуществляли руководство выборами в РСФСР с осени 1925 г. по 1936 гг.

Народный комиссариат внутренних дел: руководство выборами в первоначальный период. Проведение выборов в Советы уже в ноябре 1917 г. актуализировало вопрос о назначении органа, ответственного за проведение выборов в стране. Таким органом стал народный комиссариат внутренних дел. Примечательно, что инициатором поручения руководства избирательными кампаниями стал сам наркомат. Коллегия НКВД, обсуждая 15 декабря 1917 г. вопрос об организации отдела местного управления, обратилась во ВЦИК с предложением об объединении всей деятельности по руководству местными органами власти и передаче ее в ведение НКВД[824]. Президиум ВЦИК удовлетворил это ходатайство в начале апреля 1918 г.[825] Однако четкого разграничения полномочий по руководству выборами между ВЦИК и НКВД закреплено не было. Наркомат осуществлял текущее, а ВЦИК – общее руководство выборами, конкретное содержание руководства определено не было, что в дальнейшем создавало конфликтные ситуации между ведомствами и нижестоящими органами. Как отмечалось выше, в нормативных актах ситуация также не была урегулирована. Только через пять лет существования советской власти и соответственно проведения выборов, в положении об НКВД РСФСР, принятом 24 мая 1922 г., наркомат определялся «в качестве исполнительного аппарата Президиума ВЦИК» по вопросам «наблюдения за организацией и деятельностью местных органов управления»[826]. Также наркомат наделялся широкими полномочиями по организации выборов: «следить за своевременным созывом губернских, уездных и волостных съездов Советов и наблюдать за правильностью выборов в Советы и на съезды Советов, разрешать жалобы на действия избирательных комиссий, выразившиеся в нарушении порядка выборов и лишении избирательного права лиц, пользующихся таковыми по Конституции» и делегировать своих представителей на заседания Советов и съездов Советов[827].

---

[824] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1. Д. 6а. Л. 10.
[825] Вестник НКВД. 1918. № 9. С. 1.
[826] Положение ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 33.
[827] Там же.

Несмотря на преобладающее мнение в литературе об отсутствии преемственности советских избирательных органов с дореволюционными[828], организация выборов Наркоматом внутренних дел являлась прямым продолжением дореволюционной традиции, когда выборами в стране руководило Министерство внутренних дел. На преемственность ведомств при реализации форм представительной демократии обращает внимание и Л. В. Лукьянчикова[829]. Своя логика в передаче руководства избирательными кампаниями Наркомату внутренних дел присутствовала, поскольку созданный в ноябре 1917 г. НКВД РСФСР, наделялся широчайшим кругом разнородных полномочий, помимо милиции и мест заключения, ведая организацией деятельности местных Советов. коммунальным хозяйством, местным благоустройством и даже выполняя ветеринарные функции[830]. Наркомат, по сути, являлся административно-хозяйственным, а не репрессивным органом, каковым стал НКВД СССР после реорганизации в 1934 г.

Содержание полномочий наркомата в избирательной сфере в первоначальный период было чрезвычайно обширным, и определялось не столько нормативными актами, сколько потребностями избирательной практики. Циркуляры НКВД в качестве основных полномочий на выборах предполагали разработку инструктивных писем для оказания помощи организаторам выборов на местах (отделам управления, губисполкомам, ревкомам), форм избирательной отчетности, подведение итогов выборов, «плановую организацию территориальных Советов и выработке схем внутренней организации Советов, съездов и исполкомов», закрепленных в циркулярах НКВД[831]. Учитывая отсутствие опыта проведения выборов Советов у всех участников выборов, наркомат решал все возникавшие вопросы, связанные с избирательной кампанией, как в центре, так и на местах. Сотрудники наркомата разрабатывали проекты общероссийских избирательных инструкций, циркулярных писем и других документов, содержавших указания о проведении кампаний, вели переписку с губернскими и уездными административными отделами, и исполкомами по вопросам, возникающим в

[828] Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч. С. 81–92; Веняминова А.А. Избирательный процесс в советском государстве (1917–начало 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 16; Очерки по истории выборов и избирательного права / авт. проекта Ю. А. Веденеев. Калуга, 2002. С. 610–611.

[829] Лукьянчикова Л. В. Советская политика вовлечения общества в управление государством: теоретическая модель и конституционно-правовое закрепление в первые годы советской власти // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3. С. 6–11.

[830] Чамлай В. В. Указ. соч. С. 119.

[831] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 99. Д. 267. Л. 256.

ходе проведения кампании, разрабатывали формы избирательной отчетности, рассылали их на места, собирали и обобщали данные, анализировали итоги выборов, представляли их во ВЦИК и ЦК РКП(б), осуществляли инспекционные выезды с целью контроля за избирательными кампаниями на местах.

Какие подразделения Наркомата внутренних дел занимались организацией выборов Советов, и каким образом распределялись полномочия внутри подразделений наркомата? Как справедливо отмечает В. В. Чамлай: «организационная структура наркомата в первой половине 1920-х гг. была крайне сложной и запутанной»[832], и постоянно менялась. Фонд Наркомата внутренних дел позволяет установить, что в первоначальный период выборами занимались отдел местного управления, инструкторский отдел и статистический отдел, их полномочия охватывали всю организацию выборов Советов на местах: от разработки и рассылки первых инструктивных писем и форм избирательной отчетности, координации деятельности местных отделов управления, ревкомов, комбедов при проведении выборов, сбора и анализа информации об итогах выборов и т.д.[833] Полномочия между отделами четко распределены не были. Так, перепиской с местными органами, их инструктированием, сбором местных инструкций, сведений занимались как отдел местного управления, так и инструкторский отдел[834]. Избирательная отчетность также распределена по делопроизводству различных отделов, хотя логично было ее сосредоточить в статистическом отделе[835]. Статистический отдел преимущественно обрабатывал анкеты, карточки по выборам и другие материалы, содержавшие цифровые данные. Инструкторский отдел в первую очередь обобщал отчеты, поступавшие от губернских исполкомов и административных отделов.

В ходе реорганизации подразделений наркомата в 1922 г. полномочиями в избирательной сфере было наделено организационно-административное управление[836]. Организацией выборов преимущественно ведали инструкторско-информационный и статистический отделы. На инструкторско-информационный отдел возлагалось «наблюдение за правильностью созывов и производства выборов Советов, съездов

---

[832] Чамлай В. В. Указ. соч. С. 120.

[833] ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп. 96. Д. 77.Л. 194; Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 2–92, Д. 17. Л. 48–94.

[834] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 12. Д. 6. Л. 9; Д. 12. Л. 32–41. Д. 19. Л. 14, 18; Д. 20. Л. 8–10; Оп. 22. Д. 7. Л. 2–92.

[835] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 9. Л. 4–84. Д. 166. Л. 8–41; Д. 167. Л. 25–36; Оп. 24. Д. 22. Л. 2 – 7; Д. 23 Л. 1 – 18; Д. 24. Л. 3–12.

[836] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 96. Д. 77. Л. 194.

Советов и их исполнительных органов», а также инструктирование местных органов, «разработка проектов постановления, циркуляров и инструкций по вопросам советского строительства»[837]. Сотрудники отдела занимались перепиской с высшими и центральными советскими и партийными органами, местными отделами управления, обсуждением текущих проблем, связанных с проведением выборов[838]. Кроме того, осуществляли инспекционные выезды в губернии, подготовку уполномоченных по проведению выборов. Статистический отдел занимался выработкой форм избирательной отчетности, подсчетом, обобщением статистических данных, карточек, отчетов о выборах[839].

Из руководителей наркомата, занимавшихся организацией выборов в первоначальный период, особо выделим Михаила Федоровича Владимирского, назначенного на должность заместителя наркома внутренних дел в апреле 1919 г. и занимавшего ее до мая 1922 г., одновременно являвшегося членом Президиума ВЦИК[840]. Организовывать выборы в стране М. Ф. Владимирскому пришлось в крайне непростой период – Гражданская война, деятельность чрезвычайных органов – ревкомов, комбедов, избрание первых Советов на значительной территории страны. Отсутствие опыта у организаторов выборов, как и революционная обстановка, не способствовали становлению избирательного процесса. Несмотря на хаотичность руководства выборами наркомата, М. Ф. Владимирский осуществил первые попытки обобщения теоретического осмысления выборов и деятельности первых советских органов. Работы, подготовленные в 1919–1922 гг. М. Ф. Владимирским являются одним

[837] Положение ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. №33.

[838] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 28. Д. Л. 16; Оп. 35. Д. 2. Л. 14–77.

[839] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 2. Л. 1–77; Д. 10а. Л. 1–182. Д. 10б. Л. 2–118; Оп. 36. Д. 6. Л. 4–48.

[840] Михаил Федорович Владимирский родился в 1874 г. в семье священника в Арзамасе Нижегородской губернии, окончил медицинский факультет Берлинского университета в 1902 г., учился в Томском, Московском и Гейдельбергском университетах (1894–1901), работал земским врачом. В революционном движении с 1894 г., член Московского комитета РСДРП, активный участник декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., в 1907 г. эмигрировал, вернулся после февральской революции в Россию. Во время октябрьской революции Владимирский М. Ф. – член Московского ВРК, член Президиума Моссовета. В 1918 – 1921 гг. – член Президиума ВЦИК, после смерти Я. М. Свердлова на короткое время (с 16 по 30 марта 1919 г.) исполнял обязанности Председателя ВЦИК, одновременно входил в Оргбюро ЦК РКП(б). В апреле 1919 по май 1922 гг. заместитель наркома внутренних дел РСФСР. С 1922 г. Владимирский – на Украине, занимая должности заместителя Председателя СНК и председателя Госплана Украинской ССР, секретаря ЦК КП(б) Украины, председателя ЦКК КП(б) Украины. В 1926 г. становится заместителем председателя Госплана СССР. В 1927 г. избирается председателем Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), оставаясь на этой должности почти четверть века, до конца своей жизни. С 1930 по 1934 гг. по совместительству возглавлял Наркомат здравоохранения РСФСР. (источник: Слонимская И. А. М. Ф. Владимирский. М., 1967; Титков Е. П., Николаев В. В. Михаил Владимирский. Горький, 1988).

из наиболее ценных источников о деятельности Советов, исполкомов, съездов, проведению выборов для многих поколений исследователей[841].

Для первоначального периода организации выборов были характерны минимальный уровень централизации, отсутствие налаженного взаимодействия наркомата и губернских отделов управления и исполкомов, элементарной исполнительской дисциплины местных органов, равно как и выраженного интереса сотрудников к выборам. Наиболее показательной в проявлении стихийности и бессистемности организации выборов является сфера избирательной отчетности. Значимость советской избирательной статистики подчеркивал будущий нарком внутренних дел А. Г. Белобородов, отмечая, что «получаемые в результате статистической обработки сведения не только характеризуют ход выборов в Советы и состав избранных, но и являются основными данными, по которым производится изучение советской системы управления»[842].

Однако достижения наркомата в сфере избирательной статистики в начальный период следует признать не очень значительными, наркомату не удалось наладить системную работу по сбору и обобщению избирательной отчетности, что признавали сотрудники НКВД. Сведения о результатах выборов носили эпизодический характер, местные органы массово игнорировали указания наркомата, не представляя информацию, либо представляя ее не своевременно и не в полном объеме. М. Ф. Владимирский в 1921 г. констатировал: «у нас до сих пор нет статистики выборов в сельские Советы, которая позволила бы выяснить детали организации советской власти в сельских местностях, статистические данные о волостных, уездных и губернских съездах, полученные НКВД выборочным методом позволяют сделать лишь некоторые общие выводы о составе съездов» [843]. Сотрудники статистического отдела НКВД С. М. Гурвич и В. М. Устинов, подтверждали фрагментарность сведений об итогах выборов всех уровней, наиболее полными были данные о составах губернских

[841] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. Вып. I. Исполкомы. М., 1920; Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды. Вып. II. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. М., 1921; Владимирский М. Организация Советской власти на местах. М., 1921

[842] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176 (об).

[843] Владимирский М. Ф. Организация Советской власти на местах … С. 18.

и уездных съездов за 1919–1921 гг., охватывавших около 60–65 % их общего числа[844]. Выборы в сельсоветы «не учитывались статистически» до 1922 г.[845]

Многие города в этот период также игнорировали указания НКВД о предоставлении результатов выборов в горсоветы. В начале 1920-х гг. менее половины городов считали необходимым информировать ведомство о результатах выборов. Так, данные по выборам в горсоветы представили в НКВД в 1920 г. – 122 города и поселка городского типа, в 1921 – 150, в 1922 г. – 94, 1923 – 212, 1924 г. – 305 (на 01.05.1926 г. числилось 538 городов в РСФСР)[846]. К этому следует также добавить неполноту представляемых сведений и небрежность заполнения форм отчетности. В карточках итогов выборов, поступавших в наркомат, часть столбцов не заполнялась, во многих карточках отсутствовала информация об участниках выборов, лицах, лишенных прав, распределение избирателей по категориям, числе явившихся и т.д. Вводились категории избирателей, не предусмотренных отчетностью НКВД. Более полной являлась информация об избранных депутатах в Советы и исполкомы[847].

Отметим и невысокий уровень аналитической работы сотрудников наркомата с поступавшими результатами выборов. Материалы фонда НКВД этого периода свидетельствуют, что сотрудники наркомата не проводили сколько-нибудь серьезной работы по обобщению и анализу избирательной отчетности, принимали информацию к сведению, подшивая отчеты и карточки по регионам и городам[848]. В случае представления неполных данных или незаполненного отчета, лишь в редких случаях наркомат требовал заполнить, чаще всего ограничивались констатацией неполноты сведений[849].

При этом, отсутствие элементов системности и единообразия в избирательной сфере, не слишком беспокоили сотрудников наркомата в этот период. Замнаркома внутренних дел – М. Ф. Владимирский не только признавал разнообразие

---

[844] Гурвич С. М. Сельсоветы, волисполкомы и волостные съезды Советов (по данным выборов 1922 г.) // Власть Советов.1923. № 6–7. С. 107–122.

[845] Устинов В. Задачи статистического отдела НКВД // Власть Советов. 1922. № 1–2. С. 20.

[846] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 1.

[847] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 4–87; Оп.36. Д. 6. Л. 4–186.

[848] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 2–92. Оп. 29. Д. 10а. Л. 4–128. Оп. 35. Д. 2. Л. 8–89.

[849] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 75–78; Оп. 29. Д. 10а. Л. 37–42.

избирательных процедур на местах, но даже отмечал с гордостью как элемент революционного сознания и самовыражения народа[850].

В 1918–1922 гг. центральному аппарату Наркомату внутренних дел не удалось удовлетворительным образом наладить взаимодействие с местами, внести элементы системности в избирательную сферу. Губернские отделы управления – территориальные органы наркомата, занимали ключевое место в организации выборов в этот период, и осуществляли его по своему усмотрению, лишь ставя в известность о происходящем центральные органы, зачастую не выполняя указания наркомата.

Неэффективная реализация полномочий в избирательной сфере и в целом «советского строительства» как центральным аппаратом НКВД, так и его территориальными подразделениями, была очевидна сотрудникам советского аппарата, обсуждалась на многочисленных съездах и прессе, и привела к закономерной реорганизации аппарата наркомата.

Весной 1923 г. руководство страны активно обсуждало улучшение работы советского аппарата. На XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г. обсуждался вопрос о необходимости упрощения и удешевления государственного аппарата. На основании резолюции съезда 3 мая 1923 г. СНК РСФСР принял постановление «Об упрощении структуры и сокращении штатов Народных комиссариатов и подведомственных им органов»[851]. Структура, штаты, полномочия аппарата Наркомата внутренних дел, как и других наркоматов, подлежали реорганизации и оптимизации. Обсуждение реорганизации наркомата началось с совершенствования местного аппарата НКВД, однако дискуссия приняла неожиданный поворот, и «переросла в вопрос о судьбе наркомата»[852].

Высказывались мнения о неправомочном исполнении функций по руководству Советами и исполкомами наркоматом. В частности, Т. В. Сапронов – сторонник усиления ВЦИК в структуре советских органов отмечал: «те функции, которые по всем принципам должен выполнять Президиум ВЦИК, почему-то исполняет НКВД, например, наблюдение за организацией и деятельностью местных органов управления (т.е. за Советами и исполкомами) в качестве исполнительного аппарата Президиума

---

[850] Владимирский М. Организация Советской власти на местах … С. 33.

[851] Постановление СНК РСФСР от 03.05.1923 «Об упрощении структуры и сокращении штатов Народных комиссариатов и подведомственных им органов» // СУ РСФСР. 1923. № 29. Ст. 336.

[852] Лобанов А. В. Указ. соч. С. 14.

ВЦИК. На самом деле НКВД не является исполнительным аппаратом Президиума ВЦИК, т.е. не является его организационным отделом, а является таким же наркоматом, как и все остальные. Если НКВД, действительно, превратить в непосредственный орган Президиум ВЦИК, то милицию, уголовный розыск, принудительные работы придется изъять, а до тех пор, пока этого не сделали, НКВД остается наркоматом, как и другие и в такой же мере, как и другие аппаратом ВЦИК»[853].

Лобанов А. В. связывает дискуссии о реорганизации НКВД в 1923–1924 гг. с переходом к новой экономической политике, а также с межведомственными противоречиями. По мнению исследователя, функции наркомата, связанные с советским строительством утратили актуальность в связи с укреплением советского аппарата после окончания Гражданской войны и перехода к нэпу, и желанием Советов и исполкомов сосредоточить полномочия организации власти на местах[854].

В обсуждение о реорганизации наркомата в 1923 г. включились представители различных ведомств: ВЦИК, ОГПУ, НКЮ, ВСНХ. Секретарем ВЦИК Т. В. Сапроновым было внесено предложение ликвидировать НКВД, а его функции распределить между различными ведомствами. НК РКИ, проведший инспекцию деятельности НКВД также рекомендовал Правительству упразднить наркомат. Комиссия по реорганизации НКВД под председательством А. С. Киселева поддержала идею ликвидации наркомата и распределению его полномочий по другим ведомствам. Особенно возмутительным, по мнению сторонников реорганизации наркомата, являлся «тот факт, что НКВД в отношении с местными органами Советской власти стремится занять место ВЦИК»[855]. Однако партийные органы не поддержали ликвидацию наркомата. Так, на состоявшемся заседании Политбюро ЦК РКП(б) 17 апреля 1924 г. было отклонено предложение комиссии А. С. Киселева о ликвидации НКВД, т.к. «нарушало права союзных республик, закрепленных Конституцией СССР»[856].

Несмотря на сохранение наркомата как государственного органа, актуальным оставался вопрос о реорганизации его центральных и местных подразделений, и распределении его крайне разнородных полномочий между другими ведомствами. В первую очередь, было принято решение об изъятии вопросов советского строительства

---

[853] Сапронов Т. О советском строительстве // Власть Советов. 1922. № 11–12. С. 9.
[854] Лобанов А. В. Указ. соч. С. 12.
[855] Чамлай В. В. Указ. соч. С. 121.
[856] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 560. Л. 5.

из ведения НКВД и сосредоточении этих функций у исполкомов и Советов всех уровней. Процесс реорганизации начался с местных органов НКВД – отделов управления, при этом передача полномочий от НКВД к ВЦИК и исполкомам, начавшись в 1923 г., затянулась до 1925 г.

Центральный аппарат наркомата в 1923 г. претерпел существенные изменения, нарком внутренних дел А. Г. Белобородов, сразу после своего назначения – 13 августа 1923 г. подписал приказ о создании Центрального административного управления, в состав которого вошли организационно-административное управление, Главное управление милиции и Управление уголовного розыска. Реорганизация позволила почти на половину сократить штаты и существенно сократить расходы на его содержание[857]. Организация избирательных кампаний была передана от реорганизованного организационно-административного управления в ведение ЦАУ, унаследовавшего основные полномочия от своего предшественника.

Развернувшееся обсуждение о судьбе наркомата 1923 г., не оказало принципиального влияния на его полномочия в избирательной сфере. Всем участникам дискуссии было очевидно, что передача дел от наркомата во ВЦИК в разгар избирательной кампании, приведет к полной дезорганизации. В 1923 г. руководство выборами в полном объеме возлагалось на центральный аппарат наркомата, изданный наркоматом циркуляр №389 от 09 ноября 1923 г., устанавливал порядок взаимодействия местных органов с центральным аппаратом НКВД (в первую очередь, регламентировали вопросы предоставления избирательной отчетности)[858]. Реорганизация местного и центрального аппарата НКВД и передача полномочий по руководству советскими органами оставила открытым вопрос о центральном органе, на который возлагались обязанности по организации избирательных кампаний в РСФСР.

Межведомственные конфликты 1924 года: передача руководства выборами от НКВД – подразделениям ВЦИК. Межведомственные конфликты сопровождали процесс становления советского и партийного аппарата во многих сферах деятельности, наиболее ярко проявляясь в правоохранительной, военной, экономической, агитационной сферах, отражая «внутриполитические кризисы в партии и обществе, различные тенденции в складывании системы управления в раннем

[857] Титов В. А., Гиоев Г. В. Системогенетические аспекты развития милиции России и ее тыла (1917–2010 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4. С. 21.

[858] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 7.

Советском государстве»[859]. Не обошли стороной межведомственные конфликты и избирательную сферу. Подготовка к выборам 1924 г. активизировала дискуссии об определении органа, который будет заниматься на всероссийском уровне организацией выборов. В июне 1924 г. при обсуждении вопроса на Президиуме ВЦИК было решено передать руководство выборами организационному отделу ВЦИК. Однако возник вопрос, какое из подразделений будет заниматься избирательной отчетностью, организационный отдел не располагал соответствующими возможностями и штатами.

Наркомат, в свою очередь, также выражал обеспокоенность по этому поводу, неоднократно обращаясь в Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б). Нарком внутренних дел А. Г. Белобородов в письме в Президиум ВЦИК от 1 июля 1924 г. настаивал на скорейшем определении органа, который будет заниматься избирательной отчетностью, поскольку «для постановки правильного учета результатов выборов необходима значительная подготовительная работа, которую теперь же следует начинать, чтобы вовремя проработать, напечатать и разослать на места формы учета, инструкции, подготовиться к производству работы в центре»[860]. Предлагая в качестве паллиатива на избирательную кампанию 1924 г., оставить избирательную отчетность за возглавляемым им наркоматом: «НКВД имеет возможность в этом году провести эту работу, т.к. статаппарат НКВД обладает достаточным навыком разработки сведений о ходе и результатах избирательной кампании»[861]. Однако Президиум ВЦИК тянул с решением, и 18 июля 1924 г. А. Г. Белобородов обращается в ЦК РКП(б) к И. В. Сталину, с просьбой срочно решить вопрос поскольку «в ряде мест уже начата избирательная кампания, а решение, кто должен заниматься избирательной отчетностью не решен до сих пор»[862]. Вскоре – 21 июля Президиум ВЦИК принимает решение «поручить НКВД ведение учета результатов избирательной кампании 1924 г. по перевыборам Советов, состава съездов и исполкомов»[863].

Общее распределение полномочий в избирательную кампанию 1924 г. закреплялось в Постановлении ВЦИК от 11 августа 1924 г., в соответствии с которым «вся организационная работа по проведению перевыборной кампании по РСФСР» была

---

[859] Дианова Е. В. Межведомственный конфликт как отражение внутриполитического кризиса в переходный период к нэпу // Манускрипт. 2020. Т. 13. Выпуск 10. С. 25.

[860] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 8

[861] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 9; Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 39.

[862] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 10.

[863] Там же. Л. 11.

возложена на организационный отдел ВЦИК, статистический учет оставался за НКВД[864]. Формула распределения полномочий руководства выборами, выглядевшая приемлемой в теории, на практике обернулась дублированием деятельности орготдела ВЦИК и подразделений НКВД и усложнением механизма реализации этих полномочий.

За исключением избирательной отчетности, которой монопольно ведал наркомат, вопросами об определении норм представительства на выборах в Советы и на съезды, разъяснением о круге участников выборов и лишенцах, ведение избирательного делопроизводства, обследования выборов, анализом отчетов, поступивших с мест о прошедших выборах, в кампанию 1924 г. занимались как орготдел ВЦИК, так и наркомат[865].

Компромиссное распределение полномочий между двумя ведомствами, в ряде случаев привело к необоснованному усложнению механизма их реализации. Так произошло с порядком рассмотрения жалоб лиц, лишенных избирательных прав. Несмотря на то, что советское избирательное законодательство до 1925 г. рассмотрение жалоб «лишенцев» в полном объеме возлагало на местные избирательные комиссии и исполкомы, и не предусматривало рассмотрения их жалоб центральными органами, «лишенцы» самовольно периодически обращались с жалобами на неправильное лишение во ВЦИК, ЦК РКП(б), НКВД, НКЮ. До 1924 г. поступавшие жалобы, как правило, возвращали в губернские исполкомы[866]. Однако в 1924 г. число обращений увеличилось, в связи с расширением списка категорий бывших служащих полиции и государственного аппарата, и руководство советских органов вынуждено было принять решение об органе, которому вменялось в обязанности рассмотрение жалоб и ходатайств «лишенцев».

Основная масса жалоб поступала во ВЦИК и НКВД, логично было бы закрепить их рассмотрение за одним из этих органов. Однако ВЦИК отказался рассматривать жалобы «лишенцев» «из-за отсутствия необходимого аппарата»[867]. В итоге, полномочия по рассмотрению жалоб «лишенцев» были рассредоточены между НКВД, Президиумом ВЦИК, губернскими административными отделами и исполкомами. Предварительное

[864] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 78; Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 42.
[865] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 44–52. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 25, 29, 52–54, 62, 67, 89–96.
[866] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 56. Д. 16. Л. 17–44.
[867] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 57. Д. 52. Л. 27.

рассмотрение апелляций возложили на ЦАУ Наркомата внутренних дел, а принятие окончательного решения – на Президиум ВЦИК.

Порядок рассмотрения жалоб «лишенцев» в 1924–1925 гг. был следующим. Все заявления, поступавшие от лиц, лишенных прав (во ВЦИК, НКЮ, НКВД, партийные органы) направлялись в ЦАУ, делавшее запросы через губернские административные отделы и исполкомы, собирало и проверяло сведения, и выносило предварительное решение, направляя на окончательное рассмотрение во ВЦИК[868]. Зачастую сотрудники ЦАУ были вынуждены запрашивать дополнительные документы у губернских административных отделов, т.к. «представленный материал являлся недостаточным для вынесения решения»[869]. При этом нередко позиции органов по решению дел разнились. ЦАУ НКВД занимало более лояльную позицию, чем губернские административные отделы, указывая на возможность восстановления в правах бывших полицейских по причинам «кратковременности службы, хороших отзывов, пролетарского происхождения, службы в Красной армии в годы Гражданской войны»[870]. Мнение Президиума ВЦИК и НКВД по апелляциям также часто не совпадали[871]. Столь сложный механизм рассмотрения жалоб, затягивал их рассмотрение на месяцы[872].

Другие полномочия в избирательной сфере наркоматом и орготделом ВЦИК в ходе затянувшегося «междувластия» реализовывались также неэффективно, с дублированием, «перекладыванием» ответственности и затягиванием с рассмотрением вопросов. Так происходило с определением круга избирателей, как отмечалось выше, в кампанию 1924 г. высшие партийные органы проявили выраженный интерес к определению круга участников выборов, требуя от ВЦИК и наркомата сформулировать позицию по спорным категориям. Наряду с партийными органами губернские исполкомы также обращались с просьбами о конкретизации различных категорий «лишенцев»[873]. Действия наркомата и орготдела ВЦИК по этому вопросу были совершенно несогласованными. Наркомат формулировал собственную позицию по кругу «лишенцев», и предлагал на местах следовать именно его разъяснениям. Орготдел ВЦИК, за редким исключением, обращался в Наркомат юстиции за разъяснениями о

[868] Там же. Л. 30–108.
[869] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 57. Д. 44. Л. 21.
[870] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 56. Д. 17. Л. 230–252.
[871] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 57. Д. 54 Л. 164, 179–180, 192, 194, 198, 210.
[872] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 57. Д. 44. Л. 21–26.
[873] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 35–47. Оп.47. Д. 119. Л. 87–122(об)

применении соответствующих статей Конституции, и предлагал считать данную позицию единственно верной[874]. губернские исполкомы, получая противоречивые разъяснения от ведомств, выбирали наиболее близкие их представлениям о правильности интерпретации. Наиболее дискуссионным в этот период стало применение статьи 23 Конституции местными исполкомами, а также определение круга «бывших» и лиц, прибегавших к наемному труду, нетрудовому доходу или торговли[875].

«Конкурентным» полномочием ведомств стало установление норм представительства на выборах. Наркомат фиксировал крайне хаотичную ситуацию с нормами представительства на местах в первой половине 1920-х гг., но мер к ее исправлению не принимал. Инициатором изменений выступил ЦК РКП(б), по его заданию, наркомат обобщил имевшуюся практику применения норм представительства. Помимо абсолютной произвольности установления норм представительства местными властями, сотрудники наркомата выявили недостаточное преимущество горожан перед сельским населением на съездах всех уровней[876]. ЦК РКП(б) и Президиум ВЦИК выражали обеспокоенность как по поводу составов съездов Советов всех уровней и недостаточности преимущества пролетариата, так и неподконтрольностью, произвольностью установления норм представительства на местах. Президиум ВЦИК 20 октября 1924 г. утвердил циркуляр, в котором впервые установил запрет на произвольное изменение норм представительства на съезды, предложив местным исполкомам точно соблюдать нормы, закрепленные в положениях о Советах и съездах. Исключения «в отношении окраин и наиболее крупных пролетарских центров» могли устанавливаться только с разрешения Президиума ВЦИК[877].

На орготдел ВЦИК возлагалась реализация этого циркуляра, и часть региональных исполкомов (Алтайский, Енисейский, Архангельский, Иркутский, Мурманский губисполкомы, а также исполнительные комитеты Адыгейской, Калмыцкой, Бурят-Монгольской, Якутской, Карельской автономных республик, Вотской, Марийской и Коми автономных областей) обратились в орготдел ВЦИК с просьбами изменить нормы представительства для отдаленных и малонаселенных районов[878]. Орготдел ВЦИК дал положительные заключения о возможности понижения

[874] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 5–6, 10–12.
[875] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 14–17.
[876] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 6.
[877] ГАРФ.Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 23.
[878] Там же. Д. 89. Л. 25, 29, 52–54, 62, 67, 89–96.

нормы представительства для указанных регионов, за исключением Алтайской губернии. Президиум ВЦИК утвердил соответствующие изменения в нормах представительства[879]. Одновременно с этим, административные отделы Калужского, Нижегородского, Томского, Омского губисполкомов обращались с запросами об изменении норм представительства в ЦАУ НКВД, и последний вместо того, чтобы направить обращения на рассмотрение орготдела ВЦИК, самостоятельно принимал решение об изменении норм представительства[880].

Дублирование полномочий наблюдалось и в сфере контроля за организацией и проведением выборов на местах. До 1924 г. контроль реализовывался с помощью выездов и обследований сотрудников НКВД и орготдела ВЦИК. Для наркомата контрольная функция была привычной, и они осуществляли ее и в предыдущие кампании, при перераспределении обязанностей должны были передать сотрудникам орготдела ВЦИК. Но, как и в случае, с другими полномочиями, этого не произошло. В 1924 г. проверки организации выборов на местах осуществляли сотрудники как ЦАУ НКВД, так и орготдела ВЦИК.

В наркомате, по установившейся ранее практике, обследования проводились инспекторами ЦАУ, по результатам проверок составлялись обстоятельные отчеты, с указанием многочисленных нарушений[881]. Даже в случае выявления серьезных нарушений при организации и проведении выборов, наличии жалоб избирателей, наркомат ограничивался лишь констатацией фактов, и рекомендациями устранить нарушения силами губернских исполкомов[882].

Параллельно сотрудникам наркомата были командированы в регионы для обследования выборной кампании инструкторы орготдела ВЦИК. При этом последние подошли к мониторингу весьма обстоятельно, желая получить объективную картину проведения выборов в регионах[883]. Для проверки были отобраны 46 волостей в различных регионах РСФСР, была разработана специальная программа обследования. Сотрудники ВЦИК зафиксировали многочисленные нарушения на всех этапах проведения выборов – от организации избирательных комиссий до подсчета голосов

[879] Там же. Л. 25.
[880] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 44–52.
[881] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.1а. Д. 94. Л. 11–40.
[882] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Л. 4. Л. 7–8, 27–28.
[883] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.101. Д. 151.Л. 158–160.

избирателей[884]. Итоги этого масштабного обследования обсуждались на заседании Президиума ВЦИК, а также на Совещании по советскому строительству в 1925 г.[885], став наряду с другими основаниями причиной отмены выборов в 1924 г.

При закономерной общей неэффективности реализация полномочий в ситуации межведомственного конфликта, в отдельных вопросах наблюдался некоторый прогресс, к числу которых относилась избирательная статистика. Избирательная статистика стала охватывать большее число регионов и городов. Особенно заметный прогресс наблюдался с избирательной отчетностью в сельской местности. Сотрудник Статбюро НКВД – С. М. Гурвич отмечал, что «если в 1922 г. о выборах в сельские Советы, на волостные и уездные съезды были получены неполные сведения из 45 губерний по 318 уездам, то в 1923 г. получены отчеты из 77 губерний и областей по 476 уездам, охватывавшие 92 % всей РСФСР»[886]. Впечатляющими были и достижения по избирательной отчетности в городах, если в 1922 г. представили отчеты о выборах только 94 города, то в 1923 г. – 212, 1924 г. – 305 (на 01.05.1926 г. числилось 538 городов в РСФСР)[887].

Добавим, что в кампании 1923–1924 гг. несколько улучшилась ситуация с полнотой и аккуратностью заполнения избирательных форм отчетности, присылаемых из губерний, уездов и городов. Пропущенные графы и строфы встречались значительно реже, чем в предыдущие кампании, местные органы за редким исключением не вводили собственные категории учета в отчетные формы. Отчеты исполкомов стали более обстоятельными, содержавшими множество разделов, детально анализировавших подготовку выборов, участие и поведение различных групп населения на выборах, лишение избирательных прав, участие партийных ячеек и общественных организаций, ход собраний, результаты выборов и т.д.[888] Ситуация выглядела не идеально с исполнительской дисциплиной на местах и своевременностью заполнения, но прогресс по сравнению с предыдущими кампаниями наблюдался весьма очевидный. Сотрудники наркомата признавали, что не удалось решить вопрос с заполнением избирательной отчетности лишь с «далекими окраинами», несмотря на все усилия наркомата

[884] Там же. Л. 330–331.

[885] Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). М., 1925. С. 18–19.

[886] Гурвич С. М. Сельские органы управления (по данным перевыборов 1923 г.) // Власть Советов 1924 г. №6. С. 141–152.

[887] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. городские, сельские Советы … С. 1.

[888] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 4–127; Д. 155. Л. 4–95; Оп.40. Д. 5. Л. 24–89; Д. 6. Л.7–38. Д. 7. Л. 23–116. Оп. 48. Д. 2. Л. 14–82.

Мурманская губерния, Туркестанская АССР, Якутская АССР и Камчатская область так и не выслали отчетности о выборах[889].

Всем организаторам избирательных кампаний был очевиден компромиссный характер распределения полномочий между НКВД и ВЦИК на выборах 1924 г. Заведующий орготделом ВЦИК С. Терехов констатировал, что «существующий порядок дел заключает в себе ненормальную постановку вопроса об органах, руководящих избирательной кампанией, возлагая функции учета результатов избирательной кампании на НКВД, а общее руководство кампанией на орготдел ВЦИК»[890]. Такое разделение функций: «приносит значительный ущерб и ослабляет механизм руководства выборами», а «места, будучи предоставленными самим себе, проводят выборы исходя из местных инструкций и собственных соображений»[891]. Отметим, что преимущественно наркомат нарушал договоренности о распределении полномочий, продолжая выполнять функции по руководству выборами в 1924 г., которые должен был передать орготделу ВЦИК. Констатируя аномальность ситуации, открытым оставался вопрос об органе, способном в полном объеме осуществлять руководство выборами, реализуя весь комплекс полномочий.

Всероссийская центральная избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК: состав и организационная структура (1925–1936 гг.). В литературе, посвященной истории избирательных органов, советскому избирательному процессу и правовому статусу избирательных комиссий, вопрос о создании Всероссийской центральной избирательной комиссии не исследовался[892]. Вместе с тем, воссоздание истории Всероссийского Центризбиркома представляется значимым не только с точки зрения реконструкции одного из избирательных органов, но и определения его роли в советском избирательном механизме, организации избирательных кампаний, взаимодействии с высшими, центральными и региональными органами.

Обсуждение необходимости создания общероссийского избирательного органа, по сложившейся советской традиции, началось в межведомственных комиссиях, работавших с января по сентябрь 1925 г. Впервые этот вопрос поднимался в ходе работы межведомственной комиссии для установления форм учета хода и результатов

---

[889] Гурвич С. М. Сельские органы управления … С. 141–142.

[890] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 18. Л. 192.

[891] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 18. Л. 192.

[892] Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч. С. 81–92. Веняминова А. А. Указ. соч. С. 16; Очерки по истории выборов и избирательного права …; Ермошин П. Ю. Указ. соч.

выборных кампаний, созданной 26 января 1925 г. постановлением Президиума ВЦИК, в которую вошли представители ВЦИК, НКВД, ЦСУ, НК РКИ. Помимо собственно обсуждения форм отчетности, ее члены высказывали мнение о необходимости передачи избирательной отчетности в ведение аппарата ВЦИК и создания единого органа[893]. В другой межведомственной комиссии для рассмотрения жалоб на неправильное лишение избирательных прав, образованной при Президиуме ВЦИК 09 февраля 1925 г., под председательством Я. В. Полуяна, и состоявшей из представителей орготдела ВЦИК, НКЮ, НКВД и ОГПУ, также озвучивалось мнение о необходимости создания органа, который бы сосредотачивал все избирательные полномочия, включая рассмотрение жалоб «лишенцев»[894].

Непосредственно вопросам создания единого избирательного органа была посвящена работа межведомственной комиссии для предварительной проработки вопросов, связанных с предстоящей кампанией перевыборов, созданной 27 июля 1925 г. Постановлением Президиума ВЦИК. В комиссию вошли представители Президиума и орготдела ВЦИК, НКВД, НКЮ, возглавил ее работу заведующий орготделом ВЦИК – С. Терихов[895]. Относительно органа, который должен осуществлять руководство избирательной кампанией, мнения членов комиссии разошлись. Часть членов комиссии предлагала создать «избирательный наркомат» – Всероссийскую центральную избирательную комиссию. Представитель Президиума ВЦИК предлагал Центризбиркому передать аппарат НКВД, занимавшийся ранее выборами. Представитель НКВД со своей стороны предлагал «Центризбиркому, находясь при Президиуме ВЦИК, работать аппаратом НКВД»[896].

Другой вариант, к которому склонялись большинство членов и председатель комиссии С. Терехов предполагал «выделение в составе Орготдела ВЦИК технической аппаратной комиссии в составе представителей НКВД и ЦСУ под председательством заведующего орготдела ВЦИК, считая вместе с тем излишним изъятие функций избирательной статистики, и лишь общее директирование, направление мероприятий по перевыборам желательно сосредоточить непосредственно в Президиуме ВЦИК»[897]. По сути, речь шла о воспроизведении опыта избирательной кампании 1924 г., когда аппарат

---

[893] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 88–95.
[894] Там же. Л. 221, 225.
[895] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 18. Л. 189–196.
[896] Там же. Л. 194.
[897] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 18. Л. 194–195.

орготдела ВЦИК наделялся полномочиями по организации выборных кампаний. При этом остается совершенно неясным, каким образом при реализации последнего варианта удалось бы решить проблему отсутствия единого органа, осуществлявшего организацию и руководство выборами.

В начале сентября 1925 г. на Президиуме ВЦИК обсуждался вопрос об организации избирательной кампании. Заслушав доклад представителя орготдела ВЦИК С. Терехова, Президиум ВЦИК счел не заслуживающей внимания идею о создании «технической аппаратной межведомственной комиссии в составе орготдела ВЦИК»[898]. Предпочли вариант создания Всероссийской центральной избирательной комиссии[899]. Это решение в полной мере соответствовало рекомендациям комиссии по перевыборам Советов оргбюро ЦК РКП(б), созданной в августе 1925 г. под председательством А. Енукидзе. Комиссия оргбюро предложила «учредить Центральные избирательные комиссии с обязательным включением представителей от профсоюзов, автономных областей и крестьян, выделяемых сельсоветами»[900].

Статус и круг полномочий Центризбиркома участникам обсуждения виделся по-разному. Нарком внутренних дел – А. Г. Белобородов еще в июле 1925 г. в записке Сталину озвучивал идею создания Центральной избирательной комиссии как самостоятельного, постоянно действующего органа, наделенного полнотой полномочий по руководству избирательными кампаниями в РСФСР[901]. Секретарь ВЦИК – А. С. Киселев (будущий многолетний председатель Центризбиркома) также предлагал Центризбирком сделать самостоятельным, постоянно действующим органом, а не комиссией при Президиуме ВЦИК[902]. Киселев продолжал настаивать на этом предложении и в 1926 г. при обсуждении положения о Центризбиркоме[903].

Основным аргументом противников создания самостоятельного избирательного органа стало утверждение единого порядка формирования всех избирательных комиссий при исполкомах на срок проведения выборов (вспомогательных органов при исполкомах и Советах, а не самостоятельных избирательных органов). Звучали мнения и об отсутствии авторитета у создаваемого органа, и возможном игнорировании его

---

[898] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 152. Л. 17.
[899] Там же. Л. 18.
[900] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 142. Л. 4–5.
[901] Там же. Л. 1(об).
[902] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 152. Л. 18(об).
[903] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д.76. Л. 12.

указаний местными органами. Высказывались аргументы о необходимости сохранения контроля Президиума ВЦИК за избирательной сферой[904]. В итоге, последняя позиция возобладала, и Всероссийская центральная избирательная комиссия создавалась при Президиуме ВЦИК в статусе не самостоятельного и постоянно действующего органа, а комиссии, создаваемой на время проведения выборов. Эта позиция соответствовала решениям, выработанным на заседаниях комиссии по перевыборам Советов Оргбюро ЦК РКП(б), рекомендовавшей создание центральных избирательных комиссий при президиумах Центральных исполнительных комитетов союзных республик[905].

В литературе встречается мнение о Центризбиркоме как о «самостоятельном, постоянно действующем органе, в отличие от местных избирательных комиссий»[906], что не соответствует реальному положению. При формировании Центризбиркома был воспроизведен опыт создания временных комиссий и комитетов при Президиуме ВЦИК. Сложившейся советской практикой являлось создание комиссий и комитетов при Президиуме ВЦИК для решения какой-либо проблемы из представителей советских и партийных органов и ведомств. Комиссии и комитеты при Президиуме ВЦИК, как правило, формировались на короткий срок, по разрешению проблемы, ликвидировались.

Непосредственной датой создания Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК стало 21 сентября 1925 г., когда на заседании Президиума ВЦИК было принято Постановление «Об организации Центральной избирательной комиссии при ВЦИК»[907]. С созданием Центризбиркома завершался затяжной период неопределенности с центральным органом, ответственным за организацию выборов в стране. Однако статус Центризбиркома порождал новые проблемы – зависимость от Президиума ВЦИК, сохранение ряда ключевых полномочий за Президиумом ВЦИК, необходимость длительных согласований с ним.

Президиум ВЦИК утвердил первый состав Центризбиркома. Первоначально комиссия включала 15 человек. Состав Центризбиркома формировался традиционным для того времени способом: включались представители от различных заинтересованных советских ведомств, партийных органов, и подконтрольных профсоюзных и общественных организаций. Первым председателем Всероссийской центральной

---

[904] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 18. Л. 189–193; Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 142. Л. 46–48.
[905] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 142. Л. 4–5.
[906] Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч. С. 90.
[907] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф.Р.-1235. Оп. 42. Д. 63. Л. 123–125.

избирательной комиссии стал Ян Васильевич Полуян в то время член Президиума ВЦИК, заместитель председателя ВЦИК. Заместителем председателя Центризбиркома был назначен Санджар Джафарович Асфендиаров, также член Президиума ВЦИК и заведующий отделом национальностей при Президиуме ВЦИК[908].

Персональная биография первого руководителя Центризбиркома – вполне типичная для советских и партийных руководителей 1920-х гг. Ян Васильевич Полуян – выходец из семьи кубанских казаков, с 1907 г. участник революционного движения, член РСДРП(б), в 1917 г. был избран председателем исполкома Екатеринодарского Совета, член Екатеринодарского комитета РСДРП(б), в годы Гражданской войны занимал должности председателя Кубанского областного ревкома и облисполкома, председателя Совнаркома Кубано-Черноморской советской республики, председателя реввоенсовета Северо-Кавказской (11-й) армии, член Реввоенсовета Кубанской (9-й) армии, начальник политотдела Юго-Западного фронта. После окончания Гражданской войны, Полуян в 1920 г. занял должность председателя Кубанского ревкома и облисполкома, с 1922 г. – Тверского губисполкома, с 1925 по 1929 гг. – член Президиума ВЦИК, заведующий орготделом ВЦИК, заместитель Председателя ВЦИК[909].

Заместителем председателя Центральной избирательной комиссии при ВЦИК был назначен Санджар Джафарович Асфендиаров, вошедший в состав комиссии как заведующий отделом национальностей при Президиуме ВЦИК. Его биография выделялась на фоне советских и партийных работников 1920-х гг. – выходцев из рабочих и крестьян, и участников революционного движения. Асфендиаров – человек незаурядной судьбы, потомок хана Абулхаира, врач по образованию, широко образованный, интересовавшийся лингвистикой и историей Средней Азии, нарком здравоохранения и земледелия Туркестанской АССР (1919– 1924 гг.), член коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР, член Особой комиссии ВЦИК по землеустройству (1921–1922 гг.), на момент создания Центризбиркома Асфендиаров

[908] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 249–251.

[909] Сухоруков В. Т. XI армия на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961. С. 172–173; Советская историческая энциклопедия. М. 1976. В 1929 г. Полуян был назначен председателем Дальневосточного крайисполкома, в 1931 г. начальником энергоуправления Наркомата коммунального хозяйства СССР. В 1937 г. репрессирован.

был членом Президиума ВЦИК и заведующим отделом национальностей при Президиуме ВЦИК[910].

В состав комиссии также вошли представители Наркомата внутренних дел РСФСР, профсоюзных организаций, комсомола, и высших партийных органов. Наркомат внутренних дел в Центризбиркоме представлял заместитель наркома – Михаил Фомич Болдырев, в 1921–1924 гг. занимавший должности председателей Кубано-Черноморского областного исполкома, Терского и Смоленского губернских исполкомов. После назначения в августе 1924 г. заместителем наркома внутренних дел, координировал в наркомате организацию выборов в 1924 г.[911].

Александр Иванович Догадов и Иван Иванович Кутузов (Захаров) представляли в Центризбиркоме профсоюзные организации. А. И. Догадов являлся секретарем и членом Президиума ВЦСПС (а также входил в высший партийный орган, являясь членом Оргбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). И. И. Кутузов занимал должность председателя ЦК Всероссийского союза текстильщиков, являлся членом Президиума ВЦСПС, и входил в состав Президиума ВЦИК. Клавдия Ивановна Николаева вошла в Центризбирком как заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б) и член Оргбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)[912]. В духе того времени, в состав Всероссийской центральной избирательной комиссии были включены представители от рабочих, крестьян, казачества, национальных меньшинств (члены ВЦИК), а также сотрудники аппарата ВЦИК[913].

В последующие избирательные кампании принцип комплектования Центризбиркома не претерпел существенных изменений[914]. В кампанию 1926/27 г. председателем Всероссийского Центризбиркома остался Я. В. Полуян, в кампанию 1928/29 г. его сменил Алексей Семенович Киселев, возглавлявший ее до

---

[910] Революцией призванные: Биографические очерки. Вып. 2. Ташкент, 1991. Не менее примечательна и дальнейшая судьба Асфендиарова. В 1927 г. он стал директором Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, профессором МГУ, в 1928 – становится первым ректором Казахского государственного университета и заведующий кафедрой истории, в 1931 г. – директором Казахского медицинского института, наркомом здравоохранения Казахской АССР, в 1933 г. – первым заместителем председателя Казахстанского филиала Академии наук СССР и заместителем Наркома просвещения Казахской АССР, начальником управления университетов, науки и библиотек Казахстана (1933–1934). В 1938 г. репрессирован.

[911] Руководители Смоленской области (1917–1991 годы). Биографический справочник. Смоленск, 2008; Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ 1917 – 1991. Справочник. Москва, 2003.

[912] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10; Ф.Р-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 249–251.

[913] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 1. Л. 5–27; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.102. Д.132. Л. 249–251, Оп. 103. Д.639. Л.1.

[914] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 8. Л. 3–9; Д. 22. Л.4–12.

расформирования в 1936 г. и одновременно занимавший должность секретаря ВЦИК с 1924 по 1937 гг.[915]

В кампанию 1926/27 г. в состав Центризбиркома входили 15 членов, представлявшие наркоматы, профсоюзы, партийный органы, аппарат ВЦИК и несколько представителей «лояльной общественности» – рабочих, крестьян, национальных меньшинств. От Наркомата внутренних дел РСФСР в Центризбирком вошел нарком Александр Георгиевич Белобородов. Наркомат юстиции также представлял нарком Дмитрий Иванович Курский. Профсоюзные организации вновь были представлены Иваном Ивановичем Кутузовым. Высшие партийные органы представляли Борис Петрович Шеболдаев (заместитель заведующего оргзанизационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) и Анна Степановна Калыгина (заместитель заведующего отделом по работе среди женщин – работниц и крестьянок ЦК ВКП(б)[916].

В кампанию 1928/29 г. состав Всероссийской центральной избирательной комиссии существенно расширился до 29 человек, по-прежнему включая представителей наркоматов, профсоюзов, комсомола, партийных органов, аппарата ВЦИК. Наркомат внутренних дел РСФСР в Центризбиркоме представлял нарком Владимир Николаевич Толмачев, сменивший на посту А. Г. Белобородова, Наркомат юстиции – нарком Николай Михайлович Янсон, сменивший Д. И. Курского. Варвара Николаевна Яковлева (замнаркома просвещения РСФСР) вошла в Центризбирком как представитель Наркомата просвещения. В составе Центризбиркома увеличилось представительство профсоюзов: Н. М. Анцелович представлял ЦК Союза работников земли и леса (председатель ЦК Всеработземлес), П. Я. Воронова – союз текстильщиков (секретарь и член Президиума союза текстильщиков) и В. В. Добровольский – орготдел ВЦСПС[917].

Высшие партийные органы в Центризбиркоме были представлены А. В. Артюхиной – заведующей отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП(б), К. Я. Бауманом и М. И. Лацисом – заведующим и заместителем заведующего отдела по работе с деревней ЦК ВКП(б), В. И. Рябоконь – заместителем заведующего

---

[915] К моменту назначения председателем Центризбиркома А. С. Киселев был опытным советским и партийным работником, в 1921–1923 гг. возглавлял Малый СНК РСФСР, в 1923–1925 гг., являясь членом Центральной контрольной комиссии РКП(б), в 1923–1924 гг. возглавлял народный комиссариат РКИ РСФСР, с февраля 1924 г. став секретарем ВЦИК, с 1925 по 1934 гг. являясь кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

[916] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 8. Л. 11-16; Во Всероссийской центральной избирательной комиссии // Власть Советов. 1927. № 4. С. 28–29.

[917] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 22. Л. 4–22.

организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б), А. И. Криницким – заведующим агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б). М. И. Юрцен представлял Центральную контрольную комиссию ВКП(б). Комсомольскую организацию представлял А. В. Косарев (секретарь ЦК ВЛКСМ). В состав Центризбиркома также включили представителей Московского Совета (Ф. И. Козлова и А. И. Рябова), Президиума ВЦИК (П. В. Голубков, А. И. Досов, Я. В. Полуян) и сотрудников аппарата ВЦИК (Г. К. Клингер, А. К. Клинцевич, Ф. М. Оранжереев, А. С. Сапунов, И. А. Шигаев)[918].

В 1930-е гг. произошло расширение состава Центральной избирательной комиссии, не имевшее реальной необходимости, в 1930 г. она включала 30 чел., в 1934 г. – 36 чел., также было расширено представительство отделов ВЦИК[919].

Анализ составов Всероссийской центральной избирательной комиссии с 1925 по 1936 гг. показывает ее постепенное расширение при неизменности принципов формирования. Большинство членов Центризбиркома имели значительный опыт советской и партийной работы, многие возглавляли региональные исполкомы в разные годы, занимаясь организацией выборов на местах. Являясь практическими работниками, они отлично представляли сложности и проблемы организации избирательной кампании. Наряду с этим, большинство из них не обладали юридическим образованием, детальным знанием избирательных нормативных актов, опираясь в первую очередь, на «революционное правосознание». Хотя принятие, толкование и применение усложнявшегося избирательного законодательства требовало подготовленных, образованных сотрудников в избирательных комиссиях всех уровней, и тем более во Всероссийской центральной избирательной комиссии, которая должна была стать высшим авторитетом в избирательной сфере. Ведомственная принадлежность нередко определяла позицию членов Центризбиркома, заставляя блюсти интересы ведомства, что в ряде случаев определило противоречивую позицию комиссии и не позволило выработать единообразные подходы к избирательной практике.

---

[918] Там же.

[919] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 30. Л. 2–7; Д.56. Л. 16–23; Ф.Р.-1235. Оп.106. Д. 521. Л. 1; Оп. 108. Д. 597. Л. 12–18; Д. 598. Л. 5–47.

Организационная структура Всероссийской центральной избирательной комиссии состояла из Президиума и подкомиссий. Президиум включал от шести до десяти членов Центризбиркома: руководителей комиссии, наркомов, руководителей профсоюзов и представителей ЦК ВКП(б). В 1925 г. в состав Президиума Центризбиркома входили шесть членов: председатель (Я. В. Полуян), заместитель председателя (С. Д. Асфендиаров), секретарь (Т. А. Елисеев), замнаркома внутренних дел – М. Ф. Болдырев, заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б) – К. И. Николаева и председатель ЦК Всероссийского союза текстильщиков – И. И. Кутузов, в 1926 г. Болдырева сменил нарком внутренних дел – А. Г. Белобородов, Николаеву – заместитель заведующего организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) – Б. П. Шеболдаев[920].

В кампанию 1928/29 г. вместе с расширением состава Центризбиркома (до 29 чел.) состав Президиума увеличился до 10 чел. Помимо нового председателя – А. С. Киселева, в его состав вошли наркомы юстиции (Н. М. Янсон) и внутренних дел (В. Н. Толмачев), представители ЦК ВКП(б) – А. В. Артюхина, К. Я. Бауман, М. И. Юрцен, А. И. Криницкий, члены Президиума и аппарата ВЦИК (Я. В. Полуян, А. И. Досов, И. И. Кутузов)[921].

В кампании 1930 и 1934 г. состав Президиума уменьшился до 6 чел. В 1930 г. Президиум возглавил А. С. Киселев, его членами стали секретарь ЦИК СССР – А. С. Енукидзе, член Президиума ВЦИК – Н. Ф. Новиков, А. В. Артюхина, А. Л. Гилинский представляли отделы ЦК ВКП(б) и Н. М. Шверник – ВЦСПС[922]. В 1934 г. Артюхину, Гилинского и Шверника сменили Я. А. Яковлев (заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), В. И. Полонский (заведующий организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) и А. С. Щербаков (заместитель заведующего отдела культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б)[923].

Функции Президиума Центризбиркома четко не определялись, как правило, на Президиуме Центризбиркома обсуждались наиболее важные вопросы избирательной кампании, впоследствии выносимые на Президиум ВЦИК. К таким вопросам относились: принятие избирательных инструкций, утверждение председателей

[920] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 14; Д. 8. Л. 12.
[921] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 11–17. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 143. Л. 242.
[922] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–7; Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 598. Л. 5–47.
[923] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 56. Л. 4–5;

региональных избирательных комиссий, изменение норм представительства в различных регионах, изменение сроков избирательной кампании, подведение итогов избирательной кампании[924]. Начиная с кампании 1928/29 г. на Президиуме стали регулярно заслушиваться отчеты сотрудников ВЦИК, проводивших обследование выборов в различных регионах[925].

Помимо Президиума из состава Центризбиркома выделялись подкомиссии. Практически сразу после создания Центризбиркома, 20 октября 1925 г. из ее состава была выделена подкомиссия для рассмотрения жалоб на неправильное лишение избирательных прав. К первоочередному созданию этой подкомиссии подталкивала как множественность жалоб «лишенцев», так и отсутствие урегулированного механизма рассмотрения этих жалоб центральными органами (выше описывался крайне сложный механизм рассмотрения жалоб аппаратом НКВД и ВЦИК, разбиравший жалобы в кампанию 1924 г.)[926].

В кампанию 1926/27 в составе Центризбиркома было образовано три подкомиссии: организационная (организационно-инструкторская), информационно-статистическая, и подкомиссия по рассмотрению жалоб на неправильное лишение избирательных прав. В подкомиссии помимо членов Центризбиркома включались представители различных заинтересованных ведомств. Так, в работе подкомиссии по рассмотрению жалоб «лишенцев», под председательством И. И. Кутузова, работали сотрудники ОГПУ и наркомата юстиции. К работе информационно-статистической подкомиссии под председательством С. Д. Асфендиарова, привлекались сотрудники статистического бюро НКВД, ЦСУ, Бюро печати. Организационная подкомиссия дополнительно привлекала представителей Наркоматов внутренних дел и юстиции[927].

Подкомиссия по рассмотрению жалоб на неправильное лишение избирательных прав аккумулировала все поступавшие жалобы от «лишенцев», занимаясь рассмотрением жалоб, как на неправильное лишение избирательных прав, так и ходатайств о восстановлении в избирательных правах различных категорий лиц, лишенных избирательных прав. Подкомиссия также вела активную переписку с

---

[924] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–42; Д. 12. Л. 1–44; Д. 30. Л. 1–11.

[925] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–14; Д. 24. Л. 9–33; Д. 30. Л. 1–11. Д. 40. Л. 42–94; Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 3–97.

[926] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 93.

[927] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 69. Л. 7–67; Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 90. Л. 78; Во Всероссийской центральной избирательной комиссии // Власть Советов. 1927. №4. С. 28.

региональными избиркомами и исполкомами, запрашивала сведения у ведомств о лицах, подававших жалобы. За время своей работы подкомиссия рассмотрела десятки тысяч жалоб.

Информационно-статистическая подкомиссия занималась выработкой форм избирательной отчетности и делопроизводства избирательных кампаний, включавшие различные сведения, сводки, личные карточки на депутатов, бланки, избирательные повестки и т.д.[928] Помимо этого информационно-статистическая подкомиссия занималась анализом предварительных и окончательных итогов выборов, обсуждением статистического сборника, издаваемого по итогам избирательной кампании[929].

На организационную (организационно-инструкторскую) подкомиссию Центризбиркома были возложены функции по инструктированию краевых, областных, губернских избирательных комиссий, выработке и согласованию циркуляров по вопросам проведения избирательной кампании, переписке и согласованию организационных вопросов проведения кампании на местах. Подкомиссия занималась согласованием широчайшего круга вопросов от сроков проведения выборов, норм представительства, участия национальных меньшинств, молодежи, женщин, «не организованных в профсоюзы» избирателей в городах, использования помещений под избирательные собрания до признания выборов несостоявшимися[930].

На подкомиссию также возлагалась функция проведения обследований работы нижестоящих избирательных комиссий и контроль за ходом избирательной кампании на местах. На заседаниях подкомиссии согласовывались кандидатуры сотрудников (инструкторов) ВЦИК, направлявшиеся для проведения обследований, а также определялись регионы, в которые выезжали инструкторы. Результаты обследований рассматривались на заседаниях подкомиссии, анализировались предварительные итоги, проблемы проведения выборов[931].

Помимо трех постоянно действовавших подкомиссий в составе Центризбиркома, периодически создавались временные подкомиссии. Так, 2 февраля 1929 г. на заседании Президиума Центризбиркома было принято решение «об образовании подкомиссии

---

[928] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 12; Д. 11. Л. 5–6.
[929] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 17–26; Д. 11. Л. 23–38.
[930] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–42. Д. 20. Л. 2–31; Д. 27. Л. 4–16, 21–25(об); Д. 36. Л. 6–14.
[931] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 9. Л. 44–46. Д. 20. Л. 33–37.

Всероссийской центральной избирательной комиссии по популяризации директив по вопросам избирательной кампании и опыта местной работы»[932].

Обсуждение широкого круга вопросов организации избирательной кампании происходило на общих заседаниях Всероссийской центральной избирательной комиссии (с 1927 г. Пленум Центризбиркома)[933]. Помимо обсуждения текущих организационных вопросов проведения выборов, на Пленумах заслушивались отчеты о подготовке и проведении выборов региональных избиркомов, отчеты сотрудников ВЦИК, проводивших обследование выборов. Предварительная подготовка вопросов происходила в орготделе ВЦИК и секретарите Центризбиркома[934].

Всероссийская центральная избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК: реализация полномочий (1925–1936 гг.). После создания Центризбиркома 21 сентября 1925 г. Президиум ВЦИК определил список первоочередных задач, которыми новый орган должен был заняться в первую очередь: подготовка форм избирательной отчетности и новой инструкции, наведение порядка в избирательном делопроизводстве, реализация партийных директив об активизации населения на выборах, унификация избирательных норм в регионах и рассмотрение жалоб «лишенцев»[935].

Сфера компетенции Центризбиркома формировалась постепенно в ходе подготовки и проведения выборной кампании осени – зимы 1925/26 г. Первоначально Центризбирком сосредоточился на активизации нацменьшинств на выборах, сроках проведения избирательной кампании и утверждении председателей избирательных комиссий в регионах[936]. Постепенно и другие вопросы, связанные с выборами, стали аккумулироваться в Центризбиркоме. 30 ноября 1925 г. Постановлением Президиума ВЦИК была ликвидирована комиссия по рассмотрению жалоб на неправильное лишение избирательных прав граждан местными избирательными комиссиями и все дела этой комиссии переданы в Центризбирком. Как уже отмечалось выше, Центризбирком из своего состава образует подкомиссию для рассмотрения жалоб на неправильное лишение избирательных прав.

---

[932] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.
[933] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–92; Д. 7. Л. 4–90.
[934] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Д. 13. Л. 4–71.
[935] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 282.
[936] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–92; Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132.Л. 259–280

Окончательно полномочия Центризбиркома были определены в «Положении о Всероссийской центральной избирательной комиссии» 21 февраля 1926 г.[937] Реальная деятельность Центризбиркома соответствовала зафиксированным полномочиям. Центризбирком назначал руководителей региональных избиркомов (в кампании 1925/26 и 1926/27 г. кандидатуры председателей согласовывались с Президиумом ВЦИК[938]), составлял и утверждал планы проведения избирательной кампании в РСФСР, определял сроки проведения кампании и нормы представительства, устанавливал формы избирательного делопроизводства и отчетности, рассматривал жалобы «лишенцев», инструктировал нижестоящие избиркомы по вопросам организации избирательных кампаний, подводил итоги кампании, представлял сведения для Президиума ВЦИК и партийных органов[939]. Помимо перечисленных направлений деятельности, в разные кампании добавлялись вопросы, актуализированные высшими советскими и партийными органами[940].

После формирования состава Центризбиркома в первую очередь утверждался план избирательной кампании в РСФСР, и работы самого Центризбиркома на кампанию, также утверждались председатели региональных избиркомов. К формированию планов проведения избирательной кампании и деятельности члены Всероссийского Центризбиркома приступили непосредственно после создания органа – в октябре 1925 г.[941] В последующие кампании планы формировались заранее – за полгода до начала кампании, публиковались в прессе, доводились до сведения наркоматам, Президиуму ВЦИК, партийным органам. План избирательной кампании в РСФСР включал установление сроков проведения отчетной кампании, выборов в сельские и городские Советы, съездов различного уровня в различных регионах, подведения итогов, формирования отчетов, издания сборников по итогам кампании, участия наркоматов и общественных организаций.

План работы Центризбиркома включал множество мероприятий на всех этапах избирательной кампании от разработки избирательной инструкции до издания

---

[937] Декрет ВЦИК от 8 февраля 1926 г. «Положение о Всероссийской центральной избирательной комиссии» // СУ РСФСР. 1926. № 8. Ст.59

[938] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–81; Ф.Р.-1235. Оп.103. Д. 77. Л. 291. Л. 175; Д. 80. Л. 245. Оп. 104. Д. 14.

[939] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–92; Д. 8. Л. 3–82.

[940] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 34. Л. 63–67; Д. 61. Л. 22-23; Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 81. Л. 99–143; Д. 639. Л. 1

[941] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–18.

статистических сборников[942]. Отдельно утверждался календарный план заслушивания докладов и отчетов о ходе и итогах выборов на Президиуме Центризбиркома[943]. В планах Центризбиркома 1930 и 1934 гг. большее внимание по сравнению с предыдущими кампаниями, уделялось обсуждению участия различных общественных организаций, профсоюзов и наркоматов[944]. Организация избирательной кампании Центризбиркомом показывает, что эти планы достаточно педантично реализовывались.

Назначение председателей нижестоящих избиркомов Центризбирком рассматривал в качестве дела первостепенной важности, стремясь с самого начала контролировать деятельность нижестоящих избиркомов и исполкомов, выстроить понятную систему взаимодействия. На одном из первых заседаний 27 октября 1925 г. Центризбирком утвердил большую часть председателей губернских (областных) избиркомов, при этом отказавшись утверждать в качестве председателей избирательных комиссий начальников административных отделов и управлений (Калужская, Вятская и Сталинградская губернии, Северо-Осетинская, Марийская и Ингушская автономные области)[945]. Центризбирком предложил исполкомам «пересмотреть состав председателей избиркомов и назначить таковых из состава членов исполкомов, не являющихся работниками милиции»[946].

Центризбирком считал ненормальной сложившуюся практику назначения начальников административных отделов и управлений милиции председателями избирательных комиссий любых уровней, полагая, «подобные назначения могут рассматриваться как намерение оказать административное давление на избирателей на выборах»[947]. В циркулярном письме от 25 ноября 1925 г. ВЦИК также настоятельно рекомендовал региональным исполкомам пересмотреть составы избирательных комиссий и произвести замену работников милиции[948]. Представляется, что возможность оказания давления на население служила лишь предлогом, и меры по исключению начальников административных отделов предпринимались с целью прекращения затянувшегося ведомственного конфликта с НКВД, окончательного

[942] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 9. Л. 11–16; Д. 16. Л. 43-49; Ф.Р.-1235.Оп. 106. Д. 521. Л. 2–5.
[943] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 24. Л. 37-39.
[944] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 36. Л. 18–29; Д. 58. Л. 2–7. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 261 Л. 2; Д. 597. Л. 118–120; Оп. 112. Д. 6. Л. 62–65.
[945] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–81; Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 116. Л. 18–22.
[946] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 88; Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 247. Оп. 60. Д. 116. Л. 23
[947] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 88 (об); ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 291.
[948] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5.

сосредоточения полномочий у подразделений, подчинявшихся ВЦИК, и обеспечения большей подконтрольности подчиненных им региональных избирательных комиссий.

В дальнейшем, конфликтных ситуаций, связанных с утверждением председателей губернских, областных, краевых комиссий не возникало. Мониторинг составов нижестоящих избирательных комиссий, проводимый Центризбиркомом, и анализ отчетов избиркомов и исполкомов о проведении выборов показывают, что существенных нарушений законодательства при их формировании не допускалось[949].

Помимо составов, Центризбирком стремился контролировать и сроки создания нижестоящих избиркомов. Впервые в кампанию 1925/26 г. избирательные комиссии начали формироваться заранее и в единые сроки. Краевые (областные, губернские) избиркомы должны были создаваться не менее, чем за два месяца до начала выборов, окружные (уездные, районные), не менее, чем за 45 дней. Поскольку все кампании второй половины 1920-х гг. проходили в зимний период, то обычно избиркомы формировались в конце октябре – начале ноября и расформировывались – в феврале – марте (после проведения съездов в регионе)[950].

На местах, нередко нарушались сроки создания избирательных комиссий, даже в кампанию 1928/29 г., когда удалось навести относительное единообразие, нарушение сроков в пределах двух – трех недель было обычным явлением, но были губернии и области, нарушавшие сроки на 1,5–2 месяца (Чувашская АССР, Московская, Тверская, Брянская и другие губернии)[951]. Так, к 1 ноября 1928 г. должны были сформированы все избиркомы, однако к этому сроку были созданы только губернские, краевые, областные избиркомы, окружные избиркомы – к 1 декабря. Нижестоящие комиссии в Чувашской АССР, Московской губернии, Уральской области были созданы только к 20 декабря[952]. По мнению Центризбиркома, поздние сроки формирования избирательных комиссий не позволяли провести подготовительную работу должным образом[953].

Одним из первоочередных вопросов организации выборов, которым занялся Центризбирком стало определение единых сроков проведения выборов. До кампании 1925/26 г. губернии самостоятельно устанавливали сроки выборных кампаний,

---

[949] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 8. Л. 27-29; Д. 21. Л. 19–22; Ф.Р-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 5; Оп. 102. Д. 132. Л. 262; Оп. 106. Д. 534. Л. 4–7.

[950] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–9; Д. 16. Л. 83–88; Ф.Р-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 5; Оп. 102. Д. 132. Л. 262.

[951] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 27. Л. 21–25; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 4–7.

[952] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 21. Л. 12–15(об).

[953] Там же. Л. 13.

ориентируясь на местные условия. Круглогодичное проведение выборов не устраивало Центризбирком, поскольку оно делало невозможным общее руководство выборами, и подведение их итогов.

Всероссийской центральной избирательной комиссии в кампанию 1925/26 г. впервые предстояло разработать такую схему проведения выборов, которая выдерживала единые сроки проведения выборов в республике с учетом особенностей проведения выборов в регионах. Быстро выяснилась невыполнимость этой задачи. Как показали опросы краевых и губернских исполкомов, идеального срока проведения выборов не существовало[954]. Начиная с октября 1925 г. в Центризбирком, поступало множество запросов из регионов относительно продления или перенесения выборной кампании. Анализ запросов и ответов на них позволяет сделать вывод, что приоритетом для Центризбиркома стало соблюдение единых сроков кампании, а не региональных особенностей. За исключением труднодоступных местностей (Камчатской губернии, ряда губерний Сибирского края), большинству регионов было отказано в изменении сроков, либо сроки кампании продлены незначительно (до 15 февраля–1 марта). Центризбирком аргументировал отказы сложностями в подготовке, организации агитации, подведении итогов и т. д.[955]

В последующие кампании вопрос определения единых сроков проведения выборов также оставался актуальным, с той оговоркой, что не обсуждались общие сроки проведения, единственно возможным периодом проведения выборов считалась поздняя осень и зима. Так, в кампанию 1928/29 г. общие сроки устанавливались Центризбиркомом с таким расчетом, чтобы отчетную кампанию завершить в декабре 1928 г., выборы в сельские Советы провести в январе 1929 г., волостные и районные съезды – в январе и феврале 1929 г., выборы в горсоветы – феврале, уездные, окружные, губернские, краевые, областные и республиканские съезды Советов провести в марте 1929 г. и XIV Всероссийский съезд Советов созвать в апреле 1929 г.[956]

Несмотря на многочисленные просьбы региональных исполкомов о перенесении сроков избирательных кампаний, Центризбирком стремился выдерживать линию на проведение выборов в запланированные, установленные единые сроки. Во внимание Центризбиркомом преимущественно принимались просьбы об установлении особых

---

[954] гА РФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 56.
[955] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–72; Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 230–242
[956] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 12. Л. 37–38; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 5

сроков, обусловленные климатическими или национальными особенностями регионов, все ходатайства, связанные с районированием, плохой подготовкой кампании отклонялись[957].

Значимым направлением деятельности Центризбиркома являлось установление и согласование норм представительства. Это полномочие ранее реализовывалось наркоматом и орготделом ВЦИК, но выработать единые подходы к установлению норм не удавалось[958]. После создания Всероссийской центральной избирательной комиссии определение норм представительства стало одним из центральных полномочий.

Запросы, поступавшие от региональных исполкомов с просьбами изменить общероссийские нормы представительства, преимущественно были направлены на их повышение для национальных меньшинств в национальных республиках и областях, а также для предоставления преимущества среди городских избирателей пролетарскому населению перед «обывательским»[959]. Позиция Центризбиркома в отношении норм представительства была весьма прагматичной, если политическая ситуация в определенной местности позволяла, то комиссия выдерживала линию на унификацию норм представительства на выборах. В случае угрозы избрания в Советы непролетарских слоев, Центризбирком утверждал повышенные нормы для рабочих в Советы. При всех рассмотренных сложностях урегулирования норм представительства, в кампанию 1926/27 г. стало очевидным, что процесс определения и изменения норм представительства из стихийного превратился в подконтрольный Всероссийской центральной избирательной комиссии и ВЦИК. Были выработаны единые подходы к определению норм в различных регионах, и правила установления исключения из них. Эти подходы успешно реализовывались как в кампанию 1928/29 г., так и 1930-е гг.

Полномочия Центризбиркома, связанные с вопросами лишения и восстановления в избирательных правах охватывали обширный круг деятельности и включали разъяснения по кругу лиц, подлежавших лишению избирательных прав и рассмотрение жалоб на неправильное лишение прав. Центризбирком вел активную переписку, составлял циркуляры, проводил совещания и проверки, материалы которых отложились в десятках архивных дел. Непосредственно после создания Центризбиркома в 1925 г.

---

[957] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 25. Л. 27, 29-30, 32–36; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 113, 104, 283; Д. 142. Л. 98.

[958] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 23.

[959] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 31, 33, 42–56; Д. 12. Л. 16–25(об); Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 88. Л. 10–98; Д. 11. Л. 1–8. Д. 21. Л. 101–104.

запросы от региональных исполкомов были немногочисленны, что обуславливалось некоторой либерализацией круга лиц «лишенцев». Ужесточение избирательного законодательства в части лишения избирательных прав в 1926 г., вызвало огромное число запросов от различных ведомств, губернских, областных и краевых исполкомов. Всего в кампанию 1926/27 г. во все подразделения ВЦИК (орготдел, Президиум и Центризбирком) поступило 97 запросов, из них 43 были посвящены конкретизации круга лиц, подлежавших лишению прав, 30 – кругу лиц, не подлежавших лишению прав, остальные 24 – процедурам восстановления в правах[960]. Из всего массива запросов, поступавших из регионов и различных ведомств, они составили около 40 %. Многочисленность запросов была вызвана не только изменением избирательного законодательства, но и строжайшим запретом его самостоятельного толкования. Решить многие вопросы могли краевые или губернские исполкомы, но поскольку ВЦИК категорически запрещал разъяснение инструкции местными властями, то последние предпочитали перестраховаться и сделать запрос в центральные органы.

В основном запросы касались трех групп лиц, лишенных избирательных прав: «бывших», крестьян, кустарей, применявших наемный труд и священнослужителей. Анализ переписки и разъяснений Центризбиркома показывает, что он стремился выдерживать линию на унификацию применения избирательных норм, утвердив за собой монопольное право на определение круга лиц, подлежавших лишению прав. Наряду с этим, отметим, что в отличие от высших партийных органов, склонных к догматической позиции, Центризбирком при определении круга «лишенцев», занимал более прагматичную и реалистичную позицию. В большинстве случаев, если ведомство или региональные исполкомы обосновывали свою просьбу вескими аргументами социального или экономического характера, Центризбирком и ВЦИК шли им навстречу[961].

Одним из наиболее объемных полномочий Центризбиркома стало рассмотрение жалоб на неправильное лишение избирательных прав в качестве апелляционной инстанции. Центризбирком должен был рассматривать жалобы и ходатайства на восстановление в избирательных правах категории «бывших», и «в порядке надзора»

[960] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–62; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1055. Л. 12–27.

[961] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 19. Л. 52–77(об); Д. 70. Л. 14–62, 91–207; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 174. Л. 255 – 270. Оп. 106. Д. 339. Л. 250–289.

все остальные жалобы[962]. Но на практике Центризбирком рассматривал все жалобы независимо от категории обращавшихся граждан. Объем выполненной работы Центризбиркомом был весьма впечатляющим, учитывая ежегодное возрастание количества жалоб. Так, если в кампанию 1925/26 г. в Центризбирком поступило всего 469 жалоб, то в 1926/27 г. – 21 935, и в 1928/29 г. – 35 542 жалобы[963]. В 1930–1936 гг. граждане подали более 40 тыс. жалоб, основная масса из них пришлась на жалобы по восстановлению в избирательных правах. Большую часть отложившихся дел в делопроизводстве фонда Центральной избирательной комиссии составляют рассмотренные жалобы подкомиссией на неправильное лишение или восстановление в правах за 1925–1937 гг.[964]

Традиционно значимым полномочием центральных органов в избирательной сфере было установление форм избирательной отчетности. Центризбирком (информационно-статистическая подкомиссия в его составе) занимался технической подготовкой форм избирательной отчетности и делопроизводства избирательных кампаний, включавшие различные сведения, сводки, личные карточки на депутатов, бланки, избирательные повестки и т.д.[965] Ключевые решения принимались коллегиально, на заседания Центризбиркома приглашались руководители НКВД, ВЦИК, ЦСУ и других заинтересованных ведомств. Обсуждение форм избирательной отчетности сопровождалось оживленными спорами представителей советских ведомств. Дискуссии обуславливались значимостью получаемых сведений, как справедливо отмечал нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов в 1926 г.: «получаемые в результате статистической обработки сведения не только характеризуют ход выборов в Советы и состав избранных, но и являются основными данными, по которым производится изучение советской системы управления»[966]. Избирательная статистика 1920-х гг. помимо сведений о ходе и итогах выборов, содержала данные по широчайшему кругу вопросов: о социальном и экономическом положении избирателей, лиц, лишенных прав, депутатов; составах Советов и съездах всех уровней.

---

[962] Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1926. №66. Ст. 501; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. №75. Ст. 577.

[963] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 321, 322; Оп. 106. Д. 521. Л. 184. Ф.Р.- 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 57–58; Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 85. Л. 537–544.

[964] Фонд Всероссийской центральной избирательной комиссии (А.-5248), содержат более 90 тысяч личных дел, граждан подававших жалоб на неправильное лишение избирательных прав.

[965] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 12; Д. 13. Л. 5–6.

[966] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176(об).

На заседаниях Центризбиркома бурные дискуссии вызывали как количество показателей избирательной статистики, так и их содержание[967]. Формы избирательной отчетности изменялись к каждой кампании, и эволюционировали в сторону увеличения числа показателей. Так, в 1918–1922 гг. заполнялись 3 формы, в 1925/26 г. – 6, в 1930 – 1934 гг. – 15[968]. Центральные органы стремились к их постоянному увеличению, желая получить более полную картину о выборах и органах управления. Местные исполкомы настаивали на сокращении количества показателей, испытывая сложности с грамотными кадрами, способными заполнять эти формы. В избирательную кампанию 1925/26 г. сводка о выборах в сельские Советы и волостные исполкомы предполагала заполнение 129 показателей, уездная сводка – 155, сводка о губернских и уездных съездах – 15, сводка о выборах в горсоветы – 92, дополнительно заполнялись личные карточки на каждого депутата и члена губернского и уездного исполкома (10 и 14 вопросов)[969]. Дискуссия между центральными и местными органами по поводу избыточности форм избирательной статистики выплеснулась в публичную плоскость и нашла отражение в печати тех лет, в журнале «Власть Советов» в кампании 1926/27 и 1928/29 г.[970]

Поиск баланса по количеству показателей был крайне непростым. Ведомства преследовали интересы о сборе сведений, необходимых им, не заботясь о сложности заполнения форм, которые испытывали местные советские работники. Сотрудники статистического отдела ВЦИК (на который было возложено подведение итогов выборов) пытались найти разумный компромисс в количестве показателей, осознавая какие сложности вызывает заполнение все увеличивавшегося числа форм и показателей на местах[971].

Наиболее принципиальные споры вызывало содержание показателей, позволявшие власти отделять социально близких и классово чуждых групп населения. Определение социального положения депутатов, делегатов съездов и «лишенцев», различных промежуточных групп избирателей (лиц свободных профессий, состоявших и не состоявших в профсоюзах, лиц, уходивших на отхожие промыслы, крестьян,

---

[967] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 12–14; Д. 13. Л. 44–52.

[968] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 264. Л. 20–23.

[969] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176.

[970] Логинов Д. Об информационной отчетности по избирательной кампании // Власть Советов. 1927. №3. С. 2–3; Чугунов С. Учет избирателей, отсутствующих по уважительным причинам // Власть Советов. 1927. №16. С. 16; Витин г. Вопросы избирательной отчетности // Власть Советов. 1927. №39. С. 4–5. Большаков И. К вопросу об избирательной отчетности // Власть Советов. 1927. №48. С. 4–6; Свириновская С. Об избирательной отчетности // Власть Советов. 1928. №38. С. 18–19.

[971] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176–225; Оп. 105. Д. 504. Л. 22–47; Оп. 107. Д. 232. Л. 8–27.

проживавших в сельской местности, но работавших на фабриках, «не организованных в профсоюзы» избирателей) напрямую зависело от социальной политики большевиков, а учитывая сложную послереволюционную структуру общества, не имело простых решений[972]. Неоднозначным являлся вопрос об определении социального положения работников исполкомов и Советов. Сами советские работники себя относили к рабочим или крестьянам, определяя свое социальное положение, исходя из происхождения, давно таковыми не являясь[973]. Также вызывали споры классификация национальностей, уровней образования, возрастные категории избирателей и депутатов[974]. В кампании 1930/31 и 1934/35 г. показатели в отчетных формах стабилизировались, несмотря на большой объем как форм, так и показателей в них, дискуссии по поводу их содержания прекратились[975].

Центризбирком в вопросе форм избирательной отчетности не пытался занять собственную позицию, он выполнял скорее техническую функцию координации при разработке и подготовке форм отчетности, нахождении оптимальных вариантов и схем предоставления сведений. Заботами Всероссийской центральной избирательной комиссии являлась своевременная разработка, размножение, отправка, а затем сбор правильно заполненных сводок от нижестоящих избиркомов и исполкомов и предоставление сведений высшим советским и партийным органам[976].

Еще одно полномочие Всероссийской центральной избирательной комиссии было связано с установлением и применением единообразных избирательных норм, выразившимся в борьбе с местными инструкциями. Не ясны причины, препятствовавшие установлению прямого запрета Центризбиркомом или ВЦИК на их издание. В кампанию 1925/26 г. Центризбирком фактически не занимался этим вопросом, и местные инструкции продолжали издаваться значительным числом республиканских, краевых и губернских исполкомов. Борьба с местным нормотворчеством развернулась в кампанию 1926/27 г. Как следует из докладной записки от 12 января 1927 г. председателя Центризбиркома Я. В. Полуяна, в ходе избирательной кампании 1926/27 г. были рассмотрены семь ходатайств об издании

---

[972] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176–225; Оп. 103. Д. 76. Л. 65–68; Оп. 102. Д. 132. Л. 80–92; Оп. 105. Д. 502. Л. 9–19; Д. 504. Л. 22–47; Оп. 107. Д. 232. Л. 8–27.

[973] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 504. Л. 40–47.

[974] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176–176(об); Оп. 105. Д. 504. Л. 44, 88.

[975] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 232. Л. 13–14; Оп. 108. Д. 264. Л. 20–23. ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 62–65; Оп. 112. Д. 6. Л. 62–65.

[976] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 12–14, 16–19; Д. 13. Л. 44–52; Д. 8. Л. 33, 36.

местных инструкций. На издание собственных инструкций претендовали: Моссовет, Ленинградский губисполком, Северо-Кавказский крайисполком, исполкомы Якутской, Башкирской и Казахской автономных республик, а также облисполком автономной области Осетии[977]. Основными причинами издания собственных инструкций стало желание максимально подробно разъяснить нижестоящим избиркомам избирательные нормы, поскольку общероссийская и общесоюзная инструкции содержали ряд неконкретных формулировок, и учесть специфику конкретного региона (особенно в случае с национальными республиками).

Ряд исполкомов предварительно согласовали издание инструкций. Так, Моссовет и Ленинградский губисполком предварительно направили запрос во Всероссийскую центральную избирательную комиссию о возможности издания собственной инструкции, прислали проекты инструкции. Центризбирком, после проведения экспертизы инструкций, отсутствия нарушений общероссийского законодательства, санкционировал их издание. Хотя при обсуждении на заседании Всероссийской центральной избирательной комиссии выражалось сомнение в целесообразности издания местной инструкции для Москвы и Ленинграда[978].

Исполкомы национальных республик, видимо, не уловив «централизаторской» тенденции в политике высших советских органов, самовольно издали избирательные инструкции, провели выборы, и лишь затем уведомили об их издании Центризбирком. Реакция последнего не заставила себя ждать. 25 октября 1926 г. на заседании Всероссийской центральной избирательной комиссии разбиралось дело об инструкции, изданной Якутским ЦИК. На заседании отмечалось, что «инструкция имеет существенные отклонения от общероссийской: в некоторых случаях сужается, а в некоторых расширяется круг лиц, лишенных избирательных прав, неправильно установлены нормы представительства в Советы, изменен количественный состав избирательных комиссий»[979]. Центризбирком отменил действие избирательной инструкции Якутской АССР, и рекомендовал Президиуму ВЦИК отменить выборы, проведенные в соответствии с этой инструкции [980]. Президиум ВЦИК поддержал решение Всероссийской центральной избирательной комиссии об отмене выборов в

[977] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 7. Л. 70–70(об); Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 141, 141 (об).
[978] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 73–75; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 137–139(об)
[979] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 77.
[980] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.

Якутии[981]. Постановление об отмене инструкции о выборах и отмене выборов в Якутии было опубликовано в Собрании узаконений РСФСР и разослано региональным исполкомам. Очевидно, что это было сделано показательно, в назидание, не столько за изменение избирательных норм, сколько за проявленное самоволие, нарушение складывавшейся «вертикали власти», отступление от общей линии на централизацию избирательного процесса.

Показательный характер с Якутской инструкцией особенно очевиден на фоне ситуации с инструкциями Башкирской АССР и Казахской АССР. В январе 1927 г. на заседаниях Центризбиркома разбирались случаи с самовольным изданием инструкции о выборах Башкирской АССР и Казахской АССР[982]. Несмотря на нарушения общероссийского избирательного законодательства, избирательные инструкции и выборы, проведенные в соответствии с ними, отменены не были. По Башкирской АССР отмечалось, что «хотя Башкирский ЦИК и не вправе был издавать своей Инструкции, но поскольку она была издана тиражом 20 тыс. экземпляров и не содержит принципиальных отступлений от инструкции ВЦИК отмена ее не представляется целесообразной»[983]. В Казахской АССР нарушения были признаны более существенными, но выборы были отменены частично, поскольку «жалоб от населения не поступало»[984]. Причины, по которым Центризбирком и ВЦИК не проявили принципиальности в случае с изданием местных инструкций в Башкирской и Казахской АССР не до конца ясны. Возможно, избирательная кампания подходила к концу, и отмена местных инструкций и выборов нарушила бы общий срок проведения избирательной кампании, также вероятно, что показательное наказание было продемонстрировано на примере Якутской ЦИК, и решили не заострять на этом внимание.

В следующую избирательную кампанию 1928/29 г. региональные исполкомы не проявляли желания издать собственные инструкции, и за разъяснением любых вопросов проведения выборов (определения круга «лишенцев», норм представительства и т.д.) обращались с запросами в Центризбирком. Все это свидетельствует о том, что линия на централизацию избирательного процесса была усвоена региональными исполкомами, а

---

[981] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 83.
[982] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 79–87; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 107–120, 224–237.
[983] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 81; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 109.
[984] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 84; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 225.

также о завершении периода отсутствия единого общероссийского избирательного законодательства, стихийной организации и проведения выборов.

Наиболее обширные полномочия Центризбиркома охватывали текущее руководство нижестоящими избиркомами и исполкомами, т.н. «инструктирование и согласование деятельности»[985]. Полномочия, связанные со взаимодействием с региональными исполкомами, Центризбирком реализовывал совместно с орготделом ВЦИК (орготдел выполнял функции аппарата Центризбиркома, а также выступал в качестве самостоятельного подразделения ВЦИК, напрямую взаимодействовавшего с орготделами региональных исполкомов). Руководство нижестоящими избиркомами осуществлялось в трех традиционных формах, характерных для советской системы управления: письменное инструктирование, выезды на места инструкторов и уполномоченных ВЦИК, проведение совещаний с участием местных работников, рассмотрение (заслушивание) отчетов региональных избиркомов.

Письменное инструктирование избирательных комиссий республиканского, краевого, областного и губернского уровня осуществлялось всеми органами, руководившими выборами до Центризбиркома. Всероссийская центральная избирательная комиссия не только продолжила реализацию письменного инструктирования, но и упорядочила, усовершенствовала эту процедуру. Если в кампанию 1925/26 г. как и прежде рассылались отдельные инструкции и циркуляры, принимавшиеся по различным поводам. Начиная с кампании 1926/27 г. Центризбирком стал придавать особое значение «инструктированию мест», до начала кампании формировался комплект материалов, высылаемых в региональные избиркомы. Этот комплект включал избирательную инструкцию, формы информационной отчетности и разъяснений по их заполнению, циркулярные и информационные письма с постановкой актуальных задач на кампанию.

Большинство задач в информационных и циркулярных письмах повторялись от выборов к выборам, включая пожелания активизации участия женщин, пролетариата города и деревни, большего вовлечения батрачества, молодежи, соблюдения избирательных норм, сроков проведения и т.п.[986] Однако в каждую

[985] Декрет ВЦИК от 8 февраля 1926 г. «Положение о Всероссийской центральной избирательной комиссии» // СУ РСФСР. 1926. №8. Ст.59.

[986] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–19; Д. 10. Л. 4–32. Д. 20. Л. 7–41; Д. 33. Л. 4–42; Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 75–79; Оп. 103. Д. 84. Л. 99–104; Оп. 105. Д. 28. Л. 18–22; Д. 502. Л. 9–11; Оп. 106. Д. 516. Л. 18–40.

кампанию выделялись особо актуальные задачи, так в кампанию 1925/26 г. акцентировалось внимание на «оживлении Советов», максимальном привлечении всех категорий трудящихся на выборы, активизации национальных меньшинств[987]; в кампанию 1928/29 г. – бдительности к «классовому врагу» (тщательному выявлению «лишенцев»), особом внимании к заполнению избирательной отчетности, активизации трудящихся на выборах с помощью различных форм организационно-массовой работы (отчетные кампании, митинги-переклички и т.д.)[988]. В кампании 1930/31 и 1934/35 г. акцент ставился на активизации участия общественных организаций, профсоюзов, колхозов и совхозов «для мобилизации широких пролетарских масс вокруг задач социалистического строительства» на выборах, «борьбе с левым и правым оппортунизмом»[989].

Дополнительно на места рассылались циркулярные письма и радиограммы, содержавшие разъяснения по применению избирательных норм, преимущественно касавшихся определения круга «лишенцев» и норм представительства. К концу 1920-х гг. количество и объем, рассылаемых материалов на места заметно увеличилось, в первую очередь это касалось форм информационной отчетности и инструкций по их заполнению, комментированной инструкции, и объемных циркулярных и информационных писем. Если в кампанию 1925/26 г. объем инструктивных материалов составлял немногим более 200 страниц, то в 1928/29 г. кратно вырос, составляя более тысячи страниц, в кампании 1930-х гг. число инструктивных материалов стабилизовалось[990].

Важной частью руководства низовыми избиркомами являлись совещания советских работников по организации выборов. Совещания проводились и в первой половине 1920-х гг. Наркоматом внутренних дел, но они не стали столь массовыми и открытыми, с широким освещением в прессе[991]. Впервые масштабные совещания советских работников организовал ВЦИК в 1925 г. в рамках реализации политики «оживления Советов» и массовой отмены выборов, желая привлечь внимание советских работников и простых избирателей, они широко освещались в прессе, публиковались дискуссии участников. Совещания на всероссийском уровне по вопросам советского

---

[987] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–12; Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 99–104.
[988] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 16. Л. 137–142; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д.38. Л. 6–9 (об). Д.502. Л.9–22.
[989] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 4-6; Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 251. Л. 2-3.
[990] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–14; Ф.Р-1235. Оп. 107. Д. 232. Л. 13–14; Оп. 108. Д. 264. Л. 20–23.
[991] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 5–8; Оп. 1а. Д. 94. Л. 178–181.

строительства были проведены ВЦИК в январе и апреле 1925 г., сразу после отмены выборов, их основной целью было разъяснение цели отмены выборов, реализации политики «оживления Советов», особенностей проведения выборов по новому законодательству.

На всероссийских совещаниях 1925 г. обсуждались как общие проблемы проведения выборов в широком контексте политики «оживления Советов», так и конкретные вопросы организации выборов, вызвавшие бурные обсуждения – минимальной явки избирателей на собрания, применение административного ресурса на выборах, работы избирательной комиссии, лишения избирательных прав отдельных категорий населения, причин отмены выборов и т.д.[992] Выступления местных работников нередко носили конфликтный характер, они обвиняли центральную власть в непродуманности новой политики, в том, что за счет дискредитации местных властей, пытаются повысить свой авторитет. На апрельском совещании 1925 г. подводились первые итоги повторных выборов[993].

Еще более масштабные совещания, посвященные подготовке выборов, были проведены в кампании 1926/27 и 1928/29 г. Они были инициированы непосредственно Центризбиркомом и орготделом ВЦИК. Вопросы, обсуждавшиеся на совещаниях, затрагивали все аспекты организации выборов от проведения отчетной кампании до заполнения форм избирательной отчетности. На совещании 1926 г. акцент был сделан на вопросах определения круга «лишенцев» и активизации лояльных власти избирателей – рабочих, молодежи, женщин, национальных меньшинств, беднейших слоев крестьянства. На Всесоюзном совещании по перевыборам Советов, проведенном в октябре 1928 г. обсуждалась организационно-техническая подготовка выборов, проблемы достоверности избирательной статистики, определении круга «лишенцев» и т.д.[994]

Проведение всероссийских совещаний несомненно было полезным опытом как для центральных, так и местных органов. Нижестоящим избиркомам они позволяли ориентироваться в изменениях политического курса, обсуждать разнообразные

---

[992] Совещание по вопросам советского строительства (январь 1925 г.). М., 1925. С. 37–84; Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). М., 1925. С. 57–112; Итоги работ Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. №15. С. 1–4.

[993] Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.) … С. 57–112.

[994] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 10–79; Оп. 106. Д. 239. Л. 3–191; Всесоюзное совещание по перевыборам Советов в 1929 г. Извлечения из стенографического отчета (9–11 октября 1928 г.). М., С. 7–127.

проблемы организации выборов, обменяться опытом с руководителями других регионов. Центризбиркому и ВЦИК подобные совещания давали возможность не только контролировать работу нижестоящих, но и выяснить настроения и реальные сложности в работе низовых избиркомов и исполкомов[995].

Выезды сотрудников Центризбиркома и ВЦИК являлись не только одной из форм руководства нижестоящими избиркомами и взаимодействия с местными органами власти, но и одним из важнейших способов получения информации об организации избирательной кампании, настроениях населения, реальных проблемах на местах. Все это определяло особое внимание к организации этих выездов. Командировки на местах сотрудников центральных органов можно классифицировать на плановые и неплановые. Плановые выезды были связаны с проведением обследования организации выборов перед заслушиванием отчетов краевых, губернских, областных избиркомов и исполкомов о проведении выборов. Также планировались выезды сотрудников Центризбиркома и ВЦИК для проведения отчетов и докладов на съездах различного уровня. Внеплановые выезды были связаны с проверкой жалоб, поступавших от жителей, либо местных работников на организацию выборов.

Плановые выезды для обследования организации и проведения выборов на местах в определенной губернии или крае, имели программу с четко сформулированными вопросами, касавшихся подготовки и проведения кампании, участия и настроений различных групп населения. Подобные обследования осуществляли рядовые сотрудники аппарата ВЦИК, перед ними не стояла задача выступлений с докладами на съездах, инструктирование нижестоящих работников, тем более мобилизация местных работников и организация работы нижестоящих избиркомов. Главная цель подобных выездов – составление по возможности объективного отчета об особенностях организации и проведения кампании в губернии, крае, области или республики для последующего выступления содокладчиком при заслушивании отчета о проведении выборов в губерниях, республиках, краях. Отчеты обследований содержат богатейший материал как об особенностях организации и проведении выборов, так и электоральном поведении избирателей в различные кампании[996]. В отличие от отчетов региональных

[995] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 32. Л. 7–32.

[996] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 153. Л. 1–7; Оп. 106. Д. 242. Л. 135–141; Д. 245. Л. 4–267; Оп. 107. Д. 523. Л. 12–347; Д. 527. Л. 18–119; Д. 529. Л. 39–434; Д. 571. Л. 9–34.

исполкомов и избиркомов об итогах выборов с победными реляциями о достижениях, в обследованиях характеризуются недостатки и различные нарушения.

Еще одной разновидностью выездов сотрудников Центризбиркома и ВЦИК являлись командировки для выступления на съездах, встреч с местными партийными и советскими работниками, проведения избирательных собраний. ВЦИК и Центризбирком стремились охватить все регионы, и мобилизовывали не только сотрудников ВЦИК, но и наркоматов, партийных органов, общественных организаций.

Приезд командированного сотрудника или руководителя центрального органа вызывал интерес как со стороны руководителей региона, так простых избирателей[997]. Член ВЦИК А. П. Брюхова, командированная в январе 1929 года в Череповецкую губернию, сообщала, что собрание продолжалось более шести часов, «на перевыборном собрании задавали вопросы о различных сторонах народного хозяйства, состоянии страны вплоть до забот о Красной армии, вопросы о царских долгах, о помощи угнетенным трудящимся других стран, о рабочих, стоящих у власти в Англии, помогут ли рабочие Англии нам в случае войны с Англией. Много вопросов задавали о недостатке хлеба, о неправильном определении бедноты, о высоком сельскохозяйственном налоге на отдельные культуры, о перегибах с лишением избирательных прав»[998].

Помимо проведения избирательных собраний, командированные сотрудники проводили совещания с местными работниками, на которых обсуждался широкий круг вопросов внутренней и внешней политики, избирательного законодательства, налоговой политики. По итогам поездки, независимо от ранга командированного, составлялся подробный отчет о проведенных собраниях, совещаниях, докладах, вопросах, настроениях избирателей.

В каждую кампанию в командировки с обследованиями и докладами выезжало более 200 рядовых сотрудников и членов ВЦИК, и более 20 руководителей советских органов. Наиболее масштабные выезды состоялись в кампании 1928/29 г. и 1930/31 г., в 1930 г. общее число командированных достигло 308 чел.[999] В различные регионы были командированы для участия на съездах: М. И. Калинин, А. С. Енукидзе, А. С. Бубнов,

[997] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 527. Л. 7–247.
[998] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 527. Л. 39.
[999] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.108. Д. 252. Л. 2–32.

А. А. Андреев, В. В. Куйбышев, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, А. Г. Червяков, М. Ф. Владимирский, Н. А. Семашко, С. М. Буденный и многие другие[1000].

Внеплановые командировки членов Центризбиркома и ВЦИК были связаны с поступившими жалобами от избирателей с просьбой об отмене выборов, рассмотрением конфликтных ситуаций на собраниях, нарушений избирательного законодательства. В кампании 1925–1929 гг. в ходе выездов происходило относительно объективное рассмотрение жалобы[1001], в кампании 1930-х гг. эти выезды приобрели характер настоящих расследований, с допросами свидетелей и избирателей[1002]. По материалам внеплановых выездов принимались решения об отмене выборов (или отказе в отмене), и впоследствии утверждались Президиумом ВЦИК.

Еще одной формой руководства нижестоящими избиркомами являлось заслушивание их отчетов и докладов о ходе или итогах проведения избирательной кампании. Рассмотрение отчетов и докладов нижестоящих органов на заседаниях центральных органов являлось традиционной практикой для складывавшейся советской системы управления. Для Центризбиркома было характерно постепенное складывание этой практики, первоначально в кампанию 1925/26 г. ограничивались только вызовом председателей губернских избиркомов и заслушиванием их докладов. Заместитель наркома внутренних дел М. Ф. Болдырев в письме, направленном в Президиум ВЦИК от 2 декабря 1925 г., критиковал эту практику: «установившийся в Центризбиркоме порядок вызова с докладами председателей губизбиркомов в его настоящем виде себя не оправдывает, большинство докладов принимается только к сведению, при существующем порядке, когда решение Центризбиркома основывается исключительно на данных доклада, когда докладу не предшествует обследование работы на месте и нет возможности проверить даваемый избиркомом материал – другого решения не может и быть»[1003].

М. Ф. Болдырев предлагал обратиться к опыту других центральных ведомств и предварительно проводить обследование хода выборов в губернии, и затем «доклад заслушивать одновременно с содокладом о результатах такого обследования», такое соединение по мнению заместителя наркома «дает гарантию объективности и

[1000] Там же. Л. 31–32.

[1001] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 5. Л.37–39 (об), 43–48; Д. 11. Л. 23–27; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 99–100; Д. 22. Л. 29.

[1002] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 34. Л. 7–49; Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 24. Л. 82–85; Д. 18. Л. 16–18.

[1003] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 80. Л. 138.

исчерпывающей полноты освещения деятельности местного органа»[1004]. Очевидно, что основной причиной нарушения сложившейся советской практики стало отсутствие аппарата у Центризбиркома на первоначальном этапе, и как только решился вопрос с использованием аппарата ВЦИК, и возможностью командирования сотрудников на места в кампанию 1926/27 г., заслушивание отчетов нижестоящих избиркомов, приобрело привычный порядок.

Механизм реализации этого полномочия был следующим. Центризбирком (Президиум Центризбиркома) заранее планировал заслушивание отчетов губернских, краевых, городских избиркомов на определенные даты. Так, в кампанию 1928/29 г. планировалось заслушать отчеты о проведении выборов 47 республиканских, краевых, областных, губернских и городских избиркомов, на одно заседание обычно планировалось рассмотрение не более двух отчетов[1005]. На планируемые даты вызывали председателя соответствующего избиркома с отчетом. В эту губернию, край или область направлялся сотрудник аппарата ВЦИК, как правило, сотрудник орготдела ВЦИК, член Центризбиркома для проведения предварительного обследования. В ходе заседания Президиума Центризбиркома заслушивался отчет председателя избиркома (иногда председателя исполкома или начальника орготдела исполкома), задавались вопросы об организации выборов, с содокладом выступал представитель Центризбиркома, обследовавший ход выборы, далее обсуждались основные проблемы и достижения кампании, по итогам обсуждения выносилось постановление Центризбиркома о признании результатов (хода) выборов успешными, с устранением определенных замечаний[1006].

В большинстве случаев отчеты, содоклады, вопросы, достижения и проблемы были сходные. В отчетах председателей региональных избиркомов акцент делался на достижениях, в отчетах-обследованиях – на нарушениях и замечаниях, но в целом, они оперировали одинаковыми цифрами и фактами, председатели местных избиркомов признавали ошибки и давали обещания их исправить в следующие выборы[1007]. В случае существенных расхождений данных в отчетах местных избиркомов и обследований

[1004] Там же. Л. 138.

[1005] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 24. Л. 17–24; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 2–6.

[1006] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 40–47; Д. 30. Л. 1–11; Д. 32. Л. 2–88; Д. 40. Л. 42 – 94; Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 91. Л. 4–134; Оп. 105. Д. 138. Л. 3–117; Оп. 106. Д. 518. Л. 1–98.

[1007] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 40–49; Д. 32. Л. 2–88; Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 91. Л. 4–134; Оп. 105. Д. 138. Л. 3–117; Оп. 106. Д. 518. Л. 1–98.

представителей ВЦИК, проводились дополнительные выезды, заседания приобретали иной характер. Так, 2 февраля 1929 г. на заседании Президиума Центризбиркома заслушивался отчет об итогах выборов ЦИК Карельской АССР, на котором с основным докладом выступал председатель республиканского исполкома – Поттоев, отмечавший достижения на выборах в республике. Выборы в Карелии обследовал заместитель заведующего отделом национальностей ВЦИК Шигаев, зафиксировавший грубые нарушения при заполнении избирательной отчетности (фальсификация сведений), понижение явки жителей Петрозаводска, ухудшение социального состава сельских Советов, «слабое руководство перевыборами со стороны центральных и местных органов Карелии»[1008]. По итогам обсуждения, в Карелию была направлена комиссия для обследования итогов выборов, проведшая целое расследование. На заседании Президиума Центризбиркома 28 мая 1929 г., где обсуждались итоги дополнительной проверки, подтвердились сведения о грубых нарушениях и недостоверных сведениях в избирательной статистике, за допущенные нарушения, Центризбирком рекомендовал привлечь к ответственности членов избиркомов, отстранить от занимаемых (основных) должностей и частично отменить выборы[1009].

Избирательные кампании завершались для Центризбиркома подведением итогов выборов, составлением отчетов, обзоров для высших советских и партийных органов и подготовкой сборников об итогах выборов. Обсуждение и анализ итогов выборов осуществлялся как в ходе выборов, так и по их завершению на заседаниях Президиума и секретариата Центризбиркома. Предварительную аналитическую работу выполняла информационно-статистическая подкомиссия Центризбиркома[1010]. Поскольку собственный аппарат у Центризбиркома отсутствовал, обработкой статистических материалов итогов выборов, сведением отчетов об итогах выборов по различным краям, областям, губерниям и республикам занимались информационный и статистический подотделы орготдела ВЦИК[1011]. Орготдел ВЦИК готовил проекты, материалы для отчетов об итогах выборов, после этого они обсуждались, дополнялись, исправлялись на заседаниях секретариата и Президиума Центризбиркома, и затем в окончательном виде поступали в Президиум ВЦИК и ЦК ВКП(б)[1012].

[1008] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 45–48; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 139. Л. 40–58.
[1009] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 49; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 139. Л. 20–34.
[1010] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–58.
[1011] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 13. Л. 53–56. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 8–12.
[1012] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 113–119.

Одновременно происходила подготовка материалов к печати. Подготовка материалов, учитывая огромный объем статистического материала, как правило, происходила с задержкой и издавалась фактически к следующим выборам. Заведующий издательством «Власть Советов» Д. Ефимов жаловался секретарю ВЦИК Досову 15 ноября 1930 г. на задержку представления материалов по выборам за кампанию 1928/29 г. заведующей С. Свириновской (заведующей статистического подотдела орготдела ВЦИК) и невозможность своевременного издания сборников, отмечая, что «перевыборная кампания в разгаре, но из-за задержки материалов, мы не можем издать сборник по прошедшей кампании»[1013]. Заметим, что во второй половине 1920-х гг. степень полноты и открытости сведений об итогах выборов была очень высокой, сравнение отчетов, представленных высшим советским и партийным органам и статистических сборников показывает идентичность данных, при этом сведения в сборниках были более детализированными[1014]. Ситуация поменялась в кампанию 1930/31 г., значительная часть сведений перестала публиковаться в сборниках по итогам выборов, данные указывались не в абсолютных, а в относительных показателях[1015]. Смена тенденций видна по объему издаваемых сборников, если по итогам выборов 1929 г. был издан сборник в двух томах (объемом 401 и 153 страницы), то в кампанию 1930/31 – один том объемом 198 страниц, в 1934/35 г. – один том объемом 135 страниц.

Полномочия Всероссийской центральной избирательной комиссии складывались постепенно, многие ранее реализовывались предшественниками Центризбиркома – Наркоматом внутренних дел и орготделом ВЦИК. Однако в отличие от других ведомств, Центризбирком их реализовывал не по остаточному принципу, а как ведущие направления своей деятельности, стремясь их развить, систематизировать и совершенствовать. Основные полномочия, реализуемые Центризбиркомом с момента создания и до ее ликвидации, оставались неизменными.

В ходе реализации полномочий Центризбиркомом, организация избирательного процесса в РСФСР приобрела более системный характер, ведущими тенденциями стали

[1013] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 258. Л. 206.

[1014] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы …; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. Статистический сборник. М., 1930; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930.

[1015] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г.: стат. сб. М., 1931; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М., 1935.

его централизация и унификация. Всероссийской центральной избирательной комиссией были выработаны единые подходы при определении сроков проведения выборов, норм представительства, круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав, издания единообразных избирательных норм, установлению единых форм избирательной отчетности.

Центризбирком, при реализации полномочий, не стремился выработать и отстаивать собственную политическую позицию (особенно учитывая его разнородный состав), скорее он выполнял координационную роль при рассмотрении различных мнений и поиске оптимальных вариантов решения вопросов. Неправильным было бы утверждение о существовании противоречий между Центризбиркомом и высшими партийными органами. По большинству дискуссионных вопросов организации выборов, в первую очередь, связанных с определением круга «лишенцев» и норм представительства, Центризбирком занимал более прагматичную, свободную от догм и менее схоластическую позицию, чем высшее партийное руководство.

Центризбиркому достаточно оперативно удалось установить монополию на принятие решений по вопросам организации выборов в РСФСР, выстроить четкую вертикаль власти с подчиненными республиканскими, краевыми, областными и губернскими избиркомами и исполкомами. Последние привыкнув к отсутствию необходимости согласовывать свою позицию в первой половине 1920-х гг., не сразу уловили смену тенденции. Однако несколько показательных случаев, реализованных Центризбиркомом, с отменой выборов в регионах из-за отсутствия согласования местной инструкции, представления недостоверной избирательной статистики, не утверждения председателей региональных избиркомов, отчетливо продемонстрировали местным органам власти, что период стихийной организации и проведения выборов завершился, и доминирующей стала тенденция централизации избирательного процесса. Вскоре это привело к сверхцентрализации и заорганизованности выборов – местные избиркомы стремились переложить всю ответственность за принятие решений на центральные органы, и по малейшему вопросу обращались с запросами в Центризбирком.

Взаимодействие Всероссийской центральной избирательной комиссии с высшими и центральными советскими органами. Специфика состава и возложенных функций, обуславливала необходимость активного взаимодействия Всероссийской

центральной избирательной комиссии с широким кругом партийных, государственных органов и общественных организаций. Исходя из правового и фактического статуса Центризбиркома наиболее тесные взаимоотношения складывались с Наркоматом внутренних дел и подразделениями ВЦИК.

Несмотря на вхождение замнаркома внутренних дел в первый состав Центризбиркома, и желание руководства наркомата создать специализированный избирательный орган, взаимодействие наркомата и Центризбиркома начиналось с межведомственного конфликта, ставшим продолжением противостояния с орготделом ВЦИК в 1924–1925 гг. Одним из серьезных просчетов при создании Центризбиркома было отсутствие разграничения компетенции с другими ведомствами и четкого определения круга полномочий.

Наркомат выступал против сосредоточения всех полномочий в избирательной сфере в Центризбиркоме, настаивая на сохранении за наркоматом избирательной отчетности[1016]. Орготдел ВЦИК, понимая опасность отсутствия монополии Центризбиркома и сохранения части полномочий за наркоматом, неизбежность дублирования полномочий, ведомственные конфликты, настаивал на полном сосредоточении всех избирательных полномочий у Центризбиркома, включая и формы отчетности: «Центризбирком не сможет руководить избирательной кампанией, если не будет устанавливать формы и порядок итоговой избирательной отчетности, а также иметь возможность запросить сведения у любого органа по поводу выборов»[1017].

Однако наркомат не прекратил попыток сохранения части полномочий в избирательной сфере. В ходе кампании 1925/26 г. соперничество усугубилось, в конфликт невольно оказались втянуты региональные губернские исполкомы и избиркомы. В начале октября 1925 г. Центризбирком начал рассылку форм отчетности губернскими исполкомам. 14 октября 1925 г. НКВД, не согласовывая свои формы, также разослал информационную отчетность в регионы, добавив в нее секретную часть, состоящую из 60 пунктов[1018]. В конце декабря 1925 г. Всероссийская центральная избирательная комиссия рассылает циркуляр, включавший секретную отчетность по 30 пунктам, при этом как сообщали губернские исполкомы «многие вопросы поставленные в этой отчетности совершенно не совпадают с установленной

[1016] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 76. Л. 26.
[1017] Там же. Л. 24, 24 (об).
[1018] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8(об); Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 282.

отчетностью НКВД, выдвигают новые моменты в ходе работ кампании подлежащие наблюдению, фиксированию и суммированию»[1019].

Наконец, 5 января 1926 г. НКВД рассылает в регионы измененные формы отчетности, включавшие дополнительные 20 вопросов. При этом последний циркуляр приходит на места, когда в большинстве регионов избирательная кампания была в разгаре[1020]. В ответ на действия НКВД Всероссийская центральная избирательная комиссия отменяет циркуляры НКВД, и оставляет в силе только свои формы отчетности[1021]. Нарком внутренних дел категорически возражает против отмены своих циркуляров, сообщая Президиуму ВЦИК, что «получен отчетный материал от большого числа губисполкомов» и просит разобраться Президиум ВЦИК[1022].

НКВД и Всероссийская центральная избирательная комиссия в докладных записках жаловались в Президиум ВЦИК и ЦК ВКП(б) друг на друга за самоуправство и несоблюдение своих обязанностей. Губернские исполкомы и избиркомы находились в замешательстве. Тамбовский губисполком констатировал, что «сложилось совершенно ненормальное положение, когда отчетность приходится составлять в разные сроки, по разным схемам и в различные центральные органы»[1023]. В обращении к Президиуму ВЦИК губисполкомы также просят «определить на какую отчетность ориентироваться и кому ее направлять»[1024].

В конфликте между Всероссийской центральной избирательной комиссией и НКВД, Президиум ВЦИК однозначно занял сторону Центризбиркома, указал на недопустимое поведение сотрудников наркомата, «поставивших под угрозу срыва достоверность результатов избирательной кампании»[1025]. В циркуляре от 18 января 1926 г., адресованном ЦИК АССР и губисполкомам, Президиум ВЦИК рекомендовал придерживаться форм отчетности, рассылаемых ВЦИК и Всероссийской центральной избирательной комиссией[1026].

Соперничество между НКВД и Центризбиркомом разгорелось с новой силой, когда на Президиуме ВЦИК при обсуждении положения о Центризбиркоме прозвучало

[1019] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 3. Л. 11; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 288.
[1020] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 278–279.
[1021] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 282 (об); Ф.Р.393. Оп. 60. Д. 117. Л. 14; Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.
[1022] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 278, 278 (об), 279.
[1023] Там же. Л. 288 (об).
[1024] Там же.
[1025] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 294.
[1026] Там же. Л. 297.

предложение «рассмотреть возможность перехода части аппарата НКВД, обслуживающего в настоящее время Всероссийскую центральную избирательную комиссию, в аппарат ВЦИК»[1027]. Руководство наркомата категорически отвергло эту идею «из-за перегруженности аппарата НКВД»[1028]. Начальник общего управления наркомата С. М. Новацкий считал невозможным выделение сотрудников статотдела наркомата для ведения избирательной статистики в орготдел ВЦИК «без ущемления статистической работы наркомата»[1029]. В итоге, остановились на варианте использования Центризбиркомом аппарата ВЦИК, в частности, закрепления сотрудников статистического, информационного и организационного подотделов орготдела ВЦИК на время проведения избирательных кампаний.

Наркомат постоянно вмешивался в работу Центризбиркома на первых этапах его деятельности. Так, в декабре 1925 г. за подписью замнаркома внутренних дел М. Ф. Болдырева в Президиум ВЦИК поступила докладная записка носившая характер кляузы, в которой резко критиковался порядок работы с местными избиркомами[1030]. Неясны мотивы такого поведения руководства НКВД. Начиная с кампании 1924 г., руководство наркомата ратовало за создание специального органа, занимавшегося выборами, подчеркивая, что отделы милиции на местах не должны участвовать в организации избирательных кампаний[1031]. Возможно, НКВД опасалось, что у ведомства заберут часть аппарата.

Сложившаяся ситуация конфликта двух ведомств свидетельствовала о непоследовательности и медлительности действий Президиума ВЦИК по окончательной передаче полномочий в электоральной сфере Центризбиркому, являясь примером межведомственных трений, характерных для любого государственного аппарата.

Конфликт прекратился с окончательной передачей последних полномочий от наркомата Центризбиркому после завершения кампании 1925/26 г. В декабре 1926 г. наркомат передает имевшиеся материалы по избирательной кампании и составу Советов и исполкомов всех уровней по просьбе Я. В. Полуяна – председателя Центризбиркома[1032]. Помимо этого, наркомат крайне ограниченно принимает участие в

[1027] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 45–46.
[1028] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 62. Д. 2А. Л. 12.
[1029] Там же. Л. 10.
[1030] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 80. Л. 138–138 (об).
[1031] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 76. Л. 106.
[1032] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 62. Д. 4. Л. 3.

кампании 1926/27 г. На просьбы Центризбиркома выделить сотрудников аппарата ответил отказом[1033]. Все запросы губернских и республиканских исполкомов и избиркомов, по привычке обращавшихся в НКВД за формами избирательной отчетности и разъяснениями по различным вопросам, связанным с организацией избирательной кампании, наркомат переадресовал в Центризбирком, известив местные исполкомы, что более не занимается организацией избирательных кампаний[1034].

В дальнейшем полномочия наркомата в избирательной сфере были крайне ограниченными, преимущественно они сводились к охране общественного порядка на избирательных собраниях. Наркомат тщательно фиксировал «выступления антисоветского элемента» и «террористические акты в условиях обострения классовой борьбы»[1035].

Еще одним направлением деятельности наркомата на выборах на короткий период стал учет и выявление «лишенцев». Наркомат настаивал на передаче функций «выявления и учета лишенцев» от избиркомов административным органам, поскольку избирательные комиссии «не обладают необходимым аппаратом и создаются временно, на срок проведения кампании»[1036]. В обоснование своих претензий наркомат приводил данные успешного эксперимента, проведенного в Москве, Рязани, Туле и ряде других городах, где функции по выявлению и учету «лишенцев» были сосредоточены в административных органах[1037]. Своим достижением наркомат считал практику Московского губотдела: «если в прошлые перевыборы в Москве было выявлено около 41 тыс. лишенцев, то в этом году, после сосредоточения учета в губотделе – 73 253 чел.»[1038]. Краевые и окружные исполкомы также не возражали против передачи учета «лишенцев» в административные органы, в декабре 1929 г. учет был передан в ведение наркомата. С расформированием республиканских Наркоматов внутренних дел функции по учету «лишенцев» вновь передаются в ведение исполкомов[1039].

Наиболее тесное взаимодействие складывалось у Центризбиркома с подразделениями ВЦИК. Хотя на этапе создания Центризбиркома, отделы ВЦИК не

[1033] Там же. Л. 47.
[1034] Там же. Л. 17–34.
[1035] ГАРФ. Ф.Р-.1235. Оп. 107. Д. 223. Л. 10.
[1036] ГАРФ. Ф.Р-.1235. Оп. 107. Д. 223. Л. 7(об).
[1037] Там же.
[1038] Там же.
[1039] Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. №345. от 16.12.1930 г.

торопились стать его аппаратом, спровоцировав многочисленные конфликты с Наркоматом внутренних дел. Причины этих трений заключались в нехватке сотрудников. Лишь после принятия решения Президиумом ВЦИК об использовании его аппарата Центризбиркомом в феврале 1926 г., осенью того же года было принято решение об использовании подразделений орготдела ВЦИК в качестве аппарата Центризбиркома, были распределены обязанности и несколько расширены штаты на время проведения избирательной кампании. В частности, использовались сотрудники информационного и статистического подотделов орготдела.

На информационный подотдел организационного отдела ВЦИК возлагались обязанности по «изучению хода избирательной кампании на отдельных ее стадиях, как по отдельным районам, так и в целом по РСФСР, учету настроения различных групп населения города и деревни и их участия в кампании», составлению периодических и итоговых сводок о перевыборной кампании для Центризбиркома, вышестоящих органов и прессы, а также «разработке предложений по исправлению недочетов в проведении кампании»[1040]. На статистический подотдел орготдела возлагались обязанности по статистической обработке данных об итогах выборов, и подготовке сборников по итогам выборов[1041].

Поскольку на орготдел ВЦИК возлагалось множество других обязанностей, и избирательная кампания была не единственной, которой занимались его сотрудники, сводки и отчеты готовились несвоевременно, на что Центризбирком жаловался в Президиум ВЦИК[1042]. Впрочем, недовольство было взаимным, сотрудники орготдела также жаловались на «чрезмерный объем заданий, поступавших от Центризбиркома», считавшие нередко их избыточными[1043]. Для решения проблемы в кампанию 1928/29 г. по просьбе Центризбиркома из состава подотдела выделили специальную группу из пяти информаторов и из пяти стажеров и практикантов, которые занимались исключительно «разработкой вопросов избирательной кампании»[1044]. Несмотря на то, что штат сотрудников орготдела увеличен, ресурсов для самостоятельного проведения широкомасштабных избирательных кампаний было недостаточно, ВЦИК активно привлекал членов ВЦИК на местах, представителей различных наркоматов, комсомола,

[1040] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 11.
[1041] Там же. Л. 11 (об).
[1042] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 8.
[1043] Там же. Л. 9.
[1044] Там же. Л. 11 (об).

профсоюзов для проведения обследований, выступления с докладами на избирательных собраниях[1045].

Орготдел ВЦИК, фактически выполнял функции аппарата Центризбиркома, занимался предварительной подготовкой различных вопросов (изменение норм представительства, лишение или сохранение избирательных прав различным группам населения, избирательная отчетность, сроки выборов, составы комиссий, отмены выборов, инструктирование исполкомов и избиркомов и т.д.), согласовывая позиции с ведомствами, партийными органами и региональными исполкомами, также инструктировал последние по избирательным кампаниям, запрашивал отчеты и т.д. Центризбирком рассматривал вопрос и принимал решение на основе подготовленных орготделом материалов, именно поэтому переписка с региональными исполкомами, а также материалы предварительного обсуждения отложились в делопроизводстве орготдела, а не Центризбиркома (хотя могли быть продублированы).

Взаимодействие Центризбиркома с Президиумом ВЦИК осуществлялось через его аппарат. Центризбирком совместно с орготделом ВЦИК регулярно готовил различные сводки и отчеты о ходе выборов в РСФСР, а также согласовывал различные вопросы организации избирательной кампании. Центризбирком готовил материалы и проекты решений или постановлений по вопросам организации выборов, Президиум ВЦИК после обсуждения, принимал окончательное решение[1046]. Нередко рассмотрение вопросов затягивалось Президиумом ВЦИК, что вызывало недовольство как у Центризбиркома и орготдела ВЦИК, так и местных исполкомов, ожидавших принятия решения.

В обязательном порядке с Президиумом ВЦИК согласовывались сроки проведения или переноса выборов (даже если речь шла об отдельных районах)[1047], нормы представительства в различных республиках, краях, областях и губерниях[1048], утверждались избирательные инструкции ВЦИК, утверждались или принимались решения об отмене избирательных инструкций, разработанных местными исполкомами, рассматривались вопросы об отмене выборов[1049]. На Президиуме ВЦИК

[1045] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 252. Л. 2–32.
[1046] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 113–118.
[1047] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 33, Л. 104, 112–112 (об)., 283.
[1048] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 136. Л. 22; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 232. Л. 101; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 232. Л. 34.
[1049] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 210. Л. 12, 12 (об). Оп. 103. Д. 90. Л. 3.

рассматривались и утверждались итоги выборов[1050]. В ряде случаев с Президиумом ВЦИК согласовывались вопросы о лишении избирательных прав различных категорий граждан[1051]. Президиумом ВЦИК также принимались циркулярные письма по различным вопросам проведения избирательных кампаний – от изменения составов нижестоящих избирательных комиссий до принятия и заполнения форм отчетности, в кампании 1925/26 и 1926/27 г. утверждались председатели нижестоящих избиркомов[1052].

Несмотря на тесное взаимодействие Центризбиркома и Президиума ВЦИК время от времени возникали случаи несогласованных действий. Так, в докладной записке в Президиум ВЦИК консультанта орготдела А. Золотаревского от 20 мая 1930 г. сообщалось о дублировании поручений Президиума ВЦИК и секретариата Центризбиркома о порядке учета «лишенцев»[1053]. Подобные случаи могли происходить из-за обращения заинтересованного органа (в рассматриваемом случае – Наркомата внутренних дел) напрямую в Президиум ВЦИК, минуя Центризбирком.

Как и в большинстве межведомственных конфликтов этого периода, причинами конфликта Центризбиркома с Наркоматом внутренних дел, подразделениями ВЦИК, становились неопределенность и параллелизм полномочий органов, слабая организация деятельности аппарата[1054].

[1050] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 90–127.

[1051] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 210. Л. 12, 12 (об); Оп.105. Д.135. Л. 4, 6 – 14; Д.174. Л. 214.

[1052] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 291. Л. 175; Д. 80. Л. 245. Оп. 104. Д. 14. Л. 1–4; Оп. 104. Д. 20. Л. 280.

[1053] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 211. Л. 168.

[1054] Дианова Е. В. Межведомственный конфликт как отражение внутриполитического кризиса в переходный период к нэпу // Манускрипт. 2020. Т. 13. Выпуск 10. С. 23–27.

2.2. Организация выборов советскими органами на региональном уровне

Организация выборов территориальными органами НКВД, исполкомами и избирательными комиссиями (1918–1924 гг.). Механизм организации выборов на местах в первой половине 1920-х гг., как и в случае, с центральными органами, изучался крайне фрагментарно. Специалисты по истории Наркомата внутренних дел рассматривали организацию выборов как его непрофильную функцию, в работах, посвященных истории избирательных комиссий деятельность территориальных органов наркомата не изучалась как не относившаяся к основному предмету изучения[1055].

Анализ института избирательных комиссий показал, что большевики реализовывали административную модель избирательных органов, предполагавшую создание специализированных избирательных органов (первоначально охватывавших низовые территориальные уровни) с преобладающим влиянием исполнительных и административных органов.

Хотя советское законодательство закрепляло лишь отдельные полномочия за административными органами, а территориальные органы НКВД – губернские и уездные отделы управления должны были выполнять функции «технического аппарата избирательных комиссий, для выполнения возложенных на них обязанностей»[1056], на практике участие органов в избирательном процессе существенно отличалась не только от схемы, предложенной законодателем, но и варьировалась в различных губерниях. Ключевую роль в организации выборов на местах играли партийные органы и отделы управления. Как отмечалось выше, в начале 1920-х гг. Наркомат внутренних дел наделялся широкими полномочиями по организации советских органов власти, проведению выборов и съездов. На местах – в губерниях и уездах, организацией выборов в Советы, занимались отделы управления – территориальные подразделения Наркомата внутренних дел, наделенные широчайшими полномочиями по «административному управлению территорией, подведомственной соответствующему

[1055] Чамлай В. В. Указ. соч. С. 119–126; Титов В. А., Гиоев Г. В. Указ. соч. С. 20–27; Колемасов В. Н. Организационно-правовые основы создания советской милиции // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 260–272. Лобанов А. В. Указ. соч. С. 17; Кудрякова Д. В., Савченко М. С. Указ. соч. С. 81–92. Веняминова А.А. Указ. соч. С. 16; Очерки по истории выборов и избирательного права … С. 610–611.

[1056] Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. №56. Ст. 706.

исполнительному комитету»[1057]. Основная специфика их правового статуса заключалась в двойном подчинении: с одной стороны, отделы управления являлись территориальными органами наркомата, с другой – исполнительным аппаратом губисполкомов[1058]. Организация выборов на местах была возложена на информационно-инструкторские подотделы, а после реорганизации в 1922 году, на инструкторские и информационные отделения организационных подотделов губернских отделов управления[1059].

В первоначальный период в большинстве губерний отделы управления занимались организацией выборов, нередко подменяя деятельность избирательных комиссий. Распространенной практикой 1920–1923 гг. стало формирование избирательных комиссий отделами управления. В 1920–1923 гг. уездные и волостные избирательные комиссии формировались и утверждались губернскими или уездными отделами управления, начальники отделов управления становились председателями и членами избиркомов, также они назначали уполномоченных для проведения выборов в городах и сельских поселениях[1060]. Так, в Нижегородской губернии в 1921 году руководство выборами возлагалось на губернский отдел управления[1061]. М. Ф. Владимирский – замнаркома внутренних дел отмечал необходимость привлечения представителей пролетарской общественности к работе избирательных комиссий, называя замену избирательной комиссии отделами управления «нездоровой практикой»[1062]. В ряде губерний эта практика просуществовала до середины 1920-х гг., в 1924 г. в ходе обследования, проведенного орготделом ВЦИК, выяснилось, что в ряде губерний низовые комиссии не создавались вовсе (волостные и сельские), собрания проводились уполномоченными, а иногда и «случайными людьми, не понимающих значения выборов – красноармейцами, членами фабзавкомов и т.д.»[1063].

Эта практика оказалась настолько устойчивой, что уже после окончательной передачи организации избирательных кампаний от НКВД к исполкомам Советов, в кампанию 1925/26 г. Калужский, Вятский, Сталинградский губернские исполкомы, а также исполкомы Северо-Осетинской, Марийской и Ингушской автономных областей

[1057] Положение ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. №33.
[1058] Чамлай В. В. Указ. соч. С. 121.
[1059] Положение ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. №33.
[1060] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 21–53; Ф.Р.-393. Оп. 40. Д. 5. Л. 12–32(об); Д. 6. Л. 17–41.
[1061] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2(об).
[1062] Владимирский М. Организация Советской власти на местах … С. 36.
[1063] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 152. Л. 88; Д. 151. Л. 305.

предложили начальников административных отделов и управлений в качестве председателей избирательных комиссий[1064]. Только после прямого запрета Центризбиркома, в кампанию 1925/26 г., повсеместно прекращается формирование составов избирательных комиссий административными отделами[1065].

Губернская избирательная комиссия создавалась как координационный штаб по организации выборов, состоявшая из сотрудников партийных и советских органов, назначенных ответственными за проведение выборов в регионе[1066]. В начале 1920-х гг. составы избирательных комиссий были немногочисленными, преимущественно включали трех членов. Наиболее распространенной конструкцией губернской и уездной избирательной комиссии – 1920–1924 гг. стало включение в состав сотрудников губернского (уездного) отдела управления, губернского (уездного) исполкома, и губернского (уездного) комитета партии. В ряде губерний в избирком входили два представителя губисполкома и один – губернского партийного комитета РКП(б)[1067]. В некоторых губерниях и уездах в избиркомы входили представители профсоюзов и армии. Так, в Ленинградской губернии в кампанию 1924 г. уездные избиркомы формировались из двух представителей уездного исполкома и одного уездного профбюро[1068].

Сроки формирования избирательных комиссий в начале 1920-х гг. в законодательстве не регламентировались, на практике были очень краткими. В кампании 1921–1924 гг. губернские (областные) избиркомы, как правило, создавались за 10–14 дней, уездные – за 5–7 дней, волостные – за два – три дня до начала выборов (если формировались, а не проводились административным отделом), соответственно времени на подготовку выборов практически не оставалось. Расформирование комиссий происходило сразу после проведения съездов (как правило, в месячный срок)[1069].

Учитывая, что полномочия отделов управления и избирательных комиссий не разграничивались, на практике их реализация зависела от усмотрения руководства отдела управления и исполкома. Как правило, на губернские отделы управления

[1064] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 116. Л. 18–22.

[1065] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 54. Д. 67. Л. 33–57; Оп. 60. Д. 150. Л. 23–29.

[1066] Сухарев А.А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского Совета в годы НЭПа // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. №3. С. 20.

[1067] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 27; Л. 55–57; Д. 7. Л. 1–2 (об); Л. 21–22(об); Ф.Р.-1235. Оп. 95. Д. 346. Л. 176–179.

[1068] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 250.

[1069] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 30; Оп. 1а. Д. 142. Л. 1–3.

возлагалось общее руководство выборами: определение сроков проведения выборов, норм представительства, составление избирательных инструкций, памяток для уполномоченных, рассылка их на места, согласование списков кандидатов с партийными комитетами, заполнение форм отчетности, взаимодействие с наркоматом по вопросам избирательной отчетности и обращение с запросами. Члены избирательных комиссий занимались текущей организацией выборов (поиск помещений, агитация, взаимодействие с печатью и т.д.), проведением избирательных собраний, определением круга участников выборов и рассмотрением жалоб «лишенцев»[1070]. Однако распределение полномочий могло быть и другим, в случае, если избирательной комиссией руководил непосредственно председатель исполкома, либо представитель партийного комитета[1071].

Взаимодействие наркомата с отделами управления и другими органами, занимавшимися организацией выборов, было крайне неэффективным. губернские отделы управления напрямую игнорировали указания и просьбы центрального аппарата Наркомата внутренних дел, не отвечая на них вовсе, либо с большим опозданием. Это касалось сроков проведения (точнее не проведения выборов), норм представительства, информирования о содержании местных инструкций, отчетов о выборах, представления избирательной отчетности. Так, 1 декабря 1921 г. Вятский губернский отдел управления на запрос наркомата сообщить сведения о прошедших выборах в июне 1921 г., отвечал, что в связи со смертью одного из сотрудников отдела, «работники перегружены работой… общие итоги выборов еще не подведены», но после окончания зимних выборов обещали прислать отчеты сразу с двух кампаний[1072]. Аналогичным образом на запросы наркомата отреагировали Самарский, Уфимский, Иркутский, Кубано-Черноморский и другие губернские отделы управления[1073].

Столь низкий уровень исполнительской дисциплины, отсутствие эффективного взаимодействия с центральными органами, стали следствием не только слабого развития советского аппарата в этот период, но и перегруженности отделов управления в

[1070] Петрищева Н. С., Сергеев П. В. Организация избирательных кампаний на основе Конституции 1918 г. (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 6 (39). Ч. 1. С. 235.

[1071] Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск, 2015. Выпуск 6. С. 133–153; Хохлов С. А. Особенности и динамика избирательных процессов в 1922–1927 гг. (на примере Мурманской губернии) // История государства и права. 2008. № 8. С. 27.

[1072] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 80.

[1073] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 14, 17, 21, 23.

губерниях и уездах многочисленными полномочиями в разных сферах. Территориальные органы НКВД не рассматривали полномочия по советскому строительству (в их числе и организации выборов) как первостепенные и значимые, и выполняли их по остаточному принципу[1074].

Проблемы несовершенства советского аппарата были очевидны как сотрудникам центральных, так и местных органов власти, и активно обсуждались в 1922–1923 гг. в рамках дискуссий о его улучшении. Инициатива реорганизации местного аппарата НКВД в значительной степени принадлежала региональным исполнительным комитетам[1075]. Этот вопрос многократно обсуждался на съездах Советов, заседаниях губернских и уездных исполкомов, находил отражение в печати тех лет[1076]. Анкетирование, проведенное на пятом Всероссийском съезде заведующих губернскими отделами управления, показало, что в 20 из 54 губерний Президиумы губисполкомов объединены с отделами управления[1077], что свидетельствовало не только о доминирующей роли губернских отделов управления в организации власти на местах, но в ряде случаев и замещении деятельности руководства губернских исполкомов. Сложившаяся ситуация вызывала закономерное недовольство последних. Опрос исполкомов, проведенный ВЦИК, показал, что абсолютное большинство (58 из 73) высказались за передачу организационных функций из ведения отделов управления в Президиумы исполкомов. При этом ряд председателей исполкомов (Якутии, Дагестана и др.) крайне критично оценили деятельность местных подразделений НКВД, полагая, что «органы НКВД за годы Гражданской войны и нэпа необоснованно расширили свои полномочия в вопросах советского строительства»[1078].

Как отмечалось выше, после обсуждения на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., было принято решение о реорганизации и оптимизации аппарата Наркомата внутренних дел. Процесс реорганизации начался с местных органов НКВД – отделов управления. Постановлением ВЦИК «Об упрощении аппарата уездных исполнительных комитетов» от 7 июля 1923 г. отделы управления в уездах ликвидировались, их административные

[1074] Чамлай В. В. Указ. соч. С. 120–122, Титов В. А., Гиоев Г. В. Указ. соч. С. 21; Колемасов В. Н. Организационно-правовые основы создания советской милиции // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 263.

[1075] Лобанов А. В. Указ. соч. С. 17.

[1076] Сапронов Т. Указ. соч. С. 6–9.

[1077] Устинов В. Итоги анкеты об организации советской власти на местах // Власть Советов. 1922. № 4–6. С. 34.

[1078] Лобанов А. В. Указ. соч. С. 18.

функции передавались уездным управлениям милиции, функции по руководству, инструктированию нижестоящих Советов (в т.ч. организации выборов) были возложены непосредственно на Президиумы уездных исполкомов[1079].

Аналогичная реорганизация произошла и в отношении губернских отделов управления. После обсуждения на третьей сессии ВЦИК X созыва (29 октября – 3 ноября 1923 г.) было принято решение о реформировании губернских органов власти[1080]. губернские отделы управления упразднялись, административно-исполнительные функции передавались губернским административным отделам, функции по организации нижестоящих Советов и их исполнительных комитетов, по руководству их деятельностью передавалось «в непосредственное ведение президиумов губернских исполнительных комитетов»[1081]. Реформированные отделы лишались полномочий по организации выборов, единственным полномочием в избирательной сфере, закрепленном за адмотделом стал учет лиц, лишенных избирательных прав[1082]. На местах ситуация с передачей полномочий заметно отличалась от нормативной.

Избирательная кампания 1923 г., начавшаяся в августе и закончившаяся зимой, пришлась на активную фазу реорганизации губернских и уездных отделов управления, поэтому на практике, выборами на местах в 1923 г. сначала занимались отделы управления, по мере их ликвидации – подразделения, которым передавали дела, в одних случаях это были организационные, общие отделы (оргчасти), в других – административные отделы губернских и уездных исполкомов.

В кампанию 1924 года сохранилась неопределенность с местными органами, на которые возлагалась организация выборов. У наркомата и ВЦИК было различное видение руководства выборами в губерниях. Симптоматичной стала ситуация с избирательной статистикой. НКВД, игнорируя прошедшую реорганизацию территориальных органов, желал сохранить функцию организации и учета результатов выборов за губернскими административными отделами. Наркомат в изданном

[1079] Постановление II сессии ВЦИК X созыва от 7 июля 1923 г. «Об упрощении аппарата уездных исполнительных комитетов» // СУ РСФСР. 1923. № 66. Ст. 634.

[1080] Третья сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета X созыва (29 октября – 3 ноября 1923 г.). Стенографический отчет. М., 1924. С. 187–189.

[1081] Постановление III сессии ВЦИК X созыва от 3 ноября 1923 «Об упрощении аппарата губернских исполнительных комитетов» // СУ РСФСР. 1923. №.103–104. Ст. 1026.

[1082] Положением об административном отделе губернских и областных исполнительных комитетов» от 11 августа 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 70. Ст. 690.

циркуляре от 9 августа 1924 г. №333 настаивал на сосредоточении статистического учета в административных отделах губернских исполкомов[1083]. Президиум ВЦИК в циркуляре от 7 августа 1924 года, ответственность за «проведение избирательной кампании, точное и своевременное заполнение отчетности» возлагал на председателя губернской избирательной комиссии и соответствующие исполкомы Советов, предлагая им лишь направить заполненные формы в статистическое бюро НКВД[1084].

Учитывая противоречивые указания центральных органов, губернские исполкомы просили выработать единую позицию и определиться с подразделением, ответственным за избирательную отчетность. В запросе Владимирского губернского исполкома от 20 августа 1924 г. отмечалось, что «Президиум губисполкома имея в виду, что организационная работа по советскому строительству сосредотачивается в имеющемся при нем орготделе, полагал бы целесообразным и учет о ходе кампании перевыборов установить именно в нем, тем более, что здесь сосредотачивается весь материал и опыт от бывшего орготделения отдела управления, с соответствующими работниками»[1085]. Тамбовский и Царицынский губернские исполкомы также считали целесообразным «сосредоточить руководство выборами в оргчасти губисполкома»[1086].

В дальнейшем наркомат разъяснил в циркуляре №387 от 1 сентября 1924 г., что он отдает распоряжение заниматься избирательной кампанией административным отделам, поскольку они находятся в его непосредственном подчинении, «но если этим будут заниматься орготделы губисполкомов, НКВД не возражает»[1087]. В разъяснении орготдела ВЦИК от 20 сентября отмечалось, что организация выборов и ведение избирательной отчетности в 1924 г. возлагается на орготделы (оргчасти) при Президиумах исполкомов, и лишь при их отсутствии – на административные отделы[1088].

В итоге, единой модели организации руководства выборами в 1924 году на местах не сложилось. Часть губернских исполкомов сосредоточила полномочия по организации выборов в организационных отделах (оргчастях) при Президиумах исполкомов (Владимирская, Тамбовская губернии), другая – оставила за административными

[1083] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 51.
[1084] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 13.
[1085] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 47.
[1086] Там же. Л. 48, 51.
[1087] Там же. Л. 51.
[1088] Там же. Л. 78.

отделами (преемниками отделов управления), таким образом поступили в Калужской, Вятской губерниях, Марийской и Северо-Осетинской автономных областях[1089]. Третьи распределили полномочия между административными, организационными отделами и избирательными комиссиями (Нижегородская, Костромская, Омская, Новониколаевская и другие губернии)[1090].

Зачастую складывались чрезвычайно сложные и запутанные схемы распределения полномочий между подразделениями исполкомов. Так происходило с рассмотрением жалоб лиц, лишенных избирательных прав. Рассмотрением жалоб (первоначальных и апелляционных) ведали избирательные комиссии, в межвыборный период – орготделы исполкомов, а перепиской с наркоматом и ВЦИК по вопросам восстановления в правах (особенно это касалось категорий т.н. «бывших») занимались губернские административные отделы[1091].

Не существовало единого механизма взаимодействия с центральными органами. В одних случаях, административные отделы и губисполкомы обращались за разъяснениями о нормах представительства, круге лиц, подлежавших лишению прав и другим вопросам в НКВД (административные отделы Ивано-Вознесенского, Калужского, Нижегородского, Томского, Омского губисполкомов)[1092], в других – орготделы исполкомов по аналогичным вопросам обращались в орготдел ВЦИК (Алтайский, Енисейский, Архангельский, Иркутский, Мурманский губисполкомы, а также исполнительные комитеты Адыгейской, Калмыцкой, Бурят-Монгольской, Якутской, Карельской автономных республик, Вотской, Марийской и Коми автономных областей)[1093], в третьих – направляли обращения сразу в два адреса, и нередко получали разные ответы от центральных органов (Тамбовский губисполком)[1094].

После реорганизации местного аппарата НКВД и передачи полномочий по руководству выборов в ведение Президиумов исполкомов, избирательные комиссии формировались повсеместно и охватывали большую часть уровней. В ходе выборов 1924 и 1925 гг. не сложилось единой практики формирования избирательных комиссий на местах. В одних случаях реализовывался порядок, предусмотренный

[1089] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 116. Л. 18–22.
[1090] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 116. Л. 37–110.
[1091] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 57. Д. 52. Л. 30–108.
[1092] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 44–52.
[1093] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 25, 29, 52–54, 62, 67, 89–96.
[1094] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 16. Л. 288 (об).

законодательством. Так, во Владимирской, Иваново-Вознесенской, Воронежской, Костромской, Новониколаевской губерниях составы избиркомов утверждались соответствующими исполкомами (губисполком формировал губернский избирком, уездный исполком – уездный и волостной избирком)[1095]. В отчете о работе по проведению выборов за 1925 г. Владимирской губернии сообщалось, что «7 октября 1925 г. губернский исполком утвердил состав губернского избиркома в составе семи чел., 12 октября уездные исполкомы утвердили председателей и составы уездных и волизбиркомов»[1096]. В других губерниях (например, Ленинградской, Пермской, Смоленской, Псковской, Тверской, Архангельской, Мурманской и других) составы всех нижестоящих (уездных, волостных и городских) избиркомов утверждали непосредственно губернские исполкомы или избиркомы[1097].

Составы избирательных комиссий постепенно расширялись. В отчетах губернских исполкомов, представленных в Наркомат внутренних дел в 1924 г., указывались составы губернских и уездных избиркомов, включавшие в большинстве случаев 4–5 чел. Значимых изменений в составах не произошло, в губернские (областные) и уездные избирательные комиссии включали представителей исполкомов Советов, партийных комитетов, административных отделов, расширение происходило за счет включения представителей подконтрольных власти профсоюзов и общественных организаций, в редких случаях представителей армии. В представленных в НКВД отчетах из 22 губерний в 1924 году, все (22) включали представителей губернских (областных) исполкомов, 22 – представителей профсоюзов, 18 – партийных комитетов, 17 – административных отделов, 5 – представителей Красной армии[1098].

Формирование специализированных избирательных органов на местах не оказало существенного влияния на избирательный процесс. Избирательные комиссии по-прежнему оставались вспомогательными, техническими органами, выполнявшими функции по текущему руководству избирательной кампанией. Составы губернских и уездных избиркомов были узкими, сроки создания – короткими, их главные функции заключались в проведении агитации и избирательных собраний. Основные полномочия

[1095] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 44–78; Д. 13. Л. 5–92; Д. 16. Л. 3–47. Оп. 1а. Д. 154. Л. 37–38; Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 208. Л. 49.

[1096] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 37.

[1097] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 263–268; Хохлов С. А. Указ. соч. С. 42.

[1098] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 112–252; Д. 95а. Л. 5–97.

по организации выборов реализовывались губернскими отделами управления, после их реорганизации – административными отделами и исполкомами.

Кроме того, затянувшаяся неопределенность с центральным избирательным органом порождало бюрократический хаос на местах, создавая благоприятные условия для бездеятельности, безответственности органов и многочисленных нарушений в избирательной сфере. Затянувшийся межведомственный конфликт между Наркоматом внутренних дел и ВЦИК 1924–1925 гг., негативным образом отразился на организации выборов в губерниях, приводил к дезорганизации работы на местах, не способствовал реализации полномочий в избирательной сфере – от рассмотрения жалоб лиц, лишенных избирательных прав до своевременного представления избирательной отчетности.

Краевые (республиканские, губернские, областные, окружные) избирательные комиссии: способы формирования и составы (1925–1936 гг.). Всероссийская центральная избирательная комиссия с момента создания в сентябре 1925 г. стремилась контролировать составы и деятельность нижестоящих избирательных комиссий, выстраивала систему взаимодействия с ними, показывая, что период стихийной, бесконтрольной организации избирательных комиссий в регионах закончился. С кампании 1925/26 г. устоявшейся практикой стало формирование избирательных комиссий решением Президиума исполкома. В большинстве регионов способ формирования соответствовал требованиям законодательства: краевые (областные, губернские) исполкомы формировали избирательные комиссии соответствующего уровня (краевые, областные и губернские), что констатировалось в итоговых отчетах, составленных по итогам выборов орготделом ВЦИК и Центризбиркомом для Президиума ВЦИК, а также фиксировалось в отчетах по итогам обследования выборов, проведенных инструкторами ВЦИК в различных регионах (Череповецкая, Северо-Двинская, Орловская губернии, Северо-Кавказский, Нижневолжский край и другие)[1099]. Однако в ряде регионов нарушалась предусмотренная схема законодателем, и губернские и областные исполкомы назначали

[1099] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 99–101, 120–122; Оп. 106. Д. 534. Л. 4–7; Оп. 106. Д. 523. Л. 12–25; Д. 527. Л. 23–57; Д.529. Л. 270–302.

нижестоящие избиркомы всех уровней (Тульская, Ярославская, Вологодская и другие губернии и области)[1100].

Решение исполкома о составе избирательной комиссии носило не окончательный характер. Кандидатуры председателей избирательных комиссий согласовывались с Центральной избирательной комиссией, и окончательно утверждались на заседании Президиума ВЦИК[1101]. Согласование кандидатуры председателя избиркома не являлось формальностью, Центризбирком в ряде случаев отклонял кандидатуры и требовал их замены[1102]. При этом, если в кампанию 1925/26 г. утверждались только председатели региональных избиркомов, то в последующие кампании проводился мониторинг составов и их численности[1103]. Данные о составе председателей региональных избирательных комиссий представлены в таблице.

Таблица 2.1

Председатели губернских, краевых, областных избирательных комиссий (занимаемые должности) в 1925–1931 гг., %

Занимаемая должность по основному месту работы	Избирательные кампании, год			
	1925/26	1926/27	1928/29	1930/31
Председатели исполнительных комитетов	14,7	31,3	41,2	35,9
Заместители председателей исполнительных комитетов	41,3	22,9	21,5	28,2
Секретари и члены Президиумов исполнительных комитетов	20,6	27,0	19,6	20,5
Заведующие организационными отделами исполкомов	4,4	12,5	9,8	10,2
Начальники административных отделов	8,8	0,0	0,0	0,0
Руководители партийных органов	2,9	2,1	1,9	2,6

[1100] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 99–101, 120–122; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 4–7; Д. 529. Л. 274–287.

[1101] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–81; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 14. Л. 7–117.

[1102] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–81; Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 116. Л. 18–23.

[1103] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 8. Л. 27-29; Д. 21. Л. 19–22; Д. 40. Л. 91–112; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 4–7; Д. 529. Л. 274–287.

Иные должности	7,3	4,2	5,9	2,6
Итого	100	100	100	100

Источники: ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–81; Д. 8. Л. 27–29; Д. 21. Л. 19–22; Д. 40. Л. 91–112; Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 116. Л. 18–22; Д. 116. Л. 106–107; Д. 117. Л. 63–64. Оп. 67. Д. 185. Л. 12; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 143. Л. 22–23; Оп. 108. Д. 262. Л. 4 –4 (об).

Из представленной таблицы видно, что в кампанию 1925/26 г. преобладающее число председателей избиркомов занимали должности заместителей председателей губернских или областных исполкомов (41,3 %) и членов (или секретарей) Президиумов исполкомов (20,6 %). Незначительное число губернских и областных избиркомов возглавили председатели исполкомов (14,7 %). Руководители партийных органов лишь в двух регионах (Карельской АССР и Псковской губернии) возглавили избирательные комиссии. В ряде случаев избирательные комиссии в губерниях и республиках возглавляли руководители структурных подразделений исполкомов (губернских плановых комиссий, управлений здравоохранения и т.д.).

Шесть губернских и областных исполкомов в качестве председателей избирательных комиссий предложили начальников административных отделов и управлений (Калужская, Вятская и Сталинградская губернии, Северо-Осетинская, Марийская и Ингушская автономные области)[1104]. Эти кандидатуры Центризбирком не утвердил, потребовав заменить работников милиции на членов исполкомов[1105].

Состав председателей краевых, областных и губернских избирательных комиссий в последующие избирательные кампании оставался стабильным. На должности председателей региональных избиркомов преимущественно утверждались председатели, заместители председателей и члены Президиумов исполкомов краевых, губернских и областных исполкомов. Значительно реже на эти должности утверждались заведующие орготделами (около 10 %). По сравнению с предыдущей кампанией, в составе председателей отметим два основных изменения: значительно выросло число председателей избиркомов, занимавших должности председателей исполкомов (с 14,7 % в 1925 г. до 41,2 % в 1928 г.) и начальники административных отделов были полностью исключены из составов избиркомов. Очевидно, утверждение руководителей исполнительных комитетов в качестве председателей избиркомов должно было повысить значимость выборов в регионах, исключение начальников

[1104] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–81; Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 116. Л. 18–22.
[1105] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–81; Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 247. Оп. 60. Д. 116. Л. 23.

адмотделов свидетельствовало о сосредоточении всех полномочий по руководству выборами на местах у органов, подчинявшихся непосредственно ВЦИК и Центризбиркому.

В отличие от первой половины 1920-х гг., когда сведения о губернских избиркомах носили фрагментарный характер, начиная с 1925 г. работа с данными приобрела системный характер. В отчетах о выборах губернских (краевых, областных) исполкомов содержатся подробные сведения о составе избирательных комиссий, что позволяет составить довольно полное представление о составе большинства региональных комиссий. По поступившим сведениям, из 68 губерний (областей и автономных республик) в образованный Центризбирком, как и требовало избирательное законодательство 1925 г., губернские избирательные комиссии увеличили свои составы до 7–9 чел. Все 68 избирательные комиссии включали от одного до трех представителей губернского (областного) исполкома, также все включали представителей профсоюзных организаций, преобладающее большинство (62–91,2 %) – представителей крестьян (крестьянских комитетов общественной взаимопомощи). Более половины включали представителей женских организаций или отделов (40–58,8 %). По сравнению с предыдущей избирательной кампанией 1924 г., значительно снизилось число руководителей партийных организаций (лишь 9 регионов включали представителей губернских комитетов ВКП(б) – Тверская, Владимирская, Смоленская, Воронежская, Брянская, Алтайская, Псковская губернии, Карельская и Бурят-Монгольская АССР)[1106].

Около трети губернских и областных избирательных комиссий включали представителей нижестоящих Советов и исполкомов – городских, уездных, волостных. В некоторых случаях избирательные комиссии включали представителей Красной армии и местных наркоматов, в Бурят-Монгольской АССР Центральная избирательная комиссия включала представителей Наркомата юстиции и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции[1107].

Исследователи отмечают, что составы уездных (районных) избиркомов в кампанию 1925/26 г. также заметно расширились за счет включения представителей провластных общественных организаций и населения – крестьянского комитета

[1106] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–92; Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 263–266; Оп. 60. Д. 116. Л. 15–23.
[1107] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–92; Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 263–266.

общества взаимопомощи, женских организаций, комсомола, в ряде случаев и представителей от волостных, городских и сельских Советов, рабочих и крестьян. Также традиционно в составы избиркомов входили представители уездных исполкомов, партийных комитетов и профсоюзов[1108].

В последующие избирательные кампании 1926/27 и 1928/29 г. составы краевых, областных и губернских избирательных комиссий не претерпели значимых изменений, за исключением роста числа членов избиркомов до 11 чел. С 1926 г. составы избирательных комиссий жестко регламентировались в избирательном законодательстве, и если ранее наблюдалась некоторая вариативность их составов, то с кампании 1926/27 г. помимо двух членов исполкомов, в состав областных, краевых и губернских избирательных комиссий надлежало включить по одному представителю от объединения профсоюзов, ВЛКСМ, отдела работниц ВКП(б), городского Совета, национальных меньшинств, Красной армии и двух представителей от крестьянских организаций (общества взаимопомощи, союза Кошчи)[1109]. Более жесткая регламентация составов избиркомов, не привела к значительным изменениям, поскольку и ранее «представительство от населения» было представлено лояльными власти общественными организациями[1110].

В целом, мониторинг составов нижестоящих избирательных комиссий, проводимый Центризбиркомом во второй половине 1920-х гг., и анализ отчетов избиркомов и исполкомов о проведении выборов показывают, что существенных нарушений законодательства при их формировании не допускалось. Региональные исполкомы при формировании избирательных комиссий стремились придерживаться установленного законодательством состава. В сводках Центризбиркома отмечалось, что составы краевых, областных и губернских избирательных комиссий, соответствовали установленным нормам, «некоторые отклонения наблюдаются в численности избиркомов»[1111]. Якутский ЦИК самовольно понизил численность избиркомов:

[1108] Кудрякова Д. В. Деятельность избирательных комиссий в Советском государстве // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4(34). С 36; Веняминова А. А. Содержание и особенности стадий избирательного процесса в первые десятилетия советской власти // Общество и право. 2008. № 3. С. 34.

[1109] Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1926. № 66. Ст. 501; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

[1110] Хохлов С. А. Указ. соч. С. 26.

[1111] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 57.

Центризбиркома до семи, окружных – до пяти, улусных избиркомов – до пяти чел.[1112] Другие избиркомы, напротив, стремились увеличить их численность до 12–15 чел.[1113] Ходатайства губернских исполкомов в Центризбирком свидетельствовали о желании дальнейшего расширения составов избиркомов. Самарский и Саратовский губисполкомы в декабре 1927 г. настаивали на увеличении числа членов губернских избиркомов до 17 чел., уездных – до 13 чел., а волостных – до 9 чел., обосновывая предложение необходимостью включения в составы «дополнительных представителей партийных, профсоюзных организаций и крестьян-выдвиженцев для отправки их в качестве уполномоченных на места для проведения избирательных собраний»[1114]. Центризбирком, впрочем, счел подобное расширение состава излишним, и ходатайство отклонил с формулировкой «в виду необходимости соблюдения избирательного законодательства»[1115].

В 1930-е гг. сколько-нибудь значимых изменений составов избирательных комиссий не происходит, за исключением дальнейшего расширения состава (15–21 чел.), что как отмечалось выше, отражало пожелания, высказанные в конце 1920-х гг. губернскими исполкомами. Ряд регионов, видимо, считали такие расширенные составы избыточными, и формировали меньшие по составу, что пресекалось Центральной избирательной комиссией. Как отмечалось в сводке Центризбиркома от 12 октября 1934 г. у четырех областей и республик «число членов избиркомов меньше установленного инструкцией минимума (15 чел.)». Ивановская областная и Татарская республиканская избирательная комиссия включали 13 чел., Воронежская – 12, в Казакской АССР – 7 чел.[1116]

В кампанию 1934/35 г. Центризбирком впервые стал анализировать демографический, социальный и партийный состав избирательных комиссий всех уровней. Составы республиканских, краевых, областных, окружных и районных избирательных комиссий были вполне типичными для того времени, и мало отличались от составов соответствующих исполнительных комитетов. Так, по данным Центризбиркома в 1934 г., основную массу членов республиканских (краевых,

---

[1112] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 55; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 70–82.

[1113] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 58–62; Д. 21. Л. 23–28; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 28. Л. 34–34(об). Д. 22. Л. 315–322.

[1114] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 7. Л. 67–68; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 143. Л. 112–113.

[1115] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 7. Л. 69; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 143. Л. 114.

[1116] Статистическая сводка № 1 о составе республиканских, краевых, областных, окружных, районных, сельских и городских избирательных комиссий. По данным на 01.11.1934 г. М., 1934. С. 3.

областных, окружных) избиркомов составляли мужчины (85,4 %), пролетарского происхождения (40,1 %), являвшиеся членами партии или комсомольской организации (88,7 %). Менее четверти членов комиссий составляли рабочие и колхозники, непосредственно связанные с производством (15,9 % и 8,2 % соответственно). По данным Центризбиркома, только в Воронежской областном избиркоме и Казакской АССР «отсутствовали рабочие с производства»[1117]. В районных избиркомах несколько выше была доля женщин (18,7 %) и колхозников (19,6 %), и ниже – членов партии и комсомола (78,6 %)[1118].

Реализация полномочий по организации избирательных кампаний губернскими (краевыми, областными, окружными) исполкомами и избирательными комиссиями (1925–1936 гг.). Создание единого центрального органа ответственного за организацию выборов – Центризбиркома при Президиуме ВЦИК существенно повлияло на избирательный механизм на местах. В кампанию 1925 г. произошла окончательная передача полномочий от административных отделов, имевших двойное подчинение, в ведение Президиумов исполкомов. Выборами в краях, областях и губерниях занимались подразделения исполкома (Президиумы исполкомов и организационные отделы) и избирательные комиссии, создаваемые при исполкомах в качестве своего рода «избирательных отделов». Избирательные комиссии хотя и не стали самостоятельными органами, но их деятельность полностью не подменялась административными и партийными органами, постепенно сложилось и оперативное разделение полномочий между исполкомами и избиркомами.

В рамках этого распределения полномочий исполнительные комитеты формировали составы избиркомов, определяли сроки проведения кампании в регионе и нормы представительства, согласовывали их изменение при необходимости с Центризбиркомом, и Президиумом ВЦИК, делали запросы о круге лиц, лишенных избирательных прав, составляли отчеты о ходе выборов для вышестоящих партийных и советских органов. Также краевые, областные и губернские исполкомы осуществляли взаимодействие с вышестоящими органами: Центризбиркомом и Президиумом ВЦИК (через орготдел ВЦИК), но обращаться в Центризбирком могли непосредственно и избиркомы.

[1117] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 55. Л. 43.
[1118] Статистическая сводка № 1 о составе … С. 3–11.

Полномочия губернских (краевых, областных) избиркомов предполагали реализацию 6–7 основных полномочий: составление плана проведения кампании и работы избирательной комиссии, рассмотрение жалоб «лишенцев» в качестве апелляционной инстанции, инструктирование и руководство нижестоящих избиркомами, рассмотрение жалоб на проведение выборов и принятие решений об их отмене, подведение итогов выборной кампании и составлению отчетов для исполкома и вышестоящих советских и партийных органов.

После формирования состава губернской (краевой, областной) избирательной комиссии, они приступали к рутинной работе. На первых заседаниях краевых, губернских и областных избирательных комиссий утверждались планы, обсуждались сроки проведения избирательной кампании в губернии (крае, области) и составы нижестоящих избиркомов. Развернутые, детальные планы проведения выборов краевые (областные, губернские, окружные и уездные) избиркомы стали формировать в кампании 1926/27 и 1928/29 г., включавшие десятки мероприятий, с указанием дат и ответственных лиц за их проведение. Планы обсуждались на краевых, губернских и окружных совещаниях, проведенных в преддверии выборов, утверждались на пленумах краевых и губернских исполкомов[1119]. Наибольшее число мероприятий приходилось на подготовительный этап избирательной кампании. В этот период необходимо было довести до мест избирательную отчетность, издать сборник руководящих и справочных материалов по перевыборам Советов, разработать губернский план наказов, провести губернские совещания с местными работниками о подготовке избирательной кампании, командировать членов избиркомов и инструкторов исполкомов для ознакомления с подготовкой выборов на местах, заслушать отчеты окружных (уездных, районных) избиркомов, общественных организаций о ходе подготовки к выборам, рассмотреть апелляционные жалобы «лишенцев»[1120].

В период проведения кампании в городские и сельские Советы губернские избиркомы планировали командирование уполномоченных и членов избиркома для проведения отчетных и выборных собраний, «заслушивание докладов о ходе выборов». На завершающей стадии избирательной кампании планировался сбор информационных отчетов о проведении выборов от нижестоящих избиркомов, составление сводок для

[1119] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 38. Л. 7–9(об); Оп. 106. Д. 534. Л. 12.
[1120] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 495. Л. 8–87.

Центризбиркома, заслушивание докладов об итогах проведения выборов от нижестоящих избиркомов[1121].

Окружные и уездные избиркомы дублировали планы избирательных комиссий вышестоящих уровней, что отмечалось Центризбиркомом как недостаток этих планов «в целом ряде уездных, городских и волостных избиркомов расплывчаты и в большей части буква в букву списаны с планов губизбиркомов»[1122].

Важнейшим полномочием исполкомов на этапе подготовки кампании становилось определение (и согласование с Центризбиркомом и ВЦИК в случае необходимости) сроков проведения избирательной кампании. Центральные органы не устраивало круглогодичное проведение выборов, они стремились к проведению выборов в единые, четко регламентированные сроки по всей республике. Многочисленные запросы региональных исполкомов в Центризбирком о перенесении сроков свидетельствуют, что определение единых, удобных для всех регионов, сроков не существовало, соответственно региональным исполкомам предстояло найти приемлемые сроки проведения кампании для конкретного региона.

Основная масса запросов региональных исполкомов в орготдел ВЦИК и Центризбирком о перенесении сроков были связаны с климатическими особенностями регионов, несвоевременной подготовкой избирательной кампании и административно-территориальными реформами второй половины 1920-х гг. В кампании 1926/27 и 1928/29 г. во ВЦИК были направлены обращения ЦИК Бурят-Монгольской АССР, Сибкрайисполкома, Северо-Кавказского крайисполкома, ЦИК Якутской АССР и ряда других регионов с просьбой об установлении особых сроков для проведения выборов[1123]. Так, ЦИК Бурят-Монгольской АССР просил перенести выборы на октябрь, поскольку «огромные территории совершенно не обеспечены такими зданиями, которые бы позволяли вести работу в зимнее время и таким путем большая часть перевыборных собраний проводится на открытом воздухе. Промыслово-охотничьи районы смогут участвовать только в период до выхода на охоту, что как максимум возможно до 15 октября. О проведении перевыборов в северных районах даже в соответствии с общим планом Бурятии говорить не приходится»[1124]. Сибкрайисполком просил перенести

[1121] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 11. Л. 42–50; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 495. Л. 8–87.
[1122] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 36.
[1123] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 89–283.
[1124] Там же. Л. 112–112 (об).

отчетную кампанию с декабря на январь 1929 г., обосновывая это негативным опытом предыдущих кампаний совпадения выборов с религиозными праздниками: «опыт показал, что в начале (с 1 по 15 января) значительную часть избирателей не удастся привлечь на избирательные собрания, т.к. на этот период выпадают религиозные праздники, празднуемые некоторой частью избирателей по новому стилю, а некоторой – по старому стилю»[1125].

Ходатайства Моссовета, Ленинградского облисполкома, Саратовского, Самарского, Сталинградского, Курского, Тамбовского губисполкомов и ряда других регионов с просьбой о перенесении выборов обосновывались проводившейся административно-территориальной реформой и отсутствием своевременной подготовки к выборам: «работа по районированию отрывала местные органы от текущих задач по советскому строительству, проведение перевыборов должно оторвать местные Советы и исполкомы на три-четыре месяца от текущей работы и ставит под угрозу нормальную работу Советов и исполкомов в новых условиях»[1126].

Центральные органы охотнее шли на установление особых сроков для регионов, с выраженными климатическими и национальными особенностями, для всех остальных – выдерживалась линия на единые сроки.

Не менее значимым полномочием губернских исполкомов в период подготовки выборов являлось установление и согласование норм представительства с центральными органами. Выше уже отмечались особенности установления норм представительства в различные периоды, а также проблемы определения оптимальных норм центральными органами. Применительно к полномочиям региональных исполкомов, отметим лишь механизм определения этих норм на местах.

В первой половине 1920-х гг. процесс установления норм представительства на местах был хаотичным, губернские отделы управления (адмотделы) и исполкомы самостоятельно устанавливали нормы представительства, рассматривая их в качестве одного из простых способов обеспечения победы на выборах правящей партии.

Как и в случае реализации других полномочий, с созданием Центризбиркома ситуация изменилась, он запретил самостоятельное определение норм

[1125] Там же. Л. 212.

[1126] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 48–52, 103–104; Д. 142. Л. 96; Петрищева Н. С. Избирательный процесс середины 20-х гг. XX века: теория и практика (на материалах Курской губернии) // Казанская наука. 2011. № 11. С. 36.

представительства на местах. Начиная с осени 1925 года, краевые, областные и губернские исполкомы стали массово обращаться в Центральную избирательную комиссию для согласования изменения норм представительства. Основные причины изменения норм представительства сводились к обстоятельствам, связанным с низкой плотностью населения и особенностями быта национальных меньшинств, и желанием изменить соотношение «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей на выборах в случае преобладания непролетарских слоев среди горожан[1127].

Определение норм представительства для различных групп населения выявило очевидные разногласия между региональными и центральными властями. Региональные исполкомы просили узаконить сложившуюся практику первой половины 1920-х гг. на выборах в горсоветы, предоставив преимущество членам профсоюзов, рабочим, красноармейцам перед непролетарским населением городов, не желая предпринимать усилия по активизации нелояльных большевикам горожан. Центральные органы установили единые правила к определению норм в различных регионах и исключения из них, и не собирались возвращаться к стихийной практике начала 1920-х гг.[1128]

Полномочия в сфере лишения избирательных прав реализовывали как краевые, областные и губернские исполкомы, так и избирательные комиссии. Исполкомы преимущественно взаимодействовали с центральными и нижестоящими органами по вопросам определения круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав, в случае необходимости отстаивая интересы региона. Избиркомы в первую очередь занимались рассмотрением апелляционных жалоб на восстановление в правах, а также разъяснением нижестоящим избиркомам вопросы по определению круга «лишенцев».

Ранее анализировались вопросы, связанные с формированием законодательства о лишении избирательных прав, проблемами определения круга лиц, ограниченных в правах, в настоящем параграфе рассмотрим особенности определения круга «лишенцев» региональными исполкомами и порядок рассмотрения жалоб на восстановление избирательных прав.

Увеличение категорий граждан, подлежавших лишению избирательных прав и запрет на самостоятельное толкование избирательной инструкции предопределили резкий рост запросов о конкретизации круга «лишенцев», поступавших от региональных

[1127] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 7. Л. 31–56.

[1128] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп.1. Д. 7. Л. 31–56; Д. 12. Л. 16–25(об); Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 12. Л. 60–80; Д. 13. Л. 145–157.

исполкомов в центральные органы. Во второй половине 1920-х гг. региональные исполкомы по любому, самому незначительному вопросу обращались в центральные органы. Так появились запросы, затрагивавшие не сотни, и даже не десятки лиц, а одного – двух человек в крае, губернии или области. Например, обсуждались вопросы о лишении прав бывших директоров отделений обществ попечительства в тюрьмах, бывших служащих речной полиции[1129], бывших улусных голов, получивших за свою деятельность награды от бывшего царского правительства, бывших попечителей калмыцкого народа[1130].

Помимо сложностей в определении критериев лишения избирательных прав, краевые, областные исполкомы стремились отстаивать интересы своих регионов. Так, инструкция 1926 г. предусматривала лишение избирательных прав бывших белых офицеров и военных чиновников белых правительств, являвшиеся к тому времени сотрудниками региональных аппаратов. Наиболее активно добивались исключения из списка «лишенцев» Саратовский, Астраханский губисполкомы, Уральский областной исполком и Сибирский краевой исполком, считая нецелесообразным лишение прав бывших белых офицеров, работавших в советском аппарате[1131].

Обращение во ВЦИК или Центризбирком направлялось в нескольких случаях: при выявлении категории граждан, идентификация которой в качестве «лишенцев» была неясной для избирательных комиссий[1132], при появлении сомнений при рассмотрении жалобы на действия нижестоящей избирательной комиссии[1133], и наконец, при сознательном нежелании краевых, губернских или областных исполкомов лишать определенную группу избирательных прав. В последнем случае, обращение поступало с подробной мотивацией о нежелательности лишения прав определенной группы[1134]. При отсутствии заинтересованности властей в положительном решении вопроса, они направляли запрос без мотивированного ходатайства. При получении ответа из Центризбиркома, оно рассылалось нижестоящим исполкомам и избиркомам в качестве руководства к действию.

[1129] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 235. Л. 182–186.
[1130] ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 16а. Д. 421. Л. 25–37; Д. 416. Л. 48–54.
[1131] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 174. Л. 255–270.
[1132] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–62; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 339. Л. 250–289.
[1133] ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 20. Д. 964. Л. 3.
[1134] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 174. Л. 255, 270. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 91–116.

Наиболее объемным полномочием региональных избиркомов в сфере лишения избирательных прав стало рассмотрение жалоб на неправильное лишение избирательных прав в качестве апелляционной инстанции. Напомним, что до 1925 г. советское избирательное законодательство не предусматривало рассмотрения жалоб на неправильное лишение прав центральными органами, высшей апелляционной инстанцией выступал губернский исполком, и соответственно это являлось важной составной частью полномочий в сфере лишения избирательных прав. Общей статистики по поступившим жалобам не велось ни НКВД, ни губернскими исполкомами и избиркомами, но имеющиеся данные свидетельствуют, что в первоначальный период количество жалоб на неправильное лишение избирательных прав было незначительным[1135].

Ситуация с жалобами на лишение избирательных прав изменилась в кампанию 1926/27 г., что было связано с резким увеличением числа «лишенцев», а также усилением административно-хозяйственного давления на них. Число жалоб выросло в разы на всех уровнях избирательных комиссий. Хотя точная статистика по числу жалоб лиц, ограниченных в правах отсутствует, имеющиеся данные позволяют сказать, что решения низовых избиркомов в среднем обжаловали от половины до двух третей лиц, включенных в списки «лишенцев»[1136]. Районные (уездные) избиркомы восстанавливали около трети подававших жалобы. До окружных избиркомов доходило около 20–25 % жалоб. Ходатайствовали они не напрасно, в среднем около трети смогли восстановиться в правах. В губернские, краевые и областные избирательные комиссии поступало около 10 – 20 % жалоб «лишенцев»[1137].

Следствием многократного увеличения жалоб стало несоблюдение сроков их рассмотрения на всех уровнях избиркомов, включая окружной, губернский и краевой[1138]. губернские и краевые избиркомы, столкнувшись в кампанию 1927 г. с огромным наплывом жалоб от граждан, были вынужден предпринять меры по

[1135] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 42.

[1136] Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918 – 1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 16.

[1137] Ергина Н. М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4. С. 87.

[1138] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–23; Л. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 186.

упорядочению этого потока[1139]. Чаще всего пытались четко распределить полномочия по уровням избирательных комиссий, установить единый порядок прохождения дел по лишению и восстановлению в правах, ввести конкретные перечни документов, которые представители категорий должны были предоставлять в избирательные комиссии[1140].

Однако попытки навести на местах порядок в делопроизводстве в кампанию 1926/27 г. не имели успеха. Как показывали проверки вышестоящих советских и партийных органов, только на уровне краевых, областных и губернских избиркомов документы оформляли должным образом, его члены старались рассматривать ходатайства в отведенные законом сроки. Уже на уровне округов нарушались и сроки рассмотрения, и сам порядок делопроизводства. Аналогичная ситуация была характерна для комиссий районного и городского уровня. Окружные и районные избиркомы, по их собственному выражению, были завалены жалобами от «лишенцев» и даже после окончания выборов успели рассмотреть не более половины заявлений[1141]. Новосибирский окружной избирком отмечал, что, несмотря на окончание выборов, было рассмотрено лишь 410 из 867 поступивших жалоб[1142].

В кампанию 1928/29 г. ситуация с разбором жалоб усугубилась из-за дальнейшего роста числа «лишенцев». Проверки, проведенные сотрудниками Прокуратуры и ВЦИК, продемонстрировали повсеместное нарушение сроков рассмотрения жалоб «лишенцев», отсутствие налаженного делопроизводства, квалифицированных сотрудников[1143]. В Мордовии средний срок рассмотрения жалобы составлял 20 дней, «Мордовский окружной исполком по нескольку раз возвращал документы в местные избиркомы для уточнения данных», из-за низкого качества предоставляемых данных[1144]. Низовые избиркомы не спешили выполнять требования вышестоящих исполкомов: «Талызинский районный избирком, несмотря на пять телеграфных и письменных запросов окружного избиркома по сведениям на 10 февраля 1929 г., так ни разу и не предоставил требуемые материалы»[1145].

[1139] Жалобы лишенцев // Власть Советов. 1928. № 2. С. 21–22; Лишение избирательных прав (по жалобам лишенцев в Центризбирком) // Власть Советов. 1928. № 46. С. 8–10.

[1140] ГАНО. Ф.Р-1228. Оп. 1. Д. 349. Л. 78.

[1141] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 184–188; Жалобы лишенцев // Власть Советов. 1928. №2. С. 21–22.

[1142] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1870. Л. 63.

[1143] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 9–139.

[1144] Ергина Н. М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. … С. 87.

[1145] Там же. С. 89.

Примечательно, что ситуация с разбором жалоб в столице ничем не отличалась от глубокой провинции. В отчете Наркомата юстиции по итогам проведенных проверок прокуратурой констатировалось: «говорить о том, что жалобы рассматриваются в установленные законом сроки, не приходится. Как общее правило, эти сроки нарушаются самым безобразным образом, рассмотрение затягивается на многие месяцы»[1146]. Так, при обследовании Московской прокуратурой движения жалоб на лишение избирательных прав в Краснопресненском районе, выявилось, что «прием жалоб организован плохо, справок ожидают до 150 чел., объявлений над столами нет, справки даются медленно, жалоб в день поступает 500–600, из 6400 жалоб рассмотрено всего 500»[1147]. Аналогичная картина наблюдалась и в губернской избирательной комиссии: «в день обследования (22 февраля 1929 г.) жалобы не были зарегистрированы, поступившие с 13 февраля (около 1 тыс.). Средняя продолжительность прохождения жалоб в районе составляет 15–40 дней, в губернском избиркоме – от 15 дней. Комиссия заседала один раз в неделю, разбирая по 200 дел, т.е. на рассмотрение каждого дела в среднем уходило 1,5 минуты, срок явно недостаточный. Жалобы рассматриваются несерьезно, разбираются техническими малограмотными сотрудниками, заключения которых утверждаются механически»[1148].

Общая статистика по РСФСР по рассмотрению жалоб «лишенцев» в 1928/29 г. комиссиями и исполкомами разных уровней не велась, и сведения выявляются исследователями в региональных архивах. По данным Н. М. Ергиной, в Мордовском округе поступило 1597 жалоб, в Центральный избирком ТАССР поступило 12 436 жалоб и ходатайств, из которых более 2 тыс. остались нерассмотренными[1149]. В Сибирском крае общей статистики о поступлении и рассмотрении жалоб не велось. В сводке за 9 февраля 1929 г. Сибирского краевого избиркома отмечалось: «...случайные и неполные сведения с округов не дают возможности представить полную картину в вопросе рассмотрения жалоб и восстановления по ним в избирательных правах»[1150]. Окружные избирательные комиссии, стремясь занизить цифры, часто предоставляли недостоверную информацию о количестве поступивших жалоб. Проверки краевого

[1146] Богомолов. Революционная законность в перевыборную кампанию // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 14. С. 305–306.

[1147] Богомолов. Указ. соч. С. 305–306.

[1148] Там же.

[1149] Ергина Н. М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. … С. 90.

[1150] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 2577. Л. 231.

избиркома показали, что в окружных избиркомах скапливалось сотни заявлений (от нескольких сотен в Омской до 1,5 тыс. в Ачинской), которые не рассматривались месяцами[1151]. Инструктор ЦИК СССР Шалюпа, проводивший проверку избирательной кампании, в отчете от 16 февраля 1929 г. констатировал, что срок рассмотрения жалоб составляет от трех месяцев до года[1152].

При этом, вопреки предвзятому мнению окружных и краевых властей, жалобы на неправильное лишение избирательных прав оказывались зачастую справедливыми. Из рассмотренных жалоб Центризбиркомом в 1928 г. было удовлетворено 24,5 %, а в 1929 г. – 38,2 % ходатайств (это с учетом, что все жалобы прошли рассмотрение во всех нижестоящих уровнях избирательных комиссий)[1153].

Необоснованным было и утверждение местных властей, что «лишенцы» заваливали их жалобами на протяжении нескольких лет, статистика Центризбиркома показывает, что более 90 % ходатайствующих – лишенные впервые в кампанию 1928/29 г.[1154] В региональных избиркомах доля удовлетворенных жалоб «лишенцев» существенно разнилась, варьируясь от 22 % в Брянской губернии, до 71,4 % в Вятской губернии. Наибольшее число восстановленных в правах зафиксировано: в Ялте – 71,6 %, Ярославской губернии – 67,0 %, Москве – 56,7 %, Владивостокском округе – 56,6 %, Череповецком окружном избиркоме – 45,3 % и Саратовском округе – 45,1 %[1155].

Исследования, проведенные в различных регионах, показывают, что многократное увеличение численности «лишенцев» в РСФСР во второй половине 1920-х гг. продемонстрировало неготовность избирательных комиссий всех уровней реализовывать процедуры, связанные с лишением избирательных прав[1156]. Основной проблемой для краевых, губернских, окружных, областных избиркомов стало нарушение сроков и небрежное рассмотрение жалоб «лишенцев», а причинами нарушений – острая нехватка квалифицированных, опытных сотрудников избиркомов,

---

[1151] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 2577. Л. 231–232.

[1152] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 568. Л. 42.

[1153] ГАРФ. Ф.А.-5248.Оп. 1. Д. 83. Л. 300–302; Д. 85. Л. 537–541.

[1154] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 85. Л. 544.

[1155] Шеблецов Л. Лишение избирательных прав и учет лишенцев в РСФСР // Советское строительство. 1930. № 3. С.81.

[1156] Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально экономических и политических процессов (1921–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Рупасов А. И. Лишеннные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 286 – 289; Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг. (на материалах Курского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013; Карпычева Е. В. Правовое регулирование формирования механизмов лишения и восстановления избирательных прав по Тверскому региону в 1918–1936 гг. // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 242.

способных ориентироваться в постоянно изменявшемся избирательном законодательстве и оперативно рассматривать жалобы. Количество жалоб и сложный порядок их рассмотрения существенно превосходили возможности советского аппарата.

Несмотря на все попытки навести порядок с рассмотрением жалоб в 1930-е гг., ситуация принципиально не изменилась, основная масса жалоб рассматривалась в междувыборный период исполкомами.

Обширный блок полномочий краевых, губернских и областных исполкомов и избиркомов охватывал текущее руководство нижестоящими органами, которое осуществлялось в трех традиционных формах, характерных для советской системы управления: письменное инструктирование, командировки (выезды) на места уполномоченных и инструкторов, проведение совещаний с участием местных работников, рассмотрение (заслушивание) отчетов нижестоящих избиркомов. Направления и формы руководства региональных органов дублировали деятельность центральных.

Инструктирование нижестоящих избиркомов проводилось при помощи письменного и «живого» руководства. Письменное руководство преимущественно осуществляли орготделы исполкомов в форме составления избирательных инструкций, циркулярных и информационных писем, различного рода директив, информационных форм отчетности. До запрета издания местных инструкций в 1926 г., обязательной частью письменного инструктирования губернских исполкомов (или адмотделов) являлось издание инструкций об организации выборов в губерниях[1157]. Первые инструкции появились в 1918 году, прекратили их издание только в 1926 г. Циркулярные и информационные письма, рассылаемые губернскими (краевыми, областными) исполкомами и избиркомами были направлены на разъяснение вопросов текущей избирательной кампании, как правило, затрагивали вопросы определения круга «лишенцев», норм представительства для различных категорий избирателей, сроки проведения выборов и съездов и т.д.

Губернские (краевые, областные) избиркомы нередко принимали инструкции уполномоченного губернской (областной) и уездной избирательной комиссии. Подобные пошаговые инструкции являлись своего рода памятками о порядке

[1157] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 1–2 (об); Л. 21–22(об); Оп. 1а. Д. 94. Л. 250(об)–253(об); Д. 95. Л. 44–46(об).

проведения избирательных собраний или съездов, необходимых и желательных мероприятий[1158].

Письменное инструктирование традиционно считалось «кабинетным способом руководства», ему противопоставлялось т.н. «живое» руководство нижестоящими избиркомами. «Живое» руководство проводилось в двух основных формах: выезды на места уполномоченных и инструкторов, и проведение совещаний местных работников. Текущее руководство нижестоящими избиркомами осуществлялось в первую очередь с помощью командирования уполномоченных. Их основной задачей являлась мобилизация местных партийных и советских работников для проведения избирательной кампании. Помимо мобилизации местных работников, уполномоченные проводили обследование деятельности нижестоящих избиркомов, а зачастую и других советских органов, и организаций.

Так, уполномоченному Сибкрайизбиркома при выезде на обследование в 1928 г. предстояло «ознакомиться с классовым и социальным составом обследуемого избиркома, выявить нарушения при его формировании», «связаться с активом партийных и комсомольских ячеек, через них выявить: настроения села, социальный характер и антисоветский актив»[1159]. Кроме того, уполномоченному надлежало ознакомить работников избиркома с избирательным законодательством, нормами представительства и сроками проведения, «проработать порядок извещений избирателей на собрания, проверить помещения для проведения выборного собрания», помочь в составлении отчета сельсовета и наказа[1160]. По итогам выезда уполномоченные составляли подробные отчеты проведенных обследований, где подробно освещались все достоинства и недостатки выборов[1161].

Командировки (выезды) уполномоченных и инструкторов носили массовый характер, к ним привлекались не только члены региональных избиркомов, но и все свободные работники исполкомов. Так, по выборочным данным орготдела ВЦИК в кампанию 1926/27 г. «в 23 губерниях послано на места 986 работников губернского и уездного масштаба, в среднем по 45 работников на губернию[1162]. В кампанию 1928/29 г. выезды приобрели еще более массовый характер, по данным Центризбиркома, только в

[1158] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 22. Д. 7. Л. 17а, 17а(об); Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 498. Л. 183–183(об).
[1159] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 498. Л. 183.
[1160] Там же.
[1161] Там же. 183–183 (об)
[1162] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 99.

Средне-Волжской области было проведено 546 выездов – обследований силами 58 инструкторов[1163]. В кампанию 1928/29 г. по сравнению с предыдущими выборами в большинстве краев, областей и губерний число выездов инструкторов на места увеличилось в 2–2,5 раза[1164]. На Всероссийском совещании по перевыборам в октябре 1928 г. констатировался неудовлетворительный социальный состав инструкторов (преобладали выходцы из служащих (60 %), «которые совсем не знают жизни нашего города и деревни») и недостаточный уровень подготовки кадров[1165].

Во второй половине 1920-х гг. заметно изменился характер командировок уполномоченных. В избирательные кампании первой половины 1920-х гг. методы работы уполномоченных характеризовались использованием жесткого административного ресурса, грубостью и пренебрежением к местным работникам. Результаты обследований, проведенных НКВД и орготделом ВЦИК, а также жалобы, поступавшие на проведение выборов на местах в 1923 – 1925 гг., показывают, что нередко такие выезды превращались в набеги «комиссара с наганом». Командированные уполномоченные были некомпетентны, игнорировали избирательное законодательство, напивались, срывали избирательные собрания, применяли административный ресурс, принуждали население голосовать за утвержденные списки кандидатов[1166]. Так, в отчете орготдела ВЦИК об обследовании 46 волостей перевыборов Советов в 1924 г., отмечается, что «в Мервском округе Туркменистана, уполномоченный волизбиркомиссии, выезжая в аулы для проведения кампании, напился, чем сорвал выборы в некоторых аулах»[1167]. В жалобе на действия уполномоченного уездного избиркома из поселка Степной Актюбинского уезда в 1924 г. отмечалось «прибывший уполномоченный уездного избиркома тов. Чукин применил тактику полицейского, мало того, что допустил неправильность лишения избирательных прав, что обжаловано, но когда выставленные им кандидаты не прошли, то стал кричать, стучать по столу кулаком и обзывать участников собрания горлопанами, и другими оскорбительными словами»[1168].

[1163] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 11.
[1164] Там же. Л. 11–12.
[1165] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 7.
[1166] Петрищева Н. С., Сергеев П. В. Указ. соч. С. 236.
[1167] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 305.
[1168] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 27.

Очевидно, что подобные инструкторские выезды дискредитировали новую власть, приводили к жалобам населения и низовых работников. В одной из таких жалоб работника Мошонского волисполкома Мещовского уезда Калужской губернии, содержалась емкая оценка таких выездов: «действия таких работников подрывают доверие к советской власти и правительству, и просили бы для такой важной работы как перевыборы, присылать лиц вполне компетентных»[1169].

Во второй половине 1920-х гг. во ВЦИК и Центризбирком периодически поступали жалобы на действия уполномоченных (на применение административного ресурса и нарушение избирательного законодательства), однако такие случаи не были массовыми, и рассматривались как «пережиток военного коммунизма»[1170]. Центризбирком и региональные избиркомы прилагали усилия по изменению сложившейся ранее практики. Несмотря на «не всегда достаточный уровень подготовки» и короткий период командировки[1171], во второй половине 1920-х гг. деятельность уполномоченного была направлена на оказание реальной помощи в организации и проведении избирательной кампании: составления списков «лишенцев» или рассмотрения жалоб, проведения отчетных собраний, составления наказов, проведения избирательных собраний, привлечения внимания населения к выборам (приезд губернского, краевого или окружного работника традиционно вызывал повышенный интерес крестьян).

Важной частью «живого» руководства низовыми избиркомами являлись совещания советских работников по организации выборов. Как отмечалось выше, масштабные Всероссийские совещания стали проводить в 1925 г., что было связано с реализацией политики «оживления Советов» и массовой отменой выборов. Практика проведения Всероссийских совещаний по вопросам подготовки выборов воспроизводилась и на уровне краев, губерний, областей, округов, уездов и районов. Краевые (губернские, областные) совещания практически полностью дублировали повестку Всероссийских совещаний. На окружных и районных совещаниях обсуждали более конкретные, практические проблемы организации выборной кампании в

[1169] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 8.

[1170] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 146. Л. 95–95 (об); Л. 124–124 (об).

[1171] Терский А. Чего не хватает в отчетной и перевыборной кампании по перевыборам Советов // Власть Советов.1928. № 43. С. 18.

конкретных районах и местностях (вплоть до персонального подбора состава списков кандидатов и содержания плана работы райизбиркома)[1172].

На совещаниях второй половины 1920-х гг. наибольшее внимание уделялось вопросам правильного определения круга «лишенцев», увеличения явки избирателей всех категорий и формирования «классово выдержанных» составов Советов всех уровней. В кампании 1926/27 г. и 1928/29 г. вслед за общероссийскими совещаниями, на региональных совещаниях акцент был сделан на организационно-технической подготовке выборов (уменьшение размеров участков, рассылка повесток, улучшение агитационной работы, составление списков избирателей и «лишенцев», правильное заполнение форм избирательной отчетности и многое другое)[1173].

На завершающей стадии проведения избирательной кампании в качестве формы «живого руководства» активно использовалось рассмотрение отчетов (докладов) нижестоящих избиркомов. Краевые и губернские избиркомы воспроизводили механизм рассмотрения отчетов нижестоящих избиркомов, сложившийся в Центризбиркоме в 1926–1929 гг. В план работы регионального избиркома вносилось заслушивание отчетов окружных (уездных, районных) избиркомов и горизбиркомов. Отчеты могли охватывать подготовительный период кампании, либо подведение итогов выборов.

Алгоритм заседания краевого (губернского, областного) избиркома был следующий: сначала озвучивался доклад председателя окружного (уездного или городского) избиркома, затем задавались вопросы членами избиркома и исполкома, далее озвучивался доклад инструктора или уполномоченного, обследовавшего выборы в данном округе, после чего следовало обсуждение достоинств и недостатков проведения выборов в округе или городе. Завершающей стадией становилось вынесение постановления краевого (губернского, областного) избиркома об удовлетворительном (неудовлетворительном) ходе или итогах выборов[1174]. В кампании второй половины 1920-х гг. сложилась обязательная практика рассмотрения (заслушивания) отчетов и

[1172] Спиридонов И. А. Окружное совещание председателей избиркомов // Власть Советов. 1928. № 46. С. 17–18; Крепкий Я. Подготовка к перевыборам Советов в Ейском районе // Власть Советов. 1928. № 48. С. 16–18. Каврайский Б. На совещаниях работников городских и поселковых Советов Сибири. Власть Советов. 1928. № 32. С. 18–19.

[1173] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 498. Л. 22–187; Оп. 106. Д. 518. Л. 17–154; Спиридонов И. А. Окружное совещание председателей избиркомов // Власть Советов. 1928. № 46. С. 17–18; Дурнев А. О планировании кампании перевыборов Советов. Власть Советов. 1928. № 46. С. 10–11; Богданов В. Очередные задачи организационной работы Советов в районированных областях // Власть Советов. 1928. № 46. С. 11–13; Лукинский В. О подготовке к избирательной кампании. // Власть Советов. 1928. № 42. С. 17–18; Каврайский Б. Вопросы планирования избирательной кампании // Власть Советов. 1928. № 4. С. 17–18.

[1174] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 518. Л. 3–32.

докладов низовых (окружных, районных, уездных) избиркомов вместе с докладом инструктора, обследовавшим проведение выборов в этих округах и районах.

Рассмотрение отчетов в большинстве случаев было формальной процедурой, изучение протоколов заседаний краевых (губернских и областных) избиркомов показывает однотипность подобных «заслушиваний», за одно заседание рассматривались отчеты от трех до пяти окружных (уездных, городских) избиркомов. В ходе рассмотрения отчетов повторялись вопросы, основные достижения и недостатки. В кампании 1926/27 и 1928/29 г. при рассмотрении отчетов избиркомов констатируются улучшения в подготовке выборов, организации избиркомов, инструктирования, разукрупнения избирательных участков, привлечения различных общественных организаций, повышения активности избирателей и т.д. Стандартными недостатками являлись учет и медленное рассмотрение жалоб «лишенцев», их учет, недостаточно тщательное оповещение населения повестками, недостаточное участие батраков, представителей национальных меньшинств и общественных организаций[1175].

Однако в случае выявления существенных недостатков или попытки их сокрытия, заседания приобретали форму дознания, когда сопоставлялись сведения из отчета руководителя избиркома с данными обследования, проведенного инструктором. К числу таких недостатков относились «допущение засоренности в социальном составе избиркомов», «недолишение» избирательных прав зажиточных крестьян, «проникновение» в Советы «социально-чуждых элементов», грубые нарушения сроков проведения выборов или представления отчетности. Последствиями выявления подобных фактов могли стать расформирование избирательных комиссий и снятие с должностей председателей провинившихся избиркомов. Так, в кампанию 1928/29 г. по итогам заслушивания отчетов и проведенных проверок «снят председатель уездного избиркома в Вышнем Волочке Тверской губернии, распущена горизбиркомиссия в Торжке Тверской губернии»[1176]. городские и окружные избиркомы расформировались за «грубые нарушения» в Ярославской, Вятской, Нижегородской и Рязанской губерниях, Средне-Волжской области и Северно-Кавказском крае[1177].

Значимым полномочием региональных избирательных комиссий и исполкомов на завершающей стадии выборов являлось рассмотрение жалоб на «производство

[1175] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 17. Л. 56–205; Ф.Р.-1235. Оп.106. Д. 518. Л. 13–157.
[1176] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 9.
[1177] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 38–39; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 8.

выборов». Своего рода водоразделом в ситуации с рассмотрением жалоб и отменой выборов, стало принятие Постановления Президиума ЦИК СССР «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» от 29 декабря 1924 г. До принятия решения высшим руководством страны о массовой отмене выборов, административные органы и исполкомы крайне редко отменяли выборы. По сведениям НКВД большинство случаев кассации выборов было связано с неявкой населения на избирательные собрания[1178].

Поскольку главными виновниками за «недостаточно полное участие избирателей в выборах в ряде районов» в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 29 декабря 1924 г. объявлялись избирательные комиссии, соответственно проверкой правильности и принятием решений об отмене выборов, назначением повторных выборов занимались Центральные исполнительные комитеты союзных, автономных республик и губернские исполкомы[1179].

После завершения кампании массовой отмены выборов весной 1925 г., изменился порядок рассмотрения жалоб. Краевые (областные и губернские) избирательные комиссии рассматривали жалобы на нарушения по существу и делали предварительное заключение, окончательное же решение принималось Президиумом исполкома. После массовой отмены выборов в кампанию 1925/26 г. количество жалоб на нарушения значительно снизилось, конфликтность выборов спала, отмены их результатов вновь стали редкими. Жалобы в редких случаях признавались обоснованными, считались проявлением «местных склок»[1180]. Достаточным основанием признавались низкая явка избирателей, ущемление прав бедняков и батраков, «избрание классово-чуждого Совета», существенные организационно-технические недостатки, допущенные организаторами. Отмены выборов во второй половине 1920-х гг. и в 1930-е гг. носили немассовый характер, краевые, губернские и окружные избирательные комиссии внимательно рассматривали жалобы, но принимали решения об отмене крайне редко. По наблюдениям исследователей, при принятии решений об отмене выборов,

[1178] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.1а. Д. 94. Л. 229.

[1179] Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» от 29 декабря 1924 г.// СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3.

[1180] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 54. Д. 67. Л. 33; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 253. Л. 8, 20, 48, 112, 129; Оп. 107. Д. 240. Л. 43–64, 141–143

вышестоящие исполкомы старались не выходить за пределы сельских Советов или даже избирательных участков[1181].

Избирательные кампании завершались подведением итогов выборов, составлением отчетов для вышестоящих советских и партийных органов. Законодательство относило «представление сообщений и сводок о ходе и результатах выборов» к полномочиям избирательных комиссий[1182]. Однако учитывая, отсутствие собственного аппарата у избирательных комиссий, они лишь представляли материалы для статистической обработки и составляли предварительные отчеты. Обработкой статистических материалов итогов выборов, сведением отчетов об итогах выборов по селам, городам, волостям, уездам, занимались до 1924 года губернские отделы управления (административные отделы), а впоследствии организационные отделы исполкомов[1183]. Обсуждение и анализ итогов выборов осуществлялся как в ходе выборов, так и по их завершению на заседаниях избирательных комиссий и исполкомов.

Выше отмечалось, что избирательная отчетность во второй половине 1920-х гг. ежегодно становилась объектом публичных дискуссий, центральной темой которых было содержание и количество форм и показателей этой отчетности[1184]. Высшие и региональные органы придерживались диаметральных позиций в этом вопросе, первые стремились получить возможно большее число разнообразных сведений о выборах, советских органах и населении, краевые, областные и губернские исполкомы, учитывая проблемы с наличием грамотных кадров на местах, способными заполнять эти формы, настаивали на сокращении количества показателей. Несмотря на протесты, пожелания местных исполкомов учитывались в незначительной степени[1185].

Помимо представления сводок, по окончании выборов орготдел исполкома составлял аналитический отчет, в котором анализировались отчетная кампания, динамика лишения избирательных прав, участие различных социальных слоев, итоги

[1181] Ергина Н. М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. … С. 87.

[1182] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

[1183] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 103. Л. 47–54.

[1184] Логинов Д. Об информационной отчетности по избирательной кампании // Власть Советов. 1927. № 3. С. 2–3; Чугунов С. Учет избирателей, отсутствующих по уважительным причинам // Власть Советов. 1927. № 16. С. 16; Витин г. Вопросы избирательной отчетности // Власть Советов. 1927. № 39. С. 4–5. Большаков И. К вопросу об избирательной отчетности // Власть Советов. 1927. № 48. С. 4–6; Свириновская С. Об избирательной отчетности // Власть Советов. 1928. № 38. С. 18–19.

[1185] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 176.

выборов в городские и сельские Советы, на съезды различных уровней, состав избранных Советов, настроения на выборах, уровень организации избирательных собраний, участие партийной организации, советских и общественных организаций[1186]. В кампанию 1928/29 г. были добавлены разделы о классовой борьбе, наказах избирателей и отзывах депутатов в ходе отчетной кампании, составах избирательных комиссий[1187]. По вопросам, инициируемым высшими партийными или советскими органами, готовились отдельные отчеты о «преломлении директив партии об оживлении Советов в ходе избирательной кампании», «о практике лишения избирательных прав» и т.п.[1188]

Столь объемная избирательная отчетность требовала значительных усилий от аппаратов исполкомов и приводила к затягиванию сроков составления отчетов. Схема избирательной отчетности сложилась к кампании 1923 г., и в дальнейшем усложнялась, и совершенствовалась[1189]. В первой половине 1920-х гг. Наркомату внутренних дел не удавалось собирать сведения со всех губерний, фактически только к кампании 1926/27 г. орготделу ВЦИК удалось нормализовать систему сбора избирательной отчетности, и собрать достаточно полные сведения об итогах выборов в губерниях и городах[1190].

Передача организации избирательных кампаний от территориальных подразделений наркомата к исполнительным комитетам Советам положительно сказалась на реализации полномочий в избирательной сфере на местах. Избирательные полномочия осуществлялись в рамках единых подходов, вводимых центральными органами, складывавшиеся электоральные практики в регионах в значительной мере дублировали практику Центризбиркома. При общей тенденции на унификацию избирательных практик, региональные исполкомы стремились отстаивать интересы своего региона. Избирательные комиссии испытывали проблемы с реализацией ряда полномочий, связанных с лишением избирательных прав, своевременным и качественным заполнением избирательной отчетности, эти проблемы были обусловлены как усложнявшимся законодательством, увеличившимися требованиями центральных органов, так и отсутствием подготовленных, образованных сотрудников в избирательных органах. Постоянно увеличивавшееся количество жалоб «лишенцев» и

[1186] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 90–122.
[1187] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 4–65; Д. 537. Л. 9–10; Оп. 108. Д. 264. Л. 20–23.
[1188] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 113–119.
[1189] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 48. Д. 2 Л. 14–16; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 504. Л. 44.
[1190] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 2.

возрастающие требования к количеству показателей и оперативности заполнения избирательной отчетности, существенно превосходили возможности советского аппарата.

Выводы. Организация выборов в любом государстве является важной сферой реализации политической функции, которая отражает характер режима и уровень развития механизма государства в соответствующий исторический период. Становление механизма организации избирательных кампаний в РСФСР в полной мере отражало этапы развития советского государственного механизма и соответствовало потребностям молодого государства.

Выбор модели избирательных органов в советской России отражал преемственность с дореволюционным опытом: отказ от системы независимых, самостоятельных избирательных органов во главе с Центральным избиркомом (реализованной в ходе проведения выборов в Учредительное собрание) в пользу поручения руководства выборов одному из исполнительных органов – Наркомату внутренних дел и подчиненных ему территориальных подразделений (что фактически являлось продолжением традиции руководства выборов министерством внутренних дел до 1917 г.).

Наркомат внутренних дел не рассматривал организацию выборов как ключевую сферу своей деятельности, хотя многие избирательные полномочия сформировались в начале 1920-х гг., но реализовывались они стихийно и бессистемно.

Реализация политики «оживления Советов» потребовала реорганизации избирательного механизма, создания специализированного избирательного органа. Эта реорганизация проводилась крайне медленно, нерешительно, на протяжении двух избирательных кампаний – 1924 и 1925/26 г., и сопровождалась многочисленными межведомственными конфликтами, что заметно снижало эффективность управления в этой сфере. После долгих дискуссий был создан специализированный центральный избирательный орган – Всероссийская центральная избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК. Центризбирком создавался как типичный временный орган при Президиуме ВЦИК в рамках сложившейся советской управленческой практики 1920-х–1930-х гг. Однако поскольку советские выборы проводились с высокой периодичностью (ежегодно, либо раз в два года, а с учетом довыборов – круглогодично), Центризбирком быстро вышел за пределы статуса временного органа, функционируя практически

постоянно, заняв промежуточное положение между самостоятельным, постоянным органом и временной комиссией при ВЦИК.

Создание Всероссийской центральной избирательной комиссии в 1925 г. обозначило новый этап в развитии советского избирательного процесса, переход от стихийной организации выборных кампаний, отсутствия единых избирательных норм и процедур к их унификации. В целом, Центризбирком, созданный в качестве временного органа для текущего руководства выборами, сыграл позитивную роль в становлении и развитии общероссийского избирательного законодательства, в его единообразном толковании и применении – на фоне полного небрежения к закону со стороны местных партийных и советских работников.

Вместе с тем, тенденции жесткой централизации государственного управления в Советской России, проявлявшиеся с конца 1920-х гг., в полной мере нашли отражение и в деятельности Всероссийской центральной избирательной комиссии. Курс на выхолащивание демократических элементов в электоральной системе, принятый высшими партийными органами в 1926 г., реализовывался Центризбиркомом и способствовал становлению системы безальтернативных выборов, органично вписавшихся в советскую политическую систему.

Становление избирательных органов в регионах проходило в рамках двух основных периодов, на первом этапе (1918–1924 гг.) ключевую роль играли партийные органы и губернские отделы управления (территориальные подразделения Наркомата внутренних дел). Для этого периода было характерно отсутствие эффективного механизма взаимодействия центральных и местных органов, приводившее к стихийной реализации полномочий в избирательной сфере всеми организаторами выборов, с многочисленными нарушениями, ситуативно складывавшимися практиками, различными моделями взаимодействия административных, партийных органов и избирательных комиссий.

На втором этапе (1925–1936 гг.) основную роль в организации избирательных кампаний выполняли исполкомы и избирательные комиссии, созданные при них. Наиболее распространенной практикой было закрепление за региональными исполкомами общего руководства выборами, включавшее взаимодействие с центральными органами, за избирательными комиссиями – непосредственной организации избирательных кампаний. В этот период процесс формирования

избирательных органов в регионах и реализация ими полномочий стал полностью подконтрольным центральным органам. Составы региональных избирательных комиссий были унифицированы и существенно расширены, их численность выросла с трех в начале 1920-х гг. до двадцати человек в 1934 г., и помимо обязательных представителей исполкомов Советов и общественных организаций, подконтрольных власти, они стали включать рабочих с производства и колхозников. Увеличение численности и введение представителей от «общественности» в избирательные комиссии не отразилось на качестве их работы, поскольку к их сотрудникам не предъявлялось требований к уровню образования и опыту работы, хотя усложнявшееся избирательное законодательство требовало подготовленных и образованных сотрудников. Их отсутствие в избиркомах во второй половине 1920-х гг. привело к многочисленным нарушениям со стороны избирательных комиссий всех уровней, имевшиеся составы избирательных комиссий были не способны реализовывать, возложенные на них полномочия.

ГЛАВА 3.
СОВЕТСКИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

3.1. Избирательные цензы в советской избирательной практике

Исторические практики складываются под воздействием разнонаправленных факторов и обстоятельств. Для анализа советских электоральных практик использовались универсальные концептуальные подходы о функционировании социальных систем, установления причинно-следственных связей, влияния разнонаправленных действий на события или поведение людей[1191]. При проведении исследования представлялось значимым определить влияние различных факторов на трансформацию электоральных практик, реализацию институтов и поведение избирателей, оценить насколько реальность отличалась от запланированных действий, предусмотренных государством в нормативных актах, выявить причины «отклонений», влияние различных действий и обстоятельств, приведших к деформации избирательных институтов.

Структура главы определяется логикой и последовательностью реализации советских электоральных практик раннесоветского периода, включавшая практики реализации избирательных цензов и практики, реализуемые в советском избирательном процессе – от образования избирательных участков, определения норм представительства, учета избирателей, выдвижения и голосования за кандидатов на избирательных собраниях, подведения итогов. Отдельный параграф посвящен практикам кассации выборов, выходившим за пределы непосредственной организации выборов и являвшейся дополнительной стадией советского избирательного процесса в случае выявления допущенных нарушений и опротестования их результатов. Один из параграфов посвящен сюжету, не связанному напрямую со стадиями избирательного процесса – об участии оппозиционных партий и кандидатов в советских выборах и потенциале политического протеста в избирательных кампаниях, представляется ключевым для понимания причин и методов установления политической монополии

[1191] Речь идет о теоретических подходах представителей структурного функционализма, и концепции Р. Мертона, разработавшего один из наиболее значимых аспектов функционирования социальных систем – влияние разнонаправленных действий на события или поведение людей. Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. №2. С. 5–17. Подробнее во введении в разделе теоретические подходы.

большевиков и оказавшим определяющее влияние на все советские электоральные практики.

Становление практики лишения избирательных прав (1918–1925 гг.). Процесс формирования практики применения советских цензов был достаточно затяжным, и говорить о сложившихся процедурах возможно только к середине 1920-х гг. В научной литературе исчерпывающе изучены процедуры лишения и восстановления в правах и круг лиц, оказавшийся дискриминированным, как на общероссийском, так и региональном уровне после 1926 г., когда процедуры лишения и восстановления в правах окончательно сложились и отражены в многочисленных источниках[1192]. Значительно сложнее реконструировать практики лишения прав в начальный период – в годы Гражданской войны и первой половине 1920-х гг., из-за фрагментарности сведений. Первоначально практики применения избирательных цензов сводились к определению круга «лишенцев», по мере развития института сложились практики, связанные с составлением списков, обжалованием и восстановлением в правах.

При анализе института лишения избирательных прав было зафиксировано, что на этапе формирования советской избирательной системы он использовался как способ ограничения прав свергнутых классов, и должен был выполнять превентивную функцию для отстранения от участия в выборах «классово-чуждых» и вполне реальных противников социалистической революции. На первоначальном этапе большевики не имели четких представлений о назначении и роли этого института в избирательной системе, поэтому ситуативно реагировали на возникавшие вызовы, что предопределило складывание хаотичных местных практик.

[1192] Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально экономических и политических процессов (1921–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Петрищева Н. С. «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?: к вопросу о формировании избирательного законодательства в период «оживления Советов» (на материалах Курской губернии)» // Известия ЮЗГУ. 2012. №4 (43). Ч. 1 С. 59–65; Москаленская Д. Н. Православные священно и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири в середине 1920-х- середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017; Рупасов А. И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 286–289; Юнина Е. А. Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920-1930-х гг. в отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) // Манускрипт. Тамбов, 2020. Т. 13. Вып. 8. С. 64–75; Кожаева А. А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 155–165

[1192] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1870. Л. 60.

В годы Гражданской войны и первые годы нэпа – 1918–1922 гг. определение круга лиц, подлежавших лишению прав происходило на основе инструкций, принятых губернскими и уездными исполкомами. Однако местные инструкции, за редким исключением, не конкретизировали круг «лишенцев», и местным советским и партийным работникам, при их выявлении, в первую очередь приходилось ориентироваться на «классовое чутье» и определять самостоятельно группы населения, участие которых было нежелательным в выборах в Советы.

Первые сведения об определении круга «лишенцев», их численности стали собираться Наркоматом внутренних дел и региональными исполкомами в ходе первых общероссийских избирательных кампаний 1921–1922 гг. Во время Гражданской войны (даже в районах, где выборы в Советы проводились и не велись военные действия), сведения о лицах, лишенных прав, крайне фрагментарны. Региональные исследования показывают отсутствие достоверных данных о процедуре лишения прав в годы Гражданской войны. Д. В. Валуев отмечает, что «в Смоленской губернии поначалу эта мера использовалась как наказание за различные преступления, как политического, так и уголовного характера»[1193]. Однако чаще всего до составления списков «лишенцев» дело не доходило, в случае сопротивления собрания, избранию утвержденных кандидатур, уполномоченные «силовым вмешательством» удаляли с участка «нелояльные элементы»[1194].

Приоритетным принципом при определении круга «лишенцев» в начале 1920-х гг. стала политическая целесообразность, превентивного устранения от участия в выборах групп населения, враждебно или нелояльно настроенных к большевикам. Основной особенностью определения круга лиц, подлежавших лишению прав, в этот период стало произвольное применение статьи 23 Конституции местными властями. Представления о лицах «использующих свои права в ущерб социалистической революции» существенно отличались в различных регионах и городах. По свидетельству М. Ф. Владимирского – заместителя наркома внутренних дел «в некоторых городах не допускались к выборам некоторые категории советских служащих». В Архангельске «местная интеллигенция допускалась до выборов только по

[1193] Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.). Брянск, 2003. С. 57.

[1194] Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений … С. 57; Сикорский Е. А. Борьба за власть в Западном крае (1917–1920 гг.). Смоленск, 2001.

рекомендации всего коллектива учреждения, в котором они работали»[1195]. А. И. Лепешкин объясняет подобное ограничение в избирательных правах сотрудничеством интеллигенции с интервентами[1196]. В Оренбурге не допускались к выборам советские служащие «принадлежащие до 1 января 1919 г. к классу буржуазии»[1197]. В Сибири после окончания Гражданской войны, отстранялись от участия в выборах бывшие офицеры и чиновники армии Колчака, служащие и чиновники учреждений правительства Колчака, сотрудники милиции и контрразведки Колчака[1198]. В ряде регионов существенной специфики при определении круга «лишенцев» не выявлено[1199]. Хотя вероятнее всего, в начале 1920-х гг. специфику не удается выявить не по причине ее отсутствия, а в силу того, что вопросу лишения избирательных прав не уделялось особого внимания в сводках и отчетах о выборах советских и партийных органов.

Развернутое представление о произвольности применения статьи 23 Конституции в регионах, дает переписка Наркомата внутренних дел с губернскими и краевыми исполкомами в 1924 г. Преимущественно местные власти понимали под лицами «использующими свои права в ущерб социалистической революции» различные категории «бывших», которых советские Конституция и инструкции избирательных прав не лишали. Так, Калужский губернский исполком лишил избирательных прав бывших белых офицеров, «50 человек, состоявших ранее в «Союзе русского народа»[1200]. Тихвинский уездный исполком и Тамбовский губисполком сообщали, что лишили прав бывших помещиков и членов их семей[1201]. Нижегородский губернский исполком – «чиновников до пятого класса» [1202]. В ряде случаев исследователи отмечают совершенно произвольные основания для лишения прав – «получение среднего образования в царской гимназии»[1203].

Вторым по популярности основанием лишения прав стали «контрреволюционный настрой» и участие в антисоветских восстаниях. Нижегородский губернский исполком

[1195] Владимирский М. Организация Советской власти на местах. М., 1921. С. 33
[1196] Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М., 1966. С. 203.
[1197] Владимирский М. Организация Советской власти на местах … С. 33.
[1198] ГАНО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 169. Л. 12.
[1199] Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений … С. 57.
[1200] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 8.
[1201] Там же. Л. 12.
[1202] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 14.
[1203] Красников В. В. Лишение избирательных прав при выборах в Советы в 1920-х гг. (на примере избирательных кампаний Тамбовской губерний) // Вестник ТГУ. 2015. № 3 (143). С. 2.

подробно детализировал перечень «неблагонадежных»: «замеченные в контрреволюционных проявлениях до октябрьской революции, а также в годы Гражданской войны, политически неблагонадежные, бывшие крупные лесопромышленники и торговцы, которые по своему идеологическому уклону настроены антисоветски, подстрекатели и активные участники антисоветских восстаний»[1204]. Тамбовский губернский исполком счел настроенными антисоветски: «участников бандитского движения, помещиков, и лиц по своему прошлому, не внушающих к себе доверия»[1205]. В автономной области Коми лишали прав «замеченных в контрреволюционных действиях при занятии местности белогвардейцами во время Гражданской войны, бывших белых и царских офицеров, эмигрантов, прибывших в 1922–23 гг. из Болгарии и Франции, лиц, бывших наемными агентами у белогвардейцев по выдаче последним сведений о семьях красноармейцев»[1206].

Нередкими основаниями для лишения прав по ст. 23 выступали аморальное поведение и принадлежность к семье «лишенца». Так, Вятский губернский исполком сообщал о лишении прав «проституток, картежников и жен торговцев», в автономной области Коми – «замеченных в воровстве, но не осужденных»[1207]. Но наиболее оригинальной следует признать трактовку ст. 23 Конституции Спас-Деменским уездным исполком, он счел нужным лишить прав: «ярых спекулянтов, барышников, самогонщиков, и лиц, принимавших пассивное участие в убийстве милиционера Корнеева»[1208]. Также традиционным было лишение прав инвалидов, глухонемых, тяжело больных граждан. Астраханский губернский исполком объяснил причины лишения прав этих граждан «неспособностью принять участие в избирательных собраниях»[1209]. Вышеприведенные примеры произвольного подхода к применению ст. 23 Конституции делали оправданными действия высших советских органов, направленных на полный запрет расширительного толкования местными властями, начиная с избирательной инструкции 1925 г.

Типичные практики лишения избирательных прав на местах складывалась также со значительными отклонениями от первоначального замысла. Наибольшие проблемы с

[1204] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 14.
[1205] Там же. Л. 15.
[1206] Там же. Л. 103.
[1207] Там же. Л. 10, 103.
[1208] Там же. Л. 13.
[1209] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 44(об).

выявлением «лишенцев» испытывали в сельской местности. Типичным явлением первой половины 1920-х гг., зафиксированном в отчетах по обследованию выборов, стало отсутствие «лишенцев» в селах, местные власти сообщали: «у нас кулаков нет, все крестьяне трудовые и лишать прав некого»[1210]. В информационном отчете ответственного секретаря Смоленского райкома РКП(б) Канаева, направленного в Бийский уездный комитет РКП(б) 18 октября 1924 г., приводились сведения по каждому, входящему в этот район селу, из которых следовало, что в трех из девяти селах не оказалось ни одного человека, лишенного избирательных прав[1211].

Однако поскольку вышестоящие органы требовали выявления лиц, подлежавших лишению прав, низовые избиркомы и Советы лишали прав в первую очередь наиболее слабых и беззащитных граждан. Так, широко распространенным являлось причисление к «лишенцам» пожилых людей, глухонемых, слепых, инвалидов[1212]. Нередко при лишении прав использовались и моральные критерии, и тогда лишали прав «замеченных в самогонокурении, а иногда и просто в пьянстве»[1213].

Большое влияние на практику лишения прав на местах оказывали личные отношения, с помощью лишения прав сводились личные счеты, лишались прав конкуренты или оппоненты на выборах в Советы (прежние председатели сельсоветов или волисполкомов, критиковавшие действовавших членов Советов)[1214]. И напротив, распространенными были ситуации, когда членам избирательных комиссий не хотелось лишать прав наиболее уважаемых, авторитетных односельчан, хотя и зажиточных (подлежавших лишению прав). В городах также сказывался человеческий фактор, у членов горизбиркомов были соседи, сослуживцы, родственники, которых лишать гражданских прав не хотелось[1215].

Как оценить практики лишения избирательных прав, складывавшиеся в первой половине 1920-х гг.? Очевидно, что при применении советских избирательных цензов допускались как преднамеренные, так и непреднамеренные ошибки. Сознательные искажения приводили к дискриминации самых слабых и беззащитных граждан, непреднамеренные ошибки были обусловлены низкой квалификацией членов

[1210] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 305.
[1211] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 134. Л. 104-105(об).
[1212] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 134. Л. 7.
[1213] ГАНО. Ф.Р.1228. Оп. 1. Д. 67. Л. 15; Ф.2-П. Оп. 1. Д. 2582. Л. 8; Д. 2790. Л. 50. Д. 2583. Л. 6.
[1214] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 307.
[1215] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 305–307.

избиркомов, незнанием избирательного законодательства его неправильной трактовкой. Однако несмотря на хаотичность и разнообразие складывавшихся практик определения круга лиц, лишенных избирательных прав в первой половине 1920-х гг., большая часть из них вполне вписывалась в превентивную функцию советских цензов – отстранения от участия в выборах групп населения, враждебно или нелояльно настроенных к большевикам.

Произвольное определение круга «лишенцев» местными властями в первой половине 1920-х гг. не привело к радикальному увеличению их численности, лишение избирательных прав не стало массовым. В кампании 1922–1924 гг. численность сельских «лишенцев» составила немногим более процента от взрослого населения.

При установлении численности лиц, лишенных избирательных прав следует иметь ввиду приблизительность показателей из-за крайне низкого качества избирательной статистики в первые годы советской власти. Первые фрагментарные статистические данные о «лишенцах» по РСФСР появились только в 1922 году. Согласно сведениям НКВД, в сельской местности в 1922 г. было устранено от выборов 1,4 % населения[1216]. Сведения о численности лиц, лишенных избирательных прав, в кампанию 1922 г. была ориентировочной, поскольку данные представлялись лишь несколькими губерниями и городами. Численность «лишенцев» в сельской местности оценивалась в 800 тыс. чел., в городах – около 300 тыс. чел.[1217] Сведения о распределении по группам лиц, ограниченных в правах, имелись только по Пензенской губернии, среди «лишенцев» преобладали торговцы, и лица, жившие на нетрудовой доход – 41,8 %, священнослужители – 19,7 %, осужденные судом – 19,0 %, служащие царской полиции – 15,5 %[1218].

Хотя общая численность «лишенцев» была небольшой, она существенно варьировалась по регионам. По выборке, проанализированной сотрудником статистического отдела НКВД – С. М. Гурвичем, доля «лишенцев» в сельской местности в 1922 г. колебалась от 0,4 % в Ветлужском уезде Нижегородской губернии до 7,2 % взрослого населения в Симферопольском уезде Крымской республики[1219]. Наибольшее число «лишенцев» зафиксировали в Крыму и Кубано-

[1216] ГАРФ. Ф.Р.- 393. Оп.1а. Д. 156. Л. 16–20; Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 5.
[1217] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 5.
[1218] Гурвич С. М. Сельсоветы, волисполкомы и волостные съезды Советов (по данным выборов 1922 г.) // Власть Советов.1923. № 6–7. С. 110.
[1219] Там же. С. 107–122.

Черноморской губернии, наименьшее – в Костромской, Рязанской, Нижегородской губерниях. По отдельным городам в 1921–1922 гг. число «лишенцев» составляло от 4 до 12 %[1220]. Столь значительные колебания обуславливались не только ретивостью местных властей, но и различным соотношением социальных групп, отношением к большевикам в различных регионах и городах. Если в Костромской и Рязанской губерниях не наблюдалось откровенно враждебного отношения к новой власти, а также отсутствовали значительные группы зажиточных крестьян, соответственно и число отстраненных от выборов не превышало одного процента. Напротив, только окончившаяся Гражданская война, массовые антисоветские настроения, значительная доля зажиточного казачества и крестьянства в Кубани и Крыму, вынуждали местные власти отстранять от участия в выборах значительные группы населения (от 5 до 7 % взрослого населения)[1221].

В избирательные кампании 1923 и 1924 гг. выяснение общего числа «лишенцев» как в целом по РСФСР, так и по отдельным губерниям, представляет существенную проблему из-за низкого качества электоральной статистики, сведения, опубликованные в различных сборниках и публикациях сотрудников НКВД, довольно существенно разнятся. По информации сборников, изданных в 1924 и 1926 гг., численность корпуса отстраненных от выборов в сельской местности оставалась стабильной в 1923 и 1924 гг., составляя 1,3 % от взрослого населения[1222]. В публикации сотрудника статистического отдела НКВД С. Гурвича указывается, что в 1923 г. было устранено от участия в выборах 1,4 %, в 1924 г. – 1,6 %[1223]. Сведения в абсолютных показателях разнятся еще более существенно. В статистическом сборнике 1926 г. указывается, что численность «лишенцев» в 1924 г. составила 541 тыс. чел., а в статистическом сборнике 1924 г. – «около 800 тыс.», в публикации сотрудника НКВД – «приблизительно 700 тысяч чел.»[1224]

В структуре сельских «лишенцев» в 1923–1924 гг. преобладали торговцы, предприниматели, жившие на нетрудовой доход, составляя 39,9 % и 37,6 %

[1220] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 2–125. Оп. 35. Д. 5. Л. 120–363.

[1221] Серокурова Л. А. Указ. соч. С. 16; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 2003. С. 18.

[1222] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 6–7; Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 5.

[1223] Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924–1925 гг. // Власть Советов. 1925. № 11. С. 10.

[1224] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 6–7; Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 5; Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924–1925 гг. … С. 10.

соответственно. Представители духовенства составляли 18,1 % и 20,5 %, осужденные – 19,0 % и 9,4 %. Электоральная статистика 1924 г. показывает существенное увеличение доли «бывших» – 30,1 % против 10,1 % в 1923 г. Это произошло не только за счет расширения круга «бывших», подпавших под лишение прав, но и в силу изменения порядка подсчета этой категории. До 1924 г. отдельно подсчитывались служащие царской полиции и лишенные прав за «ущерб социальной революции, ст. 23 Конституцией» в 1923 г.[1225]

Впервые в кампанию 1923 г. НКВД обобщил сведения и по городским «лишенцам», их общее число составило 8,2 % от взрослого городского населения. В кампанию 1924/25 г. в городах РСФСР статистика показала уменьшение числа «лишенцев», поскольку считалось без данных по Москве и Ленинграду – 5,1 % (302 тыс. чел.). Среди городских «лишенцев» преобладали торговцы, предприниматели и жившие на нетрудовые доходы, составив в 1923 г. – 73,5 %, в 1924 г. – 76,9 %. В 1924 г. увеличилось число «бывших» с 4,2 % до 11,7 %. Число представителей духовенства оставалось почти стабильным – 6,5 % в 1923 г. и 5,2 % в 1924 г.[1226]

Несмотря на отмеченные погрешности статистики, тенденции характерные для кампании 1922 г. оказались характерны и для кампаний 1923 и 1924 гг.: при относительно небольшой численности «лишенцев» в сельской местности и городах, наблюдались довольно значительные колебания по различным регионам. Так, если в большинстве губерний численность сельских «лишенцев» в 1923 – 1924 гг. составляла от 0,8 до 1,6 %, то в Дальневосточном крае – 5,0 %, Бурят-Монгольской автономной республике – 4,3 %[1227].

Процедуры, сопровождавшие лишение прав, в первой половине 1920-х гг. реализовывались в предельно упрощенной форме. Наиболее распространенной практикой было составление и оглашение списков «лишенцев» накануне или в день выборов[1228]. Нередкими были случаи обсуждения и определения круга «лишенцев» непосредственно на избирательных собраниях, либо на общих сельских сходах. Так, секретарь райкома РКП(б) А. Муравник в докладе от 12 ноября 1924 г. «о перевыборах

[1225] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 5; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 6–7.

[1226] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 5, 14; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 42–43.

[1227] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 6–7, 74–75.

[1228] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 305–307.

сельсоветов и райисполкома в Анжеро-Судженском районе» сообщал: «списки лиц, лишенных прав повсеместно рассматривались на общих сельских собраниях, где таковые и составлялись по каждому сельсовету отдельно»[1229]. В большинстве случаев ограничение избирательных прав не сопровождалось составлением списков, тем более документальным обоснованием, как того требовало избирательное законодательство[1230]. Заблаговременное составление, оглашение списков «лишенцев» являлось настолько редким явлением, что в отчетах такие факты вызывали немалое удивление проверявших. Сотрудник НКВД, проверявший выборы во Владимирском уезде, сообщал, что «только в одном из двадцати сел, были составлены списки лишенцев за двенадцать дней и вывешены на здании сельсовета»[1231].

Несмотря на упрощенную процедуру составления списков и достаточно произвольный подход местных властей к определению круга «лишенцев» в первой половине 1920-х гг., массовых жалоб на лишение прав не наблюдалось. Общей статистики по поступившим жалобам не велось ни НКВД, ни региональными исполкомами. Так, Владимирский уездный исполком в 1924 г. сообщал в НКВД о семи поступивших жалобах на неправильное лишение прав[1232]. В отчете Славгородского уездного комитета РКП(б) за 1924 г. также констатировалась малочисленность жалоб: «с города поступило одно заявление, с уезда ни одного»[1233].

Как представляется, отсутствие массовых жалоб «лишенцев» в первой половине 1920-х гг., объясняется несколькими причинами. Главной из них стала немногочисленность самих «лишенцев». Значимым фактором также являлось отсутствие дополнительных ограничений социально-экономических прав «лишенцев» (они начали вводиться только с конца 1924 г.)[1234]. Лишение избирательных прав в этот период выполняло свою первоначальную функцию, являясь мерой ограничения политических прав. Гражданин, лишенный избирательных прав, не мог участвовать в выборах и служить в Красной армии, но он продолжал работать, мог проживать в муниципальном жилье, его дети посещали учебные заведения и т.д. Одним словом,

[1229] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 156. Л. 160.
[1230] ГАРФ.Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 16–20.
[1231] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 37.
[1232] Там же. Л. 42
[1233] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 134. Л. 160.
[1234] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 134, 135

ограничения не являлись критичными для обыденной жизни человека, и потому многие не проявляли активности при подаче жалоб и апелляций на восстановление в правах.

Немаловажное значение имела и неурегулированность процедуры восстановления в правах. Напомним, что эта процедура была введена в законодательство только в 1924 г., при этом восстановление в избирательных правах для различных категорий «бывших» не предусматривались вплоть до 1926 года. Как на центральном, так и на региональном уровне процедура восстановления в правах была чрезвычайно сложная и запутанная. На местном уровне постоянно возникали конфликты из-за неопределенности органов, которые должны были рассматривать жалобы «лишенцев» в период между выборами. НКВД настаивал на рассмотрении жалоб подчинявшимися ему подразделениями – губернскими и уездными административными отделами, ВЦИК – губернскими и уездными исполкомами и избиркомами[1235]. В итоге, вплоть до 1926 г. в различных регионах порядок рассмотрения был различным, но чаще в нем участвовали местные административные отделы[1236].

В кампанию 1925/26 г. на практику лишения избирательных прав оказывали влияние две основные тенденции. Первая была связана с запретом применения 23 статьи Конституции местными властями. Впервые в эту кампанию Центральная избирательная комиссия начала пресекать лишение прав по произвольным мотивам местными властями[1237]. Другая тенденция была связана с расширением круга избирателей и активизацией процесса восстановления. В связи с общей либерализацией избирательного законодательства, произошло сужение круга «лишенцев», что повсеместно привело к снижению их числа.

Хотя общая численность «лишенцев» в РСФСР снизилась в кампанию 1925/26 г. как в сельской местности, так и городах, составляя около процента в деревне (416 тыс. чел.) и 4,8 % – в городах (284, 6 тыс. чел.)[1238], в различных регионах процесс определения круга «лишенцев» был неоднородным и имел некоторые отличия. В большинстве губерний в сельской местности, действительно, их доля среди взрослого населения снизилась, и в некоторых регионах весьма существенно. Наибольшее понижение числа «лишенцев» произошло в Ойротской автономной области с 8,5 до

[1235] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 97.
[1236] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 97–127, 306–309; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 59. Л. 109.
[1237] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 2–5.
[1238] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 6–7, 42–43.

0,7 %, в Дальневосточном крае – с 5,0 % до 0,8 %, в Бурят-Монгольской АССР – с 4,3 до 2,8 %, в Уральской области – с 1,9 до 0,8 %, Сталинградской губернии – с 2,0 % до 1,0 % и Вологодской губернии – с 1,9 до 0,9 %[1239]. Значительное понижение численности «лишенцев» в 1925 г. отмечает В. В. Красников в ряде уездов Тамбовской губернии: «в Борисоглебском уезде с 8212 до 2311, по 8 волостям, Липецкого уезда с 3066 до 1887»[1240]. В большинстве губерний процент «лишенцев» снизился не столь существенно в пределах 0,1 – 0,5 %. В ряде регионов доля «лишенцев» осталась неизменной (Владимирская, Вятская, Костромская, Рязанская и Сибирский край)[1241]. В шести регионах произошло даже некоторое увеличение численности «лишенцев», например, в Ульяновской губернии – с 1,1 % до 1,6 %, в Новгородской губернии – с 0,6 % до 1,3 %, Нижегородской губернии – с 1,1 % до 1,5 %, в Астраханской – с 1,5 % до 1,9 %[1242]. Увеличение численности местные власти объясняли «улучшившимся учетом лишенцев».

В городах РСФСР в кампанию 1925/26 г. также произошло общее снижение числа «лишенцев». Однако, в городах, как и в сельской местности, процесс был неоднородным. Фактически, уменьшение числа лиц, ограниченных в правах затронуло только средние и крупные города. В губернских центрах и уездных и окружных городах численность «лишенцев» снизилась на 0,5 %. В небольших провинциальных городах, напротив, их число существенно увеличилось с 6,8 % до 8,2 %[1243]. Последний факт также объяснялся улучшением учета избирателей и лиц, лишенных прав[1244].

Исключение некоторых групп населения из числа «лишенцев» и появление процедуры восстановления в правах в кампанию 1925/26 г. привело к активному отстаиванию прав гражданами. Активизация апелляций наблюдалась как на региональном, так и центральном уровне. Центризбирком при Президиуме ВЦИК рассмотрел 469 жалоб, поступивших на несправедливое лишение или на восстановление в правах в избирательную кампанию 1925/26 г.[1245] Общей сводки по числу поступивших апелляций по регионам не составлялось, однако в региональных отчетах отмечалось

[1239] Там же. С. 6–7.

[1240] Красников В. В. Лишение избирательных прав при выборах в Советы … С. 4.

[1241] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 6–7; Красников В.В. Лишение избирательных прав при выборах … С. 3.

[1242] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 6–7.

[1243] Там же. С. 236–239.

[1244] Там же. С. 43

[1245] ГАРФ. Ф.Р.- 1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 321, 322; Оп. 106. Д. 521. Л. 184.

увеличение числа поступивших жалоб. Как отмечалось в отчете Славгородского уездного комитета РКП(б), за 1925 г. «количество жалоб, по сравнению с прошлой кампанией, значительно увеличилось, если в прошлый раз с города поступило одно заявление, а с уезда ни одного, то в эти перевыборы пришлось разбирать поступивших с города 14 и с уезда 17»[1246]. Конечно, эти цифры кажутся ничтожными по сравнению с последующими кампаниями, в 1926/27 г. поток жалоб увеличится в десятки раз[1247].

Несмотря на появление регламентированной процедуры восстановления в правах, по-прежнему распространенной практикой оставалось рассмотрение жалоб и восстановление в правах не после подачи заявления в избирком, а непосредственно на перевыборном собрании или сельском сходе[1248]. Избирательная кампания 1925/26 г. была последней, когда в виду небольшого числа «лишенцев» и поступавших от них заявлений о неправильном лишении, жалобы разбирались оперативно. Инструктор ВЦИК, проверявший ход избирательной кампании в декабре 1925 г. в Саратовской губернии отмечал, что «разбор жалоб происходит по мере поступления на каждом заседании избирательной комиссии»[1249]. Аналогичные наблюдения были и в Благовещенском и Владимирском горизбиркомах[1250]. Так, во Владимирскую городскую избирательную комиссию в 1925 г. поступило 36 жалоб от «лишенцев», которые были рассмотрены на четырех заседаниях избиркома[1251].

Практики лишения избирательных прав во второй половине 1920-х гг. – первой половине 1930-х гг. Ситуация с лишением избирательных прав на местах принципиально изменилась в кампанию 1926/27 г. Анализ практики реализации избирательных цензов в кампании 1926/27 и 1928/29 г., и многочисленные региональные исследования, посвященные лишению избирательных прав, показывают, что местные власти столкнулись с серьезными проблемами при определении круга «лишенцев»[1252]. Эти сложности были вызваны расширением круга лиц, подлежавших

[1246] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 699. Л. 371.
[1247] ГАРФ. Ф.Р.- 1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 184.
[1248] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 680. Л. 81–85; Д. 664. Л. 192–197; Д. 689. Л. 12–15;
[1249] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 2.
[1250] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 191; Д. 154. Л. 37.
[1251] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 37(об).
[1252] Москаленская Д. Н. Православные священно и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири …; Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей …; Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии …; Рупасов А. И. Указ. соч. С. 286–289; Петрищева Н.С. «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак? … С. 59-65; Прохоров М. Ф. «Лишенцы» западного предместья Москвы конца 20-х–первой половины 30-х годов XX века. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15. № 4. С. 92–115; Серокурова Л. А. Указ. соч.

лишению прав, обусловленные общеполитическими переменами в отношении «нетрудовых» элементов и одновременными попытками унификации практики реализации избирательных цензов центральными органами.

Несмотря на разъяснения Центризбиркома и ВЦИК, формулировки избирательной инструкции сопровождались большим количеством исключений, оставаясь абстрактными и малопонятными низовым избиркомам. Наибольшие трудности вызывало определение условий применения наемного труда и извлечения нетрудового дохода. Низовым избиркомам на практике предстояло отделить кулака от середняка, «трудового кустаря» от «эксплуататора», они просили ввести ясные критерии для определения кулаков и торговцев, с указанием количества скота, земли, работников и других понятных им условий.

Сводки партийных, советских органов, ОГПУ констатировали в кампанию 1926/27 г. наличие «массовых ошибок» при определении круга лиц, подлежавших ограничению в правах. Среди них отмечались и «курьезные» факты лишения, когда уже традиционно недостойными избирательных прав оказывались больные, престарелые, глухонемые, хулиганы, бузотеры, пьяницы и т.п.[1253] Курьезными подобные лишения оказывались лишь отчасти, сельизбиркомы, с одной стороны, стремились увеличить число «лишенцев» за счет наиболее социально незащищенных граждан (пожилых, больных граждан), с другой – отстранить от выборов наиболее неспокойный контингент – «бузотеров», задающих неудобные для власти вопросы на избирательных собраниях.

Наиболее массовыми стали нарушения, допускаемые из-за неправильного понимания инструкции. В селе Ровное-Владимирское Самарской губернии вопрос о применении наемной силы определили следующим образом: «кто имел наемную силу, хотя бы и временную, значит эксплуататор»[1254]. В Воронежской губернии лишили прав крестьянина бедняка, за «скупку яиц для местного кооператива прошлым летом»[1255]. В Рязанской губернии лишили прав крестьян, имевших в хозяйстве двух коров[1256]. В Сибири лишали прав «за дореволюционную состоятельность», «за продажу сена в 1916 году» и т.д.[1257]

[1253] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1099. Л. 85–88; Д. 1101. Л. 17–39; Д. 1121. Л. 62–67.
[1254] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 44.
[1255] Там же. Л. 46.
[1256] Там же. Л. 50–51.
[1257] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1121. Л. 65.

Нередкими оставались факты сознательного нарушения избирательной инструкции, также хорошо известные по прошлым выборам. В качестве мотивации могли выступать личная приязнь или неприязнь, месть, родственные связи, дружеские отношения и банальный подкуп. Такого рода нарушения допускали в первую очередь сельские избиркомы, членам которых тесные семейные и соседские узы зачастую не позволяли объективно подойти к вопросу лишения прав. Как отмечалось в докладной записке по работе избиркомов по лишению избирательных прав, составленной информационным отделом ОГПУ 8 февраля 1927 г. «неясность пунктов избирательной инструкции усугублялось нежеланием вносить в списки односельчан (чтоб не портить взаимоотношений)»[1258].

При этом проблемы с определением круга «лишенцев» испытывали не только низовые избиркомы. Критерии лишения избирательных прав оставались неясными районному и окружному звену. Примечательными являлись наблюдения ответственного инструктора Сибкрайисполкома И. Хамармера о процессе лишения прав в Кузнецком округе в 1927 г.: «в части лишения избирательных прав во всех округах дело обстоит не совсем благополучно. Кузнецкий окризбирком этой частью недостаточно твердо руководил, что видно хотя бы из того, что в своем постановлении от 24 января 1927 г. окризбирком признает, что для нее (комиссии) не ясны отдельные пункты инструкции по части лишения избирательных прав, и это рассылается в районы и райизбирком читая, что сам окризбирком не в состоянии хорошо разобраться в инструкции, усыпили свою внимательность к этому вопросу, мол, округ не знает кого лишать, ну, а мы люди маленькие, с нас и не спросится»[1259].

Если окружные избирательные комиссии, в обязанности которых входил разбор жалоб и контроль деятельности нижестоящих избиркомов, испытывали сложности с пониманием критериев определения круга «лишенцев», то чего следовало ожидать от всех остальных? Не случайно на заседании Сибирского краевого избиркома 14 февраля 1927 г. отмечалось, что «районные избирательные комиссии с трудом разбираются в 15–16 статьях (*статьи об определении круга лишенцев.- Авт.*) инструкции ВЦИК»[1260].

[1258] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 52.
[1259] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1392. Л. 43.
[1260] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1775. Л. 35.

Председатели отдельных сельских избиркомов даже выражали несогласие с необходимостью лишать избирательных прав крестьян[1261].

Не меньшие сложности возникали при определении категорий «бывших» и священнослужителей. Как отмечалось выше, ряд исполкомов, расположенных на востоке страны выступали против лишения прав бывших белых офицеров из-за проблем с обеспечением кадрового состава регионального аппарата. Низовые избиркомы, не понимая смысла примечания в инструкции об «активном участии в вооруженной защите советских республик» бывшими белыми офицерами[1262], зачастую лишали избирательных прав всех, кто служил в белых армиях, включая рядовой состав, призванных по мобилизации, и тех, кто впоследствии служил в Красной армии[1263]. Расширительное толкование категорий «бывших» приводило к лишению прав ветеринаров, агрономов, врачей, учителей, всех бывших служащих земских учреждений и т.д.[1264] А. И. Рупасов, изучавший «лишенцев» Ленинграда отмечает, что после окончания Гражданской войны многие офицеры царской и белых армий, высокопоставленные царские чиновники вполне успешно адаптировались в советском аппарате и лишь в 1926 г. были массово лишены прав[1265]. ОГПУ в докладной записке высказывалось против огульного лишения прав всех бывших белых офицеров и всех бывших служащих царского аппарата, полагая, что «они добросовестно служат советской власти, и лишение прав вызывает нездоровые явления в их среде, что весьма нежелательно по политическим соображениям»[1266]. Учитывая заинтересованность руководства регионов в высококвалифицированных специалистах из числа «бывших» и их настойчивость в отстаивании своих прав, большинство из них в 1927 г. смогли добиться восстановления в правах.

Расширение круга категории священнослужителей за счет вспомогательного персонала, на практике привело к лишению прав старост и членов религиозных общин, послушниц в монастырях, а также лиц, когда-либо служивших в церквях (в т.ч. до

[1261] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1882. Л. 43.

[1262] Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1926. №66. Ст. 501; Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»// СУ РСФСР. 1926. №75. Ст. 577.

[1263] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 47.

[1264] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д.205. Л. 46–52; ГАРФ. Ф.Р.-3316. Оп. 20. Д. 964. Л. 3.

[1265] Рупасов А. И. Указ. соч. С. 284–285.

[1266] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 42

революции) [1267]. ОГПУ высказывало обеспокоенность по поводу массового лишения прав в Рязанской и Самарской и Тамбовской губерниях интеллигенции, являвшихся взрослыми, детьми священников или «бывших»[1268]. Так, в Рязанской губернии сочли нужным лишить прав «учительниц как дочерей попов»[1269].

Из-за несогласованности в работе налоговых органов и избирательных комиссий оказались лишены прав все лица, выбиравшие патенты, включая заведующих магазинами и лавками кооперативных организаций[1270]. Изменение условий лишения прав кустарей, также вызвало массу сложностей у горизбиркомов с определением трудового характера кустарного производства. В итоге, во многих городах РСФСР, несмотря на то, что кустари и кузнецы не использовали наемный труд, оказались лишены избирательных прав. Наиболее массовые жалобы на лишение прав от кустарей поступали из Саратова, Орла, Арзамаса, Нижнего Новгорода, Шадринска и Ачинска[1271]. Вероятно, члены горизбиркомов решили перестраховаться, и во избежание обвинения «в правом уклоне» лишить всех мелких городских собственников.

Анализ практики лишения избирательных прав в изменившейся политической ситуации показывает массовые нарушения при определении круга «лишенцев» на местах, мало отличавшиеся от предыдущих избирательных кампаний. Несмотря на изменившиеся требования со стороны центральных властей, на местах ситуация не изменилась. Основной причиной допущенных ошибок при определении круга «лишенцев» стала некомпетентность членов избиркомов всех уровней. Для того, чтобы ориентироваться в постоянно изменяющемся избирательном законодательстве и знать все тонкости инструкций, были необходимы квалифицированные, образованные работники, но таковые в лучшем случае имелись в окружных, губернских и краевых избиркомах.

Другой причиной являлся радикальный настрой ряда низовых избиркомов и исполкомов против мелких собственников города и деревни и различных категорий «бывших». Это явление в советских сводках называли «левым» или «комбедовским» уклоном, который в первую очередь был характерен для сельских избиркомов. ОГПУ

[1267] Москаленская Д. Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х–середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 85.

[1268] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 46–47.

[1269] Там же. Л. 47.

[1270] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 46, 131–132.

[1271] Там же. Л. 133–135.

фиксировало реализацию социальной розни между бедняками и зажиточными крестьянами через механизм лишения избирательных прав. Избирательные комиссии, преимущественно состоявшие из бедняков, выражали одобрение расширения круга «лишенцев», и стремились причислить к их числу не только зажиточных крестьян, но и большинство середняков. В итоге, доля «лишенцев» в таких деревнях нередко доходила до 30–50 % от взрослого населения[1272]. Региональные исследователи показывают, что местные работники исключительно позитивно восприняли курс на ужесточение политики в отношении мелких хозяев города и деревни[1273]. В кампанию 1926/27 г. высшие советские и партийные органы оценивали подобные факты как «левый перегиб», считая его вредным, нагнетающим в деревне атмосферу враждебности середняка к советской власти[1274].

Расширение круга «лишенцев» привело к существенному росту их численности как в целом по РСФСР, так и по отдельным регионам. Как и в предыдущую избирательную кампанию, численность «лишенцев» в 1927 г. значительно варьировалась в различных городах и губерниях. В сельской местности РСФСР число «лишенцев» выросло на 334,3 % (более чем в три раза), составив 1 млн. 390 тыс. чел. (3,3 % от населения старше 18-ти лет). При этом минимальной доля «лишенцев» была в Северо-Двинской губернии – 1,1 % и Коми-Пермяцком округе – 1,1 %. Наибольшее число «лишенцев» выявили в Северо-Кавказском крае – 6,0 %, при этом в Донском округе Северо-Кавказского края лишены прав были 8,8 % взрослого населения[1275].

В городах РСФСР число «лишенцев» также возросло более чем в два раза (на 207 %), составив 590 тыс. чел. (6,9 % от взрослого населения городов). Наибольшее число лишили прав в небольших провинциальных городах с численностью до 10 тыс. чел. – 8,7 %, с преобладающим непролетарским населением. Наименьшим процент «лишенцев» был в крупных городах – краевых и областных центрах, составляя 6,2 % от

[1272] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 46–48.

[1273] Петрищева Н. С. «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?» … С. 64; Рупасов А. И. Указ. соч. С. 284–285.

[1274] Полуян Я. Результаты перевыборов Советов 1927 года // Власть Советов. 1927. № 30. С. 1–3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 163–168.

[1275] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. Статистический сборник. М., 1930. С. 12–13, С. 84–86.

взрослого населения[1276]. Исключение составил Ленинград, где значительным было число различных категорий «бывших» – 7,4 %[1277].

В избирательную кампанию 1926/27 г. на местах повсеместно стали уделять внимание процедурной стороне лишения прав: составлению списков, рассмотрению жалоб, ведению учета. Хотя процедура составления списков «лишенцев» и документального обоснования включения в список, не претерпела существенных изменений по сравнению с 1925 г., но на практике реализовывалась впервые именно в кампанию 1926/27 г. Как отмечалось выше, фактически списки «лишенцев» составлялись только в городах, являясь экзотикой в сельской местности, нередко вопрос о лишении прав решался непосредственно на избирательном собрании. Делопроизводство на лиц, лишенных прав не велось ни в городах, ни в сельской местности[1278].

Проверки вышестоящих органов показывали несоблюдение сроков составления списков и отсутствие документального подтверждения. В соответствии с инструкцией, списки подлежали оглашению не менее, чем за 20 дней до выборов. Однако на практике в лучшем случае составлялись за неделю, а в ряде случаев в сельской местности оглашались или вывешивались накануне проведения избирательных собраний[1279]. Помимо медлительности членов избирательных комиссий, поздно приступавших к проверке и составлению списков «лишенцев», одной из главных причин нарушения сроков являлась несогласованность действий организаций, обязанных представлять соответствующие сведения в избиркомы. Окружные, районные и городские избиркомы постоянно жаловались на непредставление документов ОГПУ, финансовыми инспекциями, милицией, здравотделами и другими организациями, необходимых для составления списков «лишенцев»[1280]. Так, в Омске милиция, не только не помогала избирательной комиссии выявлять «лишенцев», но и не подала список осужденных за 1926–1927 гг.[1281]

[1276] ГАРФ. Ф.Р.1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 5

[1277] ГАРФ. Ф.Р.1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 7–8.

[1278] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1083. Л. 85–93; Д. 1085. Л. 5–17; Д. 1089. Л. 57–69.

[1279] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1092. Л. 271–286; Д. 1095. Л. 34–51.

[1280] ГАНО. Ф.Р.-47. Оп. 1. Д. 499. Л. 62(об)–64.

[1281] Там же. Л. 109.

Совершенно новой в кампанию 1926/27 г. для избиркомов была задача по ведению учета «лишенцев». Вышестоящие избиркомы и партийные органы отмечали недостатки в этой области, но никаких особых мер пока не предпринимали. Например, на заседании пленума Омского окружкома ВКП(б) 12 января 1927 г. констатировали, что «учет лиц, лишенных избирательных прав в Омске, имеет бессистемный, случайный характер»[1282]. Учет «лишенцев» серьезно осложнялся общими проблемами с учетом избирателей как в городской, так и сельской местности.

В связи с увеличившимся числом «лишенцев» в кампанию 1926/27 г. резко вырос поток жалоб на неправильное лишение и ходатайств о восстановлении в избирательных правах[1283]. Как показывают региональные исследования, из-за отсутствия общей статистики по жалобам в низовые избиркомы, установить их точное число не представляется возможным[1284]. Так, данные по районным избиркомам в Сибири – фрагментарны, число добившихся восстановления в правах уже на районном уровне составляло около трети. Проверявший работу районных избиркомов в Кузнецком округе ответственный инструктор Сибкрайисполкома И. Хамармер, в докладе от 20 февраля 1927 г. отмечал, что по разным районам было восстановлено от 28,3 до 39,3 %[1285]. Избиркомы округов вели более точную статистику, по их данным в 1927 г. до окружных избиркомов доходило около 20–25 % жалоб «лишенцев». Ходатайствовали они не напрасно, в среднем около трети смогли восстановиться в правах. По данным 15 сибирских округов, окружными избиркомами было удовлетворено 2338 жалоб, доля восстановленных составила от 10 до 63 %[1286].

Сроки рассмотрения жалоб на восстановление в правах не соблюдались на всех уровнях. Центризбирком, подводя итоги рассмотрения жалоб в 1927 г. констатировал: «на местах мало уделяется внимания восстановлению в правах, работа ведется не систематическая, а компанейская, рассмотрение жалоб носит повсеместно затяжной характер. Сроки, установленные инструкцией, нигде не соблюдаются. Зачастую восстановление идет до новых выборов. Обычный срок прохождения составляет от 6 до 18 месяцев, а окончательное решение выносится через 2–3 года»[1287].

[1282] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1381. Л. 245.
[1283] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 521. Л. 184.
[1284] Рупасов А. И. Указ. соч. С. 284–285; Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии … С. 18.
[1285] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1.Д. 1390. Л. 44.
[1286] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1803. Л. 242.
[1287] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 256.

Представляется, что сроки рассмотрения искусственно затягивались из-за непродуманности процедуры рассмотрения жалоб в избирательном законодательстве. Напомним, что многостепенный порядок рассмотрения жалобы предусматривал обязательное решение вышестоящих избирательных комиссий в случае отказа в удовлетворении ходатайства лишенца. Представители краевых, губернских избиркомов и исполкомов многократно отмечали, что порядок, созданный с целью контроля за деятельностью низовых избиркомов не оправдал себя, поскольку по существу материалы дела рассматривались только низовыми избиркомами, а уездные или окружные избиркомы автоматически утверждали постановление районного, волостного или городского избиркома[1288].

Избыточно сложным и чрезвычайно затяжным оказался на практике и особый порядок восстановления в правах бывших полицейских и белых офицеров, требовавший принятие постановления Президиума ВЦИК. Практика большинства губернских, областных и краевых исполкомов показала, что подобный механизм рассмотрения дел «бывших» затягивает на месяцы рассмотрение их ходатайств[1289]. В итоге, Постановлениями Президиума ВЦИК от 14 февраля 1927 г. и от 28 февраля 1927 г. восстановление в избирательных правах двух наиболее массовых категорий «бывших» (низших служащих полиции и бывших белых офицеров) было передано на уровень региональных исполкомов[1290].

В целом, трехкратное увеличение численности «лишенцев» в РСФСР в кампанию 1926/27 г. показало неготовность советского аппарата реализовывать процедуры, связанные с лишением избирательных прав: своевременно составлять списки и рассматривать жалобы, документально обосновывать лишение прав, вести учет. Определение круга «лишенцев» по новой инструкции вызвало серьезные проблемы как у избирательных комиссий низового уровня, так и районного и окружного звена.

Круг «лишенцев» в избирательную кампанию 1928/29 г. предстояло определять в условиях действия чрезвычайных мер «решительного наступления на кулака». Основной задачей местных советских и партийных работников при лишении прав стала «полная изоляция частно-капиталистические элементов города и деревни от

[1288] Кудрявиньков Н. О некоторых неясностях в инструкции ВЦИК о перевыборах Советов // Власть Советов. 1927. № 1. С. 10–11; Жалобы лишенцев // Власть Советов. 1928. № 2. С. 21–22; Лишение избирательных прав (по жалобам лишенцев в Центризбирком) // Власть Советов. 1928. № 46. С. 8–10.

[1289] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 235. Л. 49, 50, 50 (об).

[1290] Там же. Л. 39.

участия в выборах»[1291]. Реализация процедуры лишения избирательных прав являлась важной частью политики «классового противостояния» городского и сельского пролетариата с «растущими капиталистическими элементами»[1292]. При всех политических и экономических изменениях, определение круга «лишенцев» предстояло осуществлять на основании инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г., принятой в предыдущую избирательную кампанию.

Несмотря на предпринятые административные усилия работников вышестоящих исполкомов и избиркомов накануне выборов 1928 г., практики лишения прав остались практически неизменными. Как и ранее при определении круга фиксировались курьезные ошибки, ошибки от непонимания инструкции и вполне сознательные нарушения. Сводки местных исполкомов и партийных комитетов, сообщения прессы пестрели огромным числом подобных примеров[1293]. В Бежицком уезде Брянской губернии «лишено прав 11 человек за выступления с критикой сельсовета, один лишен по подозрению в воровстве, один – как алкоголик и один – за то, что он еврей»[1294]. В Армавирском округе среди оснований лишения прав значились: «не лоялен к советской власти, укрыл посев, не проявил себя на общественно-полезной работе»[1295]. Избиркомы Северо-Осетинской автономной области лишали прав «за грубое обращение с батраками, как порочный и неисправимый элемент»[1296]. В исследованиях, посвященных кампании 1928/29 г. также описываются многочисленные нарушения, особенно в национальных районах, например, «в Татарии в Набережно-Челнинском кантоне учителей внесли в список лишенцев за то, что он не учил петь детей революционные песни, квалифицируя это отсутствием лояльности к советской власти»[1297].

Определение круга «лишенцев» на основе комментированной инструкции 1926 г. представляло значительные трудности для низовых избиркомов. Попытки

[1291] Задачи предстоящих перевыборов Советов (к совещанию оргработников при ВЦИК) // Власть Советов. 1928. № 19–20. С. 6.

[1292] О перевыборах Советов. Всем ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам, губкомам // Власть Советов. 1929. № 1. С. 1–2.

[1293] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 242. Л. 117–181; Д. 249. Л. 21–34; Д. 539. Л. 5–14; Перевыборные перегибы и недогибы // Власть Советов. 1929. № 12. С. 9–10; Карп А. Лишенцы // Власть Советов. 1929. № 10–11. С. 10–11.

[1294] Беликов А. Брянская деревня о себе // Власть Советов. 1929. № 3. С. 10.

[1295] Титков А. Избиркомы наизнанку // Власть Советов. 1929. № 2. С. 9.

[1296] Там же.

[1297] Ергина Н. М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 3. С. 87.

Центризбиркома максимально подробно детализировать признаки трудового хозяйства, применение наемного труда и условия кустарного производства имели прямо противоположный эффект, большим количеством исключений и региональных особенностей они полностью дезориентировали местных работников. Последние, боясь быть обвиненными в «правом уклоне», стремились лишить прав как можно больше взрослого населения, в итоге, в отдельных случаях число «лишенцев» в деревнях достигало 30–40 %[1298]. Сотрудник ВЦИК В. Попов, проводивший обследование избирательной кампании в Рязанской губернии отмечал: «директива, данная на места, была понята таким образом, что нужно как можно больше лишать, нужно выявить поголовно всех лишенцев. В Рязанской губернии, где поголовная нищета, они бросились выявлять кулаков»[1299].

Для горизбиркомов «комбедовский уклон» также оказался нечуждым, пытаясь угодить вышестоящему руководству, они лишали прав до 60 % взрослого населения. По данным Д. В. Валуева, в 1929 г. в Западной области оказались лишены прав в городах Починок – 64 %, Духовщина – 35,1 %, Рудня – 24,7 % и Ельня – 18,6 % взрослого населения[1300].

Отличительной особенностью перевыборной кампании 1928/29 г. при определении круга «лишенцев» стало открытие настоящей охоты за «недолишенными» кулаками. Если ранее в сводках примерно в равной мере отмечалось как правые, так и левые «перегибы», т.н. факты «недолишения» и «перелишения», то в 1929 г. началась настоящая истерия по поводу «нелишенных кулаков»[1301]. Особенно это было характерно для районов со значительным числом зажиточного крестьянства – Северного Кавказа и Сибири. В сводках акцентировалось внимание на фактах «недолишения». В Сибири составлялись особые отчеты по этому поводу. Инструкторы Сибирского краевого исполкома, исходя из статистических данных, высчитали, что в ряде округов (Новосибирском, Бийском, Барнаульском, Омском, Рубцовском и Славгородском) число лишенных прав кулаков не совпадает со статистическими сведениями о количестве зажиточных хозяйств. В Новосибирском округе, по мнению советских работников,

[1298] Киселев А. Огонь по недочетам избирательной кампании // Власть Советов. 1929. № 4. С. 1.
[1299] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 18.
[1300] Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений … С. 112.
[1301] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 36–38; Классовая борьба на перевыборах // Власть Советов. 1929. № 14. С. 10–11. Перевыборные перегибы и недогибы … С. 9–10.

оказалось «недовыявлено примерно 2000 кулаков», в Бийском округе «недолишено около 7000 кулаков»[1302].

Итогом активного выявления «лишенцев» местными властями в городах и сельской местности стал значительный рост их численности как в целом по РСФСР, так и в рамках отдельных регионов. В сельской местности по РСФСР число «лишенцев» составило 1 млн. 706 тыс. чел. (3,9 % от населения старше 18-ти лет), по сравнению с предыдущей кампанией их численность выросла на 18,5 % (315 тыс. чел.)[1303]. Наименьшее число «лишенцев» выявили в Северо-Западных районах Европейской России – Северо-Двинской губернии (1,7 %), Псковском округе (1,7 %), Коми-Пермяцком округе (1,9 %). Более всего крестьян лишили прав в Карачаевской автономной области (11,4 %), Донском округе (7,0 %) Оренбургском округе (5,6 %) и Барнаульском округе (5,5 %)[1304].

В городах РСФСР в кампанию 1928/29 г. число «лишенцев» по сравнению с предыдущей кампанией также значительно выросло на 121 тыс. чел. (17,1 %), составив 711 тыс. чел. (7,2 % от населения старше 18-ти лет)[1305]. Значимых изменений в распределении «лишенцев» по типам городов по сравнению с предыдущей избирательной кампанией не произошло. Как и ранее, наибольшее число лишили прав в небольших провинциальных городах с преобладающим непролетарским населением и численностью до 10 тыс. чел. – 9,1 %. Наименьшим процент «лишенцев» был в крупных городах – краевых и областных центрах, составляя 6,1 % от взрослого населения[1306]. Несмотря на попытки устранить «левые перегибы» при лишении, в ряде городов число «лишенцев» достигало трети взрослого населения: в Духовщине (Западная область) – 35,1 %, Михайлове (Московская область) – 34,4 %. Наряду с этим, встречались рабочие поселки, где «лишенцев» не было выявлено вовсе, либо их число составляло менее одного процента (Октябрьский поселок в Рязанском округе – 0,3 %, поселок Реутовский Московской области – 0,5 %)[1307].

Столь значительные колебания доли «лишенцев», как и ранее, объясняются социальным составом городского населения и активностью местных властей. В

[1302] ГАНО. Ф.2-П. Д. 2577. Л. 226–228.

[1303] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 1. Выборы в сельские, волостные … С. 94.

[1304] Там же. С. 12–13.

[1305] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 5.

[1306] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 5.

[1307] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 7.

небольших провинциальных городах преобладало непролетарское население (традиционные слои городского населения, владевшие небольшими мастерскими, предприятиями, либо крестьяне, занимавшиеся огородничеством и садоводством, чиновники, священнослужители и т.д.), значительная часть которого подлежала лишению прав как «бывшие» или мелкие хозяева города. В рабочих поселках, напротив, преобладало пролетарское население, соответственно, доля «лишенцев» была минимальной.

Не увенчались успехом и усилия центральных органов по наведению порядка в делопроизводстве, связанном с лишением избирательных прав (составлению списков и документальному обоснованию включению в списки, учету «лишенцев» и рассмотрению жалоб). Многочисленные директивы центральных органов не возымели действия, на местах ситуация не изменилась, как и ранее, нарушались сроки при составлении списков и рассмотрении жалоб, отсутствовали необходимые документы для включения в списки. В результате массового обследования, проведенного сотрудниками ВЦИК и Центризбиркома, эти факты стали широко известны. На заседании Президиума Центризбиркома 6 апреля 1929 г., по результатам обследования работы избирательных комиссий Московской, Рязанской и Тверской губерний, констатировали «отсутствие на местах постоянного учета лиц, подлежащих лишению, нарушение сроков составления списков, отсутствие документов, необходимых для включения в списки, недопустимое затягивание сроков рассмотрения жалоб»[1308].

Сотрудники Центризбиркома, проверявшие выборы в Волоколамском, Звенигородском и Коломенском уездах Московской губернии, Ряжском, Скопинском, Касимовском, Рязанском уездах Рязанской губернии, Ржевском, Кимрском и Тверском уездах Тверской губернии отмечали, что «постоянных списков лишенцев и избирателей не ведется, как общее правило, берутся списки, оставшиеся от прошлогодней избирательной кампании, вычеркиваются умершие, выбывшие и т.д., и затем в списки вносятся дополнения. Эти дополнения вносились не по согласованию с местными организациями, а просто избирком по памяти вставлял кого то еще»[1309]. В Сибири одним из распространенных способов называлось «составление списков... путем опроса населения»[1310].

[1308] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 31.
[1309] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 244; Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 18.
[1310] ГАНО. Ф.2-П. Д. 2483. Л. 6.

В городах процедура составления списков осуществлялась аналогичным образом. За основу брались старые списки, формально пересматривались на одном из заседаний горизбиркома, и утверждались, в итоге в них массово оказывались умершие, выбывшие, восстановленные в правах и т.д.[1311] При этом попытки изменить механизм составления списков «лишенцев» давали еще худшие результаты. Члены горизбиркома г. Камня в Сибирском крае решили составить список «с чистого листа», не копируя прежний список «лишенцев». В результате «около 40 % торговцев, лишенных избирательных прав в предыдущую избирательную кампанию, оказались автоматически восстановленными в правах»[1312].

В городах отсутствовал унифицированный порядок составления списков «лишенцев», в большинстве случаев горизбиркомы запрашивали списки из различных организаций, а затем сводили воедино[1313]. Однако, как и ранее, главной проблемой при составлении списков была несогласованность действий избирательных комиссий и государственных органов и организаций (ОГПУ, НКВД, фининспекции и т.д.), обязанных предоставлять сведения, но не спешивших это делать[1314]. В итоге, нарушались сроки составления списков.

В других городах к выявлению «лишенцев» привлекали различные государственные и общественные организации комсомол, фабричные и заводские комитеты, домоуправления и т.д. (особенно активно такой метод использовался в Москве и Ленинграде)[1315]. В Москве составление списков было поручено домоуправлениям, от домоуправлений списки передавались в Московский административный отдел, и затем поступали на утверждение райизбиркомов. Последние утверждали их механически, не осуществляя проверки. Лишали избирательных прав на основании заявлений граждан, не требуя документального подтверждения. В итоге, Центризбирком признал, что 23 тыс. москвичей лишили прав ошибочно[1316]. В

[1311] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 543. Л. 117–132; Д. 550. Л. 436–451.
[1312] ГАНО. Ф.2-П. Д. 3046. Л. 96.
[1313] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 221–244; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 65–67.
[1314] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 558. Л. 212–254; Д. 559. Л. 132–147;
[1315] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 550. Л. 442–443; Д. 553. Л. 131–165; Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е гг. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1998. С. 47; Рупасов А. И. Указ. соч. С. 284–285
[1316] Шеблецов Л. Лишение избирательных прав и учет лишенцев в РСФСР // Советское строительство. 1930. № 3. С. 84.

части городов составлением списков занимались административные отделы, подчинявшиеся НКВД, избирательные комиссии только утверждали списки[1317].

Устоявшейся практикой при составлении списков стало отсутствие документального обоснования лишения прав. Сводки и доклады советских и партийных органов, материалы прессы свидетельствовали о массовом характере этого нарушения. Как отмечалось в сводке Барнаульского окружного комитета ВКП(б) от 26 декабря 1928 г., «особо распространенным явлением является лишение без документов, подтверждающих необходимость лишения права голоса того или иного гражданина, в одном из районов из числа лишенных (87 чел.), только на 6 человек имеются соответствующие документы»[1318]. Сотрудник ВЦИК – Попов Д., обследовавший выборы в Волоколамском уезде Московской губернии отмечал, что «в нескольких селах не обнаружил ни одного документа, подтверждающего законность включения в список, решения выносились на основании отдельного заявления»[1319].

Повсеместно в отношении «лишенцев» действовала презумпция вины: на лиц, оспаривавших лишение прав, возлагалась обязанность сбора документов, свидетельствовавших о неправомерном применении дискриминационной меры. В докладе М. Владимировой – члена ВЦИК, обследовавшей выборы в Тверской губернии, отмечалось, что «как общее правило, местные избиркомы стоят на той точке зрения, что «лишенцы» сами должны доказать неправильность внесения их в списки. В связи с этим списки «лишенцев» документально обоснованы в незначительной части»[1320].

Впрочем, центральные и местные власти в значительно большей степени были озабочены отсутствием действенного механизма учета «лишенцев», поскольку последние при перемене места жительства скрывали свой статус, происхождение, устраивались на работу, начинали новую жизнь. Советских работников беспокоило, что: «плохая постановка учета лишенцев дает им возможность с переездом в другой город или селение фактически восстанавливаться в правах»[1321]. Однако межведомственная несогласованность не позволила в 1929 г. принципиально изменить ситуацию с учетом на местах. Главным вопросом стало ведение учета в межвыборный период. НКВД настаивал на передаче ведения учета административным отделам. ВЦИК и

[1317] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 566. Л. 380–388; Д. 569. Л. 112–124.
[1318] ГАНО. Ф.2-П. Д. 2582. Л. 7.
[1319] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 49.
[1320] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 97.
[1321] Шеблецов Л. Лишение избирательных прав и учет лишенцев … С. 83.

Центризбирком медлили с принятием решения, фактически учетом не занимался ни одни из органов[1322]. В сводках большинства региональных исполкомов констатировалась небрежность ведения учета и дел «лишенцев»[1323]. Масштабы недоучета повсеместно открылись в ходе кампании по борьбе с нарушениями избирательного законодательства весной 1930 г.

Отдельной проблемой для избирательных комиссий и исполкомов всех уровней в кампанию 1928/29 г. стало рассмотрение жалоб резко возросшего числа «лишенцев». Упорство, с которым боролись за свои права многие «лишенцы» в кампанию 1928/29 г. объяснялось в первую очередь невыносимыми условиями их существования из-за дополнительного ограничения прав во всех социальных сферах[1324]. К тому времени стремление власти ограничить права «лишенцев» достигло своего апогея. В справке о последствиях лишения избирательных прав, составленной НКВД 8 апреля 1927 г., упоминались общие ограничения: лишение права быть членом профсоюза, лишение права состоять в рядах Красной армии и зачисление в тыловое ополчение, лишение права занимать судебные должности (народного судьи, народного следователя, нотариуса, судебного исполнителя и народным заседателем), лишение права быть членом потребительских кооперативных организаций, лишение права на получение государственного обеспечения пенсионеров. Также «лишенцы» были лишены возможности усыновлять детей, общественные организации (Авиахим, «Долой неграмотность») не желали видеть их своими членами. Дополнительным ограничение для «лишенцев», проживающих в городе, являлось членство в жилищно-арендных кооперативах. В сельской местности ограничение в избирательных правах дополнительно влекло лишение прав быть членом кооперативных организаций, ревизионной комиссии сельсоветов и волисполкомов, членом комиссий и секций при волисполкомах и сельсоветах, участвовать в общих собраниях жителей (сходах), состоять членом крестьянских обществ взаимопомощи. Кроме того, для «лишенцев» заменялось отбывание обязанностей сельского исполнителя денежным взносом[1325].

Местные власти самостоятельно дополняли этот список различными ограничениями. Наиболее распространенными в городах являлось увольнение из

[1322] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 38.
[1323] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 564. Л. 102–127; Д. 567. Л. 421–445; Д. 571. Л. 3–99; Д. 578. Л. 5–23;
[1324] Кожаева А. А. Труд как основание для восстановления в правах и инструмент социализации по-советски (1926–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 80–81.
[1325] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 134, 135

советских учреждений и исключение из учебных заведений, выселение из жилья. В ряде регионов даже пытались умерить пыл наиболее ретивых местных работников. Так, Сибкрайисполком распоряжением от 8 марта 1929 г. запретил исключать из школ 1-й и 2-й ступеней детей «лишенцев» и предлагал восстановить тех, кто был исключен до этого, а «в отношении лиц, лишенных избирательных прав и их детей, обучающихся в ВУЗах и техникумах установить индивидуальный подход»[1326]. При принятии решения об исключении рекомендовалось учитывать «несокрытие» своего социального положения, лояльное отношение к советской власти; а также «считаться со старшинством курса, проявляя особо осторожное отношение к учащимся последних и предпоследних курсов»[1327].

Эти ограничения ставили на грань выживания как городских, так и сельских «лишенцев», вынудив их вести активную борьбу за восстановление в правах[1328]. Как отмечалось выше, количество жалоб во второй половине 1920-х гг. увеличилось на всех уровнях – от районных до Центральной избирательной комиссии. Несмотря на все попытки Центризбиркома упорядочить процесс рассмотрения жалоб на местах, сделать этого на практике не удавалось. Директивы «ускорить и упорядочить рассмотрение жалоб» остались на бумаге[1329]. На практике ситуация с рассмотрением жалоб по сравнению с кампанией 1926/27 г. изменилась незначительно, лишь увеличились сроки их рассмотрения. Впрочем, особой обеспокоенности эта ситуация у краевых, областных и окружных избиркомов не вызывала. Относительно многочисленности жалоб среди работников советских органов существовало две точки зрения. Центризбирком видел причины многочисленности жалоб в большом количестве допускаемых ошибок при определении круга местными властями, отсутствии квалифицированных кадров в низовых избиркомах[1330]. С точки зрения региональных избиркомов, виноваты были сами «лишенцы», которые всеми возможными способами старались восстановиться в правах и терроризировали избирательные комиссии жалобами и заявлениями[1331]. Эта позиция получила широкое распространение и в прессе[1332].

[1326] ГАНО. Ф.Р.-47. Оп. 1. Д. 694. Л. 73.

[1327] Там же.

[1328] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 67–69; Кожаева А. А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска … С. 163–164.

[1329] О перевыборах Советов // Власть Советов.1929. № 1. С. 1–3.

[1330] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 70. Л. 247–262.

[1331] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 9–139.

[1332] Новиков В. О делах и правах «лишенцев» // Власть Советов. 1929. № 43. С. 17–18.

В отличие от предыдущих лет, проблемами, связанными с «лишенцами», власти целенаправленно занялись между избирательными кампаниями 1928/29 г. и 1930 г. Впервые высшие советские органы решили в межвыборный период упорядочить учет «лишенцев». Ситуация с их учетом, составлением списков, делопроизводством была плачевной на протяжении 1920-х гг., но именно в 1929 г. у центральных властей она стала вызывать крайнюю озабоченность. Все попытки наладить учет межведомственными усилиями не увенчались сколько-нибудь заметными успехами, власти хорошо осознавали причины этого: за учет, составление списков «лишенцев» никто всерьез не отвечал, все мероприятия проводились только во время подготовки к перевыборам. В конце 1929 г. директивные органы приняли, наконец, решение о передаче функции по постоянному учету «лишенцев» административным органам. В соответствии с циркуляром Президиума ВЦИК от 30 октября 1929 г. она возлагалась «в сельской местности на сельсоветы, а в городских поселениях на городские административные части», районные административные отделения должны были вести постоянный учет по всему району[1333]. Главной задачей административных органов становилось «постоянное наблюдение за движением состоящих на учете лишенцев»[1334]. Наибольшие проблемы с учетом «лишенцев» административные органы испытывали в городах, желая скрыть неполноправный статус, они меняли место жительства, мигрировали в другие регионы[1335].

При передаче делопроизводства из городских и районных Советов в соответствующие административные органы выяснилось и реальное положение с учетом и жалобами. По единодушному мнению представителей административных органов всех уровней, и делопроизводство о «лишенцах» находились в удручающем состоянии. Состояние делопроизводства емко охарактеризовал начальник Барнаульского окружного административного отдела: «Фактически и дел-то никаких не существовало, а были официальные и неофициальные бумажки о лишении избирательных прав такого-то»[1336]. Однако административные отделы еще не успели принять каких-либо мер по улучшению ситуации с учетом, списками, жалобами, когда

[1333] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 211. Л. 211–211(об).
[1334] Там же. Л. 214.
[1335] Шеблецов Л. Лишение избирательных прав и учет лишенцев в РСФСР … С. 85; ГАНО. Ф.Р.-1347. Оп. 1. Д. 2425. Л. 126; Ф.Р.-1228. Оп. 1. Д. 818. Л. 27, 66–67.
[1336] ГАНО. Ф.3-П. Оп. 3. Д. 183. Л. 117.

вышло постановление ЦИК от 22 марта 1930 г. Создание комиссий по пересмотру списков ускорило работу в этом направлении.

Кампания по борьбе с нарушениями избирательного законодательства, начавшаяся после принятия постановления ЦИК СССР 22 марта 1930 г. выявила реальное положение дел с определением круга, составлением списков, ведением учета и делопроизводства «лишенцев». Впрочем, как отмечалось выше, это положение не являлось секретом для региональных и центральных советских и партийных органов и до выхода указанного постановления, и по сути носила популистский характер. Но масштабы выявленных нарушений впечатлили высшие и центральные советские органы.

Согласно Постановлению ЦИК от 22 марта 1930 г., местным властям в течение двух месяцев предстояло устранить дополнительные ограничения прав «лишенцев», проверить списки, жалобы и заявления «лишенцев» и восстановить в правах их детей. Для реализации этих решений в краях, областях и республиках создаются специальные комиссии. Одновременно должны были организовываться аналогичные комиссии окружного, городского и районного уровня.

Оперативно на директивы отреагировали только краевые (областные) исполкомы, достаточно быстро создали комиссии, приступили к рассмотрению дел. В Сибирском крае уже 31 марта 1930 г. по решению Сибкрайисполкома была создана краевая комиссия «для быстрейшей проверки списков лиц, лишенных избирательных прав и рассмотрения жалоб на неправильное лишение прав»[1337]. В округах, районах и городах все происходило неспешно. В ряде округов (Новосибирский, Каменский, Томский) Сибирского края комиссии были созданы со значительным опозданием (на 2 недели и больше)[1338]. В Новосибирске на момент проверки (25 апреля 1930 г.) горсоветом даже не была создана комиссия. Выяснилось, что горсовет и городская административная часть не могли разобраться: кто же должен производить эту проверку, и кто за нее отвечал. Закончить работу планировалось к 1 мая, но комиссия не спешила, поскольку ее члены занимались пересмотром списков и жалоб в свободное от службы время по вечерам[1339].

Аналогичным образом складывалась ситуация и в других регионах РСФСР. В Вяземском, Ржевском, Брянском и Великолуцком округах Западной области комиссии

[1337] ГАНО. Ф.Р-1347. Оп. 1. Д. 2425. Л. 6.
[1338] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 26.
[1339] ГАНО. Ф.Р.-1347. Оп. 1. Д. 2425. Л. 40.

были созданы только 20 апреля, в районах – в конце апреля[1340]. В Мордовской автономной области работа по пересмотру списков началась только в начале мая, после повторного напоминания облисполкома[1341].

Одинаковое недовольство региональными властями вызывали как несоблюдение сроков образования комиссий и медлительность их работы, так и излишняя оперативность пересмотра списков[1342]. В последнем случае центральные органы считали, что местные комиссии «выполнили работу механическим дублированием заключений сельсоветов»[1343].

Закономерно, что одной из основных проблем в работе комиссий стало отсутствие документального подтверждения лишения избирательных прав. В информационном отчете о выполнении директивы о полном пересмотре списков лиц, лишенных избирательных лиц по РСФСР от 20 июня 1930 г. отмечалось, что в делах отсутствуют справки административных, налоговых, судебных органов, личные дела «лишенцев» в сельской местности зачастую представляют из себя «только выписку из постановлений бедняцких собраний и заявления отдельных граждан, непроверенные сельсоветами»[1344].

В городах с документальным подтверждением лишения прав дела обстояли ненамного лучше. В выводах доклада инструктора Новосибирского окружного исполкома от 28 мая 1930 г., отмечалось: «существующая при горсовете комиссия с законоположениями о лишении избирательных прав (с последними) не знакома, председатель комиссии постановления ВЦИК от 10 апреля 1930 г. не знает и последних руководящих указаний в делопроизводстве адмгорчасти нет»[1345]. Кроме того, частичная передача дел «лишенцев» в административные отделы ничего кроме неразберихи с документами, подтверждающими лишение прав не создала[1346].

При пересмотре списков специально созданными комиссиями выяснилось, что значительная часть «лишенцев» отсутствовала на месте. В наибольшей степени эта

[1340] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 34; Пахоменков С. Что показала проверка по выполнению директив партии и правительства об устранении нарушений избирательного законодательства (по Западной области) // Власть Советов. 1930. № 34–35. С. 17.

[1341] Курнашев. Первые результаты исправления избирательного законодательства (Мордовская автономная область) // Власть Советов. 1930. № 24. С. 4–5.

[1342] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 26.

[1343] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 27.

[1344] Там же. Л. 28.

[1345] ГАНО. Ф.Р.-1347. Оп. 1. Д. 2425. Л. 41.

[1346] Там же. Л. 43.

ситуация была характерна для крупных городов и административных центров регионов. городские и районные комиссии, не знали, что делать с «мертвыми душами», чаще всего проверки по ним прекращались. Так, председатель Сибирской краевой комиссии по пересмотру списков «лишенцев» всем окружным исполкомам дал указание, что «списки лиц, лишенных избирательных прав, но выехавших из пределов города и о которых никаких материалов кроме списка нет, пересмотру не подвергать. Выделить эти списки с той целью, что возможны случаи, когда отдельные их них могут выявиться»[1347]. Аналогичные решения принимались и в Москве, Ленинграде, Смоленске, Средне-Волжском крае[1348].

Инструкторы ЦИК СССР и ВЦИК, контролировавшие работу комиссий по проверке списков «лишенцев», выяснили, что окружные и районные комиссии, загруженные другими делами (разбором дел, связанных с раскулачиванием, индивидуальным обложением, контрактацией и т.д.) не выезжали на места для проверки списков и жалоб «лишенцев», перепоручив пересмотр нижестоящим органам[1349]. В ряде случаев выезды запрещали из-за отсутствия финансирования: «райкомиссии понимали необходимость выездов для разбора на месте, но председатели райисполкомов запретили им это делать из-за отсутствия средств»[1350].

Другой традиционной проблемой, отразившейся на оперативности и качестве работы комиссий по пересмотру списков, стало отсутствие взаимодействия между различными организациями, обязанными предоставлять сведения для лишения прав. Так, в Томске председатель городской комиссии Рогаев жаловался представителю окружной комиссии: «...несмотря на правительственные постановления и напоминания со стороны горсовета, горизбиркома и адмотдела окрфинотделу и судебным органам о присылке сведений на облагаемые подоходным налогом, выбирающих патенты и пораженные в правах – сведения не предоставляются»[1351]. В ряде случаев даже административные органы, которым был передан учет и составление списков

[1347] ГАНО. Ф.Р.-1347. Оп. 1. Д. 2425. Л. 39.

[1348] Акопов С. Нарушения избирательного законодательства в Западной области // Советское строительство. 1930. № 7. С. 89–99. ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 112; Ергина Н. М. Работа государственных органов по устранению нарушений избирательного законодательства весной-летом 1930 г. (по материалам Мордовского края) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 144.

[1349] Акопов С. Нарушения избирательного законодательства в Западной области // Советское строительство. 1930. № 7. С. 90. ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 120–124.

[1350] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 48.

[1351] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 658. Л. 34.

«лишенцев», и заинтересованные в эффективности проверки, не помогали созданным комиссиям[1352].

Межведомственные конфликты и огромный объем работы комиссий по пересмотру списков не позволили уложиться в отведенные постановлениями ЦИК СССР и ВЦИК сроки. Ни за два, ни за три месяца проверить списки «лишенцев», а главное разобрать их жалобы и ходатайства на восстановление не удалось. Краевые, областные и республиканские исполкомы были вынуждены продлевать сроки работы этих комиссий[1353]. В Сибирском крае сначала продлили срок работы до 15 июля, затем до 1 сентября 1930 г. Но и к сентябрю, и к моменту реорганизации округов работа была далека от окончания. Как сообщал 10 сентября 1930 г. начальник Западно-Сибирского краевого административного управления: «...к моменту ликвидации округов в районах имеется большое количество нерассмотренных дел. Дела рассматриваются безобразно медленно, в работе допускаются волокита, жалобщики своевременно не уведомляются о рассмотрении дела, крайне плохо поставлено оформление дел»[1354]. Аналогично складывалась ситуация с пересмотром дел «лишенцев» в Средне-Волжском крае, Западной области, Москве – сроки переносились, комиссии не справлялись с объемом[1355]. Фактически пересмотр дел и рассмотрение многочисленных жалоб продлились до начала новой избирательной кампании 1930/31 г.

Каковы были итоги работы комиссий всех уровней? Общая статистика по регионам РСФСР о количестве рассмотренных жалоб и восстановленных в правах отсутствует, информация в источниках довольно существенно отличается, что возможно объясняется составлением сводок различными органами (партийными и советскими) и на основе отличающихся данных. Так, в Западно-Сибирском крае по сведениям инструкторов ЦИК СССР, проводивших обследование работы комиссий по пересмотру списков «лишенцев», на 1 сентября районными комиссиями было рассмотрено 61 755 материалов дел, из списков исключено 15 414 «лишенцев», или 24,9 % от общего числа рассмотренных, городскими комиссиями рассмотрено 10 413 материалов на «лишенцев», исключено из списков – 4 089 или 39,3 %»[1356]. В докладе Западно-

---

[1352] ГАНО. Ф.Р.-1228. Д. 817. Л. 101(об).

[1353] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 662. Л. 22–47.

[1354] ГАНО. Ф.Р.-1347. Оп. 1. Д. 2425. Л. 63.

[1355] Акопов С. Нарушения избирательного законодательства в Западной области … С. 89–99; Пахоменков С. Что показала проверка по выполнению директив партии и правительства … С. 17; Ергина Н. М. Работа государственных органов по устранению нарушений избирательного законодательства … С. 142–145.

[1356] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 49.

Сибирского крайкома ВКП(б) указывалось количество рассмотренных жалоб на 15 сентября 1930 г. в 111 836 чел., число восстановленных составляло около трети, варьируясь по различным округам от 14,9 % в Рубцовском до 49,6 % в Томском округе[1357]. Схожая ситуация наблюдалась и в других регионах. По данным инструкторов ВЦИК в Западной области процент восстановленных в правах составил 32 %, Западный областной исполком указывал цифру в 47 %[1358].

Несмотря на расхождения в статистике, объем проделанной работы комиссиями всех уровней по пересмотру списков и жалоб «лишенцев» оказался весьма значительным. Так, в Москве были рассмотрены около 63 тыс., Западной области – 8 756, Сибирской краевой комиссией – 13 107 жалоб и т.д.[1359] Количество лиц, восстановленных в правах, также было значительным, составляя в среднем по РСФСР около трети от подавших жалобы, в ряде городов и регионов достигая 60–70 %[1360]. Большой объем работы выполнили и сотрудники Центральной комиссии при ВЦИК. До 1 мая 1930 г. в нее поступило 20 400 жалоб, на конец июня рассмотрено 8 950 жалоб, было восстановлено 54,7 % «лишенцев», этот показатель в среднем по областям составлял 52,3 % и 59,9 % – по краям, достигая в ряде территорий 66–74 % (и это после того, как их рассматривали областные или краевые комиссии)[1361].

Основным итогом кампании по устранению нарушений в сфере избирательного законодательства стало наведение элементарного порядка в сфере лишения избирательных прав, ликвидации наиболее вопиющих нарушений. Это выразилось в значительном сокращении числа лиц, включенных в списки лишенных избирательных прав, документальном обосновании поражения в правах, ликвидации ряда дополнительных ограничений. Не менее трети внесенных в списки лишенных гражданских прав в избирательную кампанию 1928/29 г. были восстановлены в правах (в целом по стране это более миллиона чел.). Эта кампания стала переломным моментом в политике государства в отношении «лишенцев», более оно было не

[1357] ГАНО. Ф.3-П. Оп. 3. Д. 107. Л. 50.

[1358] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 659. Л. 53; Акопов С. Нарушения избирательного законодательства в Западной области … С. 89–99; Пахоменков С. Что показала проверка по выполнению директив партии и правительства … С. 17.

[1359] Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Указ. соч. С. 74; Акопов С. Нарушения избирательного законодательства в Западной области … С. 89–99; ГАНО. Ф.3-П. Оп. 3. Д. 107. Л. 50.

[1360] Трофимов И. С. Пересмотреть список лишенцев (Мордовская автономная область) // Власть Советов. 1930. № 17. С. 18–19; Костин Г. О нарушении избирательного законодательства в СССР // Власть Советов. 1930. № 29–30. С. 26–27; Пахоменков С. Что показала проверка по выполнению директив партии и правительства … С. 17; Арутюнов Б. Предварительные итоги по пересмотру списков лишенцев // Власть Советов. 1930. № 34–35. С. 24–25.

[1361] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 36. Л. 12–17; Ф.Р.- 3316. Оп. 16а. Д. 448. Л. 27–28

заинтересовано в расширении их круга, напротив, демонстрировало шаги к сокращению их числа. Одновременно с этим, тех лиц, кого власть признала недостойными избирательных прав, стремилась поставить под жесткий контроль.

К началу выборной кампании 1930/31 г. комиссии по пересмотру списков «лишенцев» завершили работу, рассмотрев огромное количество жалоб, оказали существенную помощь избирательным комиссиям по составлению списков и документальному обоснованию лишения прав, позволили «привести круг лишенцев в соответствие с требованиями избирательного закона»[1362]. Казалось бы, после окончания работ комиссий, проблем с определением круга «лишенцев» не должно было даже возникать, но на практике ситуация складывалась иначе. И связаны они были с очередными политическими изменениями и продолжавшейся кампанией по «раскулачиванию» крестьян и соответственно включением их в списки «лишенцев». Партийная директива, принятая накануне кампании 1930/31 г., декларировала обострение классовой борьбы в связи с успехами социалистической реконструкции, совершенно невнятно обозначая круг «классовых врагов». На практике при определении круга «лишенцев» предстояло выявить этих «классовых врагов», избежав при этом «как левого, так и правого уклона»[1363].

В условиях столь противоречивых указаний, низовые избиркомы не понимали «требований момента» и пребывали в совершенной растерянности относительно определения круга «лишенцев». Как отмечалось в справке о ходе отчетно-перевыборной кампании Советов по РСФСР от 20 декабря 1930 г. «низовые избиркомы в большинстве случаев не сумели своевременно развернуть работу по выявлению эксплуататорских элементов на предмет лишения избирательных прав и по составлению общих списков лишенцев»[1364]. При этом, проявляя хоть какую-то инициативу, одни избиркомы «проявляли правый уклон на практике – недопустимую терпимость к эксплуататорским элементам», а другие, наоборот, «допускали извращения обратного порядка – левый уклон, зачисляя середняков и бедняков в кулаки»[1365].

[1362] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 18–19.

[1363] Избирательная кампания в условиях социалистической реконструкции // Советское строительство. 1931. № 1. С. 3.

[1364] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 208. Л. 7.

[1365] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 51. Л. 324.

Сельские Советы и избиркомы предпочитали бездействовать, перекладывая ответственность по выявлению новых «лишенцев» на районные избиркомы[1366]. Районные избиркомы и административные отделы в свою очередь также не ориентировались в очередных политических изменениях. Райкомы ВКП(б) возмущались, что «районные адмотделы предлагают при пересмотре дел лишенцев, считать лишенцами тех, на кого достаточно документов... поэтому сельизбиркомы вместо организации работы по выявлению новых эксплуататоров, сели за подбор материалов на тех, кто уже сослан или распроданы»[1367]. В итоге, сельские и районные избиркомы, не понимая как выявлять новых «лишенцев», нередко пытались вновь лишить прав восстановленных краевыми или окружными комиссиями при пересмотре списков крестьян, считая их неправильно восстановленными[1368].

Невнятные указания высших органов относительно определения круга «лишенцев», привели к повторению практики прошлых лет – местные избиркомы вновь стали лишать прав по надуманным основаниям «за двоеженство, за то, что ходит читать псалтырь по покойникам, как бузотеристый парень» и т.д.[1369] Однако наиболее распространенной тактикой местных избиркомов стал отказ от поиска новых «лишенцев» в отсутствие четких указаний[1370]. Невнятные партийные директивы не вызвали волны выявления новых «лишенцев», кампания прошла относительно спокойно. В сводках 1930/31 г. не отмечалось грубых нарушений при лишении прав, фиксировались лишь «отдельные случаи и недостатки»[1371]. Не было и истерии по поводу «недолишения кулаков», как в предыдущую кампанию[1372].

Судя по статистике, основная масса низовых избиркомов предпочла воздержаться от активного поиска новых «лишенцев». Итоги выборов 1930/31 г. показали общее снижение числа «лишенцев» как по РСФСР, так и по отдельным регионам. Общая численность «лишенцев» в 1931 г. по РСФСР составила 1 млн. 842 тыс. чел. (по сравнению с прошлой уменьшилась более чем на 500 тыс. чел.)[1373] По данным

[1366] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 208. Л. 2–6; Оп. 108. Д. 634. Л. 135–152.
[1367] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 628. Л. 172.
[1368] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 631. Л. 3–4;
[1369] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 208. Л. 2–10; Оп. 108. Д. 625. Л. 12–18; Д. 634. Л. 135–139.
[1370] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 240. Л. 21–23; Оп. 108. Д. 626. Л. 451–468;
[1371] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 208. Л. 8; Оп. 108. Д. 597, 599, 604; Зайцев П. Предварительные итоги перевыборов Советов // Советское строительство. 1931. № 3. С. 112.
[1372] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597, 599, 604; Зайцев П. Предварительные итоги перевыборов Советов … С. 112.
[1373] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг. Стат. справочник. М., 1931. С. 31.

официальной статистики, численность «лишенцев» значительно сократилась как в городах, так и сельской местности. Их доля в сельской местности в 1931 г. снизилась с 3,9 до 3,5 %, в городах – с 7,2 до 4,6 %[1374]. В ряде городов численность лиц, ограниченных в правах, уменьшилась в 1,5–2 раза по сравнению с кампанией 1928/29 г. Так, по данным Центризбиркома в городах Ленинградской области численность «лишенцев» сократилась с 5,8 % в 1929 г. до 1,8 % в 1931 г., в городах Московской области с 5,7 % в 1929 г. до 1,7 % в 1931 г.[1375] Значительное уменьшение числа «лишенцев» объяснялось «проведенными работами на местах в 1930 г. комиссиями по пересмотру списков лишенных избирательных прав, исключивших значительное количество лиц, неправильно включенных в списки лишенцев местными органами»[1376].

Официальные данные численности сельских «лишенцев» также показывали отрицательную динамику в 1931 г. (сокращение с 3,9 до 3,5 % по РСФСР), однако объяснить ее работой комиссий по пересмотру списков не представляется возможным. Вероятнее всего речь шла о недоучете в статистике лиц, ограниченных в правах «раскулаченных» и высланных «кулаков»[1377]. Поскольку в 1930/31 г. продолжалась кампания по «раскулачиванию» крестьян, и последние автоматически лишались политических прав, то реальные источники уменьшения численности сельских «лишенцев» отсутствовали. Однако это остается на уровне предположения, поскольку начиная с кампании 1930/31 г. статистические сборники не публиковали данных о численности «лишенцев» по отдельным городам и регионам, как это было ранее[1378]. Несомненно одно – в «эпоху социалистической реконструкции» власти утрачивали интерес к этой категории, в городах и сельской местности происходило сокращение числа «лишенцев», что не означало сокращение их числа в местах высылки и заключения.

В кампанию 1930/31 г. на местах произошло смещение акцента от содержательной к технической стороне лишения избирательных прав – от определения круга к учету «лишенцев». Технической процедуре по учету «лишенцев» на местах стало уделяться приоритетное внимание. В связи с ликвидацией НКВД РСФСР и автономных республик и реорганизацией административных управлений и отделов 15

[1374] Там же. С. 31–32.
[1375] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 51. Л. 408–410; Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 7 (об).
[1376] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг. … С. 32.
[1377] Зайцев П. Предварительные итоги перевыборов Советов … С. 112.
[1378] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг. … С. 31–32.

декабря 1930 г., ведение постоянного учета лиц, лишенных прав вновь возлагалось на сельские, городские и районные Советы, что потребовало организационных усилий по передаче дел и организации делопроизводства[1379]. Работа комиссий по пересмотру списков «лишенцев», проведенной работе по документальному подтверждению лишения прав, в 1930 г. способствовала наведению относительного порядка в делопроизводстве, поэтому передача дел от административных органов к исполкомам не привела к полному хаосу. Однако исполкомы не воспринимали учет «лишенцев» как приоритетную функцию, и вскоре в отчетах вновь появились сообщения о проблемах с их учетом, в между выборный период с 1931 по 1934 гг. местные власти так и не смогли организовать контроль за местонахождением лиц, лишенных избирательных прав[1380].

Высшие и центральные органы власти в кампанию 1934 г. утрачивали интерес к определению круга и выявлению новых «лишенцев». Местные власти также не проявляли прежнего рвения. В отличие от предыдущих кампаний, когда в сводках и отчетах фиксировались массовые нарушения при определении круга «лишенцев», в 1934 г. отмечались лишь единичные случаи. По данным Центризбиркома в Татарской АССР, Марийской автономной области, Удмуртской автономной области в число «лишенцев» вновь попали глухонемые, единоличники, кустари[1381]. Нередко инциденты были обусловлены ретивостью отдельных работников, стремившихся проявить «классовую бдительность». Так, в Барнаульском районе в колхозе «Мировой октябрь» произошел следующий случай: приехавший в колхоз работник ОГПУ (зам. начальника политотдела) заявил секретарю местной ячейки, что «дела в колхозе идут плохо от того, что колхоз мол засорен кулаками»[1382], после чего выслал комиссию, которая приступила к выявлению признаков для их лишения избирательных прав. В ходе работы комиссии было решено лишить избирательных прав 39 чел., но фактически приступили к «раскулачиванию» 52 хозяйств[1383].

Однако в большинстве регионов местные избиркомы ограничились проверкой списков и их очередным опубликованием[1384]. Инструкторы ВЦИК сообщали, что «большинство районов к составлению списков подошли формально, поручая это

[1379] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 211. Л. 9, 9 (об).

[1380] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 315. Л. 3–6; Д. 318. Л. 4–6.

[1381] Киселев А. Исправить нарушения избирательного законодательства // Власть Советов. 1934. № 21. С. 10– 11.

[1382] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 11. Л. 7.

[1383] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 11. Л. 8.

[1384] О ходе избирательной кампании (предварительные итоги) // Власть Советов. 1934. № 22. С. 2.

важнейшее дело третьестепенным и техническим работникам»[1385]. Сами районы сообщали о готовности списков еще до начала выборной кампании[1386]. Краевые и областные власти были недовольны «формальным подходом», требуя их тщательной проверки. Однако в тех случаях, когда по настоянию вышестоящих органов они проводились, то выявлялось отсутствие налаженного учета «лишенцев», хаотичное состояние делопроизводства, устаревшие данные в опубликованных списках.

Типичной была ситуация, зафиксированная в отчете инструктора Президиума ВЦИК, проводившего проверку избирательной кампании в Оренбурге. К началу кампании 1934 г. в Оренбурге в списке лиц, лишенных прав значилось около 9 тыс. чел., который местные власти и намеревались опубликовать. По настоянию инструктора ВЦИК была проведена проверка этого списка, в ходе которой выяснилось, что разными инстанциями в 1931–1933 гг. были восстановлены в правах 1212 чел., но они не были исключены из общего списка. После опубликования отредактированного списка на 8176 чел., стали поступать жалобы от горожан о включении в список их умерших родственников, таковых оказалось 228 чел.[1387] В ходе проверки местонахождения «лишенцев», оказалось, что «из 500 фамилий на буквы «А», «Б», «В» и «Г» только двое из них живут в настоящее время в Оренбурге, остальные давно выбыли»[1388]. В ходе тщательной проверки достоверно установили местонахождение только 2247 чел. (около четверти от первоначально составленного списка)[1389]. Аналогичную ситуацию констатировали и в других крупных городах страны. Проверка подготовки выборов в октябре 1934 г. во Фрунзенском районе Москвы показала, что «точного учета лишенцев не ведется, большинство по месту жительства отсутствует, место выбытия также неизвестно»[1390]. Учитывая многочисленные дополнительные ограничения в правах, сопровождавшие лишение избирательных прав, вполне закономерно стремление людей, попавших под ограничительные меры, скрыть свой неполноправный статус, самым простым (и довольно эффективным) способом избежать этих последствий, стала смена местожительства. Все попытки административных и советских органов наладить строгий учет и контроль за передвижениями «лишенцев» так и не увенчались успехом.

[1385] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 15. Л. 12.
[1386] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 22. Л. 31, 47, 54, 61, 112.
[1387] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 28. Л. 4
[1388] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 28. Л. 5.
[1389] Там же.
[1390] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 134

В кампанию 1934 г. увеличилось количество ходатайств о восстановлении в правах «лишенцев», что было связано с появлением условий для его реализации (в первую очередь наличия пятилетнего трудового стажа). По статистике Центризбиркома, в среднем удовлетворялось от 20 до 56 % заявлений, поступавших в краевые и областные избирательные комиссии[1391]. Около 40 % ходатайств «лишенцев» в среднем по регионам удовлетворялось Центризбиркомом[1392]. Впервые в 1934 г. в сводках советских органов отмечались случаи взяточничества, связанные с восстановлением или выдачей справок о наличии прав. Факты взяточничества фиксировались в низовых избиркомах. Так, в Филатовском сельсовете Косихинского района Западно-Сибирского края «секретарь выдал кулаку, бежавшему из Нарыма, справку, что он не лишен избирательных прав, взяв за это 50 рублей»[1393]. В качестве взяток в сельской местности также брали коров, лошадей, в городе – деньги, драгоценности[1394]. В силу латентности подобных преступлений, и фрагментарности источников, судить об истинном масштабе взяток судить сложно.

Ходатайства о восстановлении в правах продолжали поступать в исполкомы всех уровней и после окончания выборной кампании 1934 г. Их поток был весьма значительным, поскольку у многих лиц, лишенных прав, находившихся на спецпоселении, отбывших сроки в тюрьмах и лагерях, появились требуемые избирательным законодательством условия для восстановления в правах[1395].

Как отмечалось выше, статистические данные о численности «лишенцев» в 1934 г. вызывают сомнения в достоверности, в условиях увеличения числа заключенных и высланных крестьян (автоматически попадавших в число «лишенцев») сложно предположить источники их кратного уменьшения. Согласно официальным данным, в РСФСР доля лиц, лишенных избирательных прав составляла – 2,6 % от взрослого населения, в городах – 1,9 %[1396], сокращение численности объяснялось активным процессом восстановления в правах. Попытки обратиться к сопоставлению данных по отдельным регионам и городам осложнено отсутствием сведений в абсолютных

[1391] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 56. Л. 27–31; Ф.Р.-1235. Оп. 111. Д. 10. Л. 2–5.
[1392] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
[1393] ГАНО. Ф.3-П. Оп. 7. Д. 586. Л. 9.
[1394] Там же. Л. 10.
[1395] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 111. Д. 14. Л. 7–12.
[1396] Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М., 1935. С. 19–20; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 5, Л. 7; Зайцев П. Итоги выборов в советы // Советское строительство. 1935. № 2. С. 12.

показателях. В официальной статистике, сведения о «лишенцах» приводились без разбивки по регионам в относительных показателях.

Архивные сведения демонстрируют неоднозначные тенденции в изменении численности «лишенцев». В ряде городов их численность оставалась стабильной на протяжении 1930-х гг. Так, в сибирских городах (Анжеро-Судженск, Тюкалинск, Омск, Новосибирск) в абсолютном выражении число «лишенцев» в 1934 г. по сравнению с 1931 г. оставалось неизменным (в Новосибирске оно даже выросло), однако в относительных показателях (по отношению к численности взрослого населения городов) оно сократилось[1397]. Наряду с тенденцией стабилизации численности «лишенцев», в ряде городов и рабочих поселков, в т.ч. Москве и Ленинграде фиксировалась тенденция к уменьшению численности как в абсолютных, так и относительных показателях[1398]. Вопрос о подлинной численности «лишенцев» в избирательную кампанию 1934/35 г. и моменту ликвидации самого института лишения избирательных прав в 1936 г. нуждается в дальнейшем изучении в рамках регионов, сопоставлении данных о восстановленных в правах и находящихся в заключении, на спецпоселениях.

После окончания избирательной кампании 1934 г. традиционной проблемой для местных исполкомов оставалось своевременное рассмотрение ходатайств «лишенцев» и приведение делопроизводства в порядок. Несмотря на многочисленные указания вышестоящих органов «ликвидировать залежи жалоб и волокиту при их рассмотрении»[1399], обычным явлением было рассмотрение жалоб и ходатайств в течение нескольких месяцев или даже лет. Неизменным оставалось и небрежное ведение делопроизводства. Проверка оформления и хранения, проведенная в 1935 г. выявила многочисленные случаи нарушения в оформлении и хранении документов. В Орехово-Зуево, Димитрове Московской области, Ярославле, Азово-Черноморском крае были выявлены случаи утраты личных дел лиц, лишенных прав, грубые нарушения в оформлении и хранении документов: «проверкой, проведенной в ряде райисполкомов и горсоветов, выявлено недопустимое отношение к хранению дел лиц, лишенных избирательных прав: шкафы, где они находятся, не закрываются, что не гарантирует от

[1397] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 55. Л. 36; Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 7. Л. 12.
[1398] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 55. Л. 47; Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 7. Л. 14.
[1399] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.

похищения и уничтожения из дел важнейших документов»[1400]. В 1936 г., как и ранее, фиксировались факты, когда ходатайства лежали без движения по нескольку лет[1401]. К моменту ликвидации института лишения избирательных прав порядок в делопроизводстве, связанном с лишением и восстановлением в правах так и не был наведен. Современные историки об этом могут судить по состоянию находящихся на хранении в архивах личных дел лиц, лишенных избирательных прав.

В 1930-е гг. в практике лишения избирательных прав отчетливо прослеживаются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, власти не были заинтересованы в расширении круга «лишенцев», руководство страны, осознавало ограниченность и нецелесообразность развития этого института (о чем в деталях излагалось в докладной записке А. С. Енукидзе Политбюро[1402]), реальные действия местных избиркомов также не были направлены на увеличение численности и поиск новых «лишенцев». При этом в отношении лиц, попавших в число «лишенцев», проявлялась ярко выраженная репрессивная тенденция – списки на высылку крестьян формировались на основе списков «лишенцев», прямые репрессии, чистки в отношении различных категорий «бывших», непролетарских слоев также осуществлялись на основе выявленных списков «лишенцев»[1403]. Происходило и ужесточение дополнительных ограничений к лишению избирательных прав в 1930-е гг.[1404]

Выводы. Формирование практики лишения избирательных прав соответствовало развитию института и избирательной системы в целом. Первоначальный период (1918–1925 гг.) характеризовался дискреционными действиями местными властей, произвольным характером определения круга «лишенцев», упрощенными процедурами, сопровождавшими ограничения, существенной вариативностью практик, объяснявшихся в первую очередь желанием отстранить от участия в выборах вполне реальных противников большевиков. Именно с этим обстоятельством связано

[1400] Овечкин Л. За образцовый учет и хранение советских документов // Власть Советов. 1936. № 12. С. 36.

[1401] Там же. С. 37.

[1402] Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. В 2-х кн. Кн. 1. С. 125–132.

[1403] Петин Д. И. Коллективный потрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «Организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Серия. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9. № 1. С. 54–64; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. … С. 188–190, 292–299; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917–1936 годы. М., 2003. С. 212–215.

[1404] Кожаева А. А. Труд как основание для восстановления в правах и инструмент социализации … С. 81–82; Москаленская Д. Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей … С. 83; Саламатова М. Российские и зарубежные избирательные цензы в первой трети XX в. // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 3. С. 722–724

произвольное толкование 23 статьи Конституции РСФСР 1918 г. и включение в число «лишенцев» различных категорий «бывших», «контрреволюционно» и нелояльно настроенных в отношении новой власти. Несмотря на хаотичный характер местных практик, они реализовывали превентивную функцию, возлагавшуюся в этот период на институт лишения избирательных прав.

К 1926 г. на местах начинают складываться более унифицированные практики определения круга «лишенцев», и процедур, сопровождавших ограничение в правах. Попытки центральной власти пресекать произвольное определение круга лиц, подлежавшему ограничению в правах, в условиях постоянного изменения избирательного законодательства, были крайне неэффективными. Фиксируемые нарушения в кампании 1926–1934 гг. были совершенно идентичными. При этом характер нарушений принципиально не отличался по регионам, как на окраинах, так и столице, они были схожие. Стремление навести элементарный порядок с процедурами, сопровождавшими лишение прав, также не увенчались успехом, типичными практиками на протяжении второй половины 1920-х гг. – первой половины 1930-х гг. оставались: несвоевременное составление списков, отсутствие документального обоснования для лишения прав, несвоевременное рассмотрение жалоб и ходатайств о восстановлении в правах, отсутствие учета и небрежное ведение делопроизводства. Все это свидетельствовало, что реализация процедур, связанных с лишением прав, носила упрощенный характер, а восстановление в правах – сложный и запутанный, иными словами, попасть в число «лишенцев» было значительно проще, чем добиться исключения из него.

Представляется, что нарушения были закономерными, многочисленные процедурные требования усложнявшегося избирательного законодательства и возраставший объем работы существенно превосходили возможности местного аппарата и совершенно не соответствовали уровню образования, квалификации членов избирательных комиссий. Некомпетентность усугублялась радикальным «комбедовским» настроем части низовых советских работников, определявших круг «лишенцев» в соответствии с «классовым чутьем», желанием дискредитировать зажиточных, авторитетных крестьян в глазах односельчан, в ряде случаев и отомстить за личные, семейные обиды и т.д.

Сказанное не исключало непреднамеренных последствий реализации практик лишения избирательных прав, четыре причины, сформулированные Р. К. Мертоном[1405], отчетливо проявлялись в реализации практики избирательных цензов. Сознательные искажения приводили к дискриминации самых слабых и беззащитных граждан, непреднамеренные ошибки были обусловлены низкой квалификацией членов избиркомов, незнанием избирательного законодательства, его неправильной трактовкой. Радикальный левый настрой низовых советских работников, ставший основополагающей частью их мировоззрения (который можно интерпретировать как базовые ценности в концепции Мертона), усвоенный ими в годы революции и Гражданской войны, усугубляли допущенные ошибки и некомпетентность, повышали градус социального напряжения. Стремление решать сиюминутные интересы, отраженные в политических директивах вышестоящих партийных органов, членами избиркомов и исполкомов приводили к высокой степени дискреции в их действиях.

Каковы были непреднамеренные последствия действия различных факторов? Главным незапланированным последствием стало превращение лишения избирательных прав из меры ограничения политических прав в мощный инструмент социальной трансформации послереволюционного общества. Реализуемые практики лишения избирательных прав на местах делали положение лиц, лишенных избирательных прав совершенно невыносимым в социальном и бытовом аспектах, подталкивая их к скорейшей смене вида деятельности, места жительства, становились важным фактором социально-экономических, демографических и миграционных процессов.

Многочисленные дополнительные ограничения в правах, общественный остракизм, вынуждали «лишенцев» вести настоящую «битву с властью» за восстановление в правах. Те, кто не смог восстановиться в правах, стремились сменить местожительство, скрыть неполноправный социальный статус, как показывали многочисленные проверки это было одной из самых распространенных тактик, особенно в городах, их успешной реализации способствовало отсутствие отлаженного механизма ведения учета. В этом смысле, несовершенство советского низового

[1405] Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

аппарата, плохой контроль привели к другим непреднамеренным последствиям – возможности избежать ограничений, связанных с лишением избирательных прав.

Насколько практики лишения избирательных прав вышли за пределы законодательного оформления института? Оценивая функционирование института лишения избирательных прав в Советской России, констатируем, что этот институт вышел за пределы избирательной системы в процессе эволюции замысла и становления законодательства, и к середине 1920-х гг. он уже слабо соотносился с первоначальным замыслом ограничения «классовых врагов» в политических правах, реализация практики лишения прав лишь кратно усиливала эффект, усугубляла последствия, доводя их в ряде случаев, до абсурда. Практики лишения избирательных прав вполне соответствовали основным задачам, стоявшим перед институтом: в первоначальный период – отстранить противников большевиков от участия в выборах, а впоследствии – оказать давление на непролетарские слои населения, обострив социальные противоречия в обществе, что не исключало и непреднамеренных последствий.

3.2. Советский избирательный процесс: реализация форм и процедур

Образование избирательных участков: производственно-территориальный принцип в советской избирательной практике. Образование избирательных участков относится к организационным или техническим условиям проведения выборов и обычно эта стадия избирательного процесса отдельно не обсуждается в литературе, но только не в случае с рассматриваемым периодом, учитывая насколько значимое внимание большевики уделяли производственно-территориальному принципу избирательных единиц. В отличие от советских правоведов, доказывавших превосходство производственного принципа перед территориальным, практические работники 1920-х гг. сосредотачивались на обсуждении более приземленных вопросов: оптимальных размерах избирательных единиц, их доступности, обеспечения помещениями. При анализе складывавшихся практик производственно-территориального принципа важно установить специфику его реализации в городах и сельской местности в разные периоды, его влияние на другие аспекты избирательного процесса и результаты выборов.

Организация выборов по территориальным и производственным единицам сопровождалась множеством практических проблем, как в сельской местности, так и городах. Поскольку в сельской местности единственно возможным являлся территориальный принцип проведения избирательных собраний, то обсуждаться мог только размер избирательной единицы. На протяжении 1920-х гг. среди советских работников наиболее дискуссионным оставалось определение оптимального размера территории и численности населения для сельского Совета и соответственно для организации избирательных собраний. Хотя пик обсуждения организационных вопросов пришелся на вторую половину 1920-х гг., уже в начале десятилетия проблемы с определением размеров избирательных участков и численности населения стояли достаточно остро.

По данным, поступавшим в Наркомат внутренних дел в 1919–1921 гг., проблемы доступности проведения избирательных собраний отсутствовали для 71 % сельских Советов (в 101 уезде 37 губерний), охватывавших один населенный пункт[1406]. Серьезные

[1406] Владимирский М. Организация Советской власти на местах … С. 12.

проблемы с доступностью возникали в сельских Советах, охватывавших от 2 до 10 населенных пунктов (26,4 %) и особенно от 10 до 50 населенных пунктов (2,1 %)[1407]. Участие в избирательных собраниях последних предполагало решение транспортной проблемы, поскольку они располагались за несколько десятков километров от места жительства крестьян. Наиболее актуальной эта проблема была для Северо-Западных губерний – Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской, с малочисленным населением и отдаленным расположением населенных пунктов[1408].

Советские работники безошибочно определили влияние расположения избирательных участков и условий проведения избирательных собраний на явку населения на выборы. Инструкторы ВЦИК, проводившие обследование выборов в 1924 г. в 46 волостях, констатировали, что одной из причин низкой явки населения является отдаленность расположения избирательных собраний: «дальность расположения собрания иногда составляла 10–15 верст, что особенно влияло на участие женщин, которые не могли оторваться от хозяйства и детей на длительное время»[1409]. При этом решение проблемы местным властям виделось не в разбивке на более мелкие участки, а в делегированном представительстве крестьян от селений: «во многих селениях производились двухстепенные выборы, в Керженской волости Нижегородской губернии из 66 населенных пунктов 54 непосредственного участия не принимали, вместо 5782 избирателей присутствовало 306, из них 14 женщин»[1410].

Другой проблемой организации избирательных собраний в деревне была многочисленность населения в пределах одного сельсовета. По данным НКВД в 1920 г. около 50 % сельских Советов охватывало более тысячи жителей, и проведение избирательных собраний для них требовало проведение собраний на отдельных участках, чего власти не делали[1411]. На практике, повсеместно эта проблема решалась «традицией посылать на собрания старшего из семьи»[1412], фактически на выборах участвовали только главы семей. Во многих исследованиях отмечается преемственность дореволюционного сельского схода и советского избирательного собрания первой

[1407] Там же.
[1408] Там же.
[1409] ГАРФ. Ф.Р- 1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 310.
[1410] Там же. Л. 310.
[1411] Владимирский М. Организация Советской власти на местах … С. 12
[1412] ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 310.

половины 1920-х гг.[1413] По мнению А. Н. Юдина именно это стало причиной массового неучастия в избирательных собраниях женщин и пожилых людей[1414].

Эта проблема сопровождалась на протяжении 1920-х гг. отсутствием вместительных и отапливаемых помещений в сельской местности[1415]. Чаще всего под избирательные собрания использовались помещения школ, больших изб, сельсовета, и даже церквей. Но любое из перечисленных помещений редко могло вместить более 200 чел. Поэтому нередко приходилось проводить собрания на открытом воздухе. В первой половине 1920-х гг. выборные кампании приходились на летние и осенние месяцы, и подобная организация крестьянам представлялась допустимой. Наибольшие проблемы с помещениями возникли в 1925 г., когда выборы стали проводиться в зимний период.

Реализация политики «оживления Советов» потребовала от организаторов выборов сделать их максимально доступными для населения, создать благоприятные условия для участия избирателей на многочасовых собраниях. Местным властям предстояло на практике реализовать требования избирательного законодательства 1925–1929 гг., предполагавшие разукрупнение избирательных единиц и максимальное приближение собраний к сельскому населению. Уже в кампанию 1925/26 г. организаторы выборов стали уменьшать избирательные единицы в селе, считая оптимальным числом участников собрания в 300–500 чел. Впервые в крупных селах стали проводить собрания по отдельным участкам. Эти изменения фиксировала статистика Центризбиркома, в кампанию 1925/26 г. число избирательных участков в сельской местности в различных губерниях увеличилось от 4 до 30 %[1416]. В последующие выборы наблюдалось дальнейшее разукрупнение избирательных участков. В РСФСР в сельской местности в 1927 г. было организовано 207 270 избирательных участков, в среднем участок охватывал 182 избирателя, в 1929 г. число участков увеличилось почти на треть до 275 567, на каждый из которых приходилось 142 избирателя[1417]. Примечательно, что крестьяне, с одной стороны, жаловались на тесноту помещений, а с другой «выражали недовольство разделением больших

[1413] Юдин А. Н. Сельские Советы в Тамбовской губернии в 1921–1924 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 149; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 47.
[1414] Юдин А. Н. Указ. соч. С. 175.
[1415] ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 310. Оп. 103. Д. 729. Л. 11–13; Д. 730. Л. 88–93; Д. 732. Л. 47–49.
[1416] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 1. Л. 23; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 319.
[1417] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 21. Л. 4; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 14.

собраний на отдельные избирательные участки, высказывая подозрение, что это сделано с целью разбить общественное мнение, и провести своих кандидатов»[1418].

Как и прежде, главным ограничением числа участников собраний в сельской местности стало отсутствие вместительных помещений. Самым распространенным помещением для проведения собрания являлась крестьянская изба, однако, даже самые большие из них не могли вместить более 300 чел., поэтому обычными условиями проведения собраний являлись тесные, душные и плохо освещенные помещения «битком набитые избирателями»[1419]. Инструкторы и уполномоченные вышестоящих исполкомов, проверявшие выборы, констатировали распространенную ситуацию когда «крестьяне по несколько часов выдерживали собрание стоя, набив соседние комнаты, проходы, плотным кольцом окружив Президиум»[1420]. В Череповецкой губернии в 1926 г. отмечали полукомичный случай: «в одну крестьянскую избу на предвыборное собрание собралось свыше 300 чел., от такой многолюдности пол не выдержал и рухнул»[1421]. Указания вышестоящих исполкомов организовывать избирательные собрания в помещениях приходских церквей, натыкались на сопротивление местных властей, опасавшихся протестов крестьян, очевидно, сила традиции использования культовых сооружений по прямому назначению, перевешивала аргументы о «просторности помещения»[1422].

В 1930-е гг. была закреплена практика организации небольших по численности собраний в сельской местности, охватывавших не более 300 избирателей, широко распространенным стало деление больших селений на участки[1423]. Наряду с этим, проблема отсутствия удобных, вместительных, отапливаемых помещений не была решена и в 1930-е гг. Инструкторы ВЦИК, инспектировавшие выборы в 1931 и 1934 гг. сообщали о неприсобленности и неподготовленности помещений для проведения избирательных собраний. Так, инструктор орготдела Президиума ВЦИК В. Смирнова, обследовавшая выборы в Раменском районе Московской области 12 ноября 1934 г., сообщала, что «в Михайловском сельсовете в начале доклада председателя, избиратели

[1418] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 42(об).

[1419] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 18; ГАРФ. Ф.Р.-393. Д. 154. Л. 42, 168; Д. 156 Л. 43–60; Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 91. Л. 134; Оп. 106. Д. 239. Л. 123; Д. 527. Л. 55.

[1420] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 91. Л. 134

[1421] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 69.

[1422] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 527. Л. 55.

[1423] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 315. Л. 3–6; Д. 265. Л. 8–21; Д. 597. Л. 1–13; Оп. 112. Д. 7. Л. 19–20; Д. 15 Л. 32–36; Д. 19. Л. 37–40.

стали уходить целыми группами, что вызвано неподготовленностью помещения. Собрание проводилось в школе, за маленькими партами сидеть неудобно, и 40 процентов собравшихся стояли или сидели на полу»[1424]. Аналогичные организационные проблемы зафиксировал инструктор Президиума ВЦИК Ф. Никоноров, обследовавший выборы в ноябре 1934 г. в Курской области. Сотрудник ВЦИК отмечал широкую распространенность практики проведения отдельных собраний для небольших селений в 120–150 чел., одновременно сообщал, что «собрания преимущественно проводятся в школах, однако помещения плохо подготовлены и освещены, часть избирателей сидели за партами, часть стояла в проходах»[1425].

В городах декларировалось сочетание производственного и территориального принципа при организации избирательных собраний. При этом доктринально предпочтительным сами большевики считали проведение собраний по производственным единицам для организованного в профсоюзы или коллективы населения (рабочих и служащих) и красноармейцев[1426]. Эта позиция отражена и в избирательном законодательстве первой половины 1920-х гг., где в качестве единственно возможного принципа организации собраний в городах рассматривался производственный.

Как на практике реализовывался производственно-территориальный принцип проведения собраний в городах? Первые обобщенные данные об участии населения на выборах в городах появляются после окончания Гражданской войны в 1920 г. и из них следует, что большая часть избирательных участков в городах в годы Гражданской войны (там, где они проводились), и после ее окончания, преимущественно организовывалась по производственным единицам – предприятиям, заводам, учреждениям и воинским частям[1427].

С организацией избирательных участков по территориальному принципу ситуация выглядела неоднородно. Обратимся к сведениям, поступавшим в Наркомат внутренних дел об итогах выборов в городах в первой половине 1920-х гг. По сведениям, присылаемым в НКВД, в 1920–1921 гг. только менее четверти городов проводили отдельные собрания по территориальному принципу. Так, в 1921 г. «не

[1424] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 22. Л. 124–134.
[1425] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 19. Л. 37–40.
[1426] Бродович С. Основные элементы советской избирательной системы // Власть Советов. 1923. № 4. С. 47.
[1427] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 8, 16, 42, 58, 62.

организованных в профсоюзы» избирателей исключали из электорального корпуса не только небольших городов (например, городов Владимирской губернии – Юрьеве-Польском, Суздале, Меленках, Вязниках и др.), но и многих средних и крупных городов – Уфе, Твери, Иркутске, Барнауле, Самаре и т.д.[1428] Постепенно число городов, где избирательные собрания организовывались по территориальному принципу, увеличивалось. В 1922 г. в ряде губернских центров «не организованных в профсоюзы» избирателей стали включать в электоральный корпус, к числу таких городов относились: Нижний Новгород, Екатеринбург, Уфа, Тверь, Ставрополь, Пермь. Но оставалось множество городов, которые проводили выборы только для рабочих и красноармейцев. К их числу, например, относились Барнаул, Самара, города Тамбовской и Саратовской губернии и т.д.[1429]

Наряду с этим, существовало множество избирательных практик в городах, когда создавались избирательные участки в части районов, объединявших избирателей по производственным и территориальным единицам (основная масса избирателей составляли представители советского учреждения или предприятия и к ним могли присоединиться местные жители, проживавшие на территории этого участка), что стало прототипом «смешанных участков» активно внедряемых во второй половине 1920-х гг. По такому пути организации выборов пошли, например, власти Тюмени и Новониколаевска[1430].

Следствием такой организации избирательных участков по территориальному принципу в городах стала чрезвычайно низкая активность непролетарского населения на выборах в начале 1920-х гг. По данным Наркомата внутренних дел, в 1920–1922 гг. незначительное число «не организованных в профсоюзы» избирателей приняло участие в выборах: в 1920 г. – 3,9 %, 1921 г. – 16,3 %, 1922 г. – 10,9 %[1431].

Сознательным ли было исключение из избирательного процесса в начале 1920-х гг. представителей непролетарского населения? В историографии преобладает мнение о непреднамеренном характере исключения, которое обосновывается техническими и организационными недочетами проведения избирательных кампаний первой половины

[1428] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 4–80.

[1429] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 36. Д. 6. Л. 4–40.

[1430] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского Совета в годы НЭПа // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 3. С. 17–21; Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск. 2015. Выпуск 6. С. 135–142.

[1431] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 41.

1920-х гг.[1432] Эта позиция имеет под собой основание, во многих городах местные власти объясняли нежелание проводить выборы по территориальному принципу отсутствием налаженного учета избирателей, системы оповещения, а в ряде случаев и вместительных помещений (с этой проблемой в первую очередь сталкивались небольшие города до 5–10 тыс. населения)[1433]. Другими исследователями отмечается высокий уровень абсентеизма и аполитичность «обывательского» населения городов, что делало бессмысленной организацию отдельных собраний для «не организованных в профсоюзы» избирателей, поскольку они заведомо не собирались принимать участие в советских выборах[1434].

Наряду с этим, высказывается мнение и о вполне осознанном отказе от организации избирательных участков по территориальному принципу. А. Н. Чистиков, исследуя выборы в Петрограде в годы революции и Гражданской войны, считает, исключение домашних хозяек, интеллигенции и учащихся не техническим недочетом, а способом обеспечения большевистского состава Совета в Петрограде, полагая, что «большевики сознательно регулировали приток новых групп избирателей, гарантируя себя от поражения»[1435].

Представляется, что обе позиции верны отчасти. С одной стороны, прямых указаний советских органов или директив партии, направленных на ограничение участия непролетарского населения в выборах, нижестоящим Советам не давалось. Но и решений об обязательности их участия в выборах также не было принято. Напомним, что в общероссийском и региональном избирательном законодательстве 1920–1924 гг. регламентировалось только проведение избирательных собраний по производственному принципу, организация собраний для «не организованных в профсоюзы» избирателей, оставалась на усмотрение организаторов выборов на местах. Как и многие другие избирательные процедуры, организация избирательных собраний по территориальному принципу регулировались на основе сложившейся практики на местах. Это в значительной степени объясняет разнородную картину организации собраний для непролетарских слоев населения. Исходя из ситуации на местах, соотношения

[1432] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими Советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990. С. 197.

[1433] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а, Д. 95. Л. 191; Д. 156. Л. 78–84.

[1434] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 18; Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах второй половины 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148.

[1435] Петроград на переломе эпох. город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 24–25.

пролетарского и непролетарского населения в городах, участия оппозиционных партий и других факторов, в каждой губернии или городе принималось решение об организации избирательных собраний для «неорганизованных» избирателей, норм представительства для различных категорий и т.д. В целом, утверждение о преднамеренном отказе от организации собраний по территориальному принципу в первой половине 1920-х гг. является небеспочвенным, и он использовался как дополнительный способ избрания лояльных правящей партии составов Советов.

Только начиная с кампании 1925/26 г. в рамках реализации политики «оживления Советов», организация собраний по территориальному принципу стала обязательной в городах, и соответственно производственно-территориальный принцип, заявленный в Конституции 1918 г., стал повсеместно воплощаться на практике. Для рабочих, служащих и красноармейцев, как и ранее, избирательные собрания проводились по месту работу или службы. Для горожан, «не организованных в профсоюзы» (домохозяек, кустарей, ремесленников, пенсионеров, инвалидов, безработных, учащихся, и других групп населения), собрания стали организовывать по месту жительства.

Проблема отсутствия вместительных помещений в городах, нередко приводимая местными работниками в качестве причины не проведения собраний по территориальному принципу в первой половине 1920-х гг., являлась в значительной степени надуманной. Местные власти, получив указания из центра об обязательности проведения выборов для «не организованных в профсоюзы» избирателей, оперативно решили проблему, и нашли необходимые помещения. В отличие от сельской местности, в большинстве городов не существовало проблем с вместительными помещениями. Избирательные собрания проводились в учебных заведениях (школах, техникумах, вузах), клубах, кинотеатрах, театрах и других имеющихся в распоряжении местного исполкома помещениях. Чаще всего собрания проводились по районам, однако в небольших городах, могло проводиться и одно собрание на весь город. В жалобе, поступившей в 1926 г. из г. Киржач Владимирской губернии горожане сообщали, что «выборы проходили в единственном городском клубе, власти отказались проводить собрания по-районно, заявив, что выбирать надо сразу в одном месте и любым количеством собравшихся»[1436]. Первоначально, в кампанию 1925/26 г. избирательные

[1436] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 15. Л. 83, 83(об).

участки в городах были крупными, составляя от одной до пяти тыс. чел.[1437] В последующие кампании, местные работники, осознав сложность проведения собраний при таком размере участка и количестве населения, стремились разбить участки до тысячи чел.[1438] Удобным для проведения собрания в городе считался размер участка, не превышающий 500–700 избирателей, выявление более крупных участков в кампанию 1928/29 г. давало возможность проверявшим делать вывод о «формальном отношении к проведению выборов»[1439].

Статистика Центризбиркома свидетельствовала о разукрупнении избирательных участков в городах. В 1927 г. в 505 городах РСФСР насчитывалось 15 705 избирательных участков, на каждый из них в среднем приходилось 366 избирателей. В 1929 г. произошло значительное увеличение числа участков до 21 963, в среднем участок охватывал 299 избирателей. При этом участки для «не организованных в профсоюзы» избирателей были заметно крупнее, в 1927 г. в среднем насчитывая 654 избирателя, тогда как для «организованных» – 324 чел. (в 1929 г. – 463 и 264 избирателя соответственно)[1440].

Нередко помехой для повышения явки «неорганизованных» избирателей, становилась отдаленность расположения участков от места жительства избирателей, для участия в выборах им нужно было ехать вечером «через полгорода», чем нередко объяснилась низкая активная населения (в кампанию 1925/26 г. такие факты фиксировались в Вязниках, Троицке, Красноярске, Ардатове, Сызрани, Канске, Чите и других городах)[1441]. В последующие кампании проблему неудобного расположения участков, также как и поиска вместительных помещений под организацию собраний, удалось оперативно решить. Организаторы выборов для обеспечения высокой явки населения старались найти удобные по расположению помещения для местных жителей, и в целом к кампании 1928/29 г. эта проблема остро не стояла[1442].

Смешанные собрания горожан, представлявшие объединение рабочих и домохозяек в одном собрании, казавшиеся панацеей центральным органам, на практике

[1437] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 48–49.
[1438] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 124.
[1439] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 122; Д. 534. Л. 15.
[1440] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 21. Л. 11; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 14.
[1441] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 164. Д. 56. Л. 52.
[1442] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 131–134.

не пользовались популярностью, и были малоэффективны для преодоления абсентеизма горожан[1443].

В 1930-е гг. была закреплена практика организации избирательных собраний в городах по производственно-территориальному принципу. Организаторы выборов использовали успешный опыт второй половины 1920-х гг., когда основные проблемы по расположению участков, поиску вместительных помещений, численности избирателей на участках в городах были решены. Дискриминации «не организованных в профсоюзы» избирателей также не фиксировалось[1444].

Наряду с этим, в 1930-е гг. организаторы выборов стали относиться формально к реализации производственного принципа. В кампании 1930/31 и 1934 г. помещения для проведения собраний не были подготовлены, нередко выборы проводились по сменам или цехам во время перерывов, непосредственно на месте работы, без соблюдения необходимых процедур. Подобные факты массово фиксировались по всей стране, не избежали их и столичные предприятия. Так, референты орготдела ВЦИК Шамков И. И. и Снопов Д. В., проверявшие избирательные собрания на предприятиях Хамовнического и Бауманского районов г. Москвы в 1930 г., отмечали, что на фабриках «Красная роза», «Ливерс», «Красная работница», им. Клары Цеткин, им. Балакирева избирательные собрания проводились во время небольших производственных перерывов, в помещениях цехов[1445]. При этом сотрудники ВЦИК отмечали плохую подготовленность помещений и отсутствие агитационных материалов. На предприятиях Бауманского района отмечали, что «помещения не готовятся для выборов, лозунгов и плакатов нигде нет»[1446]. Аналогичная ситуация фиксировалась и на предприятиях Хамовнического района «отпечатанное большое количество плакатов, лозунгов и отчетов кипами лежит в райсовете»[1447]. В кампанию 1934 г. ряд предприятий подошли более ответственно к подготовке избирательных собраний, проверявший организацию выборов сотрудник орготдела ВЦИК на предприятиях Фрунзенского района г. Москвы, отмечал создание 80

[1443] Мостовая Е. Женщина на перевыборах Советов // Власть Советов. 1927. № 42. С. 15–16; Зайцев П. Организация перевыборов Советов // Власть Советов. 1926. № 51. С. 3–4; Мостовая Е. О вовлечении женщин в избирательную кампанию // Власть Советов. 1926. № 51. С. 19–20; Спорные вопросы избирательной системы // Власть Советов. 1926. № 51. С. 20–21.

[1444] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 1–13; Д. 251. Л. 2–8.

[1445] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 604. Л. 4–5(об), 6–9.

[1446] Там же. Л. 7.

[1447] Там же. Л. 4–5(об).

подсобных избирательных комиссий на предприятиях, «полное обеспечение участков помещениями и телефонной связью»[1448].

Практики реализации производственно-территориального принципа значительно отличалась в разные периоды и определялись реализуемой электоральной моделью. В рамках избирательной модели, сложившейся в первой половине 1920-х гг., характеризовавшейся жестким партийно-государственным давлением на население, подавлением любой альтернативности, формализацией избирательных процедур, в городах преимущественно реализовывался производственный принцип, собрания для «не организованных в профсоюзы» избирателей проводились только в части городов.

Возвращаясь к методологии Р. К Мертона[1449], какие последствия имели действия членов местных избиркомов при реализации производственно-территориального принципа в первой половине 1920-х гг.? В первую очередь отметим, что причины, выделенные Мертоном, с очевидностью просматриваются в практике реализации производственно-территориального принципа: сознательные ошибки, допускаемые сотрудниками местных Советов и партийных комитетов, приводили к преднамеренному отказу от проведения в части городов выборов по территориальному принципу, ошибки из-за некомпетентности – к неудобному размещению участков для голосования в сельской местности и городах. Местные советские и партийные работники при отказе от проведения собраний по территориальному принципу руководствовались опасениями формирования непролетарских составов Советов на избирательных собраниях «обывательского населения» в городах, во избежание чего старались минимизировать их участие в выборах. Очевидно их действия были обусловлены как попыткой решить сиюминутные интересы, отраженные в политических директивах партийных органов, так и укрепившимися в сознании идеологическими классовыми убеждениями.

Какие последствия имел отказ от организации собраний по территориальному принципу в городах в первой половине 1920-х гг.? Проведение выборов по производственному принципу фактически приводил к изначально незапланированному отстранению от выборов значительной части горожан (до половины населения), обладавших избирательными правами (кустарей, домохозяек, пенсионеров и других категорий). Следствием различных ограничений в реализации производственно-

[1448] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 134

[1449] Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

территориального принципа (включая вполне банальные бытовые: отдаленность, транспортная недоступность избирательных участков, отсутствие вместительных, отапливаемых помещений) стало привлечение на избирательные собрания в первой половине 1920-х гг. крайне малочисленного и максимально лояльного власти населения в городах и деревне, что в конечном счете привело к совершенно незапланированным последствиям – снижению поддержки населения и кризису легитимации.

Стремление преодолеть кризис легитимации власти и расширить поддержку населения, вынудило организаторов выборов сделать их максимально доступными для населения, создать благоприятные условия для участия избирателей на многочасовых собраниях. Начиная с кампании 1925/26 г. в городах выборы повсеместно стали проводиться по производственно-территориальному принципу. Местным властям удалось достаточно быстро и эффективно решить организационные проблемы проведения собраний по территориальному принципу, связанные с поиском вместительных помещений, удаленности расположений участков, оповещения населения, что в числе других причин позитивно повлияло на преодоление высокого абсентеизма горожан. В сельской местности организаторам выборов также удалось решить задачу территориальной доступности собраний для избирателей. Распространенной практикой на местах стало разбивка крупных поселений на избирательные участки, и проведение собраний в небольших поселениях. Острой оставалась проблема нехватки вместительных и отапливаемых помещений.

Советские работники быстро установили взаимосвязь удобства расположения, доступности и вместительности избирательных участков с явкой населения на выборы, это касалось как городских, так и сельских участков, и использовали этот фактор для обеспечения необходимых властям результатов. Реализация производственно-территориального принципа выходила за пределы исключительно технического аспекта организации выборов, и становилась фактором, оказывавшим влияние на результаты выборов. Организация избирательных участков по производственному принципу органично вписался в советскую избирательную систему, став дополнительным способом предоставления преимуществ на выборах городскому пролетариату.

Нормы представительства в Советы на практике. Установление норм представительства наряду с образованием избирательных участков относятся к исходным, организационным условиям проведения выборов, и обычно исследователи

лишь периферийно уделяют внимание этому аспекту избирательного процесса [1450]. В советской и российской историографии в работах, посвященных становлению советской системы и деятельности Советов эпизодически также находит отражение ситуация с установлением норм представительства для различных социальных слоев[1451].

Делопроизводство Наркомата внутренних дел и Всероссийской центральной избирательной комиссии не оставляют сомнений в значимости этого вопроса, едва не половина переписки с региональными исполкомами в 1920-е гг. посвящена их согласованию, изменению и особенностям применения в городах, областях и краях, и потому полагаем невозможным проигнорировать его рассмотрение. Ранее мы установили, что институт неравных выборов являлся одним из важных инструментов обеспечения необходимых большевикам составов Советов и съездов, способом предоставления преимущества городскому населению перед сельским. Как на практике реализовывались нормы представительства и какие слои получали преимущества в нормах представительствах? С какими проблемами сталкивались местные власти при реализации норм представительства и каких изменений добивались от центральных властей?

Высокая нестабильность законодательства, регулировавшего нормы представительства, создавала условия для его хаотичного применения на местах. В первой половине 1920-х гг. реализация норм представительства носила бессистемный характер, губернские и местные исполкомы самостоятельно устанавливали нормы представительства, нарушая общероссийские нормы. Разнородность норм представительства в первой половине 1920-х гг. зафиксировали представители НКВД и ВЦИК, занимавшиеся в то время организацией избирательных кампаний в стране. Так, при обследовании выборов в 1924 г. в 46 волостях, проведенном сотрудниками организационного отдела ВЦИК выяснилось, что лишь в 4 волостях соблюдались нормы

[1450] Лукьянчикова Л. В. Советская политика вовлечения общества в управление государством: теоретическая модель и конституционно-правовое закрепление в первые годы советской власти // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3. С. 6–11; Исаев И. А. 1918: Конституционный выбор // LEX RUSSICA. 2018. № 11(144). С. 162–168; Очерки по истории выборов и избирательного права / авт. проекта Ю. А. Веденеев. Калуга, 2002. С. 610–611; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 47; Петрищева Н.С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний …; Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях НЭПа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2014; Дмитриевцева А. А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.

[1451] Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917–июль 1918 гг.). М., 1958; Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и Гражданской войны. М., 1968; Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919–март 1921 гг.). Новосибирск, 1985; Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими Советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990.

представительства в сельские Советы, установленные законодательством (1 депутат от 100 жителей). В 4-х волостях избирали 1 депутата от 50 жителей, в 7 волостях – от 200, в 2-х волостях от 250, в остальных от 300 жителей. Причины понижения или повышения норм представительства в сельские Советы не были определены, сотрудники ВЦИК лишь констатировали, что «нормы устанавливаются по личному усмотрению председателей волостных или уездных исполкомов»[1452].

Не менее разнообразными были нормы представительства в горсоветы в первой половине 1920-х гг. Устанавливались эти нормы губернскими исполкомами, исходя из местных условий, предоставляя преимущество в представительстве различным слоям населения, чаще всего рабочим предприятий и красноармейцам. Так, по данным НКВД в 1920 г. конституционная норма представительства нормы на выборах в горсоветы выдерживалась только в Астрахани – 1 депутат от 1000 жителей. В Туле избирали по норме 1 депутат от 250 избирателей, в Нижнем Новгороде – 1 от 300 избирателей, в Петрограде – 1 от 400, в Вологде 1 от 500, в Самаре и Тюмени 1 от 100, Орле, Казани – 1 от 50 избирателей[1453]. Чрезвычайно пестрая картина с нормами представительства в городах в первые избирательные кампании, не соответствующая законодательно установленным нормам, признавалась и в советской историографии[1454].

Кроме того, большинство городов устанавливали отдельные нормы для различных групп городского населения[1455]. Наиболее дифференцированными по различным социальным группам были нормы представительства в Ставрополе и г. Камне Новониколаевской губернии. В Ставрополе наибольшим преимуществом пользовались красноармейцы, они избирали по норме 1 депутат от 100 избирателей, члены профсоюзов и рабочие предприятий по норме 1 депутат от 200 избирателей, окраины города избирали по норме 1 депутат от 1000 избирателей[1456]. В Камне для членов профсоюзов и красноармейцев устанавливалось 20-ти кратное преимущество в норме представительства перед крестьянским населением города. Пролетарские слои населения избирали по норме 1 депутат от 50 избирателей, а от крестьянского населения города – 1 депутат от 1000 избирателей[1457].

[1452] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 307.

[1453] Владимирский М. Организация Советской власти на местах … С. 33–34.

[1454] Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции …С. 112–115; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919–март 1921 гг.) Новосибирск, 1978. С. 274–275.

[1455] Владимирский М. Организация Советской власти на местах … С. 37.

[1456] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 36. Д. 2. Л. 14–17; Д. 6. Л. 32.

[1457] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 36. Д. 6. Л. 141.

Аналогичная ситуация наблюдалась и на выборах 1922, 1923 и 1924 гг. НКВД сообщал, что на выборах в горсоветы в 1922 г. только в четырех городах нормы представительства соответствовали положению о городских Советах 1922 г. (1 депутат от 200 избирателей) – Уфе, Барнауле, Самаре и Сарапуле Пермской губернии[1458].

Значительное преимущество в нормах представительства устанавливалось преимущественно в тех городах, где существовали проблемы с численностью рабочего населения. Для формирования необходимых большевикам лояльных составов Советов, предоставлялись значительные преференции пролетариату. В приведенных примерах с большим перевесом норм для рабочих и красноармейцев имелись проблемы с рабочим населением. Так, в выборах 1922 г. в Ставрополе участвовало 14 871 чел. от профсоюзов, 1000 – от красноармейских частей, 18 700 – от окраин городов[1459]. Очевидно, что при единой норме представительства от всех слоев, большинство депутатов в Ставрополе были бы избраны от «мещанского и полукрестьянского населения» города, степень его лояльности к правящей партии была, как правило, невысокой. Аналогичные проблемы были и в других городах[1460].

Предоставление преимущества в нормах красноармейцам и рабочим было мерой сознательной и превентивной, местные исполкомы были нацелены в ходе выборов на победу правящей партии, и предоставление преимущества в представительстве являлось одной из мер по обеспечению необходимых большевикам составов Советов.

Значительно более сложной и запутанной выглядела ситуация с нормами представительства на съезды Советов всех уровней, и бенефициары от их применения были неочевидны руководству страны. Наркомат внутренних дел, анализируя сведения о нормах представительства в первой половине 1920-х гг., констатировал две тенденции. Во-первых, соотношение норм представительства городского и сельского населения на съездах различного уровня не соответствовало предусмотренным нормам в законодательстве, с существенным преобладанием крестьян. Кроме того, губернские исполкомы самостоятельно устанавливали нормы представительства в нарушение всероссийских норм, что приводило к существенным различиям норм в разных губерниях.

[1458] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 36. Д. 2. Л. 19–23; Д. 6. Л. 4, 5, 30, 149.
[1459] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 36. Д. 6. Л. 32.
[1460] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 36. Д. 2. Л. 14–23.

Нарком внутренних дел А. Г. Белобородов в апреле 1924 г. в записке, представленной в ЦК РКП(б) выражал обеспокоенность относительно соотношения норм представительства городского и сельского населения на съездах различного уровня. Проведенные расчеты Наркомата внутренних дел показывали, что в среднем от городского населения на губернских съездах было 37 % и от сельского – 63. городские избиратели, составлявшие 17,5 % избирателей в стране «путем прямого и косвенно представительства, имеют на губернских съездах 35,7 % мест, а сельсоветы, объединяющие 82,5 %, имеют 64,3 % мест»[1461]. По подсчетам, представленным наркомом внутренних дел, на уездных съездах преимущество горожан выглядело незначительным (в пределах 5 %), и на губернских было лишь двукратным[1462]. Выше отмечалось, что эта ситуация была предопределена как способами формирования губернских и уездных съездов, так и нормами представительства.

Партийное и советское руководство беспокоила тенденция увеличения представительства крестьян на уездных и губернских съездах в период нэпа и восстановления городского населения после завершения Гражданской войны, и делался вывод, что «на местах сознательно стремятся дать на уездных съездах больше представителей от крестьянского населения»[1463].

Помимо проблем с соотношением представительства городского и крестьянского населения на съездах, нормы представительства, установленные различными губернскими исполкомами, существенно отличались. В записке, составленной сотрудниками НКВД, и направленной в ЦК РКП(б) в июле 1924 г., отмечалась значительная разница в нормах представительства в различных губерниях. Так, на 1 делегата волостного съезда в Вотской автономной области приходилось 673 жителя, в Иваново-Вознесенской губернии – 258, в Нижегородской – 445, Новгородской – 209, Саратовской – 579 жителей[1464].

Нормы представительства на уездные съезды по данным НКВД также существенно варьировались по различным губерниям. По имевшимся данным у статистического отдела НКВД по 104 уездам в 1921 г., только в 46 соблюдалась конституционная норма представительства, в 23 уездах была значительно понижена (1

[1461] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 6.
[1462] Там же. Л. 6.
[1463] Там же. Л. 4.
[1464] Там же. Л. 235.

депутат от 800 жителей), и в 35 уездах значительно повышена (1 депутат от более 1500 жителей). Нормы представительства на уездные съезды напрямую зависели от численности населения в уездах[1465].

Эти данные не могли не вызвать беспокойства высшего партийного руководства, ставя под сомнение не только пролетарскую сущность государства, но и управляемость местными исполкомами.

Первые попытки унифицировать нормы представительства предпринял организационный отдел ВЦИК в 1924 г. после начала передачи дел по руководству избирательными кампаниями от НКВД[1466]. По поступившим запросам от губернских и областных исполкомов устанавливались особые нормы представительства для окраин на съезды различных уровней. Для Енисейской, Актюбинской, Букеевской и Кустанайской губерний норма представительства на волостные и уездные съезды, установленная законодательством, повышалась в три раза. В четыре раза повышалась норма представительства на съезды для Архангельской, Омской, Томской и Иркутской губерний, губерний Дальневосточной области, Адыгейской и Калмыцкой автономных областях, и в шесть раз – для Бурят-Монгольской и Якутской автономных республиках[1467].

В циркулярном письме ВЦИК от 11 января 1925 г. «Об изменении норм представительства для выборов делегатов на волостные, районные и уездные съезды Советов» устанавливался порядок принятия решения об изменении. В случае многочисленности населения понижение норм представительства допускалось производить постановлениями ЦИК автономных республик, или краевых, губернских исполкомов. Повышение норм представительства осуществлялось «в зависимости от местных условий, и в исключительных случаях с особого каждый раз разрешения Президиума ВЦИК»[1468].

Однако полномасштабная кампания по унификации применения норм представительства началась только с осени 1925 г. – момента создания Всероссийской центральной избирательной комиссии. Вполне закономерно, что накануне и в ходе избирательных кампаний 1926/27 г. и 1928/29 г., нормы представительства становятся

[1465] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. Вып. II. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. М., 1921. С. 8–9.

[1466] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 102. Д. 89. Л. 23.

[1467] Там же. Л. 25.

[1468] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 77. Л. 148.

темой оживленного обсуждения между региональными исполкомами и Центризбиркомом, но последний не торопился менять общие нормы, а давал разрешение на их изменение в отдельных областях, демонстрируя монополию на изменение норм представительства, и пресекая самовольное их нарушение.

Запросы, поступавшие от губернских исполкомов в Центральную избирательную комиссию и ВЦИК по поводу определения норм представительства, составляли одну из самых многочисленных групп (во второй половине 1920-х гг. более трети запросов). Причины, по которым региональные исполкомы обращались с просьбой изменить нормы представительства, сводились к нескольким обстоятельствам. Большинство запросов обуславливалось низкой плотностью населения и особенностями быта ряда национальных меньшинств. Архангельская, Мурманская, Северо-Двинская губернии, Карельская АССР, Сибирский край, Дальний Восток – регионы с малочисленным населением, просили о значительном повышении нормы представительства в Советы и на съезды[1469]. В ряде национальных республик помимо низкой плотности населения специфичными были и условия проживания народностей или национальных меньшинств. Такими причинами обосновывали свои просьбы об изменении норм представительства исполкомы Чувашской, Якутской, Бурят-Монгольской, Дагестанской, Казакской АССР, Коми, Ойротской, Калмыцкой, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской автономных областей и других национальных образований[1470]. ВЦИК и Центризбирком, стремясь повысить уровень активности населения окраин, национальных республик и областей, охотно удовлетворял их просьбы, значительно повышая нормы представительства.

Помимо повышения норм представительства для национальных и малонаселенных окраинных регионов, существовали и иные причины изменения норм представительства на выборах. губернские исполкомы чаще всего обращались с просьбами изменить соотношение сельского и городского населения, в пользу последнего, а в городах – в пользу рабочих и красноармейцев. Так, в запросе Калужского губернского исполкома от 26 декабря 1926 г. сообщалось, что «не организованное в профсоюзы» население города представляет самую крупную группу

[1469] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–37; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 12. Л. 60–80; Д. 13. Л. 145–157; Оп. 105. Д. 509. Л. 2–21.

[1470] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 13. Л. 87–213; Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. «Ситуация стабильная»: выборы в советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 66.

избирателей и при низкой ее активности (21,7 %) посылают в горсовет 142 депутата, тогда как члены профсоюзов при значительно большей активности в выборах (59,8 %) посылают только 139 депутатов»[1471]. Председатель Калужского губернского исполкома выражал обеспокоенность относительно будущего состава горсовета при сохранении имевшихся норм представительства и сомневался в возможности «укрепления пролетарского состава в городских Советах». Решение представлялось простым: «выборы депутатов от организованного населения производить от общей численности, а от неорганизованного – лишь от количества присутствующих на избирательных собраниях»[1472].

Аналогичные запросы поступали и из других городов, особенно эта проблема была актуальной для городов, где преобладало непролетарское население, в городах Углич и Новгород выезжали сотрудники ВЦИК разбираться с ситуацией по нормам представительства и низкой явкой населения на выборы[1473]. Региональные исполкомы просили узаконить сложившуюся практику первой половины 1920-х гг. на выборах в горсоветы, предоставив преимущество членам профсоюзов, рабочим, красноармейцам перед непролетарским населением городов (как показано выше в начале 1920-х гг. во многих городах подобная практика была весьма распространенной).

Утверждая изменение норм представительства, руководство страны оказалось в непростой ситуации. С одной стороны, ВЦИК и Центризбирком декларировали борьбу с самовольным изменением норм представительства на съезды и Советы. Ряду губернских исполкомов (Курскому, Тверскому, Самарскому, Тамбовскому, Ульяновскому) было отказано в изменении норм представительства, Центризбирком в циркулярных письмах и разъяснениях по поводу изменения норм представительства настаивал на необходимости «приближения власти к трудящимся» и соблюдения единых установленных норм[1474]. С другой стороны, учитывая непростой социальный состав многих городов, Центризбирком соглашался с изменением норм представительства в пользу рабочего населения городов, или съездов, ущемляя интересы других групп населения[1475].

[1471] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 13. Л. 108.

[1472] Там же.

[1473] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 43–47; Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 97–100.

[1474] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–56; Д. 12. Л. 16–25(об); Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 88. Л. 10–98; Д. 11. Л. 1–8.

[1475] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 12. Л. 16–25(об); Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 101–104.

В целом, во второй половине 1920-х гг. центральным органам удалось придать применению норм представительства на местах более системный и унифицированный характер, четко обозначив приоритеты возможных отклонений от единых норм.

Реализация норм представительства на выборах в 1930-е гг. демонстрировала стабильность и отсутствие серьезных проблем на местах, о чем свидетельствует резко сократившаяся переписка центральных органов с региональными исполкомами. В отличие от предыдущего периода, в 1930-е гг. просьбы местных исполкомов изменить нормы представительства стали редкими. В докладной записке Всероссийской центральной избирательной комиссии во ВЦИК от 17 октября 1934 г. отмечается, что большинство краевых и областных исполкомов просят сохранить прежние нормы представительства. Исключением стали просьбы от Северокавказских республик с просьбой уменьшить нормы представительства на съезды от значительно увеличившегося городского населения[1476].

Несмотря на всю формальность проведения Всероссийских съездов, краевые и областные исполкомы в кампании 1928/29 г. и 1930/31 г. добивались повышения представительства от своих регионов, мотивируя просьбу неправильным учетом населения[1477]. Центризбирком отказывал в удовлетворении ходатайств, ссылаясь на уже принятое постановление о количестве делегатов[1478], а Президиум ВЦИК в специальной радиограмме ЦИК автономных республик, краевым и областным исполкомам от 8.02.1931 г. предлагает «категорически не допускать избрания делегатов в количестве, превышающем установленное вышеуказанным циркуляром, равно не допускать посылки делегатов с совещательным голосом, кандидатов и гостей»[1479]. Учитывая многочисленность просьб краевых и областных исполкомов об увеличении норм представительства и проявленную настойчивость, очевидно, что речь шла о повышении статуса регионов и влиятельности их руководства, возможности поощрить сотрудников и отличившихся работников в регионах.

Основной целью применения неравного представительства в любой избирательной системе является обеспечение преимущества определенному сословию или слою. Насколько эффективным инструментом были неравные нормы

[1476] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 65–69.
[1477] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 163. Л. 41–87; Оп. 108. Д. 24. Л. 60–270.
[1478] Там же. Л. 43.
[1479] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 24. Л. 13.

представительства в советской системе при формировании органов власти? Обратимся к статистике о социальном составе съездов. На губернских съездах в 1922 г. делегатов от крестьянства было 34,7 %, от рабочих – 34 %, от служащих – 33,3 %[1480]; в 1926/27 – от крестьянства – 37,9 %, от рабочих – 33,5 %, от служащих – 23,7 %[1481]. К концу 1920-х гг. и в 1930-е гг. на краевых (республиканских, областных, губернских) наблюдаем рост доли делегатов от рабочих: в 1928/29 г. – 41,8 %, в 1931 г. – 41 % и в 1934 г. – 44,2 %[1482].

Еще более очевидным выглядит доминирование представителей от рабочих и служащих на Всероссийских съездах Советов. На XII съезде, проходившем в мае 1925 г. делегаты от рабочих составили 39,2 %, от служащих – 29,6 %, от крестьян – 31,2 %. На XIII и XIV Всероссийских съездах Советов число делегатов от рабочих еще увеличилось, в 1927 г. они составили 49,4 %, в 1929 г. – 54,2 %[1483]. На XV съезде представительство рабочих составило 54,4 %, крестьян – 25,7 % и служащих – 19,9 %[1484]. Таким образом, горожане, составлявшие менее пятой части населения страны (по переписи населения 1926 г. в РСФСР горожане составляли 17,3 %, селяне – 82,7 %)[1485], были представлены преобладающим числом делегатов в высшем государственном органе РСФСР. Сведения о социальном составе съездов убедительно показывают, что большевики эффективно использовали неравное представительство, дополненное непрямыми выборами в качестве инструментов для обеспечения преимущества городского населения и особенно рабочих в органах власти.

Практика применения норм представительства до 1925 г. обнаруживает исключительное многообразие, повышение или понижение норм представительства определялось местными исполкомами или избиркомами по сложно поддающимся анализу правилам, и невнятными приоритетами. Другого сложно было ожидать в ситуации послереволюционного хаоса, непрерывно изменявшихся норм представительства в законодательстве и отсутствии контроля со стороны центральных органов. Если на законодательном уровне было оформлено преимущество в нормах

[1480] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 5; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 9–14.

[1481] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. Всероссийский съезд Советов и Всероссийский центральный исполнительный комитет. М., 1930. С. 15–17.

[1482] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты … С. 14.

[1483] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 500. Л. 76; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти … С. 18.

[1484] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г. … С. 24–25.

[1485] Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 9. С. 2–13.

представительства городского населения перед сельским, то сложившейся практикой на выборах в горсоветы в первой половине 1920-х гг. стало предоставление преимущества в нормах представительства членам профсоюзов, рабочим и красноармейцам. В дальнейшем, местные исполкомы просили лишь узаконить сложившуюся практику.

Основными причинами таких действий организаторов выборов стали ошибки, допущенные из-за некомпетентности и непонимания бесконечно меняющихся норм представительства, а также сознательных искажений и удовлетворения сиюминутных интересов местных партийных и советских работников, обусловленные стремлением обеспечить директивные показатели составов Советов. Радикальный «классовый» настрой усугублял допущенные ошибки и некомпетентность, добавлял убежденности в правильности действий. К каким последствиям приводили действия местных организаторов выборов? Очевидными усматриваются два следствия: неполнота представительства населения и непредсказуемость результатов выборов, последнее представлялось опасным для руководства страны (например, большее число крестьян на съездах, чем предполагалось), и это категорически его не устаивало, став одним из драйверов процесса унификации норм представительства и в более широком контексте избирательного законодательства и складывавшихся избирательных практик.

Начиная с кампании 1925/26 г. центральные органы стали предпринимать энергичные меры по унификации норм представительства, выработке единых правил их установления, утвердив на практике свою монополию на изменение норм представительства. Пресекая самовольное установление норм представительства местными исполкомами, решения Центризбиркома не затрагивали механизма (содержательных аспектов) предоставления преимуществ на выборах. Основными причинами изменения единых норм представительства стали невозможность формирования полноценных органов из-за малочисленности населения или особенностей уклада жизни, а также сложности формирования лояльных составов горсоветов, в городах с преобладавшим непролетарским населением. В ситуации с применением норм представительства во второй половине 1920-х гг. и начале 1930-х гг. центральным органам удалось добиться приемлемого соотношения городского и сельского населения на съездах различного уровня, с четко обозначенными и явными бенефициарами применения неравных норм представительства.

Учет избирателей, оповещение населения и фиксация явки в электоральной практике. Особенностью советского избирательного процесса до 1936 г. стало составление списков лиц, лишенных избирательных прав, а не избирателей, это отличало его от предыдущего и последующего российского и мирового опыта. Парадоксальность советского избирательного процесса заключалась в том, что при отсутствии обязанности ведения учета избирателей, организаторам выборов необходимо было реализовать избирательные процедуры, связанные с этим учетом – оповестить население о проведении избирательного собрания, зафиксировать явку, заполнить отчет, включающий сведения о явке избирателей.

Следует признать, что наряду с другими аспектами избирательного процесса, которые принято считать организационно-техническими (определение избирательных участков, норм представительства), учет избирателей и процедуры, связанные с ним, находили крайне эпизодическое освещение в советских и современных исследованиях. В советской историографии учет избирателей рассматривался в контексте совершенствования организации избирательных кампаний[1486], в ряде современных исследований также констатируются проблемы с невысоким уровнем достоверности учета избирателей как одного из технических аспектов организации выборов[1487].

Несмотря на то, что учет избирателей так и не стал обязанностью избирательных комиссий на протяжении рассматриваемого периода, для реализации обязательных процедур (оповещения населения и фиксации явки избирателей), в разных формах организаторами выборами он, конечно, проводился. В сельской местности учет избирателей велся по дворовым спискам, имевшимся в сельских Советах, которые в т.ч. использовали и налоговые органы. Типичными оказались результаты проверки выборов в сельские Советы в Борисоглебской волости, проводившейся 23 мая 1925 г. М. В. Кантор – инспектор ЦАУ НКВД отмечал, что «общий список избирателей не ведется ни в одном обследуемом сельсовете, сельсоветы ведут подворные списки по числу объектов обложения. Поскольку списки избирателей отсутствуют, то сверить с посемейным списком не представляется возможным, и число избирателей остается невыясненным»[1488]. В городах в первой половине 1920-х гг. складывались разные

[1486] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими Советами … С. 137–139.

[1487] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 87; Ящук Т. Ф. Организация местной власти в РСФСР.1921– 1929 гг. Омск, 2007. С. 224.

[1488] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 11.

практики учета избирателей, чаще всего они учитывались по предприятиям, в ряде случаев были попытки учесть по районам, в условиях послереволюционной высокой мобильности городского населения, такие способы учета не могли обеспечить высокую достоверность учета избирателей.

Ситуация с учетом избирателей не претерпела принципиальных изменений и во второй половине 1920-х гг., и проблемы с его достоверностью были характерны как для городов, так и для сельской местности. В городах учет избирателей в 1920-е гг. имел слабо формализованный порядок. Проверявшие ход избирательной кампании инструкторы ВЦИК в 1926 г. отмечали «неправильный подход к составлению списков в большинстве городов»[1489]. В стране отсутствовал унифицированный порядок этого учета. Так, в Нижнем Новгороде и Туле проводились «специальные переписи» избирателей (что отмечалось в качестве положительного опыта), в Саратове был зафиксирован еще более оригинальный порядок учета избирателей по специальным заявлениям: «всем кустарям-одиночкам и состоящим в организации предложено подать лично в комиссию заявление о включении их в списки избирателей. Члены семей кустарей, имеющие избирательные права, должны обращаться с просьбой о включении их в списки избирателей в соответствующие комиссии по перевыборам, женщины – в комиссию от домохозяек, безработные – в комиссию от безработных»[1490]. Последующая проверка точности заявительного порядка показала, что «недоучет по городу составляет не менее 40 %, а по отдельным районам достигает 80 %»[1491].

Сотрудники НКВД, ВЦИК и Центризбиркома, повсеместно констатировали проблемы с недоучетом избирателей. Так, инструктор ВЦИК, обследовавший выборы в Курске в 1926 г., отмечал: «к недостаткам необходимо отнести крайне слабый учет избирателей, так, по г. Курску число лиц в избирательном возрасте по данным отчетности составило только 36 % всего населения города. В прошлом году были одни цифры, а затем – другие, несовпадающие с первыми. На запрос об изменении численности избирателей, председатель Анапского райисполкома отвечает, что цифры были дутые, и они в прошлом году приписывали нолики. Объясняется это слабостью,

[1489] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 318.
[1490] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 319.
[1491] Там же. Л. 320.

неналаженностью нашей избирательной статистики, неимоверно вольным отношением к цифрам»[1492].

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Омске, на заседании пленума Омского окружного комитета ВКП(б) 12 января 1927 г. констатировали, что «учет избирателей и лиц, лишенных избирательных прав в Омске, имеет бессистемный, случайный характер»[1493]. Партийные работники констатировали, что численность избирателей «имеет значительные расхождения в материалах ЦСУ, по сведениям Статбюро количество взрослого населения г. Омска – 70 923 чел., по сведениям городской избирательной комиссии – 47 111 чел., и по сведениям райизбиркомов – 43 726 чел.»[1494].

Проверки достоверности учета избирателей, проведенные сотрудниками НКВД в рамках работы комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов перевыборов Советов в 1925/26 г. (март – август 1926 г.), также показали низкую степень его достоверности. По результатам детального обследования в четырех волостях (Красивской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии, Крымскому району Черноморского округа Северо-Кавказского края, Нерльской волости Кашинского уезда, Кубино-Озерской волости Вологодского уезда), нарком внутренних дел А. Г. Белобородов сообщал, что «общим недостатком является отсутствие статистических данных за прошлые кампании, небрежное заполнение статистических сводок, определение изменения численности избирателей «на глазок», в результате чего во всех районах наблюдается уменьшение количества избирателей, уменьшение числа жителей и увеличение процента явившихся на выборы»[1495]. Недоучет сельских избирателей по обследованным уездам составил от 8 до 18 %[1496].

Нельзя сказать, что центральные органы устраивала такая ситуация. Во второй половине 1920-х гг. Центризбирком регулярно поднимал проблему достоверности избирательной отчетности, издавая циркуляры и инструкции по заполнению форм избирательной отчетности, в 1928 г. предложив ввести ответственность за искажение избирательной отчетности для председателей соответствующих исполкомов и избиркомов[1497]. Однако это в значительной степени осталось благим пожеланием, до

[1492] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 13.
[1493] ГАНО. Ф.2-П. Оп. 1. Д. 1381. Л. 245.
[1494] Там же.
[1495] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 40.
[1496] Там же. Л. 45.
[1497] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–12; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 502. Л. 9–15.

1936 г. учет избирателей так и не стал обязанностью избиркомов, уже не говоря о введении юридической ответственности за предоставление недостоверных сведений.

Так, обследование избирательной отчетности, проведенное в Лоскутинском и Ряжском уездах Рязанской губернии, Ржевском уезде Тверской губернии, сотрудниками Центризбиркома в кампанию 1928/29 г. показало незначительные изменения в точности учета избирателей, отношение к избирательному делопроизводству оставалось небрежным. В Лоскутинском уезде выяснилось отсутствие постоянных списков не только избирателей, но и «лишенцев»[1498]. К составлению списков избирателей привлекались ученики школы, комсомольцы, инструктор проводивший проверку отмечал: «в той волости, где я был, недоучет составляет 4 тыс. чел. Причинами недоучета назвали сокрытие возраста девушками старше 18-ти лет. Всего по уезду недоучтенных избирателей выявлено около 6 тыс. мужчин и 22 тыс. женщин»[1499].

Слабо налаженный учет избирателей предопределил проблемы с реализацией процедур, связанных с учетом избирателей – их оповещением и фиксацией явки на избирательные собрания. В случае с оповещением избирателей о месте и времени проведения собрания, в первой половине 1920-х гг. организаторы выборов при отсутствии именных повесток, использовали альтернативные способы оповещения населения. Наиболее распространенными способами извещения населения стало размещение объявлений в средствах массовой информации, вывешивание объявлений и листовок на органах власти и видных местах, а также путем подворного обхода или через личное общение.

В сельской местности, как правило, ограничивались вывешиванием объявления на сельсовете, школе, через подворный обход школьниками, членами сельсоветов, сообщения в людных местах. Короткие сроки, предусмотренные избирательными инструкциями, вполне соответствовали практике на местах. Оповещение происходило, как правило, накануне проведения избирательных собраний. Сотрудник НКВД, проводивший обследование выборов в 10 сельсоветах Борисоглебского волисполкома в 1924 г., отмечал в качестве наиболее распространенного способа оповещения населения – «вывешивание объявлений на видные места накануне выборов и подворный обход, организованный членами сельсовета в день выборов»[1500]. Доклады и отчеты о

[1498] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 571. Л. 9.
[1499] Там же. Л. 11.
[1500] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 11.

проведении выборов в Саратовской, Самарской, Амурской, Владимирской, Енисейской и других губерниях содержат сведения об использовании аналогичных способов оповещения населения о выборах[1501].

В городах в первой половине 1920-х гг. оповещение избирателей производилось через объявления в местных газетах и расклеивание объявлений и листовок на видных местах, а также путем информирования на предприятиях или учреждениях. Такой способ был вполне достаточен при проведении выборов по производственному принципу и нередко приводил к срыву собраний, организовывавшихся по территориальному принципу. Отсутствие налаженного оповещения избирателей называлось одной из важных причин срыва выборов во многих городах. Осенью 1924 года в Канске, Чите, Красноярске, Чембарске, Орске, Ардатове и Мологе избирательные собрания не состоялись по причине неявки, либо незначительной явки избирателей (в Чембарске из 1470 избирателей явилось 80 чел., в Орске из 483 – 21, в Мологе из 450 – 27 чел. и т.д.)[1502]. Причиной провала, по мнению сотрудника НКВД, стало «слишком позднее опубликование участков и дней собраний и отсутствие налаженной системы информирования населения»[1503].

В рамках реализации политики «оживления Советов» особое внимание стало уделяться совершенствованию организационно-технических аспектов выборов. Реорганизация системы оповещения населения об избирательных собраниях как раз и стало одним из проявлений «повышения уровня техники выборов»[1504]. Для оповещения населения во второй половине 1920-х гг. использовались как традиционные способы – объявления, размещенные в средствах массовой информации и в публичных местах, листовки, плакаты. Организаторы выборов, понимая, что значительная часть населения оставалась малограмотной и газет не читала, стали использовать и более оригинальные способы информирования и агитации. В городах для привлечения «неорганизованных» избирателей на выборы широко использовались незаурядные агитационные методы. Так, избирательные комиссии рассылали по отдаленным улицам конных трубачей-сигналистов, оповещавших население о приближении времени открытия собраний. Привлекая избирателей, выборные собрания совмещали с концертами самодеятельных

[1501] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 112–459.
[1502] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 78–84.
[1503] Там же. Л. 79.
[1504] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими Советами … С. 137.

коллективов[1505]. В Омске, например, комсомольцы совместно с Автодором в январе 1929 г. организовали агитпоезд из 11 автомобилей и 2 аэросаней, проводили представления, рассказывали о кандидатах, достижениях советской власти среди «не организованных в профсоюзы» избирателей[1506]. В крупных городах проводились демонстрации, посвященные перевыборам Советов, «демонстранты несли фигуры тех, кого не следует выбирать в совет: нэпманов, разгильдяев и т.п.»[1507]. На улицах городов днем проводились предвыборные карнавалы, а вечером факельные шествия, ледовые представления, состязания-маскарады, где карикатурно изображались «классово-чуждые элементы»[1508].

Именные пригласительные повестки стали реальностью только во второй половине 1920-х гг. и рассматривались как способ повышения явки населения на выборах. Особое значение избирательным повесткам придавалось в сельской местности[1509]. Во всех отчетах отмечалось, что получение повестки дисциплинирует избирателей[1510], поскольку «население чувствует ответственность при получении повесток, одни боятся, другие рассматривают как знак уважения к ним»[1511]. Отмечались даже случаи, когда крестьяне наряду с обертками от конфет, наклеивали избирательные повестки на стены в избах. Советские работники, отмечая тягу крестьян к лубочному искусству, предлагали делать их более яркими и красочными, используя как дополнительный способ агитации[1512]. Инструктор Центризбиркома Немцов, обследовавший выборы в Северо-Двинской губернии в 1929 г., отмечал, что «повестки, имея привлекательный вид с соответствующими агитационными лозунгами, могут служить хорошими проводниками идей коллективизации и других полезных советов крестьянству»[1513].

Наряду с констатацией значимости избирательных повесток как способа оповещения и повышения явки населения, во всех отчетах губернских и краевых

[1505] Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920-1932 гг.). Томск, 1983. С. 112–115.

[1506] Молодой рабочий. 1929. 13 января.

[1507] Советская Сибирь.1929. 10 февраля.

[1508] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами … С. 107–108.

[1509] Балабан Н. Новое в технике выборов (оповещение избирателей путем повесток) // Власть Советов. 1926. № 1. С. 2–4.

[1510] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 54. Д. 102. Л. 9–87; Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 132–133; Оп. 103. Д. 721. Л. 1–24; Оп. 106. Д. 245. Л. 8.

[1511] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 16.

[1512] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 529. Л. 278.

[1513] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 523. Л. 12–13

исполкомов отмечаются ошибки при рассылке и вручении повесток[1514]. Типичными были ошибки, зафиксированные в Златоустовском округе Уральской области: «повестки рассылаются умершим, выбывшим из данной местности, несовершеннолетним, одному лицу вручается по несколько повесток»[1515].

В кампании 1930 и 1934 гг. оповещению избирателей власти стали уделять пристальное внимание, что по сообщениям краевых исполкомов и избиркомов привело к улучшению ситуации: своевременное оповещение повестками, поквартирный или подомовой обход членами избиркомов, информирование с помощью объявлений и плакатов на предприятиях, учреждениях стало обычной практикой[1516]. Однако проверки сотрудников ВЦИК и Центризбиркома свидетельствовали об обратном, они фиксировали многочисленные случаи несвоевременного оповещения повестками, отсутствия объявлений и другой агитации. Так, в 1930 г. на фабрике им. Клары Цеткин в Москве, сотрудник ВЦИК, проводивший обследование выборов, отмечал, что «оповещение избирателей о собраниях поставлено из рук вон плохо, объявления вывешиваются накануне собрания, в повестках не указывается место и время проведения собрания»[1517]. В Хамовническом районе Москвы также отмечались проблемы с несвоевременностью оповещения избирателей: «сроки собраний менялись по нескольку раз, в повестках указывалось неправильное время», кроме того, «отпечатанное большое количество повесток, листовок, плакатов, лозунгов и отчетов кипами так и остались лежать в райсовете»[1518].

В сельской местности также констатировались проблемы со своевременностью оповещения избирателей, что явилось причиной срыва собраний или низкой явки. Так, инструктор орготдела Президиума ВЦИК Симонова отмечала, что в Михайловском сельсовете Раменского района Московской области «10 ноября 1934 г. утром начали оповещать по дворам, что в три часа будет собрание, одновременно вручили повестки, в итоге, из 350 чел. собрались лишь 100 чел. и ни одной женщины»[1519]. В деревне по-прежнему самым распространенным способом оповещения населения являлся подомовой обход. Инструктор ВЦИК, обследовавший выборы в Курской области в

[1514] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 524. Л. 27–61, 70–92, 114–119; Д. 542. Л. 270–278; 291–315; Д. 550. Л. 292 – 307; Л. 315–342.
[1515] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 132.
[1516] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 1–13; Оп. 112. Д. 15 Л. 32–36; Д. 22. Л. 124–134.
[1517] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 604. Л. 9.
[1518] Там же. Л. 5(об).
[1519] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 22. Л. 124.

1934 г. отмечал, что «объявлений, широко извещающих население о собрании и других способов (посылка молодежи, активистов для приглашения колхозников на собрание) за редким исключением не практиковалось, обычно сельисполнитель обойдет под окнами колхозников и предложит явиться на собрание»[1520].

Нерешенные проблемы при реализации процедуры оповещения населения представляются закономерными при отсутствии систематического учета избирателей. Призывы советских работников на совещаниях навести порядок с рассылкой повесток, представляются абсурдными, поскольку нерешенным оставался вопрос с обязательным составлением списков избирателей, и получалось, что местным работникам предлагалось решить не проблему, а ее следствие.

Второй процедурой, непосредственно связанной с учетом избирателей, являлась фиксация их явки. Напомним, что советское законодательство до 1925 г. не предполагало фиксацию явки в качестве обязательной процедуры избирательного собрания. На практике, организаторы выборов были вынуждены учитывать явку из-за требований избирательной отчетности (формы, заполняемые для НКВД и итоговый протокол избирательного собрания). Как устанавливалась явка избирателей при отсутствии поименных списков избирателей в первой половине 1920-х гг.? Устоявшейся практикой стал учет общего числа избирателей, явившихся на собрание, в дальнейшем высчитывался процент явки от примерного числа взрослых жителей населенного пункта или работников на предприятии или учреждении. В ряде случаев отмечали «порядок учета явившихся на собрание проводилось путем регистрации в явочные листы»[1521]. Однако чаще всего подсчет производился «на глазок» членами избиркомов или уполномоченными, проводивших собрания. Массовыми были случаи значительных приписок, завышения данных о явке избирателей, связанных с нежеланием местных властей повторно проводить собрания из-за низкой явки[1522]. Попытки выявить реальное число участников выборов, нередко оставались нереализованными. Интересными наблюдениями делился уполномоченный Амурского губизбиркома С. Круглов в своем отчете от 14 октября 1924 г.: «точную явку населения в текущую избирательную кампанию установить не могу, по общим сведениям явка составила 43 %, но этот процент вызывает большое сомнение, т. к. по данным, приведенным в докладах

[1520] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 19. Л. 40.
[1521] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 11.
[1522] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 121–458.

уполномоченных, процент явившихся на выборах в большинстве колебался между 25 и 30 %»[1523].

Некоторый прогресс наметился после массовой отмены выборов, власть попыталась укрепить доверие населения к власти, сделать выборы более открытыми и свободными. В изменившейся ситуации точность фиксации явки варьировалась в различных городах и регионах и в значительной степени зависела от позиции населения и местных властей. В ряде конфликтных случаев, избиратели настаивали на точном подсчете присутствовавших на собрании и соглашались подписывать протокол только после уточнения всех данных[1524]. Однако чаще всего заполнение протокола и сводок доверяли избирательной комиссии, и в этом случае, достоверность фиксации явки полностью зависела от честности и порядочности членов избиркома, вносивших сведения в протокол и сводки. Местные власти, имея директивные указания обеспечить высокую явку при высокой достоверности ее фиксации, в первую очередь стремились продемонстрировать высокую явку, а не достоверность сведений (начиная с 1925 г. для признания выборов состоявшимися, минимальная явка должна была составлять 35 %).

Несмотря на все директивные указания высших советских органов, местные власти, и в конце 1920-х гг., продолжали заниматься прямыми фальсификациями, существенно завышая данные о явке. Подобные факты обсуждались на Всероссийском совещании, посвященном выборам, проводившемся в 1928 г. Руководитель статистического отдела ВЦИК С. Свириновская отмечала: «Мы сплошь и рядом имели такие сведения: избирателей имеется столько то, а явившихся в 2 раза больше. Недавно получила из Рубцовского горсовета такие сведения, из которых видно, что у них имеется членов профсоюзов 500 чел., а на выборы явилось 700. Одним из существенных недостатков последней выборной кампании было искусственное поднятие активности, особенно в этом отношении постаралась Владимирская губерния при выборах в горсоветы. Когда мы удивленные чуть ли не 100 % активностью, послали товарища обследовать этот факт, то оказалось, что они включали и больных и командировочных, и не пришедших по уважительным причинам: как то отсутствие валенок, не с кем оставить детей и т.д.»[1525]. Массовость фактов недостоверно заполненных статистических сводок констатировал и представитель ЦК ВКП(б) И. И. Межлаук на

[1523] Там же. Л. 456 (об).
[1524] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 42 (об); ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 46.
[1525] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 147

этом совещании: «Приписки имеют всесоюзный характер. Многие пытались добиться показного успеха, вследствие чего создавался своеобразный конкурс, а это привело к тому, что в целом ряде мест, исполкомы даже хорошо проведшие выборы, втягивались в это нездоровое, чисто чиновничье соревнование»[1526].

В кампанию 1930/31 г. впервые в избирательном делопроизводстве появилась форма списков избирателей. Хотя составление списков по-прежнему не являлось обязанностью избирательных комиссий, их повсеместно начали заполнять, и потому процедура фиксации явки избирателей приобрела реальный, а не номинальный характер. Однако процедура фиксации явки по-прежнему осуществлялась простым подсчетом явившихся избирателей на собрание, и не предполагала сверку пофамильного состава явившихся. Множественными оставались случаи неточной фиксации явки на собрании, приписок, обусловленных желанием демонстрировать вышестоящим органам, активность населения на выборах.

Факты недостоверной фиксации явки особенно часто вскрывались в ходе проверок по жалобам избирателей. В рамках одной из таких проверок, проводившейся в с. Мещеряковка Аркадакского района Саратовского края в ноябре 1934 г., ответственный инструктор орготдела ВЦИК Н. Т. Шеметов, констатировал, что «всего по составленным спискам числится 409 избирателей, в протоколе записано присутствующих на собрании 322 избирателя. В действительности дело обстояло по-другому. Приходящих избирателей не регистрировали, и никакого регистрационного списка не оказалось. Из беседы с колхозниками оказалось, что на собрании присутствовало около 100 чел. Перед открытием собрания председатель сельизбиркома Сапунов предложил открыть собрание, поскольку "имеется налицо около 75 % избирателей". При реально явившихся 25 % избирателей, секретарь собрания Серегин записал в протокол число 322, т.е. 75 % избирателей на основании заявления председателя избиркома»[1527]. Случаи «нечеткого и неточного исчисления явившихся на перевыборные собрания» отмечались в Свердловской области, Северном крае и других регионах РСФСР[1528].

Проблема с недостоверностью сведений о явке избирателей, не была решена в 1930-е гг., массовыми оставались случаи сознательного искажения, в сторону ее

[1526] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 184.
[1527] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 24. Л. 82
[1528] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 25. Л. 4–5; Д. 26. Л. 18–19.

существенного завышения. Данные официальной статистики показывали высокую явку населения на выборы в Советы всех уровней[1529], однако степень ее достоверности вызывает вопросы, скорее отражает желаемые властью данные о всеобщей поддержке населения. Потому утверждение Б. Н. Миронова об отсутствии «прямых свидетельств массовой фальсификации электоральной статистики»[1530] представляется крайне спорным. Анализ отчетов сотрудников ВЦИК, выезжавших на места с проверками для проведения выборов в регионы, выступления руководителей статистических органов свидетельствуют о серьезных проблемах с учетом избирателей и как следствие – низком уровне достоверности избирательной статистики.

Несовершенство учета избирателей и связанных с ним процедур свидетельствовали не только об организационных и технических недочетах (легко объяснимых общими проблемами молодого советского аппарата), но и формальном подходе властей к выборам, отсутствию заинтересованности в привлечении населения на выборы, повышению его активности и достоверности результатов. Требования повышения точности фиксации явки избирателей и именного оповещения были заведомо неисполнимы без становления полноценной системы учета избирателей. При осведомленности центральных органов о проблемах с учетом избирателей и фиксации явки, их обсуждения на Всероссийских совещаниях и прессе, они не предприняли действенных мер по разрешению проблем: в обязанности избиркомов учет избирателей не входил, юридической ответственности за предоставление недостоверных сведений не было введено. Из чего следует, что власть в качестве приоритетной задачи рассматривала не открытость, достоверность результатов и активность населения, а обеспечение лояльных правящей партии составов Советов.

Низкая достоверность избирательной статистики обуславливалась комплексом причин, обозначенных в концепции Роберта Кинга Мертона. Преобладали два типа действий – ошибки от непонимания принципов и методики заполнения форм и учета избирателей (ошибки от неполноты знания в классификации Мертона) и сознательные искажения отчетных данных, основанные на желании продемонстрировать заданные центральной властью параметры в директивах по явке или поддержке определенными слоями (обусловленные преобладанием сиюминутных интересов над долгосрочными у

[1529] Зайцев П. Итоги выборов в Советы // Советское строительство. 1935. № 2. С. 6–7; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–31 гг. … С. 15–17; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М., 1935.

[1530] Миронов Б. Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 12.

организаторов выборов на местах)[1531]. Влияние радикального левого настроя местных советских работников на учет и фиксацию избирателей было незначительным в силу меньшей идеологизированности этих избирательных процедур.

Какие последствия имело отсутствие систематического и качественного учета избирателей и ответственного заполнения избирательных форм? Основным и совершенно незапланированным следствием стала низкая достоверность советской избирательной статистики и в целом сведений о советской системе управления. Электоральная статистика 1920-х гг. помимо сведений о ходе и итогах выборов, содержала данные по широчайшему кругу вопросов, о социальном и экономическом положении избирателей, лиц, лишенных прав, депутатах, составах Советов и съездов всех уровней, соответственно ее низкое качество неизбежно приводило к искажению представлений о советских органах, социальных и политических процессах 1920-х гг., и как следствие – принятию ошибочных решений в различных сферах, основанных на этих показателях. Невысокая достоверность избирательной статистики 1920-х–1930-х гг. является существенным ограничением при изучении советской избирательной системы и государственных органов, разнородные данные, постоянная смена показателей делают их зачастую несопоставимыми.

Выдвижение кандидатов и голосование на избирательных собраниях. Избрание депутатов Советов и делегатов на съезды происходило на избирательных собраниях, большая часть исследований, посвященных советским выборам и формированию советских органов власти анализирует именно эту часть избирательного процесса. В рамках многочисленных исследований вполне исчерпывающим образом установлены особенности местных избирательных практик, составы избранных Советов, особенности взаимоотношений населения и формирующихся властных структур на выборах[1532]. Несмотря на по-настоящему впечатляющие усилия

[1531] Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия … С. 5–17.

[1532] Дмитриевцева А. А. Указ. соч.; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. …; Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа …; Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы … С. 133–153; Юдин А. Н. Указ. соч.; Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации …; Письменов В. Н. Органы управления Курской губернии: Механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2001; Перфильева И. А. Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922-1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; Куренкова Ю. О. Крестьянство и сельские Советы Южного Урала в 1922-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003; Красников В. В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2003; Безгин В.Б. Выборы в Советы первой половины 1920-х годов и абсентеизм сельских обывателей // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект). Тамбов,

исследователей, не изученными остается реализация избирательных процедур в контексте эволюции избирательных моделей в различные периоды, их отличия и преемственность.

Центральное место в избирательном процессе занимала процедура выдвижения кандидатов и голосования за них. Советское избирательное законодательство допускало как выдвижение списков, так и отдельных кандидатов. На практике в послереволюционный период повсеместно преобладало выдвижение списков над индивидуальным выдвижением. Это было характерно как для периода Гражданской войны (на тех территориях и городах, где проводились выборы в этот период), когда в выборах участвовали оппозиционные партии, выставлявшие свои списки кандидатов, так и для избирательных кампаний 1922–1924 гг., при однопартийной модели.

Список кандидатов, которых правящая партия считала желательными для прохождения в Совет, утверждался соответствующим партийным комитетом (губернским, уездным, городским). Преимущество отдавалось членам партии большевиков, в случае их отсутствия (например, на выборах в сельский Совет) – сочувствующим, лояльно настроенным к большевикам кандидатам – красноармейцам, беднякам и т.д. До массовой отмены выборов в декабре 1924 г., на собраниях не приветствовалось обсуждение кандидатов, замена кандидатов в списке и тем более выставление альтернативного списка от собрания. Во избежание любой альтернативы утвержденному списку, избирательные комиссии под любыми предлогами отклоняли списки, представленные населением. Д. М. Корчагин отмечает случай аннулирования списка, поданного населением Приморско-Ахтарской волостной избирательной комиссией, мотивируя отказ наличием в нем «трех бывших эсеров и меньшевиков и 7 лишенцев»[1533].

С. А. Папков называет процедуру выдвижения кандидатов «отражением идеологической непримиримости большевиков и их «классового подхода», из-за невозможности «отклонений от намеченного ими списка» [1534]. На выборах в сельские Советы процедура выдвижения происходила непосредственно на избирательных собраниях, и до собравшихся крестьян уполномоченный доводил список, утвержденный

2000. С. 59–62; Есиков С. А. Выборы в Тамбовской деревне в 1920-е годы // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): Материалы научно-практической конференции. Тамбов, 2000. С. 57–59.

[1533] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 76.

[1534] Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы … С. 135.

уездным или волостным комитетом РКП(б), предложив за него проголосовать. При наличии альтернативных кандидатов, эсеры озвучивали свой список, уполномоченные стремились противодействовать выдвижению оппозиционного списка и навязать крестьянам кандидатов от большевиков, что в ряде случае приводило к прямым конфликтам между представителями партий и группами крестьянства, поддерживающих их[1535].

В городах процедура выдвижения кандидатов выглядела следующим образом: за неделю или за несколько дней до выборов (иногда в день проведения выборов) на профсоюзных собраниях руководители партячейки зачитывали список утвержденных кандидатов в губкоме РКП(б), на этом, в большинстве случаев, знакомство со списком завершалось. В ряде оппозиционно настроенных профсоюзов и на предприятиях могли складываться и конфликтные ситуации и предлагались собственные списки кандидатов, выражали мнения об отказе поддержать список. О таких ситуациях в наркомат сообщали из Петрограда, Москвы, Твери и других городов до 1921 г., позднее процедура выдвижения приобретает совершенно формальный характер, по сути извещения избирателей о списке, за который нужно проголосовать[1536].

Единого порядка участия партий в избирательных собраниях не устанавливалось, но обычным было заявление списка кандидатов от партий, представление его в местный исполком (совет) или избирательную комиссию, ведение агитации на предприятиях, среди населения, а затем и на самих выборных собраниях[1537]. Предвыборная борьба представителей партий нередко была ожесточенной, партии мобилизовывали лучших ораторов, и, несмотря на превентивные репрессивные и административные меры, предпринятые большевиками, кандидаты от оппозиции на отдельных собраниях побеждали. Особенно в городах с сильными партийными организациями, прежде всего в Петрограде, Москве, Твери, Туле, Самаре и т.д.

Как правило, меньшевики и эсеры получали наибольшую поддержку среди рабочих, на предприятиях и в профсоюзах, где они продолжительное время вели агитацию, их хорошо знали еще с 1917 года. Так, на выборах в Петроградский совет в

[1535] Лесных А. В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. С. 17. Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 19.

[1536] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет в 1918-1939 // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг. Материалы научно-практической конференции. М., 2019. С. 145.

[1537] Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и Гражданской войны … С. 69; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны … С. 274.

1920 г., эсеры меньшинства, чтобы гарантированно получить представительство в Совете, сосредоточили все силы на участии в Невско-Заставском районе на двух предприятиях, где их поддержка была традиционно высокой – вагонные мастерские Николаевской железной дороги и Александровский механический завод. На выборах, проходивших в вагонных мастерских, список эсеров получил единогласную поддержку, большевики не получили ни одного голоса. Все попытки большевиков признать выборы неправильно состоявшимися и провести новые не увенчались успехом, рабочие потребовали удаления с собрания представителей правящей партии. В итоге, большевики были вынуждены признать победу эсеров меньшинства на двух избирательных собраниях – в вагонных мастерских и Александровском механическом заводе (10 депутатов)[1538].

Острая борьба развернулась и на выборах 1920 г. в Иркутске и Красноярске. Меньшевики пользовались поддержкой ряда профсоюзов в этих городах (союзы печатников, железнодорожников, металлистов). Несмотря на оказываемое давление на рабочих со стороны большевиков, мобилизацию лучших сил на проведение выборов, в Иркутске и Красноярске собрания печатников проголосовали за список меньшевиков (в Иркутске в горсовет было избрано 9 меньшевиков)[1539].

Учитывая прочность позиций оппозиционных партий в ряде городов и губерний, большевики стремились противостоять им уже на стадии выдвижения списков. Так произошло в сибирских городах на выборах 1920 года. В ходе первой избирательной кампании в горсоветы (после окончания Гражданской войны) весной 1920 г. выборы проводились по производственному принципу: по предприятиям, профсоюзам и воинским частям. голосование осуществлялось по заранее составленным спискам кандидатов в депутаты Совета. Заранее было объявлено, что к голосованию допускались списки кандидатов только тех партий и групп, которые вместе со списками доводили до сведения свою политическую платформу[1540]. Проходил список, за который было подано большинство голосов. Списки кандидатов должны были составляться заблаговременно и доводиться до сведения избирателей через печать и на общих собраниях. В полном соответствии с требованиями, Омская организация меньшевиков 29 марта 1920 г. представила на обсуждение губернского ревкома свою избирательную платформу.

[1538] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 43. Л. 60.
[1539] Красноярский рабочий. 1920. 25 марта; Власть труда. 1920. 4 сентября.
[1540] Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны … С. 274–278.

Заслушав доклад члена президиума общегородского комитета РКП(б) Баранова о меньшевистской платформе, губернский ревком принял постановление, в котором меньшевикам было отказано в выставлении списков в Омский Совет, аналогичная ситуация складывалась в Томске и Новониколаевске[1541].

В сельской местности ситуация с участием партий в выборах не была однородной, и здесь речь шла в первую очередь о борьбе эсеров и большевиков. Исследования показывают, что в губерниях, где были сильными позиции эсеров, борьба приобретала ожесточенный характер, так в Воронежской губернии «на первых этапах революционных преобразований левые эсеры принимали непосредственное участие в формировании местных органов власти», обладая высоким уровнем поддержки местного крестьянства[1542]. Большевики использовали влияние эсеров для формирования местных Советов, после ареста руководства партии левых эсеров в июле 1918 г., стали вытеснять их из Советов и съездов, однако это мало повлияло на электоральные настроения крестьян и «в августе 1918 г. крестьянство губернии активно поддерживало левых эсеров, избрав их в большинство исполкомов уездных Советов», вытеснение эсеров из Советов происходило вплоть до 1922 г.[1543] Аналогичной ситуация была и в соседней Тамбовской губернии[1544]. В тех губерниях, где организации эсеров были немногочисленными и позиции более слабыми, уже в 1918 г. они не могли навязать борьбу и были вытеснены большевиками (Северо-западные и Центрально-промышленные губернии).

Несмотря на использование целого арсенала средств борьбы с оппозиционными партиями, некоторый уровень поддержки они сохраняли в 1921 и даже 1922–1923 гг.: в 1921 г. в городские Советы избрали 3,4 % депутатов от оппозиционных партий, в 1923 г. статистика показывает только 0,4 % (сборник по итогам выборов 1923 г. содержит другие данные от 0,5 до 2,9 % представителей оппозиционных партий в губернских и уездных городах)[1545]. Так, меньшевики в 1921 г. уверенно сформировали фракции своих депутатов в Твери (23 депутата), Ростове (30 депутатов), Смоленске (9 депутатов), Оршинске (30 депутатов). На выборах Бежецкого уездного съезда Советов

[1541] Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами … С. 23–24.
[1542] Лесных А. В. Указ. соч. 17.
[1543] Лесных А. В. Указ. соч. 17.
[1544] Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 14.
[1545] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 17–18.

Тверской губернии меньшевики получили большинство мест[1546]. Результатом мощного репрессивного и административного давления на оппозиционные партии стало сокращение их представительства, как в горсоветах, так и на съездах и исполкомах всех уровней. Окончательное утверждение политической монополии большевиков произошло в 1922 г. – после процесса над эсерами летом 1922 г., объявления о роспуске партии в марте 1923 г. и перехода меньшевиков на нелегальное положение в 1922 г., отказу от участия в выборах и призывам к рабочим бойкотировать выборы в Советы[1547].

Процедура голосования осуществлялась в открытой форме поднятием рук за список кандидатов. Непосредственно в послереволюционный период процедура сопровождалась активной политической борьбой левых партий за голоса избирателей. После окончательного вытеснения оппозиционных партий из избирательного процесса в первой половине 1920-х гг. голосование представляло повсеместно достаточно формальную процедуру. Региональные исследования показывают сходство электоральных практик: в городах на предприятиях и учреждениях избирательные собрания не вызывали интереса, но и бурных протестов не фиксировалось, рабочие и служащие голосовали за предложенный список кандидатов единогласно или с небольшим числом голосов против[1548]. В этот период достаточно редкими были конфликтные ситуации на собраниях, связанные с нежеланием рабочих и служащих голосовать за список, утвержденный правящей партией, либо предложениями голосовать не за список, а отдельных кандидатов[1549].

В сельской местности голосование за кандидатов также представляло процедуру утверждения предложенного списка уполномоченным, проводившем собрание. Однако крестьяне далеко не всегда были готовы голосовать за бедняков и коммунистов, выдвигаемых партийными ячейками. В случае несогласия избирателей, на них оказывалось давление. В лучшем случае уполномоченные пытались уговорить избирателей проголосовать за утвержденный список, в худшем – в ход шли угрозы, на

[1546] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924: в 3 т. / редкол.: З. галили, А. Ненароков (отв. ред.). Т. 3. Меньшевики в 1922–1924 гг. М., 2004. С. 124.

[1547] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 3. Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 433–435, 538–539; Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 57; Суслов А. Ю. Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань, 2007. С. 139.

[1548] Андреев В. П., Петрухина М. М. Указ. соч. С. 85–89; Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа … С. 128–130; Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы … С. 135; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 72–73; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 143–152.

[1549] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 53. Д. 155. Л. 64; Оп. 49. Д. 16. Л. 5, 5 (об).

них кричали, их оскорбляли, запирали в помещении, заставляя голосовать за необходимых кандидатов. Региональные исследователи относят окончательное формирование избирательного механизма «обеспечения необходимых результатов состава Советов» уже к 1922 году[1550].

В поступавших письмах от крестьян содержались многочисленные жалобы на грубость и некомпетентность уполномоченных, проводивших собрания, на жесткое давление на крестьян, запрет на выдвижение кандидатов от собрания, навязывание утвержденных партийной ячейкой кандидатов, принудительное голосование. Вполне типичной являлась жалоба крестьянина Николая Арсенова из пос. Стежного Новороссийской волости Актюбинского уезда на действия уполномоченного и давление на избирателей: «9 августа 1924 г. уполномоченный уездного исполкома тов. Чукин прибыл в пос. Стежной Новороссийской волости для участия в перевыборах местного сельсовета и в деле перевыборов применил тактику полицейского, когда выставленные им кандидаты не прошли, то стал кричать, стучать по столу кулаком и обзывать участников собрания горлопанами и другими оскорбительными словами, благодаря чему собрание носило характер хаотичности и длилось с 5 до 12 часов ночи»[1551].

Развернутое представление об использовании административного ресурса в ходе выборных кампаний начала 1920-х гг. можно составить по делам о кассации выборов весны 1925 г. (в ходе кампании отмены выборов). Суть разбираемых дел в разных регионах схожа, речь шла об оказании жесткого административного давления на участников выборного процесса. Крестьяне жаловались на грубость и давление уполномоченных, нежелание выслушать крестьян, навязывание «никудышних» кандидатов (от бедняков, комсомольцев, женщин), различные угрозы[1552]. Крестьян, написавших жалобы на нарушения на выборах во ВЦИК, из Ольховской волости Тамбовской губернии и Каменского района Шахтинского округа Северо-Кавказского края, допрашивала милиция, и запугивали советские и партийные работники[1553]. Факты административного давления на крестьян также фиксировали сотрудники ВЦИК и НКВД, проводившие проверки и обследования по итогам выборов 1924 г. По свидетельству последних, председатели местных исполкомов (волостных, уездных,

---

[1550] Юдин А. Н. Указ. соч. С. 175–176; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. … С. 75.

[1551] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 27.

[1552] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 87. Л. 70–87. Д. 86. Л. 115–187.

[1553] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 86. Л. 27–34.

районных) настаивали на выдвижении и избрании непопулярных кандидатур, чем вызывали как пассивный, так и открытый протест населения[1554].

Поведение местных партийных и советских работников при расследовании случаев нарушения избирательных прав свидетельствует, что применение административного давления имело характер устоявшейся практики, представители местного аппарата не видели в этом ничего экстраординарного. Многие из них выражали недоумение относительно отмены выборов в 1925 г., поскольку, по их мнению, выборы 1924 г. были организованы не хуже всех предыдущих. Исследования, проведенные в различных регионах, подтверждают эти наблюдения и приводят многочисленные примеры нарушений и административного давления на избирателей в ходе выборов 1921–1924 г., констатируя распространенность «методов жесткого регулирования и прямого административного давления на всех стадиях избирательного процесса»[1555].

Большинство исследователей признают, что наиболее распространенной реакцией населения на жесткое административное давление стало игнорирование выборов, что выразилось в низкой явке и отсутствии интереса к содержанию избирательных собраний[1556]. Хотя не все историки видят в высоком уровне абсентеизма кризис легитимации власти и считают, что поскольку «в деревне действовала формула «коллективного мандата» и на голосование ставилось не конкретная кандидатура, а вопрос о доверии верховной власти (о доверии партии РКП(б), то крестьянская община отправляла на выборы только глав хозяйств, решавших вопрос о доверии власти»[1557]. Даже с учетом сложившихся традиций в крестьянской общине, этот тезис не представляется обоснованным, учитывая реакцию власти на высокий уровень абсентеизма, и последующее повышение активности крестьян на выборах.

Официальная статистика, данные которой завышали реальные показатели, демонстрировала низкую явку и отсутствие интереса избирателей к выборам. Так,

---

[1554] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 309–314.

[1555] Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 19–20; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 75–78; Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 18.

[1556] Иванов В. В. Избирательная активность крестьян Приангарья в 1920-е годы // Климат. Экология. Сельское хозяйство Евразии. Иркутск, 2020. С. 301–307; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 75–78; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 143–152; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 21.

[1557] Юдин А. Н. Указ. соч. С. 175–176.

в городах явка составила в 1922 г. – 36,5 %, в 1923 г. – 38,5 %[1558], в 1924 г. (по данным 114 городов) – 30,7 %, а с учетом перевыборов весной 1925 г. – 40,5 %[1559]. Хотя ситуация с явкой горожан на выборах не была однородной. Данные, предоставляемые в НКВД в начале 1920-х гг., фиксируют чрезвычайно пеструю картину с явкой горожан на выборах. Абсентеизм горожан повсеместно был высоким, при этом в небольших провинциальных городах явка характеризовалась чрезвычайно низкими показателями – от 9 до 23 %. Например, в г. Новохоперск Воронежской губернии на выборах, проходивших 30 июня 1921 г., из имевших право голоса 6040 избирателей, приняло участие в выборах – 589 чел. (9,7 % от избирателей)[1560].

В Гусь-Хрустальном Владимирской губернии при численности избирателей в 5 500 чел., явка составила 507 избирателей (9,2 %)[1561]. В Змеиногорске Алтайской губернии в 1921 г. из 10 861 избирателя явилось 1350 чел. (12,4 %)[1562]. В Суздале Владимирской губернии (численность избирателей – 1485 чел., явка – 342 чел. – 23 %)[1563]. В Юрьеве-Польском в 1922 г. имели право голоса 5398 чел., участвовали – 1009 чел. (18,7 %)[1564]. В отдельных городах явка составляла не более 5 % избирателей. По данным Д. М. Корчагина, в Приморско-Ахтарске в октябре 1922 г. из 18 000 избирателей явились 550 чел. (3 %), которые избрали 69 депутатов и 26 кандидатов к ним. Аналогичной была ситуация и на ст. Славянской Кубано-Черноморской области, в октябре 1923 г. из 14 064 избирателей на собрание явились 599 чел. (4,3 %)[1565].

В средних и крупных городах, губернских центрах, явка на выборы преимущественно была выше, чем в небольших городах. В некоторых городах достигая половины избирателей. В Твери на выборные собрания 5 мая 1921 г. из 50 663 избирателей явились 27 557 чел. (54,3 %)[1566]. В Ставрополе в 1921 г. из 50 000 избирателей, явились 22 677 чел. (45,4 %)[1567]. В Самаре из 111 305 избирателей явились

[1558] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 47.

[1559] Коковин Н. А. Городские Советы по выборам 1924–25 гг. // Власть Советов. 1925. № 20. С. 5; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … 47–48.

[1560] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 77.

[1561] Там же. Л. 65.

[1562] Там же. Л. 37.

[1563] Там же. Л. 54.

[1564] Там же. Л. 70.

[1565] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 72.

[1566] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 30.

[1567] Там же. Л. 24.

34 070 чел. (30,6 %)[1568]. Наряду с этим, в ряде губернских центров, наблюдался высокий уровень абсентеизма, например, в Иркутске в апреле 1921 г. из 75 000 избирателей, участие приняли 15 431 чел. (20,6 %), в Уфе в 1921 г. из 46 898 избирателей, на выборы явились 9807 чел. (20,9 %)[1569]. В советской историографии приводились сведения о более высокой явке избирателей, так, в 1920 г. в ходе первой избирательной кампании в Омске явка составила 63,5 %, в Томске и Барнауле – около 70 %[1570]. Однако учитывая сложную политическую обстановку окончания Гражданской войны, отсутствие реального учета избирателей, эти данные вызывают большие сомнения в их правдоподобности, и скорее отражают желаемые показатели партийных и советских руководителей.

В сельской местности явка практически повсеместно была еще ниже, хотя исследователи фиксировали «пеструю картину» с активностью крестьян. Так, В. И. Шишкин отмечает, что в ходе первой избирательной кампании в Сибири в разных уездах явка составляла колебалась от 10,8 % в Иркутском уезде до 60–70 % в некоторых волостях Томского уезда (в среднем, исследователь оценивает явку в 35 – 40 % «что, по-видимому, превышало средние показатели по стране»)[1571]. По данным официальной статистике Наркомата внутренних дел, на выборы в сельсоветы явка составляла в 1922 г. – 22,3 %, в 1923 г. – 37,2 %[1572], в 1924 г. – 28,9 % (данные по 40 губерниям, в которых проводились выборы до отмены их результатов)[1573]. В рамках проведенного обследования выборов осени 1924 г., все инструкторы ВЦИК признали явку населения на выборах неудовлетворительной, в среднем по обследуемым волостям она составила 28 %, хотя в некоторых волостях она не превышала 9 %. При этом протокольно зафиксированный показатель активности ставился под сомнение. Сотрудники ВЦИК отмечали, что «в протоколах фиксировалось больше избирателей, чем было в действительности, чтобы собрания имели большую юридическую законность, и чтобы не созывать их повторно»[1574].

В справке о кассации выборов, подготовленной 12 января 1925 г. информационным отделом ЦК РКП(б) для Политбюро подтверждались данные

[1568] Там же. Л. 23.
[1569] Там же. Л. 14, 21.
[1570] Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны … С. 279.
[1571] Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны … С. 287–289.
[1572] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 10.
[1573] Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924 г. // Власть Советов. 1925. №11. С. 11.
[1574] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 330.

обследования ВЦИК: «цифры официальных данных явно дутые, и серьезного значения придавать им не приходится, есть села, где из тысячного населения участвовали 40–50 чел., в основном из числа активистов. В ряде районов Новгородской губернии процент участия населения снижался до 3–5 %, в Орловской – до 3 %, в Астраханской – ниже 10 %»[1575].

Избирательные собрания, проводившиеся в ходе выборов 1921–1924 гг., являлись формальной процедурой, в которой не были заинтересованы ни население, ни сами власти. Население воспринимало участие в них как «обязательную государственную повинность»[1576], значительная часть населения игнорировала их посещение, сторонники большевиков воспринимали участие в избирательных собраниях как выражение лояльности правящей партии. Представители власти были не заинтересованы в привлечении широких слоев населения на выборы, стремились проводить среди своих сторонников, вытесняя любые формы оппозиционности[1577], поэтому высокий уровень абсентеизма в городе и деревне был вполне закономерным. Массовый характер использования административного давления и «невозможность проведения свободных и конкурентных выборов большевиками» в региональных исследованиях обосновывается «неустойчивостью своих позиций в провинции»[1578]. Справедливой представляется оценка выборов первой половины 1920-х гг. заместителем наркома внутренних дел М. Болдыревым «выборы представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру «протаскивания» депутатов путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власти»[1579].

Какие составы Советов стремились сформировать большевики в ходе выборов первой половины 1920-х гг.? В первую очередь лояльные к ним, т.е. состоявшие из членов и сторонников коммунистический партии, такие по мнению большевиков в первую очередь были среди молодых представителей рабочего класса, беднейшего крестьянства и батрачества. Поскольку большевистская доктрина

[1575] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 903. Л. 81–82.

[1576] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 457.

[1577] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 18; Кужба О.А. Деятельность крестьянских Советов Верхневолжья в 1921–1925 гг. (на материалах Тверской и Ярославской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1997. С. 16.

[1578] Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 18; Кужба О.А. Деятельность крестьянских Советов Верхневолжья в 1921–1925 гг. (на материалах Тверской и Ярославской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1997. С. 16.

[1579] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 46.

предполагала гендерное равенство, то Советы должны были включать женщин. Ключевой характеристикой депутата выступала лояльность к новой власти.

Какие составы Советов большевикам удалось сформировать и насколько они отвечали их представлениям? Статистические данные и исследования показывают, что новая власть вполне успешно сформировала составы городских Советов, отвечавшие требованиям партийных директив, ситуация с сельскими органами власти выглядела не столь однозначной[1580].

Преобладающее большинство членов горсоветов были молодыми людьми (большая часть депутатов около 80 % были моложе 40 лет, при этом около пятой части (от 15,9 % до 22,3 % в разные годы) моложе 25 лет). Детальный анализ возрастного состава депутатов горсоветов в Москве и Тюмени в современных исследованиях подтверждает общероссийские статистические данные[1581]. Еще одной тенденцией, прослеживаемой как на региональном, так и на общероссийском стала эмансипация горсоветов, доля женщин в горсоветах увеличилась с 5,7 % в 1920 г. до 18,6 % в 1924 г. (см. таблицу в приложении о демографическом составе сельских и городских Советов), в отдельных городах достигая четверти депутатов[1582].

Возрастной состав сельских Советов стали выяснять в статистике только в 1924 году, по имеющимся данным в них также преобладали молодые люди (19,1 % – до 25 лет, 58,4 % – до 25 до 40 лет). С привлечением женщин в органы власти в сельской местности большевики испытывали серьезные проблемы, и несмотря на настоятельные рекомендации партийных комитетов по избранию женщин в Советы, патриархальные устои не способствовали их избранию в органы власти. В 1922 г. в сельских органах власти статистика зафиксировала 1 % женщин депутатов, в 1923 г. – 2,2 %, в 1924/25 г. – 9 %.

Образовательный уровень депутатов Советов оставался стабильным на протяжении первой половины 1920-х гг. В сельских Советах около 2-4 % депутатов

[1580] Буканова Р. Г., Уразова А. И., Шаяхметова И. З. Депутатский корпус городских Советов Башкирской АССР в 1919–1946 гг. // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 35–37; Гагиева А. К., Кызъюров Л. А. Исторический опыт становления избирательных процессов и формирование избирательных технологий при проведении выборов в органы законодательной власти в Коми области, Коми АССР (1917–1936). Сыктывкар, 2021; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 143–152; Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа // Казанская наука. 2014. № 9. С. 43–49.

[1581] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 143–152; Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа … С. 43–49.

[1582] Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа … С. 43–49. Андреев В. П. Горсоветы в условиях нэпа: пределы и возможности аппаратного реформирования // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Вып. 8. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 182–194.

получили среднее и высшее образование, основная масса депутатов – с низшим образованием (более 85 %), доля неграмотных составляла около 7–11 %. В городских Советах доля депутатов, обладавших высшим и средним образованием составляла около четверти (колебалась от 19,6 % до 25,1 %), преобладающая часть депутатов были с низшим образованием (от 73,3 % до 79,8 %), и около одного процента депутатов оставались неграмотными (см. в приложении таблицу образовательный уровень депутатов городских и сельских Советов). Следует признать, что в реалиях 1920-х гг. образовательный уровень депутатов был достаточно высоким, он не только соответствовал показателям уровня образования населения страны 1920-х гг., но и существенно его превосходил. Перепись населения 1926 г. зафиксировала уровень грамотности сельского населения на уровне 50,6 % (среди мужчин грамотных – 67,3 %), у городского населения – 80,9 % (у мужчин – 88 %)[1583].

Социальный состав Советов многократно анализировался исследователями, несмотря на преобладание «социальных низов», он не вполне соответствовал доктринальным представлениям большевиков и в ряде регионов имел значимую специфику[1584]. Центральной проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода с точки зрения лидеров правящей партии стала недостаточность представительства пролетариата в Советах, которые видели в рабочих «гарантию социальной направленности развития пролетарского государства, преодоления бюрократических и иных негативных тенденций в его функционировании»[1585].

В первой половине 1920-х гг. в горсоветах представители рабочего класса не составляли большинства: в 1922 г. – 44, в 1923 г. – 36,6, 1924/25 г. – 46,0 %. Но даже эти показатели были далеки от реальности, как показывает детальный анализ социального состава ряда горсоветов, значительную часть депутатов, учтенных в категорию «рабочие» по факту составляли советские и партийные управленцы, занимавшие руководящие должности в партийных, советских, профсоюзных органах или на

[1583] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги: Отдел 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. В 17 т. М., 1927. Т. 17; Народное образование, наука и культура в СССР: Статистический сборник. М., 1977. С. 9; Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X–XX вв. // Studia Humanistica. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 24–32.

[1584] Буканова Р. Г., Уразова А. И., Шаяхметова И. З. Указ. 35–37; Гагиева А. К., Кызъюров Л. А. Указ. соч.; Гарнюк С. Д. Московская власть: Очерки истории партийных и советских органов. Март 1917–Октябрь 1993. М., 2014; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 143–152; Жукова Н. Е. Формы и методы привлечения общественности Бурятии к системе государственного управления в 1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 1. С. 67–72; Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа … С. 43–49.

[1585] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. М., 2000. С. 253.

предприятиях, и являвшихся по происхождению рабочими (или происхождению родителей), а не по текущему социальному положению. Специальные обследования, проведенные для комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) о подготовке перевыборов и по подведению итогов перевыборов Советов в 1925/26 г. показали, что на долю «управленцев-пролетариев» в горсоветах Пензы, Саратова, Твери и Иваново-Вознесенска приходилось от 27 до 44 % депутатов[1586]. В Тюмени по подсчетам А. А. Сухарева число управленцев, указавших пролетарское социальное происхождение в горсовете составляло около трети в разные годы[1587].

Очень значительную группу в горсоветах представляли служащие советских учреждений, социальное происхождение которых не вписывалось в схему «социально-близких» слоев, и становилось темой многочисленных дискуссий в советском руководстве. Служащие составляли равное по численности представительство с рабочими в горсоветах: в 1922 г. – 40,9 %, в 1923 г. – 49,9 %, 1924/25 г. – 35,7 %, снижение их представительства произошло только во второй половине 1920-х гг. Число красноармейцев постепенно снижалось по мере демобилизации после Гражданской войны с 7,7 % в 1922 г. до 5,1 % в 1925 г. Доля представителей «не организованных в профсоюзы» избирателей (кустарей, ремесленников, домашних хозяек, крестьян и т.д.) в первой половине 1920-х гг. была незначительной, поскольку они практически не принимали участия в выборах в этот период. Такая социальная структура горсоветов была далека от идеальной модели большевиков и обостряла проблему «орабочивания» советских представительных органов и государственного аппарата[1588].

Статистические данные о составах сельсоветов первой половины 1920-х гг. не отражают реального соотношения социальных групп крестьянства (бедняков, середняков и зажиточных), показывая лишь стабильное преобладание депутатов от «крестьян» (более 90 %). Представительство наиболее «классово-близкой» группе новой власти в деревне – батраков и рабочих было минимальным, не превышая 3,4 %.

Лояльность Советов всех уровней в отношении новой власти должна была в первую очередь демонстрировать партийная принадлежность депутатов. В сельских Советах «коммунизация» их составов была не слишком успешной, члены, кандидаты РКП(б) и комсомольцы, несмотря на все усилия власти не превышали 7,8 % в первой

[1586] РГАСПИ.Ф.17. Оп. 164. Д. 58. Л. 162–163.
[1587] Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа … С. 46.
[1588] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система … С. 256.

половине 1920-х гг., преобладающее большинство составляли беспартийные депутаты. В городах процесс избрания представителей большевиков был более успешным, власти удавалось формировать в городах Советы с преобладанием своих сторонников: число членов партии и комсомольцев колебалось от 58,6 до 69,8 % от числа депутатов в 1920–1924 гг. (более подробно данные о партийном составе горсоветов отражены в таблице 6 Приложения).

Избранные составы Советов первой половины 1920-х гг. несмотря на неидеальное соответствие большевистской доктрине, были для власти вполне приемлемы, чего не скажешь о населении. Советы, избранные с помощью жестких административных методов, не отражали интересы основной массы населения, не обладали авторитетом, имели крайне ограниченные полномочия и фактически лишены самостоятельности. Отсутствие интереса к новым органам власти население демонстрировало наиболее доступным способом – высоким абсентеизмом, что в 1924 г. вызвало серьезное беспокойство руководства страны.

Власть столкнулась с очевидными проявлениями кризиса легитимации, который во многом имел кумулятивный эффект, проблемы накапливались весь послереволюционный период. Отсутствие адекватных политических мер, соответствовавших введенной новой экономической политике, и ожиданиям широких слоев населения, включавших крестьянство, непролетарские городские слои, интеллигенцию, и стали благоприятной средой для развития кризиса легитимации власти. Высшее партийное руководство страны отчетливо осознавало опасность утраты поддержки населением власти на выборах, устойчивости и легитимности режима. Примечательным было выступление И. Сталина перед советскими работниками, разъясняющим необходимость «нового курса»: «Советы из органов близких и родных массам рискуют превратиться в органы, чуждые массам, а диктатура пролетариата рискует повиснуть в воздухе»[1589]. Обсуждая причины принятия решения о массовой отмене выборов, выше уже отмечалось приобретение влияния группировки в правящей партии в 1924 году, настроенной на расширение нэпа, получившей возможность реализовать меры по углублению экономических свобод и ограниченной политической демократизации. Принятые меры оказались как нельзя более созвучны ожиданиям населения и стали спасительными для преодоления кризиса легитимации власти, не

[1589] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 45.

допустив перехода кризиса легитимации власти в необратимую стадию – делегитимацию власти.

Решения руководства страны об отмене выборов и ограниченной демократизации избирательного процесса оказали существенное влияние на все ключевые процедуры, реализовывавшиеся на избирательном собрании, и в первую очередь на выдвижение и голосование за кандидатов. Ограничение использования административного давления в избирательном процессе, на практике изменило подход к выдвижению и голосованию за кандидатов. Одной из главных претензий населения к власти на выборах в первой половине 1920-х гг. было принудительное голосование за утвержденные партийным комитетом списки кандидатов[1590]. Уже во время повторных выборов весной 1925 г. фиксировались отказы голосовать за списки утвержденных кандидатов, нередко в конфликтной форме. Инспектор ЦАУ НКВД М. В. Кантор в марте 1925 г. при обследовании повторных выборов в Борисоглебской волости отмечал, что «крестьяне массово отказывались голосовать за утвержденные партией списки, внося свои кандидатуры для голосования»[1591]. В городах также звучали требования персонального голосования. Например, в Благовещенске весной 1925 г. «в четырех районах потребовали персонального голосования, отказавшись голосовать за список, были заявлены отводы многих партийных кандидатов»[1592]. Аналогичные требования звучали в Москве и Тюмени[1593].

Персональное голосование за кандидатов стало обыденной практикой, начиная с кампании 1925 года. В соответствии с избирательными инструкциями, на собрании избирался способ выдвижения и голосования за кандидатов. Возможны были три варианта выдвижения и голосования за кандидатов. Первый вариант предполагал выдвижение списка партийным комитетом и профсоюзной организацией, и последующее голосование без изменений за весь список. Второй – принятие за основу утвержденного кандидата с последующим внесением изменений на собрании при его обсуждении. Третий вариант предполагал отказ от голосования за список и выдвижение кандидатов собранием, с последующим персональным голосованием.

[1590] Гусев А.В. Выборы в Московский Совет … С. 143–152; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 72.

[1591] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 17.

[1592] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 193.

[1593] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 147; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 19.

Выбор способа выдвижения и голосования зависел от множества факторов, в т.ч. от авторитета местных советских и партийных органов, удачного подбора кандидатов в утвержденном списке, уровня конфликтности населения с властью, активности избирателей. Наиболее распространенными вариантами было персональное голосование за кандидатов и голосование за список с изменениями, внесенными собранием. Последний вариант представлял некий компромисс власти с населением, и устраивал обе стороны. Повсеместно обсуждение кандидатов носило оживленный характер, в местной прессе стали появляться требования персонального обсуждения и голосования за кандидатов[1594]. Воронежский губернский исполком сообщал, что «каждая кандидатура подвергалась всестороннему обсуждению, и голосовалась отдельно, на избирательных собраниях происходила борьба вокруг кандидатур от партии и комсомола, чаще всего кандидатуры партийцев проваливались за пьянство, неавторитетность и грубость по отношению к населению»[1595]. Региональные исследования также показывают демократизацию процедуры обсуждения кандидатов, ограниченное использование административного давления на избирателей[1596].

В городах на собраниях «не организованных в профсоюзы» избирателей чаще всего избирался персональный способ голосования за кандидатов. Информаторы ВЦИК сообщали, что «повсеместно неорганизованное население не желало голосовать за списки, предпочитая персональное голосование»[1597]. Единственной категорией избирателей, где по-прежнему предпочитали голосование за списки являлись «организованные» избиратели, причина подобной лояльности очевидна – в списки, утвержденные партийными комитетами, в первую очередь попадали представители рабочих, служащих и красноармейцев. Однако и на собраниях «организованных» избирателей нередко забаллотировали отдельных кандидатов из утвержденных списков.

Главной причиной отвода кандидатов было выдвижение кандидатов в депутаты, не пользовавшихся популярностью и авторитетом или дискредитировавших себя за пьянство, «моральную неустойчивость», прогулы, отсутствие необходимых качеств для выполнения депутатских обязанностей, игнорирование нужд избирателей и т.д.[1598]

[1594] Трудовой набат. 1925. 2 сентября.

[1595] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 155. Л. 89(об).

[1596] Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 19; Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 147; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 21; Безгин В. Б. Указ. соч. С. 59–62; Есиков С. А. Выборы в Тамбовской деревне … С. 57–59.

[1597] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111

[1598] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 349. Л. 31.

Рабочие и служащие просили согласовывать с ними кандидатов заранее, зачастую на собраниях отказывались голосовать списком, как это было ранее, а требовали поименного голосования. Такое ответственное поведение к выбору депутатов, в целом, приветствовалось как партийными организациями, так и вышестоящими советскими органами, но низовые работники советских и партийных работников не всегда добросовестно готовились к выборам, включали в списки случайных людей, и затем настаивали на избрании утвержденных списков. В этих случаях избирательные собрания выдвигали собственных кандидатов[1599].

Как отразились изменения в процедуре голосования на результатах выборов и составах Советов? Насколько демократизация избирательного процесса сделала Советы более приемлемыми для населения и власти?

В первую очередь отметим, что меры по ослаблению административного давления привели к повышению интереса к выборам населения, росту «активности и инициативности» избирателей, который отмечается исследователями во всех регионах, что отразилось на явке населения уже в кассированные выборы весны 1925 г., и отчетливо проявилось в кампанию 1925/26 г.[1600] Общая явка городского населения составила 48,7 % (по сравнению с 40,5 % в предыдущую кампанию), при этом выросли показатели всех категорий населения (явка женщин составила 38,1 % по сравнению с 27,5 % в 1924 г., членов профсоюзов – 56,7 % против 52,2 % в прошлую кампанию). Но особенно заметно увеличилась явка непролетарской части населения городов с 24,2 % до 37,3 %. Явка сельского населения также выросла с 41,1 % в 1924 г. до 47,3 % в 1925/26 г., увеличилась и явка женщин с 19,9 % до 28,7 %. Повышение явки и активности избирателей, а также «рост доверия рабочих и крестьян к партии и советской власти» при подведении итогов руководством страны оценивалось в качестве главного достижения кампании[1601].

Относительно составов Советов: при неизменности демографических, образовательных характеристик депутатского корпуса, довольно значимо изменился

[1599] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 130; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 24.

[1600] Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 19; Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20; Иванов В. В. Указ. соч. С. 301–307; Кулачков В. В. Абсентеизм в настроения крестьянства Западного региона России 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). С. 107–109; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 21; Ильиных В. А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 42.

[1601] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 1.

социальный и партийный состав горсоветов. Как и на предыдущих выборах, основная масса депутатов – молодые мужчины с низшим образованием. В 1925/26 г. женщин среди депутатов 19,7 % против 18,6 % в прошлые выборы, несколько снизилась доля мужчин до 25 лет (с 21,8 до 19 %) и напротив, увеличилась доля мужчин более зрелого возраста – старше 40 лет (с 17,6 % до 20,7 %), незначительно изменился и образовательный уровень горсоветов (число депутатов со средним и высшим образованием выросло с 19,6 до 22,2 %, доминирующую группу составили депутаты с низшим образованием 76,9 % против 79,8 % в прошлые выборы и неграмотные депутаты в горсоветах были исключением, составляя менее одного процента.

Более значимые изменения затронули социальный и партийный состав депутатов горсоветов, доля рабочих в них снизилась с 46 до 36,4 % и красноармейцев с 5,1 до 4,4 %, при этом, выросла доля представителей непролетарского населения с 13,2 % до 18,9 % и служащих с 35,7 % до 40,3 %. Доля членов партии снизилась с 51,2 до 40,9 % (по сравнению с 1923 г. с 69,2 %), комсомольцев с 5,8 % до 4,6 %, соответствующим образом увеличилось число беспартийных депутатов, они впервые стали преобладать в горсоветах, составив 54,5 %. И если обобщенные цифры не давали повода для беспокойства, то составы горсоветов в отдельных городах и губерниях вызвали панические настроения партийных функционеров. Наибольшую тревогу вызывали составы Советов «в мелких обывательских городах Саратовской, Самарской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Курской, Калужской, Брянской, Нижегородской, Ярославской, Владимирской, Иваново-Вознесенской губерний»[1602].

Современные исследователи признают такие опасения безосновательными, а изменения социального и партийного составов Советов не угрожавшими устойчивости режима и даже его укрепившими[1603]. А. А. Сухарев отмечает, что «понижение доли коммунистов на 10–20 % не привело к утрате прежнего влияния, напротив, укрепило доверие избирателей»[1604].

С современными оценками итогов кампаний были бы совершенно несогласны местные партийные и советские работники 1920-х гг., итоги вызвали массовое недовольство низового актива в деревне, обвинявшего высшее руководство в популизме

[1602] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 54.

[1603] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 89; Андреев В.П. Горсоветы в условиях нэпа … С. 191; Ильиных В. А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа … С. 41–42.

[1604] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 22.

и «желании решить свои проблемы за их счет»[1605]. Новый курс требовал изменения методов работы с населением, местные работники, привыкнув к избранию необходимых составов Советов с помощью активного использования административного ресурса, при демократизации избирательной модели совершенно растерялись, демонстрируя неумение конкурировать с беспартийными кандидатами. В выводах комиссий высших партийных и советских органов констатировалась «полная растерянность деревенских организаций перед новыми задачами в связи с демократическими перевыборами»[1606].

Результаты кампании 1925/26 г. не оставили равнодушными и высшее партийное руководство страны, дискуссии представлены в работе комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов перевыборов под руководством В. М. Молотова. Особую тревогу вызвали составы городских и сельских Советов, снижение числа депутатов от ВКП(б) в Советах всех уровней. В. М. Молотов на заседании комиссии 10 апреля 1926 г. констатировал: «Мы приходим в недоумение над составом некоторых городских Советов. В небольших городах Советы получились совершенно нерабочие, в них преобладают мещанские элементы. В деревне повсюду в Советах зажиточное крестьянство и кулаки»[1607]. Партийный состав многих горсоветов и вовсе обескуражил руководство страны. В ряде городов коммунистов не избрали в новые Советы, или их было менее 10 %. Так, в Спас-Деменске коммунисты не попали в состав городского Совета, в Юхнове из 49 депутатов только 4 были коммунистами (8,1 %), в Тарусе из 64 депутатов – 4 коммуниста[1608]. Высшее партийное руководство констатировало, что «понижение доли коммунистов, так же как и рабочих приходится отнести за счет мелких обывательских, полукрестьянских городов и городишечек, которых у нас значительно больше, чем средних и крупных городов»[1609].

В деревне «центральной фигурой избирательной кампании» признавался середняк, который «вместе с бедняком давал отпор кулацким кандидатурам в Советы, занявшим активную позицию на собраниях, «с общим настроением – поддержка советской власти»[1610]. При этом, у советского и партийного руководства озабоченность

[1605] Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20; Федорова И. М. Местный партийно-советский аппарат в первой половине 20-х годов: формирование, социальный облик (по материалам Калужской, Тульской Смоленской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001. С. 15.

[1606] ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 101; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 84–120.

[1607] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 18.

[1608] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 57.

[1609] Там же. Л. 57.

[1610] РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 164. Д. 58. Л. 128.

вызывало «снижение активности бедняка, отказ от проведения своих кандидатур», и «рост активности кулаков, выразившийся в попытках скомпрометировать кандидатуры бедняков и середняков, демагогических выступлениях на выборных собраниях, требованиях тайного голосования, распространении лозунгов о «крестьянском союзе»[1611].

Итогом обсуждения результатов выборов 1925/26 г. на комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов перевыборов под руководством В. М. Молотова, стало принятие решений об осуждении расширения сотрудничества с непролетарскими слоями города и деревни и пересмотру позиций в отношении круга избирателей[1612]. На следующие избирательные кампании партийным руководством страны была поставлена сложно выполнимая задача «управляемой активности» – привлечь максимум населения на выборы, но при этом обеспечить необходимые власти составы Советов. Так, накануне избирательной кампании 1926/27 г., в партийных директивах и советской печати, ставилась задача «при сохранении высокой активности избирателей, устранить ошибочные отклонения»[1613].

В городе директивы высших советских органов формулировали первоочередную задачу повышения активности рабочих на выборах: «значительный рост активности неорганизованного избирателя в городах ставит перед партийными, советскими и профсоюзами задачу усиления активности производственных рабочих и работниц, в противном случае встает опасность захвата чуждым элементом горсовета»[1614]. В деревне – «укреплять союз рабочих с беднейшим крестьянством и середняцким активом», при недопустимости «роста буржуазных элементов и партий»[1615]. В кампанию 1928/29 г. особый акцент ставился на «организации батрачества и бедноты для отпора кулачества и всем антисоветским элементам» и «укреплении руководящей роли в Советах пролетариата»[1616]. Сформировать желательные составы для большевиков должны были помочь меры по ограничению круга избирателей и предоставление преимуществ в

[1611] Там же. Л. 132–136.
[1612] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54, 55, 56.
[1613] Косиор С. О перевыборах в Советы // Власть Советов. 1927. № 1. С. 1–2. Полуян Я. К перевыборной кампании // Власть Советов. 1926. № 32–33. С. 1–2.
[1614] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 11.
[1615] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 127–128.
[1616] Киселев А. Партия о перевыборах Советов // Власть Советов. 1929. № 2. С. 2.

нормах представительства пролетариату и красноармейцам в городах с преобладанием «обывательского населения»[1617].

Организаторы выборов на местах находились в очень непростой ситуации, предыдущая кампания показала непопулярность утвержденных партийными ячейками кандидатов и неумение конкурировать с беспартийными кандидатами на избирательных собраниях. Высшие советские органы требовали не возвращаться к административным методам, а добиваться результата за счет активизации рабочих, беднейшего крестьянства, молодежи, женщин, усиления агитационных мер, привлечения общественных организаций и профсоюзов, подготовки кандидатов к выступлениям, обсуждения их кандидатур с рабочими коллективами, привлечения к отчетной кампании ярких ораторов из числа советских и партийных руководителей. Отчеты региональных избиркомов и исполкомов и советская пресса показывают, что определенные успехи в этом направлении были достигнуты.

Значительное внимание стало уделяться разнообразным формам агитации и т.н. организационной и массовой работе с населением. Агитационные методы должны были привлечь избирателей на выборы и сформировать нужный власти образ кандидатов. Помимо различных методов, использовавшихся для повышения явки, во второй половине 1920-х гг. применялись методы агитации, направленные в первую очередь на формирование образа депутатов, которых нужно было избирать в Советы или напротив, тех, кто был недостоин мандата. Распространенными методами агитации по всей стране стали проведение митингов, демонстраций, факельных шествий, ледовых представлений, состязаний-маскарадов, театральных инсценировок[1618]. В крупных городах проводились демонстрации, посвященные перевыборам Советов, «демонстранты несли фигуры тех, кого не следует выбирать в совет: нэпманов, разгильдяев и т.п.»[1619]. На улицах городов днем проводились предвыборные карнавалы, а вечером факельные шествия, ледовые представления, состязания-маскарады, где карикатурно изображались «классово-чуждые элементы»[1620].

Наиболее оригинальные предвыборные мероприятия организовывали комсомольцы, как отмечалось в прессе: «решающее значение для успеха агитационной

[1617] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 12.

[1618] Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа … С. 45-46; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет в 1918-1939 … С. 150.

[1619] Советская Сибирь.1929. 10 февраля.

[1620] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами … С. 107–108.

кампании имело активное участие в ней комсомола»[1621]. Так, в Иркутске комсомольцы организовали предвыборный карнавал, который начался хоккейным матчем «избирателей» и «лишенцев». Играющие за «лишенцев» были одеты в костюмы бывших белых офицеров, кулаков, нэпманов, ворота защищал «поп», игроки команды «избирателей» выступали в одежде красноармейцев, рабочих и комсомольцев, вратарем был «уполномоченный РКИ». Матч вызвал огромный интерес, и закончился вничью[1622]. Популярной формой агитации были инсценированные «агитационные суды» (жанр массового театрализованного зрелища 1920-х гг.). Все происходило как на судебном процессе – судья, прокурор, адвокат, обвиняемые (пассивные и скомпрометировавшие себя депутаты), свидетели. Проводимые комсомольцами импровизированные «агитсуды» вызывали живой интерес населения[1623].

В сельской местности в агитации преимущественно использовались менее креативные методы, чем в городах, зачастую власти ограничивались стандартными плакатами, ключевая роль в повышении явки населения отводилась приглашению избирателей именными повестками[1624]. Нестандартные формы предвыборной агитации находили применение в деревне благодаря усилиям комсомольцев. Л. В. Кромер анализируя практики участия комсомольцев на выборах в кампанию 1928/29 г. отмечает широкое использование театрализованных форм, комсомольских десантов из города с передвижками с киносеансами, столами справок и т.д.[1625] Например, комсомольцы Бердского района устроили импровизированную предвыборную «зарницу», подняв «местные ячейки по тревоге, после чего разбились на группы, изображавшие «комсомольцев» и «кулаков». После импровизированной попытки проникновения «кулаков» в сельсовет, «все участники в организованном порядке прошли с песнями по селу и провели митинг, на котором инструктор райкома ВКП(б) разъяснил присутствующим, что батраки, бедняки и середняки должны сплотиться для того, чтобы дать решительный отпор кулаку»[1626].

[1621] Перевыборная кампания на местах // Власть Советов.1927. № 12. С. 15.

[1622] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами … С. 114

[1623] Андреев В. П. Горсоветы в условиях нэпа ... С. 192.

[1624] Балабан Н. Новое в технике выборов (оповещение избирателей путем повесток) // Власть Советов. 1926. № 1. С. 2–4.

[1625] Кромер Л. В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 31–32.

[1626] Кромер Л. В. Указ. соч. С. 32.

В массовой работе акцент делался на проведении различных собраний рабочих по предприятиям и сменам, бедноты и советского актива в деревне, заседаниях профактива, «вечерах вопросов и ответов», «вечеров молодежи», посвященные перевыборной кампании и достижениям советской власти. Эти организационные формы охватывали в первую очередь лояльно настроенные власти слои населения и нацелены на повышение их явки и активности на выборных собраниях[1627].

Самой распространенной формой массовой работы, предполагавшей охват самых различных слоев населения стало проведение отчетных собраний. Советские работники активно обсуждали вопрос на совещаниях и в прессе о целесообразности их проведения в качестве отдельных мероприятий накануне выборов или в рамках проведения избирательного собрания. Противники проведения отдельных собраний ссылались на организационные сложности: при вынесении отчетов на отдельные собрания, второй раз собрать избирателей было достаточно сложно, и явка понижалась, поэтому многие советские работники настаивали на проведении отчетов в рамках избирательных собраний[1628]. Основным аргументом их оппонентов стали излишне затянутые собрания, нередко продолжавшиеся по 8–10 часов и затягивавшиеся до позднего вечера[1629]. Опыт проведения отчетных собраний показал возможность их отдельного проведения только для рабочих и служащих, собрания для «не организованных в профсоюзы» избирателей срывались по причине неявки, в сельской местности чаще всего отчетные собрания становились первым этапом избирательного собрания.

При проведении отчетных собраний качество и содержание докладов представляли серьезную проблему для местных властей, учитывая невысокий уровень образования и подготовки низовых советских работников, не всегда удавалось сделать доклады интересными и содержательными. В первую очередь это было характерно для собраний в деревне. В отчетах губернских исполкомов отмечался «формальный подход» к отчетам. Владимирский губернский исполком сообщал в 1926 году, что «сельсоветы

[1627] Жукова Н. Е. Формы и методы привлечения общественности Бурятии к системе государственного управления в 1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 1. С. 67–72; Кулачков В. В. Абсентеизм в настроения крестьянства … С. 107–109; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 22.

[1628] Киселев А. Задачи предстоящих перевыборов Советов (к совещанию оргработников ВЦИК) // Власть Советов. 1928. №19–20. С. 5–7; Чему учит практика отчетно-перевыборной кампании // Власть Советов. 1929. №10 –11. С. 12; Немов. Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании Советов 1929 г. // Власть Советов. 1928. № 46. С. 15–17.

[1628] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 43.

[1629] Хамармер И. Нужны ли отчетные доклады на выборных собраниях // Власть Советов. 1928. № 3. С. 16–17; Мамаев П. О новых формах отчетности и связи Советов с избирателями // Власть Советов. 1928. № 32. С. 16.

слабо подготовились к докладам, ограничились казенным докладом о том, сколько ими было выдано справок, оправлено и получено бумаг, выполнено поручений»[1630]. Инструктор ВЦИК, обследовавший выборы в Нижегородской губернии в 1929 г., зафиксировал аналогичную ситуацию: «отчетные доклады некоторыми Советами составлялись из одних только цифр, были малопонятны, и в результате многие докладчики не могли рассказать о работе Советов, а читали письменные доклады или заготовленные резолюции»[1631].

ВЦИК и Центризбирком пытались изменить ситуацию с качеством отчетов, на местах регулярно проводились совещания и курсы инструкторов и советских работников, издавались директивные указания о содержании отчетов и докладов. Однако это не смогло принципиально изменить ситуацию и к концу 1920-х гг. Я. В. Полуян на Всероссийском совещании, посвященном избирательной кампании в 1928 г. констатировал: «само качество отчетных докладов очень часто таково, что население не может ими заинтересоваться. Когда председатель сельсовета в своем докладе говорит, что у него столько то умерло, столько то родилось, столько то бумаг прошло, и ни слова не о хозяйственной работе, школе, больнице, такие доклады не могут удовлетворять избирателей»[1632].

Несмотря на распространенную практику формальных и бессодержательных докладов, население стремилось к прямому диалогу с представителями власти[1633]. В первую очередь это касалось собраний «не организованных в профсоюзы» избирателей в городах и крестьян в сельской местности. Крестьяне и горожане воспринимали отчеты, звучавшие на собраниях как повод обсудить волновавшие их проблемы с представителями власти[1634].

Активность «неорганизованных» избирателей в сводках партийных и советских органов нередко противопоставлялась пассивности обсуждению отчетов и наказов на собраниях рабочих и служащих. В рамках работы комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б) по подведению итогов выборов, констатировали: «на последних выборах, на собраниях кустарей и домашних хозяек, имела место исключительно активность членов

[1630] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 154. Л. 43.

[1631] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 523. Л. 16.

[1632] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 106–107.

[1633] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 164. Д. 56. Л. 46; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 114; Оп. 106. Д. 523. Л. 16–17.

[1634] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 21; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … 115–123.

избирательных собраний; активное обсуждение отчетов, наказов, кандидатов, в то время как на многих профсоюзных собраниях все по старинке: музыка, флаги, и вроде полный порядок. Но действительно активного участия членов выборных собраний, т.е. обсуждение отчета, выставление поправок к наказу было меньше, чем на собраниях неорганизованных избирателей»[1635].

Ситуация не была столь однолинейной, и приведенное выше мнение партийного руководства, в большей степени отражало серьезную обеспокоенность результатами избирательной кампании 1925/26 г., и составом горсоветов, гипертрофируя угрозу захвата власти в Советах «непролетарским элементом», нежели реальную активность различных социальных слоев на отчетных и избирательных собраниях. Представляется, что характер проведения собраний и поведение горожан на собрании определялись совокупностью различных факторов. С одной стороны, общей тенденцией была меньшая лояльность непролетарских слоев в отношении представителей власти, чем рабочих. Но одновременно с этим, современные исследования и архивные источники показывают, что характер проведения собрания, обсуждения отчетов, проблем значительно варьировался в разных избирательных собраниях, профсоюзах, даже в однотипных коллективах в рамках одного города и во многом определялся политической культурой избирателей, активностью местных лидеров, остротой местных проблем, поведением организаторов выборов[1636].

Насколько агитационно-организационные усилия местных властей отразились на голосовании, электоральных предпочтениях и итогах выборов? Руководство ВЦИК их главным результатом считало мобилизацию лояльных власти слоев – выросла явка и активность рабочих на выборах в городах и бедняцких слоев крестьянства – в деревне. В докладе председателя Центризбиркома Я. В. Полуяна по итогам кампании 1926/27 г. констатировался рост явки членов профсоюзов в городах на 13,2 % (с 56,7 % в 1925 г. до 69,9 % в 1926/27 г.), еще более существенно явка выросла в кампанию 1928/29 г. – до 82,8 %.

В кампании 1926/27 и 1928/29 г., учитывая неудачный опыт провала утвержденных кандидатов в предыдущую кампанию, власти предпринимали превентивные меры по подбору кандидатов – привлекали к выдвижению и обсуждению

[1635] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 49.

[1636] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. … С. 115–123; Андреев В. П. Горсоветы в условиях нэпа … С. 190.

кандидатов коллективы рабочих на предприятиях и служащих в организациях, бедноты и комсомольцев – в деревне[1637]. В отчете Центризбиркома 1929 г. отмечался положительный опыт Иркутска и Тюмени «демократичного выдвижения кандидатур», когда устраивалось подобие дебатов, всестороннее обсуждение кандидатов на собраниях фабзавкома, ячейки, комсомольской и женской организации[1638]. Такие практики реализовывались не повсеместно из-за значительных временных и организационных усилий, и в большинстве городов списки кандидатов утверждались парткомами без обсуждения[1639]. В отчете Центризбиркома констатировалось: «недостаточно серьезное отношение к выдвижению кандидатов без предварительной проработки в общественных организациях в Богородске, Саратове, Орле, Астрахани, Смоленске, Вязьме»[1640].

На избирательных собраниях рабочих, служащих и красноармейцев преимущественно использовалось голосование за утвержденные списки, либо дополненные кандидатами от собраний в случаях неудовлетворительного состава этих списков[1641]. Но фиксировались и случаи, когда утвержденный парткомом список полностью отклонялся и выдвигался собственный, А. А. Сухарев отметил такую ситуацию в Тюмени на собрании работников медицинских учреждений, отклонивших предложенный список, и выдвинувших свой, включив в него 5 беспартийных кандидатов и 2 члена ВКП(б)[1642]. Как и в ситуации с обсуждением отчетов, характер проведения собрания, выдвижения и голосования за кандидатов во многом определялось политической культурой избирателей отдельных групп и коллективов, поведением организаторов выборов, списком предложенных кандидатов, наличием местных лидеров и т.д.

Влияние массовой работы и агитации на электоральные предпочтения и поведение непролетарского населения на избирательных собраниях было весьма ограниченным. Отчасти эти меры сказались на повышении явки – в 1926/27 на 5,9 % и на рекордных 15 % в 1928/29 г.[1643] Однако как и ранее, «не организованные в

[1637] Выбирайте не случайных, а лучших // Власть Советов. 1928. №52. С. 14–15. Внимание кандидатурам // Власть Советов. 1929. №1. С. 3–5.
[1638] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 24
[1639] Карп А. Подбор кандидатов в Советы // Власть Советов. 1929. №5. С. 9.
[1640] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 24
[1641] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 327. Л. 31; Д. 329. Л. 72–74; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 130.
[1642] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 22.
[1643] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 16, 17, 27.

профсоюзы» избиратели при обсуждении кандидатов, исключали из списков не только представителей пролетариата, но и ответственных советских и партийных работников[1644].

Выдвижение и обсуждение кандидатов в депутаты в горсоветы на выборах второй половины 1920-х гг. зачастую носило конфликтный характер. Как и ранее, в городах на собраниях «не организованных в профсоюзы» избирателей чаще всего избирался персональный способ голосования за кандидатов. Информаторы ВЦИК сообщали, что «повсеместно неорганизованное население не желало голосовать за списки, предпочитая персональное голосование»[1645]. Избиратели настаивали на избрании кандидатов от собраний, представители власти по-прежнему продолжали настаивать на голосовании по утвержденным спискам, как отмечал сотрудник Центризбиркома С. Мендешев, командированный для наблюдения за выборами в Чувашскую АССР в 1929 г. «у местных работников есть стремление голосовать списки кандидатов, и только благодаря категорическим указаниям Чувашской республиканской избирательной комиссии способ голосования определяют сами избиратели, в большинстве выбирая персональный способ голосования»[1646].

Компромисс был сложным, методы убеждения действовали очень ограниченно на непролетарское население, поэтому нередко власти прибегали к административному давлению «протаскивания нужных кандидатов» или даже подтасовки результатов голосования, такие случаи выявлялись проверками представителей Центризбиркома, проведенными по жалобам от населения во Владимире, Пензе, Саратове, Астрахани и других городах[1647].

Помимо прямого административного давления, пределы которого были весьма ограничены в городах, в кампании 1926/27 и 1928/29 г. существенную роль стал оказывать прессинг, оказываемый с помощью лишения избирательных прав. В небольших городах с доминирующим непролетарским населением лишенными прав оказывались до трети взрослого населения[1648]. Также местные власти в качестве наиболее надежного способа обеспечения необходимых составов Советов, добивались

[1644] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 518, Л. 76; Д. 559. Л. 17, 59, 62, 119; Д. 560. Л. 212, 246, 281; Оп. 107. Д. 244. Л. 39.

[1645] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111.

[1646] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 245. Л. 8.

[1647] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 25, 29; Д. 543. Л. 77–81, 117, 124.

[1648] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 5.

разрешения установления преимущества в нормах представительства для пролетарского населения. Как отмечалось выше, такие решения принимались Центризбиркомом по просьбам региональных исполкомов с учетом состава населения. В ситуации значительного преобладания непролетарского населения в городах и потенциальных проблем с составами Советов (города Новгородской, Калужской, Владимирской губерний), Центризбирком разрешал повысить нормы для рабочих и служащих на выборах в горсоветы и съезды, ущемляя интересы других групп населения[1649].

В кампанию 1928/29 г. власть столкнулась с волной протестного поведения на избирательных собраниях непролетарского населения и крестьян, являющееся одним из маркеров кризиса легитимации. Однако в эту кампанию реакция власти на протестное поведение была совершенно иной, чем в 1924 году. Руководство страны не идентифицировало его как угрозу удержания власти и снижения поддержки, напротив, своими действиями зачастую провоцировало протестное поведение, ужесточая меры против непролетарского населения города и деревни. Низовые партийные и советские органы, стремясь обеспечить заданные параметры составов Советов, не хотели договариваться с избирателями, все чаще прибегая к практикам начала 1920-х гг. – угрозам и административному давлению. Помимо позиции руководства страны, к концу 1920-х гг. власти удалось отмобилизовать лояльные слои города и отчасти деревни для активного и лояльного участия в выборах.

Несмотря на все сложности кампаний второй половины 1920-х гг., руководство высших советских и партийных органов оценивало результаты выборов в горсоветы в 1926/27 и 1928/29 г. позитивно, констатировало достижение основной цели – «роста активности рабочего класса, увеличения пролетарской прослойки в городских Советах»[1650]. Избирательная статистика показывает три основных изменения: рост числа женщин, рабочих и членов партии в составах горсоветов. Число женщин–депутатов увеличилось с 19,7 % в 1925/26 г. до 21,2 % в 1926/27 г. и 26,4 % в 1928/29 г.[1651] Важные изменения для власти произошли в социальных составах горсоветов: число депутатов рабочих выросло с 36,4 % в 1925/26 г. до 47,2 % в 1926/27 и 54,0 % в 1928/29 г., при

[1649] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 7. Л. 31, 33, 42–56; Д. 12. Л. 16–25(об); Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 88. Л. 10–98; Д. 11. Л. 1–8. Д. 21. Л. 101–104.

[1650] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 327; Оп. 105. Д. 504. Л. 41–43; Оп. 106. Д. 242. Л. 117; Д. 534. Л. 8–9.

[1651] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 20.

этом в последнюю кампанию удалось добиться существенных результатов в увеличении доли рабочих с производства (до 43,6 %). «Орабочивание» горсоветов происходило при существенном сокращении представительства служащих и интеллигенции (с 40,3 % в 1925/26 г. до 31,8 % в 1926/27 г. и 25,8 % в 1928/29 г.), кустарей с 4,4 % в 1925/26 г. до 2,4 % в 1928/29 г.[1652] По наблюдениям Е. Г. Гимпельсона «орабочивание» городских Советов осуществлялось более успешно, чем аппаратов исполкомов[1653]. Уменьшение числа служащих и интеллигенции повлияло на уровень образования советских депутатов: снизилось число представителей с высшим и средним образованием (с 22,2 % в 1925/26 г. до 19,3 % в 1926/27 г. и 16,6 % в 1928/29 г.)[1654].

Власти удалось воздействовать и на партийные составы горсоветов, число депутатов – членов ВКП(б) выросло с 40,9 % в 1925/26 г. до 46,5 % в 1926/27 г. и 46,3 % в 1928/29 г.[1655] Хотя в небольших городах с численностью от 5 до 10 тыс. жителей (в статистике они назывались «города мещанского типа»), число рабочих депутатов составляло около трети – 35,5 %–39,8 % в горсоветах[1656], что отражало описанные выше проблемы взаимодействия власти и непролетарского населения на избирательных собраниях.

Современные исследования и данные избирательной статистики показывают, что власти удалось реализовать идею «управляемой активности»: при высокой явке и активности избирателей, обеспечить приемлемые для власти составы горсоветов (увеличить представительство рабочих и не допустить «классово-чуждый элемент» в Советы). Очевидно, что наибольшие достижения у власти были в мобилизации лояльных большевикам слоев, на собраниях которых и достигался основной результат. Власть использовала все доступные средства, включавшие агитацию, административно-ограничительные меры, при этом оставались доступными и компромиссные решения с населением: без острой необходимости организаторы старались не применять жесткие методы административного давления, стараясь убедить и договориться с избирателями,

[1652] Там же. С. 22–23.
[1653] Гимпельсон Е. Г.НЭП и советская политическая система … С. 366.
[1654] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 31–32.
[1655] Там же. С. 28–29.
[1656] Там же. С. 29.

включить в списки кандидатов как представителей населения, так и необходимых власти, соглашаясь на персональное голосование[1657].

В сельской местности на избирательных собраниях процедура выдвижения и обсуждения кандидатур проходила во второй половине 1920-х гг. бурно, по-прежнему популярным было персональное голосование, «с деловитым крестьянским обсуждением» кандидатур, и ключевым вопросом оставалось расхождение представлений власти и основной массы крестьян о кандидатах в депутаты. Несмотря на ограниченность агитационной работы в деревне, во второй половине 1920-х гг. удалось повысить интерес крестьян к участию в выборах, в первую очередь за счет открытого и неформального характера собраний, возможности обсудить злободневные вопросы с представителями власти[1658]. Общая явка сельских избирателей в кампанию 1926/27 г. составила 47,6 % (показав небольшой рост по сравнению с предыдущей кампанией), в 1928/29 г. увеличилась сразу на 13,1 % до 60,7 %. Сложности агитации и массовой работы с женщинами и влияние патриархальных традиций наглядно демонстрировали показатели явки крестьянок на выборы, в 1926/27 г. она составила 30,1 % (у мужчин – 66,6 %, в 1928/29 г. 46,9 % (у мужчин 75,7 %)[1659].

Несмотря на значительную специфику избирательных кампаний в национальных автономиях РСФСР, где дополнительной задачей становилась активизация участия титульных национальностей, по мнению Н. Н. Аблажей и А. С. Жанбосиновой организаторы выборов во второй половине 1920-х гг. успешно справились с решением этой задачи[1660]. В ряде национальных автономий в сельской местности явка титульных национальностей превышала явку русского населения[1661].

Партийные директивы требовали интенсификации массовой работы в деревне с социально близкими слоями пролетариату – бедняками и батраками, а также дискриминированными слоями – женщинами и молодежью. Проведение отдельных собраний для бедняков, женщин и молодежи вызывало негативно-скептическое

[1657] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 137–138; Андреев В. П. Горсоветы в условиях нэпа … С. 192; Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа … С. 47; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет в 1918-1939 … С. 150.

[1658] Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 19; Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20; Иванов В. В. Указ. соч. С. 301–307; Кулачков В. В. Абсентеизм в настроения крестьянства Западного региона … С. 107–109.

[1659] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 16–32.

[1660] Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. «Ситуация стабильная»: выборы в Советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 64–91.

[1661] Там же. С. 66.

отношение в деревне. Если в отношении женщин и молодежи срабатывали патриархальные стереотипы и отношение к этим собраниям было скорее снисходительным и ироничным, крестьяне их называли «бабьими посиделками», то к предвыборным собраниям бедняков было «подозрительное, недоверчивое» отношение, опасения в желании власти расколоть крестьян, недовольство в предоставлении преимуществ беднейшим слоям деревни[1662]. Негативное отношение к такой предвыборной работе открыто выражали представители середняцкого актива: «на собрания бедноты приглашаются только бедняки, а середняки с такой постановкой дела не согласны, встают в оппозицию, говорят: зачем устраиваете какие-то обособленные собрания, а нас принимаете за зажиточных, в итоге наблюдается раскол и на выборных собраниях середняки выступают против рекомендуемых беднотой и партячейкой товарищей»[1663].

Специалисты, исследовавшие избирательные кампании в деревне в различных регионах, отмечают, что стремление представителей власти разделить крестьян на группы, превратить бедняцко-батрацкие слои в политический авангард вызывало неприятие основной массы крестьян, и наиболее выраженным оно было в регионах со значительными группами зажиточного крестьянства и казачества[1664]. На смену открытой конфликтности, связанной с противодействием административному давлению, проявлявшемуся в кампанию 1925 года, пришло противостояние поддерживаемых властью бедняцко-батрацких организаций и остальных слоев крестьянства. Хрупкий баланс, достигнутый между властью и крестьянами на выборах 1925/26 г., разрушился уже к кампании 1928/29 г. Нагнетание «кулацкой угрозы», прессинг на зажиточную часть крестьянства с помощью налогообложения и лишения избирательных прав, активизация бедняцких организаций в деревне изменили ситуацию на выборах с относительно спокойной на агрессивно-напряженную.

[1662] ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп. 105. Д. 153. Л. 14; Оп. 106. Д. 242. Л. 135–141; Д. 569. Л. 119–136; Д. 600. Л. 87–89.

[1663] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 148. Л. 156(об).

[1664] Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20; Есиков С. А., Дмитриевцева А. А. Роль сельской бедноты в избирательном процессе Тамбовской губернии во второй половине 1920-х гг. // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2006. Т.4. №1. С. 49; Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 20; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. №19. С. 412–414; Яхутль Ю. А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. на примере Кубани и Дона: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2020. С. 46–47; Ченская Т. В. Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы 1926, 1929 гг. (на примере Орловской губернии/области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 4. Самара, 2016. С. 49; Ильиных В. А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа … С. 42.

В избирательные кампании 1925/26 и 1926/27 г. критика власти воспринималась спокойно, как проявление активности, неравнодушия крестьян, к концу 1920-х гг. стала подаваться как «кулацкие вылазки» и «контрреволюционные выступления». В кампанию 1928/29 г. исполкомами разных уровней составлялись отчеты о «классовой борьбе в деревне» и «кулачестве на выборах», в которых обычные деревенские конфликты, пьяные выходки, призывы голосовать за беспартийных кандидатов, ревностные высказывания к городским жителям подавались в качестве примеров «антисоветских выступлений»[1665].

Триггером социального напряжения в деревне в конце 1920-х гг. стало лишение избирательных прав зажиточных крестьян и середняков, воспринимавшееся ими крайне эмоционально и болезненно. Большинство правонарушений, квалифицировавшихся как «террористические акты» были не чем иным как хулиганскими, эмоциональными выходками в отношении активистов и членов избиркомов, принявших решение о лишении избирательных прав крестьян.

Не отрицая существования социальных противоречий в деревне, согласимся с мнением высказанным в историографии, что в кампанию 1928/29 г. власти сознательно преувеличивали масштабы «классового противостояния»[1666]. Д. М. Корчагин отмечает, что при наличии несомненного недовольства, «кулачество чаще всего стремилось уклониться от прямого столкновения на выборах, и моменты жесткого силового противостояния с властью не являлись сколько-нибудь заметными»[1667]. Обращаясь к статистике, зафиксированных правонарушений «антисоветских элементов» в ходе избирательной кампании Наркоматом внутренних дел, очевидно, что их массовость сильно преувеличена. По данным НКВД на момент завершения избирательной кампании 1928/29 г., на значительную часть Европейской России было зарегистрировано 112 правонарушений, из них 74 % составляли хулиганские эмоциональные выходки, связанные с устными угрозами и драками (срывы собраний и избиения).

[1665] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 82–87.

[1666] Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 20; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 21.

[1667] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 20.

Таблица 3.1

Количество правонарушений в ходе избирательной кампании 1928/29 г. по данным НКВД (на 15.03.1929 г.)

Губернии, области	Правонарушения			
	срывы собраний	поджоги	избиения	убийства
Московская	5	1	7	0
Владимирская	8	1	5	1
Нижегородская	0	0	2	0
Смоленская	0	2	0	1
Тульская	1	0	1	1
Калужская	2	1	1	1
Оренбургская	0	0	3	0
Архангельская	1	0	1	0
Тверская	4	0	2	0
Рязанская	5	0	2	0
ЦЧО	0	21	7	4
Ленинградская	8	3	9	1
Итого	34	29	40	9

Источник: ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп. 107. Д. 223. Л. 8 (об).

Социальная политика, направленная на давление на зажиточные слои деревни, стала важным инструментом, способствовавшим формированию необходимых власти сельских Советов. В тех случаях, когда не действовали методы убеждения, агитационные и организационные меры, допустимым решением для достижения приемлемых составов Советов, местным работникам представлялось возвращение к сложившейся практике начала 1920-х гг. использования жесткого административного давления. Об использовании административных методов свидетельствуют жалобы избирателей, поступившие в Центризбирком и ВЦИК в кампании 1926/27 и 1928/29 г. Содержание жалоб было схожим, они касались процедурных нарушений, навязывания голосования за список вместо персонального, невозможность обсудить кандидатуры, выдвижение организаторами кандидатов, не поддерживаемых селянами[1668]. Так, в с. Клин Гутовского района Новосибирского округа перенесли дату избирательного собрания, не известив всех избирателей и «кандидатов навязал уполномоченный (из горсуда), счетчиков голосов выбрали не тех, которых хотело

[1668] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 145. Л. 140–152; Д. 146. Л. 38–39, 95–146; Оп. 106. Д. 253. Л. 1–287.

собрание, и они посчитали неправильно»[1669]. В деревне Борок Дуденской волости Дорогобужского уезда Смоленской губернии, в деревне Ново-Каинлыкской Башкирской республики собранию не дали выдвинуть свой список, заставив голосовать за утвержденный ячейкой «продавили назначенных кандидатов, грубо обошлись»[1670]. В кампанию 1928/29 г. в жалобах стало чаще отражаться социальное противостояние – жалобы на «засилье кулаков», «кулацких кандидатов» или наоборот «никчемных бедняков, которых протаскивал уполномоченный»[1671].

В отчетах Центризбиркома и ВЦИК факты административного давления не отрицались, признавались как «неизжитые методы военного коммунизма»[1672]. Однако вывод Д. М. Корчагина о «прямой фальсификации результатов перевыборов 1928/29 г., превращении их в бюрократический ритуал»[1673], считаем не обоснованным. Источники показывают, что использование административного давления на избирателей не было столь массовым как в кампании первой половины 1920-х гг., когда эти меры имели определяющее значение для обеспечения необходимых власти составов Советов, скорее это стало дополнительной мерой, имевшейся в арсенале организаторов выборов.

Удалось ли в деревне реализовать идею «управляемой активности» в ходе избирательных кампаний, как изменились составы сельских Советов? Высшие партийные и советские органы признавали итоги выборов 1926/27 и 1928/29 г. удовлетворительными, основные проблемы, связанные с «проникновением чуждых элементов» в Советы и укрепления союза рабочих с беднейшим крестьянством и середняцким активом, решенными. В отчете об итогах выборов по РСФСР 1926/27 г. Я. В. Полуяна констатировалось улучшение составов сельских органов власти: небольшое увеличение численности депутатов рабочих и батраков (с 2,4 до 4,5 %), комсомольцев (с 3,8 до 4,5 %), при этом в составах сельских Советов не наблюдалось роста женщин депутатов и членов партии[1674]. Но важным итогом Полуян считал изменение социального состава депутатов: увеличение бедняцко-батрацкой группы (освобожденных от налога и платящих до 1 рубля налога) в два раза с 16,8 % до 32 %[1675], при этом отмечалась повышенная доля «зажиточных середняков» среди депутатов в

[1669] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 253. Л. 7–8.
[1670] Там же. Л. 18–28.
[1671] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 210. Л. 73–112.
[1672] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 25.
[1673] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 21.
[1674] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 327.
[1675] Там же. Л. 330.

Сибири и на Северном Кавказе, доходящая до 32 % по отдельным деревням, в то время как в Центральной России их доля не превышала 4 %[1676]. Углубление этой тенденции фиксировалось в отчете об итогах выборов А. С. Киселева в кампанию 1928/29 г.: среди членов сельских Советов двукратно выросла доля беднейшего крестьянства (освобожденного от уплаты налога) с 16,7 % до 31,7 % за счет сокращения числа середняков и зажиточных групп крестьянства[1677] (с учетом изменения налоговых ставок в статистике был сделан пересчет, и показал не столь значительное увеличение с 24, 7 до 31,7 %)[1678].

Общая статистика составов сельсоветов показывает, что основная масса членов и председателей сельсоветов по-прежнему были молодые (до 40 лет), грамотные, беспартийные мужчины. Более заметные изменения произошли в кампанию 1928/29 г.: увеличилось число женщин в составах Советов почти в два раза по сравнению с 1925/26 г. (1925/26 г. – 10,5 %, 1926/27 г. – 11,9 %, 1928/29 г. – 19,0 %), среди председателей сельсоветов с 0,6 % в 1925/26 г. до 7,1 % в 1928/29 г. Статистика отразила изменения социального состава сельсоветов: увеличение рабочих и батраков с 2,4 % в 1925/26 г. до 7,9 % в 1928/29 г. и среди председателей схожие данные. Одновременно понизился уровень грамотности: неграмотных членов сельсоветов увеличилось с 6,6 % в 1925/26 г. до 11,3 % в 1926/27 г. и до 12,1 % в 1928/29 г. Советские работники объясняли это увеличением беднейших групп крестьянства, не имевших доступа к образованию[1679].

Партийный состав членов сельсоветов оставался практически неизменным, одновременно с этим существенно выросло число членов партии среди председателей сельсоветов (1925/26 г. – 18,0 %, 1926/27 г. – 18,7 %, 1928/29 г. – 30,6 %), наметив будущую тенденцию – обязательность членства в партии для председателей низовых советских органов. Согласимся с оценкой изменений составов сельсоветов к концу 1920-х гг., высказанной В. А. Ильиных как «о начавшейся по инициативе «сверху» разбалансировки социально-политической системы нэповской России», сельские органы власти превратились «в надежных проводников аграрной политики большевистской партии, активно включившись в форсированную коллективизацию и раскулачивание»[1680].

[1676] Там же. Л. 331.
[1677] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 8–9.
[1678] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 1. Выборы в сельские, волостные … С. 39–41.
[1679] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 15.
[1680] Ильиных В. А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа … С. 47–48.

Итоги выборов и составы сельских Советов второй половины 1920-х гг. отражали сложный компромисс власти с населением. С одной стороны, к концу 1920-х гг. цели, которые ставили большевики по «управляемой активности» считали реализованными: при высокой явке и активности избирателей, и не массовом применении жесткого административного давления на избирательных собраниях, удалось сформировать приемлемые для власти составы сельсоветов, существенно расширить представительство бедняцко-батрацких слоев, которые виделись большевикам «классово-близкими», исключить или минимизировать представительство «классово-чуждых» (зажиточных) крестьян, и увеличить доли дискриминируемых групп в традиционных обществах – женщин и молодежи. Как и на выборах в горсоветы, в первую очередь власти удалось мобилизовать лояльные группы, отработав новые избирательные методы воздействия.

К концу 1920-х гг. произошло изменение атмосферы и характера проведения выборов: от относительно свободных с широким участием различных слоев крестьянства к подконтрольным с нагнетанием социального напряжения и противостоянием зажиточного и беднейшего крестьянства. В целом, преобладающее мнение в современной историографии о создании большевиками в деревне «эффективных форм контроля избирательных собраний» и укреплении политической монополии правящей партии, при одновременном углублении или поддержке социальных противоречий, имеющих исключительно идеологические основания, и не отражавших интересы основной массы крестьян, считаем вполне обоснованным[1681]. Наряду со сказанным отметим, что обозначились и границы возможностей власти: несмотря на весь спектр агитационно-административных мер представителей беднейшего крестьянства удалось избрать не более трети, преобладающее большинство – это молодые или среднего возраста мужчины, выходцы из середняцких групп, вполне соответствовавшие образу представителя крестьянства в органах власти.

Избирательные кампании 1930-х гг. проходили в принципиально изменившейся политической и экономической ситуации, которые советская пропаганда называла «обстановкой социалистической реконструкции и перестройки всей работы

[1681] Иванов В. В. Указ. соч. С. 301–307; Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 20; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 412–414; Ченская Т. В. Указ. соч. С. 49; Баранов А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 121.

Советов»[1682], для «успешной реализации социалистической индустриализации и сплошной коллективизации» предстояло создать «новый массовый актив из ударников фабрик и заводов и колхозников в деревне»[1683]. Выполнение планов пятилетки «по индустриализации и сплошной коллективизации» интегрировалось в избирательные кампании[1684]. Соответственно используемые методы предвыборной агитации и формы массовой работы были общими с мобилизационными производственными кампаниями – социалистические соревнования городских и сельских Советов, производственных коллективов, обследования рабочими бригадами, митинги-переклички[1685]. Дальнейший рост активности избирателей партийные директивы планировали обеспечить с помощью различных форм «пролетарской демократии» - отчетов Советов, наказов и возложить реализацию массовой работы планировалось на советские, общественные и кооперативные организации[1686].

Практика воплощения «социалистической реконструкции» заметно отличалась от директивных указаний. В первую очередь отметим отсутствие должного энтузиазма общественных и кооперативных организаций в реализации форм массовой работы. Обсуждение докладов руководства Колхозцентра, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ на заседаниях Центризбиркома в кампанию 1930/31 г. показало, что советские кооперативные и общественные организации воспринимают участие в избирательных кампаниях, проведение отчетных собраний, организацию предвыборного социалистического соревнования между предприятиями как вынужденную и крайне обременительную нагрузку, стараясь ее избежать или выполнить формально.

На заседании Центризбиркома 6 декабря 1930 г. при обсуждении доклада председателя ВЦСПС отмечалось, что «каждый год повторяется одно и тоже, профсоюзы в перевыборах Советов не участвуют, или участвуют формально, посылаются циркуляры, письма и на этом заканчивается их работа. ВЦСПС пишет центральным и областным организациям, те в свою очередь доводят посылку циркуляров до низовых профорганизаций и этим отделываются»[1687]. Приводились различные примеры «недостаточного участия», так, «в Нижегородском крае

[1682] Перевыборы Советов и борьба за генеральную линию партии // Власть Советов. 1931. № 1. С. 5.

[1683] О перевыборах Советов. Резолюция по докладам Калинина и Молотова, принятая объединенным Пленумом ЦК И ЦКК ВКП(б) 21 декабря 1930 г. // Власть Советов. 1931. № 4. С. 11–12.

[1684] Перевыборы Советов и борьба за генеральную линию партии … С. 5-6.

[1685] Киселев А. К предстоящей избирательной кампании Советов // Власть Советов. 1930. № 38–39. С. 1.

[1686] Ефимов Д. К предстоящей избирательной кампании Советов // Власть Советов. 1930. № 38–39. С. 4–6.

[1687] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 265. Л. 15.

профсоюзы горняков, нарпитовцев и медиков предполагают только дать директивы на места, швейники прямо заявили, что выборами сейчас заниматься не могут, т.к. заняты коллективными договорами, а эта кампания дело советских организаций»[1688]. Новые формы массовой работы – «социалистического соревнования на лучшее проведение перевыборов Советов, с применением методов общественного буксира, переклички между союзами, фабриками, заводами, цехами, районами, областями и республиками» саботировались профсоюзными организациями[1689].

Еще хуже, по мнению представителей Центризбиркома, дела обстояли с участием Колхозцентра в избирательной кампании: «работа по вовлечению колхозников в социалистическое соревнование вокруг проведения избирательной кампании, путем создания смотровых бригад, проведения широкой отчетности о работе колхозов перед единоличниками и т.д. не была проведена, случаи участия носили единичный характер»[1690].

Не наблюдалось массового энтузиазма в реализации новых форм массовой работы и у городских и сельских Советов, последние их просто игнорировали. Некоторые усилия в реализации новых форм массовой работы предпринимали сами Советы и комсомол, преимущественно в крупных городах[1691]. В прессе подробно освещался ход социалистического предвыборного соревнования между Саратовом, Астраханью и Сталинградом, Москвой и Ленинградом, а также отдельными предприятиями городов, участники которого боролись «за лучшую организацию выборов, массовую проверку выполнения наказов, 100 % отчетность депутатов перед избирателями, 100 % явку избирателей на отчетные и избирательные собрания», но и при реализации этих инициатив обнаруживался «формализм и бюрократизм», в итоге ни в одном городе не были достигнуты заявленные показатели[1692].

Однако и с реализацией привычных форм предвыборной работы с населением – отчетной кампанией и проверкой выполнения наказами ситуация принципиально не отличалась. Попытки власти активно провести отчетную кампанию провалились: профсоюзы и предприятия участвовали в их организации крайне неохотно, депутаты

[1688] Там же.

[1689] Там же. Л. 8–21.

[1690] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 257. Л. 44.

[1691] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 267. Л. 21–29.

[1692] Соревнование горсоветов Нижне-Волжского края // Власть Советов. 1931. № 4. С. 16–17; Некоторые итоги перевыборов (по материалам с мест) // Власть Советов. 1931. № 6. С. 18–20; Отчетно-перевыборная кампания Советов в Московской области // Власть Советов. 1931.№ 2. С. 17–18.

приходили к отчетам не готовыми, отчеты по-прежнему были бессодержательными, по-настоящему интересующие избирателей проблемы не обсуждались, избиратели не видели смысла тратить на них время, игнорировали их, либо в случае обязательности участия, вели себя пассивно, просили быстрее завершить[1693]. На заседаниях Центризбиркома констатировались массовые срывы отчетных собраний: «По Москве за 3 дня должно было пройти 107 отчетных собраний, а состоялось всего 55, остальные 52 были сорваны в виду неявки избирателей. Аналогичная история в Твери, не состоялось 17 собраний»[1694]. На состоявшихся собраниях – низкая явка, так на заводе «Серп и молот» на заводское отчетное собрание явилось 70 чел. из 7 000 работников[1695], при этом руководство предприятий и профсоюзные организации стремились скрыть низкую явку, не желая проводить повторных собраний: «пишут, что явка была 90 %, а на самом деле только 40 % избирателей»[1696]. Нежелание проводить отчетные собрания доходило до того, что профкомы вместо помощи в организации отчетных собраний, препятствовали их проведению, требовали от избиркомов деньги за предоставление помещения под проведение отчетного собрания: «В Твери скандалят с профсоюзами даже из-за помещения. Тверской фабком предъявил счет: «если заплатите такую то сумму, я дам помещение, а не заплатите, не могу предоставить клуб, в этот вечер идет платное кино, мы деньги зарабатываем»[1697].

Референт ВЦИК Шамков И. И. в декабре 1930 г. зафиксировал срывы трех отчетных собраний на фабрике «Ливерс» в Москве и нежелание их проводить со стороны партийной ячейки: «даже парторганизатор не счел нужным на нем присутствовать», а также «неактивное участие избирателей в обсуждении докладов, выступали 1–5 чел., все заканчивалось за полчаса»[1698]. Обследование референта ВЦИК Д. Снопова отчетной кампании на предприятиях Бауманского района Москвы показало полное отсутствие интереса со стороны избирателей к отчетам депутатов, на фабрике им. Балакирева «из 740 избирателей явилось 98 чел., на фабрике «Красная работница» из 400 чел. – 97 чел., собрания проводятся в 15-ти минутные перерывы, рабочие просили быстрее их закончить, доклады не вызвали интереса, на вопросы о деревне и

[1693] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 268. Л. 5–12; Д. 258. Л. 31, 33, 34.
[1694] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 265. Л. 13.
[1695] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 265. Л. 18.
[1696] Там же. Л. 19.
[1697] Там же. Л. 14.
[1698] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 604. Л. 4–5(об).

коллективизации докладчик ответить не смог»[1699]. Аналогичные случаи описывали и в прессе: «В Саранске отчетные собрания почти все сорвались, на собрании рабочих маслозавода, табачной фабрики и крахмального завода явилось 15 чел. вместо 130», «в Пензе первые три отчета горсовета у пищевиков, деревоотделочников и ведомственной милиции сорваны»[1700].

В деревне попытки провести отдельные отчетные собрания в декабре 1930 г. вызывали сопротивление местных работников: «у нас и так работы по горло, где уж тут возиться с отчетной кампанией»[1701]. Явка избирателей была крайне низкой, не превышающая 10–25 %, обследования инструкторов ВЦИК показывали полное равнодушие крестьян к таким собраниям: «в Нижнеудинском районе 3 раза не могли провести собрания, в итоге проводили с явкой 10-15 %», в ряде случаев «не являлись на собрания докладчики»[1702].

В кампанию 1934 г. на отчетных собраниях фиксировалась более высокая явка избирателей (в пределах 50–75 %)[1703], и ее вероятными причинами стали не возросший интерес и энтузиазм, а опасения в обвинении «в пособничестве классовому врагу». Тем более, что срывы отчетных собраний, низкая явка избирателей, недостаточная активность избирателей, любые недостатки организационно-технического характера интерпретировались в русле «обострения классовой борьбы». Так, срыв отчетного собрания в Дзержинском районе горбатовского сельсовета, когда «уполномоченный избиркома явился пьяный на собрание и сорвал его», неподготовленность докладчика на выступлении на одном из собраний в Астрахани, и даже несвоевременное начало собрания объяснялись «засоренностью социально-чуждыми элементами» избирательных комиссий и «явно кулацкими действиями»[1704].

Выше отмечалось, что избиратели в кампании второй половины 1920-х гг. использовали обсуждение отчетов Советов как возможность вступить в открытый диалог, обсудить насущные вопросы с представителями власти, донести свои проблемы и чаяния, в кампании 1930-х гг. ситуация принципиально меняется: представители

[1699] Там же. Л. 7.

[1700] Басеев. Недооценка политзначения перевыборов – худший вид оппортунизма на практике // Власть Советов. 1931. № 1. С. 21; Морозов И. Больше внимания отчетной кампании горсоветов // Власть Советов. 1930. № 8–9. С. 24–25.

[1701] Отчетная кампания и досрочные перевыборы // Власть Советов. 1930. № 28. С. 14; Отчетно-избирательная кампания Советов. Власть Советов. 1930. №18–19. С. 31.

[1702] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 315. Л. 3–6.

[1703] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 257–260; Д. 7. Л. 19–21; Д. 19. Л. 37–40; Д. 22. Л. 69–89.

[1704] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 87–105; Д. 15. Л. 37.

Советов игнорировали задаваемые вопросы, терялись, не зная, что отвечать, вероятно боялись «ответить неправильно». В кампанию 1930/31 г. на отчетных собраниях избиратели по инерции пытались задавать злободневные вопросы представителям власти, однако получали оценку «контрреволюционных и кулацких вылазок»[1705].

В кампанию 1934/35 г. в отчетах Центризбиркома, поступавших в орготдел ВЦИК, фиксируется крайне низкая активность избирателей на отчетных собраниях, отсутствие интереса к докладам и вопросов. По сообщениям инструкторов ВЦИК, присутствовавших на отчетных собраниях, обычным было заслушивание отчета председателя сельсовета или члена горсовета и 2–3 вопроса избирателей. По сообщению инструктора ВЦИК В. Никонорова в Фатежском районе Курской области: «в прениях по докладу выступало 3 человека, собрание было утомлено докладом председателя сельского Совета, который выступал полтора часа»[1706]. В справке о ходе отчетной кампании Советов Раменского района Московской области инструктора орготдела Президиума ВЦИК Симоновой от 12 ноября 1934 г. сообщалось, что «в начале доклада председателя сельсовета избиратели стали уходить целыми группами, из-за скомканности доклада, обсуждение проходило вяло, выступило 3 человека, говорили об отсутствии культурно-массовой работы, плохих дорогах, отсутствие ликбеза, о недостатке дров, плохом руководстве кооперацией»[1707]. Критические выступления были редкими и однозначно интерпретировались как «антисоветские выступления»[1708].

Кампания проверки наказов также не вызвала интереса, поскольку не отражала реальные потребности избирателей. Если в 1920-е гг. наказы охотно обсуждались на собраниях, в них отражались бытовые потребности населения, надежды на благоустройство, улучшение работы аппарата, то в 1930-е гг. эта кампания приобретает формальный и даже абсурдный характер – в форме наказов принимались повышенные обязательства трудящихся «выполнение промфинплана, плана сельскохозяйственных работ, развитие животноводства, борьба с классовым врагом, укрепление обороноспособности страны, улучшение и освоение технического оборудования предприятий, улучшение качества продукции и снижения ее себестоимости»[1709]. Наказы давались не избираемым кандидатам в Советы, а самим себе (о повышении

[1705] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 604. Л. 20–31.
[1706] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 19. Л. 37–40.
[1707] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 22. Л. 124–134.
[1708] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 22. Л. 78; Д. 24. Л. 87–91; Д. 26. Л. 17, 19.
[1709] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 258.

выполнения плана)[1710]. Помимо содержательной абсурдности подобных наказов, они полностью утрачивали первоначальный смысл как формы контроля избирателей за деятельностью Советов.

Причины провала активизации новых и традиционных форм предвыборной работы очевидна – их повестка и формы были не интересны избирателям, они не отражали их реальных проблем, навязанные формы социалистических соревнований, смотровых бригад не встречали ожидаемого энтузиазма организаторов и избирателей, властям не удалось интегрировать производственные задачи в предвыборную повестку, в кампании 1930-х гг. происходит окончательная формализация форм массовой работы с избирателями.

Во многом аналогичные процессы происходили в рамках обязательных процедур на избирательных собраниях. Несмотря на высокие показатели явки на выборы в отчетах, проверки показывали, что данные сознательно завышались (о чем говорилось в предыдущем параграфе), избиратели не проявляли интереса к выборам и при возможности их игнорировали. Инструктор Президиума ВЦИК Тимохин, обследовавший выборы в Восточно-Сибирском крае, сообщал: «выборная кампания в ряде районов и городов разворачивалось самотеком, низкая явка населения, так в Черемхове в один день сорвалось 9 собраний из 17. Выборы отменены по 2 сельсоветам целиком из-за неявки. Намеченные кандидатуры в ряде районов проводились, но без достаточного обсуждения»[1711].

Низкая явка и пассивность избирателей (при сознательном ее завышении в отчетах), фиксировались на избирательных собраниях Москвы, Ленинграда, Саратова, Свердловска, Иркутска и других городов и приобрела характер устоявшейся практики[1712]. В кампанию 1934 г. в отчетах отражена высокая явка и активность избирателей, особенно в столице и крупных городах[1713], но проверки инструкторов ВЦИК показывали прямо противоположную картину – явку на уровне 30–50 % избирателей, пассивное поведение, отсутствие интереса. Ситуация усугублялась атмосферой нагнетания «обострения классовой борьбы», и любой срыв собрания,

---

[1710] Хворов Н. Как выполнен наказ избирателей // Власть Советов. 1934. № 20. С. 52–53; Наказы избирателей – программа действий Советов // Власть Советов. 1934. № 21. С. 1–3; Чиковани А. Москва показала образцы большевистского выполнения наказов; Навстречу VII Съезду Советов // Власть Советов. 1934. № 22. С. 8–9.

[1711] ГАРФ. Ф.Р.1235. Оп. 108. Д. 315. Л. 6.

[1712] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 1–13; Д. 598. Л. 48–68; Д. 604. Л. 8–26.

[1713] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 15 Л. 32–36; Оп. 112. Д. 6. Л. 257–260.

недостатки в организации интерпретировались как «антисоветская деятельность»[1714]. Современные исследования также показывают, что «уклонение от участия в выборах стало рассматриваться как антисоветское поведение, которое влекло за собой риск репрессий»[1715].

В 1930-е гг. выборы окончательно превращались в формальную процедуру, выдвижение кандидатов перестало вызывать интерес избирателей, они демонстрировали нежелание участвовать в их обсуждении. В кампанию 1930/31 г. еще сохранялась инерция 1920-х гг. – избиратели в ряде случаев проявляли принципиальность, в отчете Центризбиркома 1931 г. содержатся сведения об отводе «5,8 % за неучастие в общественной работе, 6,3 % как социально-чуждые элементы, 4,2 % за пьянство и хулиганство»[1716], при этом более 11 % взяли самоотвод не желая быть членом советских органов[1717]. В кампанию 1934/35 г. в отчетах не фиксировалось случаев активного обсуждения и забаллотирования кандидатов, распространенными были сообщения «предложенные кандидатуры голосовались без обсуждения»[1718].

Как в городах, так и сельской местности, произошел отказ от индивидуального выдвижения и возвращение к выдвижению кандидатов по спискам. При этом, в отличие от первой половины 1920-х гг., это не являлось следствием административного давления властей, скорее обоюдным желанием избирателей и организаторов выборов ускорить процедуру выдвижения и голосования. Нередко сами избиратели предлагали остановиться на утвержденном партийным комитетом списке кандидатов и отказывались от выдвижения кандидатов от собраний. В ходе проведенных обследований сотрудники ВЦИК повсеместно фиксировали подобные случаи, в горьковском, Саратовской и Азово-Черноморском краях, Свердловской и Московской областях отмечали, что «избиратели не желают принимать участие в обсуждении кандидатов, заявляя, что раз партия их рекомендовала, то и нечего тут обсуждать» или «обсуждение кандидатов проходило вяло, избиратели предлагали голосовать предложенный список[1719].

[1714] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 24. Л. 84; Д. 25. Л. 4–5.
[1715] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 151.
[1716] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 9.
[1717] Там же.
[1718] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 18. Л. 16–20
[1719] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 15. Л. 32–36; Д. 7. Л. 19–20; Д. 22. Л. 124–134.

Это свидетельствовало об окончательном выхолащивании демократических элементов из избирательного процесса, превращении выборов в имитационную форму волеизъявления населения, «своего рода ритуал периодического выражения лояльности населения действующей власти и ее вождям»[1720]. Избирательные собрания 1930-х гг. утратила функции прямой коммуникации власти с населением, выяснения настроений населения. Вместе с тем, проведение избирательных собраний продемонстрировало подконтрольность населения власти, готового из страха, апатии, либо в силу убеждения, проголосовать за предложенных кандидатов, и не готовых выражать массовый протест, что для сталинского режима имело принципиальное значение в период проведения мобилизационных кампаний.

Результаты избирательных кампаний 1930/1931 и 1934/35 г., зафиксированные в официальной статистике, демонстрировали полную подконтрольность населения: высокую явку и избрание составов Советов, заранее заявленных в партийных директивах. Данные официальной статистики показывали высокую явку населения на выборы в Советы всех уровней. Итоги выборов в горсоветы предсказуемо показывали рекордный рост явки избирателей и доминирование рабочих от производства и коммунистов в их составах[1721] Явка на выборы в горсоветы в 1930/31 составила 78,5 %, при этом во многих краевых и областных центрах достигая 80 – 90 % (Москва – 84,3 %, Ленинград – 80,8 %, Ростов-на-Дону – 91,2 %, Саратов – 90,4 %, Новосибирск – 83,7 %, Свердловск – 82,9 %)[1722]. В 1934 г. власти фиксировали рекордную явку населения на выборы, в сельские Советы – 83,2 %, в городские – 90,2 %. В ряде городов явка приближалась к сто процентной – Калинине (99,3 %), Шуе (98,8 %), Балахне (95 %)[1723]. Большинство депутатов горсоветов составили члены ВКП(б), комсомольцы и рабочие от производства, в 1931 г. число депутатов коммунистов составило почти половина составов – 49,1 % и рабочих с производства – 44,1 %, в 1934 г. выросла доля молодых депутатов с 7,4 до 9,5 %[1724]. Региональные исследования также показывают «тотальный

[1720] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 151.

[1721] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г. … С. 9–11, 15–17; Выборы в Советы в Союзе ССР 1934–1935 гг. … С. 83.

[1722] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г. … С. 15–17.

[1723] Зайцев П. Итоги выборов в Советы // Советское строительство. 1935. №2. С. 6–7; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. … С. 85.

[1724] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г. … С. 9–11, 15–17; Выборы в Советы в Союзе ССР 1934–1935 гг. … С. 83.

партийный контроль» над составами горсоветов 1930-х гг. и преобладание депутатов, рекомендованных партийными организациями[1725].

В 1931 г. явка на выборы в сельские Советы составила 69,1 %, наибольшую активность на выборах показали избиратели Северо-Кавказского (79,5 %) и Нижне-Волжского края (76,2 %), наименьшую – Дальневосточном крае (56,5 %) и Бурят-Монгольской АССР – 50,7 %[1726]. В 1934/35 г. явка составила рекордные 82,3 %, властям удалось поднять и явку крестьянок на собрания до 79 %. Социальный и партийный составы также демонстрировали нужные власти показатели: в 1931 г. рабочие и колхозники в сельсоветах составляли около 37,9 %, в 1935 г. уже преобладающее большинство 81,7 %, существенно возросло и число представителей комсомольцев и коммунистов – с 19,6 % в 1931 г. до 28,4 % в 1935 гг.[1727] Однако с учетом сознательного искажения сведений организаторами выборов, эти данные вызывают серьезные сомнения, как и в ситуации со статистикой по «лишенцам», статистические сборники 1931 и 1935 гг. публиковали ограниченное количество показателей без разбивки по регионам.

Выводы. Выборы в Советы в послереволюционное двадцатилетие происходили в рамках трех сменившихся избирательных моделей. Избирательная модель, сложившаяся после революции, характеризовалась жестким давлением на население и подавлением любой альтернативности. Избирательные собрания, проводившиеся в 1921–1924 гг., представляли набор формальных процедур, в активной реализации которых не были заинтересованы ни население, ни сами власти. В рамках проведения избирательных собраний, большевики отрабатывали механизм обеспечения необходимых им составов Советов жесткими административными и репрессивными методами. Пролетарские и большевистские составы Советов достигались с помощью голосования по спискам, заранее утвержденным партийными органами, вытеснения любых альтернативных списков и кандидатов (от представителей оппозиции до выдвинутых собраниями кандидатов), использования прямого административного давления, включая запугивание и угрозы, отказа от тайного голосования и отстранения непролетарских слоев населения от выборов в городах.

[1725] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 151; Буканова Р. Г., Уразова А. И., Шаяхметова И. З. Указ. соч. С. 37; Гагиева А. К., Кызъюров Л. А. Указ. соч. С. 87.

[1726] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г. … С. 9–11.

[1727] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 г. … С. 9–11; Выборы в Советы в Союзе ССР 1934–1935 гг. … С. 82.

Основным следствием сформированной избирательной модели в начале 1920-х гг. стала утрата властью поддержки населения и кризис легитимации политического режима. Осознание опасности утраты доверия населения на выборах высшим партийным и советским руководством страны, совпавший с приобретением доминирующего влияния группировки в правящей партии, настроенной на расширение нэпа, привело к некоторой демократизации избирательного процесса. Проявив политическую гибкость, руководство страны жестко обозначило допустимые пределы этой демократизации, не предполагавшей участие оппозиционных партий в выборах, введение тайного голосования, расширения сотрудничества с непролетарскими слоями населения. Новая избирательная модель предполагала расширение взаимодействия с классово близкими слоями на основе диалога и компромисса, позволившая оперативно реагировать на недовольство населения, активизировав формы его участия в советских органах, создав иллюзию единства пролетарского государства и населения.

Избирательная модель, реализовавшаяся во второй половине 1920-х гг., характеризовалась ослаблением партийно-государственного давления на население и введением ограниченной альтернативности. Существенные изменения затронули все процедуры, реализуемые в рамках проведения избирательных собраний. Обыденной практикой избирательных собраний в кампании 1925–1929 гг. стали многочасовые обсуждения докладов, наказов, кандидатур депутатов. Население стремилось к прямой коммуникации с властью в рамках избирательных собраний, задавая множество вопросов, высказывая критические замечания, и предложения по изменению ситуации. Новой реальностью стал отказ от формального полупринудительного голосования за заранее утвержденные списки кандидатов, избиратели настаивали на индивидуальном выдвижении, активном обсуждении кандидатов.

У модели «управляемой активности», которая должна была стать своего рода компромиссом между властью и населением, также обозначились границы: власть в первую очередь успешно мобилизовала лояльные слои города и деревни, на поведение и голосование на собраниях непролетарского городского населения и крестьянства, мало зависящих от власти, оказать влияние не удавалось. Наиболее принципиальные расхождения у власти и населения обнаружились относительно кандидатов в депутаты.

Запрос власти на сохранение реальной поддержки населения был исчерпан к концу 1920-х гг., власть с помощью нагнетания социального напряжения, прессинга на

зажиточное крестьянство и непролетарское население в городах, разрушила хрупкий компромисс, достигнутый между властью и населением во второй половине 1920-х гг., негативно повлияв на характер и формат проведения выборов в городе и деревне. Высокий уровень протестного поведения населения на выборах слабо соотносился с победными реляциями советских и партийных органов в 1929 году, показывая формирование тенденции на имитацию реальной поддержки режима, ставшей преобладающей в последующий период.

Политические и экономические изменения 1930-х гг. привели к формированию имитационной избирательной модели, характеризовавшейся жестким партийно-государственным диктатом, вытеснением любой альтернативности. Принципиальным отличием от предыдущего периода стала формализация избирательных процедур при внешней демонстрации высокого уровня поддержки населением власти. Совершенствование организационно-технических аспектов проведения избирательных собраний сопровождалось подавлением демократических элементов, свойственных выборам 1920-х гг. Модель проведения избирательных собраний в 1931–1934 гг. в значительной степени подготовила введение полностью безальтернативных, плебисцитарных советских выборов последующих периодов.

3.3. Методы и практики установления и поддержания политической монополии большевиков

Советские выборы ассоциируются с безальтернативностью не только в обывательском сознании, но и в профессиональной литературе. Всем историкам, занимающимся советскими выборами очевидна ошибочность этих утверждений, и по крайней мере в период прихода большевиков к власти, выборы сохраняли свой истинный смысл и предполагали участие различных политических сил. Также очевидно, что первоначальный период проведения выборов, взаимодействие правящей партии с оппозицией на многие десятилетия определил «стандарты» проведения советских выборов, отношение большевиков к оппозиции и любому инакомыслию в целом.

Тема противостояния оппозиции большевикам в последние десятилетия многократно становилась предметом исследования. В последние три десятилетия история оппозиционных партий входила в число наиболее популярных и востребованных тем у историков и публицистов, вышли десятки работ, посвященных ликвидации социалистических и несоциалистических партий большевиками в центре и в регионах. Наиболее масштабно реконструирован уход с политической арены крупнейших социалистических партий – эсеров и меньшевиков[1728]. Изучению подверглись не только история оппозиционных партий в послеоктябрьский период, но и особенности личностных взаимоотношений представителей правящей и оппозиционных партий, политической психологии населения, выбора партий в революционную эпоху[1729]. Очевидно, что сюжеты, связанные с противостоянием большевиков и оппозиционных партий существенно шире их участия в избирательных кампаниях, но применительно к нашей теме будут затронуты вопросы взаимодействия партий на советских выборах и методы борьбы большевиков с оппозицией, использовавшиеся в ходе первых советских избирательных кампаний.

[1728] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Т. 1. Меньшевики в 1918 г. М., 1999.; Там же. Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000; Там же. Т. 3. Меньшевики в 1922–1924 гг. М., 2004; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: сборник документов / сост. С. А. Красильников и др. М., 2002.

[1729] Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014; Петроград на переломе эпох …; Морозов К. Н. Указ. соч.; Суслов А. Ю. Указ. соч.

Вытеснение оппонентов из политического пространства началось сразу после прихода большевиков к власти. Как убедительно показывает Г. Л. Соболев, идея создания однородного социалистического правительства была исчерпана уже на Втором съезде Советов, и попытки ее реанимировать в ходе переговоров по кризису Викжель, и затем по созыву Учредительного собрания были обречены на провал[1730]. Непосредственно в послеоктябрьский период, конечно, не существовало механизма ликвидации партий, при отсутствии репрессивного аппарата, способного реализовывать такие решения, первоначально можно говорить о ситуативных запретах партий, и моральном порицании их деятельности.

Первые действия большевиков запретительного характера коснулись партии кадетов, занявших наиболее непримиримую позицию. Активная поддержка кадетами антибольшевистских вооруженных выступлений, организованных Всероссийским комитетом спасения родины и революции 27–29 октября 1917 г., кампания саботажа работы в государственных учреждениях, активные контакты с формирующейся на юге России добровольческой армией, наглядно продемонстрировали решительность позиции партии кадетов «в борьбе с большевизмом»[1731]. Непосредственным поводом к запрету партии кадетов стало их участие в попытке открытия Учредительного собрания 28 ноября 1917 г., после которой были арестованы депутаты, принявшие участие в собрании и принят декрет СНК «Об аресте вождей Гражданской войны против революции», объявлявший кадетскую партию «врагом народа», руководство партии подлежало «аресту и преданию суду революционных трибуналов»[1732], а трудящиеся призывались «подавлять контрреволюционное восстание буржуазии, руководимое кадетской партии»[1733]. Кроме того, кадеты не собирались встраиваться в советскую политическую систему и не участвовали в выборах в Советы, учитывая непримиримые позиции сторон, запрет выглядел предсказуемым.

[1730] Соболев Г. Л. Однородное социалистическое правительство в России 1917 г.: нереализованная возможность или историческая иллюзия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 2. Вып. 2. С. 9.

[1731] Канищева Н. А. Кадетская партия после большевистского переворота // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 301.

[1732] Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 64.

[1733] Обращение ко всем трудящимся и эксплуатируемым от 30 ноября 1917 г. «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партии» // СУ РСФСР. 1917. №4. Ст. 68.

Несмотря на запрет партии, как отмечает Н. А. Канищева «до конца мая 1918 г. партия имела возможность вести легальную деятельность»[1734], продолжали функционировать ЦК партии, территориальные комитеты, выходили газеты «Наш век» в Петрограде, «Свобода в России» в Москве, перерегистрированные и переименованные после закрытия. Однако по мере становления государственного аппарата большевиков ситуация начала меняться – в конце мая закрывают кадетские издания, арестовывают членов ЦК и Московского городского комитета[1735].

Следующими на очереди стали партии эсеров и меньшевиков. Поскольку представители этих партий были членами Советов всех уровней и съездов, соответственно нужно было принимать решение об их исключении и невозможности избраться, что и было сделано. Постановлением ВЦИК от 14 июня 1918 г. меньшевики с эсерами обвинялись «в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами», исключались из состава ВЦИК и всех местных Советов[1736].

Непосредственным поводом для исключения представителей правых эсеров и меньшевиков из советских органов стало принятие и реализация партиями решений об изменении тактики в отношении партии большевиков. На VIII Совете партии социалистов-революционеров (далее – ПСР), проходившем в мае 1918 г. в качестве основной задачи формулировалась ликвидация «диктатуры большевиков и замена ее народоправством», восстановление ликвидированных большевиками органов местного самоуправления и Учредительного собрания»[1737]. Решения VIII Совета стали сигналом для начала партией эсеров открытой вооруженной борьбы с большевиками. Реализация решений VIII Совета ПСР не заставили себя ждать, свержение советской власти летом – осенью 1918 г. в Поволжье, Сибири и на Урале, и организация Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), Сибирского правительства и Уфимской директории[1738]

[1734] Канищева Н. А. Указ. соч. С. 302.

[1735] Там же. С. 303.

[1736] Постановление ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 14 июня 1918 г. «Об исключении из состава ВЦИК Советов и местных Советов представителей контрреволюционных партий – социалистов-революционеров (правых и центра) и российской РСДРП (меньшевиков)» // СУ РСФСР. 1918. №44. Ст. 536.

[1737] Ерофеев Н. Д. Уход с политической арены эсеров // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 351.

[1738] Там же.

На Всероссийском партийном совещании меньшевиков, состоявшемся в Москве в мае 1918 г., несмотря на разногласия, возобладала позиция противостояния большевикам. Дальнейшая тактика партии, предполагавшая замену «Советской власти властью, сплачивающей силы всей демократии» и активизацию работы в Советах «в роли непримиримой оппозиции большевистскому режиму»[1739]. В качестве этой власти предполагалось создать параллельную Советам систему «собраний уполномоченных от фабрик и заводов»[1740]. 10 июня 1918 г. в журнале «Новая заря» – печатном органе комитета меньшевиков центральной области содержался призыв к поддержке «народных восстаний», и создании свободной арены для организации движения, порывая с погибающими Советами»[1741].

Большевики рассматривали эту тактику как призывы к вооруженному свержению советской власти и созданию параллельной системы власти, помимо исключения меньшевиков и эсеров из советских органов, последовали и массовые аресты участников движения собрания уполномоченных фабрик и заводов, на работе с которыми меньшевики после изгнания из Советов, сконцентрировали свои усилия.

Несмотря на протесты левых эсеров об исключении представителей социалистических партий из Советов, поскольку они делегировались народом и съездом, а не большевиками в органы власти, и соответственно, решение об их исключении могло быть принято только избирателями или съездом, большевиков это не остановило, последние считали противоестественной саму мысль, что в Советы могут входить «антисоветские» элементы[1742].

Однако к осени 1918 г. позиция меньшевиков изменилась, перемена была обусловлена несостоятельностью демократических правительств под лозунгом Учредительного собрания, и приходом к власти белых режимов. ЦК РСДРП в августе 1918 г. объявил о «недопустимости участия членов партии в вооруженных выступлениях против Советской власти, равно как и в антибольшевистских правительствах»[1743]. В октябрьской резолюции ЦК меньшевиков (17–21 октября 1918 г.) «большевистский переворот», совершенный в октябре 1917 г., признается исторически

[1739] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. … Т. 1. Меньшевики в 1918 г. С. 27.
[1740] Там же. С. 358.
[1741] Там же. С. 360.
[1742] Овруцкий Л. М. Левые социалисты-революционеры // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 371.
[1743] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 1. Меньшевики в 1918 г. С. 458.

необходимым, партия объявляла «политическую солидарность с Советским правительством» и «прямую поддержку военных действий Советского правительства, направленных к освобождению оккупированных территорий России» при условии, что «правительство проявило на деле готовность строить свои отношения к небольшевистской демократии на окраинах на основе взаимного соглашения, а не подавления и террора»[1744]. В дальнейшем, ЦК меньшевиков последовательно выступало против вооруженной борьбы с большевиками.

Большевики в ответ также изменили позицию о запрете участия меньшевиков в работе Советов и ВЦИК, 30 ноября 1918 г. постановлением ВЦИК было отменено решение от 14 июня 1918 г. в отношении меньшевиков, исходя из того, что «эта партия, по крайней мере, в лице её руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными», РСДРП была легализована и допущена к работе во ВЦИК и Советов[1745].

Установившийся хрупкий компромисс омрачался взаимным недоверием партий и не способствовал сотрудничеству. После октябрьской резолюции ЦК меньшевиков, Сталин в статье в «Правде» едко прокомментировал изменение позиции меньшевиков, не став возражать против солидарности меньшевистского ЦК с Советской властью, одновременно выразил недоверие к реальным делам партии на местах «опыт научил РКП(б) не верить меньшевикам на слово и судить о них не по резолюциям, а по реальным делам»[1746].

Основные методы вытеснения большевиками оппозиционных партий в политической практике сложились именно в этот период. Эти методы использовались как на выборах, так и в между выборный период. С некоторой долей условности можно выделить три типа таких методов: первый – агитационно-пропагандистский, второй – репрессивный, и третий тип предполагал административные меры воздействия на оппозиционные партии, используемые в ходе избирательных кампаний.

Агитационные методы предвыборной борьбы широко использовались всеми партиями, но ситуация принципиально изменилась, когда большевики стали правящей партией и могли использовать возможности государства

[1744] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 1. Меньшевики в 1918 г. С. 560–561.

[1745] Постановление ВЦИК Советов от 30 ноября 1918 г. «О допущении РСДРП (меньшевиков) к участию в Советской работе» // СУ РСФСР. №91–92. Ст. 926.

[1746] Правда. 1918. 29 октября.

(формирующийся государственный аппарат и государственные средства массовой информации) для дискредитации оппонентов и манипулирования общественным сознанием. Вопрос становления пропагандистского механизма большевиков детально исследован как с институциональной точки зрения, так и с позиции воздействия на массовое сознание, поэтому ограничимся констатацией основных моментов, связанных с использованием агитации против оппозиционных партий. Согласимся с исследователями о сложности выделения специальных предвыборных агитационных приемов, скорее можно говорить о кампаниях, направленных на дискредитацию и борьбу с оппозиционными партиями, имевшими конкретную событийную основу.

По мнению исследователей, агитационные кампании против оппозиции воздействовали на массовое сознание, и они основывались на использовании образа врага народа[1747]. При этом, основные способы воздействия на массовое сознание прошли апробацию в дооктябрьский период, и затем большевики небезуспешно применили их к политическим оппонентам. Б. И. Колоницкий показывает, что формирование образа «врага народа» в 1917 г. происходило на основе демонизации образа «буржуя» в социалистической пропаганде, упавшего на благоприятную почву антибуржуазных настроений в обществе[1748]. Примечательно, что после февральской революции обвинения в «буржуазности» становится политическим ярлыком, социалистические партии не могли договориться, кто из них больше «социалист»: социал-демократы называли эсеров буржуазной партией[1749]. А. С. Изгоев весьма иронично замечал, что социал-демократы не могли договориться о степени «буржуазности» друг друга: «большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики мелкобуржуазная партия»[1750].

После прихода к власти большевиков в агитации использовались устойчивые образы «врага народа» и «классового врага» в массовом сознании против партии кадетов, которая не только в листовках и печати называлась партией «врагов народа»,

---

[1747] Волобуев О. В. Советский тоталитаризм: образ врага // Тоталитаризм и личность: Тез. докл. международной научно-практической конференции. Пермь. 12–14 июля 1994. Пермь, 1994. С. 5–7; Сазонов Е. А. Образ «врага народа» в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 г. – июль 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; Арнаутов Н. Б. Образ "врага народа" в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект: декабрь 1934 г. - ноябрь 1938 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.

[1748] Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуйское сознание // Анатомия революции, 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 188–202; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

[1749] Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуйское сознание … С. 194.

[1750] Изгоев А. О буржуазности // Вестник партии народной свободы. 1917. № 1. С. 9.

но и в нормативных документах – декрете СНК от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей Гражданской войны против революции»[1751].

Следующим шагом стала анти «учредиловская» кампания, начавшаяся задолго до разгона собрания. В агитации большевиков Учредительное собрание изображалось как «ширма для контрреволюционеров», защитники Учредительного собрания награждались эпитетами «гнусных вождей контрреволюционной шайки», «приспешники контрреволюционной шайки корниловско-калединской закваски», «небольшие кучки торговцев, спекулянтов, мироедов и всей честолюбивой сволочи»[1752]. С. В. Яров отмечает стремление большевиков делегитимировать Учредительное собрание еще до его роспуска, мотивируя засильем «врагов народа» и отказом признавать требования народа в лице решений большевиков, пришедших к власти[1753]. Анти «учредиловская» кампания по дискредитации политических оппонентов большевиков оказалась вполне эффективной в рабочей среде, что нашло отражение в резолюциях рабочих в январе 1918 г., называвших «Учредительное собрание социалистов-предателей» и «заговором контрреволюционных сил, стремящихся к восстановлению диктатуры капиталистов и помещиков»[1754].

В ходе анти «учредиловской» кампании происходит отработка пропагандистских приемов по дискредитации социалистических партий, защищавших Учредительное собрание, их отождествление с контрреволюционными силами и защитниками буржуазии, врагами пролетариата. Формирование одиозного образа меньшевиков и эсеров имело тот же механизм, что и обличение кадетов.

В последующих агитационных кампаниях и выборных в том числе, пропаганда большевиков против социалистических партий строилась на противопоставлении светлых образов «борцов великой пролетарской революции» и демонической «гидры контрреволюции». Оппозиционные партии наделялись уничижительными эпитетами «жалких заскребышей контрреволюции», «иуд-предателей», «переодетых белогвардейцев», «наймитов умирающей буржуазии», «союз контрреволюционных агентов и убийц на службе у буржуазии» [1755]. Огульное обвинение социалистических

[1751] Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. №4. Ст. 64.

[1752] Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014. С. 191.

[1753] Там же. С. 194.

[1754] Там же. С. 200.

[1755] Балашов Е.М. Новое общество – «новый человек» // Петроград на переломе эпох. город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 474.

партий в любых возникавших проблемах в обществе – ключевая тема пропаганды большевиков, направленная против социалистов. В проблемах с продовольствием, возникновением рабочих забастовок и волнений, критике рабочих большевиков и советов немедленно обвинялись меньшевики и эсеры.

Так, весной 1919 г. пропаганда обрушилась на социалистов, обвиняя их в подстрекательстве рабочих к забастовкам в Петрограде, хотя они не имели к этому отношения, и фактически являлись голодными бунтами рабочих. Меньшевики и эсеры обвинялись в «натравливании народных масс против власти», клеймились как «враги советской власти, пытавшиеся сыграть на продовольственных трудностях»[1756]. 2 апреля 1919 г. в «Правде» эсеры и меньшевики клеймились как «пособники, не словами, а действием, показавшим свою причастность к контрреволюции, призывая к забастовкам и участвуя во всех белогвардейских восстаниях, они поставили себя вне рядов трудящихся и снова объединяются с Колчаком и Деникиным и союзными империалистами»[1757].

Манипулирование общественным сознанием осуществлялась и с помощью намеренного искажения взглядов социалистов ведущими большевистскими изданиями. Так, социалистам приписывалось активное сотрудничество с контрреволюцией, убийство немецких социал-демократов, свержение советской власти. Основной целью пропагандистской кампании стала дискредитация социалистов в глазах населения как «пособников» контрреволюционеров, убийц «настоящих» революционеров, врагов пролетариата. Для этого использовался любой, самый нелепый повод. Так, убийство К. Либнехта и Р. Люксембург в Германии вызвали настоящую травлю меньшевиков в большевистской печати. Хотя меньшевики не просто не имели к этому никакого отношения, но и осудили это убийство в специальной резолюции. Однако для большевистских пропагандистских идеологов это не имело значения. В Правде клеймились «убийцы, стоящие под знаменами социал-демократии и имеющие наглость вести родословную от Карла Маркса»[1758], обличалась «старая, сгнившая социал-демократия, превратившаяся в буржуазных палачей»[1759]. Большевики отмежевывались от социал-демократии, противопоставлялись ей как настоящие революционеры и

[1756] Правда. 1919. 30 марта.
[1757] Правда. 1919. 2 апреля.
[1758] Правда. 1919. 22 января.
[1759] Правда. 1919. 28 февраля.

защитники пролетариата. Правда писала в связи с событиями в Германии: «имя «социал-демократ» должно стать самым ненавистным именем для рабочего класса»[1760].

Помимо агитационных методов борьбы использовались и наиболее жесткие методы вытеснения оппозиционных партий – репрессивные. Методы репрессивного воздействия на оппозиционные партии складывались по мере становления государственного аппарата. К числу наиболее распространенных мер репрессивного характера относились аресты руководства и рядовых членов оппозиционных партий, содержание их в концлагерях, тюрьмах, административные высылки и ссылки, закрытие оппозиционных печатных органов, запрет на осуществление деятельности партий. Хотя эти методы были направлены на общее вытеснение оппозиции из политической жизни, и применялись постоянно, а не только в ходе выборов, они оказывали ключевое влияние на избирательный процесс, поскольку физическое отсутствие лидеров и активных членов на выборах и невозможность ведения легальной агитации, делали участие оппозиционных партий в выборах практически невозможным.

Аресты дезорганизовали деятельность центральных и местных партийных комитетов, массовые аресты руководителей и членов партии меньшевиков и эсеров начались в 1918 г. и с краткими периодами освобождения продолжались до момента «самороспуска» партий в 1922 году. ВЧК являлось ключевым инструментом репрессий против оппозиционных партий, даже заявив о поддержке советской власти они по-прежнему находились под постоянным наблюдением и прессингом ВЧК. Сложившейся практикой стали огульные обвинения социалистических партий в «подстрекательстве» рабочих к забастовкам и выступлениям, либо крестьянским мятежам, поэтому конкретный повод арестов отсутствовал, либо был мнимым.

В июне 1918 г. прошли массовые аресты в Москве и Петрограде меньшевиков и участников движения Собрания уполномоченных фабрик и заводов, в котором меньшевикам виделась альтернатива Советам. Большевики стремились не только ослабить позиции меньшевиков, но и сорвать съезд уполномоченных и организацию всеобщей забастовки, планировавшейся на июль 1918 г.

После легализации партии в ноябре 1918 г., на короткий период аресты прекратились, но в конце марта 1919 г. возобновились. 31 марта 1919 г. ВЧК разгромила

[1760] Правда. 1919. 22 января.

помещение Центрального и Московского комитетов партии, аресту были подвергнуты большинство членов ЦК партии меньшевиков (Ф. Дан, Л. Мартов, А. Югов, А. Плесков, В. Яхонтов, А. Ерманский, Д. Далин и др.)[1761]. В начале апреля в Туле арестовали около 50 членов местного комитета РСДРП, арестам подверглись и рабочие, сочувствовавшие меньшевикам[1762]. Одновременно закрыли печатные издания меньшевиков – печатный орган «Всегда Вперед!», «Рабочий Интернационал» и «Газета Печатников»[1763].

В мае 1919 г. были проведены массовые аресты членов РСДРП, не занимавшие в партии ответственных постов, но служащих в советских учреждениях. В августе – сентябре 1919 г. по делу «Союза возрождения России» арестовали правых меньшевиков – В. Н. Розанова, В. О. Левицкого, А. Н. Потресова и И. Н. Дементьева[1764]. Как отмечает А. П. Ненароков, ВЧК открывает «охоту на социалистов», разрабатывает закрытые инструкции и циркуляры по борьбе с социалистами, установившейся практикой борьбы с «контрреволюционерами» стало заключение в концлагерь на срок от трех месяцев до трех лет, или «до конца Гражданской войны», т.е. на неопределенный срок[1765]. Столь массированное воздействие делало невозможной легальную деятельность партии, на которую ориентировались меньшевики. Ю. О. Мартов констатировал, что «при отсутствии печати и почти полной нелегальности наших организаций» партия «лишилась всякой возможности широкой открытой работы в массах» и участия в выборах в Советы[1766].

В отношении ПСР, занявшей в 1918 г. позицию вооруженной борьбы с большевиками, и реализовывавшей ее на практике, ВЧК церемонился еще меньше, чем с меньшевиками. Массовым арестам подвергались как руководство ПСР, так и ее рядовые члены, начиная с 1918 г.[1767]

Некоторое ослабление репрессий наблюдалось в отношении партии эсеров лишь на короткий период весной 1919 г., что было связано как с изменением позиции партии эсеров, признавших белые режимы большей угрозой, нежели большевистскую диктатуру, так и необходимостью мобилизации сил на борьбу с Колчаком и Деникиным. После легализации партии 26 февраля 1919 г., в Москву съехались члены ЦК, и было

[1761] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 585.
[1762] Там же. С. 59.
[1763] Там же. С. 582–583.
[1764] Там же. С. 26.
[1765] Ненароков А. П. Указ. соч. С. 323–342.
[1766] Меньшевики в большевистской России. 1918 – 1924 … Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 330–332.
[1767] Морозов К. Н. Указ. соч. С. 147.

возобновлено издание центральной партийной газеты «Дело народа»[1768]. Однако «эпоха легальности» оказалась краткой, в апреле возобновились аресты членов партии и запрещено издание партийных изданий[1769]. В ноябре 1919 г. в связи с необходимостью мобилизации сил на борьбу с Деникиным, ВЦИК амнистирует членов социалистических партий.

После окончания Гражданской войны надежды на прекращение репрессий руководства меньшевиков не оправдались. Более того, поскольку у большевиков отпала хоть какая-то необходимость в привлечении оппозиции, репрессии усилились. Новую волну репрессий вызвали успехи меньшевиков на выборах летом 1920 г., аресты членов партии были произведены в Самаре, Петрограде, Ростове-на-Дону, Туле и других городах. В Харькове были арестованы в полном составе делегаты партийной конференции (120 чел.), в Москве – делегаты общероссийского совещания[1770]. В октябре 1920 г. после разгрома ЦК партии, эмигрировал за границу лидер и идеолог партии – Ю. О. Мартов[1771].

Надежды на возобновление издания оппозиционных печатных органов после окончания Гражданской войны также оказались иллюзорными. Лишь на краткий период возобновлялись в отдельных городах и регионах, после взятия Харькова Красной армией выходила газета меньшевиков «Голос» около месяца, в Иркутске в 1920 г. после издания двух номеров газеты «Социал-демократ» вновь была запрещена. Меньшевики и эсеры жаловались на конфискацию типографий и книжных магазинов, принадлежащих партиям и полную невозможность легального издания оппозиционной печати[1772].

После окончания Гражданской войны, положение эсеров не изменилось, они находились на нелегальном положении, значительная часть ЦК находилась в заключении, лидер партии В. М. Чернов в сентябре 1920 г. эмигрировал за границу с полномочиями представителя ЦК и издателя центрального печатного партийного органа[1773].

[1768] Суслов А. Ю. Указ. соч. С. 126.
[1769] Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 353.
[1770] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 62.
[1771] Анфертьев И.А. О некоторых причинах ликвидации правящей коммунистической партией большевиков многопартийности в стране // Вестник архивиста. 2016. №2. С.140.

[1772] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 583–584.
[1773] Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 357.

Постановлениями Политбюро ЦК РКП(б) мая – июля 1920 г. представители оппозиционных партий окончательно вытеснялись с легального политического поля, им запрещалось возобновление легальной печати, все наркомы обязывались высылать в провинцию меньшевиков, «работающих в комиссариатах и сколько-нибудь способных играть политическую роль», ВЧК поручалось «разработать план расселения меньшевистских политических вождей для их политического обезвреживания»[1774]. А. П. Ненароков отмечает, что еще более жесткие репрессии обрушились на комитеты партии на территориях, находившихся под контролем антибольшевистских сил, арестам и суду подверглись комитеты в Киеве и Одессе[1775].

Экономические проблемы, вызвавшие протесты и выступления рабочих и крестьян, привели к новой волне репрессий против оппозиционных партий в 1921 г. По мнению ВЧК, меньшевики представляли наибольшую опасность в промышленных центрах, т.к. являлись «подстрекателями» выступлений рабочих. В декабре 1921 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б) «О меньшевиках» предписывалось не допускать их к политической деятельности, «обратив сугубое внимание на искоренение их влияния в промышленных центрах», наиболее активных «высылать в административном порядке в непролетарские центры, лишив их права занимать выборные должности, вообще должности, связанные с общением с широкими массами»[1776]. Партия эсеров огульно обвинялась в «организации кулацких бунтов, антисоветских заговоров, мятежей, террористических актов и политических диверсий», а также в причастности к прямому бандитизму[1777]. Массовые аресты прошли после Кронштадтского восстания.

1922 стал годом дальнейшего усиления репрессий большевиков против оппозиционных партий, и фактически окончательного удаления их из общественной и политической жизни страны. Хроника предыдущих событий и репрессий не оставляла сомнений в векторе политики большевиков в отношении оппозиции, и на XI съезде РКП(б) произошла легитимация ликвидации оппозиционных партий. В выступлениях Г. Е. Зиновьева и В. И. Ленина прозвучали прямые призывы к ликвидации партий меньшевиков и эсеров и расстрелам революционными судами[1778]. В еще более ясной

[1774] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 672.

[1775] Ненароков А. П. Политическое поражение меньшевиков // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 339

[1776] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 3. Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 517.

[1777] Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 358.

[1778] Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 года: Стенографический отчет. М., 1936. С. 21.

форме Г. Е. Зиновьев формулирует задачи партии в августе 1922 г. на XII партийной конференции: «Задача нашей партии заключается теперь в том, чтобы политически ликвидировать эти организованные (эсеры, меньшевики) антисоветские партии в России»[1779].

Ключевым событием ликвидации должен был стать процесс против партии эсеров, решение о проведении которого было принято Пленумом ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. «О предании суду Верховного трибунала ЦК партии с.-р.»[1780]. Первоначально общее число обвиняемых составляло 218 чел., затем в процессе подготовки процесса были исключены «неразысканные обвиняемые и лица, подлежавшие амнистии», однако основной процесс состоялся над 34 эсерами. Процесс, проходивший с 8 июня по 7 августа 1922 г., приговорил 12 чел. в т. ч. членов ЦК ПСР А. Р. Гоца, Д. Д. Донского, М. Я. Гендельмана, Е. М. Тимофеева к расстрелу, остальные – к различным срокам тюремного заключения[1781].

В 1922 г. продолжились аресты оставшихся на свободе членов партии в различных городах, после арестов осени 1922 г. фактически РСДРП прекратила свое существование, число членов исчислялось единицами, несмотря на длительное сопротивление партия перешла на нелегальное положение, что было санкционировано совещанием местных организаций РСДРП (октябрь 1922 г.)[1782].

В 1923 г. «самороспуском», инициированным ГПУ, завершается и ликвидация партии эсеров. В марте 1923 г. прошел Всероссийский съезд бывших членов партии эсеров, лишивший полномочий руководство партии и принявший решение о роспуске партии. К концу 1923 г. «ликвидационные» съезды были проведены в губерниях и уездах. Окончательно прекращает свою деятельность партия эсеров в России в 1925 г. после ареста последнего Центрального бюро партии[1783].

Помимо прямых репрессивных мер, широко использовавшихся большевиками для борьбы с оппозиционными партиями в политической практике, отдельно выделим ряд методов борьбы с оппозицией, применяемых непосредственно на выборах. К числу таких методов относились ограничение предвыборной агитации, запреты на

[1779] Правда. 1922. 8 августа

[1780] Никулин В. В. Большевики и небольшевики: юридические аспекты подавления инакомыслия в Советской России (1920е гг.) // Вестник ТГУ. 2010. Выпуск 4 (84). С. 306.

[1781] Судебный процесс над социалистами-революционерами ... С. 554–555.

[1782] Ненароков А. П. Указ. соч. С. 340.

[1783] Юрьев А. И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2001. № 6. С. 131.

выступления ораторов от оппозиционных партий на избирательных собраниях, запрет на участие в выборах (или запрет на выставление списков оппозиционных кандидатов), в ряде случаев проявлявшийся в отказе регистрации кандидатов и списков кандидатов, принудительное переголосование (отмена выборов).

Учитывая закрытие оппозиционных газет, и отсутствие легальной возможности вести предвыборную агитацию в печати (с перерывами на краткие периоды ее разрешения в 1918 и 1919 гг.), оппозиционные партии вспомнили опыт подпольной работы, и стремились перед выборами печатать листовки, воззвания, нелегальные газеты всеми возможными способами, вплоть до перепечатки нетипографским способом. Однако и эти возможности были крайне ограничены, ВЧК активно внедряли осведомителей в рабочую среду, и любую агитацию быстро изымали[1784].

Оставалось надеяться на наличие сторонников среди работников типографии и рабочую солидарность. Ф. И. Дан приводит случай, произошедший перед выборами 1921 г. в типографии газеты «Петроградская правда» как «при содействии рабочих-печатников, нам удалось напечатать 1000 экземпляров прокламаций и 500 экземпляров, составленной нами газеты-однодневки…»[1785]. Аналогичные примеры приводит С. В. Яров о нелегальной печати в типографии газеты «Смена» в Петрограде в 1921 г. рабочим полиграфистом, сочувствующим партии меньшевиков[1786]. Однако возможности такой агитации были крайне скромными, учитывая небольшие тиражи и ограниченные способы распространения.

Большевики пресекали и единственно доступный способ агитации для оппозиции – выступления на избирательных собраниях и митингах. По воспоминаниям одного из лидеров меньшевиков – Ф. Дана, после его возвращения в Петроград в 1921 г. «было решено по возможности воздерживаться временно от агитационных выступлений, так как по петроградским нравам почти каждое такое выступление влекло за собою немедленный арест оратора»[1787]. Эффективным способом становилась агитация рабочих

[1784] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 57.
[1785] Дан Ф. И. Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919–1921. М., 2006. С. 114.
[1786] Яров С. В. Человек перед лицом власти … С. 256.
[1787] Дан Ф. И. Указ. соч. С. 112.

– членов партии среди своего коллектива, поскольку «человеку со стороны невозможно было показаться на собрании, чтобы не быть арестованным»[1788] .

Однако стихийно возникшее движение рабочих в феврале-марте 1921 г. подвигло меньшевиков к тому, чтобы «использовать события и разъяснить массам связь между их теперешними бедствиями и общею политикою большевизма», и выдвинуть политический лозунг «свободные выборы в Советы». Выступления ораторов-меньшевиков в ряде случаев были поддержаны рабочими на предприятиях. Так произошло на заводе Новый Лесснер, где с успехом выступал член партии меньшевиков А. Каменский, его резолюция была поддержана, однако после выступления он был немедленно арестован[1789].

Еще одним административным способом борьбы с оппозиционными партиями являлся запрет на участие в выборах или запрет на выставление списка кандидатов. Напомним, впервые большевики запретили участие в работе Советов и ВЦИК партии правых эсеров и меньшевиков 14 июня 1918 г. Однако для реализации этого запрета у большевиков первоначально не хватало возможностей формирующегося аппарата, поэтому в ряде городов отстраненные от участия в выборах партии проигнорировали запрет и приняли участие в выборах в Советы. Так произошло в Петрограде, где в июне 1918 г. выбирался новый состав Петроградского Совета, активное участие в выборах приняли кандидаты от социалистических партий, получивших 184 мандата (16 %)[1790]. Аналогичная ситуация складывалась и во многих других городах, на выборах в Советы участвовали социалистические партии и получали представительство[1791].

В последующие избирательные кампании запрет на участие выдерживался более жестко. Большевики стремились предпринять превентивные меры и не допустить до участия в выборах списки оппозиционных партий. Запрет на участие проявлялся в отказе регистрации списков или кандидатов от оппозиционных партий. Так, весной 1920 г. в Сибири после освобождения от Колчака при проведении выборов в горсоветы, меньшевикам, несмотря на выполнение всех заранее объявленных условий, было отказано в регистрации списков в Омский, Томский и Новониколаевский Советы[1792].

[1788] Там же. С. 172.

[1789] Там же. С. 114.

[1790] Чистиков А. Н. У кормила власти // Петроград на переломе эпох. город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 28.

[1791] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. Вып. II. М., 1921. С. 6–10.

[1792] Андреев В. П., Петрухина М. М. Указ. соч. С. 24.

Для запрета участия списка кандидатов от оппозиционных партий использовались самые различные предлоги, в Петрограде в 1919 г., например, меньшевикам отказали в участии, поскольку они стояли «далеко от платформы советской власти»[1793].

Помимо перечисленных способов ограничения участия оппозиционных партий в выборах, ситуативно большевики использовали и другие. Например, различные стихийно устанавливавшиеся нормы представительства от партий. А. Н. Чистиков приводит пример такого барьера: с декабря 1918 г. на выборах в Петроградский Совет «от политических партий в Совете могли иметь представительство только те партии, которые имели не меньше 50 делегатов, избранных от рабочих и красноармейцев»[1794].

Еще одним способом давления являлась отмена результатов выборов и проведение переголосования в случае выборов депутатов от оппозиционных партий. Так происходило на ряде предприятий Петрограда в феврале 1921 г., когда на заводах Новый Лесснер, Дюмо, Балтийском были поддержаны резолюции и кандидатуры в Совет от меньшевиков. Несмотря на протесты рабочих на арест выступавшего меньшевика А. Каменского, и сбор средств в его поддержку, заводская ячейка РКП(б) настояла на проведении повторного голосования и принятии «решительных мер к лицам, сочувствующим Каменскому»[1795].

О попытках проведения переголосования сообщала Петроградская организация меньшинства партии эсеров (МПСР), выигравшая выборы на Александровском механическом заводе. После поддержки рабочими вагонных мастерских списка меньшинства партии эсеров, большевики «ссылаясь на статью Конституции о праве отзыва депутатов общими собраниями рабочих, повели агитацию за то, чтобы общее собрание рабочих вагонных мастерских признало состоявшиеся выборы неправильными»[1796]. Коммунисты провели второе собрание, на которое привели членов РКСМ и рабочих других мастерских, однако александровцы «потребовали их удаления, что удалось достигнуть лишь после долгих споров, и после выступления ряда рабочих с призывом не поддаваться агитации коммунистов, собрание огромным большинством призвало выборы правильными»[1797]. Полагаем, что высокая конфликтность при реализации отмен результатов выборов и проведения переголосования, служила

[1793] Гоголевский А. В. Петроградский Совет в годы Гражданской войны. Л., 1982. С. 37.
[1794] Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 29.
[1795] Яров С. В. Человек перед лицом власти … С. 256.
[1796] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 43. Л. 61.
[1797] Там же. Л. 62.

ограничением к широкому использованию этого метода борьбы с оппозицией, в кризисных ситуациях оказание давление на рабочих было очень рискованным, поскольку нередко вызывало обратную реакцию.

Закономерным итогом применения широкого спектра методов борьбы с оппозиционными партиями стало их вытеснение из составов Советов и съездов, что отчетливо отражено в статистике. Несмотря на низкое качество электоральной статистики в первые годы советской власти (1918–1922 гг.), которая не позволяет составить исчерпывающую картину о количестве победивших депутатов от оппозиционных партий на выборах в городские и сельские Советы и делегатов на различные уровни съездов, общие тенденции по имеющимся данным проследить возможно.

Общей тенденцией участия оппозиционных партий в выборах стало постепенное сокращение их представительства, как в горсоветах, так и на съездах и исполкомах всех уровней. Самые многопартийные составы Советов и съездов за всю советскую историю были сформированы на выборах 1918 г. Показательным является пример революционного Петрограда. Так, в июле 1918 г. из 1147 депутатских мест, оппозиционные левые партии провели 184 кандидата (16 %), в дальнейшем их количество неуклонно снижалось и не превышало одного процента. В декабре 1918 г. кандидаты от оппозиции сумели получить лишь 14 (менее 1 %) из 1660 мандатов: 5 – меньшевики, 8 – левые эсеры, и один – правые эсеры. В декабре 1919 г. в Петросовет из 2022 мандатов 17 (0,8 %) получили представители оппозиционных левых партий: 10 – меньшинство партии эсеров, 2 – меньшевики, один левый эсер и 4 представителя более мелких политических групп. На выборах в Петросовет в 1920 г. оппозиционные партии получили 24 (около одного процента) из 2214 мандатов: 17 – меньшинство партии эсеров, 5 – меньшевики и 2 – представители от других небольшевистских партий[1798].

По имеющимся данным НКВД, в Советах уездных городов в 1920 г. депутатов от оппозиционных партий насчитывалось 0,7 %, в 1921 г. – 0,2 %, 1922 г. – 0,3 %, 1923 г. – 0,5 %[1799] (по другим данным в 1921 г. – 1 %)[1800]. Аналогичным образом выглядело и

[1798] Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 28–32.

[1799] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 12.

[1800] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. Вып. II. М., 1921. С. 6–10.

представительство оппозиции в Советах губернских городов: в 1920 г. – 0,9 %, 1921 г. – 0,6 %, 1922 г. – 0,5 %[1801].

Наибольшую активность проявляла партия меньшевиков, до последнего делавшая ставку на легальную работу и выборы в Советы. Лидер партии Ю. О. Мартов в 1919 г. сообщал, что РСДРП прошла в Советы во всех городах, где она имела возможность выставить свои кандидатуры на выборах[1802]. По данным приводим Мартовым (они не всегда подтверждаются данными, приводимыми НКВД), в Московском Совете у меньшевиков прошло 45 депутатов, в Харьковском – 225, Екатеринославском – 120, Кременчугском – 78, Тульском – 45, Брянском, Иркутском, Киевском и Самарском – по 20 депутатов, и в Ташкентском – 20[1803]. Наибольшее число мандатов оппозиционные партии имели в 1920 г. в Москве, Твери, Туле, Иркутске, Самаре и Ростове[1804].

Тенденция по уменьшению числа представителей оппозиционных партий наблюдалась на губернских и уездных съездах. Многопартийными они были очень краткий период: в первой половине 1918 г. 24,5 % делегатов губернских съездов и 19,5 – уездных съездов являлись представителями оппозиционных партий.

Таблица 3.2

Партийный состав делегатов губернских съездов Советов в 1918–1923 гг., %

Партийная принадлежность делегата	1918 (январь – июнь)	1918 (июль – декабрь)	1919 (январь – июнь)	1919 (июль – декабрь)	1920	1921	1922	1923
Коммунисты	47,4	66,1	56,6	61,9	77,3	74,7	78,8	78,0
Сочувствующие РКП(б)	4,9	24,2	27,8	13,4	1,3			
Меньшевики	1,1	0,2	–	0,1	–	–	–	–
Левые эсеры	16,8	0,8	0,2	0,2	–	–	–	–
Правые эсеры	2,9	0,1	–	–	–	–	–	–
Анархисты	0,5	0,2	3,2	0,1	–	–	–	–
Другие партии	3,2	2,7	1,8	3,9	0,2	0,2	0,0	0,0
Беспартийные	23,2	5,7	10,4	20,4	21,2	25,1	21,2	22
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Источники: Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды. Вып. II. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. М., 1921. С. 6–17; Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 3–37.

[1801] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 19.

[1802] Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 … Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 411.

[1803] Там же. С. 324.

[1804] Тютюник М. В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: дис. … канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009. С. 81.

В дальнейшем их число существенно сократилось, составив во второй половине 1918 г. – 4,1 % на губернских и 8,9 % на уездных съездах. В первой половине 1919 г. – 5,2 % и 4,9 %, во второй половине 1919 г. – 4,3 % и 5,0 % соответственно. Начиная с 1920 г. представители оппозиционных партий не имели сколько-нибудь значимого представительства на губернских и уездных съездах, составив в 1920 г. – 0,2 % и 0,7 % и 1921 г. – по 0,2 %[1805].

Таблица 3.3

Партийный состав делегатов уездных съездов Советов в 1918–1923 гг., %

Партийная принадлежность делегата	1918 (январь – июнь)	1918 (июль – декабрь)	1919 (январь – июнь)	1919 (июль – декабрь)	1920	1921	1922	1923
Коммунисты	39,9	43,2	38,6	37,3	40,1	41,5	54,4	61,7
Сочувствующие РКП(б)	8,5	29,6	22,7	12,1	2,9			
Меньшевики	1,2	0,1	0,1	0,1	–	–	–	–
Левые эсеры	12,2	3,4	0,9	0,5	–	–	–	–
Правые эсеры	1,2	0,1	0,1	–	–	–	–	–
Анархисты	0,3	0,4	0,3	0,2	–	–	–	–
Другие партии	4,6	4,9	3,5	4,2	0,7	0,2	0,1	–
Беспартийные	32,1	18,2	33,8	45,6	56,3	58,3	45,5	38,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Источники: Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды. Вып. II. Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. М., 1921. С. 6–17; Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 3–37.

Данные по отдельным губерниям также свидетельствуют о значительном представительстве левых оппозиционных партий только в первой половине 1918 г. Наибольшее число представителей оппозиционных партий было в Архангельской, Астраханской, Иваново-Вознесенской, Тульской, Череповецкой и Пермской губерниях. В последней оно было сопоставимо с количеством большевиков (344 коммунистов и 307 левых эсеров)[1806]. В последующие кампании количество оппозиционных депутатов существенно сократилось, в 1919 г. наибольшее число мандатов оппозиционеры смогли завоевать на съездах во Владимирской, Казанской, Нижегородской, Саратовской и Тверской губерниях[1807]. В 1920 и 1921 гг. по одному – два представителя от

[1805] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов … С. 6–17; Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г … С. 3–37.

[1806] Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов … С. 22.

[1807] Там же. С. 23.

оппозиционных партий избрались на губернские съезды в Брянской, Владимирской, Костромской, Курской, Пензенской, Самарской и Тверской губерниях[1808].

Всероссийские съезды Советов не стали исключением из общей тенденции, многопартийными они были до июля 1918 г. – V съезда. Представительство большевиков на II–V съездах, хотя и составляло большинство, но не превышало 60–70 %, остальные социалистические партии были представлены на съездах различными группами меньшевиков, эсеров, анархистов[1809]. Левые эсеры – временные союзники большевиков увеличили представительство на треть (30,3 %) на V съезде по сравнению с предыдущим. После исключения меньшевиков и правых эсеров из состава советов, и съездов, после IV съезда и левых эсеров на V съезде, Всероссийские съезды становятся фактически однопартийными[1810].

На VI Всероссийском съезде Советов (ноябрь 1918 г.) представительство большевиков составляло 98,2 %[1811]. На VII–X Всероссийских съездах Советов представительство большевиков существенно превосходило губернские и уездные съезды (на 20 – 30 %), и составляло от 90 до 95,9 %, соответственно оппозиционные партии были представлены немногочисленными делегатами в пределах долей процентов. На X съезде, проходившем в декабре 1922 г., многопартийность выражалась в 5 представителях оппозиционных партий (0,2 %), на XI съезде (январь 1924 г.) из статистических сведений была убрана графа «другие партии»[1812], чем была подведена черта под окончательным утверждением политической монополии большевиков.

Удержание власти большевиками было одним из приоритетных вопросов, определивших политическое развитие страны и потому вопросы взаимодействия с оппозиционными партиями имели первостепенное значение для большевиков. Для борьбы с оппозиционными партиями на выборах большевики использовали весь арсенал доступных им средств – административного давления, репрессивных и агитационно-пропагандистских методов. Ключевую роль в ликвидации многопартийности выполняли репрессивные и агитационно-пропагандистские методы, которые не являлись методами,

---

[1808] Там же. С. 26–30.

[1809] Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.–Л., 1928. С. 78–112; Советы в первый год пролетарской диктатуры. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г., М., 1967. С. 112–147; Смирнов Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа, Л., 1988. С. 32–57.

[1810] Советы в первый год пролетарской диктатуры. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г., М., 1967; Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик. Т. 1. М., 1959.

[1811] Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Стен. отчет. М., 1919. С. 7.

[1812] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик …

используемыми исключительно на выборах, однако оказывали на избирательный процесс наиболее значимое влияние. Так, с помощью агитационно-пропагандистских методов большевики в официальных средствах массовой информации создали одиозный образ представителя оппозиционных социалистических партий, используя приемы манипулирования общественным сознанием, полностью дискредитировав эти партии в глазах населения. Репрессивные методы, включавшие широкий спектр мер жесточайшего давления – аресты лидеров, членов и сторонников партий, содержание в концлагерях и тюрьмах, административные ссылки и высылки, запрет на осуществление деятельности оппозиционных партий, закрытие и ликвидация оппозиционных печатных органов, хотя преследовали более глобальную цель – вытеснение оппозиции из политического пространства, делали участие оппозиционных партий в выборах практически невозможным.

Различные методы административного давления, используемые непосредственно на выборах такие как ограничение предвыборной агитации, запреты на выступления ораторов от оппозиционных партий на избирательных собраниях, запрет на выставление списков оппозиционных кандидатов (запрет на участие в выборах), принудительное переголосование, служили дополнением к более жестким мерам репрессивного характера. После окончательной ликвидации оппозиционных партий в Советской России, в последующие избирательные кампании, большевики активно использовали отработанный механизм против любых политических оппонентов: внутрипартийной оппозиции, нелояльно настроенного населения на выборах, любых форм политического представительства.

Как складывалась дальнейшая судьба многопартийности и альтернативности в Советской России? На финальную стадию ликвидации оппозиционных партий пришелся период введения новой экономической политики и «смуты в партийных рядах»[1813], связанной с переходом к мирной жизни и осмыслением роли партии, ее аппарата в этих процессах, и потому вопрос о судьбе политической системы, роли партий не мог не обсуждаться. Действительно, на 1921 г. пришелся активный период обсуждения роли партии в новых условиях, возможности участия других партий в политической жизни на различных съездах, совещаниях, комиссиях и в переписке с

[1813] Павлюченков С. А. Экономический либерализм в пределах политического плюрализма // Россия нэповская. М., 2002. С. 20.

руководством партии. Эти вопросы обсуждались в разных контекстах, но в первую очередь – определения границ нэпа, пределов и соотношения экономических мер и политических свобод, повышения авторитета партии и «борьбой с моральным разложением и бюрократизмом партии»[1814].

Е. Г. Гимпельсон, С. А. Павлюченков, В. А. Шишкин в исследованиях, посвященных переходу к нэпу и созданию советской политической системы показывают, что такие дискуссии охватывали все уровни партии: от рядовых членов до большевистских вождей[1815].

Одним из ярких и весьма показательных случаев стала «фронда» рабочего коммуниста с пятнадцатилетним партийным стажем Г. И. Мясникова, занимавшего ответственные посты в партийном и советском аппарате Пермской губернии[1816]. В литературе многократно анализировался этот эпизод, наиболее свежий разбор представлен в статье И. А. Анфертьева[1817]. В мае 1921 г. коммунист направил докладную записку в ЦК РКП(б) и статью в «Правду» для публикации, в которых высказывался о необходимости введения «свободы слова и печати от меньшевиков до анархистов включительно», прекращения репрессий за любое оппозиционное мнение, высказанное рабочими и крестьянами[1818]. Эти меры ему виделись действенными для борьбы с бюрократизмом партаппарата и повышения авторитета компартии. В. И. Ленин в ответном письме диссиденствующему коммунисту, высказался категорически против «введения свободы слова и печати от монархистов до анархистов», обосновав позицию тем, что этой свободой воспользуется классовый враг – буржуазия[1819].

Не менее показательным стал эпизод с И. В. Вардиным (Мгеладзе) – работником агитпропа ЦК и референтом ВЧК, составившим докладную записку в апреле 1921 г., предложив предоставить социалистическим партиям возможность вести легальную политическую деятельность. И. В. Вардин, выступил за возвращение многопартийности

[1814] Там же. С. 24.

[1815] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система … С. 41-42; Павлюченков С. А. Экономический либерализм … С. 20. Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). Спб., 1997. С. 249–250.

[1816] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система … С. 41-42; Кружинов В.М. «Дело» г.И. Мясникова // Вестник Тюменского государственного университета. 1998. № 1. С.90–95.

[1817] Анфертьев И.А. Докладная записка лидера «Рабочей оппозиции» гавриила Мясникова в ЦК РКП(б): источниковедческий потенциал документа // Новейшая история России. 2023. Т.13, № 3. С.648–663.

[1818] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 826. Л. 2–3.

[1819] Там же. Л. 11.

на выборы в Советы, обосновав свое мнение необходимостью создания легальной возможности выплеснуть свой протест беспартийным рабочим и крестьянам, полагая, что свободные выборы ослабляют шансы нового Кронштадта: «в Советах нам необходима оппозиция, когда беспартийный рабочий протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах тех партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды»[1820]. Хотя докладная записка не стала достоянием широкой общественности, Ленин, отреагировавший на докладную записку Вардина, счел такие предложения опасными, способствующими ослаблению советской власти, и предлагал единственно возможную тактику по отношению к «мелкобуржуазным партиям» - тактику беспощадной борьбы.

Приведенные, широко известные случаи отнюдь не являлись единичными и маргинальными, как отмечает С. А. Павлюченков: «весной и летом 1921 г. ЦК партии был завален обращениями от коммунистов и других деятелей социалистического толка, призывающими дать обществу те или иные политические свободы»[1821]. Наиболее опасными требования о введении многопартийности и признания политических свобод становились, по мнению В. И. Ленина, когда они исходили от близких соратников. Так, весной 1922 г. Г. В. Чичерин предложил изменить Конституцию в пользу политической оппозиции, и К. Б. Радек – разрешить меньшевикам издавать свою газету[1822]. Как представляется, причины активного обсуждения и предложений о восстановлении политических свобод возникали по инерции дореволюционного и революционного периода, когда многопартийность и альтернативность на выборах были нормой политической жизни.

Однако высший эшелон руководства большевиков 1920-х гг. несмотря на разность взглядов и надежды интеллигенции, членов оппозиционных партий, сменовеховцев, части рядовых большевиков и даже международной общественности был един в сохранении и даже укреплении партийной монополии на власть. Обсуждение преимущественно сосредотачивалось на вопросах, связанных с возможностью сотрудничества с различными слоями населения. Наиболее ортодоксальная часть партии настаивала на усилении диктатуры правящей партии, опасаясь оживления «мелкобуржуазной стихии», другие предлагали установить

[1820] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18265. Л. 1–2
[1821] Павлюченков С. А. Экономический либерализм в пределах политического плюрализма … С. 29.
[1822]Там же. С. 30.

четкие границы политического нэпа[1823]. К числу последних относился Т. В. Сапронов – участник оппозиционной группы «демократический централизм» и один из лидеров левой оппозиции, до 1924 г. являвшийся секретарем и членом президиума ВЦИК. В письме Ленину Тимофей Сапронов рассуждал о границах политических уступок и необходимости «приспособления» советской системы к новому курсу: «в экономическом вопросе мы сделали реальные уступки, в политике мы этой роскоши позволить себе не можем, но видимость уступок создавать необходимо. Эти уступки могут выразиться в игре в парламентаризм, куда должна быть допущена мелкая буржуазия, не в лице, конечно, меньшевиков и эсеров, но десяток-другой, а может и три десятка бородатых мужиков мы бы могли посадить во ВЦИК, по паре-тройке мы бы могли посадить и в губисполкомы»[1824]. Оппонирование этих двух позиций будет актуальным на протяжении 1920-х гг. и найдет отражение в большинстве внутрипартийных дискуссий и колебаниях курса партии.

Вопрос «политических уступок», а в более широком смысле влиянии экономических мер на советскую политическую систему и сущность советского политического режима, стал одним из наиболее обсуждаемых в отечественной историографии. Преобладающей среди историков стала позиция об отсутствии такого влияния, так В. А. Шишкин приходит к выводу что «переход к новой экономической политике не дал ни одного примера политического «отступления»[1825]. С. А. Павлюченков приходит к выводу о незначительном влиянии «на социально-политическую организацию, сложившуюся в годы военного коммунизма» и даже последующем укреплении политического монополизма: «как только наметились признаки стабилизации политической ситуации после кризиса 1921 года, ленинское руководство постаралось максимально компенсировать сделанные уступки в экономике последовательными шагами по дальнейшей централизации политической жизни, укреплением системы монопартийности и моноидеологическим»[1826].

Более обоснованной представляется позиция Е. Г. Гимпельсона о давлении экономических решений на политические изменения, не касавшихся сохранения монопольной власти партии[1827]. Если непосредственно после перехода к нэпу такое

[1823] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система … С. 45.
[1824] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22425. Л. 1-3.
[1825] Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика … С. 249–250.
[1826] Павлюченков С. А. Экономический либерализм в пределах политического плюрализма … С. 35.
[1827] Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система … С. 45-46.

влияние было практически незаметным, то на пике своего развития в 1924–1925 гг. оно нарастало. Принятые решения руководства партии об отмене выборов, объявлении политики «оживления Советов», расширении сотрудничества с непролетарскими слоями в 1925 г., демократизации избирательной системы 1925–1926 г., частичной альтернативности выборов с населением и стали «политическим нэпом», что свидетельствует о наличии влияния экономической либерализации на политическую систему. Несмотря на различные оценки историков, очевидно, что это влияние было крайне ограниченным, и большинство исследователей сходится во мнении, что жесткая партийная монополия стала главным препятствием дальнейших экономических реформ.

Был ли шанс на пике нэпа на политическую трансформацию режима, появление оппозиционных партий, способных аккумулировать протест населения? Кто в принципе мог выступить в качестве политического оппонента режиму? В литературе обсуждается две оппозиционные силы: сторонники ликвидированных оппозиционных левых партий и сторонники разгромленных вождей внутренней оппозиции в партии (троцкисты в первую очередь).

Как отмечалось выше, несмотря на определенные надежды с введением нэпа меньшевиков и эсеров на смягчение политического режима и возвращение к многопартийности, они не оправдались. Репрессии в отношении оппозиционных партий только усилились в 1922–1923 гг. и после процесса над эсерами и «самороспуска» партии в 1923 г., переход меньшевиков на нелегальное положение в октябре 1922 г. число членов исчислялось единицами, левые социалистические партии не имели сколько-нибудь широкой поддержки населения, находились под постоянным контролем ГПУ, поэтому вполне обоснованным представляется мнение исследователей об отсутствии сколько-нибудь серьезных перспектив на политическую альтернативу большевикам в 1920-е гг.[1828] При солидарной позиции руководства большевиков о необходимости сохранения партийной монополии на власть, шансов у оппозиционных партий, действительно не было. Другое дело – внутрипартийная оппозиция.

Несмотря на наличие острых дискуссий внутри правящей партии во время революции и Гражданской войны, речь не шла о борьбе руководства с оппозицией, это было противостояние равнозначных платформ о лучших способах переустройства

[1828] Ненароков А. П. Указ. соч. С. 340; Юрьев А. И. Указ. соч. С. 131; Павлюченков С.А. Экономический либерализм в пределах политического плюрализма … С. 18.

страны и мира. По мнению историков, формирование внутрипартийной оппозиции начинается в 1922–1923 гг. Сначала появляются небольшие партийные группы («Рабочая группа» из сторонников исключенного из партии Г. Мясникова и «Рабочая правда», состоящей из «молодых коммунистов-интеллигентов, тяготевших к меньшевизму»), имевших взгляды отличные от руководства партии, не имевшие широкого распространения и тем более влияния в партии. Осенью 1923 г. начинает оформляться левая оппозиция, состоявшая из децистов – (сторонников В. М. Смирнова, Т. В. Сапронова, В. В. Осинского, В. Н. Максимовского) и сторонников Л. Д. Троцкого, подписавших «заявление 46-ти». Хотя по мнению А. В. Резника оппозиция скорее «представляла собой внутрипартийную тенденцию, сторонников которой ситуационно объединяло критическое отношение к политике партии и поддержка более решительной «демократизации» внутрипартийного режима»[1829].

В столичных партийных организациях, в армейских и рабочих партийных ячейках страны левая оппозиция имела значительную поддержку и по мнению историков имела все шансы на победу осенью 1923 г., если бы не вмешались «административные технологии» Сталина[1830]. До своего исключения из партии на XV съезде и децисты и троцкисты были достаточно многочисленными, поддерживаемыми рабочими на промышленных предприятиях, ветеранами партии, молодежью (особенно комсомольцами), вели активную агитационную работу: «в одной только Москве распространялись десятки тысяч листовок, которые расклеивались в рабочих районах, в трамваях, в пригородных поездах, разбрасывались и раздавались на предприятиях, иногда зачитывались вслух на импровизированных митингах. Оппозиционеры использовали для пропаганды своих взглядов и официально организуемые мероприятия – демонстрации 1 Мая, 7 ноября, празднование Международного юношеского дня и т.д.»[1831].

Массовость поддержки левой оппозиции и «способность проводить свои выступления во всесоюзном масштабе» признавали и сторонники «генеральной линии партии». Социальный состав оппозиционеров в столице и регионах был сходным, его костяк составляли «партийные и государственные служащие, ветераны Гражданской

[1829] Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б). 1923-1924 гг. СПб., 2017. С. 247.
[1830] Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР … С.90.
[1831] Там же. С. 97.

войны, рабочие»[1832]. Численность оппозиции современными исследователями оценивается минимум в восемь тысяч активных членов и примерно столько же оказывавших поддержку, оппозиция имела значительный резерв для пополнения, яркие обличающие выступления Л. Д. Троцкого и его сторонников в защиту интересов рабочих, критика ими «буржуазного перерождения революции», обличение бюрократических привилегий и неравенства внутри партии, коррупции аппарата находили массовую поддержку среди активной части рабочих и молодежи[1833].

Даже находясь в ссылке в Сибири, троцкисты не могли смириться со своим положением, идентифицируя себя как лучшую часть правящей партии, воспринимали себя как «незаконно осужденных жертв»[1834]. Ссыльные троцкисты, демонстрировали «нетипичное поведение политических ссыльных», активно боролись за возвращение избирательных прав (как ссыльные они автоматически их лишались), вели успешную агитацию среди рабочих, распространяли листовки, выступали на отчетных и избирательных собраниях, что привело к ухудшению их положения и усилению репрессий[1835].

Причины поражения левой оппозиции как возможной политической альтернативы многократно анализировались историками[1836] и преимущественно сводятся к «идентификации себя с правящей партией, отказу от борьбы за свои требования в качестве самостоятельной политической силы», надежды на внутренний процесс реформирования партии и «полевение центристов», отказ от создания собственной партии (за исключением наиболее радикальных представителей оппозиции после 1928 г.) и широкую политическую мобилизацию населения[1837]. По мнению А. В. Гусева «стремление оставаться в рамках «большевистской партийности» не позволило оппозиции, несмотря на приток к ней части активных рабочих-коммунистов,

---

[1832] Баранов А. В. Троцкистская оппозиция как проявление леворадикального протеста 1926-1929 гг. (на примере Юга России) // гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 10; Морозова Т. И. Троцкисткая оппозиция в представлениях партийного руководства Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 59.

[1833] Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР … С. 98.

[1834] Добрачев П. Е. Опальные вельможи: протест ссыльных большевиков-оппозиционеров во время перевыборной кампании 1928–1929 годов в Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 168.

[1835] Там же. С. 171–173.

[1836] Роговин В. З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994; Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в период НЭПа. М., 2000.

[1837] Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР … С. 101; Назаров О. Г. Указ. соч. С. 167.

превратиться в нечто большее, чем замкнутое движение внутрипартийных диссидентов»[1838].

В целом, несмотря на недовольство значительных групп населения (прежде всего крестьян, непролетарского населения городов, интеллигенции) складывающейся однопартийной диктатурой, экономической политикой, их протест не достигал уровня организации оппозиционных партий, готовых противостоять режиму, для их политической консолидации требовалось время и отсутствие репрессий со стороны власти. Партийная оппозиция, сделав ставки на отказ от создания собственной партии и внутренние реформы большевистской партии лишила идею многопартийности минимальных шансов. Жесткий курс на сохранение однопартийной диктатуры и высокую степень солидарности руководства большевиков в вопросе сохранения политической монополии, наличие отработанных жестких методов борьбы с оппозиционными партиями в годы Гражданской войны, сочетавшие репрессивные, административные и пропагандистские методы, лишала идею демократизации советской политической системы, становление плюралистической системы сколько-нибудь реальных перспектив.

Максимальным расширением политической демократии, на которую решилась власть на пике нэпа – ослабление партийно-государственного давления на население и введение ограниченной альтернативности, предполагавшей ограничение административного давления на выборах на избирателей, расширение сотрудничества с непролетарскими слоями населения, конкуренцию на избирательных собраниях между кандидатами, утвержденными партийными комитетами и кандидатами, выдвинутыми избирателями. Окончательная ликвидация даже очень ограниченных проявлений политической альтернативности происходит в 1930 г., квинтэссенцией реализации однопартийной диктатуры становятся полностью безальтернативные выборы плебисцитарного типа.

[1838] Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР … С. 102.

3.4. Практики кассации (отмены) выборов

Институт кассации выборов в советской избирательной системе, как отмечалось выше, задумывался большевиками не простым признанием выборов недействительными, а особой формой непосредственной демократии, отдельно закрепленной в советской Конституции. Следует признать, что в обширной литературе о советских выборах, практики кассации выборов остаются практически неизученными как на региональном, так и общероссийском уровне. Исключением стало изучение отмены выборов в регионах в рамках кампании 1925 г. в контексте политики «оживления Советов»[1839]. Целостное представление о роли этого института в советской избирательной системе и его реализации пока не сформировано. В настоящем параграфе нам предстоит выяснить какое место в советской избирательной системе занимали электоральные практики, связанные с кассацией выборов в разные периоды.

Непосредственно в послереволюционный период отмена выборов использовалась как один из методов борьбы с оппозицией. Как отмечалось выше, помимо репрессивных и агитационно-пропагандистских методов, большевики дополнительно использовали различные методы административного характера, в числе которых была и отмена выборов с последующим проведением переголосования. Имеющиеся описания в архивных источниках и литературе эпизодов кассации выборов и проведения последующего переголосования показывают высокую конфликтность реализации процедуры. При этом, в ряде случаев, несмотря на протесты рабочих, удалось отменить выборы и провести переголосование за список большевиков, так произошло в феврале 1921 г. на ряде предприятий Петрограда (Новый Лесснер, Дюмо, Балтийском)[1840]. В других случаях, организаторов выборов ожидало ожесточенное сопротивление рабочих, и они не смогли добиться признания результатов выборов недействительными (рабочие Александровского механического завода, проголосовавшие за список Петроградской организации МПСР категорически отказались проводить переголосование и поддерживать большевиков)[1841].

[1839] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 107; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 412–414; Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20.

[1840] Яров С. В. Человек перед лицом власти … С. 256.

[1841] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 43. Л. 61–62.

Насколько часто использовалась отмена выборов как метод борьбы с оппозицией? Из-за высокой конфликтности и сложности реализации, очевидно, что кассация выборов и последующее переголосование не могла стать часто используемым методом. В конфликтных ситуациях крайне рискованно оказывать давление на избирателей, нередко это вызывало прямо противоположную реакцию[1842]. Большевики предпочитали использовать более простые и надежные репрессивные методы борьбы с оппозиционными партиями. Поэтому полагаем, что отмена выборов на практике стала лишь дополнительным и нешироко распространенным методом борьбы с оппозицией.

С окончательным утверждением однопартийной диктатуры, на практике процедура отмены выборов в начале 1920-х гг. реализовывалась крайне редко. Как сообщал заместитель нарком внутренних дел на запрос Л. М. Кагановича в ЦК РКП(б) 15 декабря 1924 г. «отмена выборов использовалась в исключительных случаях», отмечая, что общей статистики за прошлые годы по отмененным выборам не велось, за кампанию 1923 г. у НКВД имелись сведения о 22 случаях отмены выборов в сельских Советах в различных губерниях[1843]. Соответственно до кампании массовой отмены выборов зимы – весны 1925 г. о практике кассирования выборов имеются лишь фрагментарные сведения.

Ранее характеризовались электоральные практики первой половины 1920-х гг., и для них были характерны высокий уровень абсентеизма населения, широкое применение административного ресурса властей при организации и проведении выборов, навязывание списков и кандидатов, утвержденных партийными комитетами и Советами, запугивание население, разные формы давления на избирателей[1844]. К 1924 г. сложился хорошо отлаженный бюрократический механизм выборов, в котором население играло второстепенную роль, по образному выражению Д. М. Корчагина: «избирательный процесс превратился для властей в своего рода бухгалтерию,

[1842] Яров С. В. Человек перед лицом власти … С. 303.

[1843] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 94. Л. 229.

[1844] Для изучения была сформирована репрезентативная выборка из регионов. Проверялись как центральные, так и отдаленные регионы (Урал, Сибирь, Дальний Восток), волости с преимущественно русским и национальным населением. Всего мониторингу подлежали выборы в 46 волостях, под обследование инструкторов ВЦИК преимущественно попали регионы РСФСР, а также некоторые регионы других союзных республик, которые до проведения административно-территориальной реформы 1924 г. относились к РСФСР (например, Мервский округ Туркменской ССР, до реформы являвшийся частью РСФСР – Туркестанской АССР).

упражнение в политической статистике, сравнительно легко получавших нужный состав Советов вне зависимости от участия в данном процессе избирателей»[1845].

При этом подчеркнем, что несмотря на поступавшие жалобы в НКВД и ВЦИК в предыдущие кампании – 1922, 1923 и 1924 гг. на действия местных властей во время проведения выборов, массовой отмены не проводилось. Жалобы поступали на грубое отношение представителей местных властей, административное давление, и даже прямой обман избирателей[1846]. Так, в селе Кудрино Мошонской волости Мещовского уезда Калужской губернии 24 августа 1924 г. избрали сельсовет, однако волостной избирком не утвердил состав последнего и назначил в его состав других лиц «по своему усмотрению», избиратели сочли себя обманутыми и написали жалобу[1847]. Примечательно, что нарком внутренних дел А. Г. Белобородов, хотя и вполне разделял возмущение крестьян по поводу произвола местных властей, полагая, что «подобные действия подрывают авторитет органов власти на местах», не назначил проверку НКВД, а перепоручил разобраться в этом случае Калужскому губисполкому[1848].

Поворотным моментом в практике реализации института отмены выборов стал 1925 год, когда были приняты решения о массовой отмене их итогов[1849]. Итоги выборов 1924 года были отменены в 39 губерниях и областях РСФСР (из 83 территориальных и национальных образований, входивших в состав советской республики в 1925 г.), в них назначались повторные выборы, из них в 12 губерниях и областях выборы были отменены полностью и в 27 губерниях и областях – частично[1850]. Тем самым руководство страны признало наличие системного сбоя в электоральной сфере и обозначило новый этап взаимоотношений с населением в ходе избирательных кампаний.

Как восприняло население и местные советские и партийные работники директивы об отмене выборов? Реакция на массовую отмену выборов как местных властей, так и населения была неоднозначной. Как показывают региональные исследования и большинство источников наиболее характерными реакциями местных

[1845] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 75.
[1846] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 7–8, Л. 27–28; Д. 15. Л. 16–22; Д. 16. Л. 68–74.
[1847] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 7.
[1848] Там же. Л. 8.
[1849] Постановление Президиума центрального исполнительного комитета от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий»// СЗ СССР. 1925. №1. Ст. 3.
[1850] Белобородов А. Итоги выборов в Советы // Власть Советов. 1925. №20. С. 1–2.

работников стали непонимание нового курса, растерянность, обида, в ряде случае саботаж и отстраненность[1851]. В первую очередь возникли споры о целесообразности отмены выборов на уровне губерний, уездов, волостей и сельсоветов. Т. И. Морозова, исследуя повторные перевыборы сельских Советов в Сибири, отмечает, что «вопрос о целесообразности внеочередных перевыборов стал предметом оживленной дискуссии на заседании пленума Сибирского краевого комитета РКП(б)», мнения участников которой разделились[1852].

Ряд губернских партийных организаций категорически выступили против отмены выборов, аргументируя потерей авторитета среди населения, бесполезностью мероприятия, и даже срывом налоговой и посевной кампании. Как сообщалось в сводках о кассации выборов, составленных информационным отделом ЦК РКП(б), Воронежский губернский комитет РКП(б) считал «отмену нецелесообразной, поскольку это приведет к необходимости перевыборов волостных и уездных исполкомов, что влечет за собой срыв налоговой и кампании по посеву», Ярославская организация выступала против повторных перевыборов, «не надеясь достигнуть лучшего состава сельских Советов в смысле работоспособности и социального положения»[1853]. Несмотря на указания Сибревкома о полной отмене выборов в большинстве сибирских губерний, Алтайский губком возражал этому решению, полагая, что «отмена выборов нанесет больше вреда, чем пользы, подорвет авторитет ячеек и избранных сельсоветов, активизирует кулацкие выступления»[1854].

На уездном и волостном уровнях отмена выборов вызвала еще больше скепсиса и негатива, а зачастую и агрессии. В Сызранской партийной организации «старый партиец назвал отмену выборов «фашизмом», т.к. по его мнению, сейчас идет натравливание мужика на коммунистов, мужики стали хозяевами, а коммунистами – слугой»[1855]. Члены волисполкомов и сельсоветов «рассматривали отмену выборов как недоверие к себе, заявляя, что поскольку выборы самим населением не были опротестованы, то и нечего

[1851] Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации … С. 20; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 412–414; Баранов А. В. Политические настроения земледельцев … С. 121; Ильиных В. А. Выборы в советы … С. 41.

[1852] Морозова Т. И. «Предоставление… прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских Советов в Сибири (октябрь 1924–март 1925 года) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 56.

[1853] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 903. Л. 82.

[1854] Там же. Л. 84.

[1855] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 917. Л. 51.

переизбирать»[1856]. Многие местные партийные и советские работники высказывали обиду на высшие органы «мы не затем кровь проливали, чтобы под властью кулаков и торгашей жить»[1857].

Низовые ячейки обвиняли высшие партийные органы в непродуманности новой политики, в том, что за счет дискредитации местных властей, пытаются повысить свой авторитет. Так, на совещании по вопросам советского строительства в апреле 1925 г. представитель Нижнедевицкого укома (Воронежская губерния) заявил: «высшие органы, проводя эти мероприятия, думают построить свое благополучие, отыгрываясь и ставя под удар низовых коммунистов»[1858]. Сводки ГПУ отмечали тревожную для правящей группировки большевиков тенденцию – поддержку местными партийными и советскими работниками выступлений Л. Д. Троцкого о «буржуазном перерождении революции» и «победившем термидоре»[1859].

Наиболее распространенной реакцией стала растерянность, непонимание нового курса, из Самарской, Омской, Ульяновской губернии сообщали: «сельские ячейки очень плохо и слабо ориентируются в обстановке, еще не сумели понять новой политики к середняку»[1860]. Закономерными были и действия партийных ячеек и низовых советских органов, а точнее сказать бездействие от непонимания происходящего, многие заняли выжидательную позицию[1861].

В целом, местные партийные и советские работники оказались не готовы к резкому изменению избирательных процедур, а тем более к переходу от уже испытанного применения административного давления к честной конкуренции с выдвиженцами от населения. Новая избирательная модель, провозглашенная в рамках кампании отмены выборов, вызывала непонимание и зачастую отторжение. Исследователи отмечают, что недовольство местных партийных работников стало одним из значимых факторов отказа от «демократического эксперимента» 1925 года и

[1856] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 903. Л. 89.
[1857] Там же. Л. 92.
[1858] Совещание по вопросам Советского строительства. Апрель 1925 г. М., 1925. С. 7.
[1859] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 914. Л. 12.
[1860] Там же. Л. 7.
[1861] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 107; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 412–414; Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20.

возвращение к привычным методам проведения избирательных кампаний и «ставке на административный ресурс»[1862].

Реакция населения также не всегда была однозначной. С одной стороны, объявление об отмене выборов вызвало положительную реакцию большей части крестьянства, губернские исполкомы в отчетах писали: «абсолютным большинством крестьянства было встречено вполне сочувственно, с большим интересом и оценивалось как вполне своевременное мероприятие», многие крестьяне выражали готовность наблюдать за соблюдением законности[1863]. В сводках сообщалось, что «крестьяне ведут разговоры, что со стороны центра в части «нажима», «назначенства» наступил перелом, и им дали право голоса»[1864]. Крестьяне и казаки, вдохновившись происходившими изменениями, напрямую высказывали требования о расширении экономических мер и дальнейшей демократизации избирательной и политической системы[1865]. Острота реакции в городах на отмену выборов была меньшей, чем в деревне, большая часть горожан позитивно отреагировала на отмену выборов и меры «по возвращению доверия избирателей»[1866].

Объявление об отмене выборов вызвало лавину жалоб на прошедшие выборы в 1924 г., крестьяне писали в «Крестьянскую газету» и «Бедноту», во ВЦИК, и лично Калинину, в ЦК РКП(б) [1867]. Заметим, что жалобы писались преимущественно не осенью 1924 г. во время выборов, а спустя несколько месяцев – зимой – весной 1925 г. Ни до, ни после кампании повторных выборов весны 1925 г. не поступало такого количества жалоб на прошлые «несправедливые» выборы. Представляется, что в 1925 г. произошло совпадение запросов населения на демократизацию и нового курса, объявленного руководством большевиков. Изменение избирательной модели оказалось охотно и благожелательно воспринято значительной частью населения.

[1862] Красников В. В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. С. 20; Бициоха В. Г. Формирование советской политической системы: региональный аспект Октябрь 1917–середина 20-х гг. (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 19; бурят Л. А. Становление и развитие органов государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002. С. 21.

[1863] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 282–292; РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 907. Л. 8–16; Д. 914. Л. 118–124.

[1864] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 915. Л. 7.

[1865] Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 412–414; Телицын В. Л. «Лицом к деревне» и лицо деревни// Россия нэповская. М., 2002. С. 217.

[1866] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 903. Л. 62–74; Д. 913. Л. 98–130.

[1867] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 824, 825, 826.

В сотнях сохранившихся писем крестьян и горожан выражалось одобрение новому курсу и содержались жалобы на местные власти, высокие налоги, невнимание власти к интересам крестьян, на административное давление в ходе выборов и т.д. Довольно много было и предложений о реорганизации избирательной системы, большинству казалось справедливым лишение прав «кулаков-мироедов», но при этом звучали предложения свободных, тайных выборов, без голосования по спискам, только за отдельных кандидатов. Т. И. Морозова предположила, что восприятие крестьянами отмены выборов как меры демократизации режима, основывалось «на традиционном для российского народа представлении о том, что высшая власть ничего не знала о злоупотреблениях местных партийно-советских работников, и убежденности в ее искреннем желании устранить внезапно обнаружившиеся недостатки»[1868].

Интересны интерпретации причин отмены выборов населением. Наиболее распространенной версией стали осложнения в международной политике и приближающаяся война, в связи с которыми большевики решили заручиться поддержкой населения[1869]. ГПУ, отслеживавшее настроения крестьян отмечали, что «отмена выборов и перевыборы в деревне расцениваются как очередная хитрость коммунистов с целью привлечь на свою сторону деревню, ввиду осложнений для них международной обстановки или как признак несостоятельности коммунистов, не сумевших справиться со своими задачами в хозяйственном строительстве»[1870]. Часть крестьян усматривала в отмене выборов «тактический ход, направленный на укрепление советской власти за счет населения»[1871].

Вместе с тем, не все слои городского и сельского населения были настроены благожелательно по отношению к отмене выборов и изменению избирательной модели. В первую очередь недовольство выражала беднота в деревне и рабочие на заводах, ГПУ отмечало распространенность заявлений «за что мы кровь проливали, чтобы всякую сволочь допускать к власти»[1872]. Кроме того, в ряде регионов, особенно где были влиятельны зажиточные слои крестьянства и казачества, и сильны антисоветские настроения, наблюдались конфликтные ситуации на повторных выборах. Как отмечают Ю. А. Яхутль и В. В. Касьянов «отмена выборов в южно-российской деревне

[1868] Морозова Т. И. «Предоставление… прав широкой демократии» … С. 58.
[1869] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 915. Л. 7; Д. 916. Л. 15–20; Д. 810. Л. 57.
[1870] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 16.
[1871] Морозова Т. И. «Предоставление… прав широкой демократии» … С. 59.
[1872] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 19.

спровоцировала обострение социальных противоречий»[1873]. На избирательных собраниях «зажиточная часть казачества блокировала кандидатов в депутаты от иногородних или казаков бедняков», что привело к резкому снижению членов РКП(б) в станичных Советах[1874].

Наиболее острые конфликты возникали на Кубани, в Сибири, Тамбовской и Воронежской губернии[1875]. В ряде случаев «коммунистов и комсомольцев провалили с криком и свистом, были даже случаи удаления коммунистов и комсомольцев с собрания»[1876]. Помимо этого, в сельские Советы и волисполкомы в ряде губерний избирали зажиточных крестьян, «бывших участников бандитского движения, земцев и одиночек эсеров»[1877]. На Кубани в станичные Советы избрали «бывших офицеров, членов Кубанской Рады и атаманов» [1878]. Доходило до возбуждения дел о новой кассации выборов со стороны бедноты «в виду засилья в них антисоветского элемента»[1879]. Однако острая конфликтность была не повсеместной, в большинстве случаев крестьяне поддерживали новую политику и не стремились противостоять советской власти или свергать ее, напротив, активно участвовали в выборных собраниях, стремясь интегрироваться в поле советской легитимности.

Большинство оценок повторных выборов весны 1925 г. было положительным, их результаты, в целом, укладывались в ожидания руководства правящей партии. Наиболее значимым итогом повторных выборов стало существенное повышение явки и активности населения на избирательных собраниях. По данным НКВД, в 39 губерниях и областях РСФСР, где проводились повторные выборы, явка населения существенно возросла. На выборах в сельсоветы явка увеличилась с 26,5 до 44,7 %, особенно значительно возросла активность мужского населения до 70 %, в меньшей степени женщин – с 9,1 до 21,5 %[1880]. В городах, где проводились повторные выборы (97 городов), явка также существенно выросла с 30,7 до 48,9 %[1881]. Наиболее

[1873] Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 413.

[1874] Яхутль Ю. А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920–1926 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 335.

[1875] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 107; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 413. Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20.

[1876] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 916. Л. 19.

[1877] Там же. Л. 20.

[1878] Яхутль Ю. А. От военного коммунизма … С.335.

[1879] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 916. Л. 37–42.

[1880] Гурвич С. М. Результаты перевыборов в деревне // Власть Советов. 1925. № 20. С. 4.

[1881] Коковин Н. А. Городские Советы по выборам 1924–25 гг. // Власть Советов. 1925. № 20. С. 6.

значительно возросла явка «не организованных в профсоюзы» избирателей с символических 15,7 до 34,9 %[1882]. Вторым менее приятным для власти итогом повторных выборов стало значительное снижение числа коммунистов в низовых Советах, исполкомах и съездах. В сельсоветах число коммунистов снизилось в два раза с 11,3 до 5,9 %, на волсъездах с 26,8 до 17,8 %. В волисполкомах с 60,6 % до 42,2 %[1883]. В горсоветах по большей части коммунистам удалось сохранить свои позиции, снижение их доли среди депутатов было незначительным. В уездных городах доля коммунистов снизилась с 58,1 до 54,9 %, в губернских городах – с 71 до 67,1 %[1884].

Нарком внутренних дел А. Г. Белобородов признавал понижение числа коммунистов в Советах, но не видел в этом угрозы для партии или деятельности Советов, рассматривая это как сложности конкретных представителей партии: «отвод отдельных коммунистических кандидатур происходил только потому, что они не удовлетворяли деловым требованиям избирателей; снимались те коммунисты, которые не могли приспособиться к новым условиям работы»[1885]. Хотя, по всей видимости, определенные опасения существовали, поскольку по заданию ЦК РКП(б) Наркомат внутренних дел каждые четыре дня представлял Л. М. Кагановичу сводку о ходе повторных перевыборов, и настроения населения об отмене выборов также отслеживались очень внимательно[1886]. Ранее ничего подобного не осуществлялось, и ЦК запрашивал лишь общий отчет о ходе выборов и их итогах.

Несмотря на снижение числа коммунистов в избранных низовых Советах губернские исполкомы и комитеты партии бодро рапортовали об «укреплении влияния и авторитета советской власти и партии среди населения»[1887]. Руководители советских органов также отмечали «положительные общеполитические результаты»[1888]. И сведения ГПУ и местных партийных организаций о росте антисоветских настроений, и проникновении в Советы зажиточных слоев крестьян прошли фоном, повторные выборы были признаны вполне успешными и не встревожили высшее партийное и

[1882] Там же.
[1883] Гурвич С. М. Результаты перевыборов в деревне … С. 4.
[1884] Коковин Н. А. Городские Советы по выборам … С. 7.
[1885] Белобородов А. Итоги выборов в Советы // Власть Советов. 1925. № 20. С. 2.
[1886] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 810. Л. 9–117; Д. 913. Л. 64–98; Д. 914. Л. 2–48; 110–176.
[1887] Совещание по вопросам Советского строительства. Апрель 1925 … С. 5.
[1888] Белобородов А. Итоги выборов в Советы … С. 1.

советское руководство[1889]. Итоги кампании 1925/26 г. с аналогичными результатами вызвали совершенно противоположную реакцию у руководства партии, вызвав обеспокоенность результатами выборов и смену курса, о чем говорилось ранее. Кассация выборов 1924 г. и проведение кампании повторных выборов весной 1925 г. стало своего рода пиком «политических уступок» нэпа, высшей точкой демократизации избирательной и политической советской системы, максимально расширенного взаимодействия с различными слоями населения.

Как реализовывались практики, связанные с отменой выборов в рамках избирательных кампаний второй половины 1920-х гг.? Ослабление административного давления на избирателей, более неформальный характер проведения избирательных собраний привели к исчерпанию оснований жалоб в предыдущую кампанию и как результат – значительному сокращению их количества (примерно на 2/3) в кампанию 1925/26 г. Поступавшие жалобы с просьбой о кассации выборов во ВЦИК преимущественно касались действий местных партийных и советских работников, не сориентировавшихся в изменениях политического курса. Несмотря на указания партийных директив «устранить пережитки административных навыков периода военного коммунизма» и «внимательно отнестись к критике недостатков и упущений в работе переизбираемых Советов со стороны беспартийных избирателей»[1890], часть сотрудников местных аппаратов не понимая как реализовывать свободное выдвижение, голосование без утвержденных списков и как реагировать на выдвигаемые требования населения экономического и политического характера, продолжала действовать проверенными методами, оказывая административное давление на избирателей в ходе избирательных собраний. В этом случае, избиратели писали жалобы, пытались оспорить результаты выборов.

Самыми распространенными причинами обращений с просьбой отменить результаты выборов в кампанию 1925/26 г. во ВЦИК стали неуважительное отношение к мнению избирателей, навязывание утвержденных списков кандидатов партийными ячейками, запрет уполномоченных на обсуждение доклада или наказа избирателей, недостатков работы сельсовета, горсовета или советской власти и т.д.[1891] Подобные

[1889] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 810. Л. 52–57; Совещание по вопросам Советского строительства. Апрель 1925 … С. 6–9.

[1890] Циркулярное письмо ЦК РКП(б) об очередных перевыборах Советов (утверждено оргбюро ЦК РКП(б) в заседании от 25 сентября 1925 г.) // Власть Советов. 1925. № 40. С. 7.

[1891] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 145, Л. 25, 25(об), Л. 108–110; Д. 146, Л. 124–124(об); Д. 148. Л. 17–28.

жалобы мало отличались от предыдущего периода. Так, в январе 1926 г. крестьяне с. Урицкое Лысогорской волости Аткарского уезда Саратовской губернии жаловались на жесткое давление и оскорбления со стороны председателя избиркома и уполномоченного, которые продавливали утвержденный список кандидатов, утвержденный партийной ячейкой. Жалобщики писали: «дух власти на местах, на манер 1920–1922 гг. еще крепок в селах. Совет не может быть рычагом советского строительства, пока партийцы силком правдами и неправдами пролезают в Совет и верховодят всем, а остальные члены для мебели»[1892]. Семен Пыланкин – крестьянин из д. Берсенька Переславского уезда Владимирской губернии жаловался на давление со стороны представителя Переславского уездного комитета партии, проводившего собрание, который выдвинул единственную кандидатуру, утвержденную партийной ячейкой, и запретил задавать вопросы крестьянам по поводу выдвинутой кандидатуры и предлагать собственных кандидатов[1893]. Пыланкина, задававшего вопросы и пытавшегося организовать противодействие крестьян выдвинутой кандидатуре, лишили слова и в грубой форме удалили с собрания, обвинив в «контрреволюции»[1894].

В жалобах горожан преимущественно озвучивались претензии на оказываемое давление уполномоченных, членов избиркомов на избирательное собрание при голосовании за утвержденный список партийными организациями. Непролетарская часть городского населения отказывалось голосовать за утвержденные списки кандидатов, выдвигая собственных кандидатов в Советы[1895]. Они настаивали, что «депутатами могут быть только местные жители – плательщики налогов»[1896].

В избирательную кампанию 1925/26 г. более многочисленными стали жалобы, связанные с конфликтами между различными группами избирателей. Как правило, за этими конфликтами стояли неприязненные отношения представителей различных социальных групп, семей, родов, соседей, родственников и т.д. [1897] Так, в 1926 г. инструкторы губернского исполкома и ВЦИК были вынуждены дважды выезжать в д. Теплый Колодец Щигровского уезда Курской губернии по жалобам двух противоборствующих группировок на выборах в сельский Совет. Инструктор

[1892] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 149. Л. 311–312
[1893] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 146. Л. 38–39.
[1894] Там же. Л. 39.
[1895] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111; Д. 662. Л. 137–141; Д. 663. Л. 51–55; Д. 666. Л. 187–191.
[1896] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46.
[1897] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 87. Л. 72–74; Д. 90. Л. 4, 8, 14; Д. 668. Л. 39–44; Д. 669. Л. 71–77; Д. 671. Л. 12–14; Д. 674. Л. 116–120; Д. 676. Л. 31–33; Д. 683. Л. 206–214.

Курского губисполкома в отчете о расследовании отмечал «Во время подготовительной кампании в селе образовались 2 группы избирателей (по социальному положению – смешанные), стоявшие – одна за оставление старого сельсовета, и главным образом, председателя и секретаря, а другая – за избрание нового, намечая в председатели Русанова И. Т. (кандидат в члены ВКП (б)). Причиной служила заинтересованность группы Золотухиных остаться в сельсовете (легкая возможность аренды земли, злоупотреблений, заинтересованность в сдаче их домов в аренду под школу и сельсовет и т.д.), с одной стороны, и желание другой части избирателей лишить их влияния и избрать председателем Русанова – с другой»[1898]. Желая привлечь голоса избирателей, обе стороны конфликта использовали «слухи, раскол бедноты, запугивание, физическое воздействие, обещания, подкуп и т.д.»[1899].

Анализ делопроизводства по жалобам избирателей в кампанию 1925/26 г., показывает изменение подхода к отмене выборов со стороны советских органов. Если зимой 1924/25 г. практически по любой поступившей жалобе принималось решение об отмене выборов, то в кампанию 1925/26 обращения избирателей внимательно рассматривались сотрудниками Центризбиркома или губернского исполкома, но не всегда признавались обоснованными и не вели к отмене выборов даже в рамках одного сельсовета. Нередко делался вывод, что поступившая жалоба – мнение небольшого числа избирателей, остальных устраивают результаты выборов, соответственно итоги не отменялись. В ряде случаев сами жалобщики обвинялись в «склочном характере», «раздувании конфликта»[1900].

Административное давление в редчайших случаях становилось причиной отмены выборов в Советы. Низкая явка, заявленная в числе обязательных причин отмены выборов в законодательстве, также не всегда приводила к отмене выборов. Примечательным является случай с попыткой отмены выборов в апреле 1926 г. в городе Угличе. В апреле 1926 г. Ярославский губернский исполком обратился с просьбой во ВЦИК утвердить результаты выборов с явкой в 17 %, обосновав свою просьбу тем, что «в городе имеется исключительно мещанское население, вследствие отсутствия промышленности; жалоб избирателей не поступало, а избранный горсовет уже работает

[1898] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 152. Л. 93, 93 (об).
[1899] Там же. Л. 94.
[1900] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 668. Л. 43; Д. 671. Л. 14; Д. 674. Л. 120; Д. 676. Л. 33; Оп. 104. Д. 23. Л. 38, 45, 51.

и работает удовлетворительно»[1901]. Первой реакцией Центризбиркома было отменить результаты выборов в Угличе, однако выехавший на место представитель ВЦИК – Искрянникова, поддержала ходатайство Ярославского губернского исполкома. Проверив результаты выборов и опросив население, сотрудник ВЦИК согласилась с доводами, изложенными в ходатайстве губернского исполкома: «малый процент участия в выборах и малая активность избирателей объясняется особым социальным составом населения г. Углича, и при отмене выборов нет оснований рассчитывать на больший процент явки избирателей, поэтому выборы необходимо утвердить»[1902]. Аналогичная ситуация сложилась в Великом Новгороде, где «на 26 участках процент явки ниже 35 % нормы, выборы созывались трижды и с каждым разом явка только понижалась». В итоге, Центризбирком утвердил результаты выборов в Новгороде с явкой в 16 %[1903].

Одним словом, кассация выборов из массовой превратилась в локальные практики, проводившиеся в остро конфликтных случаях, с очевидными нарушениями. Отмены проводились в масштабах сельских Советов, или даже отдельных избирательных участков или собраний. На территории губерний, районов, уездов отмены выборов не проводились ни в кампанию 1925/26, ни в последующие. Центризбирком предложил утвердить ВЦИК 73 отмены выборов в кампанию 1925/26 г. (включая сельские Советы, отдельные избирательные участки)[1904].

Ужесточение политического курса, начиная с 1926 г., связанного с вытеснением непролетарских элементов, не оказало принципиального влияния на практику кассации выборов. В избирательные кампании второй половины 1920-х гг. основания и содержание жалоб с просьбой об отмене результатов выборов имели сходный характер с кампанией 1925 г. Распространенными оставались жалобы на административное давление и фальсификации при подсчете голосов [1905]. Так, курьезными выглядят угрозы уполномоченного, проводившего избирательное собрание 9 февраля 1929 г. в Хочинском улусе Вилюйского округа Якутской республики «выслать бузотеров и лишенцев в тундру»[1906].

[1901] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 97.
[1902] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 99–100.
[1903] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 29.
[1904] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 22.
[1905] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 145. Л. 35–42; Д. 146. 47–49; Оп. 107. Д. 240. Л. 12–17; 45–63; 130–142.
[1906] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 240. Л. 141.

Единственным значимым отличием в причинах отмены выборов стало постепенное смещение акцента с обычных деревенских склок на противостояние различных социальных групп, в содержании жалоб отчетливо отразилось нарастание социального напряжения в деревне В кампанию 1926/27 г. только обозначилось эта тенденция, подобные жалобы были единичными, на выборах 1928/29 г. заметно существенное увеличение жалоб от бедняков на собственных односельчан, которые выбрали «неправильный» совет, в котором не было бедняков и батраков, состоявший из середняков и зажиточных крестьян[1907]. Типичной была жалоба крестьян д. Борки Дуденской волости Дорогобужского уезда Смоленской губернии на избрание «кулацкого» состава сельсовета. В петиции отмечалось, что «секретаря сельсовета выбрали за то, что у него есть красивый жеребец, на котором он раскатывается с председателем сельсовета и волисполкома, в совете заседают кулаки и их прихвостни, которые ненавидят трудовых крестьян бедняков»[1908].

Реакция на такие жалобы была молниеносной, итоги выборов отменяли, проводили повторные, в совет избирали «правильных» кандидатов: комсомольцев, членов партии, бедняков, батраков и женщин. В приведенном примере д. Борок, приехавшие инструкторы ВЦИК, провели целое расследование, результаты выборов отменили[1909]. Под видом классовой борьбы на выборах, бедняцко-батрацкая часть деревни нередко сводила личные счеты и мстила за прошлые обиды. Сами жалобы нередко носили характер доносов[1910].

Еще одной причиной отмены выборов во второй половине 1920-х гг. стали организационно-технические недочеты, допущенные организаторами в ходе проведения выборов. Поводами обращений становились не оповещение избирателей о месте и времени проведения выборов, неудобное расположение участков, очень крупные участки (избирательные собрания проводились для 1000 чел.), неподходящие помещения для проведения собраний (слишком душные, либо неотапливаемые), одновременное проведение предвыборного и выборного собрания (избирательное собрания длились по 8–10 часов), формальный подход к обсуждению наказа или его не составление, отсутствие отчетов председателя и депутатов Совета.

[1907] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 145. Л. 183, 184; Л. 234–235; Д. 146. Л.60–60(об); Д. 152. Л. 93, 93(об); Оп. 107. Д. 240. Л. 21–123.

[1908] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 253. Л. 18.

[1909] Там же. Л. 20–29.

[1910] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 253. Л. 20, 48, 112, 129; Оп. 107. Д. 240. Л. 43–64, 141–143.

Так, избиратели с. Клин гутовского района Новосибирского округа жаловались, что в сельский Совет избраны не те кандидатуры, которых бы они хотели видеть. Причина несправедливости им виделась в следующем: «выборы были назначены на 7 февраля 1927 г., о чем были вручены повестки гражданам, потом дату изменили на 3 февраля, о чем дополнительно не известили, большая часть крестьян на выборы не явилась»[1911]. Жители поселка Алексеевка Орловской волости жаловались, что поселок не разбит на участки, собрание проводилось сразу для всего поселка (взрослого населения более 1500 чел.), «в поселке проводились сразу два собрания – предвыборное и выборное, собрания заняли с 12 часов дня до 8 часов вечера, отчего среди избирателей были волнения и возгласы «это мучение, а не собрание»[1912]. Многие крестьяне покидали собрание, не дождавшись итогового голосования.

В жалобе, поступившей из г. Павлодара Семипалатинской губернии (в то время входившей в состав РСФСР), сообщалось о комплексе нарушений: «избиратели были извещены повестками за 1–2 дня до выборов, а некоторые получили повестки лишь на самом собрании. В повестках не было указано, в каком помещении будут выборы происходить, и благодаря этому избирателям приходилось рыскать по городу, дабы исполнить свой гражданский долг. Предвыборное собрание вместе с отчетным было проведено одновременно в день выборов. Учет явившихся на выборы не производился, поэтому нет гарантий в том, что присутствовало 35 % избирателей. На самом выборном собрании избирателей не ознакомили с порядком выборов и предложили список кандидатов, неизвестно кем заявленный»[1913]. По данным фактам также проводились проверки, и выборы в отдельных случаях отменялись.

Практика кассации выборов во второй половине 1920-х гг. наглядно демонстрирует, что этап острой конфликтности был преодолен и причины массовой отмены выборов 1924 г. были исчерпаны. Отмена выборов приобрела единичный характер, так, в кампанию 1926/27 г. ВЦИК по представлению Центризбиркома утвердил 89 и в 1928/29 – 122 отмен выборов[1914]. Наряду с этим, к концу 1920-х гг., наметилась тенденция использования отмены выборов как инструмента давления на зажиточные слои деревни. В случае «проникновения» в Советы «социально-чуждых

[1911] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 253. Л. 7–8.
[1912] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 150. Л. 24(об).
[1913] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 145. Л. 14.
[1914] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 161. Л. 122; Оп. 106. Д. 518. Л. 17; Оп. 107. Д. 240. Л. 32–137.

элементов», отмена выборов использовалась как способ обеспечения необходимых власти составов Советов.

Отмеченные тенденции получили развитие в ходе кампаний 1931 и 1935 гг. Практика отмен выборов в избирательные кампании 1931 и 1934 гг. не приобрела массовый характер, и преимущественно причинами отмен становились организационно-технические недочеты и несоответствие избранного состава Совета партийным директивам (т.н. классовая засоренность, «проникновение классово-чуждых, враждебных элементов» и т.д.). Жалобы от избирателей, поступавших в Центризбирком и ВЦИК, все в большей степени приобретали характер доносов, с обвинениями во «враждебной подрывной деятельности», рассказом о «классово-чуждом» происхождении или поведении депутатов или уполномоченных, проводивших избирательные собрания[1915]. В ряде случаев поводами для проверок становились материалы прессы[1916]. Проверки с выездами сотрудниками ВЦИК и Центризбиркома приобрели характер настоящих расследований, с допросами свидетелей и избирателей[1917]. Обыденные для избирательной практики 1920-х гг. организационно-технические нарушения: невручение повесток, неоповещение избирателей о месте и времени собрания, фальсификации явки избирателей (завышение явки для признания собрания состоявшимся), неоглашение списка «лишенцев» на собрании, неаккуратное ведение списков избирателей и даже плохо подготовленный доклад о деятельности Советов, рассматривавшиеся как «организационные недочеты» или «неподготовленность выборов», в кампанию 1934 г. стали рассматриваться как «вылазки» или «происки» классовых врагов, «извращения избирательного законодательства»[1918].

Примечательно, что даже сверх старания работников избиркомов расценивались с позиций классовой борьбы. В Щучье-Озерском районе Свердловской области в ноябре 1934 г. произошел курьезный случай, который имел совершено не шуточные последствия. Сотрудники Щучье-Озерского райизбиркома, желая обеспечить высокую явку избирателей на собрание, распорядились наложить штраф на всех неявившихся. Об этом нарушении крестьяне написали в газету «Правда», при расследовании факт

[1915] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 87–95.
[1916] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 87; Л. 105–106; Д. 24. Л. 82–85.
[1917] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 24. Л. 82–85; Д. 18. Л. 16–18.
[1918] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 18. Л. 16–20; Д. 6. Л. 78–79

подтвердился, в итоге, с формулировкой «за крупнейшие организационные недочеты и классовые извращения избирательного законодательства» председателю Щучье-Озерского избиркома объявили выговор, инструктору орготдела облисполкома, «не обеспечившему своевременное устранение нарушений избирательного законодательства и организационных недочетов» также объявили выговор. Не остался в стороне и народный следователь, присутствовавший на этом собрании: «сообщить Облпрокурору на предмет принятия мер в отношении народного следователя Щучье-Озерском района Посаженникова, находившегося в этом совете и допустившего наложение штрафов на избирателей за неявку на собрание в Верх-Сарсинском Совете, а также районного прокурора, не обеспечивавшего контроля за соблюдением избирательного законодательства»[1919]. Итоги выборов были отменены в связи с допущенными «крупнейшими организационными недочетами и извращениями избирательного законодательства»[1920].

Вошедшие в избирательную практику 1920-х гг. завышение числа присутствовавших, в 1934 г. рассматривалось не просто как нарушение избирательного законодательства, а как «происки классовых врагов». Описанный ранее случай расследования о недостоверности избирательной статистики в селе Мещеряковка Аркадакского района Саратовского края имел крайне негативные последствия для организаторов. Проведенное обследование инструктора орготдела Саратовского края Н. Т. Шеметова стало реакцией на заметку в местной газете «Перевыборы в руках классовых врагов». В ходе расследования выяснился факт внесения в протокол завышенной явки избирателей на собрание, который интерпретировался «как представление в райизбирком заведомо ложных сведений об участии избирателей на перевыборном собрании» (из 409 избирателей реально присутствовало около 120 чел., а зафиксировано было 322 (75 %))[1921]. Выяснился и факт отсутствия в списке «лишенцев» «тещи секретаря сельсовета Серегина, жены бывшего крупного торговца»[1922]. В итоге, выборы были признаны несостоявшимися, назначались перевыборы. Помимо отмены выборов, инструктор Шеметов предложил: «районному прокурору привлечь к уголовной ответственности секретаря сельсовета Серегина за представление в

[1919] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 25 Л. 4–5.
[1920] Там же. Л. 6.
[1921] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 24. Л. 82
[1922] Там же. Л. 83

райизбирком заведомо ложных сведений об участии избирателей на перевыборном собрании и скрытие от лишения избирательных права жены купца Малыгиной»[1923].

Анализ электоральных практик, связанных с кассацией выборов, показывает существенное влияние на них политической конъюнктуры и органическую взаимосвязь с другими избирательными практиками. Изначально отведенная роль для кассации выборов как формы непосредственной демократии реализовывалась в крайне ограниченный период – после массовой отмены декабря 1924 г. В остальные выборные кампании кассация выборов реализовывалась в рамках сложившихся избирательных моделей, либо не играя сколько-нибудь существенного значения, либо выполняя функцию дополнительного давления на кандидатов (депутатов) нелояльных власти или выявления «классовых врагов» и обеспечения «классовой чистоты» составов Советов.

Мы не нашли подтверждения широкого использования кассации выборов как метода борьбы с оппозиционными партиями непосредственно в послереволюционный период, скорее его использовали как дополнительный способ в случае победы списка кандидатов от оппозиционной партии. В последующий период, когда выборы превратились в «бюрократический механизм» формирования Советов, участие в них населения сводилось к минимуму, институт отмены выборов не находил реального применения. Несмотря на многочисленные нарушения избирательных процедур, отлично известные из жалоб населения, высшие и центральные советские органы не реагировали на них и не отменяли результаты выборов. Политические изменения конца 1924/25 г., приведшие к ограниченной демократизации советской избирательной системы, обозначили новый этап в применении института отмены выборов. Из полумертвого, практически не реализовывавшегося на практике института, отмена выборов в 1925 г. стала важным элементом новой модели взаимоотношений власти с населением на выборах, характеризовавшаяся ослаблением партийно-государственного давления на население, отказом от формального полупринудительного голосования за заранее утвержденные списки кандидатов, активным участием населения на всех стадиях избирательного процесса.

Анализ практики кассации выборов во второй половине 1920-х гг. наглядно демонстрирует, что причины массовой отмены выборов 1924 г. были исчерпаны.

[1923] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 24. Л. 84.

Избирательные кампании второй половины 1920-х гг. характеризовались хрупким компромиссом между властью и населением. Трансформация избирательной модели привела к более свободному обсуждению и выдвижению кандидатов депутатов, проблем и требований населения, и как следствие, отмены выборов стали единичными по основаниям административного давления и низкой явки. Вместе с тем, к концу 1920-х гг., наметилась тенденция использования отмены выборов как инструмента давления на зажиточные слои деревни. В случае «проникновения» в Советы «социально-чуждых элементов», отмена выборов использовалась как способ обеспечения необходимых пролетарских составов Советов.

Эта тенденция получила развитие в 1930-е гг. Хотя отмены выборов в 1930-е гг. не приобрели массового характера, но любые организационные недостатки, действия или бездействия членов избиркомов, уполномоченных, советских, партийных работников и самих избирателей в 1930-е гг. интерпретировались как сознательные, враждебные действия, направленные на «подрыв советской власти», с соответствующими последствиями, самым мягким из которых были выговоры для должностных лиц. В итоге, к 1934 г. действия, направленные на отмену выборов в контексте классовой борьбы, привели к совершенно «непреднамеренным последствиям»[1924] – отмена выборов из формы непосредственной демократии превратилась в один из элементов механизма выявления «классовых врагов», обеспечения «классовой чистоты» составов Советов. В целом, сложившиеся практики кассации выборов выходили за пределы электорального института, выполняя нетипичные и изначально не планировавшиеся для него функции – от административного давления на оппозицию до поиска «классовых врагов».

Выводы. Электоральные практики 1920-х – первой половины 1930-х гг. складывались под воздействием множества политических, экономических и социальных факторов, большевики при их реализации стремились к сохранению политической монополии, но при этом для удержания власти, были вынуждены предпринимать действия, направленные на легитимизацию режима. Стандарты безальтернативных выборов, сложившиеся в период активной борьбы большевиков с оппозиционными партиями, и высокая степень солидарности руководства правящей партии в вопросе сохранения политической монополии стали определяющими для реализации советских

[1924] Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия … С. 5–17.

электоральных практик. Несмотря на запрос различных групп населения на демократизацию советской избирательной системы, нашедшей отражение в снижении поддержки правящей партии и кризисе легитимизации режима 1924/25 г., максимальным расширением политической демократии, на которую решилось руководство страны на пике нэпа стало ослабление партийно-государственного давления и введение ограниченной альтернативности с кандидатами, выдвинутыми населением. Краткое тактическое отступление, обусловленное внутрипартийной борьбой и кризисом легитимизации режима, расширило поддержку населения режима, но четко обозначило пределы политической демократии 1920-х гг. – правящая партия оказалась не готова к любым отступлениям от однопартийной диктатуры.

Укрепление режима привело к разрушению хрупкого баланса, достигнутого между обществом и властью на выборах второй половины 1920-х гг. Столкнувшись с очередным кризисом легитимации в конце 1920-х гг., власть отреагировала на него совершенно иным образом, чем в 1924 г., вернувшись к жестким административным практикам и подавлению любых проявлений альтернативности, подготовив введение выборов плебисцитарного типа в 1936 г., ставших стандартом советских выборов на последующие пять десятилетий.

Интерпретация сложившихся электоральных практик в рамках методологии Р. К. Мертона позволяет сформулировать несколько выводов[1925]. Наблюдения дают возможность ответить на два блока вопросов: 1) какие причины, обстоятельства и действия оказывали влияние на формирование электоральных практик? 2) каков был результат действия разнородных причин и социальный действий, которые Мертон называет «непреднамеренные последствия» и насколько сложившиеся электоральные практики отличались от запланированных действий, предусмотренных государством в нормативных актах?

Причины действий организаторов выборов при формировании электоральных практик в большинстве случаев имели схожий характер. Низкий уровень компетентности местных партийных и советских работников приводил к многочисленным ошибкам по незнанию и непониманию применения бесконечно меняющихся избирательных норм в различных институтах – от неправильного определения круга избирателей, норм представительства различных социальных групп,

[1925] Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия … С. 5–17.

неудобного размещения участков для голосования в городе и деревне, непонимания принципов и методики заполнения избирательных форм, незнания процедур при проведении избирательных собраний. Помимо ошибок по незнанию допускались и вполне сознательные искажения – дискриминация самых слабых и беззащитных граждан при определении круга избирателей, сознательная фальсификация отчетных данных, отказ от проведения выборов по территориальному принципу в части городов, предоставление дополнительного преимущества в нормах представительства рабочим и красноармейцам, административное давление на избирателей при голосовании, запрет на выдвижение альтернативных списков и кандидатов.

Причинами подобных действий стало стремление решить сиюминутные интересы организаторов выборов (в первую очередь, желание продемонстрировать успешно выполненные показатели и директивы от вышестоящих органов, сохранить свою должность) и «комбедовский» радикальный настрой местных партийных и советских работников, ставший основополагающей частью мировоззрения (который можно интерпретировать как базовые ценности в концепции Мертона), приводивший к произволу, вседозволенности и широкой дискреции действий в рамках избирательного процесса.

Какие последствия имели сложившиеся электоральные практики? Основным «непреднамеренным последствием» в начале 1920-х гг. стала угроза утраты властью поддержки населения и кризис легитимации режима. Организаторы выборов, использовавшие жесткие административные методы давления на избирателей, насаждавшие партийную монополию, ограничивавшие круг избирателей и отказывавшие в представительстве значительной части горожан, стремились к удержанию власти, а не к ее утрате и были уверены в правильности своих действий. Именно поэтому принятое решение о массовой кассации выборов в конце 1924 года было воспринято крайне болезненно местными партийными и советскими работниками. Массовую отмену выборов можно рассматривать как механизм восстановления легитимности режима. В последующие избирательные кампании даже с учетом смены политического курса, организаторы выборов были вынуждены учитывать опасность имитационной поддержки и расширять возможности для более широкого участия населения на выборах (от технических до содержательных).

Анализ показал и другие «непреднамеренные последствия» в рамках реализации различных электоральных практик. В наибольшей мере выделялись последствия реализации института лишения избирательных прав и учета избирателей. Главным незапланированным последствием стало превращение лишения избирательных прав из меры ограничения политических прав в мощный инструмент социальной трансформации послереволюционного общества, важным фактором социально-экономических, демографических и миграционных процессов. Отсутствие систематического и качественного учета избирателей и ответственного заполнения избирательных форм привело к низкой достоверности советской избирательной статистики и показателей о системе управления и как следствие принятию ошибочных решений в различных сферах, основанных на этих показателях.

ГЛАВА 4.
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВЕТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

4.1. Электоральное поведение горожан

Численность и структура «организованных в профсоюзы» избирателей. Несмотря на немногочисленность городского населения в РСФСР (по переписи 1926 г. – 17,4 мил чел., около 18 %)[1926], исход выборов в городские Советы был чрезвычайно важным для большевиков, позиционировавших себя как партию «авангарда пролетариата». Как отмечалось выше, проблема определения социальной структуры городского населения стала неотъемлемой частью внутрипартийных дискуссий, аргументом для проведения политических реформ и «чисток» государственного аппарата на протяжении 1920-х гг. Отнесение того или иного слоя населения к «пролетариату», «полупролетариату» или «буржуазии», было принципиально для власти при формировании Советов и определения маркеров «социально близких» и «социально чуждых», границы которых были чрезвычайно подвижными на протяжении 1920-х гг. Исследователи неоднократно отмечали, что теоретические марксистские схемы о социалистическом обществе не соответствовали реалиям послереволюционного общества[1927].

Переписи городского населения 1923 и 1926 гг. показали, что социальный состав советских городов был далек от схематических представлений, и включал большое количество трудно идентифицируемых социальных групп с точки зрения марксистской теории – промежуточных между пролетариатом и мелкобуржуазными слоями. Переписи, проведенные в 1920-е гг., позволяют определить социальную структуру городского населения следующим образом: в 1923 г. число рабочих в РСФСР составляло 1 693 874 чел. (26 %), в 1926 г. – 2 330 950 чел. (29,5 %); служащих – 1 711 704 (26,2 %), в 1926 г. – 2 168 473 (27,5 %). Хозяев всех категорий с помогающими

[1926] Всесоюзная перепись населения: краткие сводки: в 10 т. М., 1927–1929. Вып. 3. Население СССР. М., 1927. С. 2–3.

[1927] Воробьев С. В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920-е–1930-е годы: практика против теории // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 506–515; Соколов А. К. Политическая система и нэп // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 54-60; Федоров А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920-х гг. (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. Т.8. № 1. С. 69–86; Жиромская В. Б. Советский город: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 29–30, 34.

членами семей (с наемными рабочими, не нанимающих работников и работающих индивидуально) в 1923 было 1 272 244 (19,5 %), в 1926 г. 1 706 232 (21,5 %). Довольно значительные группы горожан были учтены как безработные (в 1923 г. – 688 331 (10,6 %) и в 1926 г. – 656 521 (8,3 %) и иждивенцы государственных и общественных учреждений (в 1923 г. – 589 473 (9 %), в 1926 г. – 816 152 (10,3 %)). Также весьма значительной была группа, не пожелавшая указать источники своего существования (в 1923 г. – 408 262 (6,3 %), в 1926 г. – 47 526 (0,6 %))[1928].

Таким образом, в 1920-е гг. правящая партия могла отнести к пролетарским «социально близким» слоям не более трети горожан. Но и применительно к рабочим велись внутрипартийные дискуссии об идентификации «настоящего пролетариата» - авангарда социалистического переустройства, обладавшего «революционным» сознанием, на который партия могла опереться[1929]. Не вдаваясь в подробности дискуссии о соотношении различных групп в структуре дореволюционного пролетариата[1930], отметим актуальность этих оценок и применительно к 1920-м годам, большевики, постоянно проводившие переписи и обследования рабочего класса в 1920-е гг., хотели понимать какие слои являлись безусловной опорой режима и могли выступить основой построения социалистического общества. Советские статистики относили к «ядру» пролетариата около трети рабочих[1931].

Оценки советских статистиков по большей части совпадают с оценками современных исследователей. Так, А. Н. Федоров, выделяя в качестве основного критерия отнесения к рабочему классу «устойчивость сферы применения профессиональных навыков и в частности, постоянную занятость на промышленных предприятиях»[1932], и не учитывая другие признаки, такие как «квалификацию труда, потомственность происхождения, степень ассимиляции в городскую культуру, уровень

[1928] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924-1925. Т. 20. Вып. 4. Ч. 2. С. 46–47; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924-1925. Т. 20. Вып. 1. Ч. 3. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 26. С. 120–160, 162; Всесоюзная перепись населения: краткие сводки в 10 т. М., 1927–1929. Вып. 3. Население СССР. М., 1927. С. 18–35.

[1929] Федоров А. Н. Указ. соч. С. 77–79.

[1930] Суханов Н. Н. К характеристике российского пролетариата // Современник. 1913. № 4. С. 320–328; Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; Изменения социальной структуры советского общества (Окт. 1917–1920 гг.) М., 1976; Поляков Ю. А. Население советской страны после окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции. М., 1987; Rosenberg W. G. Problems of social welfare and everyday life // Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 633–644.

[1931] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 504. Л. 88.

[1932] Федоров А. Н. Указ. соч. С. 78.

сознательности[1933], относит к ядру пролетариата Центрального Промышленного района около 35 % рабочих, остальные сохранили тесные связи с деревней (являлись отходниками, либо покидали город и выполняли часть сельскохозяйственных работ)[1934]. В. Б. Жиромская, не используя понятия «ядра» пролетариата, исходит из результатов переписей 1923 и 1926 гг. выделяет категорию «квалифицированных рабочих» на крупных предприятиях, относит к ней около 35–40 % рабочих[1935]. Рабочим – вчерашним крестьянам, сохранявшим, по выражению В. М. Молотова «мелкобуржуазную психологию», приписывалось «обывательско-мещанское» поведение в т.ч. и на выборах, чем определялось снисходительное отношение большевиков и необходимость усиленной агитационной работы[1936].

Еще более непростая ситуация была с категорией «служащих», чрезвычайно разнородной группой, определяемой в советской статистике как «лица, умственного труда, наемные работники, занимавшиеся физическим трудом, работа которых не была связана с производством или транспортированием материальных ценностей»[1937]. В переписи категория «служащих» включала старший, средний и младший персонал, под старшим персоналом понимались «служащие, занятые высококвалифицированным умственным трудом во всех отраслях хозяйства – на производстве, в здравоохранении, просвещении, управлении», которых можно отнести собственно к интеллигенции[1938]. Статистика учитывала две группы интеллигенции: служащих в составе госаппарата и лиц свободных профессий, совокупно они не превышали 6 % городского населения РСФСР [1939]. Помимо интеллигенции Л. К. Каримова в группе «служащих» выделяет «лиц, выполняющих административно-хозяйственные и управленческие функции (торговые и конторские работники), госслужащих – занимавших за вознаграждение должность в государственных органах, учреждениях и организациях»[1940]. В. Б. Жиромская отмечает, что основная масса служащих работала в государственных

[1933] Гапоненко Л. С. Указ. соч. С. 29.

[1934] Федоров А. Н. Указ. соч. С. 79.

[1935] Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг. … С. 108–110.

[1936] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 18.

[1937] Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928–1930. 56 т. Т. 9: Российская Социалистическая Федеративная Республика. С. 7.

[1938] Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М., 2019. С.130.

[1939] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924-1925. Т. 20. Вып. 1. Ч. 2. С. 46–47; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924-1925. Т. 20. Вып. 4. Ч. 2. С. 26–31; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924-1925. Т. 20. Вып. 1. Ч. 3. С. 328–330

[1940] Каримова Л. К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е г. (социально-демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 16.

учреждениях, фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности, торговле, на железнодорожном транспорте, местном транспорте и строительстве, при этом среди «служащих» преобладали сотрудники госучреждений, составляя в 1923 г. 48,2 %, в 1926 г. удельный вес сократился до 42 %[1941].

Практически ко всем социальным группам, входившим в состав «служащих» у правящей партии, было крайне настороженное отношение. Изучение отношений власти и интеллигенции имеет богатую историографическую традицию[1942], в нашем случае она не является предметом специального интереса, отметим лишь, что преимущественно это отношение колебалось от враждебного до настороженного[1943], в интеллигенции не видели основы для построения нового общества, рассматривая ее как часть «эксплуататорских классов», навыки которой были временно необходимы для строительства социалистического хозяйства[1944].

Острая нехватка высококвалифицированных специалистов (из числа «спецов» или «буржуазных специалистов») вынуждала власть использовать их навыки, улучшая условия их жизни, ограничивая «чистки» и репрессии[1945]. Еще более сложным было отношение к сотрудникам советского аппарата – советской «бюрократии», формировавшейся преимущественно из дореволюционных мелких служащих предприятий и учреждений, не имевших высокой квалификации, эти слои подвергались остракизму в советской печати. Исключением стала группа советских служащих – выдвиженцев из рабочих, красноармейцев, членов партии, пришедших на руководящие должности и активно пополняющаяся на протяжении 1920-х гг.

[1941] Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг. … С. 141.

[1942] Например, Соскин В. Л., Красильников С. А. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917–лето 1918). Новосибирск, 1985; Красильников С. А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917- середине 1930-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995; Власть и интеллигенция в сибирской провинции, конец 1919–1925 гг. / сост. С. А. Красильников, Т. Н. Осташко, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 1996; Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Известия Уральского государственного университета.1998. №8. С. 84; Главацкий М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды. Екатеринбург, 2003; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; Квакин А. В. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921–1927; Саратов, 1991; Квакин А. В. Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917–1927 гг.) // Интеллигенция и мир. 2008. № 4; Burbank J. Intelligensia and revolution: Russian views of bolshevism, 1917–1922. N. Y.; Oxford, 1986; Esseyes on revolutionary culture and stalinism. Columbus, 1990; Пропп О. В. Еще раз о конформизме интеллигенции // Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004.

[1943] Зиновьев Г. Трудящаяся интеллигенция и советская власть // Интеллигенция и советская власть: сб. статей М., 1919. С. 40; Радек К. Интеллигенция и советская власть // Там же. С. 51.

[1944] Золотарев О. В. Интеллигенция Советской России в нэповские годы // Интеллигенция и мир. 2011. №4. С. 32.

[1945] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 166–199.

Как соотносилась сложная структура городского населения послереволюционного периода с электоральным корпусом, и что последний представлял в РСФСР в рассматриваемый период? Соотношение это было нелинейным, поскольку в статистике и электоральной статистике использовались разные показатели и группы.

Городские избиратели делились властью на «организованных» и «не организованных» в трудовые коллективы. К числу «организованных» в коллективы относились рабочие и служащие, состоявшие в профсоюзах, и красноармейцы. Для них собрания проводились по месту работы или службы. В статистических сборниках группы именовались «организованные в профсоюзы» и «не организованные в профсоюзы» избиратели.

Попытка оценить численность различных групп избирателей в первой половине 1920-х гг. серьезно осложняется низким качеством избирательной статистики и особенностями учета избирателей, о чем шла речь в предыдущих главах (проблемы с учетом избирателей и реализацией полномочий НКВД и ВЦИК). Дефектность статистики касается как отсутствия сведений о выборах в значительной части городов, недоучета различных категорий избирателей и постоянные изменения в показателях, что лишает возможности их корректного сравнения. Как отмечалось выше (в параграфах о проблемах с учетом избирателей и деятельности НКВД в первой половине 1920-х гг.), в начале 1920-х гг. многие города игнорировали указания центральных и высших советских органов и не предоставляли сведения об итогах выборов. Напомним, что данные по выборам в горсоветы представили в НКВД в 1920 г. 122 города и поселка городского типа, в 1921 г. – 150, в 1922 г. – 94, в 1923 г. – 212, в 1924 г. – 305[1946]. Ситуация принципиально изменилась только в середине 1920-х гг., когда качеству учета данных на выборах стало уделяться больше внимания, сведения представлялись по большинству существовавших в то время городов, в кампанию 1925/26 г. данные учтены по 365 городам, в 1926/27 г. – 584, 1928/29 г. – 709, 1930/31 г. – 659 городам[1947].

Электоральная статистика 1920-х гг. показывает существенные колебания различных групп избирателей. По данным Наркомата внутренних дел, «не организованные в профсоюзы» избиратели в городах в 1920 г. составляли 3,9 %, в

[1946] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 1.

[1947] Там же. С. 2.

1921 г. – 16,3 %, в 1922 г. – 10,9 %, в 1923 г. – 42,5 %, в 1924 г. – 44,2 %[1948]. В последующие избирательные кампании второй половины 1920-х гг. показатели численности «не организованных в профсоюзы» избирателей стабилизируются на уровне 42–44 %[1949]. Аналогичные процессы наблюдались и в динамике «организованных в профсоюзы» избирателей и красноармейцев. В 1920 г. членов профсоюза среди избирателей насчитывалось – 59 %, в 1921 г. – 70,1 %, 1922 г. – 72,3 %, в 1923 г. – 51,9 %, 1924 г. – 51,9 %, в 1926 г. – 50,8 %. Численность красноармейцев в городском электоральном корпусе снизилась с 37,1 % в 1920 г. до 3,9 % в 1929 г. Во второй половине 1920-х гг. численность основных групп избирателей стабилизируется, что отражало и относительную стабилизацию электоральных показателей и подходов к организации избирательных кампаний. Данные общероссийской статистики подтверждаются и анализом первоначальных данных выборов в горсоветы, поступавших в НКВД в первой половине 1920-х гг.

В 1930 г. происходит смена показателей, власти пытались показать рост «организованных» избирателей, в итоге, в группу стали учитываться учащиеся (ранее учитывались в группу «не организованных в профсоюзы») и красноармейцы (ранее выделялись в отдельную группу), включение этих групп позволило показать рост «организованных» избирателей до 61,8 % и сокращение непролетарских слоев[1950]. В кампанию 1934/35 г. в статистических сборниках отсутствуют сведения об электоральном корпусе, только о составе Советов и съездов различных уровней[1951].

Таблица 4.1

Структура городских избирателей в 1920–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Категории избирателей		
	члены профсоюзов	«не организованные в профсоюзы»	красноармейцы
1920	59,0	3,9	37,1
1921	70,1	16,3	13,6
1922	72,3	10,9	16,8
1923	51,9	42,5	5,6
1924/25	51,3	44,2	4,5
1925/26	50,8	44,4	4,8
1926/27	53,4	42,5	4,1

[1948] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 41.
[1949] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 44.
[1950] Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. М., 1931. С. 16–19.
[1951] Выборы в Советы в Союзе СССР 1934–1935 гг. М., 1935.

1928/29	51	45,1	3,9
1930/31	61,8	38,2	–

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI Всероссийскому съезду Советов РСФСР. М., 1924. С. 13–19; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 41; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 86–87; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930/31 г.: стат. сб. М., 1931. С. 16–19.

В таблице 4.1. отражены основные тенденции динамики советского электорального корпуса городов 1920-х гг.: 1) кратное уменьшение группы «красноармейцев» в первой половине 1920-х гг.; 2) рост численности группы «не организованных в профсоюзы» избирателей во второй половине 1920-х гг. Снижение доли красноармейцев в электоральном корпусе стало закономерным следствием прошедшей демобилизацией после окончания Гражданской войны, увеличение «неорганизованных» избирателей обусловлено двумя основными причинами, которые обсуждались выше: организационными – до 1925 г. собрания не проводились, эти слои во многих городах автоматически исключались из состава избирательного корпуса, повсеместное проведение избирательных собраний для «не организованных в профсоюзы» избирателей произошло только после отмены выборов 1924 г., и техническими – плохо налаженным учетом избирателей[1952]. В 1930-е гг. можно отметить тенденцию роста «организованных» в коллективы избирателей за счет включения учащихся и красноармейцев, ранее учитывавшихся в других категориях, а также реального увеличения рабочих на новых предприятиях и снижения числа неработающих женщин (домохозяек).

Электоральная статистика четко фиксирует зависимость соотношения различных групп избирателей от типа города: чем крупнее город, тем больше группа «организованных в профсоюзы» избирателей и красноармейцев. В 1925/26 г. в небольших провинциальных городах до 5 тыс. жителей, членов профсоюзов насчитывалось только 40,8 %, красноармейцев – 2,7 %, а «не организованных в профсоюзы» избирателей – 56,5 %, в городах с численностью более 50 тысяч жителей –

[1952] ГАРФ. Ф.Р.- 393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 23–25.

ситуация была прямо противоположная: членов профсоюзов – 51,6 %, красноармейцев – 6,0 % и «не организованных в профсоюзы» – 42,4 %[1953] (подробнее в таблице 4.2.).

При этом, в РСФСР преобладали небольшие по численности города до 20 тысяч жителей: до 5 тыс. жителей – 136 (25,3 %), от 5 до 10 тыс. жителей – 156 (29,0 %), от 10 до 20 тыс. жителей – 135 (25,1 %), от 20 до 50 тыс. жителей – 60 % (11,1 %), от 50 до 100 тыс. жителей – 38 (7,1 %), свыше 100 тыс. жителей – 13 (2,4 %)[1954]. Такая структура городов заведомо создавала проблемы большевикам для избрания лояльных власти Советов с преобладанием рабочих в небольших городах с преобладанием непролетарского населения.

Таблица 4.2

Структура избирателей по группам городов в избирательную кампанию 1925/26 г., %

Группы городов	Группы избирателей			
	члены профсоюзы	«не организованные в профсоюзы»	красноармейцы	итого
До 5 тыс. жителей	40,8	56,5	2,7	100
От 5 до 10 тыс. жителей	46,4	50,0	3,6	100
От 10 до 20 тыс. жителей	52,1	44,7	3,2	100
От 20 до 50 тыс. жителей	51,9	43,6	4,5	100
Свыше 50 тыс. жителей	51,6	42,4	6,0	100
По всем городам	50,8	44,4	4,8	100

Источник: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 42.

Как выглядела численность и структура «организованных» по коллективам избирателей? Начиная с кампании 1924 г., происходит стабилизация структуры электорального корпуса, доли «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей оставались практически неизменными. Во второй половине 1920-х гг.

[1953] Подробно состав избирателей по различным типам городов разрабатывался только в статистике кампании 1925/26 гг., в последующие кампании учитывалось только участие избирателей в различных типах городов

[1954] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 39.

«организованные» избиратели составляли в городском электоральном корпусе немногим более половины (от 51 до 53 % – члены профсоюзов и от 3,9 до 4,5 % – красноармейцы), в абсолютных показателях численность этой группы составляла: в 1925/26 г. – 2 048 662 чел., 1926/27 г. – 4 634 463 чел., в 1928/29 г. – 5 060 726 чел. Изменение численности избирателей был не связан с реальными изменениями, а обусловлен улучшением качества статистики: в 1925/26 г. данные учитывались по 330 городам, в 1926/27 г. – 584 городам, в 1928/29 г. – 709 городам.

Развернутое представление о структуре «организованных» избирателей дает электоральная статистика второй половины 1920-х гг., при небольших колебаниях численности членов профсоюзов, относительные показатели различных групп оставались стабильными (см. табл. 4.3.). Так, в кампанию 1925/26 г. доля красноармейцев составляла – 7,8 %, членов профсоюзов – 92,2 %, в 1926/27 г. – красноармейцев – 6,9 %, членов профсоюзов – 93,1 %, в 1928/29 г. – красноармейцев – 7,1 %, членов профсоюзов – 92,9 %. Доли избирателей в профсоюзах также оставались стабильными во второй половине 1920-х гг., наиболее крупными были: Текстильщики (12,3 %), Металлисты (12 %), Совторгслужащие (10,4 %), Железнодорожники (9,3 %), Строители (5,6 %), Работники просвещения (4,1 %), Всемедикосантруд (4,7 %)[1955].

Выборная статистика второй половины 1920-х гг. также содержит сведения о соотношении рабочих и служащих в электоральном корпусе[1956]: в кампанию 1926/27 г. рабочих насчитывалось 2 701 346 (62,7 %); служащих – 1 610 385 (37,3 %), в 1928/29 г. рабочих – 3 070 910 (65,3 %); служащих – 1 631 637 (34,7 %)[1957]. Наибольшее число служащих было среди членов профсоюзов Совторгслужащих (92 %), Работников просвещения (91,7), Работников искусства (82,3 %) и Всемедикосантруд (79,2 %), в остальных профсоюзах число служащих колебалось от 5,7 % до 22 %, наименьшее число служащих было в профсоюзах: Текстильщиков – 5,7 %, Швейников – 9,6 %, Кожевников – 10,5 %, Деревообделочников – 14,3 %, Химиков – 14,4 %, Горнорабочих – 14,6 % и Металлистов – 15 %[1958]. Как отмечалось выше, для большевиков более принципиальным было соотношение рабочих и служащих в составах горсоветов, наряду с этим, очевидно, что избрание депутатов горсоветов происходило из числа участников

[1955] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 44–53.

[1956] Статистические сборники до 1926 г. содержат сведения только о соотношении рабочих и служащих в составах городских Советов

[1957] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 47–49.

[1958] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 47–49.

избирательных собраний производственных коллективов и для организаторов выборов важно понимать особенности электорального контингента.

Таблица 4.3

Структура «организованных в профсоюзы» избирателей и красноармейцев в городах РСФСР в 1926–1929 гг.

Категория избирателей	Кампания 1926/27 г.		Кампания 1928/29 г.	
	численность	доля среди «организованных» избирателей (%)	численность	доля среди «организованных» избирателей (%)
Профсоюзы				
Металлисты	518 285	11,3	609 234	12
Горнорабочие	80 876	1,7	103 512	2
Деревообделочники	74 415	1,6	83 299	1,7
Строители	240 096	5,2	282 571	5,6
Химики	104 699	2,3	132 812	2,6
Кожевники	74 446	1,6	91 276	1,8
Текстильщики	551 534	11,9	622 282	12,3
Швейники	41 116	0,9	64 627	1,3
Печатники	75 025	1,6	83 233	1,6
Бумажники	16 540	0,36	18 582	0,4
Пищевики и сахарники	213 201	4,6	199 166	4
Местный транспорт	83 572	1,8	76 681	1,5
Железнодорожники	505 949	10,9	472 412	9,3
Водники	64 795	1,4	62 417	1,2
Нарсвязь	62 263	1,3	54 627	1,1
Совторгслужащие	572 706	12,4	525 087	10,4
Работники просвещения	234 318	5,1	203 789	4,1
Работники искусств	49 357	1,1	50 770	1
Всемедикосантруд	235 726	5,1	237 726	4,7
Рабземлес	112 935	2,4	129 902	2,6
Нарпит	143 594	3,1	155 363	3
Комхоз	163 634	3,5	155 503	3
Не распределено по профсоюзам	92 649	2	287 676	5,7
Итого членов профсоюзов (включая нераспределенных по профсоюзам)	4 311 731	93,1	4 702 547	92,9
Красноармейцы	322 732	6,9	358 179	7,1
Итого	4 634 463	100	5 060 726	100

Источник: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 48–53.

Возвращаясь к вопросу о соотношении электорального корпуса и структуры городского населения, отметим наличие существенных несоответствий. При сравнении данных переписи 1926 г. с данными статистического сборника кампании 1926/27 г., обнаружились заметные расхождения: число рабочих в электоральном корпусе было завышенным – 2,7 мил (по переписи только 2,3 мил), и напротив, численность служащих была занижена – 1,6 мил (по переписи – 2,1 мил). Проблемы учета различных групп в составе избирателей были существенной проблемой для организаторов выборов, они многократно становились предметом обсуждения на совещаниях[1959]. Наиболее правдоподобными объяснениями является учет части служащих в категории «рабочих», поскольку голосование происходило на едином собрании на предприятии (организаторы выборов были заинтересованы в участии более высокого процента рабочих), какая-то часть служащих указывала себя как рабочих «по происхождению», учет части кустарей, состоявших в профсоюзах или кооперативах как рабочих[1960].

Анализ структуры городских избирателей показывает, что из-за сложности социальной структуры послереволюционного общества, большого числа промежуточных групп, свойственных для традиционного общества, критерии выделения групп советских избирателей слабо соотносились с реальной структурой горожан. Организаторы выборов стремились показать большее число «организованных» избирателей, а среди последних – «рабочих». Еще запутаннее ситуация выглядела с «не организованными в профсоюзы» избирателями. Сложная структура городских избирателей оказывала непосредственное влияние на модели электорального поведения различных групп и взаимоотношения с властью.

Модели электорального поведения рабочих, служащих и красноармейцев. Для «организованных» по трудовым коллективам избирателей были характерны три модели электорального поведения: 1) лояльное к власти поведение (активная поддержка и конформистское поведение); 2) пассивное поведение (абсентеизм); 3) протестное поведение, связанное с активной критикой политики государства, кандидатов,

[1959] Совещание по вопросам советского строительства (январь 1925 г.). М., 1925. С. 37–84; Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). М., 1925. С. 87; Всесоюзное совещание по перевыборам Советов в 1929 г. Извлечения из стенографического отчета (9–11 октября 1928 г.). М., С. 33–36; Итоги работ Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 3; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 138–148; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 10–79; Оп. 106. Д. 239. Л. 73–112.

[1960] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 10–79; Оп. 106. Д. 239. Л. 102–105.

забаллотированием утвержденных списков кандидатов или выраженное в голосовании за оппозицию. Вариативность моделей поведения на выборах не в последнюю очередь определялась политикой государства, сменой целей, форм, агитационных приемов, также отметим, что преобладание разных моделей существенно варьировалось на протяжении рассматриваемого периода.

Наиболее распространенной моделью электорального поведения рабочих, служащих и красноармейцев на большей части рассматриваемого периода стало лояльное к власти поведение, о чем свидетельствуют не только различные отчеты о проведении выборных кампаний, но и электоральная статистика, начиная с кампании 1924 г. явка «организованных в профсоюзы» избирателей превышала 50 %, составив в 1924 г. – 52,2 %, в 1925/26 г. – 56,7 %, в 1926/27 г. – 69,9 %, 1928/29 г. – 80,4 %, 1930/31 г. – 82,8 %. Еще более высокими показателями явки были у красноармейцев: в 1923 г. – 60,1 %, в 1924 г. – 68,7 %, в 1925/26 г. – 69,8 %, в 1926/27 г. – 77,7 %, 1928/29 г. – 81,6 %, 1930/31 г. – 84,7 %.

Эта модель предполагала вариативность поведения избирателей на собраниях: лояльное поведение в форме активной поддержки и конформистского поведения. Электоральное поведение в форме активной поддержки отличалось высокой степенью одобрения действий власти, активном участии как в организации выборов, так и в избирательном собрании, голосовании за заранее утвержденный партийным комитетом список кандидатов, поддержке кандидатов, выдвижении в депутаты и активной работе в Совете, участии в обсуждении наказа городскому Совету и реализации различных инициатив власти. «Активизм» – идеальная для власти модель лояльного поведения преимущественно была характерна для партийных, комсомольских активистов, выдвиженцев, депутатов, в т.ч. занимавшихся организацией и проведением выборов[1961].

Помимо «активизма» лояльное поведение могло выражаться и в лояльной конформистской позиции – явке на избирательное собрание, заслушивании отчетного доклада, голосовании за предложенный партийным комитетом список кандидатов, высказывании предложений в пределах «деловой самокритики», то есть замечаний, не выходящих за границы дозволенных властью хозяйственных и социальных предложений, не переходящих в политическую плоскость, обсуждение наказа

[1961] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 124–127; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 245. Л. 8; Д. 529. Л. 26.

Совету[1962]. Исследование поведения горожан в 1920-е гг. показало, что для пришедших избирателей на выборах, это был самый распространенный вариант поведения, его причинами по мнению А. А. Сухарева стали как искренняя поддержка действующей власти, так и опасения горожан «выразить позицию, альтернативную мнению власти»[1963]. Оппозиционные мнения, выраженные в забаллотировании списков кандидатов, утвержденных партийными органами, подвергалось осуждению и общественному остракизму, особенно в первой половине 1920-х гг., и не все избиратели были готовы к противостоянию с властью и были склонны уступать давлению, голосуя нужным власти образом. В любом из указанных вариантов, лояльное поведение не предполагало выражения протестных форм поведения, связанных с жесткой критикой власти или поддержкой оппозиции.

В зависимости от политической конъюнктуры, текущей политической повестки варьировалось поведение горожан, формы взаимодействия с властью. Выражение лояльного поведения заметно отличалось в разные периоды. Так, в первой половине 1920-х гг. в рамках максимально формализованного избирательного процесса и жесткого подавления любого оппозиционного мнения, лояльное поведение выражалось в единогласной поддержке предложенного списка кандидатов, и любые попытки горожан «голосовать персонально» или «обсудить кандидатов» воспринимались властью как «контрреволюционные вылазки врагов революции»[1964]. Население, воспринимавшее выборы как «государственную повинность» в этот период, само участие в избирательных собраниях рассматривало как выражение лояльности власти[1965]. В свою очередь и представители власти явку рабочих и служащих на избирательное собрание, и поддержку предложенных кандидатов и участие в коротком митинге также воспринимали как выражение лояльного поведения.

Ситуация принципиально изменилась после отмены выборов в декабре 1924 г. и объявления курса «оживления Советов». Разрешенными и даже приветствуемыми вариантами лояльного поведения стало активное обсуждение отчетных докладов, наказов, кандидатов на собраниях, внесение дополнений в утвержденный список кандидатов. В сводках инструкторов ВЦИК, констатировалось «в эту кампанию

[1962] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 130–131; Д. 534. Л. 40–41.

[1963] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского Совета в годы НЭПа // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 3. С. 22.

[1964] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 27; Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 309–314.

[1965] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 457.

(1925 г.) начало меняться отношение рабочих к выборам. Если в прошлом году наблюдались факты формального, пассивного и индифферентного отношения рабочих избирателей к выборам горсоветов или их деятельности, то сейчас мы имеем совершенно обратную картину»[1966].

Выборные собрания стали проходить оживленно, рабочие и служащие активно обсуждали проблемы, высказывали мнения, задавали вопросы, присутствовавшим на собрания представителям власти. На заседании комиссии по изучению активности различных групп городского населения в выборах в горсоветы в 1925/26 г., образованной при Всероссийской центральной избирательной комиссией 15 марта 1926 г. отмечалось: «следует признать, что повсеместно наблюдается высокая активность избирателей по сравнению с прошлым годом, которая выразилась в деловых выступлениях по докладам, в обсуждении выставленных кандидатур, в даче наказов»[1967]. При этом констатировалась меньшая активность служащих по сравнению с рабочими и пассивное поведение основной массы интеллигенции, «молчаливое согласие» с мнением собрания[1968].

Наиболее популярными были вопросы, касавшиеся международной и внутренней политики большевиков, традиционно актуальными оставались бытовые вопросы (обеспечения школами, больницами, строительством дорог, высоких цен на товары, нехватки жилья, благоустройство городов и т.д.)[1969]. В материалах указанной комиссии отмечалось, что «из отдельных вопросов рабочие проявляют интерес к вопросам городского благоустройства, топливным, торговле, местной промышленности, налогам, школьному делу, здравоохранению; активность женщин выражалась в особом интересе к вопросам охраны материнства и младенчества, медицинской помощи, вопросам быта, школьному делу и борьбе с беспризорностью»[1970]. В Саратове и Астрахани инструкторы ВЦИК отмечали, что «каждая часть города отмечала свои нужды, рабочие обращали внимание на то, что работа горсоветов старого состава была слаба, что горсовет по существу являлся голосовальной машиной, а не организацией, которая дает реальные результаты»[1971].

[1966] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 538. Л. 12.
[1967] ГАРФ. Ф.Р.393. Оп. 60. Д. 117. Л. 27.
[1968] Там же. Л. 28.
[1969] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.106. Д. 534. Л. 42–43.
[1970] ГАРФ. Ф.Р.393. Оп. 60. Д. 117. Л. 29.
[1971] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.103. Д. 637. Л. 110.

Наиболее живой отклик у «организованных» избирателей вызывали наказы городским Советам, поскольку в них отражались реальные потребности горожан в благоустройстве городов, строительстве инфраструктуры, дорог, управления городом, здравоохранения и т.д. Организаторы выборов отмечали «ярко выраженный практический характер большинства наказов»[1972]. Рабочие и служащие с готовностью обсуждали и давали наказы городским Советам по благоустройству городов, мощению дорог, обеспечению товарами, местной промышленности, организации дошкольного и школьного образования, учреждений здравоохранения, оплате коммунальных услуг и т.д.[1973]

При этом, местные власти зачастую преувеличивали распространенность активных форм поведения рабочих и служащих на выборах, характер собраний существенно зависел от трудового коллектива, профсоюза, возрастного и гендерного состава избирателей, наличия проблем в городе и т.д. Избирательных собраний, где реализовывались поощряемые властью активные формы по оценке инструкторов ВЦИК, выезжавших в регионы, было не более 10–20 %[1974]. Преобладающей формой лояльного поведения избирателей оставалось конформистское, выражавшееся в голосовании за утвержденные списки без изменений или с небольшими изменениями, умеренная критика в выступлениях, обсуждение практических проблем в наказах.

Электоральное поведение красноармейцев также можно охарактеризовать как лояльное конформистское, при высокой явке красноармейцы голосовали за утвержденный партийными органами список кандидатов. В отчетах об итогах выборов отмечалось, что высокая явка красноармейцев «объясняется общим укладом жизни лиц, находящихся на военной службе, представляя собой компактную массу в повседневной жизни, они и на выборы идут тоже организованно»[1975]. Поведение на избирательных собраниях красноармейцев отличалось высокой степенью лояльности к власти, проходило в форме агитационного митинга. Предвыборная идеологическая «обработка» красноармейцев носила массированный характер, в предвыборный период помимо

[1972] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 60. Д. 150. Л. 23

[1973] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп.60. Д. 117. Л. 29; Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 6–72; Оп. 104. Д. 1068. Л. 2–93; Д. 1069. Л. 17–119; Д. 1099. Л. 35–62; Д. 1111. Л. 192–208; Д. 1148. Л. 118–124; Оп. 106. Д. 239. Л. 122.

[1974] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1072. Л. 5, 9, 26, 37, 59, 62; Оп. 106. Д. 245. Л. 8; Д. 529. Л. 26.

[1975] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 47.

комиссаров (политруков), в воинские части приезжали известные советские и партийные ораторы[1976].

Сводки не фиксировали проблем с избранием утвержденных партийными органами списков кандидатов в воинских частях[1977]. Добавим, что обеспечение явки красноармейцев не требовало особых усилий от власти, она обеспечивалась командованием части, и по сути было принудительной, красноармейцы для власти были самой не проблемной группой городских избирателей. Постоянно передислоцирующимся частям красноармейцев были мало актуальны городские проблемы, большинство кандидатов им также не были известны, поэтому на выборных собраниях красноармейцев утверждались любые списки кандидатов в депутаты практически без обсуждения[1978].

Во второй половине 1920-х гг. стремление к обсуждению кандидатов, отчетов, наказов скорее относилось к проявлению «активизма» в лояльном поведении и зачастую вызывало недовольство у остальных избирателей из-за затягивания собрания. Ситуации, описываемые в отчетах и сводках об активном обсуждении кандидатов, когда «каждая кандидатура подвергалась всестороннему обсуждению, и голосовалась отдельно, на избирательных собраниях происходила борьба вокруг кандидатур от партии и комсомола»[1979], позитивно воспринимались вышестоящими советскими и партийными органами и интерпретировались как ответственное поведение избирателей[1980]. В кампании 1926/27 и 1928/29 г. организаторы выборов старались привлечь к выдвижению и обсуждению кандидатов коллективы рабочих на предприятиях и служащих в организациях [1981]. Такие практики поощрялись властями: в 1929 г. на обувной фабрике в Иркутске «было намечено 20 человек рабочих, которые подверглись обсуждению на собраниях фабзавкома, ячейки, комсомольской и женской организаций, в итоге 6 человек лучших послали в совет»[1982]. Собрания с предварительным обсуждением кандидатов, с оценкой кандидатов собранием и последующим голосованием проводились на предприятиях в Москве, Ленинграде, Новосибирске и

[1976] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 245. Л. 125–128.
[1977] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 98–119; Оп. 104. Д. 23. Л. 327–352.
[1978] Там же.
[1979] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 1а. Д. 155. Л. 89(об).
[1980] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 130; Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 40–47; Д. 30. Л. 8–11; Д. 32. Л. 33–48; Д. 40. Л. 42–94;
[1981] Выбирайте не случайных, а лучших // Власть Советов. 1928. № 52. С. 14–15; ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 32. Л. 33–48; Д. 40. Л. 47–51.
[1982] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 24; Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 40–49; Д. 32. Л. 73–76.

других городах[1983]. «Активизму» противопоставлялось конформистское поведение большинства избирателей и теперь уже оно не являлось наиболее одобряемым вариантом[1984].

Причины преобладания конформистского поведения заключались и в прагматическом подходе большинства рабочих и служащих, при любом исходе голосования, депутатами становились представители рабочих, служащих и красноармейцев от соответствующих предприятий, учреждений или военных частей, включенных в списки для голосования. Электоральная статистика показывает, что «организованным» избирателям не за что было бороться, в списках и так преобладали их представители, которые поддерживались на собраниях (в отличии от «не организованных в профсоюзы» избирателей, которым предлагали в качестве кандидатов рабочих или служащих). Так, избирательные собрания производственных профсоюзов преимущественно выбирали рабочих (87,7 %), небольшое число служащих (11,3 %), избирательные собрания «работников учреждений и предприятий» предпочтение отдавали служащим (72,1 %) и около четверти рабочим (24,5 %), представителей иных слоев населения ни рабочие, ни служащие практически не включали в списки кандидатов[1985]. В сводках Центризбиркома отмечалось, что «рабочие и служащие стремились к выставлению и проведению представителей от своих же групп»[1986]. «Активизм» не имел никакого практического смысла для рабочих и служащих, и скорее являлся формой «выхода пара» в рамках повторных выборов 1925 г. и других избирательных кампаний.

Попытки активизировать участие «организованных» избирателей на выборах в 1930-е гг. с помощью форм массовой работы – соцсоревнований на лучшее проведение выборов, наказов в форме повышенных обязательств, смотровых бригад, митингов-перекличек не увенчались успехом, и привели к прямо противоположному результату – полной потере интереса избирателей к выборам. Как отмечалось в разделе о выдвижении кандидатов, избиратели из-за невозможности проигнорировать избирательные собрания, приходили на них, но вели себя пассивно, предлагали

[1983] Выбирайте не случайных, а лучших … С. 14–15; Самое важное – обсудить кандидатуру // Власть Советов. 1928.№ 52. С. 13; Внимание кандидатурам // Власть Советов. 1929. № 1. С. 3–5;

[1984] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 164. Д. 56. Л. 49. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 161. Л. 7.

[1985] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 25.

[1986] ГАРФ. Ф.А.-5248. Оп. 1. Д. 22. Л. 43; Д. 30. Л. 7.

остановиться на списке, утвержденном партийной ячейкой, ускорить процедуру выдвижения и обсуждения кандидатов.

В ходе проведенных обследований сотрудники ВЦИК отмечали, что «избиратели не желают принимать участие в обсуждении кандидатов, заявляя, что раз партия их рекомендовала, то и нечего тут обсуждать» или «обсуждение кандидатов проходило вяло, избиратели предлагали голосовать предложенный список[1987]. Аналогичным было поведение избирателей и на отчетных собраниях, и при обсуждении наказов. Обсуждение наказов Советам, ранее вызывавшее значительный интерес у горожан, в 1930-е гг. превращается в абсурдную процедуру принятия «повышенных обязательств» в социалистических соревнованиях, вызывая раздражение избирателей[1988]. Активистские формы электорального поведения стали вызывать раздражение не только у участников избирательных собраний, но даже у организаторов. Профсоюзы и общественные организации игнорировали указания об активизации участия в избирательных и отчетных кампаниях, профкомы вместо помощи, препятствовали проведению различных выборных мероприятий и отчетов в своих помещениях[1989].

Несмотря на усилия властей во второй половине 1920-х гг. и 1930-е гг. активный тип лояльного поведения не нашел широкого распространения, поскольку реализация различных инициатив требовала значительных временных затрат, и трудовые коллективы редко соглашались на многочасовые избирательные собрания, не видя в этом никакого практического смысла. Формализация избирательного процесса в 1930-е гг. привела к окончательной ритуализации «выражения лояльности действующей власти» поведения «организованных» избирателей[1990].

Вторым вариантом электорального поведения «организованных» избирателей стало пассивное поведение, выраженное в форме абсентеизма. Избирательная статистика показывает, что такой вариант поведения был распространенным для членов профсоюзов только в кампании начала 1920-х гг., их явка в 1923 г. составила 39,0 %, в последующие кампании явка этой категории никогда не составляла менее половины избирателей, с каждой кампанией демонстрируя постепенное увеличение, составив в 1924/25 г. – 52,2 %, 1925/26 г. – 56,7 %, 1926/27 г. – 69,9 %, 1928/29 г. – 80,4 %,

[1987] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 15 Л. 32–36; Д. 7. Л. 19–20; Д. 22. Л. 124–134.
[1988] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 258.
[1989] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 265. Л. 8–21.
[1990] Гусев А. В. Выборы в Московский Совет в 1918-1939 // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг. Материалы научно-практической конференции. 2019. С. 151.

1930/31 г. – 82,8 %. Для каких категорий «организованных» избирателей был характерен более высокий уровень абсентеизма? Избирательная статистика демонстрирует несколько тенденций: более высокий уровень абсентеизма служащих по сравнению с рабочими; различие в активности членов профсоюзов; более высокую активность всех групп «организованных» по коллективам избирателей в крупных городах; наименьший уровень абсентеизма демонстрировали красноармейцы.

Более высокая явка рабочих по сравнению со служащими подтверждала для власти большую «сознательность» пролетариата и была для организаторов выборов ожидаемой. В 1924/25 г. рабочих явилось на выборы 55,3 %, служащих – 48,2 %, в 1925/26 г. рабочих – 58,6 %, служащих – 53,8 %, 1926/27 г. рабочих – 71,0 %, служащих – 68,1 %, в 1928/29 г. рабочих – 81,5 %, служащих – 78,4 %[1991]. В разрезе профсоюзов более высокий уровень абсентеизма демонстрировали профсоюзы, преимущественно состоявшие из служащих – работников искусства, Медсантруд, Работников просвещения и Совторгслужащих. Так, явка членов профсоюзов работников искусства, Медсантруд, работников просвещения и Совторгслужащих в 1924 г. составила менее половины – 48,2 %, 40,6 %, 48,1 и 48,5 % соответственно[1992]. В тоже время явка членов крупных профсоюзов рабочих – Металлистов, Печатников, Кожевников – 58,2 %, 63,8 %, 56,6 % соответственно[1993]. Разница в семь – десять процентов сохранялась и в другие избирательные кампании между ведущими профсоюзами рабочих и служащих[1994].

Также стабильным оставался более высоким уровень абсентеизма жителей небольших городов, участие членов профсоюзов в 1923 г. в небольших городах (до 10 тыс. жителей) составило лишь 34,1 %, в 1924/25 г. – 53,6 %, в 1925/26 г. – 54,5 %, в 1926/27 г. – 59,7 %, в 1928/29 г. – 74,2 %[1995]. В тоже время явка членов профсоюзов в крупных городах была выше на 10–15 процентов в разные годы: в 1923 г. – 49,4 %, в 1924/25 г. – 58,3 %, в 1925/26 г. – 58,4 %, в 1926/27 г. – 70,9 %, 1928/29 г. – 82,8 %[1996]. Неизменно низким был уровень абсентеизма у красноармейцев, в разные годы явка этой

[1991] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 13–19; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 41; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 86–87.

[1992] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 52.

[1993] Там же. С. 51.

[1994] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 48–56.

[1995] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 27–29; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 10–12.

[1996] Там же.

категории избирателей, была заметно выше членов профсоюзов, составив в 1923 г. – 60,1 %, в 1924/25 г. – 68,7 %, 1925/26 г. – 69,8 %, 1926/27 г. – 77,7 %, 1928/29 г. – 81,6 %, 1930/31 г. – 84,7 %[1997].

Каковы были причины абсентеизма у «организованных» избирателей, чем объяснялись различия в уровне активности избирательного поведения у различных слоев?

Причины абсентеизма горожан неоднократно анализировались в литературе. Если непролетарские слои изначально признавались пережитком царской эпохи, и ответственность за их неучастие в выборах была невысокой у организаторов выборов, то абсентеизму «авангарда революции» уделялось особое внимание. В советской историографии вслед за отчетами советских органов и советской прессой 1920-х гг. акцент делался на организационных и технических проблемах[1998]. Представляется, что высокий уровень абсентеизма «организованных» избирателей в первой половине 1920-х гг. частично объяснялся неудобным временем проведения избирательных собраний (после смены), неприспособленными помещениями, плохим уровнем организации, отсутствием оповещения, затягиванием отчетных и выборных собраний. Проблемы организации собраний детально анализировались как на местах – губисполкомами, так и центральными органами, руководившими выборами, начиная с повторных выборов 1925 г.[1999]

Избирательные комиссии традиционно выделяли проблемы с организацией собраний в профсоюзах строителей, пищевиков, водников, объясняя их рассосредоточенностью мест работы, множеством мелких предприятий, объединявших рабочих, неудобством смен[2000]. В тоже время рабочие и служащие профсоюзов металлистов и печатников более активно принимали участие в избирательных собраниях, поскольку преимущественно трудились на крупных предприятиях, организация собраний для них не представляло проблемы[2001].

[1997] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 13–19; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 41; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 86–87; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. М., 1931. С. 16.

[1998] Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими Советами РСФСР (1926 – 1937). Томск, 1990. С.197; Зайцев П. Организация перевыборов Советов // Власть Советов. 1926. № 51. С. 3–4; Мостовая Е. О вовлечении женщин в избирательную кампанию // Власть Советов. 1926. № 51. С. 19–20;

[1999] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 16. Л. 5, 5(об), 6, 6(об), 7, 17; Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 161. Л. 3–15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 16–23.

[2000] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1090а. Л. 151–154; Оп. 105. Д. 161. Л. 8; Д. 504. Л. 48;

[2001] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1073. Л. 19–25; Д. 1093а. Л. 15–17; Оп. 105. Д. 161. Л. 9; Д. 504. Л. 50–52.

Однако очевидно, что игнорирование участия в выборах помимо организационных, имело и другие причины. В советской историографии повторялся вывод, высказанный еще советскими работниками в 1920-е гг., об обусловленности абсентеизма «малозначимой ролью городских Советов и отсутствием практической деятельности для горожан»[2002]. В современной историографии в качестве основных причин абсентеизма называются политические причины. Н. В. Офицерова рассматривает абсентеизм как распространенную стратегию политической повседневности горожан и связывает его широкое распространение с формированием однопартийной системы и ужесточением политического контроля[2003]. С. А. Папков, А. А. Сухарев и А. В. Гусев высокий уровень абсентеизма горожан также связывают с различными политическими факторами, в первую очередь с формализацией избирательного процесса, монополизации власти большевиками и «превращением политически конкурентных выборов в плебисцитарные»[2004].

Не менее значимой причиной абсентеизма и пассивного поведения на собраниях стало отсутствие интереса к любым политическим и общественным процессам части избирателей, особенно часто такой тип поведения организаторы отмечали у женщин как домохозяек, так и работающих.

Представляется, что причины пассивного поведения и абсентеизма как одного из проявлений были многогранными, и не исключали, а зачастую дополняли друг друга. Согласимся с исследователями, что для части избирателей, основными причинами игнорирования выборов стали политическая монополизация власти большевиками, формализация избирательного процесса, нежелание участвовать в «ритуальных» действиях. И в этом случае, абсентеизм становился формой пассивного протеста против Советской власти, который по весьма емкому определению авторов проекта «Раннесоветского общества как социального проекта» являлся своего рода «внутренней эмиграцией»[2005].

[2002] Андреев В. П., Петрухина М. М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920-1932 гг.). Томск, 1983. С. 96; ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 48. Д. 2. Л. 16.

[2003] Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах второй половины 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 148.

[2004] Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск. 2015. Выпуск 6. С. 135; Гусев А. В. Выборы в Московский Совет … С. 145; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского Совета в годы НЭПа // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 3. С. 21.

[2005] Раннесоветское общество как социальный проект 1917–1930-е гг.: в двух частях. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт.; под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 287.

Такой тип поведения был характерен в первую очередь для непролетарских городских слоев, которые власти обозначали «старым мещанством»[2006]. Отчасти такой тип поведения был характерен и для части служащих советских учреждений и предприятий, критически воспринимавших новую власть. Руководство партии объясняло «мещанско-обывательским» настроем низкую явку «организованных» избирателей в небольших городах[2007]. Однако не стоит преувеличивать масштабы такого рода протеста со стороны советской служащих, большая часть была настроена нейтрально или конформистски по отношению к власти, при усилении психологического давления на избирателей во второй половине 1920-х гг., они не шли на обострение отношений с властью, предпочитали участвовать на избирательном собрании[2008]. В сводках и отчетах фиксировалось апатичное поведение на собраниях служащих и части «несознательных» рабочих, оно не отличалось от «неорганизованных» избирателей[2009].

Оценивая распространенность причин абсентеизма «организованных» по профсоюзам избирателей, полагаем, что доминировали организационные и технические проблемы организации избирательных собраний, а также общие аполитичные настроения части избирателей, отсутствие интереса к политическим мероприятиям. Абсентеизм как форма сознательного протеста был достаточно редкой формой для рабочих и служащих.

Явка на выборы служила своего рода маркером поддержки власти населением, ее легитимации, и потому большевики внимательно ее отслеживали, в кризисные моменты низкий уровень явки становился существенной причиной отмены результатов выборов. Особо значимой власть считала абсентеизм «организованных» избирателей, пытаясь повлиять на уровень поддержки. При анализе электоральных практик отмечалось, что в разные периоды власть различным образом реагировала на абсентеизм избирателей. Если в начале 1920-х гг. при низкой явке, власть и не стремилась привлечь к массовому участию горожан, вполне достаточно было узкого круга лояльных сторонников власти, то политика «оживления Советов» потребовала от организаторов выборов пересмотреть

[2006] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 164. Д. 56. Л. 53.

[2007] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 164. Д. 54. Л. 82–83.

[2008] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1071. Л. 56–61, 112–119, 132–134; Д. 1073. Л. 73–78; Оп.106. Д. 534. Л. 35–36; Д. 550. Л. 381–388; Д. 560. Л. 421–424.

[2009] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1092. Л. 307–312; Д. 1095. Л. 21–27; Оп. 106. Д. 523. Л. 16–17; Д. 529. Л. 278.

подходы, привлечь к участию в выборах широкие слои населения, реализовать идею «управляемой активности» - при максимальной явке населения на выборы, обеспечить лояльные власти составы Советов.

Начиная с кампании 1926/27 г. для преодоления абсентеизма и привлечения на избирательные собрания «организованных» избирателей был задействован широчайший спектр агитационных, организационных и технических методов[2010]. Были найдены оптимальные сроки проведения выборов и помещения для их проведения, определены оптимальные размеры избирательных участков, составы избирательных собраний, руководство предприятий и учреждений отводило специальное время для их проведения, освобождало смены, также найдены способы информирования и агитации как пролетарского, так и непролетарского населения, что позитивно отразилось на явке горожан[2011].

Значимую роль играла и предвыборная агитация, помимо материалов в печати, организаторы привлекали молодых рабочих, комсомольцев для ее проведения, использовали незаурядные приемы массовой работы – факельные шествия, ледовые представления, состязания-маскарады, театральные инсценировки[2012]. С конца 1920-х гг. и особенно в 1930-е гг. оказывалось и психологическое давление, вплоть до остракизма, формировался негативный образ «равнодушного обывателя», в коллективах порицалось игнорирование избирательных собраний[2013]. Рабочие и служащие во избежание попадания в ряды «обывателей» предпочитали принимать участие в отчетных и избирательных собраниях. В целом, рост показателей явки рабочих и служащих во второй половине 1920-х и 1930-е гг. свидетельствовал о действенности механизмов воздействия, предпринимаемых партийными и советскими органами, для преодоления абсентеизма «организованных» избирателей.

Третий вариант модели электорального поведения – протестное поведение, связанное с активной критикой политики государства, кандидатов, забаллотированием

[2010] Полуян Я. О задачах и подготовке к предстоящим перевыборам Советов // Власть Советов. 1928. № 23–24. С. 18–19; Щеблецов. Под знаком советской демократии (о новых формах организационно-массовой работы демократии) // Власть Советов.1928. № 51. С. 6–8.

[2011] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 122; Д. 534. Л. 15–19; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 48–49.

[2012] Перевыборная кампания на местах // Власть Советов.1927. №12. С. 15; Захарова А. Опыт агитационно-разъяснительной работы в перевыборы в 1926/27 г. // Власть Советов.1928. № 4. С. 19–20; Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа // Казанская наука. 2014. № 9. С. 45-46; Письменов В. Н. Из истории организации избирательных кампаний в Курской губернии в 20-е годы прошлого века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 2. С. 223; Андреев В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами … С. 107–110.

[2013] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 664. Л. 21, 29; Д. 667. Л. 7, 13; Оп. 112. Д. 15 Л. 33.

утвержденных списков кандидатов или выраженное в голосовании за оппозицию. Как и в других моделях электорального поведения, протестное поведение в разные периоды приобретало различные формы. В послереволюционный период протестное поведение выражалось в голосовании за оппозицию, после запрета оппозиции, оно выражалось в выступлении с критикой политики государства, кандидатов на избирательных собраниях, забаллотированием утвержденных списков кандидатов, выдвижением альтернативных кандидатов.

Наибольшее число протестного голосования было свойственно непосредственно для послереволюционного периода, при возможности проголосовать за левые оппозиционные партии. Каковы были причины голосования избирателей за оппозицию? Являлось ли голосование за оппозицию выражением устойчивых электоральных предпочтений или аккумуляцией протестных настроений? Представляется, что этот вопрос не имеет однозначного ответа, в силу его слабой историографической изученности. С одной стороны, лидеры меньшевиков и эсеров отмечали, что они имели устойчивые позиции на определенных предприятиях или профсоюзах, которые голосовали за них на выборах (например, за меньшевиков – союзы печатников, железнодорожников).

Одновременно с этим, С. В. Яров, изучавший общественные настроения рабочих, показывает, что на одних и тех же предприятиях Петрограда рабочие голосовали в разные годы за разные партии, поддержка оппозиционных кандидатов и платформ была зачастую связана с выражением социально-экономического протеста, как происходило на предприятиях Петрограда весной 1919, 1920 и особенно 1921 года[2014]. Симпатии рабочих к социалистической оппозиции обуславливались «неприятием правительственного курса» и являлись одной из форм политической критики[2015]. Позиция С. В. Ярова представляется вполне обоснованной, политические партии скорее преувеличивали свое влияние, говорить об устойчивых электоральных предпочтениях отдельных групп населения в годы Гражданской войны достаточно сложно. Для избирателей голосование за оппозицию являлось одной их привычных форм выражения протеста наряду со стачками, забастовками и т.д. В большинстве случаев, голосование

[2014] Яров С. В. Политические настроения горожан // Петроград на переломе эпох. М., 2013. С. 351–382.
[2015] Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014. С. 371.

за оппозицию носило протестный характер, рабочие голосовали против большевиков, нежели за оппозицию.

Причины отсутствия массовых протестов при ликвидации левых оппозиционных партий обсуждались выше и заключались в первую очередь в массированном применении большевиками административных и репрессивных мер в отношении представителей оппозиции и их сторонников, невозможности легального выражения протеста. Пока существовали легальные структуры и возможности для голосования, оппозиционно настроенные избиратели голосовали за оппозицию, при их исчезновении, выбирали из других возможных вариантов. Одним из распространенных вариантов протестного поведения в начале 1920-х гг. стал абсентеизм – сознательное игнорирование выборов, что до определенного момента устраивало большевиков.

Другие варианты протестного поведения на избирательных собраниях в начале 1920-х гг. фиксировались достаточно редко. Протестное поведение после ликвидации оппозиционных партий выражалось в забаллотировании утвержденных списков кандидатов, публично высказываемой критике политики государства, кандидатов, предложении альтернативных списков или кандидатов. В избирательные кампании начала 1920-х гг. такое поведение требовало значительного личного мужества. А. А. Сухарев описывает случай, произошедший на избирательном собрании химиков в Тюмени в 1921 г., на котором «провалили» список, составленный правлением профсоюза и фракцией РКП(б)[2016]. В 1923 г. рабочий «Хлебопродукта» раскритиковал предложенный список кандидатов, и предложил альтернативных кандидатов[2017]. Единичные случаи забаллотирования утвержденных списков кандидатов отмечались и в сводках Наркомата внутренних дел в Москве, Ленинграде, Воронеже, Твери, Омске и других городах[2018].

Избиратели на собраниях высказывали недовольство отсутствием или дороговизной продуктов, товаров первой необходимости, отсутствием благоустройства, высказывали критические замечания к кандидатам, в единичных случаях предлагали выдвинуть кандидатов от рабочего коллектива[2019]. Подобные случаи рассматривались властью в лучшем случае как «проскользнувшая обывательщина», в худшем –

[2016] Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени): дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2015. С. 131.
[2017] Там же. С. 132.
[2018] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 53. Д. 155. Л. 64; Оп. 49, Д. 16. Л. 5, 5(об).
[2019] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 49. Д. 4. Л. 44, Д. 13. Л. 80, Д. 16. Л. 20.

«контрреволюционные вылазки врагов революции»[2020]. При высказываемых замечаниях к списку кандидатов, распространенной реакцией было жестким давлением со стороны партийных органов. Так, в Твери, секретарь ячейки заявил председателю фабзавкома, возмутившемуся слабым списком кандидатов «ячейка предписала и никаких разговоров быть не может» [2021]. Учитывая реакцию власти на подобные инициативы, горожане предпочитали воздерживаться от протестных форм поведения на избирательных собраниях, соглашаясь с навязанными большевиками списками кандидатов.

В рамках реализации политики «оживления Советов» власть стала поощрять активное поведение избирателей на собраниях, однако эта «активизация» нередко выходила за желаемые властью рамки, и приводила к выражению протестов в различных формах – резкой критике власти, конкретных представителей и забаллотированию списков кандидатов. На выборных собраниях второй половины 1920-х гг. рабочие жестко критиковали внутреннюю политику, не принимали нэп, критиковали терпимость к буржуазным элементам, бюрократизм, требовали инвестиций в развитие промышленности, понижения налогов в деревне, критиковали партийных и советских руководителей («забрались наверх, забыли про наши нужды»)[2022].

Особенно резкие критические замечания звучали в адрес местных советских и партийных органов и руководителей, так, на одном из выборных собраний в Туле рабочие заявляли: «горсовет жмет хуже, чем при царе, горсовету платят хорошо, он мягко стеллит, а рабочему жестко спать», в Иваново-Вознесенске рабочие отмечали: «исполкомы, да горкомы живут хорошо, а рабочий как жил в подвале, так и живет, дома строят только ответственным работникам»[2023]. Нередкими были антисемитские и националистические высказывания рабочих, так, только в Москве были зафиксированы «резко антисемитские выступления» на 45 выборных собраниях, рабочие заявляли: «жиды, поляки и латыши забрали портфели и правят нами, а ведь мы раньше с ними боролись»[2024]. Под огонь критики попадал даже основатель советского государства, на одном из выборных собраний в Твери, рабочие говорили: «Ленину памятников понаставили, а жилища не строите»[2025].

[2020] Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города … С. 132.
[2021] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 112.
[2022] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 38–43; Д. 552. Л. 17, 31, 35, 47; Д. 554. Л. 241, 246, 249, 306, 310. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 54, 56, 63, 71.
[2023] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 547. Л. 27; Д. 560. Л. 412.
[2024] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 552. Л. 19, 23, 34, 56.
[2025] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 110.

Особняком стоят протесты партийной оппозиции в городах, в первую очередь последователей Л. Д. Троцкого, рассматривавшие выборы как благодатную среду для проведения своей агитации. По итогам выборов 1928/29 г. власти зафиксировали 60 собраний в Москве, 76 – в Ленинграде, 4 – в Воронеже, 3 – во Владимире, преимущественно собрания проводились на крупных столичных предприятиях[2026]. Ораторы от оппозиции жестко критиковали как внутреннюю, так и внешнюю политику государства, требования носили как общеполитический характер по уничтожению партийной диктатуры, чистке советской бюрократии, отмене нэпа, смене внешнеполитического курса, так и экономических близких участникам собраний – по снижению норм выработки на заводах, улучшению снабжения продуктами и товарами рабочих, увеличения зарплаты для рабочих и пособий по безработице[2027].

Несмотря на мощное противодействие властей, троцкисты на части собраний выступления были поддержаны рабочими, а ораторов включали в списки для голосования, так произошло на заводе «Большевик», вагонных мастерских «Пролетарского завода», на последнем собрании «с большой демагогической речью выступил рабочий Лебедев (член ВКП(б)), на тему о волоките, бюрократизме, нажиме на крестьянство, выступление пользовалось успехом, по постановлению собрания время оратору было дважды продлено»[2028]. При хорошей подготовке представителей партийной оппозиции, организаторам выборов нечего было противопоставить, и они легко проводили как кандидатов, так и наказы, что серьезно беспокоило партийные органы[2029].

Поощряемый властью «активизм» на избирательных собраниях с обсуждением кандидатур, отчетов периодически приобретал протестный характер, рабочие и служащие забаллотировали заранее утвержденные списки или кандидатов партией. Связано это было с выдвижением кандидатов в депутаты, не пользовавшихся популярностью и авторитетом или дискредитировавших себя за пьянство, «моральную неустойчивость», прогулы, отсутствие необходимых качеств для выполнения депутатских обязанностей, игнорирование нужд избирателей и т.д.[2030]. В таких случаях

[2026] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 64–65; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 311. Л. 17–19.
[2027] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 65–67. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 205. Л. 87–92.
[2028] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 67.
[2029] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 68; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 349. Л. 42–44.
[2030] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 349. Л. 31; Оп. 85. Д. 205. Л. 100–102; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 130.

все могло завершиться компромиссом – включением дополнительных кандидатов от собрания и ограничиться критикой, а могло – выражением недоверия избирательной комиссии, избранием собственной комиссии, полной заменой списка кандидата, выдвижения собственного списка кандидатов. Подобные инциденты фиксировались на избирательных собраниях как на крупных, так и небольших предприятиях в Москве, Ленинграде, в отчетах списывались на «несознательность» и «обывательский характер» рабочих. Однако учитывая, что они происходили в т.ч. в профсоюзах металлистов, текстильщиков, считавшихся наиболее «социально близкими» правящей партии, вызывали обеспокоенность партийных органов[2031].

Систематизация протестных настроений «организованных» избирателей по социальным группам представляется весьма проблематичной, источники не дают оснований утверждать, что конкретные социальные группы были настроены более или напротив, менее лояльно. Характер и исход проведения избирательного собрания определялся множеством факторов: уровнем организации и поведения организаторов выборов, списком предложенных кандидатов, наличием местных лидеров, демографическим составом коллектива и т.д. Согласимся с мнением исследователей о значительной вариативности поведения избирателей: «в то время как на собрании одного профсоюза избиратели вели себя пассивно, равнодушно голосовали за предложенных им партией кандидатов, в другом – горячо обсуждали каждого претендента, отклоняли незнакомых им и «навязанных» со стороны»[2032].

В 1930-е гг. протестные формы электорального поведения были крайне редкими, они замещались конформистским поведением. В кампанию 1930/31 г. по инерции на некоторых избирательных собраниях еще звучала острая критика власти, задавались злободневные вопросы представителям власти о насильственной коллективизации, о плохом снабжении городов, о голоде в деревне, об отобранном имуществе «кулаков», неравном положении служащих по сравнению с рабочими, дороговизне и ухудшении качества продуктов и товаров, нерешенности жилищного вопроса, отсутствии больниц, детсадов, яслей, плохом благоустройстве городов и т.д.[2033], в большинстве случаев представители власти расценивали их как «контрреволюционные вылазки» и «кулацкие выступления».

[2031] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 349. Л. 37–39.
[2032] Сухарев А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа … С. 44.
[2033] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 604. Л. 20–31; Д. 636. Л. 57–68; Д. 641. Л. 12, 19, 34, 76–79.

В кампанию 1934/35 г. такие случаи носили и вовсе единичный характер, требовали значительного мужества от избирателей и имели самые негативные последствия не только для избирателей, но и организаторов выборов. Так, выступление на избирательном собрании работницы трубочного цеха Гуреевой на фабрике 1 мая о кандидатах в депутаты: «кого мы выберем в Советы, все – негодяи, а коммунисты – сволочи, их надо расстреливать, потому что у моего отца забрали последние пять мешков картошки, остались голодать старик и двое детей»[2034], было квалифицировано как антисоветское, действия присутствовавшего члена избирательной комиссии были оценены как «пособника кулацким вылазкам»[2035]. Протест выражался и вне собраний, по сообщению информатора: «накануне выборов в Велозаводских бараках на стенах уборных написаны антисоветские лозунги; а на Коломенском участке написан лозунг «Советская власть работать заставляет, а кормить не кормит»[2036].

Обобщая требования «организованных» избирателей, выраженные в выступлениях на собраниях и в наказах, можно констатировать во всех моделях электорального поведения преобладание экономических и социальных требований - благоустройства городов, развития транспортной и социальной инфраструктуры городов, строительства школ, яслей, больниц, жилья, обеспечения доступными продуктами и товарами, предложения по развитию местной промышленности, улучшению на производстве и т.д. Политический блок требований артикулировался только в рамках протестного поведения – озвучивалась критика внутренней политики, неприятие нэпа, нетерпимость к возрождению рыночной экономики, «буржуазных элементов», «обюрокрачивания» аппарата, недостаточно революционная внешняя политика, эту повестка была близка к позиции сторонников Л. Д. Троцкого, и распространена среди части рабочих крупных столичных предприятий. Наряду с этим отметим, что политические требования не выходили за пределы допустимого для власти, и не предполагали выдвижения требований о необходимости свержения большевиков или поддержке другой политической партии, оставаясь в пределах легального поля, и даже в случае поддержки партийной оппозиции, речь шла о корректировке политики. Выдвижение и обсуждение требований

[2034] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 22. Л. 78.
[2035] Там же.
[2036] Там же. Л. 83.

различного характера на избирательных собраниях можно рассматривать как способ «выпускания пара», снятия социального напряжения

Насколько совпадали представления о кандидатах у «организованных» избирателей и власти? В предыдущей главе отмечалось, что для большевиков идеальный образ депутата горсовета – молодой рабочий (работница), грамотный, член партии (комсомолец) или беспартийный, лояльно настроенный, активно поддерживающий инициативы власти, готовый заниматься общественной работой. Этот образ в наибольшей степени совпадал с представлениями рабочих на предприятиях. Включение в списки кандидатов молодых или средних лет рабочих, женщин, членов ВКП(б) или комсомола, проявлявших активность, желательно умевших представлять интересы коллектива не вызывало отторжения. Приоритетное включение молодежи было обусловлено и отсутствием семьи, детей, необходимости решения бытовых проблем, наличием свободного времени[2037]. Электоральная статистика подтверждает это наблюдение: избирательные собрания производственных профсоюзов преимущественно выбирали молодых рабочих (до 29 лет – более 50 %), членов партии или комсомольцев[2038].

Учитывая значительное разнообразие социальных слоев, входивших в категорию «служащих», представления о депутатах горсоветов, разнились как внутри группы и отличались от представлений рабочих. Эта группа избирателей видела своим идеальным представителем молодого или среднего возраста мужчину, сотрудника учреждения, специалиста, со средним или высшим образованием, обладающего достаточным опытом, авторитетом, способного представлять и защищать интересы коллектива. В кампанию 1925/26 г. с наименьшим административным давлением и возможностью свободно выдвигать списки кандидатов от собраний, четко видна тенденция по уменьшению рабочих, молодежи и членов партии среди депутатов. Среди депутатов горсоветов заметно понизилась доля рабочих на 10 %, увеличилась доля депутатов служащих на 5 % и доля представителей непролетарских слоев на 5,7 %, в тоже время заметно сократилось количество членов партии на 10 %, также снизилось

[2037] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1083. Л. 71–78; Д. 1109. Л. 303, 312, 335; Д. 1148. Л. 115, 127.

[2038] Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. … С. 13–19; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 32–41; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 25.

число молодежи до 25 лет, и напротив увеличилось число мужчин среднего и старшего возраста[2039].

Помимо непролетарского населения, вносившего определяющую роль в изменение составов горсоветов и совсем иначе видевшего своих представителей, также ощутима в результатах голосования была и роль служащих. Увеличение числа служащих – мужчин среднего возраста, беспартийных среди депутатов произошло именно благодаря голосованию этой части избирателей. Как и на собраниях рабочих, служащие преимущественно поддерживали представителей своей группы. Избирательные собрания с преобладающим участием служащих отдавали предпочтение кандидатам от служащих[2040]. Представления служащих о кандидатах занимали промежуточное положение между рабочим и непролетарским населением городов, они в меньшей степени, чем рабочие, поддерживали молодежь, членов партии, включая в списки уважаемых и опытных представителей своих коллективов, одновременно с этим они не поддерживали «местнические» настроения непролетарского населения – избирать местных жителей «плательщиков налогов» мелких хозяев, кустарей и т.д.[2041]

Исследование электорального поведения показывает схематичность представлений большевиков о поведении рабочих и служащих. «Организованные в профсоюзы» избиратели, искусственно объединялись властью и не представляли сплоченных, организованных групп, обладавших четко сформулированными интересами, требованиями, представлениями, ценностными установками. Поддержка правящей партии и активность в лояльном поведении властью преувеличивались. Поведение избирателей существенно зависело от политической конъюнктуры, текущей политической и экономической повестки.

Политическая культура советских избирателей находилась на стадии формирования, не имела выраженных устойчивых форм и предпочтений, и зачастую включала разные элементы, поэтому настолько распространенными были переходы от «активизма» к протесту или от абсентеизма к «активизму» и т.д. Доминирующей моделью поведения среди «организованных» избирателей было конформистское лояльное поведение с умеренной поддержкой власти.

[2039] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 32–41.
[2040] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 25.
[2041] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1086. Л. 172, 189; Д. 1095. Л. 31, 112, 117; Д. 1098. Л. 47, 54, 73.

Структура «не организованных в профсоюзы» избирателей. В структуре электорального корпуса помимо «организованных в профсоюзы» и красноармейцев выделялись и «не организованные в профсоюзы» избиратели. Электоральная статистика 1920-х гг. фиксировала значительные колебания этих групп, объясняемые плохим качеством учета, непроведением избирательных собраний для «не организованных в профсоюзы» избирателей в начале 1920-х гг. в части городов[2042]. Начиная с кампании 1924 г. показатели численности «неорганизованных» избирателей стабилизировались и составляли до конца 1920-х гг. – 42–44 %[2043].

Общей тенденцией динамики электорального корпуса «не организованных в профсоюзы» избирателей стало его постепенное увеличение. В кампанию 1924 г. по 305 городам, предоставившим сведения, общее число «неорганизованных» избирателей составило 1 330 805 чел., в кампанию 1925–1926 г. по 365 городам – 1 631 204 чел.[2044] (при этом в статистическом сборнике отмечено, что на 1 мая 1926 г. в РСФСР числилось 538 городов). В кампанию 1926–1927 гг. в 584 городах было учтено 3 297 730 чел., в кампанию 1928–1929 гг. в 705 городах – 4 158 250 чел.[2045] Двукратное увеличение числа «неорганизованных» избирателей руководители статистического отдела ВЦИК (авторы сборника) объясняли: «образованием новых городских поселков, естественным приростом населения и значительно улучшившимся учетом избирателей»[2046].

К «не организованным в профсоюзы» относились разрозненные группы избирателей: кустари, ремесленники, кузнецы, извозчики, крестьяне, домашние хозяйки, до 1926 г. – мелкие торговцы, лица свободных профессий и т. д. Для них избирательные собрания проводились по территориальному принципу, как правило, в помещениях близлежащих школ или клубов.

Особую значимость для исхода выборов в городах имел вопрос о соотношении непролетарской части с другими социальными слоями горожан. Общероссийские данные свидетельствуют о благоприятном для власти соотношении на протяжении 1920-х гг. Однако это соотношение в различных городах было неодинаковым. Статистика показывает выраженную зависимость от общей численности населения: чем крупнее город, тем меньше число «не организованных в профсоюзы» избирателей.

[2042] ГАРФ. Ф.Р.- 393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 23–25.
[2043] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 44.
[2044] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 241, 243.
[2045] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 44–45.
[2046] Там же. С. 8.

Наибольшие проблемы с численностью пролетарского населения были в небольших провинциальных городах с населением до 5 тыс. и от 5 до 10 тыс. чел. «Не организованных в профсоюзы» избирателей в этих городах насчитывалось 56,5 и 50,0 % соответственно, при этом следует учитывать, что в РСФСР в 1920-е гг. преобладали небольшие провинциальные города, которые составляли 54,3 % (292 из 538 городов в 1926 г.). В городах с численностью населения более 10 тыс. «неорганизованных» избирателей было менее половины (44,7 %), в крупных городах с численностью более 50 тыс. – 42,4 %, однако последние составляли лишь 9,5 % от общего числа городов в 1926 г.[2047]

В целом, «не организованные в профсоюзы» избиратели составляли значительный контингент в электоральном корпусе городов в 1920-е гг. независимо от их численности, преобладая в небольших провинциальных городах. В. М. Молотов с пренебрежительной иронией охарактеризовал электоральный корпус «обывательских» городов: «на 20 рабочих – 120 попов»[2048]. Это создавало реальные предпосылки для возникновения проблемы обеспечения пролетарского состава горсоветов. Важное значение для власти имел состав «не организованных в профсоюзы» избирателей. На протяжении 1920-х гг. руководство страны неоднократно вмешивалось в процесс определения круга лиц, обладавших избирательными правами, то расширяя число избирателей от непролетарских слоев населения, то, напротив, резко его сужая. Определение круга избирателей являлось частью общеполитического процесса и внутрипартийных дискуссий 1920-х гг. Сложная социальная идентификация этого населения в контексте марксистской парадигмы позволяла в разных политических ситуациях причислять их то к полупролетарским, то к мелкобуржуазным слоям. Большевики оценивали «неорганизованных» избирателей как пережиток дореволюционного времени, презрительно называя их «мещанским населением» городов[2049]. По сути, это были традиционные слои городского населения, многие из них работали в собственных небольших мастерских, трудились в артелях или, будучи выходцами из крестьян, занимались огородничеством и садоводством и владели собственным жильем в городе (жилье могло сдаваться внаем и выступать дополнительным источником дохода).

[2047] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 8.
[2048] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 41.
[2049] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 42–44.

По мнению советских и партийных работников, эти слои населения обладали «мелкобуржуазной психологией», были несознательными, и являвшиеся пережитком буржуазного или скорее даже феодального общества. Советская пресса зачастую карикатурно изображала эти слои населения как отсталые, полубуржуазные, «прихвостней» нэпманов[2050]. Начиная с кампании 1926–1927 гг. в советской избирательной статистике была детализирована информация о составе «не организованных в профсоюзы» избирателей[2051]. В таблице 4.4. представлена структура «не организованных в профсоюзы» избирателей в кампании 1926–1929 гг.

Таблица 4.4

Структура «не организованных в профсоюзы» избирателей
в городах РСФСР в 1926–1929 гг.

Категория избирателей	Кампания 1926/27 г.		Кампания 1928/29 г.	
	численность	доля среди «не организованных в профсоюзы» избирателей (%)	численность	доля среди «не организованных в профсоюзы» избирателей (%)
Домашние хозяйки	1 714 314	52,7	1 932 590	46,7
Кустари и ремесленники	269 058	8,3	388 139	9,4
Учащиеся	279 681	8,6	320 658	7,7
Крестьяне	191 403	5,9	216 048	5,3
Чернорабочие и батраки	13 974	0,4	5 863	0,1
Инвалиды и пенсионеры	112 977	3,5	240 179	5,8
Безработные	144 465	4,5	344 694	8,3
прочие	265 693	8,2	170 155	4,1
Не распределено по группам	258 189	7,9	523 114	12,6
Итого	3 249 753	100	4 141 350	100

Источник: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 8–17.

Самую массовую группу «не организованных в профсоюзы» избирателей составляли домохозяйки (около 50 %), остальные группы были чрезвычайно разнородными, и ни одна из них не превышала 10 %. Наиболее значительными среди них были группы кустарей, ремесленников и учащихся. Причины, по которым для

[2050] На городском участке классовой борьбы // Власть Советов. 1929. № 14. С. 10.
[2051] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 52.

студентов средних и высших учебных заведений не проводились отдельные избирательные собрания по месту обучения, по аналогии с рабочими или служащими на предприятиях или учреждениях, не до конца очевидны. В 1920-е гг. они учитывались как категория «неорганизованных» избирателей, и участвовали в собраниях совместно с другими горожанами, с кампании 1930 г. для них стали проводить отдельные собрания, соответственно они учитывались как «организованные» избиратели.

Переписи горожан 1923 и 1926 гг. фиксировали наличие в городах многочисленных групп, которые исследователи идентифицируют как «непролетарское население» городов. Наиболее значимой по численности была группа хозяев, она включала: 1) хозяев с наемными рабочими (эта группа насчитывала в РСФСР в 1923 г. – 27 563 чел., в 1926 г. – 56 128 чел.); 2) хозяев, работавших только с членами семьи (в 1923 г. – 263 984 чел., в 1926 г. – 407 403 чел.); 3) хозяев-одиночек (в 1923 г. – 555 919, в 1926 г. – 620 471 чел.)[2052]. Первая группа включала владельцев различных торговых, промышленных предприятий, ремесленных заведений с наемной рабочей силой, подрядчиков строительных работ и т.п. Эту группу власть идентифицировала как нэпманов, и она была крайне немногочисленной, составляя около половины процента в самодеятельном населении советских городов. К предпринимательским слоям также можно отнести часть хозяев, работающих только с членами семьи, занятых в торговле, они владели лавками, трактирами, чайными и т.д. Наиболее многочисленную группу горожан, «живших на нетрудовые доходы», составляли рантье (в переписи, обозначавшиеся как «рантьеры»), они жили за счет сдачи в наем домовладений, составляя 1,3 % населения городов. В целом, В. Б. Жиромская определяет численность предпринимательских групп в 2 % городского населения (всего около 130 тыс. чел. в 1923 г. и 170 тыс. в 1926 г.)[2053].

Таким образом, согласно данным переписи населения 1926 г. в городах проживало 13 % хозяев-одиночек и хозяев, работавших с членами семей или товариществах (в абсолютных цифрах – 1 027 874 чел.), большая часть из них – это кустари и ремесленники, но также и «хозяева, проживающие в черте города или

[2052] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924-1925. Т. 20. Вып. 4. Ч. 2. 1925. С. 18–35; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924-1925. Т. 20. Вып. 1. Ч. 3. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 26. С. 120–160, 162.

[2053] Жиромская В. Б. После революционных бурь … С. 127–135.

пригорода, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом или огородничеством, а также извозным промыслом»[2054].

В электоральной статистике к мелким хозяевам города можно отнести кустарей с ремесленниками и крестьян, составлявших в 1926/27 г. – 460 тыс., в 1928/29 г. – 604 тыс., что существенно разнится с данными переписи (разница составляет около 500 тыс. горожан). Причинами столь значительной разницы стали неоднократно упоминаемые проблемы с идентификацией и учетом всех категорий горожан и наибольшие проблемы с учетом разнородных категорий непролетарского населения, что объясняет и значительные доли категории «прочих» и нераспределенных по группам, составлявших до 16 % городских избирателей.

Центральная избирательная комиссия отмечала разные принципы учета кустарей местными властями и проведения для них избирательных собраний. В части городов кустари, объединенные в кооперативы, артели, общие мастерские принимали участие в собраниях с «организованными» избирателями, в других городах – кустари и ремесленники независимо от формы организации труда, принимали участие в общих собраниях «не организованных в профсоюзы» избирателей[2055]. Отчасти эти сложности объяснялись и процессами развития кустарной промышленности и промыслов в 1920-е гг. – постепенное сокращение удельного веса простейших кооперативных организаций в общем количестве кооперированных кустарей и ремесленников, и рост кустарей, объединенных в общие мастерские, из последних «более 1/3 членов общих мастерских сосредоточивалось на крупных цензовых предприятиях, практически не отличающихся по уровню технической оснащенности и организации труда от государственных фабрик и заводов»[2056]. Можно предположить, что последнюю категорию кустарей преимущественно учитывали как «организованных» избирателей.

Аналогичная ситуация складывалась и с группой безработных, перепись 1926 г. показывала наличие 650 тыс. безработных в РСФСР, а электоральная статистика только 144 тыс.[2057] Остальные безработные учитывались по профсоюзам, в которых состояли и

[2054] Там же. С. 128.

[2055] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 64; Оп. 106. Д. 239. Л. 104.

[2056] Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 46–47.

[2057] Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки в 10 т. М., 1927–1929. Вып. 10. М., 1928. С. 78–80; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 241, 243.

соответственно принимали участие в собраниях для «организованных» избирателей или значились в категориях «прочих» и «не распределенных по группам».

Большая численность групп «прочих» и «не распределенных по группам», составлявших в 1927 г. 523 тыс., в 1929 г. – 693 тыс. связано с очевидными затруднениями местных властей при классификации и идентификации различных групп и определением социального положения горожан.

В целом, «не организованные в профсоюзы» избиратели в 1920-е гг. представляли собой многочисленный и крайне разнородный контингент горожан, последний аспект серьезно осложнял установление и координацию внутригрупповых связей, интересы кустарей, домохозяек, учащихся, безработных, крестьян и инвалидов практически не пересекались.

В кампанию 1930/31 г. в электоральной статистике фиксируется значительное сокращение (на 500 тыс.чел. – более 11 %) «не организованных по профсоюзам» и рост «организованных» избирателей. Как отмечалось выше, это было связано со сменой показателей в электоральной статистке (часть групп «не организованных в профсоюзы» избирателей стали учитываться как «организованные»), также реальными социальными изменениями – увеличения численности рабочих на новых предприятиях, уменьшения числа домохозяек (трудоустройство на предприятия)[2058]. При этом, отсутствуют данные об их структуре, поэтому составить детальное представление об изменениях не представляется возможным. В кампанию 1934/35 г. в статистических сборниках полностью отсутствуют сведения как о структуре, так и о численности электорального корпуса «не организованных в профсоюзы» избирателей.

Электоральные стратегии непролетарских городских слоев на выборах. Вариативность электорального поведения «не организованных в профсоюзы» избирателей предопределялась их разнородным составом. Модели электорального поведения «не организованных в профсоюзы» избирателей были аналогичными с ранее рассмотренными у «организованных» избирателей, но различались степенью распространенности и формами выражения. Анализ источников позволяет выделить три наиболее распространенные модели электорального поведения непролетарского населения городов: пассивное поведение (выраженное в форме абсентеизма); лояльное к власти поведение (конформистское поведение и активная поддержка); протестное

[2058] Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. … С. 17.

поведение, связанное с выдвижением требований и забаллотированием утвержденных партийными комитетами списков кандидатов, а также протестное поведение, выраженное в форме открытых выступлений горожан против власти. Как и в случае с «организованными» избирателями вариативность моделей поведения на выборах не в последнюю очередь определялась сменой политических приоритетов, также отметим, что преобладание разных моделей существенно варьировалось на протяжении рассматриваемого периода.

Наиболее распространенной стратегией городского населения стало пассивное электоральное поведение, выраженное в абсентеизме. При анализе электоральных практик отмечалось, что в первой половине 1920-х гг. явка «не организованных в профсоюзы» избирателей была крайне низкой, в 1923 г. составила 18,7 %, в 1924/25 г. – 24,2 % (с учетом повторных выборов), а в небольших провинциальных городах была символической, составляя не более 5–10 % избирателей. Во второй половине 1920-х гг. явка горожан на выборы увеличилась, но показатели абсентеизма оставались высокими. В 1925/26 г. на выборы явились 37,3 % «неорганизованных» избирателей, в 1926/27 г. – 43,2 %, в 1928/29 г. – 58,5 % и в 1931 г. – рекордные 69,6 %[2059].

Отличались ли причины абсентеизма «организованных» и «неорганизованных» избирателей? При общих организационных и технических проблемах[2060], для непролетарской части горожан, как представляется, большую актуальность имели политические причины. Как отмечалось выше, абсентеизм как распространенная стратегия политической повседневности горожан объясняется современными исследователями монополизацией власти большевиками и ужесточением политического контроля[2061]. Согласимся с исследователями, что для активной части непролетарского населения городов, основными причинами игнорирования выборов стали политическая монополизация власти большевиками, формализация избирательного процесса, непонимание смысла участия в чуждых им органах пролетарской диктатуры. И в этом случае, абсентеизм становился формой пассивного протеста против Советской власти. Такое поведение было массовым среди непролетарского населения в первой половине

[2059] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 8–10; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. … С. 87.

[2060] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 122; Д. 534. Л. 15; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 48–49.

[2061] Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия … С. 148. Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска … С. 135; Гусев А.В. Выборы в Московский Совет … С. 145; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 21.

1920-х гг., и оставалось характерным на протяжении всех 1920-х гг. для жителей небольших провинциальных городов. В Угличе, Владимире, Суздале, Великом Новгороде советские работники постоянно жаловались на социальный состав населения: «неорганизованное население – старое мещанство и чиновничество с уклоном религиозности, безразлично относящееся к выборам»[2062]. Несмотря на меры, принимаемые местными властями, горожане отказывались участвовать в выборах, и советские работники констатировали, что «продолжать до бесконечности созыв избирательных собраний бессмысленно»[2063].

Не менее значимой причиной абсентеизма и пассивного поведения на собраниях стало отсутствие интереса к любым политическим и общественным процессам. В первую очередь это было характерно для женщин-домохозяек, составлявших более половины «неорганизованных» избирателей. Агитационные усилия властей упирались в «политическую апатию», не встречали поддержки или интереса женщин[2064]. Предоставленное большевиками женскому населению избирательное право оказывалось зачастую невостребованным, значимость выборов ими не осознавалась.

Возможности для преодоления абсентеизма «неорганизованных» избирателей, в отличии от рабочих и служащих, у властей были весьма ограничены. Государственные и партийные органы не располагали реальными рычагами воздействия на них, в отличие от работы с красноармейцами или рабочими на заводах. Агитационные усилия и решение организационных проблем весьма ограниченно влияли на преодоление абсентеизма и особенно как формы пассивного протеста. Согласимся с наблюдением А. А. Сухарева, что «несмотря на стремление большевиков охватить своим влиянием и «обывательскую часть» населения (путем организации беспартийных конференций, женских делегатских собраний и другими мерами), в ней в значительной степени сохранялось недоверие к политике, и в частности к участию в выборах»[2065]. Несмотря на недопустимо низкую явку в ряде городов, власти были вынуждены признавать результаты выборов с низкой явкой. ВЦИК утверждал итоги выборов: в 1926 г. в Угличе признали выборы состоявшимися при явке избирателей в 17 %, в Великом Новгороде – 16 %[2066].

[2062] ГАРФ.Ф. Р.-1235. Оп. 104. Д. 1093б. Л. 51, 59, 67, 198; Д. 1081. Л. 8, 11, 34, 37.
[2063] ГАРФ.Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 29
[2064] Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия … С. 149.
[2065] Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 21.
[2066] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 21. Л. 97; Д. 22. Л. 28; Д. 1078. Л. 12, 15; Д. 1081. Л. 17, 91.

В кампании 1930-х гг. усиление давления на избирателей, формирование негативного образа «обывателя» в агитации, оказало определенное влияние на преодоление абсентеизма среди «не организованных в профсоюзы» избирателей, их уровень явки на выборы поднялся на 11 %. При этом, в городах с высокой долей непролетарского населения, принципиально повлиять на ситуацию с явкой не удалось. Так, в городах с низкой долей рабочих в структуре населения явка «неорганизованных» избирателей на собрания увеличилась всего на 4,8 %, что подтверждает тезис об ограниченных возможностях влияния власти на преодоление абсентеизма непролетарского населения, их явка на выборы по-прежнему существенно отставала от рабочих и служащих (около 15 %)[2067].

Второй моделью электорального поведения стало лояльное к власти поведение, которое могло выражаться в конформистской позиции или активной поддержке власти и не предполагало проявления протестных настроений. Напомним, что лояльное поведение в форме активной поддержки, предполагающее высокую степень одобрения действий власти, активное участие в избирательном собрании, голосование за заранее утвержденный партийным комитетом список кандидатов и реализацию различных инициатив власти, не было самым распространенным вариантом даже среди пролетарской части избирателей. На собраниях «не организованных в профсоюзы» избирателей оно практически не фиксировалось, в отчетах и сводках партийных и советских органов середины 1920-х гг. отмечается единственная группа, которая демонстрировала активный вариант лояльного поведения – это часть учащейся молодежи, поддерживающая провластные инициативы[2068].

Конформистский вариант лояльного поведения был доминирующей формой среди «не организованных в профсоюзы» избирателей и предполагал заслушивание отчетного доклада, голосование за предложенный партийным комитетом список кандидатов, высказывание предложений по наказам по хозяйственным и социальным вопросам, не предполагающих политической составляющей[2069]. При отсутствии активной поддержки на собраниях «неорганизованных» избирателей, власти рассматривали пассивный вариант лояльного поведения как вполне желательный, поскольку эти слои были настроены критически к утвержденным партийными

[2067] Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. … С. 17.
[2068] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 124–127.
[2069] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 40–41.

комитетами кандидатам, имели отличающиеся от власти представления о составе Советов, и потому активность редко ограничивалась «деловой самокритикой».

Конформистская позиция была характерна для домохозяек, абсентеизм которых всеми возможными способами стремилась преодолеть власть. Наиболее эффективным было привлечение к участию домохозяек на избирательные собрания через работавших на предприятиях глав семей или сыновей. Но даже в случае явки на избирательные собрания, они вели себя зачастую пассивно, не проявляя интереса к происходившему, как отмечалось в сводках «при молчаливом согласии» или «полном равнодушии обывательского населения»[2070]. По сообщениям информаторов во многих городах поведение женщин было «совершенно пассивным», избирательные собрания проходили формально, избирательницы не проявляли интереса к отчетам и докладам[2071]. Обсуждение отчетов в Москве, Иваново-Вознесенске, Красноярске, Новосибирске в кампанию 1926/27 г. на собраниях «неорганизованных» избирателей прошли спокойно, избиратели не проявили особого интереса к докладам, как отмечалось в отчете информатора ЦК ВКП(б) «домохозяйки остались безучастны к выступлению докладчиков»[2072]. Апатичное, пассивное поведение было широко распространено и среди пожилых людей (пенсионеров, инвалидов), многие из них не понимали смысла происходившего, не интересовались политикой и т. д.

Третьей моделью стало протестное поведение, оно выражалось в выдвижении требований и забаллотировании утвержденных списков кандидатов или в форме открытых выступлений горожан против власти. Первый вариант был значительно более распространенным и реализовывался в тех же формах и временных рамках, что и у «организованных» избирателей. Отдельные упоминания о забаллотировании кандидатов встречаются и в начале 1920-х гг., но скорее как исключение, также на избирательных собраниях звучали и социально-бытовые требования об улучшении снабжения, благоустройстве, однако в этот период любая критика власти воспринималась как

[2070] ГАРФ.Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 31, 36; Д. 1086. Л. 177, 191; Оп. 106. Д. 590. Л. 121, 142; Д. 559. Л. 381, 402, 423;

[2071] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 543. Л. 23, 24, 26, 156; Д. 552. Л. 45, 49; Д. 524. Л. 72, 76, 98; Д. 525. Л. 9, 16, 17.

[2072] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 313. Л. 2–18; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 527. Л. 55.

«контрреволюционные вылазки» и «обывательщина» и были небезопасны для избирателей, осмелившихся на протест[2073].

Массовое проведение избирательных собраний для непролетарской части горожан и поощрение их активности после объявления политики «оживления Советов» изменили характер электоральных практик и сделали протестное поведение значительно более распространенным. В городах Европейской России, значительную часть населения которых составлял непролетарский контингент (Нижний Новгород и Великий Новгород, Углич, Суздаль, Владимир, Весьегонск, Тверь, Ярославль, Рязань, Курск и многие др.), в ходе кампании 1925–1926 г. избиратели восприняли принципы демократизации «слишком буквально» и стали демонстрировать высокую активность на собраниях, выдвигать различные требования, создавать инициативные группы и т. д.[2074] Выборные собрания непролетарского населения проходили не по запланированному властью сценарию. Избиратели не желали слушать огромные многочасовые доклады уполномоченных, депутатов и председателей исполкомов о свершениях советской власти, либо возмущаясь и прерывая докладчиков, либо покидая помещение собрания. Жители городов желали прямой коммуникации с властью, они активно задавали вопросы представителям власти, присутствовавшим на собраниях, выражали свое мнение, принимали участие в обсуждении[2075]. В ряде случаев выступления избирателей выходили за пределы приемлемой для власти критики и перерастали в выраженное протестное поведение.

Распространенной формой проявления протеста стало выдвижение различных требований, не согласованных с властью. Популярными были требования об уравнении в правах кустарей с рабочими, предоставлении налоговых льгот кустарям и ремесленникам, создании отдельных профсоюзов кустарей[2076]. В ряде городов звучали и политические требования. В частности, в Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Угличе, Весьегонске распространенными стали требования независимой организации выборов, неучастие партии большевиков в подготовке выборов и предварительном утверждении списков кандидатов в депутаты[2077]. Хотя наиболее распространенными

[2073] ГАРФ. Ф.Р.-393. Оп. 53. Д. 155. Л. 64; Оп. 49. Д. 16. Л. 5,5 (об). Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 22.

[2074] ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 103. Д. 656. Л. 72–77; Д. 668. Л. 15–21; Д. 669. Л. 57–59.

[2075] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 639. Л. 19–24, 32–44, 69, 84, 117, 119, 145, 149.

[2076] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 19; ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 642. Л. 27, 35, 39.

[2077] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 668. Л. 23; Д. 656. Л. 77–79; Д. 669. Л. 59–60; Оп. 104. Д. 20. Л. 37.

требованиями оставались вполне обыденные, они касались улучшения бытовых условий в городах, строительства школ, яслей, больниц, прачечных, бань, мощения дорог, освещения улиц[2078].

Отказ от голосования за утвержденный местным комитетом партии список кандидатов в депутаты был еще одной распространенной формой протестного поведения. Информаторы ВЦИК сообщали, что «неорганизованное население повсеместно не желало голосовать за списки, предпочитая персональное голосование»[2079]. Представители непролетарских слоев населения настаивали на том, что депутатами могут быть только местные жители – «плательщики налогов», заявляя: «как могут защищать наши интересы члены профсоюзов и пришельцы, когда они сами налогов не платят или же имеют льготы»[2080]. Это мнение жителей Весьегонска, но подобные настроения были характерны и для жителей многих других городов (Великого Новгорода, Минусинска, Барнаула, Калуги и т. д.)[2081].

При обсуждении кандидатов в депутаты на собраниях «не организованных в профсоюзы» избирателей исключались из списков представители пролетариата, ответственные советские и партийные работники. Кустари, ремесленники и домохозяйки выдвигали своих кандидатов и формировали наказы. Так, на выборах в горсовет Новониколаевска (Новосибирска) в октябре 1925 г. произошел настоящий скандал, выступление нэпманов нарушило весь ход заранее спланированного мероприятия. Неожиданное появление новой политической силы повергло в шок большевистских руководителей. Они даже не успели ничего предпринять, чтобы помешать нэпманам. В результате несколько частных торговцев прошли в горсовет Новониколаевский горсовет. В нем депутаты от предпринимателей активно защищали интересы частного капитала[2082].

Несмотря на все агитационные усилия власти во второй половине 1920-х гг. принципиально повлиять на поведение непролетарского населения не удавалось. Как и ранее, «не организованные в профсоюзы» избиратели при обсуждении кандидатов, исключали из списков не только представителей пролетариата, но и ответственных

[2078] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп.103. Д. 645. Л. 15–19; Д. 674. Л. 178–181; Д. 676. Л. 31–33; Д. 721. Л. 30; Сухарев А. А. Участие населения в выборах депутатов … С. 21; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. … С. 115–123.

[2079] ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111; Д. 642. Л. 27, 35, 40, 44, 61.

[2080] ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46.

[2081] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103; Д. 663. Л. 42; Д. 669. Л. 60; Д. 698. Л. 308–311;

[2082] ГАНО. Ф.Р.- 725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26(об)

советских и партийных работников. В Тюмени избиратели на собраниях отклоняли утвержденные списки, предлагая свои кандидатуры, находя поддержку местных руководителей, так один из тюменских руководителей опубликовал материал «Выбирать персонально» в газете «Трудовой набат», в котором автор критиковал единогласное утверждение списка и отсутствие обсуждения кандидатов. В городах Сибирского края повсеместно фиксировались забаллотирования утвержденных кандидатов. В Новосибирске в декабре 1928 г. на выборном собрании «не организованных в профсоюзы» избирателей была забаллотирована кандидатура председателя Сибирского краевого исполнительного комитета Р. И. Эйхе[2083], аналогичные факты фиксировались в отношении председателя окружного исполнительного комитета в г. Щегловске, секретаря райкома партии и заместителя председателя горсовета в Красноярске и т.д.[2084]

Представления о кандидатах непролетарской части горожан существенно разнились с образом депутата, формируемым правящей партией. Если в списки, утвержденные партийными комитетами, включались молодые рабочие, состоявшие в партии, поддерживающие ее инициативы, то «не организованные в профсоюзы» избиратели видели своим идеальным представителем – мужчину среднего возраста, обладавшего опытом, авторитетом, имевшим значимые профессиональные достижения, представлявшего местных жителей «плательщиков налогов», способного представлять и защищать интересы горожан в Совете. Учитывая разнородный состав непролетарской части горожан, кандидатами могли быть и женщины – домохозяйки и студенты от учащейся молодежи, но последние включались в списки в качестве компромисса с кандидатами, предложенными организаторами выборов.

Электоральная статистика второй половины 1920-х гг. отражала проблемы избрания кандидатов, утвержденных партийными комитетами на собраниях непролетарского населения. Властям не удалось убедить домашних хозяек, кустарей и крестьян голосовать за рабочих и служащих. Ведущей тенденцией стала поддержка на избирательных собраниях представителей своей группы. В кампанию 1928/29 г. домашние хозяйки избрали 65,1 % кандидатов от домашних хозяек, и лишь 20,9 % депутатов от рабочих и 12,2 % – служащих. Аналогичными были

[2083] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 568. Л. 47.
[2084] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 568. Л. 15–16.

результаты голосования и по группам кустарей и крестьян. Кустари и ремесленники отдали предпочтение представителям своей группы (51,8 %), 25,8 % проголосовали за рабочих и 14,9 % – служащих. Крестьяне также преимущественно (69,6 %) избрали представителей от крестьян, менее четверти депутатов избрали от групп рабочих и служащих (12,7 % и 12,0 % соответственно)[2085]. Общей статистики по отклонению списков и кандидатов не велось, но данные по отдельным регионам показывает массовый характер забаллотирования предложенных кандидатов. Так, по данным Сибкрайисполкома, в ходе выборной кампании 1928/29 г. при обсуждении кандидатов в депутаты от ячеек ВКП(б) не прошли 36,2 % кандидатов, от профсоюзов – 84,5 %, от выборных собраний – 85 %[2086].

Радикальной разновидностью протестного поведения на выборах были открытые выступления горожан против власти, избиения представителей власти, угрозы в их адрес. В материалах центральных архивов нам встретилось единственное дело, в котором разбирался открытый конфликт между горожанами и представителями власти – это выборы в городской Совет г. Весьегонска Тверской губернии. Представляется, что это был не единичный случай, однако в большинстве ситуаций местные власти стремились погасить конфликт, не доводя до жалоб в высшие советские и партийные органы и приезда представителей ВЦИК или ЦК ВКП(б). Весьегонск – небольшой город Тверской губернии (по переписи 1926 г. в нем проживало 4 639 чел.[2087], сотрудники ВЦИК описывали его как «город обывательский с преобладанием бывших домовладельцев, торгашей и купечества»[2088]. Избирательный корпус характеризовался как враждебно настроенный к Советской власти: «пролетариат отсутствует, партия может опереться только на объединенных в профсоюзы совслужащих (856 чел.), преобладает неорганизованное население (1418 чел.)»[2089]. При этом сами избиратели характеризовались как «проявлявшие большую активность обыватели, имевшие своих лидеров в городском Совете»[2090].

До сентября 1925 г. в Весьегонске не было своего городского Совета, жители избирали депутатов в уездный совет, однако горожане в сентябре 1925 г. смогли

[2085] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 2. Выборы в городские Советы … С. 16, 17, 27.
[2086] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 568. Л. 15.
[2087] Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928–1930. 56 т. Т. 26. С. 129.
[2088] ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 36
[2089] Там же.
[2090] Там же. Л. 37

добиться создания собственного представительного органа. Как отмечалось в деле, «при активном содействии горожан с сентября 1925 г. выбран горсовет, в его создании были заинтересованы и активно участвовали местные жители»[2091]. Лидером «неорганизованных» избирателей в Весьегонске был Павел Мастенников, в справке ОГПУ он характеризовался «как политическая фигура, настроенная антисоветски», в ходе предвыборной кампании агитировавшая против коммунистов и лично против секретаря уездного комитета партии[2092]. Накануне выборного собрания 27 декабря 1925 г., где Мастенников должен был выступать с отчетом, ОГПУ произвело его арест. Этот арест спровоцировал открытый конфликт горожан и власти в ходе собрания, состоявшегося 28 декабря 1925 г. В жалобе членов горсовета Весьегонска отмечалось: «В назначенное время 28 декабря явились избиратели в полном составе и требовали у председателя уездного исполкома выпуска из-под ареста члена горсовета. Просьба избирателей не была уважена, поднялся страшный шум, все кричали об освобождении арестованного, но т. к. в просьбе было отказано, и граждане избиратели все того района оставили зал собрания, отказываясь голосовать за предложенные кандидатуры, была вызвана милиция, которая начала запугивать и разгонять избирателей»[2093]. Оставшиеся на свободе члены горсовета вместе с жителями требовали освобождения Мастенникова, проведения свободных выборов («без всякого давления») и Советов без коммунистов[2094]. Представляется, что непродуманные действия местных властей и ОГПУ в Весьегонске обострили конфликт и спровоцировали горожан на выступление.

В других городах с аналогичным составом населения и высокой активностью горожан местным властям удалось не допустить открытых выступлений на выборах. Там, где местные власти растерялись и ничего не предпринимали, в городские Советы были избраны преимущественно представители непролетарского населения (например, в Юхнове, Тарусе, Спас-Деменске, Златоусте)[2095]. Именно составы таких городских Советов «вызывали недоумение» у партийных руководителей и стали предметом эмоционального обсуждения на комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б) и Политбюро

[2091] Там же. Л. 38.
[2092] Там же. Л. 44
[2093] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46
[2094] Там же. Л. 36–39
[2095] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 57

ЦК ВКП(б) о подготовке перевыборов и по подведению итогов перевыборов Советов в 1925/26 г.[2096]

В большинстве городов власти пытались убедить, уговорить избирателей, найти компромисс, избрать приемлемый состав Советов, включив в них как рабочих, членов партии, так и представителей «не организованных в профсоюзы» избирателей (например, так происходило в городах Саратовской, Калужской, Смоленской, Пензенской губерний)[2097]. В последнем случае советские работники после окончания выборной кампании 1925–1926 г., желая избежать подобных проблем на следующих выборах, стали массово обращаться в Центризбирком с просьбой изменить нормы представительства в пользу членов профсоюзов.

Насколько активные формы протестного электорального поведения были характерны для «не организованных в профсоюзы» избирателей? Имеющиеся источники позволяют утверждать о достаточно редких случаях его проявления. Очевидно, что в провинциальных городах со значительным непролетарским населением, горожане не были согласны с формированием однопартийной модели и ничего не выиграли от прихода к власти большевиков. К новой власти они были настроены значительно более критически, чем рабочие, формулируя различные требования. Однако не стоит преувеличивать уровень развития их политического сознания, оно проходило стадию становления. Их экономические требования сводились к уравнению условий производства с государственным сектором, инвестиций в кустарную промышленность, предоставления налоговых льгот кустарям и ремесленникам, большей экономической свободы, установления «справедливых» цен, а политические – к свободным от административного давления выборам, отсутствию утвержденных комитетом партии списков, избранию в депутаты «плательщиков налогов» и местных жителей.

Протестные настроения непролетарской части избирателей не доходили до уровня организации или поддержки оппозиционных партий или движений. При наличии легальных оппозиционных партий в советской избирательной системе эти слои могли бы потенциально стать их электоратом. При отсутствии альтернативы поведение непролетарской части городов сводилось к протестным настроениям, выраженным

[2096] Там же.

[2097] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 679. Л. 57–58; Д. 672. Л. Л. 71–76; Д. 676. Л. 19, 24; Оп. 104. Д. 13. Л. 108–127; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 56. Л. 58, 61, 64.

различными способами, основными из которых были не открытый протест, а пассивное сопротивление или дозволенные властью во второй половине 1920-х гг. обсуждения кандидатов, отчетов, наказов, забаллотирования утвержденных списков кандидатов.

Если оценивать степень распространенности различных моделей электорального поведения «не организованных в профсоюзы» избирателей, то в первой половине 1920-х гг. доминировало пассивное электоральное поведение, выраженное в форме абсентеизма. Во второй половине 1920-х гг. в зависимости от социального состава населения, в равной мере были распространены пассивные и активные стратегии избирательного поведения: пожилые люди, домашние хозяйки придерживались преимущественно пассивного поведения, игнорируя выборы или занимая конформистскую, или неактивную позицию на собраниях. Среди более активной части непролетарского населения доминировали умеренные формы протестного поведения, не выходившие за пределы, разрешенной властью активности. Как и в ситуации с рабочими и служащими, между различными моделями электорального поведения непролетарского населения не было жесткого водораздела, и лояльное поведение легко превращалось в протестное при появлении лидера и критически настроенных избирателей на собраниях.

В 1930-е гг. электоральные стратегии непролетарского населения претерпевают сходные изменения со стратегиями «организованных» избирателей: протестные формы замещаются конформистским поведением. Избирательные «бои» на собраниях постепенно затухают, теряют актуальность для активной части непролетарского населения, преобладающим на собраниях становится пассивное конформистское лояльное поведение. Большинство горожан оказались неготовы к активным протестным формам поведения на выборах, в т.ч. из-за опасений за свою или своих близких жизнь и безопасность, и на давление со стороны власти и ритуализацию выборов, горожане реагировали доступными формами пассивного протеста: отказывались от навязываемых властью форм активности, обсуждения кандидатов, стремились к скорейшему завершению собраний, после начала собрания избиратели массово с него уходили[2098].

В кампанию 1930/31 г. в отчетах фиксировались случаи протестного поведения на собраниях непролетарского населения, звучала критика власти, советских руководителей, задавались вопросы о плохом снабжении городов и благоустройстве,

[2098] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 604. Л. 20–24; Д. 641. Л. 12, 19, 34, 76–79.

различных социальных проблемах, о насильственной коллективизации в деревне, что организаторами выборов расценивалось как «проявление мещанства», «отсталости непролетарских слоев» и «кулацкие вылазки»[2099]. В кампанию 1934/35 г. в отчетах практически не встречаются упоминания о выраженных протестных настроениях на собраниях «не организованных в профсоюзах» избирателей, основной фокус внимания организаторов выборов на достижениях по явке, формах агитации, соцсоревнованиях городов.

[2099] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 604. Л. 20–31; Д. 636. Л. 57–68; Д. 641. Л. 12, 19, 34, 76–79.

4.2. Избирательные стратегии сельского населения

Сельский электоральный корпус: численность и структура. Как известно, в 1920-е гг. в структуре населения преобладали жители сельской местности, составляя по данным переписи 1926 г. в РСФСР 83,4 мил из 100,8 мил жителей республики (82,7 %)[2100]. Демографические последствия войн и революции первой четверти XX века исчерпывающим образом изучены в исторической литературе, основными тенденциями которых стали: значительные потери среди всего населения (общая убыль населения страны по разным оценкам составляла от 12 до 18,6 мил чел.)[2101], наиболее значимая убыль фиксировалась среди молодых мужчин (среди лиц 1894–1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составляло 1:2, а среди лиц 1899–1903 гг. рождения – уже 1:2,3)[2102]. Третьей тенденцией стало нарушение соотношения возрастных групп: из-за сокращения молодежи 20–29 лет и возрастной группы 30–39 лет, в возрастной структуре населения преобладали дети, подростки и пожилые люди[2103]. Как отмечают исследователи, перепись 1926 года показывала ощутимые следы военных потерь и медленное восстановление возрастно-половой структуры как в городе, так и деревне, что значимым образом отражалось на составе самодеятельного населения.

Помимо демографических, не менее значимыми характеристиками сельского электорального корпуса является его социальная структура. Основные дискуссии сосредоточиваются вокруг определения социальной стратификации групп (кого можно отнести к беднейшим, средним и зажиточным слоям крестьянства), а также сущностной характеристике процессов («осереднячивании» деревни, интенсивности процессов социальной дифференциации, степени развития товарного производства). В историографии преобладает позиция об «осереднячивании» деревни, нивелировании крайних групп – кулаков и беднейшего крестьянства после революции в результате уравнительного перераспределения. По мнению одного из самых авторитетных исследователей аграрной истории – В. П. Данилова: «Первым и наиболее массовым

[2100] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М, 1927-1929. 10 т. Т. 3. Население СССР. С. 3.

[2101] Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 94, 98.

[2102] Жиромская В. Б. После революционных бурь … С. 9.

[2103] Там же. С. 12.

результатом аграрных преобразований, проведенных в ходе Октябрьской революции, было осереднячивание крестьянства, утверждение в сельском хозяйстве системы мелкого производства, как абсолютно преобладающей, почти единственной»[2104]. Эта позиция восходит к оценке В. И. Ленина, высказанной в докладе о продналоге на X съезде ВКП(б)[2105], и впоследствии обосновывалась в советской историографии на конкретно-историческом материале[2106].

В современной историографии позиция об «осереднячивании» деревни была уточнена применительно к разным периодам 1920-х гг. Устоявшейся точкой зрения на социальные процессы начала 1920-х гг. стало представление о «поравнении» деревни за счет социализации земли с преобладанием маломощного хозяйства (а не среднего)[2107]. Медленное восстановление хозяйства в середине и второй половине 1920-х гг., скромные размеры большинства крестьянских хозяйств в России (по оценке С. А. Есикова, «в среднем крестьянское хозяйство России это 5–6 человек населения, 2–3 работника, 4–5 га посева, 1 рабочая лошадь, 1–2 коровы» и слабая оснащенность сельскохозяйственными машинами[2108]), существенное преобладание собственного потребления произведенных продуктов над реализацией на рынке, свидетельствовали о преобладании маломощных середняцких и бедняцких хозяйств в структуре крестьянских хозяйств в России даже в самые благоприятные годы нэпа[2109].

Относительно социальной стратификации, исследователи отмечают необратимость формирования социальных слоев буржуазного общества. В. П. Данилов отмечает, что «национализация земли и уравнительное распределение не могли полностью устранить старую социальную структуру деревни», и несмотря на «осереднячивание» деревни, приведшего к перераспределению удельного веса социальных групп, сложившихся в крестьянстве до революции, группы эти сохранились, как и возможности продолжения социального расслоения»[2110]. С одной

[2104] Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. М., 2011. Ч. 1. С.805.

[2105] Ленин В. И. Доклад о продналоге // ПСС. Т. 43. С. 59–60.

[2106] Першин П. Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование: в 2-х кн. М., 1968; Шарапов Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после Октябрьской революции (1917–1920 гг.). М., 1961; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; Соскина А. Н. История социальных обследований сибирской деревни в 20-е годы. Новосибирск, 1976.

[2107] Жиромская В. Б. После революционных бурь … С.42.

[2108] Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 62.

[2109] Там же. С. 62.

[2110] Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. … Ч. 1. С. 807.

стороны, происходило формирование слоя батраков и бедняков в результате обнищания крестьянских хозяйств, с другой – укрепление кулацких хозяйств. При этом, по мнению специалистов, «кулацкие хозяйства, сохранявшиеся в послереволюционной деревне и обнаружившие с переходом к нэпу стремление к новому росту, представляли собой специфический крестьянский капитализм, отличавшийся неразвитостью, примитивностью социально-экономических отношений, переплетением натуральных и товарно-денежных форм, сохранением кабальности»[2111].

Соотношение социальных групп в деревне было определено в 1920-е гг. и представлено в материалах Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения в 1924 – 1927 гг. К пролетарским слоям деревни (батракам) Комиссия относила в 1924/25 г. – 9,7 %, в 1925/26 г. – 10,9 %, в 1926/27 г. – 11,3 %, к беднякам – в 1924/25 г. – 25,9 %, в 1925/26 г. – 23,7 %, в 1926/27 г. – 22,1 %, к середняцким слоям в 1924/25 г. – 61,1 %, в 1925/26 г. – 61,7 %, в 1926/27 г. – 62,7 %, к зажиточным слоям – в 1924/25 г. – 3,3 %, в 1925/26 г. – 3,7 %, в 1926/27 г. – 3,9 %.

Таблица 4.5

Социальные группы в деревне по данным СНК СССР в 1924–1927 гг.

Группа населения	Число лиц самостоятельного населения, в тыс. чел.			Удельный вес, в %		
	1924/25	1925/26	1926/27	1924/25	1925/26	1926/27
Пролетариат	2184	2454	2560	9,7	10,9	11,3
Бедняки	5803	5317	5037	25,9	23,7	22,1
Середняки	13 678	13 822	14 280	61,1	61,7	62,7
Кулаки	728	816	896	3,3	3,7	3,9
Итого	22 393	22 409	22 773	100	100	100

Источник: Доклад Комиссии Сов. нар. ком. Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза // Тяжесть обложения в СССР: (Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годах). М., 1929. С. 74–77.

В отличие от городских избирателей, делившихся властью на «организованных» и «не организованных в профсоюзы», сельские избиратели не дифференцировались на категории, и принимали участие в общих избирательных собраниях. В электоральной статистике до кампании 1926/27 г. не отражалось соотношение различных

[2111] Там же. С. 810.

социальных групп, указывалась только общая явка сельских избирателей, гендерная структура избирателей стала учитываться только с 1924 года.

Сведения о численности электорального корпуса в статистических сборниках отражены только за пять кампаний изучаемого периода с 1924 по 1931 гг. В начале 1920-х гг. и 1934/35 г. указывалась общая явка в относительных показателях. Сведения, представленные в статистических сборниках, отличаются значительной противоречивостью и необъяснимыми колебаниями. Так, явно неправдоподобно выглядит уменьшение численности избирателей в деревне в кампанию 1926/27 г. с 41 до 40 мил чел., и на 4 миллиона в 1930/31 г. Очевидно, что здесь отражаются проблемы с учетом избирателей (которые выше анализировались). Относительно достоверными (сложение данных по республикам, краям и областям не дает арифметических ошибок) можно считать данные кампании 1925/26 г. и 1928/29 г. В 1925 г. число избирателей в деревне составляло около 41 мил чел., из которых 21,4 мил женщин и 19,7 мил мужчин (сведения отражают реальный гендерный перекос), в конце 1920-х гг. число избирателей увеличилось до 42 мил чел. (21,9 мил женщин и 20,1 мил мужчин).

Таблица 4.6

Численность избирателей в сельской местности в РСФСР в 1924–1931 гг., чел.

Избирательные кампании, год	Общее количество избирателей	Женщины	Мужчины
1922	–	–	
1923	–	–	
1924/25	41 062 161	21 096 156	19 966 005
1925/26	41 187 000	21 442 716	19 744 284
1926/27	40 357 181	20 809 888	19 547 293*
1928/29	42 024 978	21 895 514	20 129 464
1930/31	37 834 541	19 608 277	18 215 505
1934/35	–		

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 12–13; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 16–18, 116–117; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930/31 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83.

*По другим данным: мужчин – 17 818 225, женщин – 19 809 888 (см. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские … С. 16)

Как соотносились сведения о количестве избирателей с данными переписи 1926 года? Общее количество населения в РСФСР составляло 100 891 244 чел., сельского населения – 83 448 589 (82,7 %), из них: 43 734 457 женщин (52,4 %) и

39 714 132 мужчин (47,6 %). Первая мировая война, Гражданская война и их последствия нарушили обычное соотношение полов, более других от военных потерь пострадала группа молодежи в возрасте 25–29 лет и 30–34 года, в них женщины составляли более 55 %. По данным переписи 1926 г. лиц старше 18 лет в деревне насчитывалось 42 794 250 чел., из них: мужчин старше 18 лет в сельской местности проживало 19 503 423, женщин – 23 290 827[2112]. Если вычесть лиц, лишенных избирательных прав (в 1926/27 г. в сельской местности – 1 390 747 чел.[2113]), то данные по общему количеству избирателей и по гендерной структуре выглядят относительно правдоподобно, за исключением занижения числа женщин (избирательниц должно было быть на 1 миллион больше – около 22,5 млн чел.), что объясняется традиционным недоучетом женского населения (девушки занижали свой возраст). Таким образом, общее количество избирателей в сельской местности в середине 1920-х гг. отражено в целом вполне достоверно, и оно составляло около 41 млн чел. К 1930-му г. количество сельских избирателей должно было увеличиться до 44 млн (за счет включения лиц, которым исполнилось к 1930 г. 18 лет), но в избирательной статистике кампании 1930/31 г. отражены только 37,8 млн чел.

Электоральная статистика изучаемого периода не содержит информации о социальной структуре, поэтому установить соотношение различных социальных групп в сельском электоральном корпусе не представляется возможным. Отдельные элементы информации о социальных группах присутствуют только за две избирательные кампании 1926/27 и 1928/29 г. Данные электоральной статистики приведены в таблице. Статистика выделяла шесть основных групп – крестьян-земледельцев, сельскохозяйственных рабочих и батраков, кустарей и ремесленников, сельскую интеллигенцию (учителей, врачей и агрономов), служащих советских органов и красноармейцев, а также ряд групп, которые не смогли идентифицировать (прочие рабочие, прочие и недоучтенные избиратели). Исходя из предложенной структуры советской статистики, в кампанию 1928/29 г. в электоральном корпусе 91,3 % составляли крестьяне, 2,8 % – сельскохозяйственные рабочие и батраки, 1 % – кустари и

[2112] Всесоюзная перепись населения. Краткие сводки. Вып. 7. Возраст и грамотность населения СССР. М., 1928. С. 14–18.

[2113] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 12.

ремесленники, 0,5 % – учителя, врачи и агрономы, 1,1 % – служащие советских органов и 0,1 % – красноармейцы.

Таблица 4.7

Структура сельских избирателей в РСФСР в 1926–1929 гг., чел.

Группы сельских избирателей	Избирательные кампании, год	
	1926/27	1928/29
Крестьяне-земледельцы	37 114 379	38 376 766
Сельскохозяйственные рабочие, батраки и домашние работники	1 006 894	1 194 238
Все прочие рабочие	805 891	944 303
Кустари и ремесленники	400 248	411 254
Учителя, врачи и агрономы	150 077	193 262
Прочие служащие	408 611	475 273
Красноармейцы	68 055	53 654
Прочие	58 852	88 483
Недоучтено избирателей	344 174	287 745
Итого	40 357 181	42 024 978

Источник: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 12, 116–117.

Как представляется, электоральная статистика не отражала сущности социальных процессов, фактически лишь показывала крайнюю малочисленность избирателей (менее 5 %), основное занятие которых было не связано с крестьянским трудом. Подавляющая часть избирателей в деревне (около 95 %) непосредственно занималась сельскохозяйственным производством.

При определении моделей электорального поведения крестьян, следует иметь ввиду относительную однородность сельских избирателей и в отличие от города, проведение единых собраний для всех избирателей, проживавших в деревне. Несмотря на потенциально различные интересы и требования у беднейших и зажиточных крестьян, их объединяли общие проблемы деревни (высокие налоги, противостояние к городу, плохое обеспечение товарами, низкими ценами на сельскохозяйственную продукцию), поэтому установить распространенность разных моделей в одном сельском избирательном собрании представляется непростой задачей. Как и в случае с горожанами, модели электорального поведения не определялись исключительно уровнем благосостояния крестьян, на их распространенность существенно влияли конъюнктурные экономические, политические и иные факторы.

Модели электорального поведения крестьян. Для сельского электората были характерны три модели поведения: пассивное поведение (выраженное в форме абсентеизма); лояльное к власти поведение (конформистское поведение и активная поддержка); протестное поведение, связанное с выдвижением требований и забаллотированием утвержденных партийными комитетами списков кандидатов.

Пассивное электоральное поведение в форме абсентеизма стало наиболее распространенным вариантом для сельского населения в 1920-е гг. Напомним, что на собрания до кампании 1928/29 г. являлось менее половины избирателей, явка на выборы в сельские Советы составила в 1922 г. – 22,3 %, в 1923 г. – 37,2 %[2114], в 1924 г. – 28,9 % (данные по 40 губерниям, в которых проводились выборы до отмены их результатов, и 41,1 % с учетом повторных выборов)[2115]. В процессе кассации выборов в 1925 г. выяснилось, что и эти данные о невысокой явке были завышены, реальный процент участия в ряде губерний составлял не более 10 %[2116]. В последующие кампании явка составила: в 1925/26 г. – 47,3 %, в 1926/27 г. – 47,6 %. Лишь с кампании 1928/29 г. абсентеизм перестал быть самой популярной электоральной стратегией, явка в 1928/29 г. достигла 60,7 %, в 1930/31 г. 69,1 %, и в 1934/35 г. составила рекордные 82,3 % (при анализе электоральных практик анализировалась степень достоверности статистических данных 1930-х гг.).

Насколько причины отказа от участия в выборах в сельской местности отличались от стратегий горожан? В историографии называются схожие причины абсентеизма крестьян – организационно-технические и политические, также отмечается большее влияние патриархальных традиций. Советские исследователи вслед за работниками советских органов и прессой 1920-х гг. акцент делали на организационных и технических проблемах проведения выборов[2117]. В современной литературе в качестве основных причин низкой явки крестьян на собрания называется сознательный протест против власти, общее индифферентное отношение к политической жизни, устоявшиеся традиции участия только главы хозяйства на выборах, низкий авторитет сельских

[2114] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 10.
[2115] Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924 г. // Власть Советов. 1925. № 11. С. 11.
[2116] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 903. Л. 81–82.
[2117] Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). М., 1968. С. 81; Зайцев П. Организация перевыборов Советов // Власть Советов. 1926. №51. С. 3–4; Мостовая Е. О вовлечении женщин в избирательную кампанию // Власть Советов. 1926. №51. С. 19–20.

Советов, множественность форм крестьянского волеизъявления[2118]. Как представляется, абсентеизм крестьянства был обусловлен комплексом причин – организационно-технических, политических, влиянием патриархальных традиций, при этом их соотношение не оставалось неизменным на протяжении рассматриваемого периода.

Проблемы организации избирательных собраний (сроки проведения, выбор удобного времени, удобство расположения участков, поиск вместительных помещений и т.д.) анализировались в предыдущей главе. Напомним, что детальный анализ проблемы проводился работниками советских органов в 1924–1925 гг. – после массовой отмены выборов и передачи организации выборов от НКВД к Центризбиркому. Советский аудит показал, что основными причинами стали неудобное время проведения выборов (например, в период уборки урожая или распутицы), дальность расположения участков для голосования и отсутствие помещений для проведения выборных собраний[2119].

Организационные проблемы были проанализированы и решены достаточно оперативно. Для определения оптимального времени проведения выборов, ВЦИК провел опрос местных советских работников. Руководители большинства регионов признали наиболее удобным временем проведения избирательных кампаний сезон поздней осени – начала зимы, именно в это время проводились кампании второй половины 1920-х гг.[2120]. Проблему с неудобством расположения избирательных участков также решили быстро, разбив на более мелкие участки, максимально приблизив их к населению. Поиск просторных помещений был более сложной проблемой, но за счет дробления избирательных участков, и распределения населения по ним, в качестве помещений подходили просторные деревенские избы[2121].

Значительно сложнее обстояли дела с преодолением женского абсентеизма, связанного со сложившейся традицией участия на любых выборах и сходах только главы семьи. А. Н. Юдин объясняет массовое неучастие женщин и пожилых

[2118] Юдин А. Н. Сельские Советы в Тамбовской губернии в 1921 – 1924 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 149; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. … С. 47; Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск, 2014. С. 141; Мазур Л. Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 146–159; Горбачев О. В., Соловьева Т. В. Сельские Советы в контексте раннесоветского проектирования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 229–241.

[2119] ГАРФ. Ф.Р- 1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 310–317.

[2120] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 89. Л. 140–159.

[2121] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 319; Оп. 106. Д. 529. Л. 278.

людей «с традицией посылать на собрания старшего из семьи»[2122], и по мнению исследователей этот вопрос частью общего контекста преемственности дореволюционного сельского схода и советского избирательного собрания первой половины 1920-х гг.[2123] Явка женщин на избирательные собрания в начале 1920-х гг. колебалась от 1 до 18 %, в национальных республиках явка зачастую не достигала и 1 %[2124]. В деревне отношение к участию женщин на выборах варьировалось от снисходительного (выражаемого в крестьянской среде «пусть и баба поучаствует») до отрицательного («не бабьего ума дело») и даже враждебного. Резко негативное отношение к участию женщин на выборах особенно часто проявлялось в казачьих районах и автономных республиках. В отдельных случаях, мужья запрещали участвовать в выборах женам и взрослым дочерям, а в случае нарушения запрета избивали их[2125].

В сельской местности, несмотря на все усилия советских и партийных работников, а также используемую агитацию, не удалось принципиально изменить ситуацию с женским абсентеизмом. Большинство женщин, не желая идти на конфликт с мужьями или отцами и не испытывая особого интереса к выборам (зачастую и не понимая смысла происходившего), не принимали участия в выборных собраниях. На выборах в сельские Советы в 1924 г. приняло участие 19,9 % женщин, в 1925 г. – 28,7 %, в 1926/27 г. – 30,1 %, в 1928/29 г. – 46 %[2126]. Как отмечалось в отчетах, более активное участие в выборах принимали вдовы, жены красноармейцев, а также женщины в регионах, где было развито отходничество, т.е. женщины, фактически ставшие главами семей и принимавшие самостоятельные решения[2127].

В качестве значимых причин крестьянского абсентеизма исследователи называют комплекс политических причин: «невысокий авторитет местных Советов», полное подчинение партийным органам, бюрократизацию исполкомов, конкуренцию форм

[2122] Юдин А. Н. Указ. соч. С. 149.

[2123] Юдин А. Н. Указ. соч. С. 149; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 47.

[2124] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 310.

[2125] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 50; Д. 721. Л. 34; Д. 696. Л. 47, 61, 82–83.

[2126] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы … С. 13; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 1. Выборы в сельские, волостные … С. 17.

[2127] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 670. Л. 17, 24; Д. 664. Л. 112, 115; Д. 690. Л. 8, 10.

крестьянского волеизъявления (сельский сход, избирательное собрание и земельное общество)[2128].

Помимо уже перечисленных причин абсентеизма, отказ от участия в выборах в 1920-е гг. являлся осознанным проявлением протеста против использования на выборах жесткого административного ресурса, формализации самого процесса выборов. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в ходе выборных кампаний первой половины 1920-х гг.[2129] Это было распространенной стратегией электорального поведения, как горожан, так и крестьян. Председатели местных Советов и исполкомов (волостных, уездных, районных) настаивали на выдвижении и избрании непопулярных кандидатур, чем вызывали как пассивный, так и открытый протест населения. Многочисленные жалобы крестьян на административное давление со стороны представителей власти свидетельствуют об устоявшихся практиках формального, полупринудительного голосования на собраниях. Такие жалобы сотнями (с колоритными примерами административного давления) поступали в высшие советские и партийные органы, в «Крестьянскую газету» и «Бедноту», лично М. И. Калинину[2130]. Применение прямого административного нажима приводило к отказу крестьян являться на выборные собрания, такие факты были зафиксированы повсеместно, например, в Воронежской и Новониколаевской губерниях крестьяне заявляли: «Иди не иди, все равно выберут того, кого захочет власть и сделают так, как захочется власти»[2131]. Исследователи связывают настроения «апатии, безысходности, индифферентного отношения к политической жизни крестьян с нарастанием разрыва между крестьянами-избирателями и выбранными им руководством» и невозможностью улучшить свою жизнь путем выборов[2132].

Признание проблемы властью, конфликтная кассация выборов весной 1925 г., отказ от процедуры голосования за навязанные списки кандидатов и введение персонального голосования постепенно восстанавливали доверие крестьян к выборам, что проявилось в росте явки и интересе к обсуждаемым проблемам на избирательных собраниях. Уже в кампанию 1925/26 г. абсентеизм перестал быть самой

[2128] Мазур Л. Н. Особенности эволюции сельской бюрократии … С. 152; Горбачев О. В., Соловьева Т. В. Указ. соч. С. 235–236; Юдин А. Н. Указ. соч. С. 175–176.

[2129] Ильиных В. А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 39–40.

[2130] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825, 914, 915.

[2131] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 310.

[2132] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России … С. 140.

распространенной стратегией протестного поведения в деревне, что хорошо видно по росту явки мужчин на избирательные собрания. Явка мужчин на выборы в деревне в 1925/26 г. составила – 67,5 %, в 1926/27 г. – 66,6 %, в 1928/29 г. – 75,7 %[2133].

В 1930-е гг. высокая явка крестьян не была следствием повышения интереса к общественно-политической жизни. Явка обеспечивалась с помощью комплекса организационных и пропагандистских приемов, в атмосфере нагнетания «классовой борьбы» избиратели опасались быть обвиненными в «антисоветских настроениях», и предпочитали не игнорировать избирательные собрания. Не менее значимым фактором обеспечения высокой явки стало сознательное искажение статистики организаторами выборов, проверки обследования инструкторов и сотрудников вышестоящих партийных и советских органов показывали, что реальная явка была значительно ниже заявляемой в сводках[2134]. От фальсификаций не останавливал даже риск разоблачения и наказания[2135].

В рассматриваемый период отношение большевиков к абсентеизму менялось от безразличного до нетерпимого. Преодолевая массовый абсентеизм, большевики продемонстрировали высокую степень гибкости политики, готовность признавать ошибки, отменять результаты выборов, корректировать устоявшиеся практики. Власть применяла различные методы взаимодействия с населением, во второй половине 1920-х гг. преобладали различные формы коммуникации, когда избирателей пытались убедить, но в случае возникновения угрозы удержания власти возвращались к использованию проверенного временем административного ресурса.

Вторая модель электорального поведения, характерная для крестьян – лояльное поведение, выраженное в форме конформистского поведения и активной поддержки. Эта модель была схожа с поведением горожан, однако в деревне имело свою специфику в группах поддержки и формах выражения.

Лояльное поведение в форме активной поддержки было характерно для группы сельских активистов, идеальный образ действий которых сформулирован в докладе ВЦИК «О ходе перевыборов Советов в деревне» за 1925/26 г.: «Кого волкомы считают активистом? крестьянина, который: а) активно участвует в работе общественных организаций села; б) толкает односельчан к культурному ведению сельского хозяйства; в) своевременно и верно реагирует на решение советской власти и партии»; г)

[2133] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 1. Выборы в сельские, волостные … С. 39–41.
[2134] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 6. Л. 78–79. Д. 18. Л. 16–20; Д. 24. Л. 82; Д. 25. Л. 4–5;
[2135] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 24. Л. 80–84.

интересуется не только жизнью своего села; д) близко стоит к парторганизации; е) читает газеты»[2136]. К сельскому активу относились представители сельских партийных ячеек, комсомольцы, руководители и члены советских органов, представители сельских общественных организаций, бедняцко-середняцкий актив. В целом, эта группа была немногочисленной, составлявшей до 10 % крестьян. Несмотря на все усилия власти беднейшие слои деревни (батраки и рабочие) к этому активу не относились, в отчетных докладах середины 1920-х гг. констатировалось, что «батрачество на ход перевыборов не оказывало никакого влияния, и стояло в стороне от активного участия», также отмечается, что они не проявляли интереса к выборам, а если и приходили на собрания, то поддерживали зажиточных крестьян[2137].

Активисты в деревне занимались организацией выборов, из их числа выдвигались кандидаты в Советы и на съезды различного уровня. Они поддерживали кандидатов, утвержденных вышестоящими партийными органами, включавших представителей бедняцко-батрацкой части деревни, женщин и комсомольцев, отношение к которым было не всегда однозначным среди остальной части крестьянства. В первой половине 1920-х гг. организаторы выборов для беспроблемного для них избрания утвержденных партийными ячейками кандидатов, старались ограничиться участием только этой группы на избирательных собраниях. При анализе электоральных практик уже отмечалась малочисленность участников выборов в первой половине 1920-х гг. – при проверке реального количества участников избирательных собраний в ходе кампании отмены выборов весны 1925 г., выяснилось, что «есть села, где из тысячного населения участвовали 40–50 чел., в основном из числа активистов. В ряде волостей Новгородской губернии процент участия населения снижался до 3–5 %, в Орловской – до 3 %, в Астраханской – ниже 10 %»[2138].

На более многолюдных собраниях, где выдвинутые ячейками кандидаты бедняков и коммунистов не пользовались популярностью, задачей активистов была поддержка согласованных кандидатов. Учитывая, что нередко это делалось с применением жесткого административного давления на крестьян, активисты были вынуждены поддерживать организаторов даже в очень спорных ситуациях.

[2136] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 102.
[2137] Там же. Л. 103.
[2138] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 903. Л. 81–82.

В период отмены выборов – в кампанию повторных весенних перевыборов 1925 года, группы активистов испытывали определенную растерянность, также как и представители низовых партийных и советских органов. Острота реакции в деревне на отмену выборов была значительно сильнее, чем в городе (подробнее в разделе об электоральных практиках кассации выборов). Тактика электорального поведения активистов изменилась в эту кампанию, вместо привычной для них поддержки провластных кандидатур, они зачастую выражали несогласие с отменой результатов выборов, выступали против кандидатов, выдвинутых избирательными собраниями (из числа зажиточной части крестьян и середняков). Тем более, что поддерживаемые ими списки кандидатов, включавшие представителей бедняков, середняков, коммунистов и комсомольцев проваливались на избирательных собраниях, в ряде случаев их выгоняли с избирательных собраний как «подпевал коммунистов»[2139]. Исследователи отмечают, что наибольшее количество конфликтов между группами активистов и их противниками фиксировалось на Кубани, на Дону, в Тамбовской губернии[2140]. В других регионах такой конфликтности не фиксировалось[2141].

Наряду с жалобами крестьян об административном давлении, оказываемом в предыдущие выборы, поступавшие во ВЦИК и ЦК РКП(б) и в редакции газет, в 1925 г. массовыми стали жалобы от активистов, выступавших против повторных выборов, «засилья кулачья» в сельских Советах, «возвращения к старым порядкам», выражали обиду на власть, что они «зря кровь проливали за советскую власть», а «теперь чувствуют себя как побитые собаки» и опасаются захвата Советов «антисоветским элементом и кулаками»[2142]. Эти жалобы не остались не замеченными и вызвали озабоченность в высших партийных органах.

В кампании второй половины 1920-х гг. после преодоления острой конфликтности на повторных выборах, активисты адаптировались к новым реалиям и стали демонстрировать желательную для власти модель электорального поведения –

[2139] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 914. Л. 24, 31, 33; Д. 915. Л. 89, 95; Д. 916. Л. 19, 21.

[2140] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 107; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. №19. С. 413; Дмитриевцева А. А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. С. 20; Баранов А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 115.

[2141] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России … 137; Ченская Т. В. Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы 1926, 1929 гг. (на примере Орловской губернии/области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 4. Самара, 2016. С. 44–55.

[2142] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 14, 22, 27, 31; Д. 916. Л.32–37.

поддерживать компромиссные списки кандидатов, активно обсуждать вопросы внутренней и внешней политики, наказы и т.д. Также можно говорить о расширении группы крестьян, демонстрировавших активное лояльное поведение – за счет активных бедняков и середняков, они участвовали в обсуждении вопросов внутренней и внешней политики и кандидатов, предлагали наказы, изменилась форма поведения – от голосования за список – к обсуждению кандидатов, отчетов, наказов.

Конформистский вариант лояльного поведения отличался в разные периоды. В первой половине 1920-х гг. он предполагал явку на собрание, заслушивание отчетного доклада (если такой составлялся) и голосование за предложенный партийным комитетом список кандидатов. После массовой кампании отмены выборов весной 1925 г., конформистский тип поведения предполагал участие в обсуждении предложенных кандидатов и повестки, наказов Совету. Такой тип поведения не исключал в определенные моменты присоединение к выражению протеста против отдельных кандидатов и выражения несогласия с провластной позицией по вопросам внутренней и внешней политики. Однако без необходимости крестьяне, демонстрировавшие такой вариант поведения, не вступали в конфликт с представителями власти, не озвучивали протестных требований и не противопоставляли себя власти. В отчетах конформистский тип лояльного поведения характеризовался умеренной активностью на собраниях «в прениях выступало 10-15 % присутствовавших»[2143], обсуждением интересующих крестьян вопросов хозяйственной жизни «льготного кредитования на рабочий скот и семена, недостаточной работы агрономии, улучшения качества дорог и мостов, пожарных обозов», а также «деловой критики сельсоветов, предложениями по культурному и хозяйственному строительству деревни»[2144], не предполагавший критики политического устройства, правящей партии, выдвижения требований политического характера[2145]. Для организаторов выборов было принципиально, что крестьяне склонны были идти на компромисс при обсуждении кандидатов в Совет и обсуждении текущих вопросов.

Конформистский тип поведения был характерен для большей части крестьян, в социальном разрезе такой тип поведения демонстрировала большая часть бедняков, середняков, и до конца 1920-х гг. часть зажиточных крестьян, не лишенных

[2143] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1100. Л. 49, 51; Д. 1104. Л. 15, 17.
[2144] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 32–34.
[2145] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1107. Л. 93, 97; Д. 1121. Л. 212–219; Оп. 106. Д. 534. Л. 39.

избирательных прав. Для женщин (если они приходили на выборы) также был характерен вариант лояльного конформистского поведения.

Несмотря на отсутствие острого протестного настроя у преобладающего большинства крестьянства по ряду вопросов фиксировались существенные расхождения с представителями властями, и ключевым был вопрос о несовпадении представлений крестьян и большевиков о кандидатах в Советы.

В деревне партийные ячейки, руководствуясь центральными директивами партии, включали в списки кандидатов представителей бедняцко-батрацкой части деревни, женщин и комсомольцев. В тоже время, крестьяне видели своими представителями в Советах мужчин среднего возраста, глав успешных хозяйств, уважаемых крестьянским сообществом, грамотных, способных отстаивать точку зрения крестьянской общины перед властью (чаще всего это были главы крепких середняцких хозяйств). Мнение крестьян о депутатах во многом определялось представлениями о трудовой этике крестьянства. Крестьяне оценивали в первую очередь своих представителей в зависимости от их трудолюбия и умения вести хозяйство.

Крестьянин Пиножанской волости Халтуринского уезда Вятской губернии Михаил Замотаев, направивший письмо в газету «Беднота», выразил широко распространенное мнение крестьян: «партячейки не вполне умело рекомендуют кандидатов в члены сельсовета, иногда рекомендуют неавторитетных, имеющих единственное качество, что они бедняки или батраки»[2146].

Навязывание крестьянам в качестве кандидатов в депутаты представителей дискриминированных групп в крестьянском сообществе вызывало острое неприятие. Депутаты, тем более председатель сельсовета – представитель местной власти, в глазах крестьян ими не могли быть неуважаемые, неграмотные, ничего не сумевшие добиться люди (батраки, бедняки, молодежь).

В отношении женщин срабатывали патриархальные традиции, крестьяне полагали, что главой хозяйства не может руководить женщина, которая в семье занимала подчиненное положение. Помимо этого, большинство женщин были неграмотны и не имели опыта взаимодействия с властью. Участие в выборах, рассматривалось как сугубо мужское занятие (выражаемое фразой «не бабьего ума дело»). Тем более, недоумение вызывало наделение женщины статусом депутата. В

[2146] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 105. Д. 148. Л. 156–156 (об).

докладе председателя Центризбиркома Я. В. Полуяна в 1927 г. констатировалось: «отношение мужчин к выдвижению женщин в депутаты колеблется от снисходительного до открыто враждебного»[2147]. Представители власти, которые должны были отстаивать женские кандидатуры, разделяли взгляды основной массы крестьян на роль женщин в обществе и не всегда могли это скрыть, так, «председатель Чернявского волисполкома Рязанской губернии, предлагая кандидатуру женщины в депутаты сельсовета, сделал оговорку «извините, товарищи, что вам придется проголосовать за женщину»[2148]. В Конягинском сельсовете Ярцевского уезда, при обсуждении кандидата бедняка (мужчины) и комсомолки, председатель собрания убеждал собрание проголосовать за бедняка: «нам все-таки нужен дельный кандидат, а не женщина, женщин у нас в Совете и так много»[2149]. Несмотря на то, что женщин под давлением представителей власти избирали в Советы, к ним оставалось скептическое отношение в деревне, декоративный характер таких «депутаток» крестьянам был очевиден.

Сходную реакцию вызывало и выдвижение комсомольцев и молодежи в депутаты. Негативная реакция на выдвижение молодежи была обусловлена отсутствием у них жизненного опыта и собственного хозяйства. Кандидатуры комсомольцев старались осмеять и опорочить на выборах, их обвиняли в пьянстве, хулиганстве, что «они ничего еще не сделали», «у них нет своего хозяйства, из всех забот – по девкам бегать»[2150]. По наблюдениям Л. В. Кромера и А. А. Слезина, зачастую комсомольцы оказывались в сельских Советах «при помощи прямого давления на избирателей»[2151].

Совсем иным было отношение к молодым успешным хозяевам, бывшим красноармейцам, грамотным, нередко применявшим новые приемы агрономической культуры, к их избранию крестьяне относились весьма благожелательно, говорили, что «они – грамотные, им и новую жизнь обустраивать»[2152]. Демобилизованные красноармейцы, прошедшие интенсивную социализацию и политизацию во время службы в Красной армии, приоритетно поддерживались властью для выдвижения в низовую номенклатуру, став своеобразным кадровым резервом власти в деревне.

[2147] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 50

[2148] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 308.

[2149] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 26.

[2150] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 74; Оп. 104. Д. 1083. Л. 39–41; Д. 1094а. Л. 147, 149.

[2151] Кромер Л. В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 33; Слезин А. А. Роль комсомола в избирательном процессе и функционировании местных Советов (1921–1929 гг.) // Клио. 2003. № 4. С. 166.

[2152] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 242. Л. 132.

Неприемлемыми кандидатурами в местные органы власти для большей части крестьян являлись и представители беднейших слоев деревни. Большинство крестьян считали бедняков и батраков «лодырями», в крестьянских жалобах высказывались претензии к советской власти, за приоритетную поддержку бедняков и батраков, «все их заслуги в том, что они пьют, лодырничают, да завидуют, они свое то хозяйство не могут наладить, что ж они будут делать с сельсоветом?»[2153]. Сотрудник орготдела ВЦИК, проверявший проведение избирательной кампании в Центрально-Черноземной области в 1928 г., отмечал массовое сознательное невключение батраков и бедняков в сельизбиркомы и в списки кандидатов в сельсоветы, под различными предлогами «а у нас нет подходящих батраков» или «они не изъявили желания»[2154].

Региональные исследования также показывают сознательное исключение бедняков из списков, так происходило в Сибири и Центрально-Черноземной области, Западной области (в губерниях, вошедших в их состав)[2155]. В. Б. Безгин и В. П. Николашин констатируют, что «конфликт между социальными стратами советского села в своей основе имел прежние внутриобщинные противоречия»[2156], а усилия власти по навязыванию беднейших слоев деревни в депутатский корпус натыкались на жесткое сопротивление со стороны зажиточных и середняцких слоев деревни в Центрально-Черноземной области. На Юге России противостояние проходило по линии «казаки – иногородние». Ю. А. Яхутль приходит к выводу, что «жители станиц Кубани и Черноморья выступали против избрания в станичные Советы приезжих красноармейцев и коммунистов, а также бедняков, которых они поддерживали»[2157].

И. С. Кузнецов, исследуя вопрос о взглядах крестьянства на социальные различия, справедливо отмечает о распространенности стереотипа «бедняков-лодырей» и убеждении сельских жителей о зависимости благосостояния от умения работать на

[2153] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 1107. Л. 27–31, 43, 94; Д. 1088. Л. 31, 39, 43; Оп. 106. Д. 253. Л. 18.

[2154] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 242. Л. 136.

[2155] Безгин В. Б., Николашин В. П. Беднота как социальный базис власти в аграрных преобразованиях конца 1920-х-начала 1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземной области) // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 24-27; Кулачков В. В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг.// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). С. 107–109; Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20; Иванов В. В. Избирательная активность крестьян Приангарья в 1920-е годы // Климат. Экология. Сельское хозяйство Евразии. Иркутск, 2020. С. 301–307.

[2156] Безгин В. Б., Николашин В. П. Беднота как социальный базис власти в аграрных преобразованиях конца 1920-х-начала 1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземной области) // Манускрипт. 2019. Том 12. Вып. 12. С. 26.

[2157] Яхутль Ю. А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920–1926 гг.) // гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 336.

земле[2158]. Хотя автор считает, что этот стереотип был не всегда оправдан, хозяйства могли разоряться по различным причинам, тем не менее, стремление власти «превратить маргинализированную, наименее культурную часть сельского населения в политического лидера» вызывало неприятие и непонимание остальной части крестьянства[2159].

Идеологические установки большевиков представляли бедняков и батраков максимально близкими к пролетариату социальными слоями, естественными союзниками рабочего класса, и опорой диктатуры пролетариата в деревне. Властью предпринимались значительные усилия по превращению бедняцко-батрацких слоев в политический авангард. Эти установки вызывали скептическое отношение не только у остальной части крестьянства, но и у работников земельных органов, ученых-аграрников[2160]. В результате, беднейшие слои деревни оказывались в Советах либо при административном нажиме представителей власти, либо как часть формулы компромисса избирательного собрания с крестьянами: мы включаем своих кандидатов – «крепких», грамотных, ответственных середняков, а как представители власти – бедняки, женщины и комсомольцы.

Отражением этого компромисса стали итоги выборов второй половины 1920-х гг. Элементом формулы компромисса во второй половине 1920-х гг. стало увеличение беднейшей группы крестьянства (батраков): с 2,4 % в 1925/26 г. до 4,6 % в 1926/27 г. и 7,9 % в 1928/29 г.[2161] Отметим и общее увеличение бедняцко-батрацкой группы с 1925 по 1929 гг. (освобожденных от налога и платящих до 1 рубля налога), руководство Центризбиркома рапортовало о ее двукратном росте с 16,8 % до 32 %[2162] (при этом статистические данные с учетом изменения налоговых ставок, давали не столь впечатляющую динамику с 24,7 % до 31,7 %)[2163]. Включение женщин в эту формулу компромисса также имело относительный успех: число женщин-депутатов в сельских Советах увеличилось с 1 % в 1922 г. до 19 % в 1929 г.[2164], и хотя власти не удалось

[2158] Кузнецов И. С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1. Вып. 3. С. 56.

[2159] Там же. С. 57.

[2160] Месяцев П. А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве (к вопросу об объектах и методах работы в области агрономии и землеустройства) // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 11–24.

[2161] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 1. Выборы в сельские, волостные .... С. 39–41.

[2162] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 330.

[2163] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … Вып. 1. Выборы в сельские, волостные .... С. 39–41.

[2164] Там же. С. 30–32.

достичь целевых показателей и включить не менее трети женщин в сельские Советы, тем не менее достижения в части феминизации сельских органов власти – очевидны.

Несмотря на компромиссное включение приоритетных групп для власти (беднейшего крестьянства и женщин), власть не смогла принципиально повлиять на составы сельских Советов, они не стали женско-батрацкими. Общая статистика составов сельских Советов показывает, что основная масса членов и председателей сельских Советов по-прежнему были молодые или среднего возраста (до 40 лет), грамотные, беспартийные мужчины, по имущественному положению относившиеся к середняцкой группе.

Избирательная статистика показывает сложность достижения компромисса в регионах с традиционным преобладанием зажиточного крестьянства (Сибирь, Северный Кавказ), преобладающее большинство депутаты низовых Советов по имущественному положению в этих регионах относилось к середнякам и к зажиточным середнякам. В кампанию 1929 г. организаторы выборов констатировали «повышение доли зажиточных середняков до трети Совета»[2165].

Помимо расхождения в представлениях о кандидатах, у крестьян с властью расходилось представления о векторах развития страны, социальной справедливости. При анализе электоральных практик уже отмечалось, что возможность высказать свою позицию у крестьян появилась после массовой отмены выборов весной 1925 г. и последующей трансформации избирательных практик. Крестьяне воспринимали избирательные собрания как способ коммуникации с представителями власти, обмена мнениями, обсуждения проблем внутренней и внешней политики, критических замечаний по местному управлению. Один из сотрудников ВЦИК емко охарактеризовал поведение крестьян на выборах 1926 г. «отношение крестьянства к советской власти критически-деловое с практическими предложениями. Преимущественно требования о благоустройстве, улучшениях в разных сферах»[2166].

Какие вопросы вызывали наибольший интерес у крестьянства на избирательных собраниях? По наблюдениям исследователей высокую активность крестьяне проявляли, «когда происходящие процессы или события затрагивали их личные интересы»[2167]. Так, наиболее популярными темами обсуждения на выборных собраниях становились

[2165] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 331.
[2166] ГАРФ. Ф.Р.- 1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 46.
[2167] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России … С. 143.

вопросы из области хозяйства, землеустройства, торговли и благоустройства (необходимость ускорения процесса землеустройства и лесоустройства, организации агропунктов, снижение ставок по сельскохозяйственному налогу, усилению ветеринарной помощи, распределение сенокосных угодий, недостаточная норма и недостаточность льгот по отпуску лесоматериалов, необходимость отпуска долгосрочного кредита на покупку сельскохозяйственных орудий; доставка в деревню дешевых товаров, отрицание принудительного ассортимента товаров, снабжение продуктами продовольствия и рыбацких принадлежностей, низкие цены на лен, несоответствие цен на продукты сельского хозяйства и промышленности, недостаток промтоваров; улучшение состояния мостов, пожарной охраны, школ и лечебных учреждений)[2168].

Второй по количеству вопросов стала внутренняя политика государства, крестьяне задавали вопросы от наличия ресурсов на индустриализацию до внутрипартийной борьбы, особенно крестьян интересовала судьба Л. Д. Троцкого, суть правого и левого «уклонов»[2169]. Далее следовали темы, связанные с международным положением Советского Союза. Крестьян интересовали вопросы взаимоотношения СССР с капиталистическими странами, вероятности войны, выплаты царских долгов, положения трудящихся в других странах и т.д.[2170] Сотрудники партийных органов при этом отмечали крестьянскую практичность и при рассмотрении вопросов внутренней политики: «общие рассуждения об экономической политике интересуют крестьян постольку, поскольку это связывается с вопросом об их собственном хозяйстве»[2171].

Одной из острых тем на выборных собраниях становилась тема социальной справедливости – неравноправия между рабочими и крестьянами, реже служащими и крестьянами[2172]. Крестьяне высказывали упреки: «рабочему классу сейчас живется лучше, чем крестьянину, а про крестьян, власть мало вспоминает» [2173], «смычки города и деревни нет, рабочему – все – а крестьянину – ничего. Надо уравнять рабочих и крестьян, крестьяне не имеют власти, всем верховодят коммунисты и рабочие»[2174]. В

[2168] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 31; Оп. 106. Д. 254. Л. 9–9(об); Оп. 106. Д. 527. Л. 42–47; Д. 529. Л. 26–28, 270–278. Ченская Т. В. Указ. соч. С. 46–47.
[2169] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 254. Л. 9(об); Оп. 106. Д. 523. Л. 24–25; Д. 527. Л. 42.
[2170] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 254. Л. 9(об); Д. 527. Л. 39–44.
[2171] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 85. Д. 205. Л. 187.
[2172] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 916. Л. 27–34.
[2173] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 529. Л. 278; Д. 523. Л. 24–25.
[2174] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 74.

исследованиях о настроениях крестьян этого периода, фиксируются требования уравнения политических и экономических прав с пролетариатом, повышения налогов для рабочих и даже снижения зарплаты рабочим[2175]. В данном случае проявлялось как традиционное соперничество города и деревни, так и болезненно воспринимаемые преференции для рабочих, введенные большевиками после революции.

В целом, вопросы и требования крестьян на выборах, представляли собой причудливое переплетение традиционных крестьянских представлений о справедливости, власти, с новыми советскими реалиями и практическими соображениями, относительно улучшения их хозяйственной жизни и быта.

Протестное поведение как модель электорального поведения было характерно и для сельского и для городского населения, при этом можно выделить как схожие, так и специфические формы проявления протеста у крестьян. Типологически формы выражения протестного электорального поведения у крестьян были в большей степени схожи с непролетарским населением городов.

При анализе причин абсентеизма крестьянства отмечалось, что в первой половине 1920-х гг. он стал осознанной формой проявления протеста против использования на выборах жесткого административного ресурса и максимально формального отношения к проведению избирательных собраний. По мере преодоления причин протестного абсентеизма, протестное электоральное поведение приобрело другие формы и стало выражаться непосредственно на избирательных собраниях.

Самой распространенной формой протестного поведения второй половины 1920-х гг. стало забаллотирование утвержденных списков кандидатов и выдвижение альтернативных кандидатов, критика действий власти. Выше анализировалось несовпадение представлений власти и крестьян о кандидатах, однако различное видение состава местных органов власти не всегда приводило к протестному поведению, в большинстве случаев власть и крестьяне находили формулу компромисса и выбирали в сельский Совет как кандидатов, приемлемых для населения, так и кандидатов от приоритетных для власти групп (беднейшего крестьянства, женщин, молодежи), и в этом случае поведение крестьян не выходило за пределы лояльного конформистского поведения.

[2175] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России … С. 132; Ченская Т. В. Указ. соч. С. 46–47.

Наиболее распространенные ситуации, при которых электоральное поведение крестьян приобретало выраженные протестные формы преимущественно были связаны с попытками применения жесткого административного давления на крестьян организаторами выборов. Усугубляющим конфликт фактором становился социальный состав избирательного собрания (преобладание зажиточных крестьян и середняков) и антисоветские настроения крестьян или казаков, не склонных идти на компромиссы с властью.

Повышенная конфликтность избирательных собраний была характерной после массовой отмены выборов и проведения повторных выборов весной 1925 г. Попытки представителей власти воспроизвести устоявшиеся практики начала 1920-х гг. и с помощью жесткого давления избрать утвержденных партийными органами кандидатов вызывали сопротивление избирателей. В сводках партийных органов отмечалось, что протест крестьян не ограничивался отказом голосовать за утвержденные кандидатуры, «коммунистов провалили под улюлюканье собрания», доходило до «удаления коммунистов и комсомольцев с собрания», а иногда и прямых оскорблений и избиений[2176]. Повышенная острота протестных настроений была характерна для Кубани, Северного Кавказа, Сибири и районов Черноземья – регионов со значительной долей зажиточного крестьянства и казачества, настроенных не самым лояльным образом к новой власти[2177].

Но и после преодоления острой фазы конфликтности, в избирательные кампании второй половины 1920-х гг. попытки организаторов выборов сформировать Советы с доминирующим батрацко-бедняцким составом, прибегая к административному ресурсу, натыкались на сопротивление крестьян. Так, в Ясеневской волости Тверской губернии в кампанию 1928/29 г. в списки кандидатов были включены «60–75 % бедноты и батраков», на избирательных собраниях эти списки были полностью забаллотированы, вызвав массовые протесты крестьян, а итоги выборов для организаторов оказались удручающими. На другом собрании выборы также приобрели неожиданный для власти поворот: «из намеченных 25 кандидатов батраков избрали только двоих, при этом крестьяне выдвигали на собраниях кандидатуры середняков, в итоге было намечено к

[2176] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 914. Л. 14, 19, 23, 41, 47; Д. 915. Л. 23, 47; Д. 916. Л. 18, 19.

[2177] Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 107; Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Указ. соч. С. 413; Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 20;

избранию 27 кандидатур середняков, а избрали 63»[2178]. Ю. А. Яхутль отмечает, что «попытки формирования беспартийного актива, составления списков кандидатов из числа коммунистов и комсомольцев натыкались на жесткое сопротивление казаков, которые отвечали: «Пусть рекомендуют, а на избирательных собраниях будет видно кого проводить в Советы»[2179].

Хотя общей статистики по забаллотированию кандидатов в сельской местности не велось, отчеты ВЦИК показывают массовый характер отвода кандидатов в различных регионах: «процент отводов в разных округах и уездах составляет от 20 до 100 %, например, по Смоленскому уезду отвод кандидатов в сельсоветы достигает от 80 до 100 %, а в Брянской губернии – от 20 до 80 %»[2180]. В регионах с высокой долей зажиточного крестьянства (Сибирь, Северный Кавказ) попытки организаторов выборов сформировать Советы с преобладанием беднейшего крестьянства имело обратный эффект, ВЦИК констатировал в ряде районов «повышение доли зажиточных середняков до трети Совета»[2181].

Популярной у крестьянства формой протестного электорального поведения также стало выдвижение протестных требований на избирательных собраниях. Во второй половине 1920-х гг. обсуждение крестьянами на избирательных и отчетных собраниях хозяйственных, благоустроительных вопросов, различных аспектов внутренней политики, вопросов соперничества города и деревни всегда имело критический оттенок, но протестные требования существенно повышали градус критического настроя крестьянства и отличались более четкими формулировками требований.

Отчеты и сводки государственных и партийных органов констатируют наибольшую популярность протестных требований в социальной и экономической сфере: уравнение всех слоев крестьянства, прекращение приоритетной поддержки бедняцкой части крестьянства, несогласие с высокими налогами и разорением индивидуальных хозяйств, уравнение налогов и прав всего крестьянства, увеличением поддержки крестьянства, установление справедливых цен на сельскохозяйственную продукцию. Протест аккумулировался вокруг вопроса о «несправедливой политики соввласти по отношению к бедняку и зажиточному крестьянину»[2182], являвшейся частью

[2178] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 6–7.
[2179] Яхутль Ю. А. От военного коммунизма … С. 336.
[2180] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 26.
[2181] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 331.
[2182] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 313. Л. 15–17.

более общей проблемы о социальной справедливости в деревне, идеологических установках большевиков, социальных взглядах крестьянства, отражавшихся в расхождении представлений крестьян и большевиков о кандидатах в органы власти. Середняцкая и зажиточная часть крестьянства требовала уравнения поддержки всех крестьян властью и «отмене деления на кулака и бедняка», заявляя: «мы все трудящиеся, а бедняк – лодырь, мы работаем до кровавых мозолей, а власть бездельников поддерживает»[2183].

Значительная часть протестов была связана с высоким налогообложением, представлявшимся крестьянам несправедливым[2184]. В Центрально-Черноземной области крестьяне требовали: «отменить индивидуальное обложение и ввести одинаковый для всех единый сельхоз налог»[2185]. В Средне-Волжской области также звучали требования отмены индивидуального обложения: «крестьянство задушили налогами, живем хуже, чем при царе, зачем улучшать хозяйство и расширять площадь, когда с тебя за это три шкуры сдерут»[2186]. Эти требования власть однозначно интерпретировала как «кулацкие выступления». Однако всех крестьян объединяли представления о неравенстве крестьян и рабочих («ревность к городу») и необходимости исправить это положение, непосредственным выражением этих представлений становились требования об установлении справедливых цен на сельскохозяйственную продукцию и понижении цен на товары[2187].

Наиболее неоднозначно власть воспринимала политические требования крестьянства и казачества, самыми распространенными из них были требования удаления коммунистов из Советов, против руководства компартии и ее конкретных лидеров, свержения советской власти, поддержки профсоюза для крестьян, Крестьянского союза[2188]. Политическая активность крестьянства 1920-х гг. историками чаще всего связывается с развитием Крестьянского союза[2189]. ГПУ отмечал в своих сводках повсеместное оживление политических настроений в крестьянстве,

---

[2183] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 34.

[2184] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона … С. 135.

[2185] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 564. Л. 15.

[2186] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 590. Л. 283.

[2187] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России … С. 134; Ченская Т. В. Указ. соч.. С. 45; Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа … С. 152; Яхутль Ю. А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. на примере Кубани и Дона: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2020. С. 44–46.

[2188] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 34–35, Л. 82–87.

[2189] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России … С. 135–137; Куренышев А. А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М., 2004. С. 27–32.

выдвигавших требования учета интереса крестьян и участия во властных органах[2190]. Идея Крестьянского союза в годы нэпа оценивается специалистами как продолжение традиционных для крестьян попыток объединения и отстаивания своих интересов в дореволюционное время, годы революции и Гражданской войны. Одной из основных причин актуализации вопроса о Крестьянском союзе исследователи называют «ревность к городу» - «элементарную зависть крестьян к более высокому уровню городской жизни, причем основанную на фактическом положении дел в 1920-е гг.»[2191].

Крестьянский союз, по мнению историков, аккумулировал как протестные требования социально-экономического характера (снижения налогов, справедливое регулирование цен, предоставление помощи деревни и др.), так и политические требования (создания крестьянского профсоюза, равного представительства на выборах с рабочими, представительства в Правительстве, создания независимой крестьянской партии от ВКП(б)), по подсчетам О. Великановой первые заметно преобладали над вторыми (в соотношении 60 на 40)[2192]. Идея создания Крестьянского союза набирала популярность во второй половине 1920-х гг., по подсчетам А. А. Куренышева «крестьяне выступали с идеей создания союза: в 1924 г. – 139 раз, в 1925 – 543, в 1926 г. – 1676, а в 1927 г. – 2312 раза»[2193]. Несмотря на популярность идеи, все закончилось протестными выступлениями и высказываниями, дело так и не перешло в плоскость реализации[2194].

Несмотря на желание чекистов представить Крестьянский союз как исключительно «кулацкую контрреволюционную организацию», согласимся с мнением, высказанным А. В. Скрыпниковым: «нет сомнения, что кулачество стремилось извлечь выгоду из сложившейся ситуации, но в самой идее «Крестьянского союза» был не только этот интерес. Суть дела состояла еще и в том, что мелкотоварный сектор в деревне, относительно консолидировавшись на основе рыночных отношений,

---

[2190] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М., 2000. С. 457, 672.

[2191] Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России … С. 135.

[2192] Великанова О. Крестьянский союз в 1920-е гг. и формирование крестьянской идентичности: модернизационный дискурс // Личность и общество: Социальные контексты субъективности. Спб., 2013. С. 303–304.

[2193] Куренышев А. А. Указ. соч. С. 302.

[2194] Там же. С. 304.

обнаружил стремление к организации путем создания определенной политической структуры»[2195].

Независимо от оценки масштабов и социальной сущности «Крестьянского союза» (выходящей за пределы настоящей работы), отметим, что вопрос о консолидации в виде некоего крестьянского профсоюза аналогичного с рабочими (не всегда речь шла именно о конкретной организации «Крестьянского союза») для более значимого представительства крестьянства во власти, отстаивания интересов постоянно поднимался на избирательных собраниях, на волостных и районных съездах во второй половине 1920-х гг. Идея политического представительства крестьянства была популярной на выборах, большой раздел в отчете Центризбиркома за 1928/29 г. посвящен ее разным проявлениям. Так, на съезде Яранского уезда в Вятской губернии делегаты выступали за объединение крестьян для отстаивания интересов и требовали уравнения прав с рабочими и создания Крестьянского союза[2196]. Но звучали и более радикальные требования: на райсъезде в Чувашской АССР делегат съезда «выступил против комфракции, которые довели крестьянства до голода и заявил, что нужно создавать свою крестьянскую партию»[2197].

Помимо объединения вокруг идеи крестьянского профсоюза, распространены были и традиционные политические протестные требования об избрании Советов без коммунистов. Пик популярности этих требований пришелся на две кампании 1920-х гг.: кампанию весны 1925 г. (после отмены выборов) и кампанию 1928/29 г. Так, на Юге России при ослаблении административного давления в ходе повторных выборов 1925 г. «на избирательных собраниях звучали лозунги избирать только «своих» и формировать «Советы без коммунистов», которые были известны ещё в начале 1920-х гг. в период активного повстанческого движения»[2198].

В отчетах и докладах советских и партийных органов фиксировалась как ситуативные требования на собраниях, возникшие из конфликтных настроений на собрании, так и предварительной агитации перед собраниями[2199]. В кампанию 1928/29 г. в деревне Косилово Бельского уезда «подкулачники агитировали крестьян перед собранием за «Советы без коммунистов» и на собрании им удалось отвезти

[2195] Скрыпников А. В. Нэп: несостоявшаяся альтернатива. Вестник ТПГУ, 2006. Вып. 1. С. 50.
[2196] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 84.
[2197] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 83.
[2198] Яхутль Ю. А. От военного коммунизма … С. 335–336.
[2199] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 583. Л. 49, 51, 54; Д. 584. Л. 14, 19, 21; Д. 564. Л. 282, 289, 297, 301.

коммунистов и выбрать кандидатов от собрания[2200]. В деревне Новая «ведется агитация под флагом беспартийности за кулацкие кандидатуры: поправили коммунисты и хватит, давайте выберем в Совет хозяйственных мужиков»[2201]. На избирательном собрании в деревне Ново-Мамеи Канашского района первоначально ничего не предвещало протестных требований крестьян, однако давление организаторов по поводу избрания утвержденного списка, включавшего батраков, женщин и молодежь, привела к перепалке, резкой смене настроения собрания и требованиям исключить всех батраков и коммунистов и избрать совет из кандидатов, выдвинутых собранием[2202].

Радикальные призывы к вооруженному свержению советской власти на избирательных собраниях появились в последнюю избирательную кампанию 1920-х гг., но были единичными[2203]. Исключительность таких случаев отмечают и исследователи региональных избирательных кампаний, подчеркивая «желание зажиточных крестьян уклониться от прямого столкновения с властью»[2204]. Все протестные требования интерпретировались властью однозначно как «кулацкие» и «антисоветские», однако в отчетах признавалось, что середняки нередко их активно поддерживали[2205].

Наиболее радикальные проявления протестного электорального поведения крестьян были связаны с лишением избирательных прав. Архивные материалы и региональные исследования показывают, что наибольшее количество протестов, реальное социальное напряжение в деревне вызывало лишение избирательных прав зажиточных крестьян и середняков, воспринимавшееся ими как несправедливое лишение гражданских прав самых трудолюбивых крестьян[2206]. Протесты во многом являлись продолжением требований о социальной справедливости и социальной политике в деревне, поскольку самая обеспеченная часть крестьянства, считавшая себя

[2200] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 83.

[2201] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 242. Л. 136.

[2202] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 245. Л. 9.

[2203] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 85; Д. 567. Л. 481.

[2204] Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг.: на материалах Курского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. С. 20; Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании … С. 21.

[2205] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 106. Д. 583. Л. 57, 59; Д. 584. Л. 39, 42; Д. 564. Л. 307–312;

[2206] Иванов В. В. Указ. соч. С. 301–307; Есиков С. А., Дмитриевцева А. А. Роль сельской бедноты в избирательном процессе Тамбовской губернии во второй половине 1920-х гг. // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2006. № 3. С. 3–5.

и самой достойной политического представительства и права голоса, оказалась дискриминированной, что считала крайне несправедливым[2207].

Большинство инцидентов – устных угроз, побоев, драк, поджогов, нападений, хулиганских выходок в отношении членов сельских избирательных комиссий, сельских активистов, бедняков, комсомольцев были связаны именно с противодействием и обидой на лишение избирательных прав. Чаще всего подобные правонарушения совершались в пьяном виде и в состоянии эмоционального возбуждения, и даже убийства не были заранее продуманными, а становились непреднамеренным следствием пьяных драк. В сводках советских и партийных органов содержатся колоритные описания подобных случаев. Так, в Курганском сельсовете Барабинского округа Сибирского края лишенный прав «кулак и перекупщик Чуранов встретил председателя сельсовета Мельникова, публично его бранил и кричал: «я налогов платить не буду, за то, что вы меня голоса лишили». Проходя мимо бани, принадлежащей Мельникову, в которой в то время находилась дочь последнего, Чуранов вошел в баню, разбил чугун, кадки и пытался кипятком облить дочь Мельникова»[2208]. В другом случае в деревне Жилково Сухиничского уезда Калужской губернии «кулак Юров, напившись пьяным, ворвался с ножом в руках, где происходило заседание сельизбиркома и набросился на председателя»[2209].

В отчетах Наркомата внутренних дел описываются случаи поджогов имущества членов сельизбиркомов и сельсоветов, лишивших избирательных прав крестьян: «в одной из деревень Мошонской волости Калужской губернии кулаками сожжен дом комсомольца, принимавшего активное участие в лишении избирательных прав», в Смоленской губернии «сожжен дом члена избиркома глазуновой», «16 декабря 1928 года в с. Васильевском Канышенского района Центрально-Черноземной области от умышленного поджога сгорел двор, принадлежащий члену сельизбиркома Пикалину»[2210].

Насколько активные формы протестного электорального поведения были распространены в деревне в 1920-е гг.? Несмотря на типологическую схожесть форм с

[2207] Есиков С. А., Дмитриевцева А. А. Указ. соч. С. 3–5; Ергина Н. М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 3. С. 88.

[2208] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 107. Д. 223. Л. 10.

[2209] Там же. Л. 10(об).

[2210] Там же. Л. 12.

непролетарскими городскими избирателями, в деревне частота и интенсивность форм активного протестного поведения была значительно выше. Причинами стали большая сплоченность крестьян в силу родства, близкого знакомства и общения в нескольких поколениях, наличия общих хозяйственных интересов (в городе непролетарское население было более разрозненным и атомизированным), они легче объединялись, договаривались о кандидатах, требованиях или линии поведения на выборах. В отличие от города, где в случае лишения прав одной из самых распространенных тактик был переезд в другой город или регион. Крестьяне с большим хозяйством, скотом, семьей были значительно в большей степени привязаны к месту жительства, и социальные конфликты проявлялись в концентрированной и очень эмоциональной форме.

Триггером конфликтов выступало отношение власти к крестьянам, большевики, даже в теоретических конструкциях рассматривали крестьян (за исключением беднейших слоев) в качестве непролетарских, мелкобуржуазных слоев, и не считали их социально близкими, что предопределило ревность к городу и рабочим, сплачивало все слои крестьянства на выборах, как и наличие общих хозяйственных и экономических проблем. Желание большевиков наложить идеальную марксистскую схему на реальную социальную и экономическую ситуацию в послереволюционную деревню неизбежно привело к конфликтам как при определении составов Советов, так и обсуждении актуальной повестки.

В 1930-е гг. в деревне произошла смена электоральных стратегий, во многом аналогичная городу. Угасали протестные формы электорального поведения, замещались лояльным конформистским поведением. Для крестьян значительно более актуальными стали вопросы, связанные с «раскулачиванием», насильственной коллективизацией, высылкой на спецпоселения и утратой имущества, выборы отошли на последний план, как организаторы, так и крестьяне утрачивали к ним интерес.

В кампанию 1930/31 г. на избирательных собраниях еще звучали острые вопросы о насильственной коллективизации, отобранном имуществе, фиксировались отдельные случаи забаллотирования кандидатов и списков[2211]. В кампанию 1934/35 г. открытые протестные выступления стали крайне редкими, да и опасными для участников,

[2211] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 108. Д. 597. Л. 9; Д. 604. Л. 20, 31; Д. 657. Л. 217–219; Д. 667. Л. 40, 44.

организаторами выборов они подавались в отчетах как «пособничество классовому врагу» и «антисоветские выступления»[2212].

Поведение большинства избирателей в сводках партийных и советских органов характеризовалось как равнодушное и индифферентное[2213], несмотря на все усилия властей «социалистического энтузиазма» не наблюдалось. Обследования избирательной кампании 1934/35 г. сотрудников ВЦИК показали, что избиратели повсеместно отказывались от обсуждения кандидатов на собраниях, общим настроением было проголосовать за утвержденный партийной ячейкой список и быстрее разойтись[2214]. На ритуализацию выборов в 1930-е гг. крестьяне реагировали утратой интереса, апатией и выстраивали стратегию в зависимости от оставшихся им доступных возможностей.

Выводы. Анализ численности и структуры городского и сельского электората показал слабое отражение сущности социальных процессов в электоральной статистике. Искусственное социальное конструирование, характерное для «советского проекта» в целом, было в полной мере характерно и для одного из ее элементов[2215]. Проведение выборов в городах по производственно-территориальному принципу привело к искусственному конструированию электорального корпуса, выделению групп «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей, имевших мало общего с реальной социальной структурой городов 1920-х–1930-х гг. Организаторы выборов, стремясь выполнить директивные указания партийных органов, показывали большее число «организованных» избирателей, а среди последних - «рабочих». Наибольшую проблему представляет социальная идентификация конгломерата разнородных групп (от кустарей, учащихся до домохозяек), входивших в состав «неорганизованных» избирателей и объединенных на избирательном собрании только местом проживания. Электоральная статистика в деревне также не отражала реальные социальные группы, показывая однородность сельских избирателей и малочисленность групп, непосредственно не занимавшихся сельскохозяйственным производством. В целом, специфика учета электоральных групп и невысокое качество избирательной статистики зачастую не представляет возможности соотнесения

[2212] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 22. Л. 124–134.
[2213] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 15 Л. 32–36.
[2214] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 112. Д. 7. Л. 19–20; Д. 22. Л. 124–134.
[2215] Раннесоветское общество как социальный проект 1917–1930-е гг. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / Коллектив авт.; под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2018. С. 52.

реальной социальной и группы, выделяемой в избирательной статистике, что существенно затрудняет реконструкцию моделей электорального поведения.

С учетом специфики формы проведения выборов в рассматриваемый период (избирательных собраний с открытым обсуждением и голосованием), можно выделить три устоявшиеся модели электорального поведения: 1) пассивное поведение (выраженное в форме абсентеизма); 2) лояльное к власти поведение (выраженное в форме активной поддержки или конформистского поведения); 3) протестное поведение, выраженное в форме выдвижения протестных требований и забаллотирования утвержденных партийными комитетами списков кандидатов, выдвижения кандидатов от собрания, а также протестное поведение, выраженное в форме открытых выступлений и противоправных действий против власти. Соотношение моделей и форм проявления заметно варьировалось у разных электоральных групп, и во многом определялось политическими приоритетами, формируемых правящей партией.

Сравнение соотношения и степени распространенности моделей электорального поведения у различных групп избирателей показало наибольшую типологическую схожесть у непролетарских слоев городского населения («не организованных в профсоюзы» избирателей) и крестьянства. Несмотря на все организационные и агитационные усилия властей до конца 1920-х гг. (до кампании 1928/29 г.) как среди сельского населения, так и непролетарского населения городов, доминировало пассивное электоральное поведение в форме абсентеизма. В первой половине 1920-х гг. значимой причиной абсентеизма стал политический протест против административного давления. После массовой отмены выборов в 1925 г. протестные настроения крестьян, кустарей и других непролетарских слоев переместились на избирательные собрания, но для женского населения, пожилых людей абсентеизм оставался распространенным вариантом поведения в силу патриархальных традиций и отсутствия интереса к политике. В любом случае, высокая распространенность абсентеизма среди непролетарского населения только подтверждает выводы исследователей политического поведения об отсутствии полного контроля государства за общественными настроениями и «мифе о тотальной управляемости масс в послереволюционную эпоху»[2216].

[2216] Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. С. 308.

Из активных стратегий электорального поведения непролетарской части горожан и крестьян наиболее распространенным вариантом было конформистское лояльное поведение. Принципиальных отличий по социальным группам крестьянства в проявлении конформистского поведения не наблюдалось, в отличие от очень разнородных групп, входивших в состав городских «не организованных в профсоюзы» избирателей, для крестьян была характерна большая однородность интересов, их объединяло стремление к решению общих хозяйственных и экономических проблем и сформированные представления о кандидатах. Реализация конформистского лояльного поведения на собраниях крестьян во многом зависела от организаторов выборов, нарушение негласной формулы компромисса приводило к трансформации вполне лояльного повеления в протестное.

Протестные стратегии крестьян и непролетарской части горожан имели много схожего, в преобладающем большинстве случаев не выходили за границы, обозначенные властью и выражались в забаллотировании утвержденного списка партийными ячейками кандидатов, выдвижении кандидатов от собрания и протестных требований к власти. Степень распространенности открытых протестных выступлений значительно преувеличивалась властью для нагнетания угрозы «классовой борьбы» и оправдания своих действий. В городах открытые протесты были крайне редким событием, в деревне, несмотря на большую распространенность, они были связаны не с попытками свержения советской власти, а с противодействием и реакцией на лишение избирательных прав.

У рабочих и служащих, отнесенных к «организованной» части избирателей, соотношение моделей отличалось от остальных избирателей в пользу большего распространения лояльного электорального поведения. При этом вопреки желанию власти, преобладающим вариантом проявления лояльного поведения рабочих и служащих, был не активизм, а конформистское поведение, обусловленное прагматичным подходом избирателей к реализации различных провластных инициатив, представлявшихся бессмысленным для большинства избирателей.

В целом, преобладание конформистских форм в электоральном поведении согласуется с выводами исследователей, изучавших политическое поведение

советских граждан[2217]. Обоснованным представляется мнение авторов монографии «Раннесоветское общество как социальный проект 1917–1930-е гг.» об «укоренении конформизма» в политическом поведении, ставшем стратегией выживания, реакцией на массированную пропаганду и выраженную репрессивность режима[2218].

Абсентеизм как форма пассивного поведения «авангарда революции» болезненно воспринимался большевиками, власть обладая достаточным арсеналом средств давления, вытесняла нежелательные для себя формы. Протестные формы электорального поведения «организованных» избирателей были значительно менее распространены по сравнению с другими слоями населения (кроме послереволюционного периода). Среди рабочих организация протестов по инерции воспроизводила формы, широко используемые в революционный период (агитация, голосование за оппозиционную партию в послереволюционный период или за троцкистов в конце 1920-х гг.) и действия рабочих носили более сплоченный характер, чем крестьян или непролетарские городские слои.

На городских и сельских избирательных собраниях центральным становился вопрос о степени совпадения представлений избирателей и большевиков о составе Советов. Большевики видели в качестве идеального депутата горсовета молодого, грамотного рабочего или работницу, члена партии или комсомольца, активно поддерживающего инициативы власти, готового заниматься общественной работой. В сельском Совете в качестве опоры диктатуры пролетариата рассматривался представитель малоимущих слоев крестьянства, наиболее предпочтительно из батрачества, члена партии, активно поддерживающего инициативы власти.

Анализ требований и конфликтов по кандидатурам у разных групп избирателей показал, что за исключением рабочих, всем остальным социальным и профессиональным группам большевики навязывали идеологические установки о представителях «политического авангарда». Несмотря на то, что представления горожан и крестьян формировались, исходя из разного электорального и жизненного опыта, они разительным образом отличались от навязываемого образа, задаваемого идеологическими установками большевиков.

[2217] Лившин А. Указ. соч. С. 308; Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. С. 15–22.

[2218] Раннесоветское общество как социальный проект 1917–1930-е гг. … Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение … С. 288.

У непролетарской части городов представления формировались исходя из дореволюционного опыта и традиционных представлений о депутатах и представительных органах. В качестве идеального депутата они видели образованного мужчину среднего возраста, профессионально успешного, женатого, обладавшего недвижимостью, непременно местного жителя, имевшего представления о проблемах города и способах их решения, и способного представлять и защищать интересы горожан в Совете. Отчасти представления о кандидатах совпадали у служащих предприятий и учреждений с непролетарскими слоями, электоральный опыт которых формировался до революции. Служащие также видели своим идеальным представителем образованного мужчину молодого или среднего возраста, специалиста, обладавшего достаточным опытом и авторитетом и способного защищать интересы коллектива. У последних отсутствовал акцент на знании местных проблем.

У крестьян представления о депутатах формировались под влиянием трудовой этики и патриархальных традиций, они оценивали способность кандидата успешно вести хозяйство, его трудолюбие, но также и отстаивать интересы крестьян во властных органах. Наиболее желательным представителем для крестьян был грамотный мужчина среднего возраста, глава успешного хозяйства (как правило, середняцкого), обладавший опытом взаимодействия с представителями власти.

Заметно отличался образ депутата у рабочих, он складывался исходя из бурного революционного опыта деятельности Советов, они видели своим представителем молодого или среднего возраста рабочего или работницу, члена партии (или комсомольца), имеющего интерес и желание заниматься общественной и политической деятельностью.

Очевидно, что при столь значимых расхождениях в представлениях о составах представительных органов, стремление власти обеспечить желаемые составы постоянно сталкивалось с сопротивлением населения и преодолевалось в разные периоды с помощью жесткого административного давления либо компромисса с населением. Первый способ быстро обозначил пределы такого давления и привел к кризису легитимации власти, второй способ при очевидных плюсах для населения, требовал значительных усилий от власти и приводил к кризисам внутри правящей партии.

Электоральное поведение городских и сельских избирателей достаточно сложно интерпретировать с точки зрения общих политологических подходов. Искусственное

конструирование городских избирателей на «организованных» и «не организованных в профсоюзы» приводит к размыванию понимания реальных электоральных предпочтений социальных групп. Наиболее очевидной представляется интерпретация поведения на выборах пролетарских слоев города в рамках социологической модели. Их поведение и выбор определялись в первую очередь принадлежностью к объявленным большевикам привилегированным социальным группам советского общества. Рабочие осознавали недостатки строившегося советского общества, однако эти недостатки виделись как «частные» проблемы переходного периода, конкретного города или предприятия. Пролетарские слои поддерживали основные направления политики большевиков и кандидатов, выдвигаемых правящей партией, определяя электоральный выбор принадлежностью к социальной группе или партийной идентичностью. Многие полагали, что большевики выражали их требования, чувствовали сопричастность к советской власти (не следует забывать, что выдвиженцы, активисты, советские работники рекрутировались преимущественно из этих слоев) и от октябрьской революции 1917 г. выиграли именно пролетарские слои общества. Прямой зависимости от выполнения наказов, конкретных требований избирателей при голосовании не фиксировалось, даже при критической позиции, рабочие и служащие поддерживали кандидатов, предлагаемых правящей партией, и в этом смысле теория рационального выбора, объясняющая электоральные предпочтения с точки зрения решения конкретных вопросов индивида не применима к интерпретации поведения на выборах пролетарских слоев.

Интерпретация электорального поведения «не организованных в профсоюзы» избирателей в городах представляется наиболее сложной. Эти слои были крайне разнородными, не обладали едиными характеристиками и до революции принадлежали к разным социальным группам, оказались объединены большевиками искусственно в рамках общих избирательных собраний, соответственно классическую социологическую модель электорального поведения использовать затруднительно, только применительно к различным подгруппам «не организованных в профсоюзы» избирателей. Отчасти, поведение непролетарской части населения городов можно интерпретировать с точки зрения теории рационального выбора. Не считая большевиков выразителями своих интересов, они стремились к выдвижению собственных кандидатов, которые должны были отстаивать в представительных органах их

профессиональные интересы или требования, связанные с решением бытовых или проблем благоустройства города.

Неоднозначной представляется и интерпретация электорального поведения сельских избирателей. С одной стороны, большая однородность сельских избирателей (в отличие от городских «не организованных в профсоюзы»), объединенных общими представлениями о кандидатах, традициями, ценностями, интересами, проблемами дает основание рассматривать их поведение в рамках социологической модели. Многие электоральные реакции крестьян были обусловлены принадлежностью к крестьянству как социальному слою, и противопоставлением себя горожанам. Наряду с этим, крестьяне также, как и непролетарские городские слои, не считали, что большевики защищали их интересы, и в этом смысле, поиск формулы компромисса по спискам кандидатов в Советы, стремление к отстаиванию своих кандидатов, которые бы представляли их интересы в Советах и на съездах, дает возможность интерпретировать электоральное поведение крестьян с точки зрения теории рационального выбора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование советской избирательной системы в различных срезах и аспектах (через институты, механизмы, электоральные практики и поведенческие реакции населения) позволило раскрыть ее сущностные характеристики. В заключении представляется значимым отрефлексировать несколько вопросов о раннесоветской избирательной системе и советских выборах: 1) что типологически представляла собой избирательная система относительно мировых электоральных трендов, какова степень ее преемственности и новаторства по сравнению с предыдущими и последующими отечественными избирательными системами? 2) чем выборы исследуемого периода были для власти, какие функции выполняла избирательная система в политической системе? 3) каковы причины и смыслы участия в выборах в Советы избирателей и какие факторы оказывали определяющее воздействие на формирование электоральной культуры советских избирателей?

Изучая сущностные и типологические особенности раннесоветской избирательной системы, исследователь постоянно сталкивается со сложностями при интерпретации в рамках устоявшихся современных представлений. К какому типу с точки зрения порядка распределения мандатов (к мажоритарной, пропорциональной или смешанной) относилась советская избирательная система в рамках исследуемого периода? Отсутствие определения типа раннесоветской избирательной системы в литературе неслучайно, поскольку однозначного ответа нет. Для предшествующих избирательных систем ответ содержался в нормативных актах, регулирующих проведение выборов. Так, в Государственную Думу система распределения мандатов была мажоритарной с подробной росписью по округам; после февраля 1917 г. для выборов в Учредительное собрание была определена пропорциональная система, предполагавшая голосование по партийным спискам. В первых же советских Конституциях и последующем законодательстве прямого ответа о типе распределения мандатов не содержалось. Начиная с 1922 г. общероссийское законодательство предусматривало вариативность в процедуре определения результатов выборов: допускалось как индивидуальное выдвижение, так и включение в списки. В 1926 г. определились с субъектами выдвижения, таковыми могли выступать общественные, партийные и профессиональные организации, а также отдельные граждане.

Сложившиеся электоральные практики показывали преобладание выдвижения и голосования за списки кандидатов и тяготение организаторов избирательных собраний к этому варианту. Исключением стали кампании 1925–1929 гг., когда избиратели (в первую очередь сельские жители и непролетарское население городов), вопреки желанию организаторов выборов, выбирали индивидуальное выдвижение и голосование персонально за кандидатов. На выборах на съезды приоритетно всегда использовался вариант голосования за список (даже если часть кандидатов из него исключалась и включались другие кандидатуры). Таким образом, раннесоветская избирательная система была ближе к пропорциональной с открытыми списками.

Однако следует иметь в виду условность отнесения раннесоветской избирательной системы к пропорциональной и учитывать несколько обстоятельств. Пропорциональная система обычно предполагает развитую партийную систему: выдвижение списков от партий и распределение мандатов между победившими партиями. Советская избирательная система только в послереволюционный период с 1918 по 1922 г. (до ликвидации оппозиционных партий) предполагала участие нескольких партий в выборах. После ликвидации оппозиционных партий и формирования однопартийной системы вместо оппозиционных партий списки могли предлагать профсоюзы, трудовые коллективы и избирательные собрания. Но на практике списки формировали партийные комитеты и включали кандидатов от рабочих коллективов, провластных общественных организаций, приоритетных групп (батраков, бедняков, молодежи, женщин и т. д.). Поэтому раннесоветская избирательная система была совершенно нетипичной для мировой практики: при отсутствии в Советской России развитой партийной системы на выборах использовалось пропорциональное представительство выдвинутых списков. Лишь во второй половине 1920-х гг. можно говорить о конкуренции списков, сформированных партийными комитетами, и списков, выдвинутых избирательными собраниями.

Второй аспект, который свидетельствовал о нестандартности советской пропорциональной системы, – отсутствие в привычном понимании избирательных округов, что также осложняет ее типологизацию. В избирательных системах, существовавших в мире и России до 1918 г. и одновременно с ней, точно определены избирательные округа, от которых выдвигались кандидаты или списки. В раннесоветской избирательной системе результаты выборов определялись на

избирательном собрании или съезде, проводившемся по производственному или территориальному принципу. При этом состав, численность избирателей на собраниях были нестабильны и менялись от кампании к кампании. На практике раннесоветская избирательная система была близка к выборам по множеству многомандатных избирательных округов, но с учетом отсутствия самих избирательных округов. Очевидно, что такое допущение не будет точным. Экспериментальные формы с отсутствием округов и вариативностью распределения мандатов не были востребованы даже в последующей советской избирательной системе. Они так и остались революционным экспериментом, в Конституции СССР 1936 г. произошло возвращение к классической мажоритарной системе – с выборами по округам.

Помимо типологизации, интересным представляется анализ с позиции преемственности отечественного электорального опыта и соотнесения его с тенденциями развития мирового опыта. В целом оценка раннесоветской избирательной системы по шкале «новаторство – традиция» и соотношение с мировыми электоральными трендами (как и ее типологизация) неоднозначны. На момент введения в 1918 г. советские цензы выглядели вполне прогрессивно, подтвердив отмену дискриминационных цензов после Февральской революции и понизив до современного уровня возрастной ценз. Но учитывая общеевропейские тенденции развития избирательных систем, демократизация цензов в России была революционной очень короткий период. По большинству позиций (за исключением очень низкого возрастного ценза) к концу 1920-х гг. во многих европейских странах отсутствие имущественного и гендерного цензов стало обыденностью. Введение «классового» ценза осталось революционным, но невостребованным новаторством (за исключением маоистского Китая, введшего сходные ограничения в 1953 г.). Непрямое и неравное представительство уже в 1918 г. являлось откровенно устаревшим для мировых электоральных систем, даже несмотря на наполнение новым содержанием многостепенности и неравенства и введение преимущества для пролетариата перед крестьянством и остальными слоями населения. К середине 1930-х гг., когда было принято решение о проведении избирательной реформы, отмена непрямого и неравного представительства в комиссии по разработке новой Конституции не вызвала дискуссий («как очевидный анахронизм»)[2219].

[2219] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Л. 88.

Новаторство и революционность раннесоветской избирательной системы, превозносимые ее создателями и последующими апологетами (с учетом анализа контекстов развития отечественной и зарубежных избирательных систем), существенно преувеличены. Уникальный характер советской системе на фоне других избирательных систем придавало смешение традиционных, а зачастую архаичных черт с новаторскими. Это проявлялось как на уровне общих принципов, так и их воплощения в избирательных институтах. Организация выборов по производственному принципу в городах (неизвестная ранее отечественной и мировой электоральной практике) – электоральное новаторство большевиков, которое успешно уживалось с вполне традиционными подходами: использованием цензов, непрямого и неравного представительства. В ключевом институте избирательных собраний воспроизводились и более архаичные черты избирательной системы, характерные для более ранних эпох развития государственных институтов. Раннесоветский электоральный опыт не был воспринят последующей отечественной и зарубежными избирательными системами (так и остался революционным экспериментом).

Одним из центральных для исследования стал вопрос о роли и функциях, механизмах выборов для власти. В советской политической практике выборы были включены в контексты удержания политической власти большевиками, формирования однопартийной политической модели и поиска баланса между реальной и имитационной поддержкой власти населением. При этом необходимо учитывать, что эти контексты заметно отличались по периодам и уровням власти. В послереволюционный период для власти на всех уровнях значимой задачей выборов стало утверждение политической монополии большевиков и избрание лояльных власти Советов и съездов любыми средствами. В этот период начали формироваться «стандарты» имитационной поддержки власти населением, большевики опробовали механизм формирования Советов и съездов жесткими административными и репрессивными методами. Приемлемые для большевиков составы Советов обеспечивались с помощью голосования по спискам, заранее утвержденным партийными органами, вытеснения любых альтернативных списков и кандидатов (от представителей оппозиции до выдвинутых собраниями кандидатов); использования прямого административного давления, включая запугивание и угрозы; отказа от

тайного голосования и отстранения непролетарских слоев населения от выборов в городах.

Выборы первой половины 1920-х гг. превратились в разновидность государственной повинности и выражения лояльности к большевикам и проходили по сходному сценарию. Власти на местах мобилизовывали лояльно настроенные слои населения и проводили избирательные собрания с минимальной явкой и формальными процедурами, зачастую похожими на революционные митинги. Подавляющее большинство населения в городе и деревне не видело смысла в подобных выборах и игнорировало участие в них. В итоге вполне удобная форма проведения выборов для местных властей обернулась снижением поддержки власти, высоким уровнем абсентеизма. А с учетом изменившейся политической ситуации и объявленной политики «оживления Советов» привлекла пристальное внимание высшего партийного руководства страны. Пришедшая к власти группировка увидела в сложившихся максимально формализованных электоральных практиках угрозу для устойчивости и поддержки режима. Это привело сначала к беспрецедентной кампании по массовой отмене выборов весной 1925 г., а позднее к изменению подходов к проведению выборов и формированию Советов. Эти подходы включали практики, направленные на привлечение к участию в выборах широких слоев городского и сельского населения, выдвижение кандидатов, поддерживаемых населением, более свободный и открытый порядок проведения избирательных собраний, обсуждение кандидатов и вопросов, волновавших население. Все эти меры были направлены на расширение поддержки и доверия населения к власти, продемонстрировали способность руководства партии реагировать на политические вызовы и проявлять необходимую гибкость.

Реакция местных властей на подобный поворот была крайне негативной, поскольку ломала сложившиеся формализованные электоральные практики. Большинство местных партийных и советских работников не поддерживало этот «демократический эксперимент», однако, несмотря на непонимание, а зачастую и прямое отторжение, было вынуждено учитывать изменившиеся требования к проведению выборов.

В начале 1925 г. маятник качнулся в сторону перехода от имитационных к реальным формам поддержки власти. Основным вызовом на выборах второй половины 1920-х гг. стало расширение поддержки и доверия населения к власти при сохранении

политической монополии, что на практике означало при максимальном привлечении избирателей на выборы обеспечение приемлемых для власти составов городских и сельских Советов. Реализация модели «управляемой активности» на практике оказалась значительно сложнее пропагандистских схем, была наполнена конфликтами и далеко не всегда приводила к желаемому для власти результату. Избирательная кампания 1925/26 г., в ходе которой в наименьшей степени использовалось жесткое административное давление, ярко продемонстрировала всю противоречивость этих практик и реакции власти на них. Несмотря на предпринимаемые агитационные и организационные усилия власти, пределы ее возможностей были ограничены: наибольшие достижения власть демонстрировала в мобилизации лояльных большевикам слоев, на собраниях которых и достигался основной результат, эффективность влияния этих мер на непролетарское население городов и крестьян была невысокой. В отношении непролетарских слоев населения приходилось идти на различные компромиссы: без острой необходимости организаторы старались не применять жесткие методы административного давления, пытаясь убедить и договориться с избирателями, включить в списки кандидатов как представителей населения, так и необходимых власти, соглашаясь на персональное голосование.

Что дал «демократический эксперимент» власти? В первую очередь позволил обеспечить реальную поддержку режима, кроме того, существенно расширить арсенал средств для массовой мобилизации различных слоев населения, но также и осознать ограниченность возможностей такой мобилизации в отношении значительной части населения. Помимо этого, выявилась и неорганичность такого эксперимента для сотрудников партийных и государственных органов, многие из которых открыто критиковали «заигрывание» с непролетарскими слоями населения и в случае проблем прибегали к проверенным административным методам.

Соотношение реальной и имитационной поддержки власти населением в модели «управляемой активности» не являлось постоянной величиной, власти удалось расширить реальную поддержку режима в 1925 г. и сохранять ее на достаточно высоком уровне две последующие кампании. Но к концу 1920-х гг. власть с помощью нагнетания социального напряжения, прессинга на зажиточное крестьянство и непролетарское население в городах разрушила хрупкий компромисс, достигнутый между властью и населением в предыдущие две кампании. Высокий уровень протестного поведения

населения на выборах слабо соотносился с победными реляциями советских и партийных органов в 1929 г.

Возвращение к имитационной избирательной модели в 1930-е гг., характеризовавшейся жестким партийно-государственным диктатом, вытеснением любой альтернативности, оказалось органичным для партийного и государственного аппарата всех уровней и в отличие от поворота 1925 г. не вызвало протестов и конфликтов. Однако были и существенные различия в имитационных моделях начала 1920-х гг. и начала 1930-х гг. Принципиальным отличием от предыдущего периода стала формализация избирательных процедур при внешней демонстрации высокого уровня поддержки населением власти. Избирательные собрания 1930-х гг. утратили функции прямой коммуникации с населением, превратившись в митинги на производстве или собрания колхозников, одобрявшие решения партии. Модель проведения избирательных собраний в 1931–1934 гг. в значительной степени подготовила введение полностью безальтернативных, плебисцитарных советских выборов последующего периода.

Очевидно, что на протяжении всего рассматриваемого периода в арсенале власти сосуществовали средства и методы как реальной, так и имитационной поддержки населением, и в конкретный момент (очередных политических колебаний) более выраженный характер обретала одна из линий.

Возвращаясь к вопросу о соотношении выборов и легитимности режима, важно понять, насколько выборы были показателем легитимности для власти в 1920–1930-е гг.? Представляется, что механическое применение современных критериев измерения демократичности и легитимности политического режима, выработанных на основе новейшей европейской и американской политической практики (преимущественно в странах с долгой традицией парламентаризма), является существенным упрощением ситуации и неоправданно для советского политического режима. Основные аргументы против отождествления результатов выборов и легитимности советского режима: 1) невысокая достоверность избирательной статистики в рамках исследуемого периода (как при общем учете избирателей, явки избирателей на собрания, так и подсчете голосов) не позволяет точно установить явку и итоги голосования; 2) полупринудительный характер участия в избирательных собраниях части избирателей (рабочих и служащих), на которых и достигались высокие показатели явки (по крайней

мере, в первой половине 1920-х гг. и первой половине 1930-х гг.); 3) однопартийная система не дает возможности выявить истинные политические предпочтения избирателей (о конкуренции партийных списков с кандидатами и списков, выдвинутых избирательными собраниями, можно говорить только применительно ко второй половине 1920-х гг., но при отсутствии политических партий даже голосование за конкурентный список скорее свидетельствует о протестных настроениях, а не об истинных политических предпочтениях). Поэтому утверждение о легитимности советского политического режима на основе официальных статистических данных о высокой явке и поддержке кандидатов от ВКП(б) при отсутствии реальной политической альтернативы полагаем неоправданным упрощением.

Справедливо ли тогда противоположное утверждение о незначимости выборов для большевиков и нелегитимности советского политического режима? Такое утверждение также полагаем неоправданным, поскольку в советской политической системе выборы не являлись единственным и достоверным критерием для определения реальной поддержки власти населением. Интересным вопросом для будущих исследований станет выявление таких критериев измерения легитимности советского политического режима; определение места выборов среди них и соотношения выборов и легитимности. Наше исследование показало, что в определенные периоды (по крайней мере, в ходе трех избирательных кампаний второй половины 1920-х гг.) руководство страны было заинтересовано в расширении поддержки со стороны населения, выборы были одним из инструментов и барометров этой поддержки. При формализованных избирательных процедурах начала 1920-х гг. и первой половины 1930-х гг. говорить о результатах выборов как достоверном показателе поддержки власти не приходится.

Третий вопрос, на который планировалось ответить, – чем были выборы для населения? Каковы причины и смыслы участия в выборах советских избирателей? Какие факторы влияли на формирование электоральной культуры советских граждан?

В разные периоды участие в выборах наполнялось разным смыслом для их участников. В послереволюционный период при возможности выбора альтернативных кандидатов наиболее очевидный смысл – выбор близкой по убеждениям партии и кандидатов (реальный смысл участия в выборах). Второй вариант участия в выборах – выражение протеста против политического курса большевиков. Даже при отсутствии устоявшихся политических взглядов у преобладающего большинства

избирателей голосование за оппозицию являлось одной из привычных форм выражения протеста наряду со стачками, забастовками и т. д. Согласимся с мнением С. В. Ярова, что голосование за оппозицию обусловливалось не столько «одобрением программ эсеров и меньшевиков, сколько неприятием правительственного курса»[2220], имело целью донести до находившихся у власти большевиков несогласие с проводимой политикой.

После запрета оппозиционных партий и формирования практик, связанных с жестким административным давлением, для большинства избирателей выборы утратили смысл, поскольку превратились в форму государственной повинности и стали способом выражения лояльности к большевикам для тех слоев, которые их поддерживали. Для начала 1920-х гг. характерно наибольшее выхолащивание содержания и смысла для подавляющего большинства избирателей, когда фактически они не имели возможности повлиять на состав избираемых Советов и выразить свое мнение о политике государства. Поэтому распространенной формой поведения избирателей стал абсентеизм, что до определенного момента вполне устраивало власть, поскольку при формализации избирательного процесса позволяло успешно формировать составы Советов из утвержденных партийными комитетами кандидатов при мобилизации немногочисленных лояльных слоев.

После кампании массовой отмены результатов выборов 1925 г. и объявления курса «лицом к деревне» и его значимой части (политики «оживления Советов») у населения появились новые смыслы участия в выборах. В том числе у слоев, ранее игнорировавших участие в выборах (непролетарское население городов и преобладающая часть крестьянства). Первый аспект – выдвижение и поддержка на избирательном собрании кандидатов, которые, по их мнению, могли представлять их интересы в Совете или на съезде, решать хозяйственные и экономические вопросы; отстаивать их точку зрения перед представителями власти (с возможностью проявления протеста в случае забаллотирования кандидатов, утвержденных партийными органами).

Второй аспект был порожден формой проведения выборов: на открытом избирательном собрании, предполагающем обсуждение отчетов и кандидатов. Избиратели использовали эти собрания как способ обсудить с односельчанами, жителями района, работниками предприятия бытовые, хозяйственные или социальные вопросы. А в ряде случаев и более масштабные: политики государства или

[2220] Яров С. В. Человек перед лицом власти, 1917–1920-е гг. М., 2014. С. 371.

международного положения (особенно при участии сотрудников региональных или общероссийских органов власти). В этой ситуации выборы становились одним из каналов социально-политической коммуникации во взаимоотношениях власти и общества. Они выступали своего рода «защитным клапаном», через который снималась часть недовольства населения властью, избиратели высказывали свои претензии, критиковали работу Советов, исполкомов, конкретных депутатов, руководителей; формулировали требования, оформляли наказы, что помогало власти ослабить социальную напряженность. В этом смысле во второй половине 1920-х гг. для власти выборы можно рассматривать как вполне эффективный способ коммуникации с населением.

Но если учитывать статистику по явке на избирательные собрания крестьян и непролетарской части городов в 1920-е гг., то преобладающее большинство так и не увидело смысла участия в выборах. Причины игнорирования выборов были различными: для активной части непролетарского населения городов абсентеизм становился формой пассивного протеста против монополизации власти большевиками, отражением бессмысленности участия в чуждых им органах пролетарской диктатуры. А для женщин и пожилых людей главная причина абсентеизма заключалась в отсутствии интереса к любым политическим и общественным процессам, тем более сформированных представлений о кандидатах.

В кампании первой половины 1930-х гг. (с учетом принципиального изменения политической и экономической ситуаций в стране) формы проведения избирательных собраний с многочасовым общением избирателей с представителями власти уходили в небытие. Любые альтернативные кандидаты и списки запрещались, и реальные смыслы участия в выборах утрачивались. При этом электоральная статистика показывала рост активности избирателей и отсутствие взаимосвязи формализации избирательного процесса с абсентеизмом. Реальность заметно отличалась от официальной статистики, проведенные проверки и данные в отчетах фиксировали резкое снижение интереса к выборам, повсеместное снижение явки на собрания и любой проявляемой активности. Как и в начале 1920-х гг., избиратели не видели смысла участия в выборах с заранее утвержденными кандидатами, в пресечении любого обсуждения и альтернатив. Выборы в первой половине 1930-х гг., став ритуализированной, имитационной формой волеизъявления населения, обрели и другой смысл участия в них избирателей. Граждане

из опасения и страха быть обвиненными в «антисоветских» или «контрреволюционных» настроениях принимали в них участие.

Говоря об электоральном поведении как о части электоральной культуры и в более широком смысле политической культуры, следует иметь в виду, что в России эта культура находилась у большинства населения в зачаточном состоянии. Значительная часть избирателей приобретала первый опыт участия в выборах после революции. Какие факторы определяли формирование электоральной культуры в 1920-е гг.? Один из самых значимых факторов – приобщение к политической жизни широких масс населения через наделение преобладающего большинства совершеннолетнего населения избирательными правами и регулярное проведение выборов. Очевидно, что не для всех, кто получил избирательные права, их обретение было осознанным и востребованным. Так произошло с наделением избирательными правами и приоритетной поддержкой женщин на выборах. При этом заметна отчетливая разница в гендерной эмансипации в городе и деревне.

Горожанки, особенно работающие, достаточно быстро включились в предлагаемые формы политической активности: принимали участие в избирательных собраниях, становились депутатами, членами комиссий Советов и исполкомов. К концу 1920-х гг. участие работающих женщин в выборах практически сравнялось с участием мужчин. Исключением стали домашние хозяйки и пожилые женщины, многие из которых были неграмотны, совершенно не интересовались общественно-политическими событиями. Закономерно участие в выборах у них не вызывало интереса и избирательные права были не востребованы. Добавим, что в городах эмансипация не вызывала отторжения и была нейтрально или позитивно воспринята большинством. Участие женщин в политической жизни не воспринималось как нечто экстраординарное, социальная среда оказалась более подготовленной для наделения женщин избирательными правами.

Совершенно иное отношение к участию женщин в выборах наблюдалось в деревне. Эмансипация в деревне встретила неприятие в крестьянской среде, где отношения в значительной степени определялись патриархальными традициями и устоявшимися гендерными ролями, а женщина не воспринималась сельским обществом в качестве его полноправного представителя. Относительно участия женщин в выборах и в целом в любой общественно-политической жизни в деревне сложился своего рода

консенсус. И женщины не проявляли значимого интереса к участию в выборах, зачастую будучи неграмотными или малограмотными, и мужчины крайне негативно относились к участию женщин в выборах и работе в представительных органах. Женщина, занимавшая в семье подчиненное положение, по мнению мужчин, не должна участвовать в решении политических вопросов, тем более управлять мужчинами. Поэтому организационные и информационно-пропагандистские усилия власти были малоэффективными, не привели к кардинальному изменению отношения крестьян к участию женщин в выборах.

Эти тенденции подтверждаются и официальной статистикой: если явка женщин в городе в середине 1920-х гг. не принципиально отличалась от явки мужчин на избирательные собрания (например, в 1926/27 г. явка женщин составила 50,4 %, мужчин – 67,3 %; в 1928/29 г. соответственно – 64,2 % и 76,3 %), то в деревне она отличалась кратно (в 1924/25 г. явка женщин на выборы —19,9 % против 63,5 % у мужчин; в 1925/26 г. – 28,7 % у женщин и 67,5 % у мужчин; в 1926/27 г. соответственно – 30,1 % против 66,6 %). Были и исключения: женщины более активно принимали участие в политической жизни и пользовались избирательными правами, когда становились вдовами или фактическими главами хозяйств (в случае, если муж работал в городе или был инвалидом). Очевидно, что женская эмансипация в деревне (в отличие от города в 1920-е гг.) была не столь успешной. В целом электоральная эмансипация женщин является частью более общей проблемы советской женской эмансипации и «трансформации женских семейно-ролевых и общественно-политических статусов»[2221] и представляется перспективной сферой исследования.

Главным бенефициаром политической эмансипации в Советской России стала молодежь. Молодые люди были не только активными избирателями, но и депутатами Советов и съездов. В первой половине 1920-х гг. депутаты до 25 лет составляли пятую часть депутатского корпуса горсоветов, а вместе с депутатами в возрастной группе 25–29 лет – половину всех депутатов, во второй половине 1920-х гг. – немногим менее половины. Впечатляет и количество молодежи в сельских Советах. Во второй половине 1920-х гг. среди членов и председателей сельских Советов также около 40–45 % депутатов были молодыми людьми до 29 лет. Очевидно, что для молодежи участие в

[2221] Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в двух частях. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 353.

выборах и депутатство можно рассматривать как один из социальных лифтов, созданных новой властью.

Энтузиазм и активность молодежи по-разному воспринимались в городе и деревне. На избирательных собраниях рабочих именно молодые люди до 29 лет на протяжении 1920-х гг. активно поддерживались и становились представителями производственных рабочих коллективов в горсоветах, приобретали первый политический опыт. Поддержка коллективов молодежи обусловливалась не только желанием молодежи участвовать в общественно-политической жизни и строить «новый мир», реализовывать инициативы власти. Но и определялась жизненными обстоятельствами более старших представителей рабочих коллективов (наличие семьи, детей, необходимость решения бытовых проблем и отсутствие свободного времени для работы в Совете и комиссиях), что выступало значимой аргументацией при рекомендации молодежи в депутаты.

В деревне, где мнение крестьян определялось патриархальными традициями и представлениями о трудовой этике крестьянства, отношение к избранию молодежи в сельские Советы было неоднозначным. С точки зрения крестьянских достижений, успешности хозяйствования, умения вести хозяйство, наличия семьи, очевидно, молодежь не относилась к приоритетным представителям крестьян. Остро негативной была реакция на избрание в Советы комсомольцев – совсем молодых людей, не имеющих жизненного опыта и собственного хозяйства. И их избрание проводилось либо с помощью административного давления организаторов выборов, либо становилось формулой компромисса с властью. Последнее характерно при формировании списка о включении необходимых кандидатов от власти и желательных представителей от сельского сообщества. Значительно более позитивным было отношение к молодым хозяевам, грамотным, служившим в армии, имевшим семьи (с точки зрения трудовой этики). Демобилизованные красноармейцы, прошедшие интенсивную социализацию и политизацию во время службы в Красной армии, приоритетно поддерживались властью для выдвижения в низовую номенклатуру, став своеобразным кадровым резервом власти в деревне.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что в городах эмансипация не вызывала острого неприятия и была воспринята позитивно или нейтрально большинством горожан; в деревне встретила значительно большее сопротивление и

неприятие. В любом случае это стало новым электоральным опытом для миллионов избирателей.

Неоднозначным фактором, влияющим на формирование электоральной культуры, стала приоритетная поддержка властью ранее дискриминированных групп и лишение избирательных прав до революции привилегированных групп. Этот фактор создавал постоянный конфликт вокруг вопроса о кандидатах в представительные органы. Большинство горожан и селян придерживались дореволюционных традиций и опыта, что заметно диссонировало с идеологическими установками большевиков. Отчасти вопрос касался избрания кандидатов от женщин и молодежи, но были и другие принципиальные отличия, затрагивающие социальный и имущественный статусы депутата.

Наиболее принципиально расходились представления большевиков с крестьянами и непролетарской частью городов. Большевики в качестве идеального депутата горсовета видели молодого, грамотного рабочего или работницу, члена партии или комсомольца, активно поддерживающего инициативы власти. В деревне – представителя малоимущих слоев крестьянства, предпочтительно из батрачества, члена партии или комсомольца. Эти представления входили в глубокое противоречие со взглядами крестьян и непролетарской части горожан. Они видели своими представителями грамотных (горожане – образованных) мужчин среднего возраста, женатых, обладающих недвижимостью в городе, или главу успешного крестьянского хозяйства (как правило, середняцкого), способных представлять интересы избирателей в соответствующем Совете. Население медленно и неохотно уступало власти в этом вопросе. Более или менее приемлемые для власти составы Советов обеспечивались либо с помощью методов жесткого административного давления, либо являлись сферой компромисса с населением, когда одна часть кандидатов включалась по предложению избирателей, другая часть – по предложению организаторов выборов. Желание большевиков наложить идеальную марксистскую схему на реальную структуру послереволюционного общества неизбежно приводило к острым социальным конфликтам.

Одним из факторов, определяющих становление электоральной культуры советских избирателей, стала монополизация власти большевиками (однопартийная система и отсутствие политической конкуренции). Этот фактор, умноженный на

мощную советскую пропаганду, формировал искаженную политическую картину, деформировал сущность институтов представительства, негативно воздействуя на представления граждан, недавно приобщенных к политической жизни.

Влияние разнонаправленных факторов, отсутствие сколько-нибудь значимого электорального опыта у большинства избирателей, мощное воздействие пропаганды приводили к неустойчивым формам и политическим предпочтениям. Это находило отражение как на выборах в послереволюционный период при голосовании за оппозиционные партии, так и в нерациональных колебаниях (основанных на эмоциях) от лояльного к протестному поведению (и наоборот) на избирательных собраниях в 1920-е гг. Все это обусловило сложные и пока малоизученные процессы формирования электоральной культуры советских избирателей, оказывающие влияние на электоральную и политическую культуру граждан современной России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф.Р.-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). 1917-1930. г. Москва.

Канцелярия наркома

Оп.1. Д. 1а, 2, 4, 5

Управление делами НКВД

Оп. 1а. Д. 92, 93, 94, 95, 95а, 118, 119, 142, 145, 147, 153, 154, 154а, 155, 156, 165, 166, 189, 198.

Организационно-инструкторский и коммунальный отделы

Оп. 22. Д. 7.

Статистический отдел

Оп. 29. Д. 1, 2, 10а, 10б.

Статистический отдел (бюро) Управления делами

Оп. 40. Д. 3, 5, 6, 7, 8, 9, 17, 18, 19, 20, 22, 23.

Оп. 48. Д. 2, 3, 4, 8.

Оп. 55. Д. 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 286, 287, 288, 290, 291, 292, 302, 303, 304.

Оп. 62. Д. 2а, 4, 5.

Секретариат коллегии и общего отдела Управления делами

Оп. 47. Д. 88, 90, 103, 104, 119.

Оп. 53. Д. 1, 6, 45, 46, 47, 153, 154, 155, 162, 164, 165.

Оп. 60. Д. 116, 117, 118, 150, 151.

Оп. 67. Д. 185, 187, 188.

Административно-организационное (Центральное административное) управление.

Организационный отдел, Организационное управление и учетно-распределительный отдел

Оп. 35. Д. 2, 5, 6, 9.

Оп. 49. Д. 4, 13, 14, 15, 16.

Оп. 54. Д. 67, 69, 70, 100, 101, 102.

Статистический отдел Административно-организационного управления

Оп.36. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Инспекция и секретариат ЦАУ

Оп.56. Д. 16, 17, 18, 19, 28, 29, 30, 31.

Административный отдел ЦАУ

Оп. 57. Д. 44, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67.

Ф.Р.-1235. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), г. Москва.

Президиум ВЦИК

Оп. 41. Д. 13, 14, 15.

Оп. 42. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Оп. 43. Д. 1, 2, 4, 5.

Секретариат Президиума ВЦИК

Оп. 72. Д. 2, 3, 4, 17.

Оп. 73. Д. 6, 7, 8, 27, 28.

Оп. 74. Д. 10, 11, 21.

Общий отдел.

Оп. 95. Д. 346.

Оп. 96. Д. 77, 78, 99.

Организационный отдел ВЦИК (Оп. 99–114)

Оп. 99. Д. 1, 265, 266, 267.

Оп. 101. Д. 150, 151, 152, 208, 209.

Оп. 102. Д. 48, 49, 89, 111, 132, 231, 232, 282.

Оп. 103. Д. 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 101, 102, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 644, 645, 646, 647, 648, 651, 652, 653, 654а, 654б, 655, 656, 657, 658, 659, 662, 663, 664, 665а, 665б, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 721, 723, 725, 726, 727, 729, 730.

Оп. 104. Д. 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 1045, 1046, 1047, 1048, 1049, 1050, 1051, 1052, 1053, 1054, 1055, 1056, 1057, 1058, 1059, 1060, 1061,

1062, 1064, 1065, 1067, 1068, 1071, 1072, 1073, 1075, 1077, 1078, 1079, 1080, 1081, 1082, 1083, 1084, 1085, 1086, 1087, 1088, 1089, 1090а, 1090б, 1091, 1092, 1093а, 1093б, 1094а, 1094б, 1095, 1098, 1099, 1100, 1101, 1102, 1103, 1104, 1105, 1106, 1107, 1108, 1109, 1110, 1111, 1112, 1113, 1115, 1116, 1117, 1118, 1119, 1120, 1121, 1122, 1148, 1149, 1150, 1151.

Оп. 105. Д. 2, 4, 27, 28, 38, 39, 40, 133, 134, 135, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 495, 498, 500, 501, 502, 503, 504, 510.

Оп. 106. Д. 2, 3, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 241, 242, 245, 247, 253, 516, 518, 521, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 619, 621.

Оп. 107. Д. 162, 163, 166, 167, 208, 210, 211, 220, 221, 222, 223, 228, 230, 231, 232, 235, 237, 240, 241, 419, 517, 536, 537, 561.

Оп. 108. Д. 24, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 261, 262, 264, 265, 267, 268, 284, 285, 286, 290, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 314, 315, 318, 597, 598, 599, 604, 605, 607, 608, 609, 611, 643, 645, 648, 651, 660, 661, 664, 665, 668, 673, 676, 680, 683, 685

Оп. 111. Д. 10, 11, 14.

Оп. 112. Д. 2, 3, 5, 6, 7, 14, 15, 18, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 28.

Оп. 114. Д. 16, 17, 21, 22, 24, 29, 33, 35, 38, 39.

Фракция ВКП (б) Президиума ВЦИК

Оп. 142. Д. 29, 39, 50, 65, 81, 83.

Ф.Р. 3316. Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР). г. Москва. 1922-1938

Секретариат Президиума ЦИК СССР. Финансовое управление.

Оп. 16а. Д. 265, 286, 416, 421, 446, 448, 449.

Секретариат Президиума ЦИК СССР.

Оп. 19. Д. 194, 195, 196.

Оп. 20. Д. 947, 948, 949, 951, 952, 954, 955, 956, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 967, 968, 987, 989, 991а, 991б, 999, 1005.

Конституционная комиссия ЦИК СССР

Оп. 40. Д. 4, 5, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 85, 87.

Совещания и Комиссии при ЦИК СССР

Оп. 42. Д. 1, 2, 3, 363, 364, 378, 379, 380, 384а.

Совещание при Президиуме ЦИК СССР по вопросам советского строительства

Оп. 46. Д. 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 34, 38, 39, 43.

Материалы о разработке Положения о выборах в Верховный Совет СССР 1-го созыва

Оп. 57. Д.1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 17, 18.

Центральная избирательная комиссия при ЦИК СССР

Оп. 62. Д. 1, 2, 3, 4.

Ф.А-5248. Всероссийская центральная избирательная комиссия (Центризбирком) при Президиуме ВЦИК (1925–1937)

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 97А, 98, 98А, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152.

Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27; 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39.

Оп. 3. Д. 244, 245, 248, 262, 263, 265–467; 487–803; 1022–1783; 2081–2428.

Оп. 4. Д. 421–678; 801–1236; 1505–1880; 2040–2177; 2383–2795; 6205–6480.

Оп. 5. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132.

Оп. 6. Д. 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132; 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297; 412, 413, 414, 415, 416, 417.

Оп. 7. Д. 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597.

Оп. 8. Д. 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862; 1020, 1021, 1022, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027, 1028, 1029, 1030, 1031, 1032, 1033, 1034, 1035, 1036, 1037, 1038, 1039, 1040, 1041, 1042, 1043, 1044, 1045, 1046, 1047, 1048, 1049, 1050, 1051, 1052, 1053, 1054, 1055; 1370, 1371, 1372, 1373, 1374, 1375, 1376, 1377, 1378, 1379, 1380, 1381, 1382, 1383, 1384, 1385, 1386, 1387, 1388, 1389, 1390, 1391, 1392, 1393, 1394, 1395, 1396, 1397.

Оп. 9. Д. 12001, 12002, 12003, 12004, 12005, 12006, 12007, 12008, 12009, 12010, 12011, 12012, 12013, 12014, 12015, 12016, 12017, 12018, 12019, 12020, 12021, 12022, 12023, 12024, 12025, 12026, 12027, 12028, 12029, 12030; 13050, 13051, 13052, 13053, 13054, 13055, 13056, 13057, 13058, 13059, 13060, 13061, 13062, 13063, 13064, 13065, 13066, 13067, 13068, 13069, 13070, 13071, 13072, 13073, 13074, 13075, 13076, 13077, 13078, 13079, 13080, 13081, 13082, 13083, 13084, 13085, 13086, 13087, 13088, 13089, 13090, 13091, 13092, 13093, 13094, 13095, 13096, 13097, 13098, 13099, 13100, 13101, 13102, 13103, 13104, 13105, 13106, 13107, 13108, 13109, 13110, 13111, 13112, 13113, 13114, 13115.

Оп. 10. Д. 2730, 2731, 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738, 2739, 2740, 2741, 2742, 2743, 2744, 2745, 2746, 2747, 2748, 2749, 2750, 2751, 2752, 2753, 2754, 2755, 2756, 2757, 2758, 2759, 2760, 2761, 2762, 2763, 2764, 2765, 2766, 2767, 2768, 2769, 2770, 2771, 2772, 2773, 2774, 2775, 2776, 2777, 2778, 2779, 2780.

Оп. 11. Д. 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430; 511, 512, 513, 614, 615, 616; 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846,

847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900.

Оп. 12. Д. 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450; 2875, 2876, 2877, 2878, 2879, 2880, 2881, 2882, 2883, 2884, 2885, 2886, 2887, 2888, 2889, 2890, 2891, 2892, 2893, 2894, 2895, 2896, 2897, 2898, 2899; 3115, 3116, 3117, 3118, 3119, 3120, 3121, 3122, 3123, 3124, 3125, 3126, 3127, 3128, 3129, 3130, 3131, 3132.

Оп. 13. 5271, 5272, 5273, 5274, 5275, 5276, 5277, 5278, 5279, 5280, 5281, 5282, 5283, 5284, 5285, 5286, 5287, 5288, 5289, 5290, 5291; Д. 8101, 8102, 8103, 8104, 8105, 8106, 8107, 8108, 8109, 8110, 8111, 8112, 8113, 8114, 8115, 8116, 8117, 8118, 8119, 8120, 8121, 8122, 8123, 8124, 8125, 8126, 8127, 8128, 8129, 8130, 8131, 8132, 8133, 8134, 8135, 8136, 8137, 8138, 8139, 8140, 8141, 8142, 8143, 8144, 8145, 8146, 8147, 8148, 8149, 8150, 8151, 8152, 8153, 8154, 8155, 8156, 8157, 8158, 8159, 8160.

Оп. 14. Д. 10001, 10002, 10003, 10004, 10005, 10006, 10007, 10008, 10009, 10010, 10011, 10012, 10013, 10014, 10015, 10016, 10017, 10018, 10019, 10020, 10021, 10022, 10023, 10024, 10025, 10026, 10027, 10028, 10029, 10030, 10031, 10032, 10033, 10034, 10035, 10036, 10037, 10038, 10039, 10040; 12070, 12071, 12072, 12073, 12074, 12075, 12076, 12077, 12078, 12079, 12080, 12081, 12082, 12083, 12084, 12085, 12086, 12087, 12088, 12089, 12090, 12091, 12092, 12093, 12094, 12095, 12096, 12097, 12098, 12099, 13100, 13101.

Оп. 15. Д. 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400.

Оп. 16. Д. 1001, 1002, 1003, 1004, 1005, 1006, 1007, 1008, 1009, 10010, 1011, 1012, 1013, 1014, 1015, 1016, 1017, 1018, 1019, 1020, 1021, 1022, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027, 1028, 1029, 1030; 1100, 1101, 1102, 1103, 1104, 1105, 1106, 1107, 1108, 1109, 1110, 1111, 1112, 1113, 1114, 1115, 1116, 1117, 1118, 1119, 1120; 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100.

Оп. 17. 7011, 7012, 7013, 7014, 7015, 7016, 7017, 7018, 7019, 7020, 7021, 7022, 7023, 7024, 7025, 7026, 7027, 7028, 7029, 7030, 7031, 7032, 7033, 7034, 7035, 7036, 7037, 7038, 7039, 7040, 7041, 7042, 7043, 7044, 7045, 7046, 7047, 7048, 7049, 7050, 7051, 7052, 7053, 7054, 7055, 7056, 7057, 7058, 7059, 7060; 9101, 9102, 9103, 9104, 9105, 9106, 9107, 9108, 9109, 9110, 9111, 9112, 9113, 9114, 9115, 9116, 9117, 9118, 9119, 9120, 9121, 9122, 9123, 9124, 9125, 9126, 9127, 9128, 9129, 9130, 9131, 9132, 9133, 9134, 9135, 9136, 9137, 9138, 9139, 9140, 9141, 9142, 9143, 9144, 9145, 9146, 9147, 9148, 9149, 9150.

Оп. 18. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28.

Оп. 19. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

Российский государственный архив социально-политической истории

Ф. 2. Ленин (наст.Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924)

Ленин (наст. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924)

Оп. 1. Д. 18265, 22425, 24617.

Оп. 2. Д. 826.

Ф. 17. Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903-1991), г. Москва

Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ВКП(б) VII-XVIII созывов

Оп. 3. Д. 257, 297, 301, 304, 307, 311, 406, 408, 433, 470, 482, 486, 498, 554, 560, 574, 601, 605, 613, 617, 650, 696, 718.

Переписка Секретно-оперативного отдела и Бюро Секретариата ЦК ВКП(б) и с местными партийными организациями

Оп. 33. Д. 7, 14, 19, 21, 23, 24, 28, 29, 38, 39, 40, 61, 62, 63, 64, 65, 71, 72, 73, 74, 78, 79, 82, 83, 90, 92, 94, 96, 97, 98, 105, 106, 107, 108 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 120.

Отдел агитации и пропаганды, печати, по агитации, пропаганде и печати ЦК ВКП(б)

Оп. 60. Д. 408, 441.

Организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б)

Оп. 69. Д. 327, 329, 334, 336, 337, 338, 339, 340,

Бюро секретариата ЦК РКП(б)

Оп. 84. Д. 43, 44, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 271, 272, 273, 274, 380, 758, 795, 810, 824, 825, 826, 902, 903, 904, 905, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 944, 957.

Секретный отдел ЦК ВКП (б)

Оп. 85. Д. 5, 9, 16, 19, 21, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 71, 72, 74, 101, 102, 169, 205, 207, 213, 217, 222, 260, 263, 311, 313, 354, 355, 361, 376

Бюро секретариата ЦК РКП(б)

Оп. 86. Д. 141, 243, 244.

Документы комиссий Политбюро ЦК РКП (б) - ВКП (б) - ЦК КПСС

Оп. 164 (164СЧ). Д. 54, 55, 56, 57, 58, 59.

Ф. 94 Фракция РКП(б) и ВКП(б) во ВЦИК, на съездах Советов и в Президиуме ЦИК СССР (1918-1938)

Документы фракции РКП(б) и ВКП(б) во ВЦИК за 1918-1938 гг.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 6, 15, 19, 26, 30, 37, 44, 46, 49, 52, 55, 60.

Документы фракции РКП(б) и ВКП(б) во ВЦИК за 1919-1929 гг.

Оп. 2. Д. 12, 13, 14, 15, 21, 23, 24, 25, 26, 27.

Ф. 558 Сталин Иосиф Виссарионович (1878-1953).

Оп. 1. Д. 2479, 3275.

Опубликованные источники

Законодательно-нормативные материалы

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ)

1. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. СПб. 1867. Ст. 40457.

2. Высочайше утвержденные Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях от 25 мая 1864 года // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. СПб. 1867. Ст. 40934.

3. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. // ПСЗ РИ. Соб. III. Т.X. Отделение 1-е. СПб., 1893. Ст. 6927.

4. Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. XXV. Отделение II-е. Приложения. Спб., 1908.

5. Именной высочайший указ, данный Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений» от 11 декабря 1905 г. // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. XXV. Отделение 1-е. СПб., 1908. Ст. 27029.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР)

6. Декрет о роспуске Петроградской городской Думы от 16 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 37.

7. Декрет о праве отзыва делегатов от 24 ноября 1917 г. «О праве отзыва делегатов» // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 49.

8. Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 64.

9. Обращение ко всем трудящимся и эксплуатируемым от 30 ноября 1917 г. «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партии» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 64.

10. Постановление членов Всероссийской по выборам в Учредительное Собрание комиссии от 30 ноября 1917 г. «О смещении членов Всероссийской по выборам в Учредительном Собрании комиссии» // СУ РСФСР 1917. № 5. Ст. 72.

11. Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов от 24 декабря 1917 г. «Об организации местного самоуправления» // СУ РСФСР 1917. № 12. Ст. 179.

12. Декрет о роспуске Учредительного Собрания, принятый в заседании ЦИК 6 января 1918 г. «О роспуске Учредительного Собрания» // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 216.

13. Постановление ВЦИК Советов Рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 10 июня 1918 г. «О созыве 5-го очередного съезда Советов» // СУ РСФСР. 1918. № 43. Ст. 523.

14. Постановление ВЦИК Советов Рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 14 июня 1918 г. «Об исключении из состава ВЦИК Советов и местных Советов представителей контрреволюционных партий – социалистов-революционеров (правых и центра) и российской РСДРП (меньшевиков)» // СУ РСФСР. 1918. № 44. Ст. 536.

15. Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

16. Декрет СНК от 25 июля 1918 г. «О государственной статистике (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 55. Ст. 611.

17. Постановление ВЦИК Советов от 2 декабря 1918 г. «О порядке выборов волостных и сельских Советов (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 901.

18. Постановление ВЦИК Советов от 30 ноября 1918 г. «О допущении РСДРП (меньшевиков) к участию в Советской работе» // СУ РСФСР. 1918. № 91–92. С. 926.

19. Постановление ВЦИК от 23 февраля 1919 г. «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции (Положение)» // СУ РСФСР. 1919. № 5. Ст. 48.

20. Резолюции постановления 7-го Всероссийского съезда Советов от 12 декабря 1919 г. «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1919. № 64. Ст. 578.

21. Декрет ВЦИК от 15 февраля 1920 г. «О сельских Советах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920 г. № 11. Ст. 68.

22. Декрет ВЦИК от 4 ноября 1920 г. «О порядке выборов на 8-й Всероссийский Съезд Советов» // СУ РСФСР. 1920. № 89. Ст. 460.

23. Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации городских Советов Рабочих и красноармейских Депутатов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 71.

24. Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки Съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

25. Декрет ВЦИК от 8 апреля 1922 г. «Об осуществлении избирательного права в Советы депутатов красноармейцами, рабочими и служащими транспорта и ударных и милитаризованных предприятий» // СУ РСФСР. 1921. № 32. Ст. 174.

26. Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90.

27. Положение об уездных съездах, Советах и их исполнительных комитетах от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 91.

28. Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 92.

29. Положение о сельских Советах от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 93.

30. Декрет ВЦИК от 31 августа 1922 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706.

31. Постановление IV сессии ВЦИК IX созыва «Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907.

32. Декрет ВЦИК от 16 ноября 1922 г. «О порядке выборов на X Всероссийский Съезд Советов» // СУ РСФСР. 1922. № 76. Ст. 953.

33. Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» // СУ РСФСР. 1924. № 71. Ст. 695.

34. Постановление 2-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825.

35. Постановление 2-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 826.

36. Постановление 2-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 827.

37. Конституция РСФСР от 11 мая 1925 г. принята Постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11.05.1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

38. Декрет ВЦИК «О порядке и условиях руководства губернскими исполнительными комитетами точным смыслом Конституции РСФСР при лишении отдельных граждан или целых групп избирательных прав» от 6 июня 1925 г. // СУ РСФСР. 1925 г. № 60. Ст. 489.

39. Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

40. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1925 г. «О нормах к предстоящим выборам городских Советов на 1925–1926 год» от 30 ноября 1925 г. // СУ РСФСР. № 85. Ст. 630.

41. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1925 г. «О привлечении на выборы всех имеющих избирательные права трудящихся национальных меньшинств» // СУ РСФСР. № 85. Ст. 635.

42. Декрет ВЦИК от 7 декабря 1925 г. «О введении в действие Положения о городских Советах» // СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 661.

43. Постановление, принятое на 2 сессии ВЦИК XII созыва от 24 октября 1925 г. «Об утверждении Положения о городских Советах» // СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 662.

44. Декрет ВЦИК и СНК от 11 января 1926 г. «Об изменении норм представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. 1926. № 5. Ст. 29.

45. Декрет ВЦИК от 11 января 1926 г. «Об изменении норм представительства для выборов делегатов на волостные, районные и уездные съезды Советов» // СУ РСФСР. 1926. № 8. Ст. 54.

46. Декрет ВЦИК от 8 февраля 1926 г. «Положение о Всероссийской центральной избирательной комиссии» // СУ РСФСР. 1926. № 8. Ст. 59.

47. Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 4 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

48. Постановление ВЦИК от 13 декабря 1926 г. «О дополнении примечанием 40 Инструкции Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1927. № 1. Ст. 8.

49. Постановление ВЦИК от 6 декабря 1927 г. «О дополнении инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. о выборах в Советы для Киргизской АССР» // СУ РСФСР. 1927. № 2. Ст. 9.

50. Постановление ВЦИК от 13 декабря 1927 г. «Об установлении избирательных норм для города Москвы на период избирательной кампании 1927 года» // СУ РСФСР. 1927. № 2. Ст. 10.

51. Постановление ВЦИК от 13 декабря 1927 г. «Об изменении постановления Президиума ВЦИК от 12 января 1925 г. о подразделении автономных областей

и губерний РСФСР на 5 групп для установления числа членов губернского (областного) исполнительного комитета» // СУ РСФСР. 1927. № 2. Ст. 11.

52. Постановление ВЦИК от 10 января 1927 г. «Об установлении на текущую избирательную кампанию норм представительства для города Ленинграда при выборах в Ленинградский Совет // СУ РСФСР. 1927. № 6. Ст. 49.

53. Постановление ВЦИК от 10 января 1927 г. «Об установлении для автономной Карельской АССР на избирательную кампанию 1926–1927 гг. норм представительств при выборах в Советы и на съезды Советов» // СУ РСФСР. 1927. № 6. Ст. 50.

54. Постановление ВЦИК от 10 января 1927 г. «Об установлении на текущую избирательную кампанию нормы представительства на республиканский съезд Советов Автономной Бурят-Монгольской ССР от горсовета города Верхнеудинска // СУ РСФСР. 1927. № 6. Ст. 51.

55. Постановление ВЦИК от 24 января 1927 г. «О дополнении статьи 2 Положения о Всероссийской центральной избирательной комиссии» // СУ РСФСР. 1927. № 11. Ст. 82.

56. Постановление ВЦИК от 14 февраля 1927 г. «О восстановлении в избирательных правах низших технических служащих тюремного ведомства, бывшей полиции и пр.» // СУ РСФСР. 1927. № 19. Ст. 127.

57. Постановление ВЦИК от 21 февраля 1927 г. «О дополнении постановления Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 11 января 1926 года «Об изменении нормы представительства для выборов делегатов на волостные, районные и уездные съезды Советов» // СУ РСФСР. 1927. № 19. Ст. 127.

58. Постановления ВЦИК от 14 марта 1927 г. «О дополнении инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. о выборах в Советы для автономной Калмыцкой области» // СУ РСФСР. 1927. № 28. Ст. 184.

59. Постановления ВЦИК от 14 марта 1927 г. «Об изменении постановления ВЦИК и СНК от 11 января 1926 г. об изменении норм представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. 1927. № 28. Ст. 185.

60. Постановление ВЦИК от 23 января 1928 г. «Об изменении постановления Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 11 января

1926 г. «Об изменении норм представительства для выборов делегатов на волостные, районные и уездные съезды Советов» // СУ РСФСР. 1928. № 15. Ст. 121.

61. Постановление ВЦИК от 2 января 1928 г. «Об установлении изъятий из статей 19 и 31 Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов, утвержденной Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета 4 ноября 1926 года, для города Ленинграда» // СУ РСФСР. 1928. № 24. Ст. 173.

62. Постановление ВЦИК от 30 апреля 1928 г. «Об изменении статьи 19 Инструкции Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1928. № 51. Ст. 388.

63. Постановление ВЦИК от 6 апреля 1928 г. «Об утверждении Положения о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1928. № 94. Ст. 606.

64. Постановление ВЦИК 17 декабря 1928 г. «О нормах представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. 1929. № 5. Ст. 53.

65. Постановление ВЦИК и СНК от 7 января 1929 г. «Об изменении и дополнении Положения о городских Советах» // СУ РСФСР. 1929. № 11. Ст. 119.

66. Постановление ВЦИК от 4 февраля 1929 г. «Об изъятиях из Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах для Ленинградской области» // СУ РСФСР. 1929. № 15. Ст. 165.

67. Постановление ВЦИК от 4 февраля 1929 г. «Об изъятиях из Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах для Северо-Кавказского края» // СУ РСФСР. 1929. № 15. Ст. 166.

68. Постановление ВЦИК от 4 февраля 1929 г. «Об изъятиях из Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах и их исполнительных комитетах для Сибирского края» // СУ РСФСР. 1929. № 15. Ст. 167.

69. Постановление ВЦИК от 4 февраля 1929 г. «Об изъятиях из Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах для Уральской области» // СУ РСФСР. 1929. № 15. Ст. 168.

70. Постановление ВЦИК от 25 февраля 1929 г. «Об изменении статьи 23 постановления Президиума ВЦИК от 17 декабря 1928 г. о нормах представительства

при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ РСФСР. 1929. № 20. Ст. 216.

71. Постановление ВЦИК и СНК от 25 февраля 1929 г. «О распространении соответствующих частей Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах на районные и окружные съезды Советов и их исполнительные комитеты в районированных автономных республиках и автономных областях» // СУ РСФСР. 1929. № 27. Ст. 275.

72. Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. «Об ограничении проживания лиц нетрудовых категорий в муниципализированных и национализированных домах и о выселении бывших домовладельцев из национализированных и муниципализированных домов» // СУ РСФСР. 1929. № 33. Ст. 339.

73. Постановление ВЦИК и СНК от 15 апреля 1929 г. «Об утверждении инструкции об организации и деятельности районных Советов в городах» // СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 354.

74. Постановление ВЦИК и СНК от 2 сентября 1929 г. «Об изменении и дополнении ст.ст.9 и 53 Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах»// СУ РСФСР. 1929. № 68. Ст. 666.

75. Постановление ВЦИК от 10 октября 1929 г. «Об утверждении Положения о Секретариате Президиума ВЦИК» //СУ РСФСР. 1929. № 75. Ст. 736.

76. Постановление ВЦИК от 30 сентября 1929 г. «Об утверждении Положения об Организационном отделе Президиума ВЦИК» // СУ РСФСР. 1929. № 75. Ст. 737.

77. Постановление ВЦИК и СНК от 30 октября 1929 г. «О городских Советах городов, являющиеся центрами краевых и областных объединений и о их взаимоотношениях с краевыми и областными органами власти» // СУ РСФСР. 1929. № 80. Ст. 784.

78. Постановление ВЦИК от 5 февраля 1930 г. «О производстве частичных перевыборов сельских Советов и районных исполнительных комитетов РСФСР»// СУ РСФСР. 1930. № 6. Ст. 69.

79. Постановление ВЦИК и СНК от 28 февраля 1930 г. «По докладу Всероссийской центральной избирательной комиссии о ходе отчетно-проверочной

кампании и о подготовке частичных перевыборов сельсоветов и райисполкомов» // СУ РСФСР. 1930. № 10. Ст. 116.

80. Постановление ВЦИК от 8 марта 1930 г. «Об отсрочке до окончания весенней посевной кампании частичных перевыборов сельсоветов и райисполкомов» // СУ РСФСР. 1930. № 12. Ст. 147.

81. Постановление ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан» // СУ РСФСР.1930. № 18. Ст. 233.

82. Постановление ВЦИК от 30 апреля 1930 г. «О разъяснении п.5 постановления Президиума ВЦИК от 10 апреля 1930 г. о мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан»// СУ РСФСР. 1930. № 22. Ст. 278.

83. Постановление ВЦИК от 30 мая 1930 г. «О дополнении избирательной инструкции Президиума ВЦИК от 4 ноября 1926 г., применительно к бытовым условиям автономных областей, входящих в состав Северо-кавказского края» // СУ РСФСР. 1930. № 26. Ст. 348.

84. Постановление ВЦИК от 20 августа 1930 г. «О работе, структуре и штатах горсоветов в связи с ликвидацией округов»// СУ РСФСР. 1930. № 41. Ст. 493.

85. Постановление ВЦИК от 20 августа 1930 г. «О мероприятиях по рассмотрению крестьянских жалоб» // СУ РСФСР. 1930 № 41. Ст. 495.

86. Постановление ВЦИК от 28 сентября 1930 г. «О сроках созыва очередных съездов Советов по РСФСР и о порядке избрания делегатов на Всероссийский съезд Советов»// СУ РСФСР. 1930. № 48. Ст. 579.

87. Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.

88. Постановление ВЦИК от 3 ноября 1930 г. «О задачах предстоящей избирательной кампании 1930/31 г.» // СУ РСФСР. 1930. № 56. Ст. 671.

89. Постановление ВЦИК от 10 ноября 1930 г. «О нормах представительства и о порядке выборов на съезды Советов для автономных республик, автономных областей и отдельных национальных округов» // СУ РСФСР. 1930. № 57. Ст. 681.

90. Постановление ВЦИК от 27 ноября 1930 г. «О количестве делегатов на XV Всероссийский съезд Советов»// СУ РСФСР. 1930. № 60. Ст. 708.

91. Постановление ВЦИК от 1 января 1931 г. «Об утверждении Положения о сельских Советах РСФСР» // СУ РСФСР. 1931. № 11. Ст. 142.

92. Постановление ВЦИК от 1 января 1931 г. «Об утверждении Положения о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1931. № 11. Ст. 143.

93. Постановления XV Всероссийского съезда Советов от 4 марта 1931 г. «Об изменении статей 20, 37, 38, 47, 49, 50, 51, 52, 57, 64 и 67 Конституции (Основного закона РСФСР)» // СУ РСФСР. 1931. № 22. Ст. 212.

94. Постановление ВЦИК от 20 августа 1931 г. «Об изменении ст.18 инструкции Президиума ВЦИК о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1931. № 52. Ст. 388.

95. Постановление ВЦИК от 10 сентября 1931 г. «О проведении перевыборов Советов, районных и окружных съездов Советов в национальных районах и округах Крайнего Севера» // СУ РСФСР. 1931. № 56. Ст. 413.

96. Постановление ВЦИК от 30 октября 1931 г. «О запрещении государственным учреждениям и организациям требовать от граждан предоставления справок о наличии избирательных прав» // СУ РСФСР. 1931. № 69. Ст. 491.

97. Постановление ВЦИК и СНК от 20 апреля 1932 г. «Об утверждении Положения об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1932. № 39. Ст. 176.

98. Постановление ВЦИК от 20 января 1933 г. «Об утверждении Положения о городских Советах» // СУ РСФСР. 1933. № 29. Ст. 103.

99. Постановление ВЦИК и СНК от 20 августа 1933 г. «Об утверждении Положения о кочевых Советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 49. Ст. 209.

100. Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

101. Постановление ВЦИК от 20 октября 1934 г. «О нормах представительства при выборах в городские и районные Советы» // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 227.

102. Постановление ВЦИК от 28 октября 1934 г. «О предельном составе сельских Советов» // СУ РСФСР. 1934. № 39. Ст. 238.

103. Постановление ВЦИК от 23 октября 1934 г. «О количественном составе районных съездов Советов» // СУ РСФСР. 1934. № 39. Ст. 239.

104. Постановление ВЦИК от 28 октября 1934 г. «О порядке выборов в городские Советы от присоединенных к городам местностей» // СУ РСФСР. 1934. № 39. Ст. 240.

105. Постановление ВЦИК от 1 ноября 1934 г. «О нормах представительства и о порядке выборов на съезды Советов для автономных республик, автономных областей и отдельных национальных округов» // СУ РСФСР. 1934. № 40. Ст. 246.

106. Постановление ВЦИК от 20 декабря 1934 г. «О количественном составе краевых, областных и окружных исполнительных комитетов и их президиумов» // СУ РСФСР. 1935. № 1. Ст. 2.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР)

107. Постановление ЦИК СССР от 14 ноября 1924 г. «Об отсрочке созыва III съезда Советов Союза ССР» // СЗ СССР. 1924. № 18. Ст. 173.

108. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» от 29 декабря 1924 г.// СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3.

109. Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 54.

110. Постановление Президиума ЦИК от 16 января 1925 г. «Об Инструкции о перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55.

111. Постановление 3-го съезда Советов Союза ССР от 20 мая 1925 г «По вопросам советского строительства» // СЗ СССР. 1925. № 35. Ст. 247.

112. Постановление Президиума ЦИК от 8 апреля 1925 г. «О применении Инструкции о перевыборах в Советы» // СЗ СССР. 1925. № 42. Ст. 313.

113. Постановление Президиума ЦИК от 2 октября 1925 г. «О порядке выборов в Советы и на съезды Советов» // СЗ СССР. 1925. № 68. Ст. 506.

114. Постановление Президиума ЦИК «О производстве ближайших перевыборов в Советы и на съезды Советов» от 2 октября 1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 68. Ст. 507.

115. Постановление Президиума ЦИК от 5 августа 1926 г. «Об отсрочке созыва 4-го съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик и очередных выборов в Советы и на съезды Советов в союзных республиках» // СЗ СССР. 1926. № 52. Ст. 385.

116. Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1926. № 66. Ст. 500.

117. Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1926. № 66. Ст. 501.

118. Постановление Президиума ЦИК от 19 ноября 1926 г. «О сроке созыва 4-го съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик и очередных выборах в Советы и на съезды Советов в союзных республиках» // СЗ СССР. 1926. № 74. Ст. 573.

119. Постановление Президиума ЦИК от 19 ноября 1926 г. «О формах учета хода и результатов выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты, и о формах списков учета избирателей» // СЗ СССР. 1926. № 75. Ст. 593.

120. Постановление Президиума ЦИК от 19 ноября 1926 г. «О подготовке и проведении очередных выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты»// СЗ СССР. 1926. № 75. Ст. 594.

121. Постановление ЦИК от 12 ноября 1927 г. «О формах учета хода и результатов выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты, и о формах списков учета избирателей» // СЗ СССР. 1927. № 67. Ст. 682.

122. Постановление ЦИК от 23 ноября 1927 г. «О перевыборах советов в 1927–1928 году» // СЗ СССР. 1927. № 67. Ст. 683.

123. Постановление Президиума ЦИК от 5 января 1928 г. «Об установлении срока перевыборов в 1928 г. сельских и городских Советов и созыва волостных (районных), уездных (окружных), губернских и областных (краевых) съездов Советов» // СЗ СССР. 1928. № 3. Ст. 30.

124. Постановление Президиума ЦИК от 8 февраля 1928 г. «Основные положения об организации в Союзе ССР городских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» // СЗ СССР. 1928. № 10. Ст. 86.

125. Постановление Президиума ЦИК от 8 февраля 1928 г. «Об усилении деятельности городских Советов» // СЗ СССР. 1928. № 10. Ст. 87.

126. Постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР, принятое на 4-й сессии 4-го созыва от 12 декабря 1928 г. «О выборах в Советы в 1928-1929 году» // СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 637.

127. Постановление Президиума ЦИК от 11 января 1929 г. «Об изменении редакции пункта «е» ст. 12 Инструкции Президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1929. № 19. Ст. 161.

128. Постановление Президиума ЦИК от 11 января 1929 г. «Об изменении редакции пункта 6 раздела III формы отчетности №19, приложенной к Постановлению Президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР о формах учета хода и результатов выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты, и о формах списков учета избирателей» // СЗ СССР. 1929. № 19. Ст. 162.

129. Постановление Президиума ЦИК от 1 марта 1929 г. «По докладу о предварительных итогах избирательной кампании в Союзе ССР» от 1 марта 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 19. Ст. 163.

130. Постановление Президиума ЦИК от 16 августа 1929 г. «Об участии Советов и исполнительных комитетов в кампании перевыборов делегатских собраний» // СЗ СССР. 1929. № 51. Ст. 471.

131. Постановление Президиума ЦИК от 31 января 1930 г. «О досрочных перевыборах сельских Советов и районных исполнительных комитетов» // СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 106.

132. Постановление Президиума ЦИК от 3 февраля 1930 г. «Основные положения об организации сельских Советов в Союзе ССР» // СЗ СССР. 1930. № 16. Ст. 172.

133. Постановление Президиума ЦИК от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР» от 22 марта 1930 г.// СЗ СССР. 1930. № 19. Ст. 212.

134. Постановление Президиума ЦИК от 26 сентября 1930 г. «О сроке созыва 6-го съезда Советов Союза ССР и очередных выборах в Советы и на съезды Советов в союзных республиках» // СЗ СССР. 1930. № 49. Ст. 514.

135. Постановление Президиума ЦИК от 3 октября 1930 г. «Об утверждении Инструкции о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1930. № 50. Ст. 523.

136. Постановление Президиума ЦИК от 3 октября 1930 г. «Инструкция о выборах в Советы» // СЗ СССР. 1930. № 50. Ст. 524.

137. Постановление Президиума ЦИК от 3 октября 1930 г. «О формах учета хода и результатов выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты и о формах списков учета избирателей» // СЗ СССР. 1930. № 50. Ст. 525.

138. Постановление Президиума ЦИК и СНК от 13 октября 1930 г. «Об утверждении основных положений о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах» // СЗ СССР. 1930. № 52. Ст. 544.

139. Постановление Президиума ЦИК и СНК от 13 октября 1930 г. «Основные положения о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах» // СЗ СССР. 1930. № 52. Ст. 545.

140. Постановление Президиума ЦИК от 6 декабря 1930 г. «Об очередных выборах в Советы» // СЗ СССР. 1930. № 59. Ст. 627.

141. Постановление Президиума ЦИК от 3 ноября 1931 г. «О перенесении очередных выборов в Советы на 1932 г.» // СЗ СССР. 1931. № 66. Ст.437.

142. Постановление Президиума ЦИК от 17 августа 1932 г. «О формах учета хода и результатов выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты» // СЗ СССР. 1932. № 64. Ст.374.

143. Постановление Президиума ЦИК от 17 марта 1933 г. «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» // СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 117.

144. Постановление ЦИК от 29 июня 1934 г. «О формах учета хода и результатов выборов в Советы, на съезды Советов и в исполнительные комитеты» // СЗ СССР. 1934. № 39. Ст. 309.

145. Постановление ЦИК от 27 сентября 1934 г. «Обращение Центрального исполнительного комитета Союза ССР о выборах в Советы в 1934-1935 г.» от 27 сентября 1934 г.// СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 392.

146. Постановление ЦИК от 27 сентября 1934 г. «Об очередных выборах в Советы, на съезды Советов в союзных республиках и VII Съезд Советов Союза ССР» от 27 сентября 1934 г.// СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 393.

147. Постановление ЦИК от 27 сентября 1934 г. «Об изменениях и дополнениях к Инструкции о выборах в Советы» от 27 сентября 1934 г.// СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 394.

148. Постановление ЦИК от 2 октября 1934 г. «Инструкция о выборах в Советы в 1934-1935 г.» // СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 395.

149. Постановление ЦИК от 27 сентября 1934 г. «Об утверждении состава Центральной избирательной комиссии ЦИК Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 396.

150. Постановление ЦИК от 27 сентября 1934 г. «О количестве делегатов на VII съезд Советов Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 50. Ст. 397.

151. Постановление ЦИК от 2 августа 1936 г. «О VIII Съезде Советов Союза ССР и о порядке выборов и созыва съездов Советов на местах» // СЗ СССР. 1936. № 44. Ст. 377.

152. Постановление ЦИК от 7 сентября 1936 г. «О формах учета хода и результатов выборов на районные, областные, краевые, республиканские съезды Советов и на VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов» от 7 сентября 1936 г.// СЗ СССР. 1936. № 49. Ст. 406.

Нормативные акты, изданные в иных сборниках

153. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 626 с.

154. Инструкция о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР. Постатейный комментарий к тексту и систематизированные отдельные разъяснения Президиума ВЦИК и Всероссийской центральной избирательной комиссии на 1 ноября 1934 г. / Под обшей редакцией И. Рааб. М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1934. 193 с.

155. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 300 с.

156. Конституция СССР утв. постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 года. Ст. 3. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 06. 12. 1936. № 283.

157. Положение о выборах в Учредительное собрание от 20. 06. 1917 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М.: Юридическая литература, 1994. 351 с.

158. Положение о выборах в Учредительное собрание от 23. 09. 1917 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти томах. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М.: Юридическая литература, 1994. 351 с.

159. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 345 от 16.12.1930 г.

160. Федеральный закон РФ от 12. 06. 2002 №67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 2002 г. № 24. Ст. 2253.

Сборники документов и материалов

161. Всесоюзное совещание по перевыборам Советов в 1929 г. Извлечения из стенографического отчета (9–11 октября 1928 г.). – М. : Власть Советов, 1928. —140 с.

162. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов / Центрархив ; подгот. К. Г. Котельников ; авт. предисл. Я. А. Яковлев. – М.–Л. : Гос. изд-во, 1928. – 179 с.

163. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников / под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева и И. Б. Борисова. – М. : Роиип, 2009. – 831 с.

164. Институт выборов в истории России: источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – нач. XX вв. / сост. Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. В. Луговой ; под общ. ред. А. А. Вешнякова. – М. : Норма, 2001. – 774 с.

165. Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / сост. И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко. – М. : Роиип, 2010. – 880 с.

166. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). – 8-е изд., испр. и доп. – М. : [б. и.], 1970. – Т. 1: 1898–1917. —534 с.

167. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1971). – 8-е изд., испр. и доп. – М. : [б. и.], 1970. – Т. 2: 1917–1924. – 543 с.

168. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). – 8-е изд., испр. и доп. – М. : [б. и.], 1970. – Т. 3: 1924–1927. – 552 с.

169. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1971). – 8-е изд., испр. и доп. – М. : [б. и.], 1970. – Т. 4: 1927–1931. – 581 с.

170. Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 : в 3 т. Т. 1. Меньшевики в 1918 г. / отв. ред. З. галили и А. Ненароков ; отв. сост. Д. Павлов. – М. : Росспэн, 1999. – 797 с.

171. Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 : в 3 т. Т. 2. Меньшевики в 1919–1920 гг. / отв. ред. З. галили и А. Ненароков ; отв. сост. Д. Павлов. – М. : Росспэн, 2000. – 934 с.

172. Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 : в 3 т. Т. 3. Меньшевики в 1922–1924 гг. / отв. ред. З. галили и А. Ненароков ; отв. сост. Д. Павлов. – М. : Росспэн, 2004. – 726 с.

173. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года : стенограф. отчет / под ред. Н. Н. Попова. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 839 с.

174. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 1: 1917-1928 годы. 783 с.

175. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сб. документов : в 10 т. Т. 2. 1924 г. / отв. ред. Ю. Л. Дьяков. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 516 с.

176. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сб. документов : в 10 т. Т. 3 : в 2 ч. Ч. 1. 1925 г. / отв. ред. Ю. Л. Дьяков. – М. : ИРИ РАН, 2002. – 502 с.

177. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сб. документов : в 10 т. Т. 3 : в 2 ч. Ч. 2. 1925 г. / отв. ред. Ю. Л. Дьяков. – М. : ИРИ РАН, 2002. – 486 с.

178. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сб. документов : в 10 т. Т. 5. 1927 г. / отв. ред. Ю. Л. Дьяков. – М. : ИРИ РАН, 2003. – 804 с.

179. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 2. 1923–1929 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : Росспэн, 2000. – 1168 с.

180. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 г. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : Росспэн, 2003. – 864 с.

181. Совещание по вопросам советского строительства (январь 1925 г.). – М. : издание ЦИК СССР, 1925. – 237 с.

182. Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). – М. : издание ЦИК СССР, 1925. – 202 с.

183. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги : сб. документов / сост. С. А. Красильников [и др.]. – М. : Росспэн, 2002. – 1006 с.

184. Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик : сб. документов. 1917–1936 гг. : в 3 т. / М. П. Георгадзе [и др.]. Т. 1. Съезды Советов РСФСР и Автономных Республик РСФСР. 1917–1922 гг. / сост. Д. А. Гайдуков, А. М. Давидович, С. Л. Ронин, М. И. Юмашев. – М. : Госюриздат. – 836 с.

185. Тяжесть обложения в СССР: (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годах) : доклад Комиссии Сов. нар. ком. Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза. – М. : Гос. финансовое изд-во Союза ССР, 1929. – 172 с.

186. Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов : стенограф. отчет (6–9 ноября, 1918 г.). – М. : Изд-во ВЦИК, 1919. – 192 с.

Периодические издания

Газеты

1. Беднота. Москва. 1920–1931.

2. Власть труда. Минусинск. 1922–1930.

3. Красноярский рабочий. Красноярск. 1920–1927.

4. Молодая деревня. Новосибирск. 1926–1929

5. Молодой рабочий. Новосибирск. 1926–1930

6. Правда. Москва. 1918–1936.

7. Советская Сибирь. Новосибирск 1921–1936.

8. Трудовой набат. Тюмень. 1923–1927.

Журналы

9. Большевик. Москва. 1924–1936.

10. Власть Советов. Москва. 1917–1938.

11. Еженедельник советской юстиции. Москва. 1922–1929.

12. Советское строительство. Москва. 1926–1937.

13. Советская юстиция. Москва. 1930–1936.

Статистические сборники, справочники, энциклопедии

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 1972. – Т. 10. – 591 с.

2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 1973. – Т. 11. – 607 с.

3. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневского. – М. : Статистика, 1977. – 247 с.

4. Всесоюзная перепись населения: краткие сводки : в 10 т. 1927–1929. Вып. 3. Население СССР. – М. : ЦСУ Союза ССР, 1927. – 63 с.

5. Всесоюзная перепись населения: краткие сводки : в 10 т. 1927–1929. Вып. 7. Возраст и грамотность населения СССР. – М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. – 112 с.

6. Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки : в 10 т. 1927–1929. Вып. 10. Население СССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. – М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. – 250 с.

7. Всесоюзная перепись населения 1926 года : в 56 т. 1928–1930. Т. 9. Российская Социалистическая Федеративная Республика. – М. : ЦСУ Союза ССР, 1929. – 228 с.

8. Всесоюзная перепись населения 1926 года : в 56 т. 1928–1930. Т. 26. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. – М. : ЦСУ Союза ССР, 1930. – 209 с.

9. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс : энциклопедический справочник / сост. А. А. Танин-Львов. – М. : Росспэн, 2001. – 1111 с.

10. Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. : стат. мат-лы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. – М. : Изд-во НКВД, 1926. – 256 с.

11. Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. : стат. мат-лы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. – М. : Изд-во НКВД, 1926. – 255 с.

12. Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. – М. : Власть Советов, 1928. – 44 с.

13. Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г. : стат. данные. – М. : Власть Советов, 1928. – 98 с.

14. Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. : стат. сводки. – М.: Власть Советов, 1928. – 96 с.

15. Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. – М. : Власть Советов, 1931. – 87 с.

16. Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. – М. : Власть Советов, 1935. – 88 с.

17. Даниленко, В. И. Современный политологический словарь / В. И. Даниленко. – М. : Nota Bene, 2000. – 1023 с.

18. Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: к XI Всероссийскому съезду Советов РСФСР. – М. : Изд-во НКВД, 1924. – 43 с.

19. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20. 1924—1925. Ч. 1. Общие предварительные сведения о городах и их населении. Вып. 1. Европейская Россия и Юго-Восток. – М. : [б. и.], 1924. – 89 с.

20. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20. 1924–1925. Ч. 2. Население городов Союза ССР по занятиям. Вып. 4. Распределение городского населения по главным отраслям труда. – М. : [б. и.], 1925. – 1925. 121 с.

21. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20. 1924–1925. Ч. 3. Население городов Союза ССР по возрасту, занятиям и семейному состоянию. Вып. 1. – М. : [б. и.], 1926. – 446 с.

22. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные и районные органы власти. – М. : Власть Советов, 1930. – 401 с.

23. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. – М. : Власть Советов, 1930. – 104 с.

24. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : стат. сб. Вып. 3. Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. – М. : Власть Советов, 1930. – 172 с.

25. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 г. : стат. сб. – М. : Власть Советов, 1931. – 198 с.

26. Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991 : справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М. : Материк, 2003. – 766 с.

27. Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сб. – М. : Статистика, 1977. – 448 с.

28. Руководители Смоленской области (1917–1991 годы) : биограф. справочник / сост. Н. Г. Емельянова [и др.]. – Смоленск : Флиманкова И. А., 2008. – 193 с.

29. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Советская энциклопедия, 1963. – Т. 3. – 976 с.

30. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – Т. 5. – 960 с.

31. Статистическая сводка № 1 о составе республиканских, краевых, областных, окружных, районных, сельских и городских избирательных комиссий. По данным на 01.11.1934. – М. : Учетно-информац. отд. президиума ВЦИК, 1934. – 23 с.

Работы советских и партийных руководителей, публицистика

1. Белобородов, А. Некоторые итоги выборов в деревне / А. Белобородов // Власть Советов. – 1925. – № 1. – С. 8–10.

2. Бродович, С. Основные элементы советской избирательной системы / С. Бродович // Власть Советов. – 1923. – № 4. – С. 35–70.

3. Бродович, С. М. Советское избирательное право / С. М. Бродович. – Л. : Госиздат, 1925. – 131 с.

4. Бродович, С. М. Губернские съезды Советов и губисполкомы / С. М. Бродович. – М. : Ранион, 1928. – 165 с.

5. Бухарин, Н. О новой экономической политике и наших задачах / Н. Бухарин // Большевик. – 1925. – № 9–10. – С. 3–15.

6. Владимирский, М. Организация Советской власти на местах / М. Владимирский. – М. : Госиздат, 1921. – 147 с.

7. Владимирский, М. Советы, исполкомы и съезды Советов: материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. Вып. I. Исполкомы / М. Владимирский. – М. : Госиздат, 1920. – 35 с.

8. Владимирский, М. Советы, исполкомы и съезды Советов: материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. Вып. II. Съезды Советов / М. Владимирский. – М. : Госиздат, 1921. – 64 с.

9. Гессен, В. М. Русская конституция (март 1906 г.) / В. М. Гессен // На рубеже : сб. ст. – СПб. : Право, 1906. – С. 228–262.

10. Гурвич, Г. С. Основы советской Конституции / Г. С. Гурвич. – М.-Л. : Госиздат, 1929. – 261 с.

11. Гурвич, С. М. Сельсоветы, волисполкомы и волостные съезды Советов (по данным выборов 1922 г.) / С. М. Гурвич // Власть Советов. – 1923. – № 6–7. – С. 107–122.

12. Гурвич, С. М. Сельские органы управления (по данным перевыборов 1923 г.) / С. М. Гурвич // Власть Советов. – 1924. – № 6. – С. 141–152.

13. Дан, Ф. И. Два года скитаний: воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919–1921 / Ф. И. Дан. – М. : Центрполиграф, 2006. – 21 с.

14. Зайцев, П. Кодификация избирательного законодательства / П. Зайцев // Советское строительство. – 1930. – № 6. – С. 1–14.

15. Зайцев, П. Предварительные итоги перевыборов Советов / П. Зайцев // Советское строительство. – 1931. – № 3. – С. 110–117.

16. Зайцев, П. Кого и почему советская власть лишает избирательных прав / П. Зайцев. – М. : Власть Советов, 1931. – 59 с.

17. Зайцев, П. Итоги выборов в Советы / П. Зайцев // Советское строительство. – 1935. – № 2. – С. 8–15.

18. Зекцер, М. Классовая борьба и перевыборы советов / М. Зекцер // Советское строительство. – 1931. – № 2. – С. 31–44.

19. Енукидзе, А. За укрепление Советов – органов пролетарской диктатуры / А. Енукидзе // Большевик. – 1934. – № 19–20. – С. 34–43.

20. Иванов, Ф. Закон о выборах в Советы / Ф. Иванов // Советское строительство. – 1926. – № 9. – С. 18–34.

21. Иванов, Ф. Всесоюзная инструкция о выборах в Советы / Ф. Иванов // Власть Советов. – 1926. – № 42. – С. 1–4.

22. Интеллигенция и Советская власть : сб. ст. Н. Ленина, М. Горького, Г. Зиновьева, К. Радека, В. Керженцева. – М. : Сов. мир, 1919. – 64 с.

23. Каганович, Л. Политические задачи кампании перевыборов в Советы / Л. Каганович // Большевик. – 1928. – № 19. – С. 8–23.

24. Карпинский, В. Новое течение в нашей политике (к вопросу о расширении круга избирателей) / В. Карпинский // Большевик. – 1926. – № 13. – С. 23–44.

25. Карпинский, В. Новое течение в нашей политике (к вопросу о расширении круга избирателей): продолжение / В. Карпинский // Большевик. – 1926. – № 14. – С. 13–30.

26. Каутский, К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике / К. Каутский. – М. : Антидор, 2002. – 314 с.

27. Киселев, А. Как избирать в Советы / А. Киселев. – М. : Госиздат, 1927. – 56 с.

28. Кудрин, Н. Е. Очерки современной Франции / Н. Е. Кудрин. – СПб. : Издание журнала «Русское богатство», 1902. – 612 с.

29. Лаговиер, Н. Перевыборы Советов и революционная законность / Н. Лаговиер. – М. : Власть Советов, 1930. – 80 с.

30. Лазаревский, Н. И. Русское государственное право / Н. И. Лазаревский. – 3-е изд. Т. 1. Конституционное право. – СПб. : Право, 1913. – 672 с.

31. Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. литературы, 1967. – Т. 11. – С. 1–131.

32. Ленин, В. И. Доклад о революции 1905 года / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. литературы, 1967. – Т. 30. – С. 306–328.

33. Ленин, В. И. О задачах пролетариата в данной революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. литературы, 1967. – Т. 31. – С. 113–118.

34. Ленин, В. И. Очередные задачи советской власти / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. литературы, 1967. – Т. 36. – С. 167–208.

35. Ленин, В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. литературы, 1969. – Т. 37. – С. 235–338.

36. Ленин, В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. литературы, 1969. – Т. 43. – С. 57–73.

37. Лосицкий, А. Избирательная система Государственной Думы / А. Лосицкий. – Спб. : О. Н. Попова, 1906. – 40 с.

38. Магеровский, Д. А. Государственная власть и государственный аппарат / Д. А. Магеровский. – М. : Новая Москва, 1924. – 180 с.

39. Месяцев, П. А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве (к вопросу об объектах и методах работы в области агрономии и землеустройства) / П. А. Месяцев // Жизнь Сибири. – 1925. – № 5. – С. 11–24.

40. Михайлов, Г. С. Советское представительство и избирательное право / Г. С. Михайлов. – М. : Ред.-изд. секция Нар. ком. внутренних дел, 1922. – 22 с.

41. Молотов, В. Перевыборы и перестройка Советов / В. Молотов // Большевик. – 1931. – № 3. – С. 10–26.

42. Острогорский, М. Я. Демократия и политические партии / М. Я. Острогорский. Т. 1. Англия. – М. : Изд-во Ком. академии, 1927. – 280 с.

43. Пашуканис, Е. Б. Новейшие откровения Карла Каутского: по поводу книги «Материалистическое понимание истории» / Е. Б. Пашуканис, И. П. Разумовский // Революция права. – 1929. – № 1. – С. 15–41.

44. Полуян, Я. О предстоящих перевыборах Советов / Я. Полуян // Власть Советов. – 1926. – № 50. – С. 7–11.

45. Полуян, Я. Результаты перевыборов Советов 1927 года / Я. Полуян // Власть Советов. – 1927. – № 30. – С. 1–3.

46. Сталин, И. В. О работе в деревне. Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11.01.1933 / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 13. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1951. – С. 216–233.

47. Стучка, П. И. Конституция Гражданской войны / П. И. Стучка // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата : сб. ст. – М. : Гос. изд-во, 1919. – С. 250–272.

48. Стучка, П. И. Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР/ П. И. Стучка. – 6-е изд. – М.-Л. : Госиздат, 1929. – 311 с.

49. Суханов, Н. Н. К характеристике российского пролетариата / Н. Н. Суханов // Современник. – 1913. – № 4. – С. 320–328.

50. Шеблецов, Л. Лишение избирательных прав и учет лишенцев в РСФСР / Л. Шеблецов // Советское строительство. – 1930. – № 3. – С. 80–92.

51. Шостак, Г. Советское избирательное право / Г. Шостак // Советское государство. – 1934. – № 4. – С. 30–50.

52. Шостак, Г. Советское всеобщее избирательное право / Г. Шостак // Власть Советов. – 1936. – № 16. – С. 12–14.

53. Яковлев, Я. Классовая борьба в деревне в связи с перевыборами в Советы / Я. Яковлев. – М. : Госиздат, 1927. – 81 с.

Научная и учебная литература

1. Аблаева, Э. Б. Административная юстиция в советский период (анализ теории, законодательства и практики первой половины XX в.) / Э. Б. Аблаева, А. Р. Енсебаева, М. А. Утанов // Lex Rossica. – 2021. – № 1. – С. 119–133.

2. Аблажей, Н. Н. «Ситуация стабильная»: выборы в Советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года / Н. Н. Аблажей, А. С. Жанбосинова // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 64–91.

3. Аблажей, Н. Н. Избирательная кампания и родовое противостояние в Казахской АССР / Н. Н. Аблажей, А. С. Жанбосинова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. – 2025. —Т. 70, вып. 2. – С. 421–444.

4. Абрамов, В. Земская избирательная система / В. Абрамов // Родина. – 1992. – № 11–12. – С. 30–33.

5. Авакьян, С. А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы / С. А. Авакьян // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11 : Право. – 2015. – № 5. – С. 23–39.

6. Агалаков, В. Т. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири, 1919–1921 гг. / В. Т. Агалаков. – Иркутск : Кн. изд-во, 1958. – 184 с.

7. Агалаков, В. Т. Советы Сибири (1917–1918) / В. Т. Агалаков. —Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 255 с.

8. Алещенко, Н. М. Московский Совет в 1917–1941 гг. / Н. М. Алещенко. – М. : Наука, 1976. – 592 с.

9. Андреев, В. М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны / В. М. Андреев. – М. : Мысль, 1981. – 247 с.

10. Андреев, В. П. Партийное руководство городскими Советами Сибири. 1920–1932 гг. / В. П. Андреев, М. М. Петрухина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. – 223 с.

11. Андреев, В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР (1926–1937) / В. П. Андреев ; под ред. Ю. В. Куперта. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. – 227 с.

12. Андреев, В. П. Горсоветы в условиях нэпа: пределы и возможности аппаратного реформирования / В. П. Андреев // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2007. – Вып. 8. – С. 182–194.

13. Андреенко, Е. Я. Партия большевиков и Советы в первые месяцы диктатуры пролетариата (на материалах Центральной России) / Е. Я. Андреенко. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1975. – 168 с.

14. Анохина, Н. В. Смешанная и пропорциональная избирательные системы в условиях российского президенциализма / Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина // Электоральное пространство современной России. Политическая наука: ежегодник-2008. – М. : Росспэн, 2009. С. 263–284.

15. Анфертьев, И. А. О некоторых причинах ликвидации правящей коммунистической партией большевиков многопартийности в стране / И. А. Анфертьев // Вестник архивиста. – 2016. – № 2. – С. 131–152.

16. Анфертьев, И. А. Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930–е годы: Критический анализ / И. А. Анфертьев. – М. : Инфра-М, 2017. —321 с.

17. Анфертьев, И. А. Докладная записка лидера «Рабочей оппозиции» гавриила Мясникова в ЦК РКП(б): источниковедческий потенциал документа / И. А. Анфертьев // Новейшая история России. – 2023. – № 3. – С. 648–663.

18. Арнаутов, Н. Б. Образ «вредителя» в газете «Правда» (декабрь 1934 г. – декабрь 1938 г.) / Н. Б. Арнаутов // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 1 (История). – С. 292–298.

19. Архипов, В. А. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е – начало 30-х гг. / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. – М. : Мысль, 1978. – 263 с.

20. Ачкасов, В. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В. А. Ачкасов, С. М. Елисеев, С. А. Ланцов. – М. : Аспект-пресс, 1996. – 125 с.

21. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. / М. В. Баглай. – М. : Норма, 2025. – 704 с.

22. Байда, Е. В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей / Е. В. Байда // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.) : сб. ст. – Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. – С. 86–95.

23. Биктагиров, Р. Т. Эволюция избирательной системы России: от выборов Царской Думы к выборам палат Федерального Собрания Российской Федерации / Р. Т. Биктагиров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 3 (29). – С. 11–46.

24. Баранов, А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) / А. В. Баранов // Новейшая история России. —2013. – № 3 (8). – С. 112–125.

25. Баранов, А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) / А. В. Баранов. – СПб. : Нестор, 1996. – 353 с.

26. Баранов, А. В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России / А. В. Баранов // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 3. – С. 55–62.

27. Баранов, А. В. Троцкистская оппозиция как проявление леворадикального протеста в 1926–1929 гг. (на примере Юга России) / А. В. Баранов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 8–15.

28. Баранов, Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы / Н. А. Баранов. – СПб. : БГТУ, 2008. – 275 с.

29. Безгин, В. Б. Выборы в Советы первой половины 1920-х годов и абсентеизм сельских обывателей / В. Б. Безгин // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект) : мат-лы научно-практ. конф. – Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-т, 2000. – С. 59–62.

30. Безгин, В. Б. Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы / В. Б. Безгин, А. Н. Юдин // Социодинамика. – 2013. – № 2. – С. 119–160.

31. Безгин, В. Б. Беднота как социальный базис власти в аграрных преобразованиях конца 1920-х-начала 1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземной области) / Безгин В. Б., Николашин В. П. // Манускрипт. – 2019. – Вып. 12. – С. 24–27.

32. Безкоровайная, Ю. Е. К вопросу о понятиях «легальность» и «легитимность» государственной власти в теории права / Ю. Е. Безкоровайная // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2010. – № 2 (23). – С. 15–21.

33. Белоновский, В. Н. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы советской власти / В. Н. Белоновский, А. А. Кальгина // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – № 3. – С. 15–19.

34. Белоновский, В. Н. Электоральное право Российской Федерации / В. Н. Белоновский. – М. : РГГУ, 2010. – 1079 с.

35. Белоновский, В. Н. Избирательное право: общая часть / В. Н. Белоновский. – М.: ЕАОИ, 2008. – 266 с.

36. Белоновский, В. Н. Правонарушения и юридическая ответственность в избирательном праве. Историческая практика и современность / В. Н. Белоновский. – М. : Юнити, 2005. – 509 с.

37. Белоновский, В. Н. Юридическая ответственность в избирательном праве по Конституции РСФСР 1918 г. / В. Н. Белоновский // Вестник РГГУ. – 2009. – № 3. – С. 80–84.

38. Бердиев, З. П. Репрессивная политика партийно-государственной власти СССР в Карачае и Черкесии. Конец 20-х – 30-е годы XX в. / З. П. Бердиев. – Черкесск : КЧИГИ, 2023. – 527 с.

39. Белов, С. А. Избирательная система как правовой институт : моногр. / С. А. Белов. – СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2005. – 118 с.

40. Боженко, Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919–1927 гг.) / Л. И. Боженко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. – 210 с.

41. Буканова, Р. Г. Депутатский корпус городских Советов Башкирской АССР в 1919–1946 гг. / Р. Г. Буканова, А. И. Уразова, И. З. Шаяхметова // Вестник Чуваш. ун-та. – 2015. – № 4. – С. 35–39.

42. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – М. : Росспэн, 2012. – 756 с.

43. Валуев, Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области) / Д. В. Валуев. – Смоленск : Маджента, 2012. – 155 с.

44. Василенков, П. Г. Избирательная система СССР / П. Г. Василенков. – М. : Изд-во МГУ, 1956. – 56 с.

45. Василенков, П. Г. Выборы советских представительных органов / П. Г. Василенков. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – 82 с.

46. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. ; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с

47. Великанова, О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма / О. Великанова ; пер. с англ. – М. : НЛО, 2021. – 351 с.

48. Великанова, О. Крестьянский союз в 1920-е гг. и формирование крестьянской идентичности: модернизационный дискурс / О. Великанова // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). – СПб. : Нестор-история, 2013. – С. 293–328.

49. Веняминова, А. А. Содержание и особенности стадий избирательного процесса в первые десятилетия советской власти / А. А. Веняминова // Общество и право. – 2008. – № 3 (21). – С. 32–36.

50. Веремеев, А. В. Понятие выборов и их функции. Основные определения, характеризующие институт выборов / А. В. Веремеев // Научные стремления. – 2013. – № 4 (8). – С. 9–13.

51. Верт, Н. История Советского государства. 1900–1991 / Н. Верт. – 2-е изд. ; пер. с фр. – М. : Инфра-М : Весь мир, 2003. – 544 с.

52. Винниченко, О. Ю. К вопросу об определении статуса партийных актов в системе источников советского права / О. Ю. Винниченко, А. М. Ваганов // Вестник Тюмен. гос. ун-та. – 2012. – № 3. – С. 204–209.

53. Власть и интеллигенция в сибирской провинции, конец 1919–1925 гг. : сб. документов / сост. С. А. Красильников, Т. Н. Осташко, Л. И. Пыстина. – Новосибирск: Экор, 1996. – 366 с.

54. Волкогонов, Д. А. Троцкий. «Демон революции» / Д. А. Волкогонов. – М. : Яуза : Эксмо, 2011. – 704 с.

55. Волобуев, О. В. Советский тоталитаризм: образ врага / О. В. Волобуев // Тоталитаризм и личность : тез. докл. междунар. научно-практ. конф. (Пермь, 12–14 июля 1994 г.). – Пермь : ПГПИ, 1994. – С. 5–7.

56. Вольский, В. И. Применение различных вариантов правила передачи голосов / В. И. Вольский, А. В. Карпов // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. – 2011. – № 2. – С. 162–174.

57. Воробьев, С. В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920–1930-е гг.: практика против теории / С. В. Воробьев // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. трудов / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 506–515.

58. Гагиева, А. К. Исторический опыт становления избирательных процессов и формирование избирательных технологий при проведении выборов в органы законодательной власти в Коми области, Коми АССР (1917–1936) : моногр. / А. К. Гагиева, Л. А. Кызъюров. – Сыктывкар : КРАГСиУ, 2021. – 156 с.

59. Гапоненко, Л. С. Рабочий класс России в 1917 г. / Л. С. Гапоненко. М. : Наука, 1970. – 578 с.

60. Гарнюк, С. Д. Московская власть: очерки истории партийных и советских органов, март 1917 – октябрь 1993 / С. Д. Гарнюк. М. : ЦГА Москвы, 2014. – 703 с.

61. Герасименко, Т. В. Принципы выборов в советской избирательной системе / Т. В. Герасименко // Вестник Алт. акад. экономики и права. – 2011. – № 1 (19). – С. 78–81.

62. Гимпельсон, Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г. – июль 1918 г.) / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Госюриздат, 1958. – 179 с.

63. Гимпельсон, Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и Гражданской войны / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Наука, 1968. – 512 с.

64. Гимпельсон, Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917 – 1920 г.) / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Наука, 1982. – 344 с.

65. Гимпельсон, Е. Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 29–43.

66. Гимпельсон, Е. Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Наука, 1995. – 229 с

67. Гимпельсон, Е. Г. НЭП и советская политическая система (20-е годы) / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 437 с.

68. Гимпельсон, Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930 / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2003. – 224 с.

69. Главацкий, М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды / М. Е. Главацкий. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 160 с.

70. Гоголевский, А. В. Петроградский Совет в годы Гражданской войны / А. В. Гоголевский. – Л. : Наука, 1982. – 198 с.

71. Голанд, Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа / Ю. Голанд. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1998. – 154 с.

72. Голосов, Г. В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов / Г. В. Голосов // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 44–56.

73. Горбачев, О. В. Сельские Советы в контексте раннесоветского проектирования / О. В. Горбачев, Т. В. Соловьева // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2018. – № 1. – С. 229–241.

74. Гусев, А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 1920-х гг. / А. В. Гусев // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 85–103.

75. Гусев, А. В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 гг. / А. В. Гусев // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг. : мат-лы научно-практ. конф. (Москва, 25 апреля 2019 г.). – М. : Московская городская дума, 2019. – С. 143–152.

76. Гущин, Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.) : курс лекций / Н. Я. Гущин. – Новосибирск, 1972. – 289 с.

77. Гущин, Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.) / Н. Я. Гущин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 518 с.

78. Гущин, Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.) / Н. Я. Гущин, В. А. Ильиных ; отв. ред. В. С. Познанский. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – 332 с.

79. Данилов, В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство / В. П. Данилов. – М. : Наука, 1977. – 318 с.

80. Данилов, В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения / В. П. Данилов. – М. : Наука, 1979. – 359 с.

81. Данилов, В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 1 / В. П. Данилов. – М. : Росспэн, 2011. – 861 с.

82. Демешко, И. В. Концептуализация понятия «избирательная система» через призму постнеклассической юридической рациональности в российском конституционном праве / И. В. Демешко // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7, № 1. – С. 8–18.

83. Демидов, В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. / В. В. Демидов. – Новосибирск : Изд-во Сибирского кадрового центра, 1994. – 164 с.

84. Демин, В. А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования / В. А. Демин. – М. : Росспэн, 1996. – 214 с.

85. Дианова, Е. В. Межведомственный конфликт как отражение внутриполитического кризиса в переходный период к нэпу / Е. В. Дианова // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, вып. 10. – С. 20–24.

86. Добкин, А. И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах / А. И. Добкин. – М. ; СПб. : Феникс ; Atheneum, 1992. – Вып. 2. – С. 600–628.

87. Добрачев, П. Е. Опальные вельможи: протест ссыльных большевиков-оппозиционеров во время перевыборной кампании 1928–1929 годов в Сибири / П. Е. Добрачев // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 166–175.

88. Доган, М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социс. Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 146–155.

89. Дойчер, И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. / И. Дойчер ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2006. – 493 с.

90. Дорошенко, Н. М. Российская методология истории (философские подходы) / Н. М. Дорошенко. – СПб. : Нестор, 2005. – 174 с.

91. Дуденкова, А. А. Легитимность как теоретическая категория: политико-правовой анализ / А. А. Дуденкова // Философия права. – 2005. – № 4. – С. 64–67.

92. Дуксин, П. А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20–30-х гг. XX века / П. А. Дуксин // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5. – С. 20–23.

93. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение : сб. / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. – М. : Канон, 1995. – 349 с.

94. Еминцева, Ю. А. Понятие выборов в трудах российских ученых-правоведов / Ю. А. Еминцева // NovaUm. ru. – 2016. – № 4. – С. 143–145.

95. Ергина, Н. М. Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса / Н. М. Ергина // Экономическая история. – 2016. – № 2 (33). – С. 56–64.

96. Ергина, Н. М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918–1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) / Н. М. Ергина // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2011. – № 5–1. – С. 61–67.

97. Ергина, Н. М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) / Н. М. Ергина // Известия Алт. гос. ун-та. – 2011. – № 4-1. – С. 84–89.

98. Ергина, Н. М. Работа государственных органов по устранению нарушений избирательного законодательства весной-летом 1930 г. (по материалам Мордовского края) / Н. М. Ергина // Известия Самар. науч. центра РАН. – 2010. – Т. 12, № 2. – С. 142–146.

99. Ермошин, П. Ю. Правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации : моногр. / П. Ю. Еромошин. – Казань : Бук, 2020. – 202 с.

100. Ерофеев, Н. Д. Уход с политической арены эсеров / Н. Д. Ерофеев // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. – М. : Росспэн, 2000. – С. 279–296.

101. Есиков, С. А. Выборы в Тамбовской деревне в 1920-е годы / С. А. Есиков // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект) : мат-лы научно-практ. конф. – Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-т, 2000. – С. 57–59.

102. Есиков, С. А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) : моногр. / С. А. Есиков. – М. : Росспэн, 2010. – 244 с.

103. Есиков, С. А. Роль сельской бедноты в избирательном процессе Тамбовской губернии во второй половине 1920-х гг. / С. А. Есиков, А. А. Дмитриевцева // Pro Nunc. Современные политические процессы. – 2006. – Т. 4, № 1. – С. 46–52.

104. Еськов, Г. С. Укрепление политической основы Советского государства: период построения социализма / Г. С. Еськов. – М. : Мысль, 1983. – 247 с.

105. Ефремова, Н. Н. Становление избирательного права в России / Н. Н. Ефремова // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 111–118.

106. Жиромская, В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры / В. Б. Жиромская. – М. : Наука, 1988. – 166 с.

107. Жиромская, В. Б. После революционных бурь: население России в середине 20-х годов / В. Б. Жиромская. – 2-е изд. – М.-Берлин : Директ-медиа, 2019. – 199 с.

108. Журавлев, В. П. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах / В. П. Журавлев, В. В. Фортунатов // Журнал о выборах. – 2014. – № 1. – С. 39–49.

109. Жуков, Ю. Иной Сталин: политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. / Ю. Жуков. – М. : Вагриус, 2003. – 510 с.

110. Жукова, Н. Е. Формы и методы привлечения общественности Бурятии к системе государственного управления в 1920-е гг. / Н. Е. Жукова // Вестник Бурят. гос. ун-та. гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2015. – № 1. – С. 67–72.

111. Журавлев, С. В. Советское нормотворчество: особенности источниковедческого исследования / С. В. Журавлев // Российская государственность:

история и современность : сб. ст. – М. : Российская академия естественных наук, 2007. – С. 412–437.

112. Завершинский, К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К. Ф. Завершинский // Политические исследования (Полис). – 2001. – № 2 (61). – С. 113–131.

113. Зиновьев, А. В. Конституционное право России: проблемы теории и практики / А. В. Зиновьев. – СПб. : герда, 2000. – 450 с.

114. Знаменский, О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политические крушения / О. Н. Знаменский. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 364 с.

115. Золотарев, О. В. Интеллигенция Советской России в нэповские годы / О. В. Золотарев // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2011. – № 4. – С. 32–45.

116. Зражевская, Т. Д. Ответственность по советскому государственному праву / Т. Д. Зражевская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 159 с.

117. Иванов, В. В. Избирательная активность крестьян Приангарья в 1920-е годы / В. В. Иванов // Климат. Экология. Сельское хозяйство Евразии. Иркутск : Иркут. гос. аграр .ун-т, 2020. – С. 301–307.

118. Иванченко, А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория и практика / А. В. Иванченко. – М. : Весь мир, 1996. – 302 с.

119. Иванченко, А. В. Российское народовластие: уроки истории / А. В. Иванченко, В. М. Курицын. – М. : Юриспруденция, 2005. – 111 с.

120. Ивницкий, Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) / Н. А. Ивницкий. – М. : Наука, 1972. – 360 с.

121. Ивницкий, Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) / Н. А. Ивницкий. – М. : Изд-во РАН, 2000. – 350 с.

122. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. / отв. ред. А. В. Иванченко. – М. : Норма, 1999. – 841 с.

123. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. / отв. ред. А. А. Вешняков. – М. : Норма, 2003. – 807 с.

124. Изменения социальной структуры советского общества (окт. 1917 – 1920 гг.) / под ред. В. М. Селунской. – М. : Мысль, 1976. – 343 с.

125. Ильиных, В. А. Выборы в Советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах / В. А. Ильиных // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 36–48.

126. Ильиных, В. А. «Лицом к деревне». Аграрная политика Советского государства в середине 1920-х годов / В. А. Ильиных // Российские экономические реформы в региональном измерении : сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. – Новосибирск, 2021. – С. 275–282.

127. Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития : мат-лы науч. конф. (Екатеринбург, 28–29 мая 2004 г.) / под общ. ред. М. Е. Главацкого. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 330 с.

128. Исаев, И. А. 1918: Конституционный выбор / И. А. Исаев // Lex Russica. – 2018. – № 11(144). – С. 162–168.

129. Истер, Дж. М. Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / Дж. Истер. – М. : Росспэн, 2010. – 254 с.

130. Истон, Д. Системный анализ политической жизни / Д. Истон // Политология : хрест. / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин ; под ред. М. А. Василика. – М. : гардарики, 2000. – С. 319–331.

131. История советского крестьянства / под ред. Г. В. Шарапова [и др.] : в 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти, 1917–1927. – М. : Наука, 1986. – 455 с.

132. Источниковедение истории СССР : учеб. / под ред. И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. школа, 1981. – 496 с.

133. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В. В. Кабанов. – М. : РГГУ, 1997. – 385 с.

134. Калинин, А. Ф. Повышение роли Советов в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства (на материалах Ленинграда) / А. Ф. Калинин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 138 с.

135. Канищева, Н. А. Кадетская партия после большевистского переворота / Н. А. Канищева // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. – М. : Росспэн, 2000. – С. 246–262.

136. Карпычева, Е. В. Правовое регулирование формирования механизмов лишения и восстановления избирательных прав по Тверскому региону в 1918–1936 гг. / Е. В. Карпычева // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 241–243.

137. Карр, Э. История Советской России / Э. Карр ; пер. с англ. Кн. 1. Т. 1-2. Большевистская революция 1917–1923. – М. : Прогресс, 1990. – 763 с.

138. Катасонов, А. В. Методологические аспекты проблемы легитимности политического господства в социологической модели Макса Вебера / А. В. Катасонов // Вестник МГУ. Сер. 18 : Социология и политология. – 1998. – № 1. – С. 34–48.

139. Катков, Д. Б. Избирательное право: учебное пособие. / Д. Б. Катков, Е. В. Корчиго. – М. : Юриспруденция, 2001. – 287 с.

140. Квакин, А. В. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921—1927. / А. В. Квакин – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 176 с.

141. Квакин, А. В. Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917–1927 гг.) / А. В. Квакин // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2008. – № 4. – С. 7–20.

142. Керимов, А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели / А. А. Керимов // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. – 2015. – № 1 (137). – С. 81–91.

143. Керимов, А. А. Избирательные системы: проблемы выбора для современной России / А. А. Керимов // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. – 2016. – № 2 (152). – С. 70–79.

144. Килин, А. П. Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции / А. П. Килин // Книга памяти: Екатеринбург репрессированный, 1917 – сер. 1980-х гг. Ч. I. Научные исследования / В. М. Кириллов [и др.]. – Екатеринбург : Издательские решения, 2022. – 752 с.

145. Ким, А. И. Советское избирательное право. Вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения / А. И. Ким. – М. : Юрид. литература, 1965. – 212 с.

146. Кириллов, В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. : моногр. : в 2 ч. Ч. 1. Репрессии 1920–1930-х гг. / В. М. Кириллов. – Нижний Тагил, 1996. – 231 с.

147. Кирьянов, И. К. Парламент самодержавной России: гос. Дума и ее депутаты, 1906–1907 / И. К. Кирьянов, М. Н. Лукьянов. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 167 с.

148. Климук, Я. А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) / Я А. Климук // Известия Алт. гос. ун-та. – 2007. – № 4-1. – С. 131–135.

149. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – 485 с.

150. Кодан, С. В. «Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют…» Совместные нормативно-правовые акты коммунистической партии и Советского государства в системе источников советского права / С. В. Кодан // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 1. – С. 39–53.

151. Кожаева, А. А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) / А. А. Кожаева // Исторический курьер. – 2022. – № 6 (26). – С. 29–38.

152. Кожаева, А. А. Труд как основание для восстановления в правах и инструмент социализации по-советски (1926–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) / А. А. Кожаева // Исторический курьер. – 2023. – № 1 (27). – С. 78–89.

153. Кожаева, А. А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 годы) / А. А. Кожаева // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 155–165.

154. Колемасов, В. Н. Организационно-правовые основы создания советской милиции / В. Н. Колемасов // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 263–265.

155. Колоницкий, Б. И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуйское сознание / Б. И. Колоницкий // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть : сб. ст. – СПб. : глаголъ, 1994. – С. 188–202.

156. Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. – СПб. : ДБ (Дмитрий Буланин), 2001. – 347 с.

157. Кондрашин, В. В. Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? / В. В. Кондрашин // Исторический курьер. – 2022. – № 4 (24). – С. 80–92.

158. Корников, А. А. Ивановский горсовет в период строительства социализма. Из опыта организационно-массовой работы / А. А. Корников // Советы. История и современность. – Иваново: ИвГУ, 1987. – С. 25–37.

159. Коток, В. Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве. Императивный мандат / В. Ф. Коток. – М. : Наука, 1967. – 135 с.

160. Красильников, С. А. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти, 1917 – лето 1918 / С. А. Красильников, В. Л. Соскин. – Новосибирск : Наука: Сиб. отд-ние, 1985. —255 с.

161. Красильников, С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х годов / С. А. Красильников. – Новосибирск : НГУ, 1998. – 91 с.

162. Красильников, С. А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке / С. А. Красильников // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2 : гуманитарные науки. – 1998. – № 8. – С. 81– 85.

163. Красильников, С. А. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. / С. А. Красильников, М. С. Саламатова, С. Н. Ушакова. – Новосибирск : Сова, 2008. – 387 с.

164. Красильников С. А. Переосмысливая радикальные трансформации раннесоветской эпохи: Избранные статьи 1995–2024 гг. / С. А. Красильников – М. : РОССПЭН, 2024. – 791 с.

165. Красников, В. В. Выборы местных органов власти в Тамбовской губернии в 1921–1925 гг. Социально-политический аспект / В. В. Красников. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. : мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). – Тамбов, 2002. – С. 483–487.

166. Красников, В. В. Избирательное право в первые годы советской власти / В. В. Красников // Труды кафедры истории и философии Тамб. гос. техн. ун-та : сб. науч. ст. – СПб. : Нестор, 2003. – Вып. 2. – С. 18–24.

167. Красников, В. В. Лишение избирательных прав при выборах в Советы в 1920-х гг. (на примере избирательных кампаний в Тамбовской губернии) / В. В. Красников // Вестник Тамб. гос. ун-та. – 2015.– № 3 (143). – С. 1–5.

168. Красовская Л. П. Избирательное право : конспект лекций / Л. П. Красовская, В. А. Томин. – СПб., 2018. – 103 с.

169. Кромер, Л. В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири 1920-х годов / Л. В. Кромер // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 25–35.

170. Кружинов, В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала) / В. М. Кружинов. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – 230 с.

171. Кудрякова, Д. В. Деятельность избирательных комиссий в Советском государстве / Д. В. Кудрякова // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4 (34). – С 33–38.

172. Кудрякова, Д. В. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды / Д. В. Кудрякова, М. С. Савченко. – Краснодар : КубГАУ, 2016. – 176 с.

173. Кудряшова, М. С. Легальность и легитимность власти / М. С. Кудряшова // Вестник Московского университета. Сер. 12: Социально-политические исследования. – 1994. – № 2. – С. 3–27.

174. Кузнецов, И. С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия / И. С. Кузнецов // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. – 2002. – Т. 1, вып. 3. – С. 55–62.

175. Кузнецов, И. С. На пути к «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки) / И. С. Кузнецов. – Новосибирск : НГУ, 2001. – 233 с.

176. Кузьменко, С. Г. Первая избирательная система РСФСР: предпосылки появления и основные принципы / С. Г. Кузьменко // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2. – С. 16–22.

177. Кужба, О. А. Избирательные кампании 1921–1925 гг. / О. А. Кужба // Тверская земля в прошлом и настоящем : сб. науч. тр. – Тверь : ТГУ, – 1994. – С. 80–92.

178. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – М. : Изд-во полит. литературы, 1987. – 366 с.

179. Кукушкин, Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.) / Ю. С. Кукушкин. – М. : Изд-во МГУ, 1968. – 174 с.

180. Кулачков, В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения) / В. В. Кулачков. – Брянск : БГИТА, 2014. – 330 с.

181. Кулачков, В. В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. / В. В. Кулачков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Ч. II. – 2014. – № 1 (39). – С. 107–109.

182. Куликов, В. М. Борьба партийных организаций за социалистическую индустриализацию и подготовку коллективизации сельского хозяйства Урала (1926–1929 гг.) / В. М. Куликов // Очерки истории коммунистических организаций Урала. – Свердловск, 1974. – С. 43–52.

183. Куперт, Ю. В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. (1926–1937 гг.) / Ю. В. Куперт. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. – 412 с.

184. Куренкова, Ю. О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян / Ю. О. Куренкова // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2004. – № 4 (38). – С. 88–95.

185. Куренышев, А. А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность / А. А. Куренышев. – М. : АИРО-XX ; СПб., 2004. – 333 с.

186. Курицын, В. М. История отечественного государства и права, 1929 г. – 22 июня 1941 г. Форсированная модернизация страны и формирование военно-технической и социально-политической базы будущей победы в Великой Отечественной войне : учеб. пособие / В. М. Курицын. – М. : Юнити, 2009. – 246 с.

187. Кушнир, А. Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов (реформы системы управления в Сов. России) / А. Г. Кушнир. – М. : Изд-во МПИ, 1989. – 221 с.

188. Лаптева, Л. Е. Земские учреждения в России / Л. Е. Лаптева. – М. : ИГПАН, 1993. – 132 с.

189. Леонов, С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. / С. В. Леонов. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 355 с.

190. Леонов, С. В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) / С. В. Леонов // Вопросы истории. – 1990. – № 12. – С. 22–38.

191. Лепешкин, А. И. Советы – власть трудящихся. 1917–1936 гг. / А. И. Лепешкин. – М. : Юрид. литература, 1966. – 575 с.

192. Лившин, А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. / А. Я. Лившин. – М. : Росспэн, 2010. – 341 с.

193. Лившин, А. Я. Власть и общество: диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М. : Росспэн, 2002. – 205 с.

194. Липсет, М. Политический человек. Социальные основания политики / М. Липсет ; пер. с англ. : Е. г. гендель, В. П. гайдамака, А. В. Матешук. – М. : Мысль, 2016. – 611 с.

195. Лисовский, С. Ф. Избирательные технологии: история, теория, практика / С. Ф. Лисовский, В. А. Евстафьев. – М. РАУ Ун-т, 2000. – 318 с.

196. Литвин, А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны : учеб. пособие / А. Л. Литвин. – Казань : Казан. гос. пед. ин-т, 1972. – 304 с.

197. Лужин, А. Активность избирателей и лишение избирательных прав на выборах Советов в 1925–1931 гг. / А. Лужин // Советское государство. – 1934. – № 6. – С. 38–43.

198. Лукьянчикова, Л. В. Советская политика вовлечения общества в управление государством: теоретическая модель и конституционно-правовое закрепление в первые годы советской власти / Л. В. Лукьянчикова // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 3. – С. 6–11.

199. Мавлютова, З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) / З. Ш. Мавлютова // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. : История. – 2009. – № 23 (161), вып. 33. – С. 52–57.

200. Мазур, Л. Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) / Л. Н. Мазур // История репрессий на

Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.) : сб. ст. – Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. – С. 105–119.

201. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 606 с.

202. Мазур, Л. Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России / Л. Н. Мазур // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (139). – С. 146–159.

203. Малашенко, И. В. Изучение электорального поведения населения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий / И. В. Малашенко // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 89–94.

204. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск : Сова, 2007. – 456 с.

205. Мартюшов, Л. Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие / Л. Н. Мартюшов, И. Л. Бахтина. – Екатеринбург : [б. и.], 2016. – 86 с.

206. Медушевский, А. Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара / А. Н. Медушевский // Общественные науки и современность. – 2016. – № 3. – С. 122–138.

207. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон ; пер. с англ. Е. Н. Егоровой. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.

208. Мертон, Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / Р. Мертон // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 5–17.

209. Минникес, И. В. Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века / И. В. Минникес. – Спб. : Пресс, 2010. – 538 с.

210. Минникес, И. В. Партийный акт как источник права / И. В. Минникес, С. А. Токмин // Академический юридический журнал. – 2014. – № 4 (58). – С. 4–12.

211. Миронов, Б. Н. О нелегитимности советской власти / Б. Н. Миронов // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12. № 1. – С. 8–38.

212. Миронов, Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X–XX вв. / Б. Н. Миронов // Studia Humanistica. Исследования по истории и филологии : сб. ст. – СПб. : Блиц, 1996. – С. 24–46.

213. Морозов, К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства / К. Н. Морозов. – М. : Росспэн, 2005. – 735 с.

214. Морозов, Л. Ф. Вытеснение капиталистических элементов города в 1926–1929 гг. в СССР / Л. Ф. Морозов. – М. : Мысль, 1960. – 243 с.

215. Морозова, Н. М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918–1936 гг. / Н. М. Морозова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2009. – № 1. – С. 199–205.

216. Морозова, Т. И. Троцкистская оппозиция в представлениях партийного руководства Сибири / Т. И. Морозова // Вестник Ом. ун-та. Сер. : Исторические науки. – 2016. – № 4. – С. 55–62.

217. Морозова, Т. И. «Предоставление… прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских Советов в Сибири (октябрь 1924 – март 1925 года) / Т. И. Морозова // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 49–63.

218. Москаленская, Д. Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. / Д. Н. Москаленская // Вестник Том. гос. ун-та. – 2016. – № 403. – С. 82–86.

219. Москаленская, Д. Н. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии / Д. Н. Москаленская // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 139–154.

220. Мясников, С. А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений / С. А. Мясников // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 222–235.

221. Надеждина, В. А. Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921–1929 гг.) : моногр. / В. А. Надеждина, П. М. Кайбушева. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 147 с.

222. Назаров, О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа / О. Г. Назаров. – М. : ИВИ РАН, 2000. – 203 с.

223. Ненароков, А. П. Политическое поражение меньшевиков / А. П. Ненароков // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. – М. : Росспэн, 2000. – С. 263–279.

224. Никулин, В. В. Большевики и небольшевики: юридические аспекты подавления инакомыслия в Советской России (1920-е гг.) / В. В. Никулин // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. : гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 4 (84). – С. 305–310.

225. Новиков, Ю. А. Избирательная система России: 90 лет истории / Ю. А. Новиков. – М. : Манускрипт, 1996. – 320 с.

226. Новиков, М. С. Понятие выборов, их значение в механизме народовластия / М. С. Новиков // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 33–36.

227. Ножкин, В. В. Перевыборы Советов и подъем политической активности трудящихся масс на Урале в период индустриализации: 1926–1929 гг. / В. В. Ножкин // Сб. аспирантских работ по вопросам государства и права. – Свердловск, 1963. – С. 96–100.

228. НЭП в контексте исторического развития России XX века / А. К. Соколов [и др.]. – М. : Ин-т рос. истории, 2001. – 315 с.

229. НЭП: приобретения и потери : сб. ст. / отв. ред. В. П. Дмитренко. – М. : Наука, 1994. – 215 с.

230. Овруцкий, Л. М. Левые социалисты-революционеры / Л. М. Овруцкий // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. – М. : Росспэн, 2000. – С. 297–309.

231. Олех, Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование / Г. Л. Олех. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гуманитар. ин-та, 1995. – 144 с.

232. Ослон, А. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям / А. Ослон, Е. Петренко // Вопросы социологии. – 2006. – № 5. – С. 8–16.

233. Офицерова, Н. В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах второй половины 1920-х гг. / Н. В. Офицерова // Власть. – 2014. – № 5. – С. 145–148.

234. Охременко, И. В. Электоральное поведение: теория вопроса. Учебное пособие / И. В. Охременко. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. – 52 с.

235. Очерки по истории выборов и избирательного права / Ю. А. Веденеев [и др.] ; под ред. Ю. А. Веденеева. – Калуга : Символ ; М. : РЦОИТ, , 2002. – 692 с.

236.

237. Павлова, И. В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность / И. В. Павлова // Вопросы истории. – 2003. – № 10. – С. 19–37.

238. Павлюченков, С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы / С. А. Павлюченков. – М. : Рус. книгоизд. Товарищество «История», 1997. – 270 с.

239. Павлюченков, С. А. «Орден меченосцев»: партия и власть после революции, 1917–1929 гг. / С. А. Павлюченков. – М. : Собрание, 2008. —463 с.

240. Пайпс, Р. Русская революция : в 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924 / Р. Пайпс. – М. : Захаров ; Екатеринбург : гИПП Урал. рабочий, 2005. – 696 с.

241. Панкратова, О. Б. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20–30-е годы XX века и ее последствия / О. Б. Панкратова, С. С. Писанов // Вестник Костром. гос. ун-та. – 2018. – Т. 24. № 3. – С. 52–55.

242. Папков, С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы / С. А. Папков // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. – Новосибирск : Параллель, 2015. – Вып. 6. – С. 133–153.

243. Папков, С. А. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций / С. А. Папков // Вопросы истории. – 2016. – № 11. – С. 3–15.

244. Папков, С. А. Своеобразие и парадоксы избирательной кампании 1937 года / С. А. Папков // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 119–129.

245. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2002. – 880 с.

246. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс ; пер. с англ. – М. : Академический проект, 2018. – 529 с

247. Першин, П. Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование : в 2 кн. Кн. 1. От реформы к революции / П. Н Першин. – М. : Наука, 1966. – 490 с.

248. Першин, П. Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование : в 2 кн. Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.) / П. Н Першин. – М. : Наука, 1966. – 576 с.

249. Петин, Д. И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. / Д. И. Петин //

Омский науч. вестник. Сер. : Общество. История. Современность. – 2024. – Т. 9. № 1. – С. 54–64.

250. Петрищева, Н. С. Избирательный процесс середины 20-х гг. XX века: теория и практика (на материалах Курской губернии) / Н. С. Петрищева // Казанская наука. – 2011. – № 11. – С. 35–39.

251. Петрищева, Н. С. «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?»: к вопросу о формировании избирательного законодательства в период «оживления Советов» (на материалах Курской губернии) / Н. С. Петрищева // Известия Юго-Западного гос. ун-та. – 2012. – № 4–1 (43). – С. 59–65.

252. Петроград на переломе эпох. город и его жители в годы революции и Гражданской войны : очерки / С. В. Яров [и др.]. – М. : Центрполиграф, 2013. – 543 с.

253. Плотников, И. Е. Выборы в сельские Советы на Урале в 1928–1929 гг. / И. Е. Плотников // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967 гг. : в 2 т. Т. 1. – Свердловск, 1967. – С. 121–133.

254. Поленина, С. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко. – М. : Наука, 1987. – 150 с.

255. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. гудина и Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М. М. гурвица. – М.: Вече, 1999. – 814 с.

256. Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. – М. : Росспэн, 2000. – 631 с.

257. Поляков, Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство / Ю. А. Поляков. – М. : Наука, 1967. – 511 с.

258. Поляков, Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население / Ю. А. Поляков. – М. : Наука, 1986. – 270 с.

259. Поляковская, Н. М. Земское избирательное право в контексте русской модернизации / Н. М. Поляковская // Вопросы управления. – 2014. – № 5 (11). – С. 215–220.

260. Портнов, В. П. Этапы развития советской Конституции: Ист.-правовое исследование) / В. П. Портнов, М. М. Славин. – М. : Наука, 1982. – 310 с.

261. Портнов, В. П. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России, 1917–1920 гг. / В. П. Портнов, М. М. Славин. – М. : Наука, 1987. – 251 с.

262. Потехин, М. Н. Первый Совет Пролетарской диктатуры / М. Н. Потехин – Л. : Лениздат, 1966. – 339 с.

263. Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л. Г. Протасов. – М. : Росспэн, 1997. – 362 с.

264. Прохоров М. Ф. «Лишенцы» западного предместья Москвы конца 20-х – первой половины 30-х годов XX века / М. Ф. Прохоров // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. – Т. 15. – № 4. – С. 92–115.

265. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1975. – 281 с.

266. Разгон, И. М. Политические партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции / И. М. Разгон // 60 лет Великого Октября и Сибирь : мат-лы конф. – Томск Изд-во Том. ун-та, 1979. – С. 15–31.

267. Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.): в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / под общ. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 466 с.

268. Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.): в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 459 с.

269. Революцией призванные : биографические очерки. Вып. 2. – Ташкент : Узбекистон, 1991. – 225 с.

270. Резник, А. В. Троцкий и товарищи. Левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 гг. / А. В. Резник. – СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018. – 389 с.

271. Рейнер, А. М. Городские Советы в период индустриализации / А. М. Рейнер // Советы депутатов трудящихся. – 1960. – № 12. – С. 32–40.

272. Роговин, В. З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы / В. З. Роговин. – М. : Терра, 1992. – 399 с.

273. Ронин, С. Л. Первая Советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.) / С. Л. Ронин. – М. : Юрид. Изд-во, 1948. – 124 с.

274. Ронин, С. Л. К истории разработки, утверждения и развития сталинской Конституции / С. Л. Ронин. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 144 с.

275. Россия нэповская / С. А. Павлюченков [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2002. – 468 с.

276. Рупасов, А. И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. / А. И. Рупасов // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 2 (22). – С. 282–295.

277. Русина, Ю. А. Источниковедение новейшей истории России : учеб. пособие / Ю. А. Русина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 233 с.

278. Рынков, В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. —С. 44–50.

279. Рынков, В. М. Статистические источники в свете видовой классификации / В. М. Рынков // Уральский исторический вестник. – 2024. – №3 (84). – С. 114−124.

280. Рязанцев, Н. П. Перевыборы Советов в общественно-политической жизни советской деревни в середине 20-х годов / Н. П. Рязанцев. – Ярославль : ЯрГУ, 1992. – 76 с.

281. Савельева, И. М. Теория исторического знания : учебное пособие / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб. : Алетейя; М. : ВШЭ, 2008. – 522 с.

282. Савин, А. И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы / А. И. Савин // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. – 2016. – Т. 15. № 8. – С. 133–145.

283. Саламатова, М. С. Советские правоведы об избирательном праве (1920-е годы) / М. С. Саламатова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2011.– № 4. – С. 96–106.

284. Саламатова, М. С. Журнал «Власть Советов» – источник для изучения избирательных кампаний 1920–1930-х гг. / М. С. Саламатова // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. – 2011. – Т. 10. № 10. – С. 52–57.

285. Саламатова, М. С. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. / М. С. Саламатова // Идеи и идеалы. – 2016. – № 2 (28). Т. 2. – С. 97–107.

286. Свиридова Т. А. Калужское земство, 1865–1918 : Очерки истории / Т. А. Свиридова. – Калуга, 1996. – 215 с.

287. Селунская, Н. Б. Проблемы методологии истории : учеб. пособие / Н. Б. Селунская. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 121 с.

288. Сергеев, П. В. Организация избирательных кампаний на основе Конституции 1918 г. (на материалах Курской губернии) / П. В. Сергеев, Н. С. Петрищева // Известия Юго-Западного гос. ун-та. – 2011. – № 6 (39). Ч. 1. – С. 231–236.

289. Сикорский, Е. А. Борьба за власть в Западном крае (1917–1920 гг.) : моногр. / Е. А. Сикорский. – Смоленск : Смол. гос. пед. ун-т, 2001. 508 с.

290. Синова, И. В. Мемуары дипломатов: соотношение субъективизма и объективности в интерпретации событий / И. В. Синова // Historia Provinciae. Журнал региональной истории. – 2019. – Т. 3. № 4. – С. 1210–1244.

291. Скрыпников, А. В. НЭП: несостоявшаяся альтернатива / А. В. Скрыпников // Вестник Том. гос. пед. ун-та. – 2006. – Вып. 1 (52). – С. 47–51.

292. Славко, Т. И. Кулацкая ссылка на Урале, 1930–1936 гг. / Т. И. Славко. – М. : Мосгорархив, 1995. – 173 с.

293. Слезин, А. А. Роль комсомола в избирательном процессе и функционировании местных Советов (1921–1929 гг.) / А. А. Слезин // Клио. – 2003. – № 4 (23). – С. 160–168.

294. Слонимская, И. А. М. Ф. Владимирский / И. А. Слонимская. – М. : Медицина, 1967. – 51 с.

295. Смирнов, Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа / Н. Н. Смирнов. – Л. : Наука, 1988. – 123 с.

296. Смирнова, Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы / Т. М. Смирнова. – М. : Мир истории, 2003. – 296 с.

297. Смирнова, Т. В. Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы / Т. В. Смирнова // Труды ГИМ : Забелинские научные чтения. – М., 2004. – Вып. 143. – С. 205–209.

298. Соболев, Г. Л. Однородное социалистическое правительство в России 1917 г.: нереализованная возможность или историческая иллюзия / Г. Л. Соболев // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2 : История: научно-теоретический журнал. – 2007. – Вып. 2. – С. 3–11.

299. Современное зарубежное избирательное право : моногр / под ред. А. Г. Орлова, Е. А. Кремянской. – М. : МГИМО-Университет, 2013. – 334 с.

300. Соскина, А. Н. История социальных обследований сибирской деревни в 20-е годы / А. Н. Соскина. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1976. —286 с.

301. Сравнительное избирательное право : учеб. пособие / А. С. Автономов [и др.]. – М. : Норма, 2003. 203 с.

302. Становление российского парламентаризма начала XX века / Н. Б. Селунская, Л. И. Бородкин, Ю. Г. Григорьева, А. Н. Петров ; под ред. Н. Б. Селунской. – М. : Мосгорархив, 1996. – 282 с.

303. Стеценко, В. Ф. Деятельность Ленинградской парторганизации по подготовке и проведению перевыборов Ленсовета в 1927 г. / В. Ф. Стеценко // Вестник Ленингр. ун-та. – 1966. – Вып. 4. – С. 55–62.

304. Стеценко, В. Ф. Партийное руководство городскими и районными Советами Ленинграда в 1925–1928 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Стеценко Вильмаркс Федорович. – Л., 1968. – 18 с.

305. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги : сб. документов / сост. С. А. Красильников [и др.]. – М., 2002.

306. Суслов, А. Ю. Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография : моногр. / А. Ю. Суслов. – Казань : КГТУ, 2007. – 229 с.

307. Сухарев, А. А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа / А. А. Сухарев // Казанская наука. – 2014. – № 9. – С. 43–49.

308. Сухарев, А. А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского Совета в годы НЭПа / А. А. Сухарев // Вестник РУДН. Сер. : История России. – 2015. – № 3. – С. 18–25.

309. Сухоруков, В. Т. XI армия на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.) / В. Т. Сухоруков. – М. : Воениздат, 1961. – 287 с.

310. Теория государства и права : учеб. / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, г. В. Игнатенко [и др.] ; отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2002. – 595 с.

311. Тимофеева, Л. С. Казанский городской совет в 1920-е гг. XX в. / Л. С. Тимофеева, Н. А. Федорова // Казанский посад в прошлом и настоящем : сб. ст. – Казань : Мастер лайн, 2002. – С. 43–48.

312. Титков, Е. П. Михаил Владимирский / Е. П. Титков, В. В. Николаев. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. – 141 с.

313. Титов, В. А. Системогенетические аспекты развития милиции России и ее тыла (1917–2010 гг.) / В. А. Титов, Г. В. Гиоев // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2010. – № 4. – С. 18–24.

314. Тихонов, В. И. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы / В. И. Тихонов, В. С. Тяжельникова, И. Ф. Юшин. – М. : Мосгосархив, 1998. – 255 с.

315. Ткачев, В. И. Формирование советской политической системы, октябрь 1917 – 1930-е годы (на материалах Поволжья) : моногр. / В. И. Ткачев. – Саратов : Изд. центр Сарат. гос. соц.-экон. ун-та, 2005. – 228 с.

316. Трифонов, И. Я. Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1925 гг.) / И. Я. Трифонов. – Л. Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – Т. 2. – 288 с.

317. Туманов, Д. Ю. «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан / Д. Ю. Туманов// Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4 (47). – С. 86–88.

318. Ульянова, С. Б. Депутаты городских Советов и их избиратели (исторический опыт Ленсовета 1920-х гг.) / С. Б. Ульянова // Вестник ЯрГУ. Сер. : гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (27). – С. 18–22.

319. Фармер, М. Рациональный выбор: теория и практика / М. Фармер // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 3. – С. 47–58.

320. Федоров, А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920-х гг. (на материалах Центрального Промышленного района) / А. Н. Федоров // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8. № 1. – С. 69–86.

321. Федюкин, С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма / С. А. Федюкин. – М. : Наука, 1972. – 471 с.

322. Фельштинский, Ю. Г. Лев Троцкий. Кн. 3. Оппозиционер, 1923–1929 / Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский. – М. : Центрполиграф, 2013. – 451 с.

323. Филимонов, В. Г. Первая советская Конституция / В. Г. Филимонов. – М. : Госюриздат, 1960. – 77 с.

324. Фицпатрик, Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 16–31.

325. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. яз. Л. Ю. Пантиной. – М. : Росспэн, 2008. – 332 с.

326. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. – М. : Росспэн, 2008. – 421 с.

327. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. – М. : Росспэн, 2011. – 373 с.

328. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Л. В. Воропай. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.

329. Халитова, А. Х. О политологическом понимании понятия «выборы» / А. Х. Халитова // Вестник ТГПУ. – 2006. – № 5. – С. 56–61.

330. Хелд, Д. глобальные трансформации: политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.] ; пер. с англ. В. В. Сапова. – М. : Праксис, 2004. – 576 с.

331. Хохлов, С. А. Особенности и динамика избирательных процессов в 1922–1927 гг. (на примере Мурманской губернии) / С. А. Хохлов // История государства и права. – 2008. – № 8. – С. 26–28.

332. Худолей, Д. М. Классификация избирательных систем / Д. М. Худолей // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. – 2016. – Вып. 33. – С. 258–267.

333. Худолей, Д. М. Понятие избирательного процесса / Д. М. Худолей // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. – 2015. – № 2 (28). – С. 18–27.

334. Чамлай, В. В. Особенности организационной работы НКВД в условиях выбора курса НЭП в СССР / В. В. Чамлай // История, теория, практика российского права. – 2019. – № 12. – С.116– 125.

335. Ченская, Т. В. Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы 1926, 1929 гг. (на примере Орловской губернии/области) / Т. В. Ченская // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – Самара, 2016. – Вып. 4. – С. 44–55.

336. Чистяков, О. И. Конституция РСФСР 1918 г. : учеб. пособие / О. И. Чистяков. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 206 с.

337. Чугаев, Д. Первая Конституция Советского государства / Д. Чугаев. – М. : Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1949. – 176 с.

338. Чураков, Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.) / Д. О. Чураков. – М. : Вече, 2012. – 318 с.

339. Шабо, Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления / Ж.-Л. Шабо // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 155–165.

340. Шарапов, Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после Октябрьской революции (1917–1920 гг.) / Г. В. Шарапов. М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1961. – 312 с.

341. Швечикова, В. А. Деятельность партийных организаций Урала по организационно-политическому укреплению органов диктатуры пролетарита в деревне в условиях подготовки сплошной коллективизации и обострения классовой борьбы (1928 – 1929 гг.) / В. А. Швечикова // Классовая борьба на Урале (1917–1932 гг.). Свердловск, 1974. – С. 89–97.

342. Шишкин, В. А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928 гг.) / В. А. Шишкин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 399 с.

343. Шишкин, В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 гг.) / В. И. Шишкин. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – 333 с.

344. Шишкин, В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 гг.) / В. И. Шишкин. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 319 с.

345. Шутов, А. Ю. Реформа земской избирательной системы в России 1890 г. / А. Ю. Шутов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 77 с.

346. Юнина, Е. А. Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920–1930-х гг. В отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) / Е. А. Юнина // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. № 8. – С. 64–75.

347. Юрьев, А. И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров / А. И. Юрьев // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С. 129–135.

348. Яров, С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. / С. В. Яров. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 223 с.

349. Яров, С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. / С. В. Яров. – М. : Росспэн, 2014. – 374 с.

350. Яхутль, Ю. А. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) / Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов // Вестник РУДН. Сер. : История России. – 2020. – № 19. – С. 403–417.

351. Яхутль, Ю. А. Курс «лицом к деревне» – компромисс власти и доколхозного крестьянства / Ю. А. Яхутль // Современная научная мысль. – 2023. – № 3. – С. 89-95.

352. Яхутль Ю. А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920–1926 гг.) / Ю. А. Яхутль // гуманитарные и юридические исследования. 2024. – Т. 11. – № 2. – С. 331–338.

353. Яхутль Ю. А. Вооружённый протест сельского населения Кубани и Черноморья как фактор регулирования экономической политики большевиков в начале 1920-х годов / Ю. А. Яхутль // Электронный журнал «Кавказология». —2024. – № 4. – С. 87–99.

354. Ящук, Т. Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. : моногр. / Т. Ф. Ящук. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. – 90 с.

355. Alexopoulos, G. Stalin’s Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936 / G. Alexopoulos. – Ithaca, London : Cornell University press, 2003. – 243 p.

356. Alexopoulos, G. The Ritual Lament / G. Alexopoulos // Russian History. – 1997. – № 1. – P. 117–129.

357. Berelson, B. Voting: a Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign / B. Berelson, P. Lazarsfeld, W. McPhee. – Chicago : University of Chicago Press, 1954. – 395 p.

358. Brovkin, V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society, 1921–1929 / V. Brovkin. – London ; N. Y. : Routledge, 1998. – 266 p.

359. Brown, A. Ideology and Political Culture / A. Brown // Politics, Society, and Nationality inside Gorbachev’s Russia / ed. by Seweryn Bialer. Boulder. – London : Westview, 1989. – P. 40–49.

360. Brandenberger, D. National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956 / D. Brandenberger. – Cambridge, M. A. : Harvard University Press, 2002. – 378 p.

361. Burbank, J. Intelligentsia and revolution: Russian views of Bolshevism, 1917–1922 / J. Burbank. – Oxford University Press, 1986. – 340 p.

362. Craig, F. W. S. British Electoral Facts. 1832–1980 / F. W. S. Craig. – Chichester : Parliamentary Research Services, 1981. – 203 p.

363. Critical elections: British parties and voters in long-term perspective / ed. by G. Evans, P. Norris. – London : Sage, 1999. – 310 p.

364. David-Fox, M. Crossing borders: modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union / M. David-Fox. – Pittsburgh, PA : University of Pittsburgh Press, 2015. – 286 p.

365. Downs, A. An Economic theory of democracy / A. Downs. – N. Y. : Harper, 1957. – 310 p.

366. Electoral change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries / ed. by M. Franklin, T. Mackie, H. Valen. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 489 p.

367. Essays on Revolutionary Culture and Stalinism: Selected Papers from the Third World Congress for Soviet and East European Studies / ed. by W. John Strong. – Columbus, Ohio : Slavica Pub., 1990. – 252 p.

368. Figes, O. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917 / O. Figes, B. Kolonitskii. – New Hawen, CT : Yale University Press, 1999. – 198 p.

369. Fitzpatrick, Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia / Sh. Fitzpatrick // Journal of Modern History. – 1993. – Vol. 65. № 4. – P. 745–770.

370. Fitzpatrick, Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization / Sh. Fitzpatrick. – N. Y. : Oxford University Press, 1994. – 386 p.

371. Fitzpatrick, Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s / Sh. Fitzpatrick. – N. Y. : Oxford University Press, 1999. – 304 p.

372. Getty, A. Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations / A. Getty // The Anatomy of Terror. Political Violence under Stalin / Ed by J. Harris. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 205–234.

373. Getty, J. A. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s / A. Getty // Slavic Review. – 1991. – Vol. 50. No. 1. – P. 18–35.

374. Goldman, W. Z. Terror and Democracy in the Age of Stalin: the social dynamics of repression / W. Z. Goldman. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 274 p.

375. Hoffman, D. L. Cultivating the Masses: Modern State Practice and Soviet Socialism. 1914–1939 / D. L. Hoffman. – Ithaca, N. Y : Cornell University Press, 2011. – 344 p.

376. Holmes, L. Legitimation and legitimacy in Russia revisited / L. Holmes // Russian Politics from Lenin to Putin / S. Fortescue (ed.). – L. : Palgrave Macmillan, 2010. – P. 101–126.

377. Kimerling, E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 / E. Kimerling // Russian Review. – 1982. – Vol. 41. No. 1. – P. 24–46.

378. Krieger, J. Britain / J. Krieger // European Politics in Transition. – Lexington ; Toronto, 1987. – P. 26–82.

379. Lipset, S. M. Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives / S. M. Lipset, S. Rokkan. – N. Y. : Free Press, 1967. – 554 p.

380. Lewin, M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia / M. Lewin. – N. Y. : New York press, 1985. – 354 p.

381. Petro, N. The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture / N. Petro. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1997. – 226 p.

382. Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens / ed. By J. R. Millar. – Cambridge etc. : Cambridge University Press, 1987. – 423 p.

383. Rees, T. 1936 / T. Rees // The Oxford Handbook of the History of Communism / ed. By S. Smith. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – P. 158–175.

384. Riker, W. H. An Introduction to Positive Political Theory / W. H. Riker, P. C. Ordeshook. – New Jersey : Englewood Cliffs, 1973. – 387 p.

385. Rosenberg, W. G. Problems of social welfare and everyday life / W. G. Rosenberg // Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921. – Bloomington : Indiana University Press, 1997. – P. 620–652.

386. Sakwa, R. Russian Politics and Society / R. Sakwa. – London : Routledge, 2008. – 606 p.

387. Soest, C. von. Identity, procedures and performance: How authoritarian regimes legitimize their rule / C. von Soest, J. Grauvogel // Contemporary Politics. N. Y., 2017. – Vol. 23. № 3. – P. 287–305.

388. Tucker, R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / R. Tucker. – London : G. Allen & Unwin, 1972. – 304 p.

389. Viola, L. Stalinism and 1930s / L. Viola // A Companion in Russian History / ed. by A. Gleason. – West Sussex, UK : Wiley-Blackwell, 2009. – P. 368–385.

390. White, S. Political Culture and Soviet Politics / S. White. – London ; Basingstoke : Macmillan press, 1979. – 234 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Агапцов, С. А. Становление партийно-государственной системы власти: историко-политический анализ (октябрь 1917–1924 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Агапцов Сергей Анатольевич. – М., 1992. – 23 с.

2. Алебастрова, И. А. Выборы народных депутатов в СССР как институт демократии : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Алебастрова Ирина Анатольевна. – М., 1991. – 21 с.

3. Анфертьев, И. А. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Анфертьев Иван Анатольевич. – М., 2019. – 43 с.

4. Арнаутов, Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Арнаутов Никита Борисович. – Томск, 2010. – 24 с.

5. Бакшеев, А. Н. Опыт и проблемы взаимоотношений Советов и партийных организаций Восточной Сибири. 1921–1925 : автореф. дис. … канд. ист. наук / Бакшеев Андрей Иванович. – Иркутск, 1992. – 24 с.

6. Безгин, В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (по материалам губерний Центрального Черноземья) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Безгин Владимир Борисович. – Пенза, 1998. – 16 с.

7. Бициоха, В. Г. Формирование советской политической системы: региональный аспект, октябрь 1917 – середина 20-х гг. (на материалах Саратовской губернии) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Бициоха Василий Геннадьевич. – Саратов, 2010. – 22 с.

8. Богданова, М. Н. Российская электоральная политика: институциональные ресурсы и технологии реализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Богданова Мария Николаевна. – Ростов н/Д, 2006. – 24 с.

9. Бузин, А. Ю. Проблемы правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Бузин Андрей Юрьевич. – М., 2004. – 25 с.

10. Булюлина, Е. В. Формирование и деятельность местных органов государственной власти и управления в Нижнем Поволжье. 1917–1928 гг. : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Булюлина Елена Владимировна. – Волгоград, 2012. – 45 с.

11. Валуев, Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): на материалах Западного региона РСФСР : автореф. дис. … канд. ист. наук / Валуев Демьян Валерьевич. – Брянск, 2003. – 23 с.

12. Веняминова, А. А. Избирательный процесс в советском государстве: 1917 — начало 1990-х гг. : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Веняминова Альбина Аркадьевна. – Краснодар, 2008. – 29 с.

13. Володькина, Е. А. Институт отмены (переноса) выборов в российской избирательной системе : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Володькина Елена Алексеевна. – Саратов, 2011. – 25 с.

14. Гаврилов, С. О. Местные Советы Российской Федерации в период подготовки и реализации конституционной реформы второй половины 1930-х годов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Гаврилов Станислав Олегович. – Кемерово, 2003. – 49 с.

15. Гагарин, А. В. Укрепление сельских Советов Западной Сибири в конце восстановительного периода (1924–1926 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Гагарин Александр Вячеславович. – Томск, 1963. – 24 с.

16. Грехова, Н. Н. Хозяйственно-организаторская деятельность Советов в деревне Вятской и Нижегородской губерний. 1921–1925 : автореф. дис. … канд. ист. наук / Грехова Нина Николаевна. – М., 1990. – 16 с.

17. Гришанов, В. П. Борьба партийных организаций Урала за политическое укрепление сельских Советов в начальный период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1929 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Гришанов Владимир Петрович. – Свердловск, 1978. – 22 с.

18. Данилов, А. А. Партийные организации и сельские Советы Ивановской промышленной области: отношения, проблемы, уроки, 1929–1936 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Данилов Александр Анатольевич. – Иваново, 1990. – 20 с

19. Дмитриевцева, А. А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Дмитриевцева Александра Александровна. – Саратов, 2012. – 25 с.

20. Дорожкина, Я. Б. Избирательные кампании по выборам в верховные и местные Советы в Западной Сибири (1937–1941 гг.) : дис. … канд. ист. наук / Дорожкина Яна Борисовна. – Новосибирск, 2004. – 211 с.

21. Егоров, В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Егоров Владимир Георгиевич. – М., 2005. – 59 с.

22. Елисеев, В. В. Демократическая и авторитарная тенденции в политической жизни России (1921–1923 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Елисеев Владимир Владимирович. – М., 1992. – 24 с.

23. Елистратова, В. С. Избирательная система России: конституционно-правовые основы и политическая практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Елистратова Виктория Сергеевна. – М., 2008. – 26 с.

24. Зверева, Л. А. Становление и развитие органов государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917 – 1929 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Зверева Людмила Алексеевна. – Ставрополь, 2002. – 26 с.

25. Каримова, Л. К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е г. (социально-демографический анализ) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Каримова Луиза Каюмовна. – Казань, 2008. – 23 с.

26. Карпычева, Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Карпычева Елена Вячеславовна. – М., 2009. – 22 с.

27. Королькова, Ю. М. Электоральное поведение граждан в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Королькова Юлия Михайловна. – Тула, 2007. – 26 с.

28. Корчагин, Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья) : дис. … канд. ист. наук / Корчагин Дмитрий Михайлович. – М., 2003. – 217 с.

29. Корчагин, Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Корчагин Дмитрий Михайлович. – М., 2003. – 18 с.

30. Красильников, С. А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Красильников Сергей Александрович. – Новосибирск, 1995. – 44 с.

31. Красинский, С. Л. Партийное руководство деятельностью городских Советов Западной Сибири в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства. 1933–1937 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Красинский Сергей Лифанович. – Томск, 1984. – 18 с.

32. Красников, В. В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Красников Виктор Викторович. – Тамбов, 2003. – 25 с.

33. Кудрякова, Д. В. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Кудрякова Дарья Владимировна. – Краснодар, 2013. – 25 с.

34. Кулачков, В. В. Российское крестьянство в 1920-е гг.: социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития (на материалах западных губерний Европейской России) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Кулачков Вадим Витальевич. – М., 2025. – 37 с.

35. Куренкова, Ю. О. Крестьянство и сельские Советы Южного Урала в 1922–1929 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Куренкова Юлия Олеговна. – Оренбург, 2003. – 24 с.

36. Кузьменко, С. Г. Становление и развитие избирательной системы высших представительных органов государственной власти России: 1905–2007 годы : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Кузьменко Сергей Геннадиевич. – М., 2008. – 25 с.

37. Кужба, О. А. Деятельность крестьянских Советов Верхневолжья в 1921–1925 гг. (по материалам Тверской и Ярославской губерний) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Кужба Олег Андреевич. – Тверь, 1997. – 22 с.

38. Кукушкин, Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне, 1921–1932 гг. (по материалам РСФСР) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Кукушкин Юрий Степанович. – М., 1967. – 29 с.

39. Леконцев, О. Н. Реформы Советов в 1921–1927 годах (на материалах Вотской автономной области и Вятской губернии) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Леконцев Олег Николаевич. – М., 1995. – 16 с.

40. Лесных, А. В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917–1921 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Лесных Алексей Викторович. – Тамбов, 2009. – 22 с.

41. Лобанов, А. В. Переход к НЭП и реорганизация НКВД РСФСР: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Лобанов Андрей Викторович. – М., 1998. – 27 с.

42. Маннанов, М. А. Коммунистическая партия и сельские Советы в первой половине 20-х годов: на материалах Башкирии : автореф. дис. … канд. ист. наук / Маннанов Марат Арысланович. – М., 1990. – 16 с.

43. Морозова, Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Морозова Наталья Михайловна. – Саранск, 2005. – 19 с.

44. Москаленская, Д. Н. Православные священно- и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение : автореф. дис. … канд. ист. наук / Москаленская Дарья Николаевна. – Томск, 2017. – 23 с.

45. Офицерова, Н. В. Политический контроль в промышленном сообществе в 1920-е гг. (на материалах Северо-Запада России) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Офицерова Наталья Владимировна. – СПб., 2010. – 28 с.

46. Панов, П. В. Партия большевиков и Советы Урала в годы НЭПа (эволюция механизма местной власти) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Панов Петр Вячеславович. – Пермь, 1992. – 17 с.

47. Перфильева, И. А. Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922–1936 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Перфильева Ирина Анатольевна. – Иркутск, 2007. – 27 с.

48. Петрищева, Н. С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг. (на материалах Курского края) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Петрищева Наталья Сергеевна. – Белгород, 2013. – 21 с.

49. Письменов, В. Н. Органы управления Курской губернии: механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Письменов Владимир Николаевич. – Курск, 2001. – 27 с.

50. Плотников, А. А. Конституция РСФСР 1918 г. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / Плотников Андрей Анатольевич. – М., 2003. – 205 с.

51. Пряхин, М. Г. Ленинские идеи о выборах и избирательном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Пряхин Михаил Георгиевич . – Саратов, 1973. – 19 с.

52. Рудик, П. Л. История советского избирательного права (1917–1936) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Рудик Петр Леонидович. – М., 1991. – 21 с.

53. Рязанцев, Н. П. Организация и проведение избирательных кампаний в Советы в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) (по материалам губерний Верхнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рязанцев Николай Павлович. – Ярославль, 1986. – 25 с.

54. Сазонов, Е. А. Образ «врага народа» в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 г. – июль 1918 г.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Сазонов Евгений Александрович. – Новосибирск, 2002. – 27 с.

55. Саламатова, М. С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг. (на материалах Западной Сибири) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Саламатова Марина Сергеевна. – Новосибирск, 2002. – 24 с.

56. Свечников, Н. И. Формирование основ земского избирательного права в период подготовки и проведения реформ местного самоуправления во второй половине XIX века : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Свечников Николай Иванович. – Саратов, 2009. – 22 с.

57. Серокурова, Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Серокурова Любовь Александровна. – М., 2010. – 23 с.

58. Скосаренко, Е. Е. Избирательная система в политической жизни России: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Скосаренко Екатерина Евгеньевна. – М., 2006. – 25 с.

59. Смирнова, В. В. Возникновение советского избирательного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Смирнова Валентина Васильевна. – М., 1973. – 24 с.

60. Старостина, И. А. Избирательная система и формирование институтов представительной демократии в Российской Федерации: конституционно-правовое

исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Старостина Ирина Аркадьевна. – Челябинск, 2009. – 25 с.

61. Сухарев, А. А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Сухарев Анатолий Анатольевич. – Тюмень, 2015. – 25 с.

62. Ткачев, В. И. Формирование механизма партийной власти в советской политической системе, октябрь 1917 – 1930-е годы: на материалах Поволжья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ткачев Вениамин Иванович. – Саратов, 2006. – 39 с.

63. Тропов, И. А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1929 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Тропов Игорь Анатольевич. – СПб., 2012. – 46 с.

64. Туфанов, Е. В. Формирование советской политической системы в 1917–1920 гг.: на примере Рязанской губернии : автореф. дис. … канд. ист. наук / Туфанов Евгений Васильевич. – Саранск, 2010. – 23 с.

65. Тютюник, М. В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Тютюник Марина Валентиновна. – Славянск-на-Кубани, 2009. – 21 с.

66. Федорова, И. М. Местный партийно-советский аппарат в первой половине 20-х годов: формирование, социальный облик: по материалам Калужской, Тульской, Смоленской губерний : автореф. дис. … канд. ист. наук / Федорова Ирина Михайловна. – Брянск, 2001. – 17 с.

67. Шаяхметова, И. З. Городские Советы Башкирской АССР в 1919–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Шаяхметова Ирина Зуфаровна. – Оренбург, 2007. – 23 с.

68. Шершнева, Е. А. Создание Конституции СССР 1936 года : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шершнева Елена Александровна. – М., 2011. – 29 с.

69. Юдин, А. Н. Сельские Советы Тамбовской губернии 1921–1924 гг. : дис. … канд. ист. наук / Юдин Алексей Николаевич. – Тамбов, 2005. – 271 с.

70. Яцечко, В. И. Зарождение и становление государственно-правовых форм организации Советов как органов народного представительства в СССР : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Яцечко Виктор Иванович. – Томск, 1979. – 18 с.

71. Яхутль, Ю. А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. на примере Кубани и Дона : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Яхутль Юрий Асланбиевич. – Краснодар, 2020. – 59 с.

72. Alexopoulos, G. Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936: Ph. D.diss / Golfo Alexopoulos. – Chicago, 1997. – 320 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(таблицы)

Итоги выборов в городские, сельские Советы и на съезды в РСФСР в 1922–1935 гг.[2222]

Таблица 1

Явка избирателей на выборы в городские Советы РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Общая явка	Явка женщин	Явка мужчин	Члены профсоюзов	«Не организованное в профсоюзы» население	Красноармейцы
1922	36,5	–		–		
1923	38,5	–		39,0	18,7	60,1
1924/25	40,5	27,5	50,1	52,2	24,2	68,7
1925/26	48,7	38,1	57,9	56,7	37,3	69,8
1926/27	59,0	50,4	67,3	69,9	43,2	77,7
1928/29	70,4	64,2	76,3	80,4	58,5	81,6
1930/31	78,4	75,8	81,5	82,8	69,6	84,7
1934/35	90,3	88,2	93,0	–		

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI Всероссийскому съезду Советов РСФСР. М., 1924. С. 13–15; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 47–53, 236–243; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 57–61; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 8–17, 44–45; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 15–17, 102–103; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 12, 83.

Таблица 2

Гендерный состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Мужчины	Женщины
1920	94,3	5,7
1921	92,9	7,1
1922	90,2	9,8
1923	86,9	13,1

[2222] Таблицы составлены по данным статистических сборников с учетом изменений административно-территориального устройства по волостям, районам, уездам, округам, губерниям, областям и краям, отраженным в статистических данных за соответствующий период

1924/25	81,4	18,6
1925/26	80,3	19,7
1926/27	78,8	21,2
1928/29	73,6	26,4
1930/31	72,5	27,5
1934/35	67,8	32,2

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 17; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 58–59, 246–248; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 19–21, 46–47; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 8–17, 44–45; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 18–19, 112–113; Выборы в Советы в Союзе ССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 18, 83.

Таблица 3

Возрастной состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Возраст				
	до 25 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–60 лет	старше 60 лет
1920	15,9	65,2		18,9	–
1921	20,0	61,3		18,3	0,4
1922	20,4	64,4		15,0	0,2
1923	22,3	63,3		14,2	0,2
1924/25	21,8	23,6	36,4	17,6	0,6
1925/26	19,0	22,5	36,7	20,7	1,1
1926/27	13,5	24,6	38,9	22,2	0,8
1928/29	13,1	25,6	38,1	22,6	0,7
1930/31	12,2	25,4	39,3	22,9	0,3

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 17; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 60–61, 246–249; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 72; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 31; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 22.

Таблица 4

Уровень образования депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Высшее и среднее	Низшее и домашнее	Неграмотные
1920	23,2	76,1	0,7
1921	25,4	73,3	1,3
1922	24,8	74,6	0,6
1923	25,1	74,3	0,6
1924/25	19,6	79,8	0,6
1925/26	22,2	76,9	0,9
1926/27	19,3	79,8	0,9
1928/29	16,6	82,3	1,1
1930/31	16,7	82,1	0,2

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 17–18; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 61–62, 246–249; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 73–74; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 31; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 22.

Таблица 5

Социальный состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Рабочие / в т.ч. с производства	Служащие и интеллигенция	Кустари и ремесленники	Красно армейцы	Прочие
1922	44,0	40,9	0,5	7,7	6,9
1923	36,6	49,9	1,8	7,4	4,3
1924/25	46,0	35,7	2,6	5,1	10,6
1925/26	36,4	40,3	4,4	4,4	14,5
1926/27	47,2	31,8	2,8	5,5	12,7
1928/29	54,0/43,6	25,8	2,4	3,5	14,3
1930/31	58,0/44,1	22,0	1,6	3,2	15,2
1934/35	64,8/47,2	–			

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 18; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 63–65, 246–249; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 67–70; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М.,

1930. С. 22–25, 46–47; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 25, 112–113.

Примечание: в категории «прочие» учитывались домашние хозяйки, учащиеся, крестьяне

Таблица 6

Партийный состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	Члены других партий	Беспартийные
1920	59,2		0,8	40,0
1921	58,6		3,4	38,0
1922	69,8		0,4	29,8
1923	69,2		0,4	30,4
1924/25	51,2	5,8	–	43,0
1925/26	40,9	4,6	–	54,5
1926/27	46,5	6,0	–	47,5
1928/29	46,3	7,3	–	46,4
1930/31	49,1	7,4	–	43,5
1934/35	43,9	9,5	–	46,6

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 19; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 65–67, 246–249; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 66–67; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 2. Выборы в городские Советы. М., 1930. С. 24, 112–113; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 25, 112–113; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 18, 83.

Таблица 7

Явка избирателей на выборы в сельские Советы в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Общая явка	Явка женщин	Явка мужчин
1922	22,3	–	
1923	37,2	–	
1924/25	41,1	19,9	63,5
1925/26	47,3	28,7	67,5
1926/27	47,6	30,1	66,6
1928/29	60,7	46,9	75,7

1930/31	69,1	61,7	76,9
1934/35	82,3	79,0	87,5

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 4–6; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 10–16, 84–85; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 7–13; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 16–21; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 9–11, 82–83; Выборы в Советы в Союзе ССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 82.

Таблица 8

Гендерный состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Мужчины	Женщины
1922	99,0	1,0
1923	97,2	2,2
1924/25	91,0	9,0
1925/26	89,5	10,5
1926/27	88,1	11,9
1928/29	81,0	19,0
1930/31	79,1	20,9
1934/35	73,5	26,5

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 6–9; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 22, 108–109; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 17–18; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 24–25; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 11–12, 82–83; Выборы в Советы в Союзе ССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 13, 82.

Таблица 9

Гендерный состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Мужчины	Женщины
1922	100	0,0
1923	100	0,0
1924/25	99,6	0,4
1925/26	99,4	0,6

1926/27	98,8	1,2
1928/29	92,9	7,1
1930/31	95,0	5,0
1934/35	91,8	8,2

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 6–9; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 20–22, 108–109; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 17–18; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 24–25; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 11–12, 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 15, 84.

Таблица 10

Возрастной состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1924–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Возраст				
	до 25 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–60 лет	старше 60 лет
1924/25	19,1	58,4		22,0	0,5
1925/26	20,7	25,2	32,6	21,0	0,5
1926/27	13,9	29,1	33,6	22,5	0,9
1928/29	14,6	31,8	33,8	19,4	0,4
1930/31	15,5	32,2	35,3	16,8	0,2

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 23, 84–85; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 19; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 31; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 11–12, 82–83.

Таблица 11

Возрастной состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Возраст				
	до 25 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–60 лет	старше 60 лет
1924/25	15,1	68,2		16,5	0,2
1925/26	15,7	28,3	38,4	17,4	0,2
1926/27	9,6	32,4	39,3	18,4	0,3
1928/29	11,3	38,6	36,2	13,7	0,2

1930/31	10,1	40,9	37,7	11,1	0,2

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 23, 108–109; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 19; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 31; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83.

Таблица 12

Уровень образования депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Высшее и среднее	Низшее и домашнее	Неграмотные
1922	1,8	86,6	11,6
1923	1,6	90,0	8,4
1924/25	3,6	89,3	7,1
1925/26	4,4	89,0	6,6
1926/27	–		11,3
1928/29	–		12,1
1930/31	–		9,2

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 10; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 23–25, 84–85; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 19–20; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 31; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 31; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 82–83.

Таблица 13

Уровень образования председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Высшее и среднее	Низшее и домашнее	Неграмотные
1924/25	2,1	97,1	0,8
1925/26	2,3	96,8	0,9
1926/27	–		2,2
1928/29	–		2,3
1930/31	–		1,8

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 24–25, 108–109; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 19–20;

Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 31; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83.

Таблица 14

Социальный состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Крестьяне	Из них колхозники	Рабочие и батраки	Служащие и интеллигенция	Прочие
1922	94,3	–	3,4	2,3	–
1923	94,7	–	2,6	2,7	–
1924/25	92,1	–	2,9	5,0	–
1925/26	90,6	–	2,4	6,2	0,8
1926/27	88,7	–	4,6	5,5	1,2
1928/29	86,5	–	7,9	4,4	1,2
1930/31	88,4	35,2	6,2	4,1	1,3
1934/35	82,9	74,3	7,4	8,2	1,5

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 9; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 25–27, 84–85; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 20–22; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 32–37; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. 12–13, 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 82.

Таблица 15

Социальный состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Крестьяне	Из них колхозники	Рабочие и батраки	Служащие и интеллигенция	Прочие
1924/25	94,5	–	2,6	2,9	–
1925/26	95,3	–	1,8	2,6	–
1926/27	94,2	–	3,0	2,2	0,6
1928/29	89,5	–	7,6	2,2	0,7
1930/31	80,6	57,2	14,1	4,6	0,7
1934/35	59,6	59,1	13,2	27,2	–

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 26–27, 108–109; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 20–22; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские,

волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 32–37; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 12–13, 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 17, 84.

Таблица 16

Партийный состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	беспартийные
1922	6,1		93,9
1923	7,8		92,2
1924/25	8,9	3,4	87,7
1925/26	9,9	3,8	86,3
1926/27	7,7	4,5	87,3
1928/29	9,3	5,8	84,9
1930/31	13,6	6,0	80,4
1934/35	18,4	10,0	71,6

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 11–12; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 33–37, 83–84; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 31–33; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 27–29; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 13–14, 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 14–15; 84.

Таблица 17

Партийный состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	беспартийные
1924/25	20,1	3,5	79,9
1925/26	18,0	3,8	82,0
1926/27	18,7	5,1	76,2
1928/29	30,6	7,3	62,1
1930/31	56,6	5,8	37,6
1934/35	75,8	7,1	17,1

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 33–37, 108–109; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928.

С. 31–33; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 27–28; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 13–14, 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 16, 84.

Таблица 18

Гендерный состав делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Мужчины	Женщины
1922	98,8	1,2
1923	97,4	2,6
1924/25	92,4	7,6
1925/26	91,2	8,8
1926/27	89,9	10,1
1928/29	81,9	18,1
1930/31	78,8	21,2
1934/35	72,7	27,3

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI Всероссийскому съезду Советов РСФСР. М., 1924. С. 6–9; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 20–22, 92–93; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 35–37; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 50–52; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 19, 87.

Таблица 19

Возрастной состав делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1924–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Возраст				
	до 25 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–60 лет	старше 60 лет
1924/25	20,3	60,0		19,1	0,6
1925/26	21,0	25,2	34,5	18,8	0,5
1926/27	14,1	29,9	35,0	16,6	4,4
1928/29	15,0	32,7	34,7	14,4	3,2
1930/31	14,0	31,6	36,8	14,3	3,3

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 22–23, 92–93; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 37; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 52–53; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83.

Таблица 20

Уровень образования делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1922–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Высшее и среднее	Низшее и домашнее	Неграмотные
1922	1,2	87,1	11,7
1923	4,4	89,7	5,9
1924/25	8,3	88,3	3,4
1925/26	10,6	86,4	3,0
1926/27	–		6,2
1928/29	–		4,8
1930/31	–		2,7

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI Всероссийскому съезду Советов РСФСР. М., 1924. С. 9–10, 37; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 23–24, 92–93; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 38; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 53; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83.

Таблица 21

Социальный состав делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Крестьяне	Рабочие	Служащие и интеллигенция	Прочие
1922	93,1	3,0	3,9	–
1923	87,6	4,7	7,7	–
1924/25	82,5	5,1	12,4	–
1925/26	79,4	3,9	16,1	0,6
1926/27	76,8	7,4	14,8	1
1928/29	71,7	12,6	14,4	1,3
1930/31	64,6	19,2	14,0	2,2

1934/35	52,6	19,6	24,6	3,2

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году: К XI Всероссийскому съезду Советов РСФСР. М., 1924. С. 9, 37; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 25–27, 92–93; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 39–40; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 57–60; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 87.

Таблица 22

Партийный состав делегатов волостных и районных съездов
в РСФСР в 1922–1935 гг., %

Избирательные кампании, год	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	Беспартийные
1922	11,7		88,3
1923	17,8		82,2
1924/25	17,2	5,4	77,4
1925/26	18,8	3,9	75,3
1926/27	25,4	7,3	67,3
1928/29	31,3	8,2	60,5
1930/31	43,5	7,0	49,5
1934/35	46,9	9,0	44,1

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 10–11, 37; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 1. Горсоветы, сельские Советы, волсъезды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М., 1926. С. 33–36, 92–93; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г.: стат. данные. М., 1928. С. 47–48; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. М., 1930. С. 54–56; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 82–83; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 г. М., 1935. С. 87.

Таблица 23

Гендерный состав делегатов уездных и окружных съездов
в РСФСР в 1920–1929 гг., %

Избирательные кампании, год	Мужчины	Женщины
1920	97,7	2,3
1921	97,8	2,2
1922	97,1	2,9

1923	94,8	5,2
1924/25	89,0	11,0
1925/26	88,2	11,8
1926/27	85,7	14,3
1928/29	77,9	22,1

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 21, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 17–18, 236–237; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 29–30; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 4–5, 26–45.

Таблица 24

Возрастной состав делегатов уездных и окружных съездов
в РСФСР в 1923–1929 гг., %

Избирательные кампании, год	Возраст				
	до 25 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–60 лет	старше 60 лет
1923	14,2	28,4	42,6	14,6	0,2
1924/25	11,9	69,7		18,0	0,4
1925/26	20,9	26,6	37,3	14,9	0,3
1926/27	12,5	28,3	42,1	14,2	2,9
1928/29	13,4	29,7	39,7	14,1	3,1

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 22, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 18, 238; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 31; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 8–9, 26–45.

Таблица 25

Уровень образования делегатов уездных и окружных съездов
в РСФСР в 1922–1929 гг., %

Избирательные кампании, год	Высшее	Среднее	Низшее	Неграмотные
1922	–	12,6	84,8	2,6
1923	1,8	19,3	78,3	0,6
1924/25	1,9	19,3	77,8	1,0

1925/26	2,1	19,0	77,8	1,1
1926/27	–			1,2
1928/29	–			2,4

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 23, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 19, 238; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 31; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 8–9, 26–45.

Таблица 26

Социальный состав делегатов уездных и окружных съездов
в РСФСР в 1922–1929 гг., %

Избирательные кампании, год	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Интеллигенция	Прочие (красноармейцы, кустари и т.д.)
1922	59,1	16,8	24,1	–	–
1923	57,4	16,2	26,4	–	–
1924/25	56,4	15,7	27,9	–	–
1925/26	53,7	16,2	21,2	6,4	2,5
1926/27	52,0	24,2	17,6	4,0	2,2
1928/29	45,5	33,4	14,4	4,0	2,7

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 22, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 12–14, 236–237; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 30; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 9–11, 46–71.

Таблица 27

Партийный состав делегатов уездных и окружных съездов
в РСФСР в 1918–1929 гг., %

Избирательные кампании, год	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	Члены других партий	Беспартийные
1918	60,6	–	14,2	25,2
1919	55,4	–	4,9	39,7
1920	43,0	–	0,7	56,3
1921	44,0	–	0,3	55,7

1922	54,4	–	0,1	45,5
1923	62,8	–	0,0	37,2
1924/25	59,9	–	0,0	40,1
1925/26	53,5	–	0,0	46,5
1926/27	52,9	5,3	0,0	41,8
1928/29	55,3	6,6	0,0	38,1

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 23–24, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 19–21, 236–237; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 30; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 6–7, 26–45.

Примечание: с кампании 1926/27 г. отдельно учитывались члены ВКП(б) и комсомола

Таблица 28

Гендерный состав делегатов губернских, областных, краевых и республиканских съездов в РСФСР 1920–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Мужчины	Женщины
1920	96,9	3,1
1921	96,7	3,3
1922	94,7	5,3
1923	94,1	5,9
1924/25	89,8	10,2
1925/26	89,8	10,2
1926/27	87	13,0
1928/29	79,3	20,7
1930/31	76,5	23,5

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 21, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 17–18, 240–241; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 34; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 12–14, 116–123; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 23, 162–163.

Таблица 29

Возрастной состав делегатов губернских, областных краевых и республиканских съездов в РСФСР в 1923–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Возраст				
	до 25 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–60 лет	старше 60 лет
1923	12	26	43,7	18,1	0,2
1924/25	14,2	70,6		14,9	0,3
1925/26	11,8	25,8	45,9	15,9	0,6
1926/27	6,7	23,0	49,4	17,2	3,8
1928/29	9,2	25,3	43,5	17,6	3,9
1930/31	9,3	21,7	46,1	18,2	4,7

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 22, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 18, 242–243; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 35; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 12–14, 116–123; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 162–163.

Таблица 30

Образовательный уровень делегатов губернских, областных краевых и республиканских съездов в РСФСР в 1922–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Высшее	Среднее	Низшее	Неграмотные
1922	–	19,5	80,0	0,5
1923	4,0	21,1	74,4	0,5
1924/25	3,1	19,6	76,2	1,1
1925/26	3,6	17,5	77,8	1,1
1926/27	–			1,8
1928/29	–			2,2
1930/31	3,9	12,3	77,9	5,9

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 23, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 18–19; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 35; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 12–14, 116–123; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 25, 162–163.

Таблица 31

Социальный состав делегатов губернских, областных краевых и республиканских съездов в РСФСР в 1922–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Интеллигенция	Прочие (красноармейцы, кустари и т.д.)
1922	33,7	33,0	33,3	–	–
1923	32,8	31,7	35,5	–	–
1924/25	31,8	32,1	36,1	–	–
1925/26	45,4	17,5	30,3	3,7	3,1
1926/27	37,9	33,5	20,9	2,8	4,9
1928/29	31,6	41,8	21,5	1,9	3,2
1930/31	36,6	41,0	19,2	–	3,2

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 22, 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 12-14, 240–241; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 34; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 12–14, 124–131; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 25, 162–163.

Таблица 32

Партийный состав делегатов губернских, областных краевых и республиканских съездов в РСФСР 1918–1931 гг., %

Избирательные кампании, год	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	Члены других партий	Беспартийные
1918	71,4	–	14,2	14,4
1919	79,9	–	4,7	15,4
1920	78,6	–	0,2	21,2
1921	74,8	–	0,1	25,1
1922	78,8	–	0,0	21,2
1923	78,1	–	0,0	21,9
1924/25	69,6	–	0,0	30,4
1925/26	64,5	–	0,0	35,5
1926/27	63,3	2,7	0,0	34,0
1928/29	64,7	3,7	0,0	31,6
1930/31	68,8	4,2	0,0	27,0

Источники: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. М., 1924. С. 23–24; 38; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г.: стат. материалы. Ч. 2. Съезды Советов и исполнительные комитеты. М., 1926. С. 19–22, 242–243; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 34; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.: стат. сб. Вып. 3: Выборы в уездные, окружные, губернские, областные, краевые и республиканские органы власти. М., 1930. С. 12–14, 116–123; Итоги выборов в Советы в РСФСР в 1930–1931 г.: стат. сб. М., 1931. С. 24, 162–163.

СПИСОК ТАБЛИЦ

Таблицы основного текста диссертации

Таблица 1.1. Численность лиц, лишенных избирательных прав в РСФСР в 1922–1935 гг……..... 132
Таблица 2.1. Председатели губернских, краевых, областных избирательных комиссий (занимаемые должности) в 1925–1931 гг., %..... 334
Таблица 3.1. Количество правонарушений в ходе избирательной кампании 1928/29 г. по данным НКВД (на 15.03.1929 г.)…….....473
Таблица 3.2. Партийный состав делегатов губернских съездов в 1918–1923 гг., %.....505
Таблица 3.3. Партийный состав делегатов уездных съездов Советов в 1918–1923 гг., %.....506
Таблица 4.1. Структура городских избирателей в 1920–1931 гг., %.....543
Таблица 4.2. Структура избирателей по группам городов в избирательную кампанию 1925/26 г., %.....545
Таблица 4.3. Структура «организованных в профсоюзы» избирателей и красноармейцев в городах РСФСР в 1926–1929 гг…… 547
Таблица 4.4. Структура «не организованных в профсоюзы» избирателей в городах РСФСР в 1926–1929 гг……..... 571
Таблица 4.5. Социальные группы в деревне по данным СНК СССР в 1924–1927 гг…….. 589
Таблица 4.6. Численность избирателей в сельской местности в РСФСР в 1924–1931 гг., чел……..... 590
Таблица 4.7. Структура сельских избирателей в РСФСР в 1926–1929 гг., чел…….....592

Таблицы приложения

Таблица 1. Явка избирателей на выборы в городские Советы РСФСР в 1922–1935 гг., %.....710
Таблица 2. Гендерный состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1935 гг., %.....710
Таблица 3. Возрастной состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1931 гг., %.....711

Таблица 4. Уровень образования депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1931 гг., %.....712
Таблица 5. Социальный состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....712
Таблица 6. Партийный состав депутатов городских Советов в РСФСР в 1920–1935 гг., %.....713
Таблица 7. Явка избирателей на выборы в сельские Советы в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....713
Таблица 8. Гендерный состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....714
Таблица 9. Гендерный состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....714
Таблица 10. Возрастной состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1924–1931 гг., %.....715
Таблица 11. Возрастной состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1931 гг., %.....715
Таблица 12. Уровень образования депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1931 гг., %.....716
Таблица 13. Уровень образования председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1931 гг., %.....716
Таблица 14. Социальный состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....717
Таблица 15. Социальный состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1935 гг., %.....717
Таблица 16. Партийный состав депутатов сельских Советов в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....718
Таблица 17. Партийный состав председателей сельских Советов в РСФСР в 1924–1935 гг., %.....718
Таблица 18. Гендерный состав делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1922–1935 гг., %..... 719
Таблица 19. Возрастной состав делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1924–1931 гг., %.....719

Таблица 20. Уровень образования делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1922–1931 гг., %.....720
Таблица 21. Социальный состав делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....720
Таблица 22. Партийный состав делегатов волостных и районных съездов в РСФСР в 1922–1935 гг., %.....721
Таблица 23. Гендерный состав делегатов уездных и окружных съездов в РСФСР в 1920–1929 гг., %.....722
Таблица 24. Возрастной состав делегатов уездных и окружных съездов в РСФСР в 1923–1929 гг., %.....722
Таблица 25. Уровень образования делегатов уездных и окружных съездов в РСФСР в 1922–1929 гг., %.....723
Таблица 26. Социальный состав делегатов уездных и окружных съездов в РСФСР в 1922–1929 гг., %.....723
Таблица 27. Партийный состав делегатов уездных и окружных съездов в РСФСР в 1918–1929 гг., %.....724
Таблица 28. Гендерный состав делегатов губернских, областных, краевых и республиканских съездов в РСФСР 1920–1931 гг., %..... 724
Таблица 29. Возрастной состав делегатов губернских, областных краевых, и республиканских съездов в РСФСР в 1923–1931 гг., %..... 725
Таблица 30. Образовательный уровень делегатов губернских, областных краевых, и республиканских съездов в РСФСР в 1922–1931 гг., %..... 725
Таблица 31. Социальный состав делегатов губернских, областных краевых, и республиканских съездов в РСФСР в 1922–1931 гг., %.....726
Таблица 32. Партийный состав делегатов губернских, областных краевых, и республиканских съездов в РСФСР 1918–1931 гг., %.....726